

В. М. МАССОН

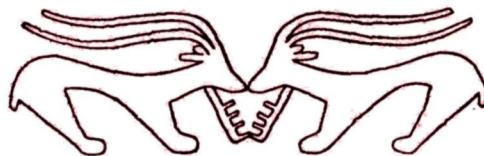
СРЕДНЯЯ АЗИЯ ДРЕВНИЙ ВОСТОК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. М. МАССОН

СРЕДНЯЯ
АЗИЯ
ДРЕВНИЙ
ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

Б. Б. НИОТРОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Советские археологи за последние два десятилетия открыли десятки памятников, характеризующих прошлое Средней Азии задолго до того времени, когда в наскальных надписях ахеменидских царей появляются названия среднеазиатских сатрапий. Так, настойчивые и планомерные работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова позволяют довольно разносторонне охарактеризовать культуру племен, обитавших в IV—II тыс. до н. э. в низовьях Аму-Дарьи и сопредельных районах. Разведочные работы и регулярные раскопки, проведенные целым рядом исследователей, приподнимают завесу над древнейшим прошлым плодородной жемчужины Средней Азии — Ферганской долины. Открытия последних лет показывают, что история племен, обитавших в IV—II тыс. до н. э. в низовьях Зеравшана, также перестает быть белым пятном среднеазиатской археологии. Наконец, систематические раскопки раннеземледельческих поселений южного Туркменистана, проводимые Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, позволили с большой полнотой выявить огромное значение этих памятников, многие десятилетия известных лишь по результатам ограниченных работ на таком сравнительно бедном объекте, как холмы Анау. Вся эта масса нового материала потребовала от исследователей напряженной работы по систематизации, определению хронологии и взаимоотношения отдельных комплексов и культур и, наконец, просто по первичной обработке и публикации. Работа эта далеко не завершена и несомненно будет продолжаться еще в течение многих лет наряду с уточнением вопросов классификации и других проблем, связанных с археологической обработкой добывших материалов.

Вместе с тем исследователи сразу же обратили внимание и на огромное историческое значение этих материалов, и в целом ряде

публикаций были подняты вопросы их исторической интерпретации, ставилась проблема их места в истории народов Средней Азии. В данной работе автор стремился обращаться именно к общей историко-археологической проблематике, по возможности избегая узкоспециализированных экскурсов и детального пересказа опубликованных материалов. При этом прошлое Средней Азии оказалось необходимым рассматривать не в узколокальных рамках географических границ, а на широком историческом фоне, следуя путями древних культурных связей и взаимоконтактов. Известную роль при этом сыграли и научные интересы автора, ведущего с 1955 г. при неизменном участии И. Н. Хлопина и В. И. Сарианиди раскопки раннеземледельческих поселений юго-запада Средней Азии, материальная культура которой с великолепной расписной керамикой дает столь яркие образцы аналогий и параллелей самого широкого порядка.

Конкретный материал и определил построение всей работы в целом. Общие закономерности и культурные контакты связывают Среднюю Азию с такими областями, как восточное Средиземноморье, Ирак, Иран, Афганистан и Индия, объединяемые для определенного исторического периода в общее понятие «Древний Восток». Отсюда и заглавие работы, носящее несколько условный характер, так как по существу Средняя Азия, во всяком случае частично, также входит в состав древневосточных стран.

В общих закономерностях, объединяющих Среднюю Азию и страны Древнего Востока, можно в самых общих чертах наметить три периода. Первый период связан с важнейшим в истории человечества процессом сложения производящего типа хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве, пришедшего на смену присвоющей экономике. Этот важнейший процесс охватил в IX—V тыс. до н. э. как страны Древнего Востока, так и часть Средней Азии, и в это время между различными районами и областями еще не наблюдается сколько-нибудь существенных различий. Неравномерность развития в пределах обширной зоны земледельческих общин, противостоящих племенам, по-прежнему занимающимся охотой, рыболовством и собирательством, была весьма незначительна. Поэтому оказалось необходимым для правильной исторической перспективы рассматривать одновременно с древнеземледельческой культурой Средней Азии и целый ряд других одновременных культур Ближнего Востока вплоть до Малой Азии и Палестины. Соответствующие вопросы и материалы охарактеризованы в первой части настоящей работы. Однако по мере развития раннеземледельческих племен с периода, который условно можно именовать энеолитическим, положение существенно меняется. Отдельные группы племен и в первую очередь племена, осваивающие плодородные территории в долинах крупных рек, резко вырываются вперед. В Эламе, Месопотамии, а за-

тем и в долине Инда быстро развивается культура, появляются первые города, строятся величественные дворцы и храмы, складываются ранние государственные образования. Земледельческие общины других областей развиваются более медленно и начинают все в большей степени испытывать влияние своих более развитых соседей.

С этого времени начинается второй период в соотношении Средней Азии и Древнего Востока. Юго-западная часть Средней Азии входила в обширный пояс раннеземледельческих общин, примыкавший к городским цивилизациям Древнего Востока. Племена Средней Азии, Ирана, Белуджистана и Афганистана играли в этом отношении особенно важную роль, находясь посередине между двумя крупнейшими центрами древней цивилизации — Индом и Двуречьем. Отсюда, из районов, занятых земледельческими общинами, древневосточные государства получали путем обмена или военных походов медь, строительный камень и лес, различные драгоценные камни и в первую очередь высоко ценившийся на Древнем Востоке лазурит. Сюда совершаются походы и с целью получения другой ценной добычи того времени — рабов. Грабительские походы не остаются безнаказанными, и часто в результате успешных набегов в странах древней культуры утверждаются пришлие «варвары»-завоеватели. Политическая, экономическая и этническая история древневосточных государств была тесно связана с обширным миром земледельческих общин. Этому кругу вопросов посвящена вторая часть данной книги. Здесь территориальные рамки, охватываемые более детальным анализом, существенно сужаются. История и культура Средней Азии рассматриваются преимущественно в связи с теми рядом расположеннымми областями, которым она более всего была близка по уровню развития. Такими областями являются в первую очередь Иран и Афганистан, а также Пакистан и Индия, повторяющая, несмотря на значительную территориальную удаленность, некоторые закономерности развития Средней Азии.

Наконец, третий период истории взаимосвязей Средней Азии и Древнего Востока относится ко времени, когда в самой Средней Азии в целом ряде районов проходит интенсивное разложение первобытнообщинного строя и становление раннеклассового общества. В этот период Средняя Азия уже непосредственно попадает в сферу политических событий Древнего Востока, связанных с историей Мидийской державы, а затем империи Ахеменидов. В данной работе этот период не рассматривается, поскольку общая характеристика ряда соответствующих материалов уже была предложена автором в одном из предшествующих изданий.¹

¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959.

Следует отметить, что в настоящем исследовании автор неставил своей целью как-либо особенно подчеркнуть и возвеличить роль Средней Азии или преуменьшить развитие культуры и хозяйства среднеазиатских племен. Советская историческая наука должна не украшать или улучшать историю, а стремиться воссоздавать прошлое народов в полном соответствии с имеющимися научными данными. Только таким образом может быть показан вклад отдельных народов в сокровищницу мировой культуры.

В соответствии с имеющимися археологическими материалами, характеризующими прошлое Средней Азии в V—III тыс. до н. э., в данной работе особенно большое внимание уделено истории и культуре раннеземледельческих племен. При этом при анализе материалов, характеризующих аналогичные культуры соседних стран и добытых буржуазными археологами, представилось необходимым в ряде случаев критически пересмотреть их оценку и интерпретацию со стороны западных исследователей. При использовании соответствующих публикаций легко можно видеть, как западноевропейские и американские авторы увлекаются вопросами стратиграфии и за сменой керамических типов и стилей теряют реальную историческую перспективу. Изучение истории древних племен и народностей зачастую подменяется чрезмерно детализированными стратиграфическими сопоставлениями и расуждениями о влиянии одних керамических стилей на другие. Особенно поразительно и вместе с тем показательно для методологии ряда буржуазных археологов, работавших на Ближнем Востоке, пренебрежение изучением типов жилых домов и поселений, являющихся важнейшим источником по истории хозяйства и общественных отношений. В тех случаях, когда буржуазные ученые обращаются к исследованию общих закономерностей, обычно в более или менее завуалированной форме сказываются идеалистические корни современной исторической науки Запада. В последующем изложении автор пытался это показать на ряде конкретных примеров.

В западной литературе нет специальных общих работ, посвященных истории раннеземледельческих племен Древнего Востока, в интересующем нас разрезе, хотя имеются ценные сводки по систематике соответствующего археологического материала.² Например, в сводной работе Р. Гиршмана по истории Ирана до арабского завоевания древним земледельцам этой страны уделен лишь

² Прежде всего здесь следует отметить такие работы, как: D. E. M c C o w n. *The comparative stratigraphy of early Iran*. SAOC, № 23, Chicago, 1942; ed. 2, 1957; A. L. R e g i n s. *The comparative archeology of early Mesopotamia*. SAOC, № 25, Chicago, 1949; ed. 2, 1957. Более широкий характер носит работа: A. R a g g o t. *Archéologie mésopotamienne. Technique et problems*. Paris, 1953. В интересующем нас аспекте менее полезна монументальная сводка: G. C o n t e n a u. *Manuel d'archéologie orientale*, тт. I—IV. Paris, 1927—1947.

небольшой раздел, да и то посвященный главным образом описанию памятников, исследовавшихся самим автором.³ Лишь общий справочный и библиографический материал можно почерпнуть в книге Л. Ванден Берге «Археология древнего Ирана».⁴ В сводной работе Э. Херцфельда по древнему Ирану⁵ уделяется известное внимание племенам, изготавлившим расписную керамику, приведено много интересных наблюдений и соображений, особенно в связи с семантикой расписных орнаментов. Вместе с тем опять-таки это отдельные частные наблюдения и характеристики, а не общая картина истории и культуры ранних земледельцев. Значительно больше повезло раннеземледельческим племенам Индии. В талантливой книге С. Пиггота «Доисторическая Индия» правильно определено соотношение городской цивилизации долины Инда и земледельческой периферии Белуджистана. Предложенная С. Пигготом сводка материалов выгодно отличается от многих специальных обзоров историческим подходом и до последнего времени остается наиболее полной.⁶ Но и С. Пиггот в основном ограничивает свое изложение пределами Индии и Пакистана и не уделяет достаточного внимания вопросам истории хозяйства.

Наибольшее внимание общим вопросам истории древнеземледельческих племен Древнего Востока уделил Г. Чайлд.⁷ Как известно, Г. Чайлд, испытавший сильное влияние марксизма, выступал в целом ряде случаев с позиций исторического материализма, хотя и допускал отдельные ошибки. В полной мере это свойственно и его книге о Древнем Востоке. В общем Г. Чайлд правильно показал основные закономерности социально-экономических изменений, хотя и уделял недостаточное внимание вопросам общественных отношений. Вместе с тем пристрастие к теории диффузии в ряде случаев ослабляет вполне верные общие выводы самого Г. Чайлда. В своей книге Г. Чайлд, прослеживая основные общие закономерности, естественно уделял центральное внимание таким странам, как Египет и Месопотамия. Вопросы «земледельческой периферии» городских цивилизаций разработаны им более поверхностью и в более общих чертах. В этом отношении его глава, посвященная раннеземледельческим племенам Ирана и Индии, является едва ли не самой слабой во всей книге. О Средней Азии Г. Чайлд говорил в одной фразе, допуская и в ней ошибку.⁸

³ R. Chirshman. *L'Iran des origines à l'Islam*. Paris, 1951, pp. 16—49; в 1954 г. вышел английский перевод этой книги.

⁴ L. Vanden Berghe. *Archéologie de l'Iran ancien*. Leiden, 1959.

⁵ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London—New York, 1941.

⁶ S. Piggott. *Prehistoric India to 1000 b. c.* London, 1950; ed. 2, 1952.

⁷ V. G. Childe. *New light on the most Ancient East*. London, 1954.

Русский перевод (Г. Чайлд. *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М., 1956), к сожалению, не лишен ряда ошибок и погрешностей.

⁸ Г. Чайлд. *Древнейший Восток...*, стр. 292 (после описания Сиалка II): «Ходство в керамике позволяет прийти к заключению о параллелизме,

Наконец, в последнее время большое внимание изучению одной из проблем истории древних земледельцев Ближнего Востока, а именно вопросу о происхождении оседлоземледельческого хозяйства, уделяет Р. Брейдвуд,⁹ взгляды которого будут более подробно рассмотрены в дальнейшем изложении. Здесь лишь отметим, что, испытав влияние взглядов Г. Чайлда, Р. Брейдвуд в ряде случаев правильно подходит к изучению важнейших исторических проблем, но не может до конца преодолеть идеализм буржуазных исторических концепций.

Кроме отмеченных методологических недостатков, многие из названных выше работ устарели и в фактическом отношении. Поэтому настоящая книга содержит ряд сводных очерков по раннеземледельческим культурам некоторых стран Ближнего и Среднего Востока. При этом характер и тематика этих очерков подчинены основным целям книги в целом. Так, в первой части предлагается общая характеристика археологических материалов, рисующих становление производящего хозяйства в Малой Азии, Сирии, Палестине, Ираке и Иране. Эти материалы стали известны в значительной мере в результате открытых и публикаций последнего десятилетия, и сведения о них разбросаны по многочисленным специальным изданиям, статьям и предварительным сообщениям. Сознательное исключение было сделано для материалов Египта. Его территориальная отделенность от Средней Азии и специфика египетской археологии, в которой автор не считает себя достаточно компетентным, обусловили это ограничение.

Во второй части даны материалы по истории Ирана, Афганистана и Индии как стран, находившихся в наиболее тесной связи с областями Средней Азии и в ряде отношений близких среднеазиатским земледельческим общинам по уровню развития. В соответствующих главах, помимо сводки материалов, делается попытка проследить и некоторые закономерности исторического процесса.

В заключение следует подчеркнуть, что сама попытка создания настоящей работы была обусловлена как интенсивным развитием археологических изысканий в Средней Азии, ведущихся с позиций марксистской методологии, так и значительным прогрессом советской исторической науки, ставящей задачи выявления закономерностей мировой истории.

если не о своего рода связи с первым поселением Анау в Мервском оазисе — единственным из многочисленных теллей Туркмении, где были проведены раскопки». Между тем, как известно, Анау расположено под Ашхабадом, почти в 300 км от Марыйского оазиса, не говоря уже о том, что раскопки новых памятников отнесли Анау на второй план.

⁹ R. J. Braudwood. *The Near East and foundations for civilization*. Oregon, 1952; R. J. Braudwood, L. S. Braudwood. *Earliest village communities of Southwestern Asia*. *Journ. of World History*, 1953, № 1; R. J. Braudwood, B. Howe. *Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan*. SAOC, № 31, Chicago, 1960.

ЧАСТЬ

1

ОБРАЗОВАНИЕ
РАННЕ-
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
КУЛЬТУР

Г л а в а 1

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Родиной древнейших земледельческих культур Старого Света были области Ближнего Востока, где целый ряд благоприятных природных и исторических условий способствовал весьма раннему переходу к искусственноому возделыванию злаковых растений. Тяготение культур Средней Азии к одновременным культурам Ближнего Востока определилось уже в каменном веке, и ряд исследователей справедливо отмечает близость мустырских изделий из Тешик-ташской пещеры в южном Узбекистане и с размываемых террас среднего течения Сыр-Дары к орудиям, находимым на памятниках этого времени в Иране, Палестине и Сирии.¹ Еще в большей мере это относится к среднеазиатским памятникам поры верхнего палеолита, к культурам так называемого капсийского типа. Многочисленные кремневые изделия из развеянных остатков мастерской на Красноводском полуострове,² материалы из аналогичной мастерской в отрогах Караг-Тау³ и, наконец, призматические нуклеусы, концевые и округлые скребки и острия с затупленным краем из стоянки Ходжи-Гор в северо-западном Таджикистане⁴ имеют много общего с кремневой индустрией племен, оби-

¹ А. П. Окладников. 1) Исследование мустырской стоянки и похоронения неандертальца в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан. В кн.: Тешик-Таш. М., 1949, стр. 81; 2) Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г. Труды АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 13.

² А. П. Окладников. Древнейшее прошлое Туркменистана. ТИИАЭ, т. 1, Ашхабад, 1956, стр. 196—201.

³ М. Р. Касымов. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт. Обществ. науки в Узбекистане, 1961, № 8, стр. 62—63.

⁴ А. П. Окладников. 1) Предварительный отчет..., стр. 16—17; 2) Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА СССР, № 66, М.—Л., 1958, стр. 64—66.

тавших в этот период на территории Ирана, Ирака, Сирии и Северной Африки.

Вместе с тем возможно, что в Средней Азии имелась группа племен, развивавших иные традиции изготовления кремневых орудий, более грубых и неуклюжих, чем тонкие пластины, бывшие в употреблении у обитателей Красноводского полуострова и северо-западного Таджикистана. В Самарканде М. В. Воеводский, а затем Д. Н. Лев раскопали часть стоянки охотничьих племен поры верхнего палеолита, основной добычей которых являлись быки, верблюды, дикие лошади и олени. Есть основания считать, что жилищем этим охотникам служили землянки, а огонь разводился в сложенных из камней очагах.⁵ Аналогичные очаги были обнаружены и в верхнепалеолитических слоях пещеры Мачай, на юге Узбекистана. Кремневые орудия самаркандской стоянки обнаруживают определенное сходство с материалами Сибири. Культурные отложения грота Кара-Камар в северном Афганистане как будто свидетельствуют о существовании племен с различными традициями обработки кремня.⁶ Однако даже если на высокогорных долинах и в ущельях Памира и Гиндукуша в пору верхнего палеолита существовало население иного, некаспийского культурного круга, то все же не оно определило дальнейшее прогрессивное развитие Средней Азии. Это развитие, завершившееся появлением первых оседлоземледельческих культур, было связано с племенами, чьи культурные традиции были теснейшим образом связаны с культурой своих современников, обитавших на Ближнем Востоке. Именно в этой среде складываются мезолитические племена, явившиеся непосредственными предшественниками ранних земледельцев и скотоводов (рис. 1).

В настоящее время совершенно ясно, что мезолит большей части Средней Азии с кремневой индустрией, характеризующейся ярко выраженной микролитоидностью и мелкими орудиями геометрических форм, входит в одну зону с такими областями, как Ближний Восток, Северная Африка, а на территории СССР — Кавказ и Крымский полуостров. Микролитические орудия, видимо позднемезолитического времени, обнаружены в центре Ка-

⁵ См. описание М. Э. Воронца на основании данных М. В. Воеводского в «Истории Узбекской ССР» (т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 19); см. также: Лев Д. Н. Стоянка древнего человека. Природа, 1960, № 8.

⁶ C. Coop. Seven caves. London, 1957, pp. 249—250; В. А. Ранов. Раскопки палеолитической пещерной стоянки в Афганистане. ИООН АН Тадж. ССР, вып. 1 (22), 1960, стр. 150. Возможно, что появление на северных склонах Гиндукуша племен «грубых отщепов и пластин» — явление того же порядка, что и распространение в северо-западной Индии так называемой позднесоанской индустрии. См. V. D. Krishnawami. Progress in Prehistory. AI, 1953, № 9, р. 63; M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka. New York, 1959, р. 63.

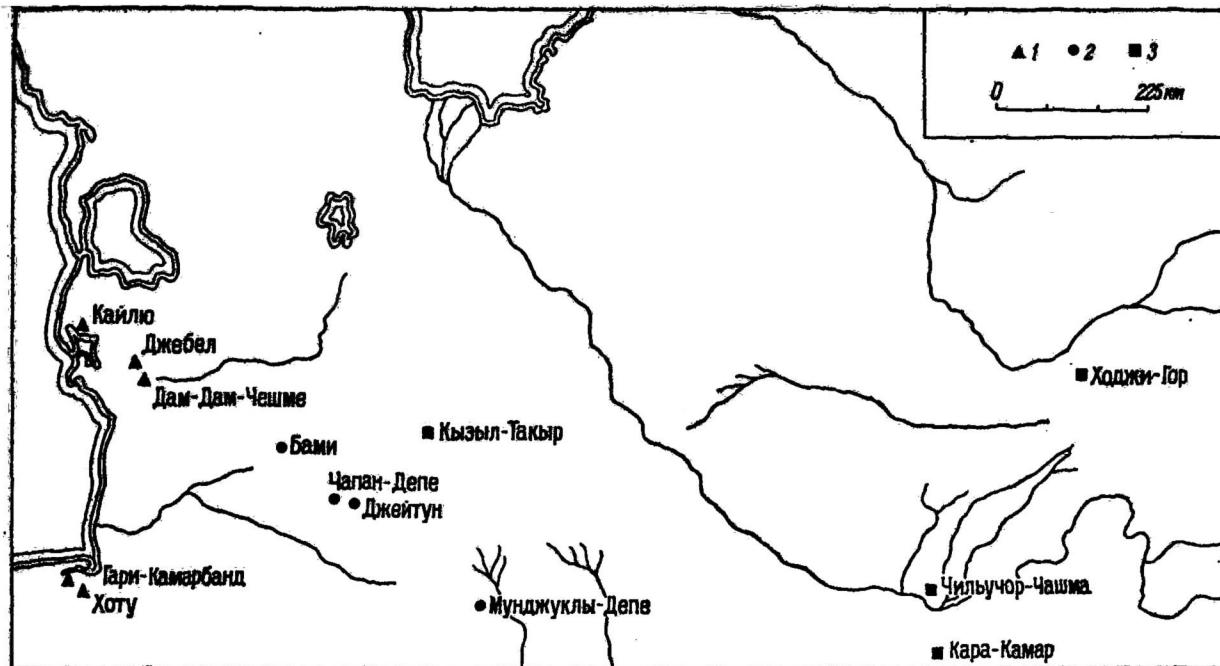

Рис. 1. Средняя Азия в X—V тыс. до н. э.

1 — памятники прикаспийского неолита; 2 — памятники джектунской культуры; 3 — прочие памятники каменного века.

ракумов.⁷ Остатки развеянных стоянок с геометрическими микролитами открыты А. П. Окладниковым на юго-западе Таджикистана,⁸ а целый ряд пещер западной Туркмении, раскопанных этим же исследователем, позволяет дать достаточно развернутую характеристику прикаспийской мезолитической культуры, в которую наряду с такими памятниками Туркмении, как грот Кайлю,⁹ пещеры Джебел¹⁰ и Дам-Дам-Чешме I и II,¹¹ следует включать и североиранские памятники — Гари-Камарбанд¹² и Хоту¹³ (рис. 2).

Опираясь на стратиграфию многометровых культурных отложений, сохранившихся в пещерах и навесах, дававших приют охотникам и рыболовам Прикаспия, можно, хотя и с известной степенью условности, выделить ряд последовательных этапов развития этой культуры.

В пору раннего мезолита, относящегося, судя по результатам радиокарбонового анализа, к X—VIII тыс. до н. э., широкое распространение получают микролитические орудия геометрических форм. В Гари-Камарбанде, где к раннему мезолиту относятся слои 22—27, геометрические орудия составляют 11,3% от общего числа кремневых изделий, обнаруженных при раскопках. Наиболее характерны крупные асимметричные трапеции, часто с вогнутыми сторонами. В южном Туркменистане к раннему мезолиту, видимо, следует относить находки из пещеры Дам-Дам-Чешме I и нижние слои пещеры Дам-Дам-Чешме II и грота Кайлю. Здесь наряду с трапециями асимметричных форм и вогнутыми боковыми сторонами часто встречаются также узкие и длинные сегменты.

Не приходится сомневаться в том, что мелкие геометрические орудия использовались в качестве вкладышей сложных составных

⁷ Д. И. Щербаков. Отчет о работе Каракумской серной экспедиции осенью 1926 г. В кн.: Серная проблема в Туркменистане. Материалы Особого комитета по исследованию Союза и автономных республик, сб. II, вып. 17, Л., 1928, стр. 34; А. А. Марушинко. У истоков культуры. Туркменоведение, 1931, №№ 7—9; А. П. Окладников, С. Г. Кляшторный. Археологические работы в Центральных Каракумах. В кн.: Проблемы нефтегазоносности Средней Азии, вып. 2. Л., 1961, стр. 286—292.

⁸ А. П. Окладников. Исследования памятников..., стр. 42—58, 70.

⁹ А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТССР, 1953, № 2, стр. 31—32.

¹⁰ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

¹¹ А. П. Окладников. 1) Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 97—99; 2) Изучение памятников..., стр. 30; 3) Древнейшее прошлое Туркменистана, стр. 204—205.

¹² С. Сооп. 1) Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951; 2) Seven caves, pp. 129—167.

¹³ С. Сооп. 1) Excavations in Hotu cave. Proc. of the Amer. Philosoph. Soc., v. 96, № 3, 1952; 2) Seven caves, pp. 168—204.

орудий и в первую очередь стрел и дротиков. И действительно, как можно судить по находкам из Гари-Камарбанда, обитатели этой пещеры были охотниками, добычей которых являлись джейраны,

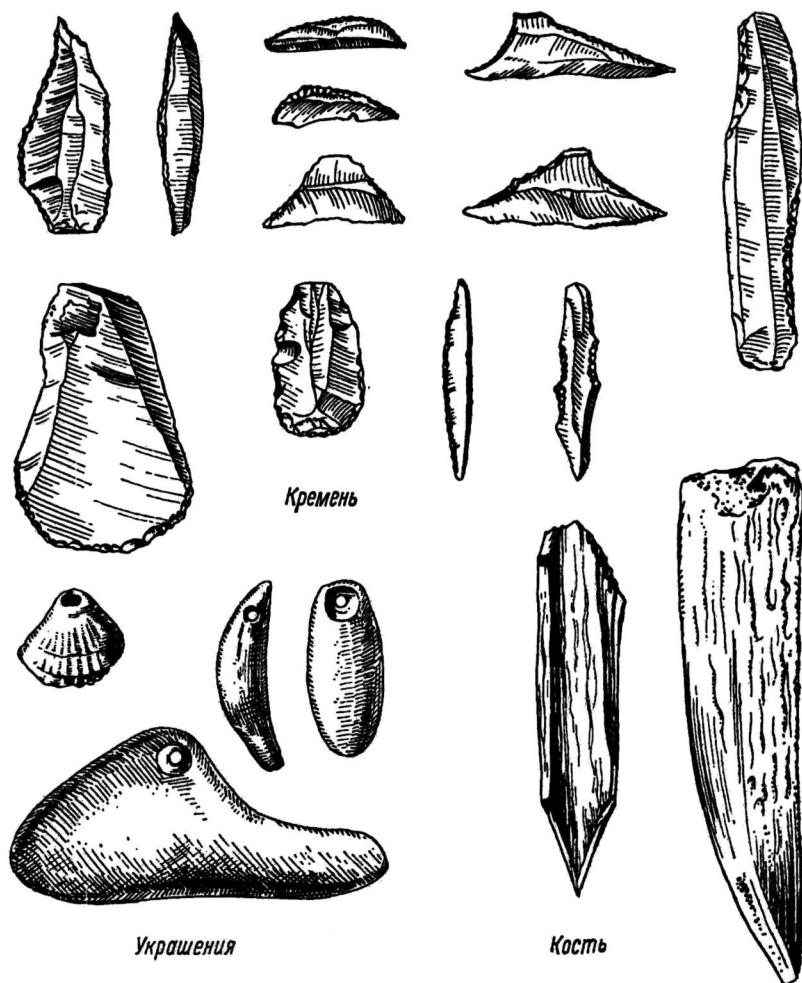

Рис. 2. Прикаспийский мезолит. Сводная таблица.

дикие быки и олени. Известный процент мясной пищи доставляла и охота на птиц. В охотничьих экспедициях человека уже сопровождала собака (*Canis familiaris*). Из шкур добывших животных изготавливались одежда. В нижних слоях грота Кайлю обнаружена костяная иголка с ушком, которой, видимо, пользовались мезолитические охотники, соединяя сухожилиями обработанные шкуры.

Во время среднего мезолита, лучше всего представленного слоями 18—21 Гари-Камарбанда, изготовление из кремня геометрических орудий временно прекращается. Видимо, тот же этап мы имеем в нижних слоях (8—7) пещеры Джебель. В других отношениях кремевые орудия почти ничем не отличаются от аналогичных изделий раннего мезолита. Следует отметить наличие подвесок из шлифованного камня с просверленным отверстием. В слоях этого времени в пещере Гари-Камарбанд был найден скелет двенадцатилетней девочки, покрытый красной охрой, которой, видимо, был посыпан труп погребенной. Позднее подобная практика захоронения умерших в пределах места обитания родовой общины получает широкое распространение у раннеземледельческих племен. Объектом охоты по-прежнему служили джейраны, быки и олени, а в Джебеле также и мелкий рогатый скот — козы или овцы.¹⁴ При этом первое место в добыче охотников, судя по количеству костей, занимал джейран.

Кости этого степного животного в таком огромном числе были встречены в слоях позднего мезолита (11—17 слой) пещеры Гари-Камарбанд, что К. Кун с известными основаниями именует обитателей этого времени «охотниками за джейранами». По данным радиокарбонового анализа, эти слои относятся к 6620(±380) г. до н. э. В конце этого периода (слой 11) вновь появляются геометрические орудия, но иного типа, чем в раннемезолитических наслойниях. Среди украшений наряду со шлифованными каменными подвесками мы находим и подвески из зубов диких животных, и раковины с просверленным отверстием. Весьма интересна находка в слоях 11—12 пяти конусов из необожженной глины. Это свидетельствует о начальных этапах использования пластического материала, сыгравшего затем столь значительную роль в жизни людей, начавших широко использовать его в своем быту и в первую очередь для постройки жилищ и изготовления посуды. Не менее важно и то обстоятельство, что такие же конусы, но уже из обожженной глины мы встречаем у целого ряда раннеземледельческих племен Ближнего Востока.

Некоторые наблюдения К. Куна свидетельствуют и о намечающихся изменениях в хозяйстве, как бы предвосхищающих последующие коренные изменения в экономике общества. Судя по высокому проценту молодых особей среди костных остатков коз и овец, можно предполагать, что уже в пору позднего мезолита началось приручение этих животных,¹⁵ положившее начало новой отрасли хозяйства — скотоводству.

¹⁴ В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 220—221.

¹⁵ С. Сооп. 1) Cave explorations..., р. 50; 2) Seven caves, р. 150.

Но даже если это вполне вероятное предположение и подтверждается, перед нами будут лишь самые начальные, можно сказать, зачаточные этапы этого сложного и длительного процесса. Основную пищу прикаспийским племенам по-прежнему доставляла охота на джейранов, быков, оленей и различных птиц (утки, гуси, лебеди, малая дрофа, куропатка, голубь, грач и т. д.). Табл. 1 может дать представление о количественном соотношении костей различных животных, найденных в пещере Гари-Камарбанд (учет по osobям в работе К. Куна не произведен).

Таблица 1

Слои	Джей-ран	Коза	Овца	Бык	Олень	Ло-шадь	Сви-нья	Собака	Пти-цы
Ранний неолит (слои 8—10) . .	1	14	12	6	—	1	—	—	15
Поздний мезолит (слои 11—17) . .	745	13	25	134	10	—	—	3	88
Средний мезолит (слои 18—21) . .	32	—	—	4	1	—	—	1	8
Ранний мезолит (слои 22—27) . .	8	—	—	5	4	1	—	6	11

Отметим, что, возможно, уже в этот период наблюдается некоторая неравномерность в развитии отдельных племен. Так, в пещере Хоту в слоях, относящихся к VII тыс. до н. э., встречены грубые кремневые орудия, изготовленные на отщепах, отличающиеся от изящных изделий, употреблявшихся обитателями Гари-Камарбанда. К. Кун полагает, что пещера Хоту, нижние слои которой дали находки, идентичные материалам Гари-Камарбанда, была временно занята племенем с более архаической кремневой индустрией.¹⁶ В общей форме такое заключение весьма вероятно, но до публикации материала из Хоту оно остается не вполне обоснованным. В одном из комков глины, найденных в этих слоях Хоту, К. Кун усматривает грубо воспроизведенную женскую фигуру. Здесь же, как и в Гари-Камарбанде, найдено два конуса из глины.

Три следующих слоя (8—10) Гари-Камарбанда выделяются исследователями в особый период по обнаружению кремневого вкладыша серпа («ранний неолит» — по К. Куну), но по существу составляют один период со слоями позднего мезолита. Это касается, в частности, распространения геометрических орудий, отличных от подобных изделий раннего мезолита. Среди овец и коз около 25% составляют молодые особи, обычно не умерщвляемые охотниками. Возможно, в связи с развитием подобных зачатков скон-

¹⁶ C. Coop. Seven caves, p. 202.

товорства начинается упадок охоты на джейранов. Радиокарбоновым анализом этот слой датируется $5840 (\pm 330)$ г. до н. э.

К этому позднему этапу развития прикаспийской мезолитической культуры, уже перерастающей в ранний неолит, относятся, как нам кажется, и слои б—5 пещеры Джебел. Здесь распространены мелкие трапеции более правильных форм по сравнению с раннемезолитическими орудиями этого типа. Фрагментированность костного материала затрудняет его определение, но показательно, что, например, в слое 5 кости овец и коз количественно преобладают над костями джейранов. В. И. Цалкин допускает, что козы и овцы из слоев 3 и 4 Джебела относятся уже к числу домашних пород, и вполне закономерно заключение, что процесс приручения начался еще в предшествующий период. Природные условия Джебельской пещеры сказались на развитии у ее обитателей еще одной отрасли хозяйственной деятельности — рыболовства. Сазан и карповые рыбы, чьи кости обнаружены в слое 5, скорее всего были выловлены в соседнем Узбое, который в тот период был еще полноводной рекой. Те же природные условия повлияли и отрицательно на развитие хозяйства: среди материалов из Джебела совершенно нет вкладышей от серпов. Видимо, пустынные районы Балхан были лишены дикорастущих злаков, которыми могли бы воспользоваться их древние обитатели.

Приведенный материал с достаточной определенностью характеризует историческое место прикаспийской культуры. Стратиграфия последовательных наслойений пещер позволяет нам наблюдать медленную эволюцию охотничьих племен на протяжении X—VI тыс. до н. э. Эти племена постепенно начинают приручать мелкий рогатый скот и, на юге Каспия, пользоваться кремневыми серпами, видимо для сбора дикорастущих злаков. В конце VI—первой половине V тыс. до н. э. у них появляются первые глиняные сосуды и топоры из полированного камня. Вместе с тем, несмотря на несомненный хозяйственный прогресс, в среде этих племен сбор дикорастущих злаков получает распространение сравнительно поздно и, можно полагать, в ограниченных масштабах. Видимо, это явилось отражением неблагоприятных природных условий. С этой, правда весьма существенной, поправкой можно считать, что прикаспийские племена являются довольно характерными для культуры юга Средней Азии поры мезолита. Племена со сходной культурой образовывали тот фон, или, вернее, ту основу, на которой произошло сложение самой ранней (из числа известных) оседлоземледельческой культуры Средней Азии. По наиболее характерному памятнику эта культура получила название джейтунской.

Памятники этой культуры расположены на юго-западе Средней Азии, вытянувшись узкой полоской вдоль копет-дагских предгорий в районе между Меана и Кызыл-Арватом. Здесь в древности,

как и в современный период, область пригодных для обработки земель была ограничена с одной стороны горным массивом, с другой — первыми песчаными грядами Каракумов. Из числа памятников оседлоземледельческих племен наиболее известно и лучше других изучено поселение Джейтун, расположенного в 30 км к север-северо-западу от Ашхабада.¹⁷ Кроме Джейтуна, раскопки производились также на поселении Чопан-Депе, находящемся в 7.5 км к востоку от районного центра Геок-Тепе Ашхабадской области.¹⁸ Отдельные находки в окрестностях станции Келята, на городище Новая Ниса, в развалинах знаменитой парфянской и средневековой Нисы, у селения Бами и у колодца Ярты-Гумбез, к северу от Анау, дополняют общую картину распространения памятников этого типа.¹⁹ Наконец, в районе селения Меана в нижних слоях раннезнеолитического поселка Мунджуклы-Депе обнаружены черепки нерасписной посуды позднеджейтунского типа, а небольшой памятник Чагалы-Депе полностью относится к этому времени.

Относительная стратиграфия раннеземледельческих поселений юго-запада Средней Азии и аналогии со слоем 5 пещеры Джебел и слоями 10—11 пещеры Гары-Камарбанд позволяют ориентировочно датировать джейтунскую культуру V, если даже не VI тыс. до н. э.

Раскопки показали, что можно говорить о двух хронологических этапах развития джейтунской культуры. Ранний этап представлен поселением Джейтун и нижними слоями Чопан-Депе, в то время как поздний этап характеризуется верхними слоями последнего поселения. Однако эти вопросы внутренней хронологии ни в коей мере не должны заслонять того обстоятельства, что вся джейтунская культура выступает как единое историко-культурное явление. И в этом явлении мы прежде всего наблюдаем новые прогрессивные черты, характеризующие коренные изменения, по сравнению с тем периодом, когда племена мезолитических охотников укрывались в пещерах и скальных навесах. Эти новые черты опреде-

¹⁷ Б. А. Кутин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 263—264, 284—286; В. М. Массон. 1) Джейтун и Кара-Депе. СА, 1957, № 1, стр. 144—146; 2) Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. ИАН ТССР, 1960, № 1, стр. 69—77; 3) Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961); Г. Ф. Кробков. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Там же; А. Я. Шетинко. Терракотовая головка с поселения Джейтун. ИАН ТССР, 1960, № 4, стр. 82—83.

¹⁸ С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе. ТИИАЭ, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 11—23; Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии ИИАЭ АН ТССР, 1954—1957 гг. Там же, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 7—8.

¹⁹ С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе, стр. 20—22.

лялись тем обстоятельством, что джейтунцам было известно земледелие.

На поселении Джейтун в глиняной обмазке полов обнаружены зерна ячменя и, видимо, пшеницы. Отпечатки стеблей и зерен тех же растений были найдены и в нижних слоях поселения Чопан-Депе. Сам характер поселений, состоящих из долговременных глинобитных построек, сменявших друг друга на протяжении столетий, свидетельствует о том, что перед нами оседлоземледельческая культура. Не случайно среди кремневых изделий Джейтуна первое место в количественном отношении занимают вкладыши жатвенных ножей.

К сожалению, о характере земледелия можно сказать лишь очень немногое и то в значительной мере в гипотетическом виде. Длительность существования поселений на одном и том же месте показывает, что их обитатели нашли способ систематического получения урожая в нужных количествах. В конкретных природных условиях это могло быть связано только с искусственным орошением полей. Неполивное, так называемое богарное земледелие в южном Туркменистане возможно лишь на плоскогорьях, где выпадает достаточное количество осадков, тогда как все известные поселения джейтунской культуры расположены на равнине.

Весьма примечательным является расположение поселения Джейтун в зоне первых каракумских барханов на окраине древней дельты ручья Кара-Су. Следует считать, что именно паводковые разливы этого ручья использовались древними обитателями Джейтуна для орошения своих посевов. В шурфе, заложенном в 500 м к югу от Джейтуна, был обнаружен погребенный почвенный слой, представляющий собой аллювий, переработанный деятельностью человека. Гумусные примазки и отсутствие солей позволяют считать его остатками древних обрабатываемых земель обитателей Джейтуна. При примитивном орошении лиманного типа достаточно было огородить валиками определенные участки и, отрегулировав сток воды, разбросать по непросохшей еще глине семена злаков.²⁰ При этом земляные работы сводятся к минимуму и, надо полагать, не случайно на Джейтуне совершенно не встречаем каменных наконечников мотыг, столь характерных для таких раннеземледельческих поселений, как Сиалк в Иране и Хассана на севере Ирака. Вероятно, инструменты древнейших земледельцев Средней Азии были ограничены палками-копалками, не сохранившимися в культурном слое поселений.

В отличие от Джейтуна Чопан-Депе расположено к югу от первых песчаных гряд Каракумов. В настоящее время этот район оро-

²⁰ Изучению этих типов орошения много внимания уделял Д. Л. Букинич: История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4.

шается небольшим арыком, выведенным из ручья Алты-Яб. В древности здесь, видимо, протекал один из боковых протоков широко разветвленной дельты этого ручья, не разбиравшегося еще в столь значительной степени на орошение, как в настоящее время. К западу от Чопан-Депе заметны оплывшие следы древнего русла. Возможно, здесь, как и около поселка, существовавшего на территории Новой Нисы, приходилось устраивать на ручьях специальные запруды, чтобы заливать засеваемые участки. Это, конечно, представляло определенные трудности, но в то же время ставило человека в меньшую зависимость от сроков и размеров весенних паводков.

Вместе с тем для хозяйства джейтунского поселения характерна большая роль охоты. Остеологические коллекции Джейтуна, изученные А. И. Шевченко, дали представленную в табл. 2 картину удельного веса отдельных животных в мясной пище обитателей Джейтуна.²¹

Таблица 2

Животные	Количество особей	Вес (в кг)	% (по весу)
Бевоаровый козел	58	3145	41
Баран дикий	18	900	11.7
Козы-овцы	23	1196	15.6
Джейран	27	675	8.8
Различные копытные	51	1351.5	18.9
Свинья	2	300	4
Всего	179	7655.5	100

По заключению А. И. Шевченко, фрагменты роговых стержней козлов имеют признаки слабого положительного скручивания, что, вероятно, свидетельствует о какой-то степени доместикации. Учитывая то обстоятельство, что морфологические изменения наступают лишь после длительного этапа изменения внешних условий, можно считать, что обитатели Джейтуна разводили коз и овец и, таким образом, скотоводство дополняло земледелие. Однако эти овцы и козы составляли всего лишь незначительный процент мясной пищи. Свыше 65% или большую часть этой пищи давала

²¹ А. И. Шевченко. К истории домашних животных южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 466. Таблица составлена на основании материалов из раскопок в 1957—1958 гг.

охота, причем среди добываемых животных на первом месте стоит безоаровый козел, затем следуют джейран, сайга и баран (*Ovis orientalis* Cmel.). Следовательно, джейтунцы, будучи уже земледельцами, еще подобно обитателям мезолитических пещер в значительной мере оставались охотниками. Как и прикаспийских охотников поры мезолита, их сопровождала собака (*Canis familiaris*). Таким образом, древнейшие земледельцы Средней Азии еще не порвали окончательно с охотническо-собирательским хозяйством поры мезолита и джейтунская культура представляет собой своеобразный симбиоз старых и новых явлений в хозяйственной основе общества, симбиоз, где старые черты отмирают, но тем не менее еще играют существенную роль.

Позднее, в период энеолита, значение охоты в жизни оседлоzemледельческих общин южного Туркменистана все более падает. Например, на поселении времени Намазга I Дашлыджи-Депе скотоводство давало уже 88% мясной пищи и хозяйство общества этого периода мы можем с полным правом именовать земледельческо-скотоводческим. Возможно, снижение роли охоты произошло уже на позднем этапе джейтунской культуры, но до специальных палеозоологических работ трудно об этом судить с достаточной определенностью. На Чопан-Депе наряду с костями козы, овцы, джейрана, собаки и лисицы в верхних слоях были встречены также кости быка.²² Не являются ли они свидетельством начавшегося одомашнивания и крупного рогатого скота?

Сочетание в хозяйстве Джейтуна новых, прогрессивных явлений и глубоко пережиточных черт непосредственным образом отразилось и на всем облике материальной культуры, вырисовывающейся перед нами на основании данных, полученных при раскопках этого поселения. Так, целый ряд элементов этой культуры имеет весьма архаический облик, генетически восходя еще к культуре племен охотников и собирателей поры мезолита.

Таков прежде всего кремневый инвентарь, представляющий собой высокоразвитую микролитическую индустрию с рядом пережиточных (мезолитических) черт. Пластины для изготовления орудий скальвались с призматических и реже конических нуклеусов, причем в большинстве случаев эти пластины отделялись лишь с одной стороны, а другая сохраняла валунную корку. Кремень доставляли из Копет-Дага и старались использовать с наибольшей полнотой. Так, неоднократно встречаются орудия, сделанные из обломков других орудий, пришедших в негодность. Чаще всего это были вкладыши от серпов, которые быстро изнашивались при интенсивной работе. В этом случае их употребляли для изготовления сверл или микроскребков.²³

²² С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе, стр. 19.

²³ Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 121.

Среди кремневых изделий значительное место занимают различные скоблящие орудия. Таковы прежде всего пластины с выемками, подправленные ретушью как со спинки, так и с брюшка. Эти пластины скорее всего являлись скобелями для обработки деревянных предметов, как например древков стрел. Но особенно многочисленны на Джейтуне разнообразные скребки, служившие для обработки кож на различной стадии их выделки. Среди них Г. Ф. Коробкова выделяет боковые скребки, представляющие собой пластины, обычно лишенные ретуши, которые при работе держались горизонтально. Ими пользовались, видимо, без рукоятки, и служили эти орудия скорее всего для очистки шкуры от мездры и мышечных волокон. При последующей обработке шкур использовались концевые и разнообразные микролитические скребки. Имеется одно орудие, которым пользовались сначала как боковым, потом как концевым скребком.

Среди микролитических скребков, составляющих около половины всех скоблящих орудий, выделяются концевые скребки, скребки с лезвием на продольном крае пластины, скребки с круговой ретушью и, наконец, скребки в виде острия. Последние, являясь весьма характерным орудием кремневой индустрии Джейтуна, употреблялись скорее всего для окончательной обработки шкуры, при очистке мелких извилин и бороздок на выделываемой коже.

Далее следует назвать кремневые сверла, употреблявшиеся при просверливании украшений из камня и раковин и стенок треснувшей посуды, которую чинили, видимо, связывая кожаными ремешками, пропускаемыми через просверленные отверстия. Судя по этим отверстиям, наряду с одноручным сверлением применялось и двуручное, когда сверло насаживалось на палку, вращаемую между ладонями или с помощью тетивы.

Широко были распространены на Джейтуне и геометрические орудия в виде трапеций и реже — удлиненных треугольников. Мелкие симметричные трапеции аналогичны подобным изделиям, распространяющимся у прикаспийских племен в конце мезолита — начале неолита. Орудия геометрических форм употреблялись в качестве вкладышей для составных орудий или как наконечники стрел. В Дании известны находки деревянных стрел с высокими треугольниками в качестве наконечника. Употребление геометрических орудий в качестве вкладышей для составных наконечников копий, гарпунов и других орудий подтверждается наскальными рисунками и находками таких орудий в слое в определенном порядке.²⁴ На Джейтуне незначительная часть трапеций употреблялась в качестве вкладышей для серпов.

²⁴ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 70.

Все названные выше виды кремневых орудий, возникнув на более ранних фазах развития общества, в джейтунской культуре переживают как бы последнюю ступень своего расцвета. Но в кремневом инвентаре имеются и орудия, тесным образом связанные с новым видом хозяйственной деятельности. Это вкладыши для серпов, в количественном отношении занимающие первое место среди кремневых орудий Джейтуна, найденных в 1957—1958 гг., что можно видеть из табл. 3.

Таблица 3

Орудия	Количество экз.	%
Вкладыши серпов	275	49
Скобели	27	5.3
Скребки	183	32.5
боковые	61	
на отщепах	2	
концевые	5	
микролитические	83	
в том числе в виде острия	32	
Геометрические орудия	43	7.7
Сверла	31	5.5
Всего	557	100

Пластины, использовавшиеся в качестве вкладышей для серпов, обычно лишены ретуши и имеют острые режущие края. Костяная основа такого серпа, или, вернее, жатвенного ножа, была найдена в верхнем слое Чопан-Депе. Следует особенно подчеркнуть многочисленность вкладышей серпов, обнаруженных на Джейтуне, где они составляют половину всех кремневых орудий. Это свидетельствует, что перед нами один из основных инструментов, употреблявшихся жителями поселения. Для сравнения можно указать, что в Гари-Камарбанде в слоях 8—10 был найден лишь 1 вкладыш от серпа, а в слоях В и 1—7 их было 20, или около 19.9% всех кремневых орудий.²⁵ В Джейтуне вкладыши от серпов находятся в каждом доме, и несомненно каждая семья имела собственный жатвенный нож, а может быть и несколько орудий этого вида.

Историческое место кремневой индустрии джейтунской культуры выступает особенно рельефно, если эту индустрию сравнить с набором кремневых орудий земледельческих поселений южного Туркменистана поры энеолита, т. е. времени, непосредственно сле-

²⁵ С. Сооп. Cave explorations..., p. 72, tabl. 14, E.

дующего за рассматриваемым периодом. Здесь сохраняются лишь вкладыши от серпов и, в виде сравнительно редких исключений, кремневые сверла. Весь обширный набор всевозможных скребков, так же как и геометрические орудия, почти бесследно исчезает. С одной стороны, это объясняется появлением и все большим распространением медных орудий. Но кроме того, как нам кажется, здесь отразились и изменения в хозяйстве общества, чей производственный инвентарь известен нам по материалам раскопок. При этом основное значение, видимо, следует придавать вытеснению охоты скотоводством. А. А. Формозов уже отмечал на материале более северных районов исчезновение в кремневом инвентаре микролитов в связи с падением роли охоты.²⁶ Ниже мы постараемся показать, что с этим же связано и исчезновение из обихода богатого набора скребковых орудий. Но прежде необходимо кратко остановиться еще на одной группе орудий джейтуинской культуры, так же как и кремень, характеризующей ее архаические черты. Мы имеем в виду изделия из кости, представленные проколками, иглами, в том числе иглой с ушком, происходящей с Чопан-Депе, и весьма своеобразными орудиями, сделанными из лопаток животных. Они найдены на Джейтуне в количестве почти полусотни экземпляров и были, следовательно, весьма распространенным изделием в быту его обитателей. В качестве рукоятки такого орудия служил эпифиз, а обломанная кость лопатки образовывала волнистый рабочий край. По заключению С. А. Семенова, изучившего следы сработанности на этих орудиях, их следует рассматривать как скребки для очистки шкуры от мездры. В одном из небольших строений Джейтуна эти костяные скребки были найдены в особенно большом количестве. Здесь же находилось и несколько костяных проколок. Вполне вероятно, что перед нами остатки своеобразной «мастерской» по обработке кожи. Вместе с тем следует отметить, что костяные скребки и проколки сравнительно часто встречались и в других частях поселения, и вполне возможно, что для его жителей они представляли столь же обычное орудие, как и жатвенный нож.

Столь значительный и разнообразный инструментарий, связанный с обработкой и выделкой шкур, не может не обратить на себя внимания. В самом деле, с этим видом домашнего производства связаны 32% кремневых орудий и почти все обнаруженные при раскопках орудия из кости. Надо полагать, что это обусловливается тем обстоятельством, что именно кожи, выделанные из шкур животных, удовлетворяли ряд насущных потребностей джейтуинцев и прежде всего потребности в одежде. На Джейтуне не найдено изделий, которые бы с полной уверенностью можно было отнести

²⁶ А. А. Формозов. Микролитические памятники азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 56—57.

к числу прядильц. Лишь несколько тонких каменных кружков с отверстием посередине можно было бы отнести к изделиям этого типа, но их небольшой вес позволяет скорее видеть в них предметы украшения. Во всяком случае чрезвычайно показательно, что на Джейтуне, где раскопано около $\frac{3}{4}$ всего поселения, не найдено ни одного керамического прядильца, столь характерного для южнотуркменистанских памятников поры энеолита. Для сравнения можно привести упоминавшееся выше поселение Дашилдыки-Депе. Здесь обнаружено свыше 50 керамических прядильц самых различных видов и совершенно отсутствуют как костяные, так и кремневые скребки. Добавим, что домашние животные доставляют жителям Дашилдыки-Депе уже 88% всей мясной пищи. Все это, как кажется, позволяет сделать вывод, что в пору джейтунской культуры, во всяком случае на ранней фазе ее развития, ткачество или совсем не имело места, или находилось в зачаточных формах. Скорее всего это было связано с незначительным удельным весом скотоводства в хозяйстве древнеземледельческих племен. Охота не только доставляла основное количество мясной пищи обитателям Джейтуна, но и снабжала их материалом для одежды, материалом, для обработки которого предназначался разнообразный и по-своему богатый набор орудий. На следующем этапе развития раннеземледельческих общин, по мере того как охота теряет свое значение и уступает место скотоводству, вместе с которым развивается и ткачество, исчезают и кремневые, и костяные орудия, связанные с обработкой шкур. Выделка кожи у племен энеолита остается, но в связи с развитием ткацкого дела ее удельный вес среди прочих домашних производств заметно падает. Так, в джейтунской культуре находят отражение архаические черты ее хозяйственной базы.

Но не архаические элементы были ведущими в хозяйстве и не они составляют то новое и наиболее характерное, что присуще рассматриваемому периоду. Новые, прогрессивные явления связаны с развитием поливного земледелия и со следствием этого вида хозяйственной деятельности — установлением прочной оседлости.

Это сказалось в первую очередь в появлении поселений нового типа — с долговременными глинобитными домами, причем эти поселения почти без перерыва существуют на одном и том же месте в течение многих веков, а иногда и нескольких тысячелетий. Поселки джейтунской культуры характеризуют одну из первых ступеней развития поселений этого типа. Они еще невелики по размерам. Так, площадь Джейтуна, если учесть частичное разрушение памятника за счет дефляции, видимо, была равна 0.5 га, а площадь Чопан-Депе несколько больше и равна почти 2 га. Оба поселения существовали в течение длительного времени — культурные слои Джейтуна достигают 3.5 м, а наслоения Чопан-Депе, где

имеется материал поздней фазы джейтунской культуры, б. м. Несколько примечательно положение джейтунского поселения. Раскопки показали, что оно возникло на вершине песчаного холма, послужившего фундаментом для первых глинобитных домов. Возможно, что такое положение Джейтуна не случайно и связано со стремлением облегчить осмотр ближайших окрестностей, а может быть, и с целью обезопасить его от внезапного нападения. К сожалению, древняя окраина поселения почти всюду разрушена дефляцией и пока неизвестно, имел Джейтун какую-либо оборонительную стену (или ограду) или нет. Наличие таких обводных стен на энеолитических поселениях южного Туркменистана и особенно в слоях до-керамического неолита в Иерихоне делает это предположение весьма вероятным. В тех случаях, когда поселки, подобно Чопан-Депе, располагались на равнине, быстрое накопление культурных слоев скоро приводило к тому, что и здесь поселение оказывалось на возвышении, на этот раз уже искусственного происхождения.

Материалом для строительства домов на Джейтуне и Чопан-Депе служила глина, смешанная с крупнорубленой соломой или, как ее называют в Средней Азии, с саманом. Открытие этого великолепного строительного материала почти повсеместно связано с первыми шагами оседлоземледельческого хозяйства. Вместе с тем в пору джейтунской культуры еще не был изобретен сырцовый кирпич — эта наиболее удобная форма использования данного строительного материала. Дома Джейтуна и Чопан-Депе построены из глиняных блоков, имеющих овальное сечение диаметром 20—25 см и длину в 60—70 см. Из этих блоков, клавшихся на глиняно-саманном растворе, и сложены стены домов, имеющие, как правило, толщину 25—30 см. Глиняной обмазкой покрывались, и стены помещений.

Все жилые дома джейтунской культуры построены с соблюдением одних и тех же канонических приемов и норм, и их с полным правом можно именовать стандартными (рис. 3). Такой дом, обычно квадратный в плане, имел узкую дверь и пол, покрытый толстой известковой обмазкой, иногда сохранявшей следы красновато-коричневой или черной краски. При раскопках Джейтуна, открывших значительную часть древнего поселения, не было обнаружено ни одного подпяточного камня. На основании этого можно заключить, что джейтунские дома еще не имели вращающихся дверей, которые появляются на юго-западе Средней Азии лишь в пору энеолита. На Джейтуне дверные проемы, видимо, закрывались плетнями или просто занавешивались шкурами.²⁷ По правую руку от входящего в дом находился большой прямо-

²⁷ Ср. в шумерском эпосе в литературном изложении И. М. Дьяконова: «Циновку привязал бы в дверном проеме» (Эпос о Гильгамеше. Пер. И. М. Дьяконова. М., 1961, стр. 47, и текст на стр. 178—179).

угольный очаг, сложенный из таких же глиняных блоков, что и стены. Он представлял собой весьма массивное сооружение наподобие камина и занимал значительную площадь внутри помещения. Дым выходил в узкую щель около стены и далее, вероятно, через отверстие в потолке. В ряде случаев перед очагом находилось отделение, куда выгребали угли. Часть дома, находившаяся между дверью и очагом, была отгорожена невысокой стенкой. Вероятно, это было хозяйственное отделение. Напротив очага на стенах имелся прямоугольный выступ, в котором, в тех случаях когда он сохранился достаточно хорошо, можно проследить сделанную в нем небольшую нишку. Вероятно, сам выступ использовался как основание для наиболее значительных балок, поддерживающих перекрытие. Менее ясно назначение весьма миниатюрной нишки. Примечательно, что многие выступы сохранили следы окраски в черный или красноватый цвет, что может свидетельствовать и об их особом назначении. Не помещались ли в нишку, озаренную отблесками пылающего напротив очага, глиняные фигурки, связанные с магическими обрядами и религиозными представлениями древних джейтунцев? К сожалению, почти все нишки оказались при раскопках пустыми. Лишь в одной из них найдена раковина с просверленным отверстием. Выше уже отмечалось, что пол джейтунских домов, как правило, покрыт толстой известковой обмазкой, местами сохранившей следы красновато-коричневой окраски. В некоторых домах, сделанных вообще менее тщательно, уровень пола отмечен утрамбованной глиной, посыпанной тонким слоем сероватой золы. Подобные полы являются одним из специфических признаков джейтунской культуры и позднее не встречаются в строительной практике древних земледельцев Средней Азии. В одном из домов в углу была обнаружена яма, стени которой покрыты глиняной обмазкой и тщательно обожжены. Позднее подобные хозяйствственные ямы также не встречаются — их заменяют врытые в пол большие глиняные сосуды, называемые в Иране и Средней Азии хумами. Показательно, что и на Джейтуне, где уже имелись глиняные корчаги, такая яма обнаружена лишь в одном доме.

Как уже отмечалось, все джейтунские дома сделаны по одному и тому же стандартно повторяющемуся типу (рис. 4). В каждом из них направо от входящего в узкую дверь находился массивный очаг-камин, а налево — выступ с нишкой. Различаются эти дома лишь по своей ориентации относительно стран света. Часть из них имела очаги, расположенные у стены, выходящей на север, тогда как очаги других строений находились у восточной стены. Следует добавить, что в домах с северными очагами на выступах обычно видны следы красной краски, тогда как для домов с очагами у восточной стены более обычна окраска в черный цвет. Дома с северными очагами более значительны и по своим разме-

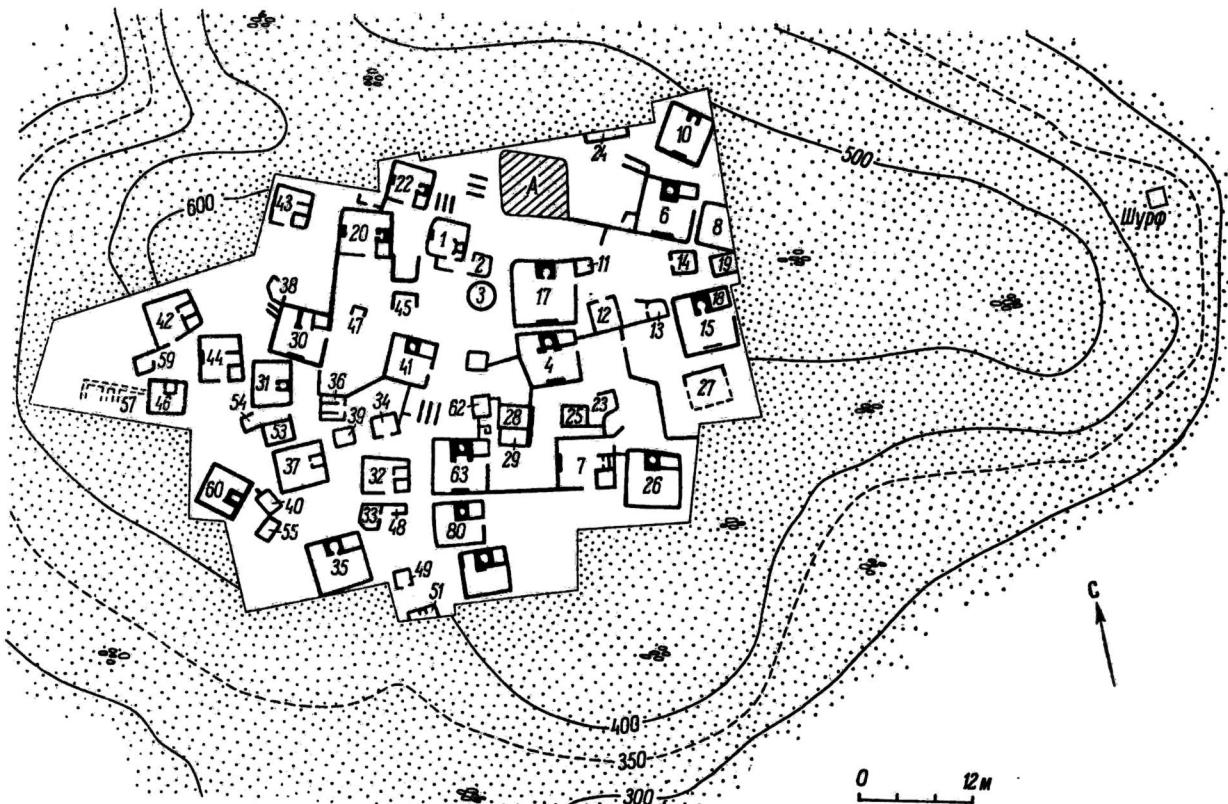

Рис. 3. Джетун. Сводный план.

рам. Можно было бы предположить, что в таких различиях нашло отражение реально существовавшее в жизни деление обитателей Джейтуна на две группы, или фратрии. Однако дома обоих типов расположены не обособленными группами, а вперемешку. Возможно, при завершении раскопок поселения будут выявлены какие-либо иные закономерности в их размещении. Табл. 4 может дать представление о жилых домах, полностью или частично вскрытых на джейтунском селище.

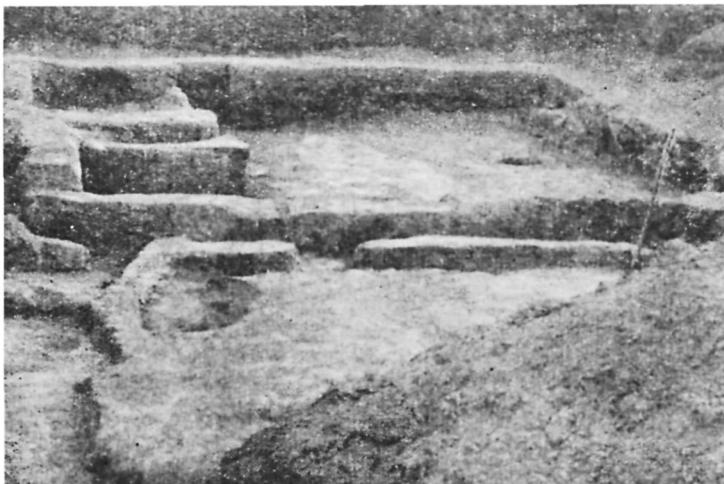

Рис. 4. Джейтун. Тип жилого дома.

Рядом с жилыми домами располагались мелкие подсобные постройки и клетушки. Иногда можно вполне определенно проследить, что около жилого дома находится небольшой незастроенный участок (дворик) и к нему тяготеют хозяйственные помещения и каморки. Возводились они из тех же строительных материалов, что и жилые дома, но менее тщательно и поэтому часто перестраивались. Заполняющий дворовые участки рыхлый коричневый перегной позволяет предполагать, что здесь же на поселении держали и мелкий домашний скот. Отмечены на Джейтуне и странные на первый взгляд сооружения из параллельных отрезков глинянитых стен. Позднее такие сооружения довольно часто встречаются у энеолитических земледельцев Средней Азии. Скорее всего это основания для помостов, на которых располагались зернохранилища, требующие постоянной циркуляции воздуха под полом. Близкие по типу сооружения отмечены и для древней Индии.

Впрочем, зерно на эти помосты помещалось, надо полагать, только на определенной стадии хранения. В двух случаях между

Таблица 4

Дома с северными очагами		Дома с восточными очагами	
№ помещения	площадь (в м ²)	№ помещения	площадь (в м ²)
4	29.34	1	13.12
6	39.68	7	29.32
10	20.70	20	20.70
15/18	35.84	22	16.87
17	37.80	31	15.75
26	34.16	32	20.00
30	26.25	37	19.30
35	28.90	42	20.45
41	21.60	44	21.12
50	18.17	43	18.50
56	28.60		
61	26.52		
57	Вскрыт не полностью. То же »		
51			
46			

джейтунскими домами обнаружено большое скопление обломков крупных корчаг, вероятно располагавшихся здесь целыми группами. Такие корчаги, или хумы, также скорее всего использовались для хранения припасов.

Джейтунский поселок существовал в течение сравнительно длительного отрезка времени. Глинобитные дома, построенные из такого малоудобного строительного материала, как глиняные блоки, быстро приходили в упадок. Их тонкие стены наклонялись и, вероятно, даже обрушивались. При раскопках встречаются участки косо стоящих стен, которые уже в древности приходилось укреплять дополнительными пристройками. В тех случаях, когда обветшавшее строение уже не поддавалось ремонту, его попросту разрушали и на утрамбованных руинах, как на фундаменте, возводили новый дом. В одном случае, однако, забытые остатки жилого дома были использованы с другими целями. Эти остатки образовали платформу высотой 70—80 см, на которой производились какие-то работы, связанные с разведением сильного огня. Судя по остаткам керамических шлаков, это был обжиг глиняной посуды.

Таким вырисовывается перед нами в свете произведенных раскопок джейтунский поселок древних земледельцев. На вершине песчаного бугра теснились небольшие домики с плоскими крышами. Рядом с ними лепились различные загородки и клетушки.

Как мы видели, размеры памятников джейтунского типа весьма невелики. Сколько-нибудь крупных поселений в пору джейтун-

ской культуры еще не существовало. Разбросанные на значительной территории небольшие, замкнутые родовые коллективы вели хозяйство, огромные возможности которого еще во многом оставались в скрытом виде.

Помимо употребления в качестве строительного материала, глина использовалась и в других целях, прежде всего для изготовления посуды. Глиняная посуда, начиная с этого времени, становится наиболее обычной находкой при раскопках, поэтому ее изучению археологи, как правило, уделяют наибольшее внимание. На самом поселении Джейтун керамика представлена ограниченным числом форм и ее количество еще сравнительно невелико. Показательны следующие цифры. На Джейтуне на площади в 1100 м² было найдено 1076 фрагментов керамики, тогда как на энеолитическом поселении Кара-Депе у Артыка на раскопе значительно меньшей площади их обнаружено 9254. Несомненно, на Джейтуне мы имеем дело с первыми этапами употребления в быту изделий, сделанных из обожженной глины. Об этом свидетельствует и архаический облик джейтунской посуды (рис. 5).

Глина, употреблявшаяся для лепки посуды, содержала значительную примесь крупнорубленой соломы (самана), напоминающая в этом отношении блоки, шедшие на возведение стен. Посуда лепилась от руки, ленточным способом. Снаружи стенки сосудов иногда довольно тщательно заглаживались. Количество форм весьма невелико. Это чаши полусферической формы или с небольшим ребром, кубковидные сосуды разной величины, с низким поддоном, корчаги с подкошенной придонной частью и четырехугольные сосуды, условно названные салатницами. Показательно, что еще нет горшковидных сосудов, появляющихся позднее. Нет среди керамики и кухонных котлов с примесью в тесте дресвы, столь характерных для поры энеолита. Вместе с тем на Джейтуне около очагов довольно часто находятся обгоревшие и растрескавшиеся камни. Как известно по этнографическим примерам, подобными камнями, раскаланными в очаге, некоторые племена нагревают жидкости в деревянных и кожаных сосудах. Возможно, что джейтунцы в какой-то мере сохранили этот архаический прием приготовления пищи, еще не овладев полностью всеми возможностями, которые представляла глиняная посуда. Весьма архаично выглядят и четырехугольные салатницы, не характерные для гончарного мастерства, стремящегося к созданию округлых форм. Возможно, массивные глиняные салатницы Джейтуна подражают каким-то сосудам докерамического периода — деревянной колоде или плетеной корзинке.²⁸

²⁸ Поразительно близка прямоугольным салатницам Джейтуна плетеная корзина из Фаяума. См.: Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, табл. III, а; G. Caton-Thompson, E. W. Gage. The desert Fayum. London, 1934, pl. XXIX, 1.

Интересна и форма джейтунских корчаг-хумов, предназначавшихся для хранения продуктов и представляющих собой сосуд с цилиндрическим или близким к цилиндрическому туловом и с подкошенней придонной частью. Такой подкос имеют почти все древнейшие сосуды для хранения на Ближнем Востоке. Материалы Хассуны, с которыми мы ознакомимся в следующей главе, ясно показывают, что как раз до ребра, разделяющего подкос от туловища, эти сосуды закапывались в землю. Тем самым крупные сосуды для хранения как бы сохраняют связь со своими предшественниками — ямами с обожженными стенками, вырытыми в земле. Обломки обмазки от таких ям обнаружены на поселении Джармо в северном Ираке, в слоях, еще не содержащих глиняной посуды. Позднее, с появлением керамики, такие ямы постепенно исчезают. Как отмечалось, на Джейтуне обнаружена всего одна яма с глиняной обмазкой. Вероятно, подобные ямы, стенки которых покрывались обмазкой из глины, смешанной с рубленой соломой и затем обжигавшейся, натолкнули человека на идею изготовления хранилища из одной обмазки, т. е. из обожженной глины. Показательно в этом отношении, что, например, в древнейшей Хассуне среди глиняных изделий количественно резко преобладают именно корчаги для хранения припасов. Разумеется, на различных территориях могли быть различные пути возникновения керамики.

Зарождается на Джейтуне и столь излюбленный раннеземледельческими племенами способ украшения глиняных сосудов, как их раскраска. Несложные узоры, нанесенные темно-коричневой или каштановой краской на светло-терракотовый или желто-вато-рыжий фон черепка, характеризуют керамику этих первых земледельцев Средней Азии. Расписывались далеко не все сосуды, а преимущественно корчаги, у которых туловище покрывалось струйчатым или скобчатым орнаментом. Изредка попадаются и треугольники, широко распространяющиеся в росписи посуды энеолитического времени.

Некоторый прогресс в области керамического производства отмечается на поздней фазе джейтунской культуры, известной по материалам верхнего слоя Чопан-Депе. Здесь появляются горшковидные сосуды и конические тарелки, новые мотивы росписи (ряды удлиненных треугольников, роспись крупными точками). Скобчатую роспись корчаг сменяет сетка, образовавшаяся за счет спрямления скобчатой росписи. Вместе с тем кухонных котлов со специфическим составом черепка еще нет и в целом перед нами лишь небольшое развитие того же керамического комплекса, что и на поселении Джейтун.

Древние джейтунцы использовали глину не только для постройки домов и выделки сосудов. Она шла на изготовление и более миниатюрных предметов, не связанных прямым образом с про-

изводственной и хозяйственной деятельностью земледельческих общин. Таковы, например, многочисленные терракотовые поделки, имеющие форму то просто конуса, то конуса удлиненного, то усеченного, иногда с вогнутой верхней поверхностью. Возможно, к изделиям подобного рода относятся и некоторые фигурки изшлифованного камня. Такие поделки не только весьма обычны на Джейтуне, но широко распространены в других древнеземледельческих культурах Ближнего Востока,²⁹ встречаясь, хотя в меньшем разнообразии, и в раннеземледельческих комплексах юго-восточной Европы, где они представлены конусами из необожженной глины.³⁰ По поводу назначения этих предметов были высказаны самые различные предположения. В них видят и миниатюрные ступочки для румян,³¹ и какие-то «затычки для носа», и печати-пинтадеры.³² Между тем уже С. Н. Бибиков, рассматривая аналогичные изделия из раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, писал: «Небольшие размеры конусиков и малая вероятность использования их в практических целях позволяют высказать предположение, что они служили в качестве игральных фишек».³³ К такому же заключению пришли С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова, тщательно исследовавшие джейтунские поделки в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР.³⁴ В Египте известен миниатюрный терракотовый столик, на котором по поверхности, расчерченной на квадраты, представлялись аналогичные глиняные конусы.³⁵ Видимо, перед нами одна из излюбленных игр ранних земледельцев Ближнего Востока и связанных с ним областей. В этой связи интересно отметить, что в периферийных районах раннеземледельческой ойкумены, как например в Триполье, фишкы представлены лишь одним видом — глиняными конусами. Терракотовые «доски» для игры, подобные египетским образцам, на памятниках джейтунской культуры пока не обнаружены. Возможно, здесь обходились расчерченным участком земли, подобно тому как это можно наблюдать и у современного населения этих районов, использующего,

²⁹ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938, pl. LII, pp. 26—31, 37—39; R. B r a i d w o o d. The Near East and foundations for civilization. Oregon, 1952, fig. 14; R. J. B r a i d w o o d and L. S. B r a i d w o o d. Excavations in the plain of Antioch I. The earlier assemblages. Phases A—J. OIP, v. LXI, Chicago, 1960, p. 84, fig. 58, 4, 5.

³⁰ T. C. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений. МИА СССР, № 10, М.—Л., 1949, стр. 32, 44, 45 и сл., рис. 2, 14.

³¹ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, p. 21.

³² T. C. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений, стр. 45.

³³ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА СССР, № 38, М.—Л., 1953, стр. 201.

³⁴ Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 130.

³⁵ E. R. A u g t o n, W. L. L a t t. Pre-dynastic cemetery at el Mahasha. London, 1911, pl. XVII, 1. Эта аналогия любезно указана Х. А. Кинк.

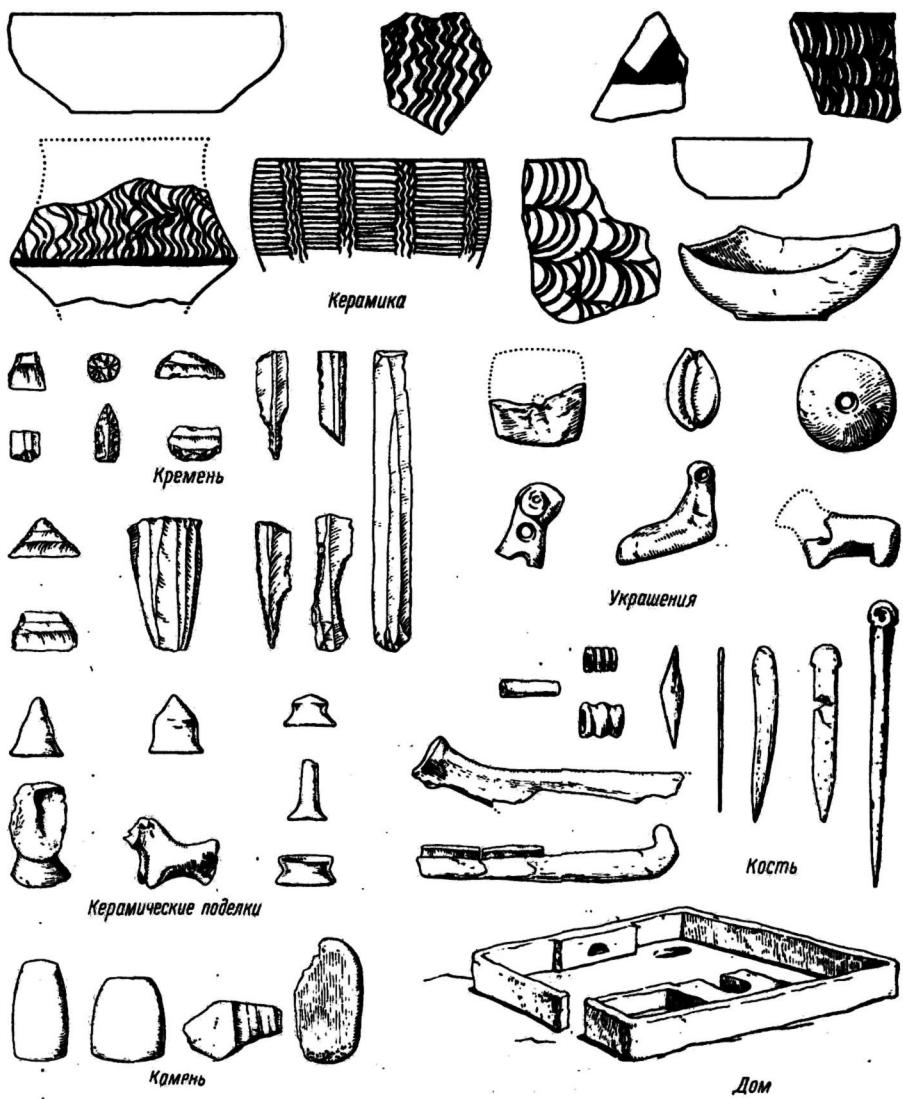

Рис. 5. Джейтунская культура. Сводная таблица.

правда, в виде фишек не специальные поделки, а небольшие камешки или черепки.

Лепились из глины и фигурки животных, иногда подвергавшиеся обжигу, а иногда остававшиеся необожженными. Их исполнениеносит черты схематизма и небрежности, но отдельные статуэтки сделаны с известным реализмом. Среди них можно определить изображение козла. Весьма интересно, что многие необожженные фигурки имеют углубления, сделанные заостренными палочками. Вероятно, эти «колотые раны» явились следствием магических обрядов, совершившихся над статуэтками. Можно предположить, что каждый охотник, желая обеспечить удачный промысел, изготавлял глиняные фигурки для магических действий. Этим скорее всего объясняется и разница в художественном исполнении скульптур, изготавлившихся каждым в меру своих способностей. Можно добавить к этому, что миниатюрные фигурки животных, выточенные из камня, служили в качестве подвесок-амuletов, среди которых можно, например, узнать голову барана с закрученными рогами. Бусы из просверленных раковин аналогичны бусам, изготавлившимся племенами Прикасия еще в пору мезолита.

Изготавливались из глины и фигурки людей, представленные лишь незначительными обломками. Таковы торсы миниатюрной женской фигурки с коническими грудями, одна из которых отбита, и крупная головка, выполненная в условно-плоскостной манере.

Чтобы завершить характеристику джейтунской культуры, нам осталось упомянуть каменные изделия. Это обломки зернотерок, ступки, массивные песты, отжимники, ядра для пращи. Следует отметить, что многие каменные орудия носят следы красной краски и, помимо своего основного назначения, надо полагать, использовались для измельчения и растирания охры. Возможно, джейтунцы украшали краской не только глиняную посуду, но и свои собственные тела. Во всяком случае позднее уже нет данных о столь широком употреблении охры среднеазиатскими земледельцами. На многообразное использование орудий указывают и данные функционального анализа. Так, одна плоская каменная плитка с гладко отшлифованными поверхностями служила и в качестве песта, и в качестве ретушера, и для растирания краски.³⁶

Из мелкозернистого мыльного камня, обычно имевшего темно-зеленый цвет, изготавливались каменные шлифованные топорики иногда весьма миниатюрных размеров. Использовались они для мелких плотничих дел, а обушок иногда играл роль ретушера. Из шлифованного камня сделана и плоская плитка с желобами,

---

³⁶ Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 123.

служившая, судя по этнографическим параллелям, выпрямителем древков стрел.

Такова джейтунская культура, характеризующая наиболее раннюю известную в настоящее время ступень развития оседлоzemледельческой культуры Средней Азии. Для масштабов всей Средней Азии это было во многом локальное явление, ограниченное пределами узкой полоски оазисов, затерявшейся на юго-западе страны. В других местах Средней Азии нам неизвестен материал, который свидетельствовал бы о развитии в VI—V тыс. до н. э. иных очагов оседлого земледелия. Более того, последующие этапы развития культуры как в низовьях Аму-Дарьи, так и в Ферганской долине и в известной мере в нижнем течении Зеравшана и в горах западного Таджикистана позволяют утверждать, что в то время, когда на территории южного Туркменистана складывались первые поселения земледельцев, хозяйство племен других частей Средней Азии еще было далеко от перехода на эту новую, прогрессивную ступень. С этого момента ярко выступает неравномерное развитие различных областей Средней Азии, составляющее характерную черту ее истории в IV—III тыс. до н. э., к чему мы еще вернемся в дальнейшем изложении.

Но это отнюдь не преуменьшает значения тех коренных изменений, которые произошли в жизни племен, населявших один из районов юго-западной Средней Азии. Именно оседлое земледелие и обычно сопутствующее ему скотоводство стоят у порога всех крупнейших культурных достижений народов Средней Азии. В хозяйстве общества произошел крутой перелом, и начиная с этого времени длительный и сложный процесс распространения по территории страны оазисов оседлого земледелия определяет основную линию ее развития. Поэтому выше было уделено столь большое внимание характеристике различных сторон джейтунской культуры.

Однако если говорить, что памятники джейтунской культуры находятся на юго-западе Средней Азии, то это будет географически односторонним освещением их исторической роли и значения. С не меньшим, если не большим основанием можно сказать, что джейтунская культура образует крайнюю северо-восточную границу той обширной территории Ближнего Востока, на которой в течение X—V тыс. до н. э. происходит переход целого ряда племенных групп от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Внимательное рассмотрение накопленных материалов показывает, что в ряде случаев джейтунская культура обнаруживает много общего с культурой этих племенных групп. Пожалуй, именно в этот период впервые наиболее четко проявляются тесные связи между Средней Азией и тем обширным миром, который условно именуется Древним Востоком. Эти связи, намечающиеся еще в пору палеолита, на данном отрезке исторического развития

выступают особенно явственно и определенно. Их изучение имеет первостепенное значение и для исследования важнейшей проблемы происхождения самой джейтунской культуры.

Но прежде чем перейти к конкретному рассмотрению этих явлений и связанному с ними кругу вопросов, необходимо в общих чертах ознакомиться с древнейшими оседлоземледельческими культурами Передней Азии, многие из которых стали известны лишь благодаря замечательным археологическим открытиям последнего десятилетия.

Глава 2

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Хотя в дальнейшем изложении неоднократно придется сетовать на недостаточный объем тех или иных исследований или отсутствие подробных публикаций, нельзя не признать, что накопленный в настоящее время археологический материал дает определенные основания для изучения древнейших этапов земледельческих культур Передней Азии. Соответствующий археологический материал неоднократно излагался в сводных работах, но зачастую эти сводки уже отстали от быстрого прогресса ближневосточной археологии, а в других случаях их авторы преследовали лишь узкие цели археологической систематики.¹ Поэтому необходимо дать краткую общую характеристику соответствующих культур, известных сейчас на территории Передней Азии, имея, впрочем, в виду, что новые полевые исследования могут увеличить их число.

На территории Передней Азии мы можем насчитать по крайней мере четыре области, являющиеся центрами достаточно своеобразных и самостоятельных раннеземледельческих культур. Первой такой областью, начиная с территории наиболее близкой к районам

¹ Лучшей работой по систематике и стратиграфии является сводка А. Перкинса (см.: САЕМ). Полезным обобщением являются работы: A. R a g r o t. *Archéologie mésopotamienne. Technique et problems.* Paris, 1953; G. С о л т е п а и. *Manuel d'archéologie orientale, tt. I—IV.* Paris, 1927—1947. Общую линию исторического развития лучше всего характеризует книга: V. G. C h i l d e. *New light on the most Ancient East.* London, 1954 (русский перевод: Г. Ч а й л д. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956). Специально интересующим нас древнейшим культурам посвящена статья: R. J. B r a i d w o o d, L. S. B r a i d w o o d. *Earliest village communities of Southwestern Asia.* *Journ. of World History*, 1953, № 1, pp. 278—310.

распространения джайтунской культуры, является центральный Иран с таким выдающимся памятником, как Тепе Сиалк. В качестве второй области может быть назван северный Ирак, где распространены памятники типа Хассуны, а также открыты поселения, относящиеся к еще более раннему периоду. Одной из древнейших оседлоземледельческих культур по праву считается неолит Сиро-Киликии (Амук—Мерсин) и близкая к нему культура южной Турции. Наконец, сравнительно недавно последовало открытие докерамического неолита Иерихона, характеризующего соответствующую культуру Иордании и Палестины. Эти четыре области, или, как можно с полным правом говорить, эти четыре археологические культуры, и будут рассмотрены в настоящей главе.

Несмотря на то что на территории Ирана известно большое число памятников раннеземледельческих племен, лишь немногие из них характеризуют древнейшие этапы развития оседлого земледелия. Здесь, разумеется, следует в первую очередь назвать нижние слои Сиалка, расположенного на территории плодородного оазиса в центре Ирана, к югу от г. Кашана. Хотя раскопки этого памятника были проведены еще в 1934—1937 гг., Сиалк до настоящего времени остается основным объектом, дающим представление о древнейших земледельцах Иранского плато.²

Другие памятники, могущие пролить свет на эту проблему, менее выразительны и к тому же почти не опубликованы. Так, материал, аналогичный полученному при раскопках древнейшего поселения Сиалк, происходит из нижних слоев Чешме-Али, у Рая.³ В юго-западном Иране, неподалеку от руин столицы ахеменидской империи Персеполя, находится несколько оплывших холмов, скрывающих остатки поселений древнейших земледельцев. Материал более позднего из этих поселений (Тали-Бакун А) хорошо известен по обстоятельной публикации А. Лангдорфа и Д. Мак-Кауна,⁴ но результаты, полученные при раскопках древнейшего в этом районе памятника (Тали-Бакун Б), до сих пор остаются неизданными. Судя по предварительным сообщениям, нижние слои этого поселения представляют культуру очень раннего периода с грубой керамикой плохого обжига и лишенной

² R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, Paris, 1938, pp. 10—24

³ Bull. of the University Museum of Pennsylvania, v. 5, № 5, 1935, pp. 41—49; ILN, № 5018, 21 June 1935, p. 1122.

⁴ A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. OIP, v. LIX, Chicago, 1942. Именно это поселение еще раньше раскапывалось Э. Херцфельдом (E. Herzfeld. Steinzeitlicher Hügel bei Persepolis. Iranische Denkmäler, IA, Berlin, 1932). Однако Э. Херцфельд совершенно необоснованно считал данное поселение неолитическим и относящимся чуть ли не к V тыс. до н. э. В действительности Тали-Бакун А одновременен таким комплексам, как Сиалк III, Сузы I (или Сузы А).

росписи. Здесь же найдено большое число костяных и кремневых орудий.⁵ Несомненно, перед нами какая-то очень архаическая стадия развития оседлой культуры на юго-западе Ирана.

Наконец, недавно было открыто очень раннее поселение в районе Керманшаха. На этом памятнике, носящем название Тепе Сараб, остатки домов пока еще не обнаружены. Найдено некоторое число обломков сосудов с лощеной поверхностью, иногда украшенной примитивной росписью. Кремневые и обсидиановые орудия Тепе Сараба близко напоминают аналогичные изделия древнейшего оседлоземледельческого поселения северного Ирака — Джармо, на котором мы остановимся ниже. Так же как на Джармо, здесь найдены обломки каменных сосудов и браслетов.⁶ Все это свидетельствует о том, насколько территория Ирана богата памятниками, характеризующими ранние этапы развития оседлоземледельческих племен.⁷ Но до полной публикации полученных материалов основным источником для изучения этих этапов является по-прежнему Тепе Сиалк.

Наиболее древние слои Тепе Сиалк получили в литературе наименование Сиалк I. Это был длительный период в истории Кашанского оазиса, поскольку общая мощность слоев Сиалка I достигает почти 12 м. В эту пору была обжита вся территория северного холма, достигающего площади около 3 га. Население жило в глинобитных домах, стены которых отмечены в обрезках стратиграфического раскопа, однако незначительная величина раскопа, к сожалению, не позволила установить характер их планировки. Вероятно, по той же причине остатки домов не были встречены в самых нижних слоях Сиалка. Вызывает сильные сомнения распространенное в литературе мнение о существовании в этих слоях лишь легких шалашей из веток и тростника, обмазанного глиной.⁸

⁵ GSEI, p. 23.

⁶ R. J. G r a i d w o o d , B. H o w e , Ch. R e e d . The Iranian prehistoric project. Science, June 23, 1961, v. 133, № 3469, pp. 2008—2010; R. J. G r a i d w o o d . 1) Preliminary investigations concerning the origins of food-production in Iranian Kurdistan. Advancement of Science, sept. 1960, pp. 216—217; 2) The Iranian prehistoric project, 1959—1960. Iranica antiqua, v. I, 1961, pp. 6—7.

⁷ Не вполне ясным остается историческое место комплекса из пещеры Танги-Пабда, в юго-западном Иране, исследовавшейся Р. Гиршманом (R. G h i r s h m a n . Iran. London, 1954, pp. 27—28). Здесь обнаружены орудия, изготовленные из кремневых отщепов, костяные проколки и грубая керамика. В верхних слоях встречена чернолощеная керамика, которую Р. Гиршман склонен сопоставлять с одной из керамических групп Сиалка I. Вполне возможно, что перед нами культура отсталых горных племен, бывших современниками оседлых земледельцев равнин, подобно обитателям прикаспийских пещер Джебел и Гари-Камарбанд.

⁸ R. G h i r s h m a n . 1) Fouilles de Sialk, v. I, pp. 10, 74; 2) Iran, p. 29; Г. Ч а й л д . Древнейший Восток..., стр. 289.

Скорее всего раскоп попал здесь на незастроенный участок древнего поселка.⁹

В целом нижние слои Сиалка рисуют нам более развитое оседло-земледельческое хозяйство, чем материалы Джейтуна (рис. 6). Это видно прежде всего по орудиям производства. Кремневые изделия в Сиалке весьма немногочисленны и, что особенно важно, довольно однообразны по своему составу. Это главным образом пластины, обычно лишенные ретуши и скорее всего являвшиеся вкладышами серпов. Скребки встречаются редко и не столь разнообразны, как на памятниках джейтунской культуры. Вместе с тем большое число пряслиц из обожженной и необожженной глины, а иногда и из черепков посуды свидетельствует о развитии ткачества. Опираясь на материалы южного Туркменистана, можно заключить, что в хозяйстве обитателей Сиалка охота уже играла незначительную роль и что животноводство или во всяком случае разведение мелкого рогатого скота получило большое развитие. Действительно при раскопках были найдены кости домашней козы или овцы.¹⁰

Не находим мы в Сиалке I также ни кремневых скобелей, ни сверл, ни геометрических микролитов. Более того, комплекс орудий Сиалка I уже нельзя считать неолитическим: здесь обнаружен целый ряд кованых медных изделий, в том числе шилья, булавки с бипирамидальными головками и сделанные из проволоки иглы. Правда, все эти вещи встречены лишь в верхних 6 м всей толщи культурных отложений. Но уже сам характер комплекса кремневых орудий нижних слоев ясно показывает, что кремень уступает место изделиям из других материалов.

Широкое развитие получает гончарное производство. В глину сосудов подмешивалась мелкорубленая солома. Формовались сосуды от руки, обжиг был еще недостаточно сильным для полного и равномерного прокаливания стенок сосудов. Формы сосудов

⁹ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 74—75. После открытия сырцовой архитектуры в Иерихоне, Джармо и Джейтуне было бы по меньшей мере странно, если бы носители такой сравнительно развитой культуры, как Сиалк I, обитали в непрочных шатацах и хижинах, тем более что остатки таких хижин и шатацей отнюдь не были обнаружены при раскопках Сиалка, а их существование является не чем иным, как простым домыслом, не подкрепленным какими-либо археологическими фактами.

¹⁰ К сожалению, имеющиеся в литературе высказывания о большой роли в Сиалке охоты не подкрепляются ссылками на остеологический материал, который, в данном объеме, содержит лишь остатки одомашненного мелкого скота и два зуба быка (возможно, Bos taurus). Малочисленность материала позволяет отдельным исследователям сомневаться в наличии в Сиалке I домашнего быка. См.: C. A. Reed. A review of the archeological evidence on animal domestication in the prehistoric Near East. In: R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, Chicago, 1960, p. 143.

более совершенны и разнообразны, чем в джейтунской культуре; изящнее и богаче их роспись. Эта роспись наносилась краской темно-коричневого или черного цвета на кремовый или красный фон. Довольно обычны также красные сосуды без росписи. Одни

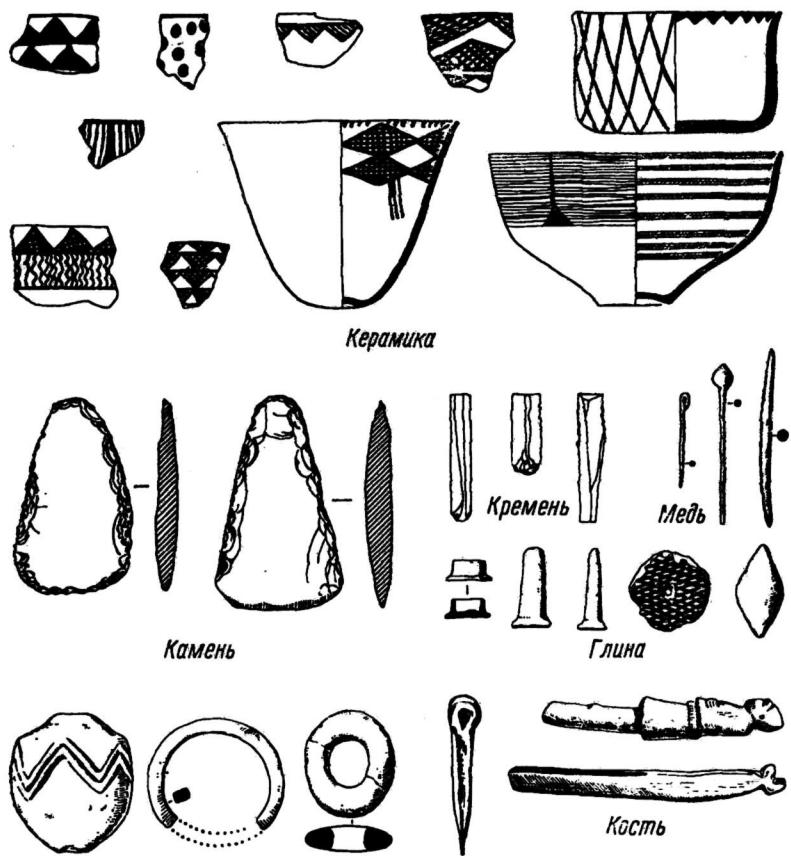

Рис. 6. Комплекс Сиалк I.

ночными черепками представлена черная керамика. Общий стиль росписи характеризуется фризами, образованными простыми геометрическими фигурами, преимущественно треугольниками. Иногда как будто делается попытка передать фактуру переплетающихся прутьев корзин или тому подобных изделий. Хотя налицо заметное усложнение по сравнению с Джейтуном, в целом рисунок отличается известной простотой и лаконичностью.

Вместе с тем многое в материальной культуре Сиалка I еще связано с тем архаическим периодом развития оседлоземледельческой культуры, который ярко представлен материалами Джейтуна. Так, здесь еще были в употреблении прямые жатвенные ножи с кремневыми вкладышами. Костяные, а в одном случае каменная, основы таких ножей найдены в слоях Сиалка I на самой различной глубине. Рукоятки их украшены скульптурными изображениями, большей частью сильно схематизированными. Однако в одном случае хорошо сохранилась вырезанная из кости фигурка стоящего человека. Глиняные и каменные конусы и усеченные конусы принадлежат, видимо, как и аналогичные поделки Джейтуна, к числу каких-то игральных фишек, хотя Р. Гиршман склонен видеть в них миниатюрные ступки и пестики для растирания румян.¹¹ Интересно, что в Сиалке встречены и выточенные из камня браслеты. Подобных изделий нет в джейтунской культуре, но они весьма характерны для североиракского поселения Джармо, представляющего, как мы увидим в дальнейшем, ту же стадию развития земледельческой культуры, что и Джейтун.

Каменные мотыги и тесла, костяные проколки, лощила и массивные каменные навершия булав дополняют характеристику материальной культуры нижних слоев Сиалка. Можно лишь отметить еще одну особенность быта и обычая древнего населения Кашанского оазиса. Умерших членов рода хоронили в пределах поселения, и их скелеты в скорченном положении со следами охры на костях встречены при раскопках под полами домов. Как правило, обитатели Сиалка ограничивались помещением сородича в вырытую в земле могилу и, видимо, посыпанием его тела охрой. Лишь в одном случае в могиле имелся погребальный инвентарь: около руки лежало массивное каменное тесло, а у головы две челюсти барана.

Когда был впервые открыт комплекс Сиалк I, Р. Гиршман на основании ряда расчетов (в комплексе Сиалка IV были найдены месопотамские цилиндры и таблички сprotoэламской клинописью) отнес его ко второй половине V тыс. до н. э.¹² Позднее, после обнаружения в северном Ираке хассунской культуры, близайшие аналогии которой с Сиалком I несомненны, эта ранняя датировка получила дополнительное подтверждение. В настоящее время, как мы увидим позже, комплекс Хассуны можно датировать второй половиной VI—первой половиной V тыс. до н. э. В этой связи наиболее осторожным представляется, до получения новых данных, относить Сиалк I к V тыс. до н. э. в целом, без более дробных уточнений.

¹¹ R. G i r s h m a n . Fouilles de Sialk, v. I, pp. 20—21.

¹² Там же, стр. 89.

Теперь мы покинем территорию Ирана и обратимся к Ираку, древней Месопотамии, явившейся родиной одной из древнейших цивилизаций земного шара. Первые шаги, приведшие к созданию этой цивилизации, были связаны с развитием здесь культуры раннеземледельческих племен.

Если еще в работах, вышедших в свет до 1945 г., в качестве древнейших археологических комплексов северного Ирака характеризуются такие памятники, как Самарра и Халаф с их весьма совершенной и богатой расписной посудой, то за последние годы положение существенно изменилось. Новые раскопки и систематическое обследование еще нераскопанных памятников позволяют достаточно полно охарактеризовать относительно примитивные стадии развития раннеземледельческих культур.

В начале этого развития по праву может быть поставлен такой памятник, как Джармо, открытый в 1948 г. и с тех пор получивший заслуженную всемирную известность.¹³ Джармо был одним из первых памятников, датированных методом радиоуглеродного анализа, и полученная при этом дата (около 4750 г. до н. э.) прочно вошла в большинство сводных и специальных работ по ближневосточной археологии. Однако позднее был проведен целый ряд дополнительных определений, значительно удревнивших возраст этого памятника,¹⁴ и в последних работах сам Р. Брейдвуд ориентировочно относит Джармо к 6750 г. до н. э.¹⁵ Датировка этого памятника по крайней мере VI тыс. до н. э. сейчас как будто не может вызывать особых сомнений.

В настоящее время Джармо уже не является отдельным уникальным памятником, затерянным в горах Курдистана, к востоку

¹³ Развернутые отчеты о его раскопках, проводившихся в 1948, 1950—1951 и 1954—1955 гг., пока еще не опубликованы. С наибольшей полнотой Джармо охарактеризовано в книге: R. J. V g a i d w o o d, B. H o w e. Prehistoric investigations..., pp. 26—27, 38—50, 63—66. См. также: R. J. V g a i d w o o d, L. S. V g a i d w o o d. Jarmo. A village of early farmers in Iraq. Antiquity, 1950, № 96, pp. 189—195; L. V g a i d w o o d. 1) The Jarmo flint and obsidian industry. Sumer, v. VII, 1951, pp. 105—106; 2) Early food producers. Excavations in Iraqi Kurdistan. Archaeology, v. V, № 3, 1952, pp. 157—164; R. J. V g a i d w o o d. 1) The Near East and foundations for civilization. Oregon, 1952, pp. 29—31; 2) A preliminary note on prehistoric excavations in Iraqi Kurdistan. Sumer, v. VII, 1951, pp. 99—104; 3) From cave to village in prehistoric Iraq. Amer. Schools of Oriental Research, Bull., № 124, 1951, pp. 12—18; R. V g a i d w o o d et al. The Iraq-Jarmo project. 1954—1955. Sumer, v. X, 1954, pp. 120—138.

¹⁴ R. J. V g a i d w o o d. Near eastern prehistory. Science, v. 127, № 3312, 1958, p. 1426; R. J. V g a i d w o o d, B. H o w e. Prehistoric investigations..., pp. 159—160. В Вашингтонской лаборатории были предложены следующие даты: 6870(± 250), 5990 (± 200), 9280(± 300), 9340(± 200) и 8080(± 250) гг. до н. э.

¹⁵ R. J. V g a i d w o o d, B. H o w e. Prehistoric investigations..., p. 160. При этом берутся молодые даты вашингтонской серии и близкие к ним результаты, полученные лабораторией в Гейдельберге.

от Киркука. Неподалеку от него обнаружены два поселения того же типа — Кани-Сур и Хора-Намык, а в 45 км к юго-западу открыт другой сравнительно крупный и, видимо, важный памятник — Хараба-Кара-Чивар.¹⁶ Раскопки датской экспедиции на поселении Телль-Шимшара, к северу от Джармо, установили, что и здесь нижние слои содержат аналогичный материал.¹⁷ Наконец, кремневый материал, близко напоминающий кремневую индустрию Джармо, известен из двух пунктов подгорной долины к югу и юго-западу от Киркука.¹⁸ Таким образом, речь идет о целой группе памятников, характеризующих определенную стадию развития. Но среди этих памятников само Джармо по-прежнему остается наиболее изученным, дающим основной материал для характеристики всей стадии.

Этот материал со всей определенностью показывает, что в хозяйстве и культуре обитателей Джармо, так же как в хозяйстве и культуре древних джайтунцев, сочетались два вида явлений: новые, прогрессивные, связанные с ранними этапами оседлоземледельческого хозяйства, и старые, архаические, воплощавшие традиции охотническо-собирательского хозяйства поры мезолита.

Новые, прогрессивные элементы достаточно ярко характеризуют культуру Джармо как культуру ранних земледельцев, перешедших к прочной оседлости. Об этом свидетельствует уже сам характер памятника. Расположенное на небольшой столовой возвышенности поселение в настоящее время занимает площадь 1,3 га, причем следует иметь в виду, что еще около холма, видимо, уничтожено обвалом обрывистого склона, спускающегося к руслу, периодически заполняемому водой. Мощность культурных слоев достигает 7 м, что само по себе свидетельствует о долговременном обитании. Эти слои образованы остатками глинобитных домов, состоявших из жилых комнат площадью до 12 м² и небольших отсеков площадью около 3 м², скорее всего игравших роль разнообразных хранилищ и складов.¹⁹ В поме-

¹⁶ Там же, стр. 27, 49. Повсюду собран кремневый материал, обломки мраморных браслетов и каменных сосудов. На Хараба-Кара-Чиваре как будто имеется и более ранний, чем на самом Джармо, материал.

¹⁷ H. Ingolt. The Danish Dokan expedition. Sumer, v. XIII, 1957, p. 215. Слои типа Джармо здесь перекрыты наслойлениями с керамикой хасунской культуры. Из находок в этих слоях следует отметить полированные кельты, обсидиановый кинжал длиной 35 см и костяную основу для сложного вкладышевого орудия.

¹⁸ R. J. Vugaidwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., p. 49.

¹⁹ К сожалению, раскопки Джармо не дали достаточно четких данных о типе планировки домов и к тому же планы вскрытых строений до сих пор не опубликованы. В сезон 1954/55 г. Р. Брейдвуд вообще отказался от широких раскопок, ссылаясь на большой объем работ, необходимых для вскрытия всего поселения. Вместо этого был заложен 151 шурф по квадратной сетке, разбитой на поселении. В результате, хотя всего на Джармо вскрыто около

щениях находились очаги для выпечки хлеба.²⁰ На полу обычно сохраняются отпечатки покрывавшей его соломенной циновки. В дверных проходах иногда встречаются камни-подпятники, указывающие на наличие вращающихся дверей. По весьма условному подсчету, предлагаемому Р. Брейдвидом, на Джармо было около 25 отдельных домов с общим населением для всего поселка в 150 человек. Надо полагать, что Джармо, так же как и южнотуркменский Джайтун, было местом обитания одного рода. Интересно, что здесь, так же как на Джайтуне, пока не обнаружены погребения взрослых людей, хотя отдельные кости скелетов встречались в культурном слое. Видимо, традиция соединения в пределах обжитаемой территории поселения и кладбища, столь характерная для раннеземледельческих культур Ближнего Востока, еще не сложилась и родовой могильник Джармо располагался где-то в стороне.²¹

Жители Джармо имели возможность жить на одном месте в течение нескольких столетий,²² возводя новые дома над развалинами старых, лишь благодаря новому виду хозяйства, обеспечивающему такую устойчивую оседлость. Этим хозяйством было земледелие. При раскопках здесь обнаружены зерна ячменя и двух видов пшеницы. Не случайно обитатели Джармо широко употребляют и солому. В изрубленном виде она примешивается в глину, из которой возводятся стены домов, и в глину, из которой лепятся глиняные сосуды. Последние появляются в верхних слоях Джармо, и их появление как бы завершает сложение привычного для археолога комплекса материальной культуры раннеземледельческого поселения. В более ранних слоях широко распространены обломки сосудов, сделанных из камня, чаще всего из различных мраморовидных пород. Наиболее обычны здесь глубокие полусферические чаши и чаши конической формы. Только в сезон 1950/51 г. были обнаружены обломки по крайней мере от 350 каменных сосудов. В пору существования верхних домов Джармо их обитатели уже использовали глину для лепки

1370 м², закономерности планировки поселения не были выявлены. Принято экспедицией Р. Брейдвида методику покрытия памятника сеткой шурfov следует признать совершенно неудачной для поселений с глинобитной или сырцовой архитектурой. Вскрытие строений хотя бы верхнего слоя на едином раскопе той же площади дало бы значительно более существенные результаты.

²⁰ Р. Брейдвид допускает, что подобные печи предназначались не для выпечки хлеба, а только для прокаливания зерна: R. J. Bradwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., p. 42.

²¹ Там же, стр. 47.

²² Р. Брейдвид определяет время существования Джармо в 250 лет, из расчета существования глинобитного дома в течение 16 лет (R. Bradwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., p. 40; R. J. Bradwood. Jericho and its setting in Near Eastern history. Antiquity, 1957, № 122, p. 75). Эти цифры несомненно являются весьма заниженными.

сосудов, изготовление которых требовало значительно меньше труда, чем обработка каменных изделий. Здесь как будто наблюдается постепенное вытеснение каменных сосудов глиняными. Сначала глиняные сосуды имеют простую форму открытых чаш, позднее их формы все более усложняются. Появляются и различные виды ручек. Иногда сосуды украшаются несложной росписью красного цвета, наносившейся, видимо, охрой, куски которой часто встречаются в культурных наслойениях Джармо. Из глины изготавливались также различные мелкие поделки — конусы, шарики, фигурки людей и животных, среди которых выделяются статуэтки полных сидящих женщин, иногда со скрещенными под грудью руками (рис. 7).

При раскопках Джармо найдены не только зерна злаков, но и орудия, связанные с земледелием. Возможно, часть каменных кельтов употреблялась в качестве мотыг для взрыхления земли перед посевом. Для обработки продуктов земледелия служили многочисленные ступки, песты и зернотерки. Но особенно часто при раскопках встречались вкладыши для серпов, представляющие собой правильные кремневые пластины, иногда лишенные какой-либо ретуши. Вкладыши эти помещались в деревянную или костяную основу и прикреплялись к ней с помощью битума, источник которого расположен сравнительно недалеко от Джармо. Обнаруженные в одном месте остатки серпа из четырех пластин показывают, что серп уже имел изогнутую форму. Однако если исключить серпы, вся кремневая индустрия Джармо имеет ярко выраженные архаические черты, связанные с предшествующей стадией развития.

Можно считать, что эти архаические черты в материальной культуре Джармо сохранились, так же как и в Джейтуне, в результате сохранения архаических моментов в самом хозяйстве обитателей этого поселения. Так, судя по имеющимся данным, охота еще играла большую роль в жизни населявшего этот поселок родового объединения. Только относительно костных остатков коз можно говорить, что они имеют известные признаки начавшейся домesticации.²³ Основная же масса животных, среди которых мы видим лошадь, джейрана, безоарового козла, быка, оленя, косулю, горного барана, добывалась путем охоты. Неудивительно, что кремневый инвентарь, связанный с охотой и обработкой получаемых на этой охоте продуктов, широко распространен в Джармо, придавая кремневой индустрии как бы мезолитический облик. На это указывает, в частности, ее резко выраженный микролитический характер. Относительно часто встречаются

²³ R. J. Gladwood, B. Howe. Prehistoric investigation..., p. 131. Интересно, что здесь, как и в Джейтуне, наблюдается скручивание роговых стержней.

микролиты геометрических форм — трапеции, треугольники и сегменты. Поскольку на Джармо не было обнаружено наконечников стрел, или дротиков, видимо, наконечники метательных

Рис. 7. Статуэтки Джармо.

орудий составлялись из набора подобных геометрических орудий или в отдельных случаях роль наконечника играли одни трапеции. Показательно значительное распространение в Джармо и различных скребков. Здесь мы видим и крупные скребки на массивных пластинах, и грубые скребки на отщепах, и нуклеусы, использовавшиеся в качестве скребков, и концевые скребки на

пластинах, и, наконец, микроскребки различных видов, близко напоминающие аналогичные орудия Джейтуна. Скорее всего, так же как это имело место в джейтунской культуре, наличие большого количества скребков разного назначения свидетельствует о широко развитой обработке шкур, практиковавшейся обитателями Джармо. Это обстоятельство нельзя не поставить в связь с отсутствием или зачаточным состоянием ткачества. Во всяком случае на Джармо не обнаружено ни одного керамического пряслица, которые столь широко распространяются в северном Ираке в пору существования хассунской культуры. Из других видов кремневых орудий следует упомянуть пластины с выемками, игравшие роль скобелей, и разнообразные сверла, как более миниатюрные, изготовленные из пластин, так и массивные, для которых использовались сравнительно крупные отщепы.

Наряду с кремневыми изделиями на Джармо обнаружено довольно много орудий из обсидиана. Например, среди находок сезона 1950/51 г. изделия из обсидиана составляли около 40%. Это обстоятельство свидетельствует о развитом межплеменном обмене, поскольку ближайшие разработки обсидиана находятся на расстоянии 400 и 910 км по прямой линии от Джармо.

Среди костяных изделий Джармо большие всего проколок различного вида, но имеются также булавки, прекрасно выделанные иглы с ушком, ложечки, кольца и бусы. Характерной особенностью культуры Джармо являются и каменные браслеты, изготовленные обычно из мрамора.

Таков общий облик этой раннеземледельческой культуры, недавно открытой в горных долинах северного Ирака и несомненно являющейся одной из древнейших земледельческих культур земного шара. Вслед за памятниками типа Джармо в археологической классификации идут памятники хассунской культуры. Когда в археологической литературе появились первые сведения о раскопках Джармо, Г. Чайлд еще мог с известными основаниями писать, что нет бесспорных доказательств для датировки этого памятника временем более ранним, чем существование Хассуны, что «теоретически Джармо могло быть отсталым горным селением, которое может относиться даже ко времени распространения на равнинах халафской культуры».²⁴ В настоящее время эти сомнения отпадают полностью. Стратиграфия поселения Телль-Шимшара, где слои типа Джармо лежат ниже слоев с керамикой хассунского типа, показывает это с полной очевидностью. Не вполне ясным остается вопрос о том, явилась ли культура типа Джармо генетическим предшественником хассунских комплексов или между ними существует известный хронологический разрыв. Руководитель раскопок Джармо Р. Брейдвуд относится к этому вопросу с вполне обо-

²⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 167.

снованной осторожностью.²⁵ Правда, и в Хассуне, и в Джармо мы видим сходные глинобитные дома, а отдельные расписные черепки, появляющиеся в верхнем слое Джармо, по мнению раскапывавшего Хассуну Ф. Сафара, близки одной хассунской керамической группе.²⁶ Но в целом ряде других элементов культуры — в кремневой индустрии, в украшениях, в формах керамики — разница между Джармо и Хассуной достаточно велика. Хотя типологически и хронологически Джармо предшествует Хассуне, между ними, видимо, имелся какой-то переходный этап, еще не обнаруженный археологами. Кроме того, следует иметь в виду, что отнюдь не обязательно именно жители Джармо с их конкретным комплексом материальной культуры должны рассматриваться как прямые предшественники носителей хассунской культуры, оставивших свои памятники, отличающиеся рядом локальных отличий, на весьма обширной территории. Несомненно, наряду с Джармо существовали десятки других поселений этого типа. Некоторые из них уже открыты, хотя еще и не раскопаны. Поэтому исторически следует ставить вопрос в более широком плане о том, что культура типа Джармо была предшественником культуры типа Хассуны. В такой формулировке этот вопрос для северного Ирака может решаться только положительно. Обратимся теперь к краткой характеристике хассунской культуры.

Археологический комплекс, или археологическая культура, типа Хассуны рисует перед нами хозяйство и культуру племен, прочно перешедших к оседлому земледелию и по своему уровню развития в ряде случаев уже превзошедших как среднеазиатских джайтунцев, так и носителей культуры типа Джармо.

Если ранее культуру Хассуны ориентировочно относили лишь к V тыс. до н. э. (возможно, даже только ко второй половине V тыс.),²⁷ то в последние годы, в связи с общим удревнением датировок переднеазиатских комплексов в результате внедрения метода радиокарбонового анализа, как будто есть основания пересмотреть и эту дату. Едва ли будет особым преувеличением датировать поселения типа Хассуны второй половиной VI—первой половиной V тыс. до н. э.²⁸

²⁵ R. J. Braide wood, B. Howe. Prehistoric investigations..., pp. 160—162.

²⁶ Там же, стр. 69.

²⁷ Например: R. J. Braide wood. Near East and foundations for civilization, p. 31.

²⁸ Лаборатория геологической службы в Вашингтоне определила дату пятого слоя Хассуны как 5090(+200) г. до н. э. и четвертого сверху слоя в одном из шурфов Матарра как 5650(+250) г. до н. э. См.: R. J. Braide wood. Near eastern prehistory, p. 1426. Следует, правда, иметь в виду, что именно эта лаборатория предложила и невероятно углубленные даты для Джармо. Однако в этой же лаборатории определен возраст образцов из Мерсина и

В настоящее время на основании стратиграфических раскопок и по сборам подъемного материала известно свыше 20 пунктов, в которых, видимо, существовали поселения типа Хассуны²⁹ (рис. 8). Но по-прежнему основным памятником, давшим наиболее яркий и выразительный материал, остается сама Хассуна — многослойное поселение к югу от Мосула, нижние слои которого мощностью около 5 м содержат культурные остатки, определившие характерные черты комплекса.³⁰ Некоторый дополнительный материал дает поселение Матарра, к югу от Киркука, где в 1948 г. сравнительно небольшие раскопки были произведены американской экспедицией.³¹

Именно Хассуна и Матарра являются главными памятниками, дающими наиболее полные комплексы рассматриваемого типа. Во всех же других случаях, когда мы говорим о тех или иных памятниках типа Хассуны, имеющиеся материалы для характеристики этих объектов обычно ограничиваются керамикой.

Из этих памятников особенно следует отметить Ниневию, где в слоях 1, 2а и 2б обнаружены характерные предметы материальной культуры, свидетельствующие, что уже в VI—V тыс. до н. э. на месте позднейшей ассирийской столицы, знаменитого логовища львов, существовал поселок оседлых земледельцев.³² Эти предметы представлены в первую очередь обломками посуды с нарезанным или расписным орнаментом, причем последний более характерен для второго слоя. Орнаментальные мотивы очень просты — зигзаги, треугольники, точки и т. п. Кроме обломков посуды, обнаружены кремневые скребки и вкладыши от серпов, каменный кельт, костяные проколки и многочисленные терракотовые пряслица.

Отдельные фрагменты хассунской посуды обнаружены и на другом холме в районе Мосула — Арпачии, но все они встречены

Библа А (о чем см. ниже), находящихся в стратиграфически сопоставимой связи с Хассуной, и противоречия в этой серии анализов не наблюдается.

²⁹ Значительная часть этих данных обобщена на археологической карте Ирака, изданной Главным управлением древностей Ирака. На этой карте, однако, как будто не учтено поселение Телль-Байяр, к северо-востоку от Мосула, о котором сообщает С. Ллойд (JNES, v. IV, № 4, 1945, р. 260, note 1). С другой стороны, на этой карте хассунские слои отмечены для Нузы, где, однако, едва ли есть материал ранее Халафа (см.: САЭМ, р. 55). Не отмечено на карте и Тепе Ченчи, неподалеку от Хорсабада, где, по словам А. Перкинса, при разведочной шурфовке обнаружена керамика типа Самарры.

³⁰ S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, № 4, 1945.

³¹ R. J. Braidewood, L. S. Braidewood, J. G. Smith, Ch. Leslie. Matarrah. A southern variant of the Hassunan assemblage. JNES, v. XI, № 1, 1952. Между тем Матарра представляет большие возможности для широких раскопок, поскольку слои времени Хассуны здесь не перекрыты более поздними культурными отложениями.

³² M. E. Mallowan. The Prehistoric sondage of Nineveh, 1931—1932. LAAA, v. XX, 1933, pp. 149—155.

во вторичном залегании, и неподтверждённый слой этого времени проведёнными раскопками здесь пока не обнаружен.²³

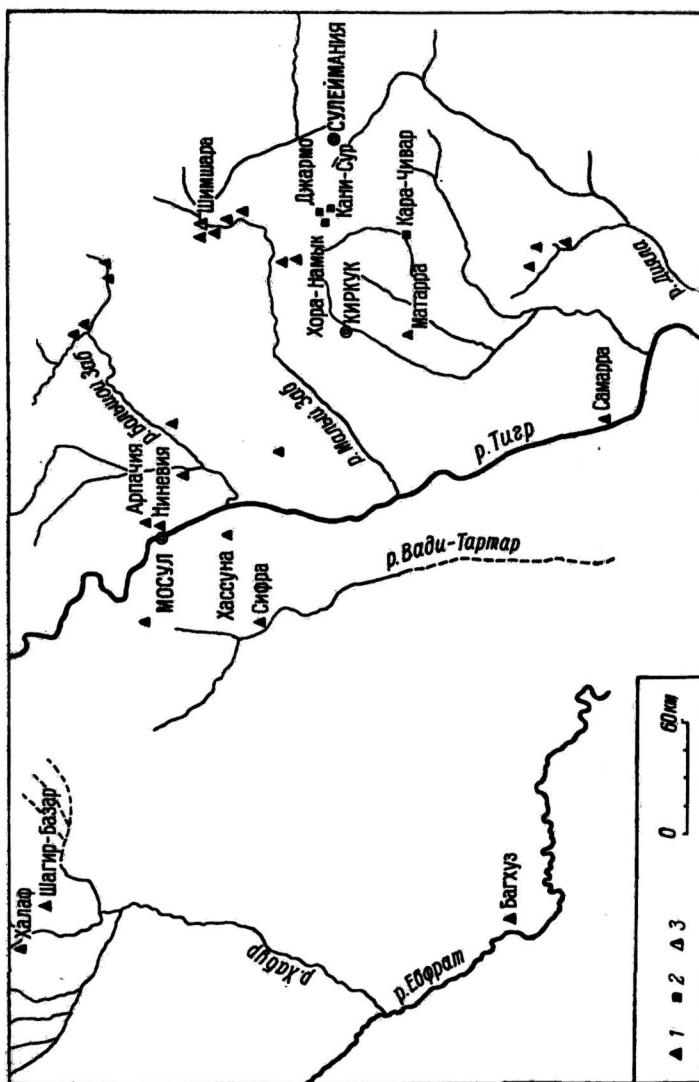

Рис. 8. Распространение памятников хассунской культуры.

1 — поселения культуры Хассуны; 2 — поселения типа Джармо; 3 — поселения, содержащие слои типа Джармо и Хассуны.

К периоду Хассуны относится такой выдающийся памятник, как некрополь Самарры, где могилы с расписной посудой были

²³ M. E. Mallownan, J. C. Rose. Prehistoric Assyria. The excavation at Tall Arpachiyah. London, 1935, fig. 77, p. 174; САЕМ, pp. 10—11.

встречены на глубине около 1.5 м под полами строений мусульманского времени.³⁴ Следов поселения здесь не найдено, и вполне вероятно, что состав происходящих отсюда предметов несколько специфичен, поскольку они являлись частью погребального инвентаря. Покойники в некрополе Самарры помещались на правом боку, в яме или в оградке из сырцового кирпича или просто глиняной. Наибольшую известность получила великолепная расписная керамика могильника Самарры, где наряду с простой геометрической орнаментацией имеются блюда с изображениями птиц, женщин, скорпионов, рыб и козлов. В настоящее время можно считать доказанным,³⁵ что самаррская керамика принадлежит ко времени Хассуны и является одним из локальных вариантов глиняной посуды этого времени, представленной в самой Хассуне более бедными и, можно сказать, провинциальными комплексами.

К числу богатых комплексов самаррского типа принадлежат находки из района Багуза, по среднему течению Евфрата. Здесь остатки древнего поселения образовали небольшой холм площадью около 1 га и высотой до 2 м. При разведочных раскопках были обнаружены небольшие прямоугольные комнаты, возведенные из сырцового кирпича. Богатый комплекс расписной керамики дает многочисленные варианты мотивов самаррского стиля, в том числе изображения людей и животных. Кроме керамики, следует отметить кремневые наконечники стрел с небольшим черешком, тесло из полированного камня, глиняные конусы и колесики того типа, который обычно определяется исследователями как принадлежащий моделям повозок.³⁶ Фрагменты расписной керамики самаррского типа встречены в нижних слоях таких памятников, как Шагир-Базар³⁷ и Телль-Халаф,³⁸ но в обоих случаях они как будто находятся в перемещенном состоянии.

³⁴ E. Herzfeld. Die Ausgrabungen von Samarra. T. V. Die Vorgeschichtlichen Töpfereien von Samarra. Berlin, 1930.

³⁵ R. J. Braidekwood, L. S. Braidekwood, E. Tulane, A. L. Perkins. New chalcolithic material of samarran type and its implications. JNES, v. III, № 2, 1944, pp. 258—259; R. J. Braidekwood, L. S. Braidekwood, J. G. Smith, Ch. Leslie. Matarrah, pp. 57—66.

³⁶ R. du Mesnil du Buisson. Baghouz l'ancienne Corsôte. Leiden, 1948, pp. 14—18; R. J. Braidekwood, L. S. Braidekwood, E. Tulane, A. L. Perkins. New chalcolithic material...

³⁷ M. E. Mallowan. Excavations at Tall Chagar Bazar and an archaeological survey of the Habur region, 1934—1935. Iraq, v. III, pt. 1, 1936, p. 11. Эти черепки найдены в слое 15, лежащем на материке. Здесь преобладает темнолощеная керамика сиро-киликийского неолита, но также имеются и черепки халафского типа. Возможно, неподтверждены слои с самаррской керамикой находились в стороне от места раскопа. Объяснение А. Перкинса, что эти черепки попали с каким-то полубродячим народом (САЕМ, р. 12), представляется маловероятным.

³⁸ САЕМ, pp. 12—13. Керамика самаррского типа как будто появляется позднее нерасписанной темнолощеной посуды. Возможно, первоначально

Наиболее изученными памятниками хассунской культуры являются, как мы уже отмечали, Хассуна и Маттарра.

Хассуна, расположенная к югу от Мосула, между двумя сухими руслами — вади, представляет собой поселение площадью около 3 га, жизнь на котором продолжалась до весьма позднего периода. Нижние слои этого поселения относятся ко времени существования той раннеземледельческой культуры северного Ирака, которая и получила наименование Хассуны. Мощность этих слоев достигает 5.2 м, а установленная стратиграфия позволяет проследить характер постепенного развития культуры (слои I—VI; в слое VI впервые появляются халафские чепраки).

Уже самые ранние слои Хассуны (Ia), расположенные непосредственно на поверхности древней равнины, рисуют вполне отчетливо культуру оседлых земледельцев (рис. 9), сохраняющую мезолитические традиции в значительно меньшей мере, чем это можно было видеть на примере южнотуркменистанского Джейтуна. В западной литературе зачастую обитателей древнейшей Хассуны характеризуют как полубродячие племена, не знавшие еще глиняной архитектуры. Однако открытие строительных остатков в Иерихоне, Джармо и Джейтуне заставляет усомниться в правильности такого заключения, ставшего традиционным. Скорее всего на незначительной площади, затронутой раскопками в нижних слоях Хассуны (200 m^2 , а ниже — 100 m^2), в древности не было каких-либо строений и они образовывали незастроенный участок между домами, использовавшийся в хозяйственных целях. Недаром здесь располагались крупные очаги и находились большие сосуды, несомненно предназначавшиеся для хранения каких-либо продуктов. Такое сосредоточение сосудов для хранения на участках между домами было отмечено и при раскопках Джейтуна. Подобно тому как дома раннеземледельческих племен возводились друг над другом, существовала преемственность и в сохранении незастроенных пространств. Поэтому в нижних наслойниях Хассуны три горизонта, отмеченные исследователями в слое Ia, не содержат строительных остатков, но зато с удивительным постоянством в них встречается большое число крупных сосудов для хранения. Допуская, что в слое Хассуна Ia уже были глинянитные постройки, можно объяснить и мощность этого слоя (1.2 м). Отпадает и недоумение исследователей по поводу отсутствия ям от столбов для легких шатровых построек, и нет необходимости видеть в населении, среди домашней утвари которого видное место занимали хрупкие и громоздкие глиняные сосуды, какие-то бродячие племена.

Телль-Халаф входил в зону сиро-киликийского неолита, а затем здесь во-зобладали восточные (самарро-хассунские) влияния.

Подобное заключение подтверждается и всем комплексом материальной культуры Хассуны Iа. Как и в других ранних поселениях оседлых земледельцев, здесь видное место занимает глиняная посуда. В основном это крупные сосуды, видимо предназначавшиеся для хранения припасов. Формы их несколько варьируют, но все они имеют подкос в придонной части и, как показали раскопки, именно эта придонная часть вкапывалась в землю. В глину, из которой изготавливались эти сосуды, в большом количестве подмешана крупнорубленая солома. Иногда сосуды имели полулунные ручки или пуговицеобразные выступы у венчика. Помимо крупных сосудов для хранения, в слое Iа найдено лишь незначительное количество других видов керамики, что, возможно, объясняется именно особым характером раскапывавшегося участка поселения. Следует отметить небольшой приземистый кубок, фрагмент чаши со сливом и часть сосуда с остатками примитивной росписи. Последняя находка особенно знаменательна и как бы предвещает расцвет аналогичным образом украшенной посуды в верхних слоях поселения.

Каменные орудия древнейшей Хассуны представлены массивными мотыгами, иногда со следами битума, возможно облегчившего их прикрепление к рукояткам, зернотерками, различного вида теслами из полированного камня и кремневыми изделиями. Последние относительно редки и, что особенно существенно, представлены весьма ограниченным числом форм. Это главным образом микропластиинки, вкладыши для серпов и крупные наконечники дротиков, близко напоминающие аналогичные изделия сиро-киликийского неолита. Здесь нет ни геометрических микролитов, ни сверл, ни богатого набора скребков, столь характерных для Джармо или Джейтуна. Видимо, обработка шкур уже не занимала большого места и в производственной деятельности хассунцев. Действительно, находки керамических напрясел показывают, что ткачество уже было известно обитателям маленькой североиракской деревушки.

Последующие слои Хассуны рисуют быстрое и прогрессивное развитие этой раннеземледельческой культуры. В этом развитии мы не замечаем каких-либо перерывов, а постепенное зарождение, расцвет и упадок одних типов глиняной посуды, сменяемых другими, лишний раз убеждают в преемственности культуры отдельных слоев (Ic—VI).

Теперь уже нет сомнений в том, что обитатели Хассуны пользовались долговременными жилищами. Остатки строений из сырцового кирпича, с одной стороны, служат основанием для выделения слоев (каждый дом соответствует одному слою), с другой стороны, рисуют картину постепенной эволюции домостроения. Если в слое Ic перед нами остатки отдельно стоящих построек, которые с известными основаниями можно сопоставить с одно-

комнатными домами Джейтуна и южнотуркменистанского энеолита, то позднее уже появляются большие, многокомнатные дома. Их регулярная планировка не оставляет сомнений в том, что эти

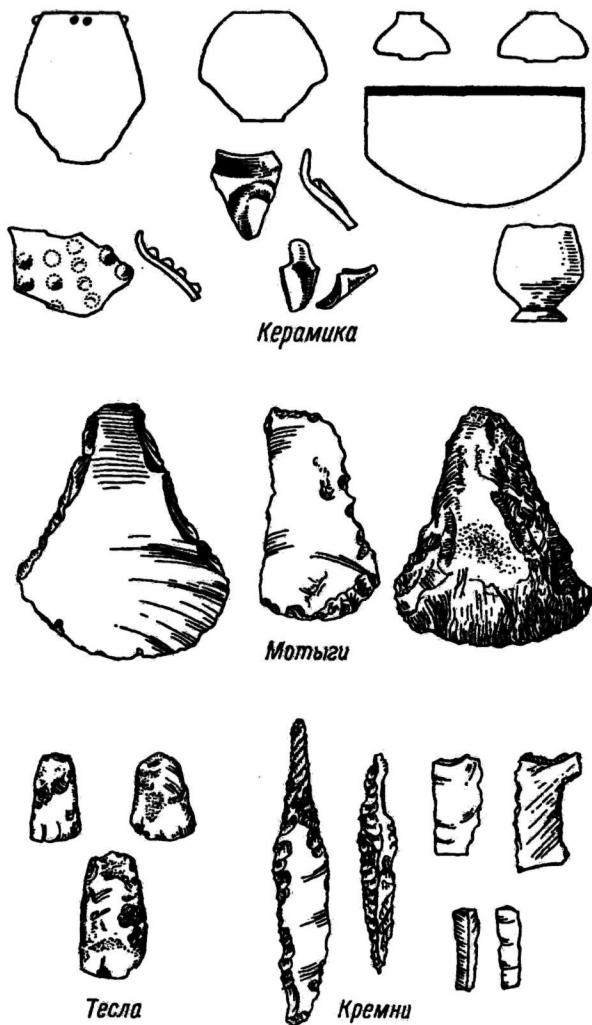

Рис. 9. Комплекс Хассуна Iа.

дома представляют собой единые сооружения, возведение которых соответствующим образом планировалось и организовывалось.³⁹

³⁹ Об эволюции строений Хассуны см. ниже, стр. 329—331.

Внутри помещений иногда находились печи для выпечки хлеба. Вне домов расположены овальные в плане закрома для зерна. Стенки их делались из глины с примесью соломы, а снаружи иногда обмазывались битумом. В слоях I_b—III они имеют форму грубых сосудов для хранения припасов, столь характерных для древнейшего слоя Хассуны. По существу они отличаются от этих сосудов большей величиной и отсутствием обжига. Нахodka в ряде закромов истлевших зерен и мякины не позволяет сомневаться в их первоначальном назначении. В одном случае в подобное хранилище были помещены неполные скелеты двух пожилых людей. Детские погребения также обычно помещались внутри крупных сосудов. Эта традиция сложилась еще в пору Хассуны I_a, где было найдено детское погребение внутри большой корчаги.

Глиняная посуда уже отличается известным разнообразием форм и приемов орнаментации (рис. 10). Все сосуды изготовлены от руки, что объясняет отсутствие угловатых и острореберных форм.

Преобладают крупные шарообразные сосуды с высоким горлом, горшкообразные сосуды менее значительных размеров, полусферические чаши разных пропорций и небольшие кубки. Для нашей темы нет необходимости подробно излагать ту обстоятельную и детальную классификацию хассунской керамики, которую дают ей исследователи.⁴⁰ Отметим только, что наряду с росписью в широких масштабах применяется нарезной орнамент, в чем, видимо, следует видеть результат воздействия со стороны культуры сиро-киликийского неолита. Орнаменты сравнительно просты и ограничиваются геометрическими мотивами, среди которых заметное место занимают рисунки треугольников — контурных или с сетчатым заполнением. Начиная со слоя III появляется керамика самаррского типа, отличающаяся от местной посуды как орнаментальными мотивами, так и более тщательным качеством. С. Ллойд и Ф. Сафар склонны считать, что самаррская керамика в Хассуне является предметом импорта, попавшим в северный Ирак из более южных областей. В таком предположении нет ничего невероятного. Для южного Туркменистана, например, в IV тыс. до н. э. это прекрасно характеризуется составом керамики на поселениях Геоксюрского оазиса, где наряду с основной массой керамики местного изготовления с примитивной росписью встречаются фрагменты высококачественных чаш с двухцветным рисунком, привозившихся из более западных поселений.⁴¹ В слое IV Хассуны самаррские черепки составляют

⁴⁰ S. L l o y d, F. S a f a r. Tell Hassuna, pp. 277—282, fig. 5.

⁴¹ См. ниже, стр. 139.

около 5.5 % учтенной керамики и в слое V около 9 %. В ряде случаев отдельные образцы было трудно с уверенностью отнести к продукции местных гончаров или к импорту с юга. Возможно,

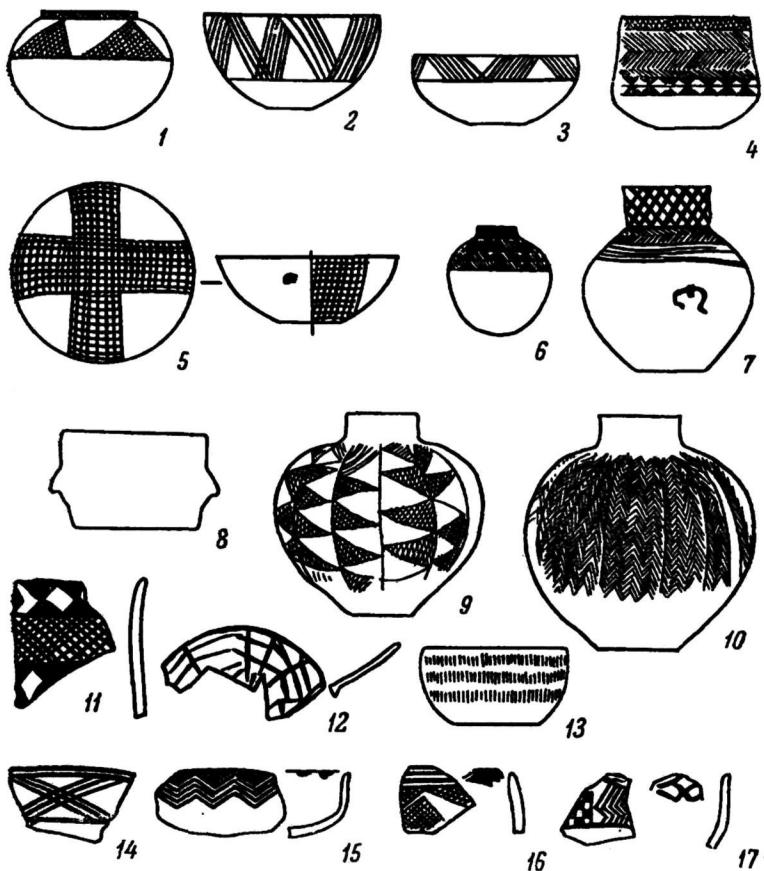

Рис. 10. Керамика Хассуны Ia—V.

1—3, 5, 8, 11 — standart painted ware; 4, 6, 7, 13 — standart painted and incised ware; 9, 10 — standart ware; 12 — archaic painted ware; 14—17 — Samarra ware.

в Хассуне изготавливались сосуды, подражающие типу привозных изделий.

Каменные орудия развитой Хассуны дают в основном тот же набор изделий, что и в пору существования древнейшего поселения. Это зернотерки, мотыги и тесла. Что касается кремневых орудий, то здесь обращает на себя внимание исчезновение круп-

ных наконечников дротиков. Теперь основным метательным орудием является праща, биконические глиняные ядра для которой встречаются, впрочем, еще в слое Ia. Исследователи отмечают увеличение количества вкладышей для серпов, становящихся одним из важнейших орудий в трудовой деятельности обитателей Хассуны. В одном из помещений слоя II даже отмечены следы изготовления вкладышей для серпов, а часть из них со следами битума с одной стороны сохранилась в неподтревоженном состоянии рядом с истлевшей деревянной основой, в которую эти вкладыши вставлялись. Эта находка позволила установить, что основа имела изогнутую форму и что, следовательно, перед нами налицо уже именно специализированный серп, а не архаический жатвенный нож с прямой основой. Вкладыши хассунских серпов отличны от вкладышей, употреблявшихся на Джейтуне или на поселениях сиро-киликийского неолита. Если там вкладышами, как правило, служили правильные кремневые пластины, то в Хассуне для этой цели использовались обломки пластин неправильной формы или даже просто отщепы. Из кости изготавливались различные проколки и шпатели. Так же как и в древнейшей Хассуне, часто встречаются напрясла, обычно биконической формы, изготавлившиеся в большинстве случаев из необожженной глины и иногда украшенные несложной росписью. Ткачество составляло неотъемлемую черту хозяйства оседлых земледельцев северного Ирака.

Весьма характерной чертой материальной культуры ранних земледельцев являлось и наличие мелкой глиняной скульптуры. В Хассуне это преимущественно схематические фигурки сидящих женщин, крупнейшая из которых имела высоту до 12 см и отличалась известным реализмом. Среди найденных в Хассуне разнообразных бус и подвесок следует назвать подвески из просверленных клыков диких животных и раковин, а также подвески из бирюзы. Первые являются как бы живым указанием на сохранение в культуре более древних традиций, а наличие бирюзы свидетельствует о развитом обмене, при помощи которого этот полудрагоценный камень попадал в пустынные районы на правом берегу Тигра.

Матарра — небольшое поселение, расположенное в 34 км к югу от Киркука, у подножия первых отрогов Загроса, — представляет собой как бы периферийный памятник хассунской культуры, материал которого более беден даже по сравнению с результатами, полученными при раскопках собственно Хассуны. Частично это, возможно, объясняется сравнительно небольшим масштабом произведенных раскопок. Здесь на поселении, почти равном по площади Хассуне (около 3 га), вскрыто около 460 м², причем в основном глубина раскопок весьма незначительна.

Основанием для поселения Матарра уже в древности явился небольшой естественный холм, на котором впоследствии накопи-

лись культурные слои мощностью до 5 м со следами пяти или шести строительных периодов. Хотя Матарра в отличие от Хассуны не перекрыта более поздними наслойениями, работы, проведенные американской экспедицией, дали мало для изучения построек хассунского времени. В Матарра, так же как и в Хассуне, дома были глинобитными. Более крупные комнаты, которые, видимо, являлись жилыми, имели площадь от 7 до 15 м². Иногда в них располагались печи для выпечки хлеба. Незначительный объем работ не позволяет говорить о каком-то определенном типе жилой архитектуры Матарра.⁴²

Трудно с уверенностью судить о наличии в Матарра слоя, соответствующего древнейшей Хассуне. Скорее имеющийся материал следует сопоставить с Хассуной Ib—VI. Здесь все уже говорит о вполне сложившейся культуре оседлых земледельцев. Среди многочисленных образцов керамики 22% учтенного материала составляет расписная керамика типа Самарры, с различными геометрическими мотивами. Расписная посуда типа, более характерного для Хассуны, отсутствует. Видимо, это свидетельствует о принадлежности Матарра к южному (самаррскому?) варианту хассунской культуры. Как и в Хассуне, в Матарра кремневые и обсидиановые изделия в основном представлены вкладышами для серпов.⁴³ Встречаются также кремневые сверла. Из камня изготавливались ступки, терки и песты. Найдено одно тесло из полированного камня, но мотыги, столь обильные в Хассуне, не обнаружены. Обычны костяные проколки и шпатели. Широко распространены глиняные ядра для прачи и напрясля различных форм. Глиняные статуэтки животных и схематическая стоящая женская фигурка дополняют характеристику материальной культуры поселения Матарра.

Таков археологический материал, характеризующий хассунскую культуру, являющуюся наряду с комплексом типа Джармо культурой древнейших земледельцев северного Ирака. Весьма показательно само распространение этой культуры. Памятники типа Джармо, известные в настоящее время, расположены в горных ущельях Иракского Курдистана и частично в районе подгорной полосы. Зона распространения хассунских поселений уже значительно шире: они проникают на холмистое плато Эль-Джезире, в междуречье Тигра и Евфрата и даже спускаются вниз по течению этих крупнейших водных артерий, как это показы-

⁴² Д. Смитом (JNES, v. XI, № 1, 1952, р. 7) высказано предположение, что обнаруженные в нижних слоях раскопа VI ямы, сделанные в поверхности древнего холма, служили местом обитания. Однако для этого они слишком малы. Скорее всего это хозяйственные ямы.

⁴³ Характерен следующий подсчет: из 20 вкладышей для серпов с явными следами употребления 5 изготовлены из пластин, 8 из пластиновидных отщепов и 7 просто из отщепов.

вают находки в Самарре и Багузе. И памятники типа Джармо, и основная масса хассунских поселений расположены в зоне, где и в настоящее время распространены посевы ячменя и пшеницы под дождь, без применения в широких масштабах искусственного орошения. Не случайно именно этот район явился местом сложения древнейшей оседлоземледельческой культуры. После того как возделывание полей создало прочную экономическую базу для быстрого прогресса общества и в первую очередь для устойчивого увеличения численности населения, ранние земледельцы Ирака, покидая горные районы, начинают осваивать новые территории. По мере такого расселения они неизбежно становились, попадая в иные природные условия, с необходимостью применения в какой-то форме искусственного орошения полей. На то, что в пору существования хассунской культуры это применение уже началось, указывает наличие поселения хассунского времени в районе Багдада, где земледелие возможно только на основе искусственного орошения. Показательно, что материал, свидетельствующий, хотя и косвенно, о наличии такого поселения (мы имеем в виду могильник Самарры), отличается яркостью и богатством, значительно превосходящим культуру собственно Хассуны или, скажем, Матарра. Эффектные расписные сосуды Самарры с сюжетными изображениями, в ряде случаев несомненно магического значения, свидетельствуют о большом мастерстве и умении создавших их художников. Это обстоятельство склонило целый ряд исследователей к мысли о том, что Самарра представляет собой совершенно отличную от Хассуны культуру. В настоящее время ясно, что время бытования самаррской керамики приходится на пору существования хассунских поселений и если относить к хассунской культуре Матарра, то следует признать, что к той же культуре принадлежит и самаррская посуда. Вместе с тем нельзя не видеть существенных различий между северными комплексами Хассуны и древнейшей Ниневии и южными комплексами типа Самарры и Багуза. Если материал Хассуны свидетельствует о том, что перед нами рядовое и сравнительно бедное поселение ранних земледельцев, то могильник Самарры носит несомненный налет «столичности». Разумеется, нет ничего удивительного, что на такой большой территории, как северный Ирак, в пределах одной культуры наблюдаются известные различия и вырисовываются отдельные локальные варианты. В конце концов, подобные различия можно наблюдать между такими двумя небольшими поселениями, как Хассуна и Матарра. В частности, в Матарра совершенно незаметно влияния сиро-киликийского неолита, определенно выступающего в Хассуне, ближе расположенной к области распространения этой культуры. Однако различия Самарры и Хассуны носят иной характер. Создается впечатление, что перед нами крупный культурный центр (Самарра), оказываю-

щий заметное влияние на менее значительные и менее развитые поселения. Недаром в Хассуне появляется привозная самарская керамика, видимо явившаяся предметом импорта из более развитого южного центра (или центров?).

Можно поставить вопрос: не связано ли более высокое развитие культуры в Самарре с расположением этого южного центра хассунской культуры в области, где орошение полей зависит от использования вод таких крупных рек, как Евфрат и Дияла? Во всяком случае весь дальнейший расцвет месопотамской культуры связан именно с теми кардинальными переменами в производстве, к которым привело развитие ирригации.

Если в областях северного Ирака, где были возможны богарные посевы злаковых культур, мы находим такие ранние поселения земледельцев, как Джармо и Хассуна, то на юг Ирака, в области позднейшего Шумера, земледельцы, видимо, проникли, лишь уже накопив известный опыт в возделывании и особенно в орошении своих полей. Это положение, обычно постулируемое в качестве теоретической предпосылки, в настоящее время как будто имеет все основания считаться подтвержденным археологическим материалом. Широко распространенная на юге Месопотамии убейдская культура отнюдь не является древнейшей, так же как и весьма примитивной, как можно было бы считать после раскопок, осуществленных в 20-х годах.⁴⁴ В целом ряде мест южной Месопотамии, в том числе в Уруке, Ништуре и Эреду, обнаружен предшествующий Убайду комплекс, получивший название Хаджи-Мухаммед.⁴⁵ Наконец, в Эреду, бывшем, согласно шумерской традиции, первой столицей Шумера и именно тем городом, где «спустилась с неба» царская власть, обнаружены слои еще более древние.⁴⁶ Здесь, в основании многометровой толщи холма Абу-Шахрейн, открыты небольшие, отдельно стоящие постройки, из которых здания Эреду XVI и Эреду XV скорее всего являются остатками святилищ. Древнейшие строения (Эреду XVIII) расположены прямо на песчаных отложениях аллювия.⁴⁷ Из числа обнаруженных здесь изделий опубликована, и то лишь выборочно, одна расписная керамика, ставшая темой разнообразных

⁴⁴ H. R. Hall, L. Woolley. Al-Ubaid. London, 1927.

⁴⁵ C. Ziegler. Die Keramik von der Qala des Hağgi Mohammed. Berlin, 1953.

⁴⁶ S. Lloyd, F. Safar. Eridu. Sumer, v. IV, № 2, 1948, pp. 121—125.

⁴⁷ Мы не разделяем предположения, что слой XVIII, представленный небольшим овальным помещением и тремя параллельными отрезками стенок, является лишь чем-то вроде фундамента для позднейших построек (S. Lloyd, F. Safar. Eridu, p. 121). Совершенно аналогичные отрезки параллельных стенок известны по многочисленным раннеземледельческим поселениям южного Туркменистана, начиная с Джейтуна. Они обычно расположены во дворах и скорее всего являются основанием для каких-то помостов (или зернохранилищ, требующих сухого воздуха).

сопоставлений и предположений. Геометрическая роспись, производившаяся темно-коричневой краской по кремовому фону, отличается значительной сложностью и совершенством и во всяком случае весьма превосходит простые орнаменты древнейшей керамики Хассуны и Сиалка.

К сожалению, одной расписной керамикой ограничивается древнейший археологический материал и из соседнего с Шумером Элама, где естественные осадки также недостаточны для выращивания урожаев и, следовательно, наличие земледельческой культуры предполагает известную степень развития ирригации. Здесь, неподалеку от Суз, давших знаменитые комплексы расписной керамики, обнаружен ряд поселений, относящихся к значительно более раннему времени, чем Сузы I, или Сузы A — по новой терминологии.⁴⁸ Наиболее ранние комплексы, получившие наименование Джаларабад и Джови, содержат расписную посуду, геометрическая орнаментация которой, так же как и в Эреду, весьма далека от несовершенного примитива.

Эти древнейшие культуры Элама и Шумера несомненно оставлены оседлыми земледельцами, развитие которых, судя по совершенству расписной керамики, уже прошло наиболее примитивные стадии. Последнее обстоятельство, естественно, заставляет обратиться к вопросу, откуда же пришли эти древнейшие земледельцы, колонизировавшие Элам и Шумер.

Некоторые исследователи, в частности Д. Мак-Каун, полагали, что Эреду является результатом проникновения в южную Месопотамию носителей культуры Джови и Джаларабада и что, таким образом, древнейшие обитатели Шумера иранского происхождения⁴⁹ (разумеется, лишь в территориальном смысле). Однако такой древнейший комплекс Элама, как Джаларабад, в лучшем случае одновременен Эреду,⁵⁰ если даже не относится к немного более позднему времени.⁵¹ Поэтому большое значение имеют результаты исследований, показывающих известное сходство керамики Самарры и Эреду, возможно свидетельствующее об их происхождении от одного общего источника.⁵² Исторически представляется вполне вероятным, что носители хассунской культуры, южный вариант которой отличается, как мы видим, особым богатством, в поисках новых земель спустились вниз по течению Тигра и Евфрата. Однако в шумерской мифологии распро-

⁴⁸ L. Le Breton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Susa. MDP, t. XXX, Paris, 1947.

⁴⁹ D. E. McCown. The relative stratigraphy and chronology of Iran. In: Relative chronologies in old world archeology. Chicago, 1954, p. 59.

⁵⁰ L. Le Breton. The early periods of Susa, Mesopotamian relations. Iraq, v. XIX, pt. 2, 1957, p. 84 sqq.

⁵¹ J. Oates. Ur and Eridu, the prehistory. Iraq, v. XXII, 1960, p. 44.

⁵² Там же, стр. 42. Об этом писал уже Г. Чайлд: Древнейший Восток... стр. 181.

странены предания о восточном происхождении шумеров,⁵³ и не исключена возможность, что новые открытия подтверждают мнение Д. Мак-Кауна. Происхождение комплекса Джанарабада следует, видимо, связывать с какими-то горными племенами Загроса, носителями культуры типа Хассуны или Сиалка I. Недаром отмечается связь между древнейшей расписной керамикой Элама и посудой Гиян VA. К сожалению, столь архаическая культура оседлых земледельцев в этом районе остается пока неизвестной.

Нельзя не видеть известную шаткость подобных построений, основанных на весьма ограниченном материале. С полной уверенностью можно утверждать лишь, что ни Шумер, ни Элам не содержат среди известных материалов древнейших этапов оседлоземледельческой культуры, подобных Джейтуну или Джармо. Развитие культуры на этих этапах протекало в иных природных условиях. Помимо горного Курдистана, эти природные условия благоприятствовали развитию земледелия в другой области Передней Азии, к рассмотрению которой мы и переходим.

В прибрежной зоне на юго-востоке Турции и на западе Сирии и Ливана расположен целый ряд остатков раннеземледельческих поселений, культура которых, по справедливому замечанию Г. Чайлда, «может соперничать в отношении своей древности с любой культурой в долине Нила и Месопотамии».⁵⁴ Получившая наименование культуры сиро-киликийского неолита, она, помимо древности, отличается и значительным своеобразием, указывающим на достаточно устойчивые и сильные местные традиции. Наиболее хорошо изученными памятниками этой культуры являются Юмук-Тепе, около г. Мерсина, и два холма в округе Александретты — Джудейде и Телль-Курду. Первое поселение в археологической литературе обычно именуется просто Мерсином,⁵⁵ а результаты раскопок двух других обобщены в археологической классификации по фазам, получившим наименования Амук A, B и т. д.⁵⁶ Материал этого типа дали также раскопки Тарса,⁵⁷ Рас-Шамры V⁵⁸ и Сакче-Гези.⁵⁹ О значительном продви-

⁵³ И. М. Дьяконов. Новые данные о шумерской культуре. ВДИ, 1947, № 2.

⁵⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток . . . , стр. 329.

⁵⁵ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953.

⁵⁶ R. J. Braيدwood and L. S. Braيدwood. Excavations in the plain of Antioch I. The earliest assemblages. Phases A—J. OIP, v. LXI, Chicago, 1960. См. рецензию В. М. Массона на эту книгу: ВИ, 1961, № 8.

⁵⁷ H. Goldmann. Excavations at Gözlu Kule, Tarsus II. Princeton, 1956, pp. 5, 65, 255 sqq.

⁵⁸ C. F. A. Schaeffer. 1) Les foulles de Ras Shamra-Ugarit, Sixième campagne (printemps 1934). Syria, t. XVI, 1935, pp. 164—168; 2) Ugaritica, I. Bibliothèque archéologique et historique, t. XXXI, Paris, 1939, pp. 3—8; 3) Les fondements pré-ét protohistoriques de Syrie du Néolithique ancien au Bronze ancien. Syria, t. XXXVIII, 1961, pp. 10—13.

⁵⁹ J. Garstang, W. J. Phythian-Adams, M. V. Seton -

жении этой культуры на восток свидетельствуют следы ее влияния в таком памятнике, как Хассуна, что уже отмечалось выше. Возможно, что, например, в Халафе поселение сиро-киликийской культуры предшествовало появлению здесь типичной северо-месопотамской культуры с расписной керамикой.⁶⁰ Вдоль средиземноморского побережья воздействие культуры сиро-килийского неолита распространяется и на юг, в сторону Ливана. Об этом свидетельствуют результаты раскопок Таббат-эль-Хаммам, в 45 км к северу от Триполи,⁶¹ и данные, полученные при изучении древнейших слоев Библа.⁶² Керамика сиро-килийского типа как будто имеется и в Хаме М.⁶³ Библ и Таббат-эль-Хаммам образуют как бы южный вариант сиро-килийского неолита. Здесь наблюдаются некоторые отличия в керамике, а кремневая индустрия обнаруживает значительные связи с палестинскими памятниками. Недавно памятники сиро-килийской культуры были открыты в большом числе на плодородной аллювиальной равнине Конии,⁶⁴ где раскопки крупнейшего из них, Чатал-Гуюка, видимо древнего центра этого района, уже дали интереснейшие новые материалы.⁶⁵

Культура сиро-килийского неолита неоднократно привлекала внимание исследователей. Ей, в частности, специально посвящен целый ряд сводных статей.⁶⁶

Для определения абсолютного возраста сиро-килийской культуры большое значение имеют недавно полученные резуль-

Williams. Third report on the excavations at Sakje-Geuzi, 1908—1911. LAAA, v. XXIV, 1937, pp. 119—140; J. du Plat Taylor, M. V. Setton-Williams, J. Waechter. The excavations at Sakce Gözü. Iraq, v. XII, 1950, pp. 53—138.

⁶⁰ R. J. Braيدwood, L. S. Braيدwood. Earliest village communities..., pp. 298—299.

⁶¹ R. and L. Braيدwood. Report on two sondages on the coast of Syria. Syria, v. XXI, 1940, pp. 183—226; F. Holle. A reanalysis of Basal Tabbat al-Hammam. Syria, v. XXXVI, 1959, pp. 149—182.

⁶² M. Dunand. 1) Chronologie des plus anciennes installations de Byblos. Revue biblique, t. LVII, 1950, pp. 583—603; 2) Rapport préliminaire sur les fouilles de Byblos en 1948. Bull. Musée Beyrouth, t. IX, 1949, pp. 53—64; 3) Rapport... en 1949. Ibid., pp. 65—74; 4) Rapport... en 1950. Ibid., t. X, 1955, pp. 7—12; 5) Rapport... en 1951. Ibid., pp. 13—20; 6) Rapport... en 1952. Ibid., pp. 21—23. К сожалению, значительная часть этих работ осталась нам недоступна.

⁶³ R. J. Braيدwood, L. S. Braيدwood. Earliest village communities..., p. 297.

⁶⁴ J. Mellaart. Early cultures of the South Anatolian Plateau. AS, v. XI, 1961, pp. 159—166, 172—178.

⁶⁵ J. Mellaart. The beginnings of mural painting. Archaeology, v. 15, № 1, 1962, pp. 2—12.

⁶⁶ R. J. Braيدwood. The earliest village materials of Syro-Cilicia. Proc. of the Prehistoric Soc., v. XXI, 1956, pp. 72—76; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. СА, 1959, № 1, стр. 291—299.

таты радиокарбонового анализа. Согласно этим данным, нижние слои Библа датированы $4600(\pm 250)$ г. до н. э., а нижние слои Мерсина — $6000(\pm 250)$ г. до н. э.⁶⁷ Однако, судя по археологическому материалу, между Библом и Мерсином нет столь значительного разрыва.⁶⁸ Это противоречие в известной мере устраняет новая дата, полученная в Гронингенской лаборатории для древнейшего Библа, — $5050(\pm 80)$ г. до н. э.⁶⁹

Поскольку в Хассуне отмечаются несомненные контакты с сиро-килийским неолитом типа Амука А—В (крупные кремневые наконечники дротиков, некоторые виды керамики с нарезным орнаментом), а в комплексе Амук С налицо несомненно халафское влияние, можно считать, что в целом сиро-килийская культура близка Хассуне по времени. Исходя из этого обстоятельства с учетом общих результатов радиокарбонового анализа, сиро-килийский неолит (Амук А—В, Мерсин XXXI—XXV) можно ориентировочно датировать VI—первой половиной V тыс. до н. э.

Судя по имеющимся данным, это была уже вполне сложившаяся раннеземледельческая культура. Уровень ее развития ближе всего напоминает Хассуну, с которой она, видимо, совпадает и хронологически, и существенно превосходит Джармо или джейтунскую культуру.

К сожалению, нижние слои многих сиро-килийских памятников находятся ниже уровня подпочвенных вод и остатки глинянобитных строений здесь в силу этого обстоятельства не могли быть обнаружены. Но уже сама мощность этих слоев, достигающих, например в Мерсине, 10 м, свидетельствует о наличии таких построек, давших большие оплывы.⁷⁰ Обнаруженные в верхних слоях Мерсина каменные кладки скорее всего являются фундаментом таких глинянобитных стен. Образованные этими кладками небольшие комнатки, вероятно, играли роль каких-то хранилищ.⁷¹ Остатки лощеных стен были встречены в Тарсе. В Библе от прямоугольных комнат размером около 4×2.5 м² сохранились полы, также покрытые тщательно залощенной глиняной обмазкой. Небольшие прямоугольные дома из сырцового кирпича были раскопаны на главном поселении конийского района — Чатал-Гуюке. Здесь дома состояли из главной комнаты и небольшой хозяйственной пристройки. В каждом доме находился очаг, а около дома печь для выпечки хлеба. О высоком уровне развития

⁶⁷ R. J. Braidwood. Near eastern prehistory, p. 1426.

⁶⁸ F. Hole. A Reanalysis..., p. 175; R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations..., p. 504.

⁶⁹ Там же, прим. 40. Образец для Гронингенской лаборатории был взят из более раннего здания, чем образец, давший дату 4600 г. до н. э.

⁷⁰ П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин, стр. 293.

⁷¹ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations..., p. 506.

Культуры свидетельствует открытие на Чатал-Гуюке небольшого святилища, стены которого были украшены фресковой живописью (охота на оленей, магические пляски, процесии людей, пасущиеся животные и т. п.).

⁷¹ По отпечаткам зерен в стенках глиняных сосудов установлено, что, например, обитатели Джудейде возделывали эммер и ячмень. По мнению производившего эти определения Г. Хельбека, сохранность растительных остатков указывает, что обмолот производился при помощи скота.⁷² О развитии животноводства свидетельствуют кости домашних коз в слое Амук А и овец в слое Амук В. Вместе с тем охота, в частности на газель, а также, видимо, на свинью и быка сохраняла еще свое значение.⁷³ Жители Чатал-Гуюка охотились на оленей, диких быков и диких лошадей или куланов. Не могло не сказаться на хозяйстве носителей этой культуры и приморское расположение некоторых из поселений. Их жители, видимо, были знакомы с мореплаванием⁷⁴ и занимались добывкой моллюсков и рыб. Это, однако, не меняло существенно того обстоятельства, что в основном они оставались типичными оседлыми земледельцами и скотоводами. О земледельческо-скотоводческом хозяйстве ярко свидетельствует весь облик материальной культуры сиро-киликийского неолита.

Каменные сосуды уже встречаются здесь сравнительно редко и, видимо, предназначались лишь для каких-то специальных целей. Их место, так же как и в Хассуне, прочно заняла глиняная посуда. Преобладающим видом этой посуды является керамика с темнолощеной поверхностью, иногда украшенная несложным орнаментом, наносившимся ногтем, костью птицы или стенкой раковины. Иногда встречаются чаши с налепом в виде головы быка.

Позднее распространяется орнамент, наносившийся лощением и, возможно, в результате воздействия со стороны северо-иранской культуры появляется очень редкая расписная керамика. Орнамент ее несложен — прямые или волнистые линии, идущие вертикально. Ближе всего она напоминает керамику хассунского времени из Ниневии (слой Ниневия 2б, реже в слое 2а) и, как это ни странно звучит, учитывая огромное расстояние, отделяющее оба района, расписные сосуды джейтунской культуры.

⁷² H. Helbaek. Cereals and wild grasses in phase A. In: R. J. Braide wood and L. S. Braide wood. Excavations..., p. 543.

⁷³ К сожалению, в имеющихся публикациях, несмотря на их фундаментальность, отсутствуют статистические данные по остеологическому материалу. О наличии одомашненных козы и овцы сообщает Ч. Рид (C. A. Reed. A. review of the archaeological evidence..., p. 132). Ср.: R. J. Braide wood and L. S. Braide wood. Excavations..., pp. 67-99.

⁷⁴ П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин, стр. 298.

Кремневая индустрия сиро-киликийского неолита представлена уже ограниченным набором орудий. Наиболее характерны для нее крупные наконечники дротиков, обработанные прекрасной ретушью. Широко распространены также вкладыши для серпов в виде правильных пластин, лишенных ретуши и иногда, как например в Библе и Таббат-эль-Хаммаме, имеющих зубчатую ретушь. В Таббат-эль-Хаммаме вкладыши серпов составляют около $\frac{1}{6}$ всех найденных кремневых изделий. Известны также миниатюрные проколки, но нет ни геометрических микролитов, ни богатого набора скребков, столь характерных для Джармо или Джейтуна. Весьма многочисленны, особенно в Джудейде, каменные шлифованные кельты, имевшие форму топоров, тесел и долот. Видимо, столь же разнообразным было и их назначение. Некоторые из этих орудий весьма невелики и, вероятно, употреблялись для каких-то специальных работ. Из камня изготавливались также ядра для пращи и, видимо, навершия для булав. Наиболее обычным костяным орудием является проколка, но известны также лощила и, возможно, лезвия от колющих орудий типа кинжала.

Весьма характерны для уже сложившегося оседлоземледельческого хозяйства разнообразные пряслица, свидетельствующие о широком развитии ткачества. Они изготавливались как из глины, в виде массивных биконических напрясел или колес, так и из обломков керамики, в виде просверленных в центре кружков. Последние как будто распространены в сиро-килийском неолите особенно широко. В ранних слоях Мерсина роль напрясел, возможно, играли овальные камни с отверстием в середине.

Для завершения характеристики этой культуры следует указать на наличие печатей или амулетов с несложным геометрическим орнаментом, обычно в виде косой или прямой сетки. Позднее подобные поделки широко распространяются на Древнем Востоке и их употребление в качестве печатей несомненно. Каково было их назначение в Джудейде, где они найдены в комплексах Амук А и В, остается неизвестным. Во всяком случае это древнейшие из известных изделий подобного рода и их наличие еще раз подчеркивает большое своеобразие сиро-килийского неолита. Кроме того, при раскопках Чатал-Гуюка были найдены каменные и глиняные статуэтки, изображающие женщин.

Эта культура развивалась на восточном побережье Средиземного моря в течение многих столетий. Ее носители пересекли холмистое плато внутренней Сирии и оказали известное влияние на хассунскую культуру в северном Ираке. Однако с течением времени более быстрый культурный и хозяйственный прогресс северомесопотамских племен привел к воздействиям, идущим в обратном направлении. В таких комплексах, как Амук С и Мерсин XVII—XIX, мы видим ясные следы халафского влияния. Это влияние достигает и Рас-Шамры. Хотя местные традиции сиро-

киликийской культуры сохраняются на протяжении еще долгого времени, месопотамские воздействия становятся все более определяющими. Рассмотрение их уже выходит за рамки настоящей главы.

К востоку от области распространения сиро-килийского неолита, на юго-западе Малой Азии, расположены памятники другой раннеземледельческой культуры, весьма близкой по характеру Амуку и Мерсину, но выделяющейся по ряду признаков в особую культурную провинцию. На Конийской равнине эти памятники граничат с поселениями сиро-килийского неолита,⁷⁵ а на западе граница их распространения достигает Хиоса. Особенно хорошо эта культура стала известна после систематических раскопок 1957—1960 гг. на поселении Хаджилар, в юго-западной Турции, в 25 км к западу от г. Бурдурь.⁷⁶ Здесь были открыты остатки девяти строительных горизонтов (Хаджилар I—IX), относящихся ко второй половине VI—началу V тыс. до н. э.⁷⁷ Сам Хаджилар, подобно памятникам сиро-килийского неолита, является типичным поселением оседлых земледельцев. Поселок был образован небольшими домами, возведенными из прямоугольного сырцового кирпича. Внутри домов находились очаги, а рядом с домами располагались зернохранилища и печи для выпечки хлеба. От врагов жителей Хаджилара ограждала стена из сырцового кирпича, шедшая по краю поселения.⁷⁸ При раскопках обнаружено значительное число зерен пшеницы однозернянки и двузернянки — эммара, ячменя, чечевицы, гороха и вики, причем наиболее обычной находкой была пшеница. Ее зерна встре-

⁷⁵ J. Mellart. Early cultures..., pp. 169—172.

⁷⁶ См. отчеты Д. Мелларта: AS, v. VIII, 1958, pp. 127—153; v. IX, 1959, pp. 51—65; v. X, 1960, pp. 67—104; v. XI, 1961, pp. 39—75.

⁷⁷ В Пенсильванской лаборатории были получены следующие даты для наслонений Хаджилара: I — 4976(± 95), II — 5219(± 134), VI — 5399(± 85), IX — 5487(± 119) гг. до н. э. Дату Британского музея для Хаджилара VI (5590 ± 180) Д. Мелларт считает несколько заниженной. Нельзя не отметить, что в первых публикациях Д. Мелларт, увлекаясь открытым памятником, готов был приписать ему большую древность, чем Хассуне, синхронизируя Хаджилар V с Мерсином XXIV и соответственно с Хассуной Ia (AS, v. VIII, 1958, p. 153). В действительности с большими основаниями следует сопоставлять расписную керамику Хаджилара VI с аналогичной посудой Мерсина XXV, где она скорее всего появилась в результате влияния со стороны комплексов типа Ниневия 2в. Как известно, Ниневия 2в соответствует Хассуне II—V, и поэтому, видимо, в Хаджиларе IX—I и Хассуне следует видеть одновременные памятники, о чем свидетельствуют и результаты радиокарбоновой датировки хассунских поселений (см. выше, стр. 51, прим. 28).

⁷⁸ Д. Мелларт считает укрепление слоя Хаджилар I остатками крепости правителя Хаджилара (AS, v. IX, 1959, p. 52; v. X, 1960, p. 96), для чего нет никаких оснований. Неясно, где же в таком случае располагалось само поселение, бывшее под властью этого «правителя». Остатки укрепления открыты также в слоях IIa, IIb и III, где они определенно являются обводной стеной, с чем согласен и Д. Мелларт.

чались буквально в каждом доме как в специальных зернохранилищах, так и просто на полу, куда они, видимо, попали, высыпавшись из сгнивших мешков. Не случайно культура типа Хаджалара отмечена на большинстве аллювиальных равнин на юго-западе Малой Азии: древние земледельцы уже широко освоили районы, наиболее удобные для их посевов.

К сожалению, в опубликованных отчетах не уделено должного внимания характеристике остеологических материалов и лишь вскользь упоминается о большом количестве костей козла в нижних слоях Хаджилара. Характер орудий труда ясно показывает, что здесь, как и в сиро-киликийском неолите, тканая материя уже вытеснила обработанные шкуры из ряда областей хозяйства и быта. Кремневая индустрия Хаджилара сравнительно бедна, что, возможно, частично объясняется появлением, начиная во всяком случае со слоя VI, кусков медной руды. В отличие от Сиро-Киликии крупные наконечники дротиков, обработанные отжимной ретушью, на юго-востоке Малой Азии буквально единичны. Распространены вкладыши серпов, изготовленные из кремнистого известняка и вставлявшиеся в изогнутую основу, делавшуюся из рога оленя. Широко распространены терракотовые пряслица, а отпечатки тканей на глиняных сосудах являются дополнительным указанием на развитие ткачества.

Глиняная посуда Хаджилара в отличие от Сиро-Киликии имеет преимущественно светлоокрашенную поверхность, но, так же как в Амуке и в Мерсине, изготавливается (в отличие от северного Ирака!) без примеси к глине мелкорубленой соломы. Характерны широкое распространение ручек трубчатой формы и налепы в виде голов животных (быка, оленя, собаки). Со слоя VI распространяется расписная керамика, особенно многочисленная в верхних горизонтах. Первоначально роспись представлена несложными геометрическими орнаментами, находящими близкие аналогии в материалах Мерсина, но затем в слоях I—II отличается своеобразием, чем-то напоминая расписную керамику американских племен пуэбло.

Одним из выдающихся открытий, сделанных в Хаджиларе, является великолепная коллекция женских глиняных фигурок, происходящая из слоя VI и насчитывающая свыше 30 экземпляров (рис. 11). Здесь мы видим и стоящих женщин, и матерей с детьми на руках, сидящих в свободной позе, и лежащие фигуры. Выделяются статуэтки, изображающие молодую женщину в объятиях юноши и богиню, сидящую на леопарде. Хаджиларские скульптуры с их живостью поз, великолепным пластическим мастерством, разнообразием сюжетов несомненно открывают новую страницу в изучении искусства раннеземледельческих племен.

Наконец, четвертая область распространения культуры древнейших земледельцев расположена к югу от памятников сиро-

киликийского неолита и занимает районы холмистого плато Палестины и Иордании. Здесь, к северу от Мертвого моря, в долине р. Иордана, расположен холм Телль-эс-Султан, являющийся

Рис. 11. Статуэтки Хаджилара.

руинами упоминаемого в Библии города Иерихона. Однако Телль-эс-Султан содержит не только остатки поселения II тыс. до н. э., стены которого, по преданию, рухнули от звуков труб осаждавших его войск. Систематические раскопки открыли здесь целый

ряд последовательных наслоений, древнейшие из которых были оставлены оседлым населением, обитавшим в прочных глинянитых домах, но еще не знавших употребления глиняной посуды. Впервые эта культура, получившая условное наименование докерамического неолита, была открыта еще в 1935 г.⁷⁹ После войны раскопки были продолжены и руководившая ими К. Кенyon установила, что, во-первых, как показывает мощность слоев, докерамический неолит развивался в течение длительного времени и, во-вторых, Иерихон этого времени имел обводную стену,ложенную из камня на глиняном растворе. Эти интереснейшие открытия привели первоначально к появлению отдающих погоней за sensationalistичностью статей о «древнейшем городе мира»⁸⁰ и вызвали на страницах журнала «Antiquity» оживленную дискуссию о возрасте открытых настроений и о том, можно ли считать Иерихон поры докерамического неолита древнейшим городом.⁸¹ Дискуссия показала, что, с одной стороны, большая древность открытой культуры несомнена и что наряду с этим нет оснований преувеличивать степень развития обитавшей здесь общины ранних земледельцев с весьма архаической культурой и низким уровнем развития производительных сил.⁸² При продолжении работ, завершенных в 1958 г., сама К. Кенyon стала более осторожна и как будто более правильно интерпретировать добытый материал.⁸³ Хотя полные отчеты о раскопках К. Кенyon еще не увидели света,⁸⁴ уже сейчас в общих чертах выявленная ими культура древнейшего Иерихона выступает достаточно определенно. Вместе с тем следует

⁷⁹ J. Garstang. 1) Jericho: city and necropolis, VII. General report for 1935. LAAI, v. XXII, 1935, pp. 143—144, 167—168; 2) The story of Jericho. London, 1940, ch. III.

⁸⁰ K. Kenyon. 1) Jericho — the world's oldest town. ILN, № 6133, 13 okt. 1956, pp. 611—612; 2) Jericho and its setting in near eastern history. Antiquity, 1956, № 120, pp. 184—193.

⁸¹ M. Wheeler. The first town? Antiquity, 1956, № 119, pp. 132—136; V. G. Childe. Civilization, citiens and towns. Ibid., 1957, № 121, pp. 36—37; R. J. Braidwood. Jericho and its setting in near eastern history. Ibid., № 122, pp. 73—80; K. Kenyon. Reply to proff. Braidwood. Ibid., pp. 82—84.

⁸² B. M. Masson. Докерамический неолит Иерихона. CA, 1958, № 3, стр. 250—252.

⁸³ K. Kenyon. 1) Earliest Jericho. Antiquity, 1959, № 129, pp. 5—9; 2) Excavations at Jericho, 1957—1958. PEQ, 1960, july—dec., pp. 88—102.

⁸⁴ Предварительные отчеты публиковались в «PEQ» за 1953—1956 и 1958 гг. См. также ее статьи в «Antiquity» (v. XXVI, 1952, pp. 116—122; v. XXX, 1956, pp. 184—198; v. XXXIV, 1960, pp. 88—101); A. D. Tushingham. The joint excavations at Tell es Sultan (Jericho); Amer. Schools of Oriental Research, Bull., № 129, 1952, pp. 5—16. Ряд сведений сообщен в популярной книге: K. Kenyon. Diggins up Jericho. New York, 1957. В настоящее время издан полный отчет лишь о раскопках погребений эпохи бронзы: K. Kenyon. Excavations at Jericho. V. I. The tombs excavated in 1952—1954. London, 1960.

отметить, что само поселение древнейшего Иерихона не является уже единственным памятником этой интереснейшей культуры. В Вади-Фалла на средиземноморском побережье обнаружены культурные наслоения аналогичного типа. Здесь на террасе перед пещерой раскопаны несколько круглых в плане домов, стены которых выложены из камня. В центре домов находился круглый очаг, сложенный из камней.⁸⁵ Дома с лощеными полами иерихонского типа, с такой же, как в соответствующих слоях Иерихона, кремневой индустрией недавно открыты в Рас-Шамре. Сходного типа кремневые орудия характерны и для ранее известного поселения Абу-Гош. Здесь также отмечено существование лощенных полов.⁸⁶ Видимо, есть все основания говорить об особой иерихонской культуре, характерной для рассматриваемой области. Наиболее значительный материал этого типа происходит из раскопок Иерихона. Здесь же были получены данные для определения абсолютного возраста этой культуры. Слои позднего докерамического неолита (фаза В) датированы $5850(\pm 160)$ и $6250(\pm 200)$ гг. до н. э.⁸⁷ Более ранние наслоения (фаза А) получили даты $6770(\pm 210)$ и $6850(\pm 210)$ гг. до н. э.⁸⁸ На длительность существования указывает и то обстоятельство, что наибольшая мощность культурных слоев с находками данного типа в Иерихоне достигает 13,5 м. По относительной стратиграфии Ближнего Востока слои, перекрывающие в Иерихоне дома докерамического неолита, могут быть отнесены ко второй половине V тыс. до н. э. (если их синхронизировать с фазой Амук С). Однако эта культура Иерихона (Иерихон IX) не обнаруживает почти никаких связей с ранее существовавшим здесь поселением. Перед нами несомненный разрыв, видимо соответствующий значительному отрезку времени. Все это позволяет считать в настоящее время наиболее вероятной датировку иерихонской культуры VII—VI тыс. до н. э.

Раскопки Иерихона достаточно четко установили историю существовавших здесь поселений, оставивших перекрывающие друг друга многометровые толщи культурных наслоений. Древнейшее поселение располагалось в северной части Тельль-эс-Султан и относится еще к поре мезолита, представленного в Палестине натуфийской культурой (рис. 12). Зарождение поселения именно в этот период — обстоятельство огромной важности, и на нем мы подробнее остановимся в следующей главе. Здесь обнаружены остатки не вполне ясной постройки,озвезденной из камней, глины

⁸⁵ M. Stekelis. Oren Nahal (Wadi Fallah). Israel Exploration Journ., v. X, № 2, 1960, Notes and News, pp. 118—119.

⁸⁶ J. Pergot. Le Néolithique d'Abou Gosh. Syria, t. XXIX, 1952, pp. 119—145.

⁸⁷ F. E. Zeuner. The radiocarbon age of Jericho. Antiquity, 1956, № 120, pp. 195—197.

⁸⁸ K. Kenyon. Excavations at Jericho, 1957—1958, p. 98.

и деревянных столбов. К. Кенyon допускает, что перед нами какое-либо культовое сооружение, святилище или священное место мезолитических охотников и собирателей.⁸⁹ Культурные остатки последующего периода также обнаружены в северной части городища, хотя и не в том месте, где слои мезолитического времени. Эти слои, называемые К. Кенyon протонеолитическими (Proto-Neolithic Stage), образуют по характеру найденных в них изделий закономерный переход от натуфийского мезолита к собственно докерамическому неолиту Иерихона. Пока именно этим определяется важность указанных переходных слоев. Вскрыты на не большой площади, они не позволили установить типы существовавших строений. Видные в обрезах раскопа небольшие оплывы позволяют предполагать, что это были легкие строения, где на глиняном фундаменте возвышались стены из веток и прутьев. Вместе с тем показательно, что слои этого периода имеют толщину 4 м, что свидетельствует и об известной длительности самого периода, и о наличии каких-то глиnobитных сооружений, оплыв которых частично образовал эти слои. Поселение этого периода было сравнительно невелико, и протонеолитических слоев нет ни к югу, ни к северо-востоку от раскопа, в котором они были обнаружены.

Наоборот, перекрывающие их культурные наслойения встречаются уже почти на всей территории Телль-эс-Султана. Содержащие остатки многочисленных глиnobитных домов, эти наслойния

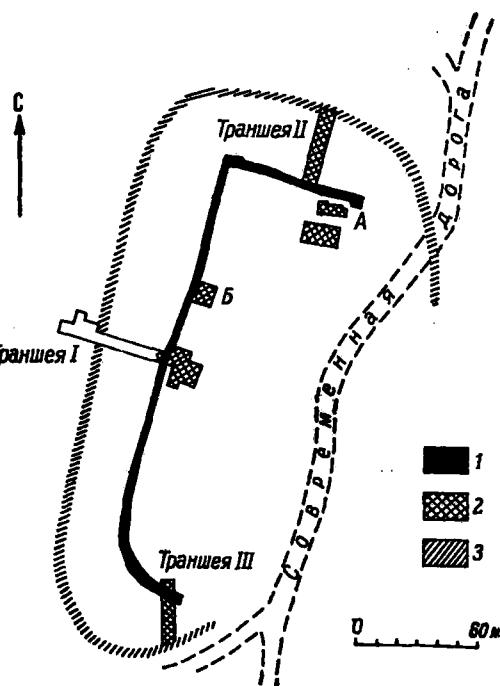

Рис. 12. Иерихон. План поселения.

1 — городская стена эпохи бронзы; 2 — слой докерамического неолита; 3 — ров эпохи бронзы, А — раскоп, в котором открыты натуфийские слои; Б — раскоп, в котором открыты протонеолитические слои.

⁸⁹ К. Кепуоп. 1) Earliest Jericho, p. 8; 2) Excavations at Jericho, 1957—1958, p. 100.

и представляют собственно докерамический неолит Иерихона, в котором различаются два хронологических этапа. Уже в первом этапе (Pre-Pottery Neolithic A) Иерихон был поселением, занимавшим площадь около 4 га. По периметру это поселение окружала стена из бутового камня, прослеженная во всех трех траншеях, прорезавших склоны Телль-эс-Султана. В траншее III эта стена достигала ширины 1.6 м и сохранилась на двухметровую высоту. За стеной располагались дома, построенные из сырцового кирпича, еще не изготавливавшегося в специальных формах. Одна сторона кирпича была плоской, а другая овальной. Поступи дела подобный кирпич характеризует очень архаическую стадию сырцовой архитектуры и может быть сопоставлен с теми глиняными блоками, из которых возводились строения Джейтуна. Примечателен не только строительный материал, но и сами дома первого этапа иерихонской культуры. Они имеют в плане форму круга или овала, причем в ряде случаев представляют собой как бы полуzemлянки, поскольку от входа внутрь дома вели понижающиеся ступени или просто наклонный спуск. Несомненно, эта архаическая форма глиnobитных домов происходит от овальных полуzemлянок и хижин мезолитического периода. Теперь, когда на одном из натуфийских поселений открыты круглые жилища со стенами, сложенными из камня,⁸⁰ в этом нет особых сомнений. Камень заменили кирпичи, сформованные из глины с примесью соломы, но план жилищ остался прежним.

В отношении домостроительства следующий этап иерихонской культуры (Pre-Pottery Neolithic B) отличается значительным прогрессом. Правда, и здесь сырцовый кирпич не имеет четкой прямоугольной формы и его овальновытянутые очертания опять-таки весьма близки строительному материалу Джейтуна, но помещения уже приобретают прямоугольный план, более соответствующий тем возможностям, которые представляла сырцовая архитектура. Основным типом жилого строения теперь является крупная прямоугольная комната размером 6.5×4 или 7×3 м. Около таких комнат теснятся небольшие клетушки, игравшие роль хозяйственных складов и закромов. Между домами располагались незастроенные участки, именуемые К. Кеньон дворами. В них, видимо, происходило приготовление пищи, поскольку именно здесь встречены очаги и толстые слои золы. Пол жилых комнат, как и в джейтуинских домах, покрыт известковой штукатуркой, часто окрашенной в красный или кремовый цвет. Однако в отличие от Джейтуна полы иерихонских строений были, как правило, тщательно заложенены. В связи с описанием домов следует упомянуть следующую интересную особенность иерихонской культуры. Под по-

⁸⁰ J. Pergot. Excavations at Eynan (Ain Mallaha). Preliminary report on the 1959 season. Israel Explorations Journ., v. X, № 1, 1960, pp. 14—22.

лами помещений в ряде случаев были найдены черепа, иногда расположенные в определенном порядке. В ряде случаев на лицевую часть черепов надета глиняная маска, сделанная в виде человеческого лица. Вставленные в глазницы раковины каури дополняли впечатление человеческого лица, моделированного зачастую с большой тонкостью и изяществом. Скорее всего перед нами одно из проявлений культа предков. Подобным образом для сохранения постоянной связи с предками их кости и чаще всего черепа у папуасов и андаманцев хранятся в жилищах или в особых помещениях. Культ предков является одной из этнографических особенностей, присущих именно иерихонской культуре. Иерихон этого второго этапа по величине соответствовал поселению времени круглых домов. Его также окружала стена из бутового камня.

Именно эта стена в первую очередь смущила исследователей, видевших в ней крепостные укрепления первого в мире города. В действительности обводная стена Иерихона не столь уж грандиозна, как это могло казаться по первоначальным сообщениям. Сначала ее описывали как стену, фланкированную круглыми башнями. Продолжение раскопок показало, что в действительности дело обстояло значительно сложнее. В раскопе около траншеи 1 было найдено массивное башнеобразное сооружение из бутового камня диаметром до 7 м (рис. 13). Однако подобное сооружение появилось не сразу и имело сложную и длительную историю. Первоначально «башня» находилась рядом с обводной стеной и не имела к ней никакого отношения. Возможно, мы имеем дело с каким-то особым сооружением, которое по плану повторяло дома раннего этапа иерихонской культуры, к которому, кстати, сама башня и относится. В других участках подобных башен обнаружено не было. Стена же из бутового камня толщиной немного более 1.5 м не представляет собой чего-либо исключительного. Подобные стены еще натуфийцы сооружали на террасах перед пещерами, служившими им местом обитания.

Разумеется, стена Иерихона значительно превосходит своими размерами сравнительно небольшие сооружения мезолитических охотников и собирателей. Но и в Иерихоне подобное сооружение появилось отнюдь не сразу. Стратиграфия совершенно ясно показывает, что под стеною находятся остатки типичных круглых домов раннего этапа. Таким образом, первоначально иерихонское поселение было неукрепленным, и лишь после известного промежутка времени занимавшая его община ранних земледельцев оградила свои жилища. Вместе с тем нельзя не признать, что результаты раскопок Иерихона еще раз предостерегают против принижения культуры раннеземледельческих племен и недоценки возможностей простой кооперации.

В своих предварительных отчетах К. Кеньон последовательно проводит мысль о резком разрыве между двумя этапами докерами-

ческого неолита и о том, что население «круглых домов» ушло неизвестно куда, а потом на опустевшие развалины явились новые племена, оставившие дома с лощеными полами. Разумеется, поскольку основная масса материала остается неопубликованной,

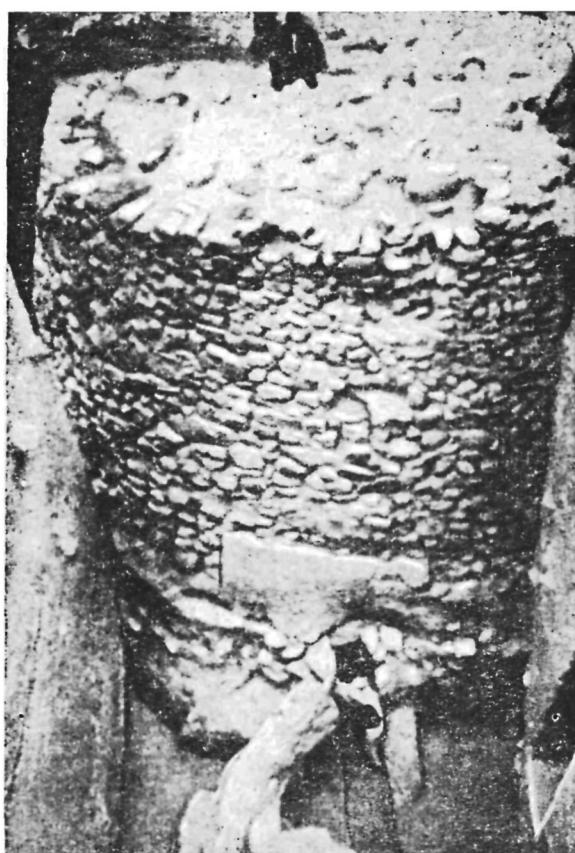

Рис. 13. Иерихон. «Башня».

приходится со всем вниманием отнестись к подобному заключению руководителя раскопок. Однако вместе с тем остается впечатление, что оно сформулировано с излишней категоричностью. Опилы стоя ранних домов, на что особенно обращает внимание К. Кеньон, наблюдались лишь в одной части поселения. Может быть, именно эта часть пустовала в период существования жилых строений в других местах. В обоих этапах мы видим захоронения черепов

под полом домов (рис. 14), и еще необходимо тщательное исследование, чтобы установить, насколько резкими были изменения в предметах материальной культуры. Во всяком случае если между двумя этапами и имеет место определенный разрыв, заметный для археологов, занятых тщательной подборкой типологических рядов, исторически докерамический неолит Иерихона в целом

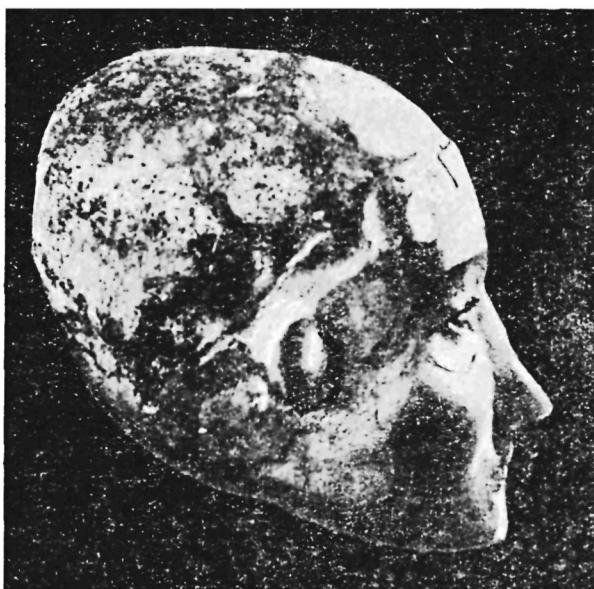

Рис. 14. Иерихон. Глиняная маска на черепе.

соответствует одному периоду — времени древнейших оседлых земледельцев.

Характер материальной культуры докерамического неолита Иерихона достаточно ясно свидетельствует об историческом месте оставившего его общества. Более всего этот уровень приближается к североиракскому Джарио и среднеазиатскому Джейтуну, хотя, казалось бы, наличие керамики создает некоторое превосходство для последнего. Хотя при раскопках Иерихона не было обнаружено остатков зерен злаковых культур, все исследователи вполне справедливо заключают, что лишь развитие земледелия могло позволить существовать довольно значительному поселению в течение многих столетий.

Охота еще играла большую роль в жизни обитателей Иерихона, на что указывает значительное число костей газели, наход-

димых при раскопках.⁹¹ Встречены также кости овцы, козла, свиньи и осла, причем только относительно козла можно говорить, что это животное уже было домашним в пору докерамического неолита.⁹² Собака, ставшая спутником палестинских племен еще в пору натуфийского мезолита, сопровождала на охоту и жителей Иерихона. Видимо, третьим домашним животным был кот,⁹³ и если эти наблюдения подтвердятся, Иерихон окажется не только древнейшим в мире укрепленным поселением, но и поселением первого в мире домашнего кота. Между тем наличие домашнего кота является одним из косвенных указаний на развитие земледелия, продукты которого было призвано оберегать от грызунов.

Кремневая индустрия Иерихона, генетически восходящая к натуфийскому мезолиту, характерна именно для охотничьего хозяйства.⁹⁴ Здесь мы видим многочисленные наконечники стрел небольшой величины и с миниатюрным черешком. В отличие от дротиков сиро-киликийского неолита они почти лишены ретуши. Вместе с тем показательно, что геометрические орудия здесь отсутствуют. Довольно часто встречаются и разнообразные резцы, видимо употреблявшиеся при разделке шкур. Распространены также сверла и проколки, но практически отсутствуют скребки. Вероятно, роль скобляющих орудий выполняли какие-либо некремневые изделия, наподобие джейтунских орудий, сделанных из лопаточных костей животных. С земледелием, по-видимому, связаны грубые мотыги и многочисленные вкладыши от серпов, для которых употреблялись пластины, часто имевшие в поздней фазе зубчатую ретушь. Наряду с кремнем нередко используется обсидиан, еще отсутствующий в пору натуфийского мезолита. Как и североиракское Джармо, культура Иерихона характеризуется развитием межплеменного обмена. Камень служил для изготовления ступок, зернотерок и различных сосудов, большей частью в виде плоских дисков. Миниатюрные топорики-тесла из зеленого полированного камня имеют столь незначительную величину, что К. Кенyon в одной из работ даже допустила их использование в качестве амулетов.⁹⁵ Столь же невелики тесла, известные и в сиро-килийском неолите, и их назначение скорее всего связано с каким-либо видом специализированного производства. Глиняные фигурки людей и животных дополняют характеристику

⁹¹ K. Кенyon. *Jericho and its setting...*, p. 191.

⁹² F. E. Zeuner. The goats of early Jericho. PEQ, 1955, april, pp. 71—75.

⁹³ F. E. Zeuner. Dog and cat in the Neolithic of Jericho. PEQ, 1958, jan.—june, p. 59.

⁹⁴ D. Kirkbride. A brief report on the pre-pottery flint cultures of Jericho. PEQ, 1960, july—dec., pp. 116—119.

⁹⁵ K. Кенyon. *Diggins up Jericho*, p. 58.

материальной культуры Иерихона. Отметим, что здесь еще отсутствуют прядлица. Известны лишь небольшие каменные диски с отверстием, близко напоминающие аналогичные поделки джайтунской культуры. Возможно, что в обоих случаях они служили в качестве прядлиц, хотя для подобного использования эти диски слишком легковесны. Во всяком случае отсутствие типичных прядлиц указывает, что если ткачество и получило развитие, то в каких-то начальных и зачаточных формах. Отсутствие глиняной посуды в Иерихоне, по-видимому, возмешалось, помимо использования каменных сосудов, изделиями из кожи и дерева. Ни те, ни другие не сохранились, но часто встречающиеся при раскопках отпечатки тростниковых циновок подсказывают нам возможность использования еще одного вида изделий — плетеных корзин.

Такова культура докерамического Иерихона, которая при всей ее архаичности свидетельствует о значительном прогрессе оседлого образа жизни. Наряду с раннеземледельческими культурами северного Ирака, сиро-киликийским неолитом, комплексом древнейшего Сиалка и охарактеризованной в предшествующей главе джайтунской культурой юго-запада Средней Азии она образует тот реальный археологический материал, который имеется в распоряжении исследователей при анализе проблемы происхождения раннеземледельческих культур Передней Азии. К рассмотрению различных аспектов этой проблемы мы и переходим.

Глава 3

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР

При сравнительном рассмотрении джейтунской культуры и типологически близких комплексов Передней Азии обращает на себя внимание ряд сходных явлений, отражающих, как кажется, некоторые общие закономерности развития раннеземледельческих культур. В последние годы особенно значительное внимание этому вопросу уделяет Р. Брейдвуд, работы которого мы неоднократно цитировали выше. Находясь под влиянием взглядов Г. Чайлда, Р. Брейдвуд кладет в основу предлагаемой им периодизации истории первобытнообщинного строя развитие производительных сил, что несомненно является положительным фактом. По сути дела, Р. Брейдвуд развивает и детализирует известную схему Л. Г. Моргана—Ф. Энгельса, в которой совершенно четко выделяются эпоха присвоения продуктов и эпоха их производства. Ф. Энгельс подчеркивал это самым прямым и непосредственным образом. «Пока же мы, — писал он, — можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; произведения, созданные человеком, служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности».¹ И если восемьдесят лет спустя после выхода в свет работы Ф. Энгельса, посвященной первобытнообщинному строю, маститый буржуазный исследователь кладет в основу

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 33.

всячески пропагандируемой им схемы основные мысли этой работы, хотя и заимствованные из вторых рук, то это является одним из ярких проявлений того, что подлинно научное развитие исторической науки возможно лишь на основе исторического материализма — этого краеугольного камня марксизма-ленинизма. Разумеется, Р. Брейдвиду как буржуазному исследователю свойственные и существенные заблуждения, проявившиеся, в частности, в его периодизации. Фактически она представляет собой лишь опыт периодизации истории хозяйства, а не истории первобытного общества. Р. Брейдвид совершенно не учитывает производственных отношений, упускает из виду развитие того общества, которое занималось охотой или выращивало злаки. К этим вопросам мы еще вернемся в дальнейшем изложении.² В данном случае нас интересует схема Р. Брейдвида в той части, в которой она касается генезиса древнейших этапов земледельческого хозяйства.³

Вслед за периодизацией Л. Г. Моргана—Ф. Энгельса Р. Брейдвид выделяет две основные эпохи в истории человечества: эпоху присвоения пищи и эпоху ее производства. В последней он выделяет три следующих ранних этапа: 1) этап зарождающегося земледелия (и скотоводства в некоторых районах) в областях, где имелись исходные виды для доместикации животных и злаков; постепенный переход бродячих групп к полуоседлому образу жизни; 2) этап примитивных сельских общин, появление поселений; 3) этап дальнейшего развития сельских общин, появление (в юго-западной Азии) плуга и использование тягловой силы животных, первые храмы и городки (*towns*). В этой слишком обобщенной периодизации нет места для различий в хозяйстве поселений типа Джейтуна и поселений более позднего времени — поры Намазга I. А эти различия совершенно ясно рисуют постепенный процесс становления нового вида хозяйства, еще не вполне сложившегося на ранней стадии (большая роль охоты) и прочно утверждающегося на позднем этапе (окончательное вытеснение охоты скотоводством). Как кажется, есть основания отмечать подобные различия и в целом ряде других областей Ближнего Востока. Таким образом, мы имеем дело со стадией сочетания охотнического хозяйства и архаических форм оседлого земледелия (Джейтун, Джармо, Иерихон), сменяемой затем стадией сложив-

² См. ниже, стр. 306.

³ Р. Брейдвид свои взгляды широко пропагандирует в печати. Начав с более общих положений (R. B r a i d w o o d . *The Near East and foundations for civilization*. Oregon, 1952), он в последние годы предлагает весьма детализированную схему. См.: R. J. B r a i d w o o d , B. H o w e . *Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan*. SAOC, № 31, Chicago, 1960, pp. 147—173; R. J. B r a i d w o o d . *Evolution after Darwin*, II. Chicago, 1960, ch. III; раздел в кн.: *Courses toward urban life*. Viking fund Publications in Anthropology, № 32, Chicago, 1962, и ряд других работ.

шегося земледельческо-скотоводческого хозяйства (Намазга I, Хассуна, Сиалк, сиро-киликийский неолит, Гассул в Палестине). Возможно, первую стадию следовало бы именовать неолитической, а вторую — энеолитической, но грань между ними лежит, вероятно, раньше появления первых металлических орудий. Тем не менее определенный упадок и обеднение кремневой индустрии на второй стадии прослеживается повсеместно. Во всяком случае в Туркмении и Иране есть все основания именовать первую стадию неолитом (Джайтун, Тепе Сараб), а вторую относить уже к поре энеолита (Намазга I, Сиалк I). В этой связи следует отметить, что и хассунскую культуру, относимую по предлагаемой схеме ко второй стадии, ряд исследователей именует «протохаколитической».⁴ Можно считать, что в подобной последовательности развития хозяйства древнеземледельческих племен отразились общие закономерности, свойственные различным племенам на территориях, весьма удаленных одна от другой. Исходя из этого, мы приближаемся к одной из важнейших исторических проблем Древнего Востока — проблеме происхождения древнеземледельческих культур в этой колыбели древнейших цивилизаций. Как можно было видеть из обзора конкретных археологических материалов, нам известен для этой территории ряд раннеземледельческих культур VII—V тыс. до н. э. (рис. 15), датирующихся различным временем, но обнаруживающих некоторые общие закономерности развития. Вполне естественен вопрос, не являются ли все эти культуры результатом распространения новых форм хозяйства из какого-то первоначального центра, где переход к производящей экономике произошел раньше, чем в других областях. Такой вопрос тем более закономерен, что, например, довольно развитая культура Иерихона по древности как будто превосходит все другие раннеземледельческие комплексы Передней Азии и в абстрактной постановке вопроса вполне могла быть тем центром, откуда расселение племен разнесло новые достижения в области производства пищи по всему Ближнему и Среднему Востоку.

Разумеется, исследование этой проблемы было бы существенно облегчено, если бы мы имели и в Средней Азии, и в Иране, и в Ираке, и в восточном Средиземноморье материалы, подробно характеризующие последовательное развитие человечества от стадии специализированных собирателей дикорастущих злаков до времени сложения оседлого земледельческо-скотоводческого хо-

⁴ Ср. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 173. Ограниченный набор кремневых орудий в Хассуне и Матарре позволяет допускать существование изделий из меди, хотя на обоих памятниках подобные изделия обнаружены не были. Поэтому возможно, что не все медные вещи Самарры относятся к мусульманскому периоду и среди них имеются и более ранние предметы. См.: САЕМ, р. 8, note 72.

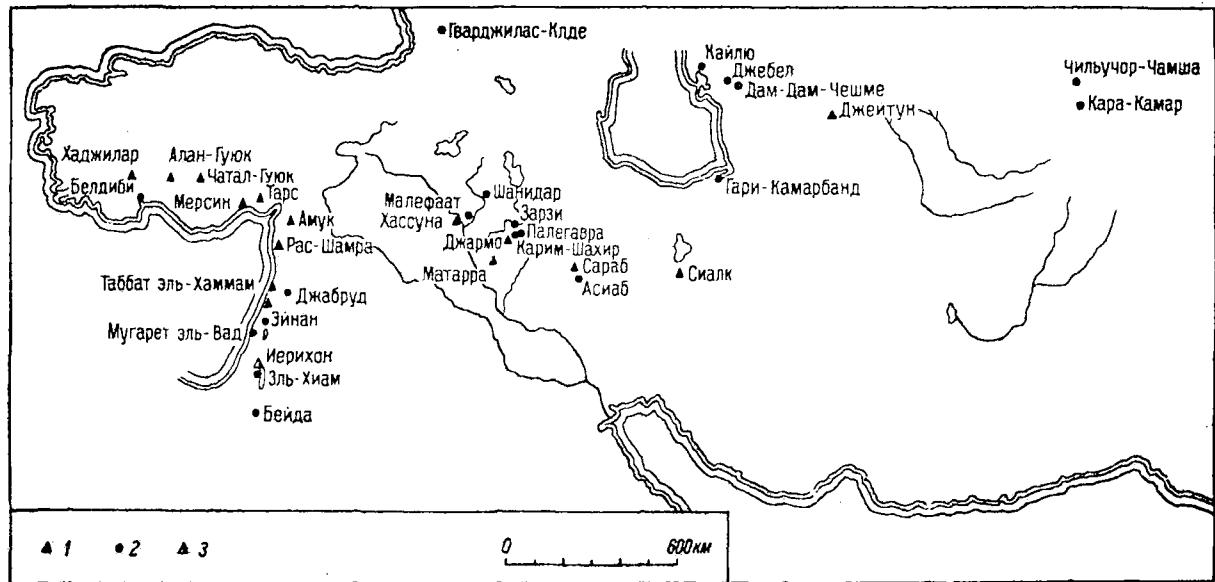

Рис. 15. Передняя Азия в X—V тыс. до н. э.

1 — оседлосемедельческие памятники; 2 — довремедельческие памятники; 3 — довремедельческие памятники, перекрытые оседлосемедельческой культурой.

зияства. Однако в действительности мы имеем лишь отрывочные материалы, характеризующие отдельные звенья, а не весь процесс в целом. Поэтому рассмотрение поставленной проблемы в значительной мере может быть проделано на основании лишь косвенных данных и соображений. В этом плане одним из возможных путей является сравнительное рассмотрение отдельных раннеземледельческих культур с целью выявления возможности их общего происхождения или взаимозависимости. В предшествующих двух главах была дана общая характеристика этих культур. Посмотрим, каково их взаимоотношение в интересующем нас плане.

На крайнем северо-востоке раннеземледельческого массива Передней Азии расположена джейтунская культура. Наиболее близкие параллели джейтунские материалы находят в центрально-иранском комплексе Сиалк I. Только в этих двух раннеземледельческих комплексах сохраняется архаическая форма жатвенного ножа, в то время как земледельцы северного Ирака уже убирали урожай при помощи изогнутых серпов (Джармо, Хассуна). Сходство жатвенных ножей Ирана и Средней Азии подчеркивается еще и тем, что в обоих случаях на их рукоятках имеются скulptурные изображения, более или менее схематизированные. В Сиалке I и на памятниках джейтунской культуры распространены каменные и терракотовые поделки в виде конусов, усеченных конусов и тому подобных фигур. Хотя подобные поделки встречаются и в других раннеземледельческих комплексах, сходство джейтунских и центральноиранских материалов особенно велико. Именно здесь встречаются фигуры, сделанные в виде усеченных конусов с вогнутым верхом, — терракотовые на Джейтуне и каменные в Сиалке. В равной мере определенное сходство может быть отмечено и в керамике. Хотя в целом расписная посуда древнейшего Сиалка, где одним из ведущих мотивов росписи является фигура треугольника, ближе энеолитической посуде типа Намазга I, отдельные элементы как бы представляют собой угасающее проявление джейтунских традиций. Таковы рисунки в виде поясов, заполненных волнистыми линиями, ряды вертикальных линий с поперечным перехватом, орнament из крупных точек.⁵

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о типах домов, существовавших в пору Сиалка I. Тем не менее в целом культурная близость Сиалка I и памятников джейтунского типа довольно значительна (рис. 16). Следует полагать, что комплекс нижних слоев Сиалка восходит к культуре джейтунского типа, а самые нижние напластования, быть может, даже одновременны поздним фазам существования Чопан-Депе. Вместе с тем ряд

⁵ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 72.

элементов раннеземледельческой культуры центрального Ирана не находит себе параллелей в материалах Джейтуна или более поздних комплексах юго-западной Средней Азии. Так, например, для Сиалка весьма характерны выточенные из камня браслеты и каменные мотыги. Ничего подобного в Средней Азии нет, тогда как аналогичные мотыги известны в Хассуне, а браслеты в Джармо. Скорее всего именно влияниями, идущими с запада, со стороны горного Курдистана, можно объяснить наличие мотыг и браслетов в Сиалке. Средней Азии эти влияния уже не достигали. В тех случаях, когда между Джейтуном и областями западнее Ирана отмечаются определенные аналогии, они носят более опосредованый и общий характер, чем параллели Джейтун—Сиалк I. Нам уже приходилось отмечать, что стадиально такой памятник, как Джармо, весьма близок Джейтуну, особенно в своих верхних слоях, где появляется глиняная посуда. Весьма показательны близкие аналогии в кремневой индустрии этих памятников. В обоих случаях мы имеем дело с той поздней фазой развития микролитических орудий, когда после известного перерыва вновь появляются микролиты геометрических форм. Микроскребки, геометрические микролиты и ряд других кремневых орудий имеют весьма сходные формы и в Джармо, и в Джейтуне. К числу элементов сходства можно отнести также шлифованные каменные топорики-тесла и терракотовые поделки в виде конусов. Вместе с тем эти отдельные явления не могут заслонить того факта, что в целом памятники юго-запада Средней Азии и северного Ирана относятся к двум различным культурам. Так, тип очагов в жилых домах Джармо отличен от характерного джейтунского массивного очага-«камина» и скорее близок Хассуне. В Джармо уже был в употреблении изогнутый серп, тогда как в Средней Азии и Иране продолжали еще употребляться прямые жатвенные ножи. О характерном элементе комплекса Джармо — каменных браслетах — уже говорилось выше. Наконец, появляющаяся в верхних слоях Джармо керамика, где имеются даже сосуды с ушками-ручками, существенно отлична от простых форм джейтунской посуды, лишенной ручек. В целом Джармо представляет собой иную культуру, отличную от джейтунской, хотя их кремневая индустрия и производит впечатление двух ответвлений от одного общего корня.

По мере дальнейшего продвижения на запад аналогии джейтунской культуры приобретают еще более общий характер. В сиро-киликийском неолите в числе таких общих элементов могут быть названы лишь шлифованные топоры и тесла из камня, вид орудий, не являющихся специфическими для какой-либо этнографической общности, и терракотовые поделки в виде небольших цилиндров, видимо представляющие собой фишки для игры, популярной в среде большинства раннеземледельческих

племен. Поделок в виде усеченного конуса с вогнутой верхней поверхностью, подобных фигуркам из Джейтуна или Сиалка I, здесь нет. Вместе с тем такие весьма существенные виды памятников материальной культуры, как керамика и кремневая индустрия, носят черты принципиального различия. В Сиро-Киликии почти не употребляется примесь соломы к глине, шедшей на изготовление сосудов, а сами сосуды не расписываются, а украшаются нарезным орнаментом. Среди кремневых орудий совершенно нет геометрических микролитов, но зато широко распространены наконечники крупных дротиков. Подобные различия в кремневой индустрии также резко разделяют Джейтун и докерамический неолит Иерихона. В Иерихоне орудий геометрических форм нет совершенно, а кремневые наконечники стрел весьма многочисленны. Тем более поразительны некоторые общие черты в традициях домостроительства Иерихона и Джейтуна. Тот факт, что на этих памятниках еще употребляются архаические виды «протокирпича», а не сырцовый кирпич правильных прямоугольных очертаний, легко может быть объяснено ранней фазой развития глинобитной архитектуры. В равной мере, видимо, стадиальными явлениями обуславливается факт наличия в обоих памятниках однокомнатных жилых домов, к чему мы еще вернемся в последующем изложении. Однако этими причинами никак не может быть объяснено то обстоятельство, что и в Джейтуне, и в Иерихоне пол жилых домов покрывался известковой штукатуркой и окрашивался в Иерихоне в красный и кремовый цвета, а в Джейтуне, когда это удается проследить, в красный и черный. Правда, в Иерихоне эти известковые полы, а иногда и стены подвергались также и тщательному лощению, что для памятников джейтунского типа пока не отмечено. Вместе с тем такое необычайное совпадение ряда технических приемов остается пока необъяснимым.

Таким образом, уже из сравнительного анализа джейтунской культуры и ряда раннеzemледельческих комплексов Передней Азии вытекает вывод о наличии ряда различных традиций в культурах, экономическая база которых по существу одинакова. Сравнение друг с другом иных переднеазиатских комплексов дает ряд дополнительных данных в пользу подобного заключения.

Культурное место комплекса Сиалк I частично было уже определено в предшествующем изложении. Перед нами культура, восходящая к пласту ранних земледельцев джейтунского типа и уступающая в ряде отношений племенам северного Ирака. Вместе с тем отмечается ряд воздействий со стороны североиракских племен (каменные браслеты, мотыги, некоторые аналогии в расписной керамике).

Значительным своеобразием отличается культура древних земледельцев северного Ирака, где комплекс типа Джармо сме-

няется Хассуной. Домостроение Хассуны технически имеет мало общего с джейтунской архитектурой. Особенно показательны в этом отношении крупные полушаровидные очаги Хассуны. Подобных сооружений нет совершенно на Джейтуне, где господствует стандартный тип очага-камина. Между тем в северной Месопотамии овальные печи появляются еще в пору Джармо. Ни в Хассуне, ни в Маттарра нет и известковой обмазки полов в отличие от Джейтуна и Иерихона. Очень рано в северном Ираке появляются и многокомнатные дома.

Но особенно существенны различия между севериракскими комплексами и сиро-килийским неолитом. В Северном Ираке сравнительно долго сохраняется применение микролитов геометрических форм и почти совершенно нет кремневых наконечников стрел и дротиков. В Сиро-Килиции мы наблюдаем прямо противоположную картину, и великолепные наконечники дротиков составляют одну из характерных черт Амука и Мерсина. В северной Месопотамии преобладает расписная керамика, появляющаяся еще в пору Джармо и достигающая высокого совершенства в самарском комплексе времени Хассуны. В сиро-килийских поселениях первоначально совершенно нет украшенной росписью посуды с примесью в тесте мелкорубленой соломы. Впервые она появляется в весьма незначительном количестве в таких комплексах, как Амук В и Мерсин XXVI—XXV, причем скорее всего в результате влияний, идущих из северной Месопотамии.⁶ В свете подобных различий значительный интерес представляют материалы самой Хассуны. В этой небольшой деревушке северного

⁶ Мы имеем в виду группу, именуемую Р. Брейдвудом и Л. Брейдвуд Brittle painted ware. В комплексе Амук В она составляет 5—10% учтенной керамики. Формы этой посуды такие же, как и у темнолощеной керамики. Единственное, что выделяет ее из общей массы, — роспись вертикальными прямыми или волнистыми линиями (R. J. B r a i d w o o d and L. S. B r a i d w o o d. Excavations in the plain of Antioch I. The earlier assemblages. Phases A—J. OIP, v. LXI, Chicago, 1960, pp. 80—81, fig. 55). Аналогичная керамика есть и в Мерсине (J. G a r s t a n g. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, p. 37, fig. 20, 1—10). Роберт и Линда Брейдвуд склонны находить аналогии этой посуде в материалах Хадафа (R. J. B r a i d w o o d and L. S. B r a i d w o o d. Excavations..., p. 506). Нам представляется, что наиболее прямые параллели дает расписанная керамика хассунского времени из слоя Ниневия 2б (M. E. M a l l o w a n. The Prehistoric sondage of Nineveh, 1931—1932. LAAA, v. XX, 1933, pl. XXXVIII, 4, 17). Показательно, что в Сиро-Килиции этот орнамент нанесен на сосуды местных форм. Видимо, появление росписи здесь — результат прямого воздействия со стороны хассунской культуры. Правда, на юго-западе Турции (Хаджилар) применение росписи (собственно краски) отмечено с первых этапов появления глиняной посуды (J. M e l l a r t. Excavations at Hacilar. AS, v. IX, 1958, p. 62, fig. 7, 15). Вместе с тем примечательно, что ни в Хаджиларе, ни на многочисленных неолитических поселениях Конии, обследованных Д. Меллартом, не наблюдается примеси соломы к глине, шедшей на изготовление сосудов.

Ирака в самых нижних слоях есть кремневые наконечники дротиков сиро-киликийского типа, а со слоя I^b появляется темно-лощеная посуда с нацарапанным орнаментом, также имеющая прямые аналогии в Сиро-Киликии. Между тем в более юго-восточном памятнике хассунской культуры — Матарра — нет ни наконечников дротиков, ни темнолощеной керамики. Это свидетельствует о том, что и дротики, и темнолощеная посуда Хассуны скорее всего являются результатом влияния со стороны памятников сиро-килийского неолита. Вероятно, освоение древними земледельцами северной части плато Эль-Джезире шло с двух сторон — с востока и с запада, в результате чего в «пограничном поселке» Хассуне оказались налицо элементы двух культур. Вместе с тем нельзя не отметить, что североиракские традиции носят преобладающий характер,⁷ и вскоре уже начинается обратное влияние, идущее из северной Месопотамии к средиземноморскому побережью.⁸

Докерамический неолит Иерихона столь же значительно отличен от северомесопотамских комплексов и ближе всего стоит к неолиту Сиро-Киликии. Кремневая индустрия Иерихона развивается путями, отличными от эволюции кремневых орудий Джейтуна и Джармо. В Иерихоне весьма многочисленны наконечники стрел, нет геометрических микролитов, нет и богатого набора микроскребков. Все эти черты, отделяющие Иерихон от Джармо, в известной мере роднят его с сиро-килийскими памятниками. В обоих районах кремневая индустрия напоминает посленатуфийский комплекс Тахуна.⁹ Можно также отметить, что и в Иерихоне, и в некоторых сиро-килийских памятниках встречены глиняные полы и глиняная штукатурка стен, покрытые тщательным лощением. Эти факты (учитывая, что сиро-килийский неолит позднее Иерихона и стадиально, и хронологически) могли бы, как кажется, свидетельствовать в пользу их генетической связи. Однако такой связи в нашем материале проследить не

⁷ Едва ли можно согласиться с А. Л. Перкинс, полагающей, что хассунская культура сложилась под сиро-килийским влиянием или во всяком случае оба комплекса имеют общий источник (САЕМ, р. 15). В хассунской культуре сиро-килийские элементы имеются лишь в наиболее западных памятниках в зоне древних культурных контактов. Типичная же для хассунских комплексов расписная и нерасписная керамика с примесью соломы свидетельствует о принципиальных различиях с Сиро-Киликией.

⁸ О таких влияниях в пору Амука В см. выше, стр. 68, прим. 6. Еще более показательно распространение халафской культуры в Сиро-Киликии. См. об этом ниже, стр. 405.

⁹ R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique du Désert de Judée. Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, Mem. 24, Paris, 1951, p. 175; K. Kenyon. Jericho and its setting in near eastern history. Antiquity, 1956, № 120, p. 185; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. CA, 1959, № 1, стр. 295.

удается. Если бы сиро-киликийский неолит непосредственным путем восходил к иерихонской культуре, было бы совершенно необъяснимо его отсутствие в Иордании и Палестине, т. е. там, где процветал докерамический неолит. Более того, не исключено, что сиро-киликийский неолит в Сирии распространялся с севера на юг, чем и объясняется более поздняя дата соответствующих слоев Библа по сравнению с Мерсином. Более правильно, видимо, ставить вопрос о том, что сиро-киликийский неолит сложился на основе культуры иерихонского типа, а не собственно докерамического неолита Иерихона. О том, что комплексы подобного типа распространены на весьма обширной территории, свидетельствуют раскопки Хаджилара в юго-западной Турции. Здесь, с одной стороны, обнаружена культура, близкая сиро-килийскому неолиту, и, с другой, открыто поселение, состоящее из глиnobитных домов, жители которых еще не были знакомы с изготовлением глиняной посуды.¹⁰ Раскапывавший этот памятник Д. Мелларт справедливо отмечает определенный параллелизм докерамического неолита Хаджилара и иерихонской культуры, о чем свидетельствует, в частности, культ черепов. Вместе с тем, и в этом опять можно согласиться с Д. Меллартом, Хаджилар — отнюдь не та же самая культура, что и Иерихон, а культура сходного типа, и мы бы сказали точнее — одного культурного круга. Поскольку теперь соответствующие комплексы докерамического неолита известны уже на двух флангах сиро-килийской культуры, следует ожидать, что соответствующие памятники будут открыты и в сиро-килийской метрополии, что позволит проследить генезис этой интереснейшей раннеземледельческой общности. Возможно, что в то время, когда сиро-килийские племена начали переселяться или распространять свое влияние на более южные районы, там еще существовала иерихонская культура. Вспомним, что в Рас-Шамре слои иерихонского типа предшествуют слоям с сиро-килийской керамикой. Во всяком случае весьма показательно, что можно говорить о существовании особого южного варианта сиро-килийского неолита.

Таким образом, сравнительный анализ раннеземледельческих комплексов различных областей Передней Азии показывает, что мы отнюдь не находим в них того культурного единства, которое позволило бы возводить их к единой «протокультуре». Наоборот, перед нами отражение различных культурных традиций, свидетельствующее в пользу полигенетизма самого процесса сложения древнеземледельческих культур. В общей форме можно говорить о двух больших культурных ареалах на этой территории. К первому ареалу относятся области восточного Средиземномо-

¹⁰ J. Mellaart. Excavations at Hacilar. Fourth preliminary report, 1960. AS, v. XI, 1961, pp. 70—73.

морья, характеризуемые докерамическим неолитом Иерихона и сиро-киликийской культурой. Здесь весьма рано исчезают геометрические микролиты и одновременно, видимо заменяя их функционально в оснащении метательного оружия, широко распространяются кремневые наконечники стрел и дротиков. Первая керамика, появляющаяся здесь, не имеет примеси в глине мелко-рубленой соломы и не украшена росписью. Древнейшие керамические изделия представлены светлыми или темными сосудами с лощеной поверхностью, иногда украшенной несложным нарезным орнаментом. Такова посуда сиро-килийского неолита, и те же традиции можно проследить вплоть до юго-западной Турции. Второй ареал вполне определенно охватывает северный Ирак, северный Иран и юго-запад Средней Азии. Здесь длительное время бытуют геометрические микролиты, хотя их форма и становится отличной от раннемезолитических образцов. Здесь почти совершенно нет (кроме зоны контакта с сиро-килийской культурой) кремневых наконечников стрел или дротиков. Именно в этом ареале впервые появляется та расписная керамика, которая со временем достигает столь высокого расцвета, охватив почти все области Ближнего Востока. С самых ранних этапов керамического производства здесь в глину посуды подмешивается рубленая солома. Наличие подобных культурных традиций объединяет такие комплексы, как джейтунская культура, Хассуна, Джармо и Сиалк I. Вместе с тем отнюдь не следует полагать, что оба очерченных ареала представляют две культуры. В пределах каждой из этих областей имеется ряд культурных общностей, видимо соответствующих племенным группам древности. Взаимные влияния этих общностей в зоне контакта лишь подчеркивают то обстоятельство, что перед нами несколько культурных вариантов. Тенденция развития археологических знаний за последнее десятилетие позволяет утверждать, что по мере открытия новых памятников намеченная картина станет еще более сложной, выявится ряд пока неизвестных или плохо известных локальных раннеземледельческих культур, являющихся частным выражением тех общих процессов, которые в VII—V тыс. до н. э. охватили огромное пространство от Эгейского моря до среднеазиатских пустынь.

Имеющиеся данные позволяют подойти и другим путем к рассмотрению проблемы происхождения древнеземледельческих культур. Если выше мы двигались как бы сверху вниз, исходя из той картины, которую можно наблюдать в пору, когда уже произошел переход к производящей экономике, то имеется возможность двигаться во встречном направлении, снизу вверх, рассмотрев процессы и явления, характерные для Передней Азии поры мезолита. Соответствующий материал менее богат и разнообразен, чем раннеземледельческие комплексы, но тем не менее ряд выводов

		Сиро-Киликия	Северный Ирак	Иран	Туркмения	
		Амук А-В Мерсин XXXI-XXV	Хассуна	Джармо	Сиалк I	Джейтунк
Кремневые орудия	Геометрические	—	—		—	
	Серпы	Правильные пластины обычно без ретуши	Большой гастрюль отщепы и неправильные пластины 	Правильные пластины без ретуши 	Правильные пластины обычно без ретуши	Правильные пластины без ретуши
	Стрелы и дротики			Только в Хассуне Ia	—	—
	Скребки	—	—		—	
Линза	Напрясла			—		—
	Поделки		?			
Камень	Полированные кельты				—	
	Мотыги	—		?		—
Керамика	Примесь соломы в глине	Огень редко (Амук А-4%)	Широко распространена	Широко распространена	Широко распространена	Широко распространена
	С росписью					
	Темнолощенная с национальным орнаментом			Только с Хассуне Iб	—	—

Рис. 16. Сопоставление раннеземледельческих культур

можно сделать на основе уже накопленных к настоящему времени фактов. Нам известны три культурные общности поры мезолита, которые, быть может, есть основания именовать мезолитическими культурами. Они были предшественниками древнеземледельческих племен Передней Азии. Первая такая общность, или культура, расположена в восточном Средиземноморье и под названием натуфийской получила широкую известность как в общей, так и в специальной литературе.

Открытая в 1928 г.¹¹ натуфийская культура представлена в настоящее время довольно значительным числом памятников, расположенных в основном на территории Палестины¹² (рис. 17). Вне Палестины кремневый инвентарь натуфийского типа дали раскопки в Джабруде в Сирии.¹³ Близкий по характеру материал содержит и сборы подъемного материала из Хелвана около Каира.¹⁴ Комплекс натуфийского типа, включающий геометрические микролиты и вкладыши серпов, но отличающийся рядом особенностей от палестинских материалов, открыт недавно на южном побережье Малой Азии (Бельдиби).¹⁵ Хотя исследователи и склонны подчеркивать, что натуфийская культура появляется как бы внезапно в законченном и вполне сложившемся виде,¹⁶ определенные связи с палестинскими верхнепалеолитическими материалами все же могут быть отмечены.¹⁷ Возможно, сложение этой культуры в основном произошло на основе местного верхнего палеолита через посредство комплексов типа Кебара. Однако в данной связи нас значительно больше интересует культурно-хозяйственный облик натуфийской культуры, чем проблема ее происхождения.

¹¹ D. G a r g o d. A New mesolithic industry: the Natufian of Palestine. *Journ. of the Royal Antropol. Inst.*, v. LXII, 1932, pp. 257—269. Материалы из первого натуфийского памятника — пещеры Шукба — опубликованы много позднее; см.: D. G a r g o d. Excavations at the cave of Shukbah. *Proc. of the Prehistoric Soc.*, n. s., v. VIII, 1942, pp. 1—20.

¹² Основной публикацией материала являются две работы: D. G a r g o d and D. B a t e. The stone age of mount Carmel. Oxford, 1937; R. N e u v i l l e. Le paléolithique et le mésolithique...; см. также сводную статью: D. G a r g o d. The Natufian culture. The life and economy of a mesolithic people in the Near East. *Proc. of the British Acad.*, London, 1958, pp. 211—217; обзор статьи см.: Ph. S m i t h. Vue d'ensemble sur le Natoufien. *L'Anthropologie*, v. 62, № 5—6, 1959, pp. 571—574.

¹³ A. R u s t. Die Höhlenfunde von Jabrud. Neumünster, 1950.

¹⁴ J. de M o r g a n. La Préhistoire Orientale, v. II, Paris, 1926, p. 68; S. A. H u z a y i n. The place of Egypt in prehistory. *Mémoires de l'Inst. d'Egypte*, t. 43, Caire, 1941, pp. 289—294, pl. XII, 38—45.

¹⁵ E. V. B o s t a n c i. Researches on the mediterranean coast of Anatolia. A new palaeolithic site at Beldibi near Antalya. Anatolia, v. IV, 1959, pp. 148—157.

¹⁶ См., например: D. G a r g o d. The Natufian culture, p. 212.

¹⁷ R. N e u v i l l e. Le paléolithique et le mésolithique..., p. 159. Резцы в натуфийских слоях Эль-Хиама такие же, как и в слоях верхнепалеолитического времени.

С достаточной определенностью выявляются сейчас отдельные фазы развития натуфийской культуры. Р. Невиль насчитывает четыре такие фазы, но, видимо, более обоснованно мнение Д. Гаррод, выделяющей всего три этапа: Натуф нижний, средний и верхний.¹⁸ Из памятников нижнего, или раннего, Натуфа наиболее обширный материал дает пещера Мугарет-эль-Вад, раскопывавшаяся экспедицией Д. Гаррод.¹⁹

Этот грот, расположенный сравнительно недалеко от морского побережья, на западной окраине холмистого плато, давал приют охотникам каменного века в течение весьма длительного времени. Одними из поздних его обитателей были носители натуфийской культуры, жившие здесь, видимо, в IX—VIII тыс. до н. э.²⁰ Подобно прежним обитателям этих мест, они в первую очередь занимались охотой, причем основным объектом охотничьих экспедиций была газель, именуемая в Средней Азии джейраном, кости которой в наибольшем количестве встречены при раскопках Мугарет-эль-Вад. Кроме того, охотники добывали также диких козлов, лошадей, оленей, ланей, быков и диких свиней. Собака в раннетуфийское время, видимо, еще

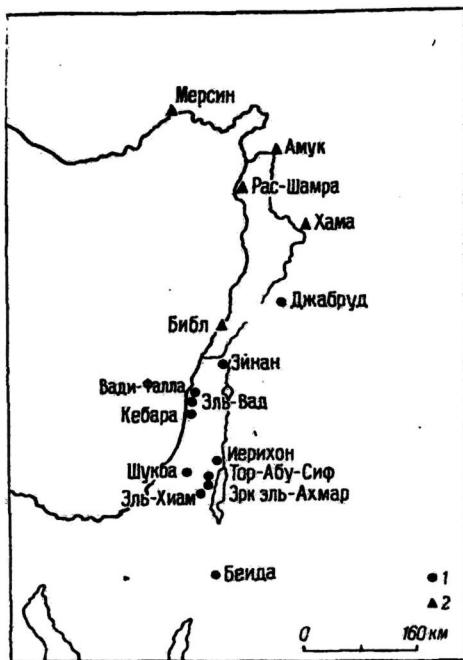

Рис. 17. Распространение памятников натуфийской культуры.

1 — натуфийские памятники; 2 — прочие памятники.

не была приручена. На занятия рыбной ловлей указывают костяные гарпуны и рыболовные крючки, хотя, возможно, гарпуны могли использоваться в качестве метательного оружия и при наземной охоте. В пещере Эль-Вад рыболовных крючков не най-

¹⁸ D. Garrod. The Natufian culture, p. 213 sqq.

¹⁹ D. Garrod. and B. Bate. The stone age of mount Carmel, pp. 9—19, 29—41.

²⁰ Ранненатуфийские слои Иерихона датированы 7829(± 240) г. до н. э. См.: K. Кепуоп. Excavations at Jericho, 1957—1958. PEQ, 1960, July—Dec., p. 100.

дено, но они известны по находкам в гроте Кебара, находившемся в этом же районе.²¹ Из кости же изготавливались проколки, украшения и лощила для обработки шкур. Кремневая индустрия раннего Натуфа в основном соответствует общему облику охотническо-рыболовческого хозяйства. Широко распространяются микролиты геометрических форм, причем на первом месте по количеству стоят орудия в виде сегментов. Количество треугольников и трапеций незначительно. Хотя Д. Гаррод пишет, что нет прямых указаний на существование лука в ранненатуфийское время, возможно геометрические микролиты, во всяком случае частично, использовались для оснащения метательного оружия. Весьма обычным орудием были рецы и скребки различных видов, видимо применявшиеся при обработке шкур. Для тяжелых работ употреблялись массивные скребки и грубые оббитые тесловидные орудия. Но особенно важно наличие кремневых изделий, употреблявшихся при работах, совершиенно неизвестных более древним племенам Палестины. Мы имеем в виду кремневые вкладыши серпов, как правило обработанные ретушью и имеющие следы заполированности от длительного употребления. Сохранились и костяные основы, в которые помещались эти вкладыши. В некоторых случаях в обломках таких основ сохранились вставленные кремневые пластинки. Эти основы показывают, что перед нами весьма архаический вид орудия, собственно еще не серп, а прямой жатвенный нож, аналогичный жатвенным ножам Сиалка или джейтунской культуры. Ручка жатвенных ножей обычно завершалась фигурой животного, иногда выполненного с незаурядным мастерством. Это были олень, козел, лошадь и, вероятно, дикий осел. Возможно, все это — тотемы натуфийских охотничьих племен.²²

О том, что применение серпов не было случайным явлением в хозяйственной деятельности натуфийцев, свидетельствует большое количество как кремневых вкладышей, так и костяных основ, находимых на местах их обитания. Табл. 5 может дать представление о соотношении различных видов кремневых орудий, обнаруженных в ранненатуфийских слоях пещеры Эль-Вад.

Как можно видеть, вкладыши серпов составляют 8% всех кремневых орудий. Разумеется, по сравнению с Джейтуном, где вкладышами серпов является половина всех кремневых изделий, этот процент кажется сравнительно небольшим. Однако в качестве другой параллели можно указать на раннетрипольское

²¹ F. Turville-Petre. Excavations in the Mugharet el-Kebarah. Journ. of the Royal Antropol. Inst., v. LXII, 1932.

²² В литературе отмечалось, что изображение травоядных животных на натуфийских орудиях, предназначенных для жатвы, скорее всего председовало магические цели. См.: E. C. Sugden, G. Hatt. Plough and pasture. New York, 1953, p. 107.

Таблица 5

Виды кремневых орудий	Количество экз.	%
Сегменты	4957	62
Треугольники	143	1.8
Трапеции	35	0.6
Наконечники	396	5
Скребки	100	1.3
Рецы	568	7
Пластинки	831	10
Серпы	630	8
Сверла	238	3
Разные орудия	90	1.2
Всего	7988	100

поселение Лука-Врублевецкая, где вкладыши серпов насчитывают 10% среди прочих кремневых изделий,²³ а на других поселениях подобного типа иногда эта цифра бывает еще менее значительной.²⁴ Между тем нет никаких сомнений в том, что жатва урожая занимала важнейшее место в производственной деятельности раннеземледельческих племен Триполья. Совершенно ясно, что сбор каких-то растений при помощи серпов играл большую роль и в хозяйстве натуфийских племен. Добавим, что в Эль-Ваде найдено 13 фрагментов костяных основ жатвенных ножей, что также указывает на широкое распространение этого инструмента. Великолепные целые жатвенные ножи были обнаружены в соседней пещере — Кебара. Р. Брейдвидом было высказано предположение, что натуфийские жатвенные ножи предназначались для срезания камыша, а вовсе не для сбора дикорастущих злаков. Как справедливо отмечает Д. Гаррод, такое допущение для пустынных районов по крайней мере странно.²⁵ Кроме того, следует отметить, что натуфийские серпы более распространены в холмистых районах, а в таком приозерном поселении, как Эйнан, они встречаются довольно редко.²⁶ Поэтому следует вслед за большинством исследователей полагать, что жатвенные орудия натуфийцев предназначались для сбора дикорастущих злаков, которые и по сей день

²³ С. Н. Бикиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА СССР, № 38, М.—Л., 1953, стр. 87.

²⁴ Т. С. Пасек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА СССР, № 84, М., 1961, стр. 54.

²⁵ D. Garrow. The Natufian culture, p. 216.

²⁶ J. Pergot. Excavations at Eynan (Ain Mallaha). Preliminary report on the 1959 season. Israel Exploration Journ., v. 10, № 1, 1960, pp. 16—22.

в изобилии встречаются на плоскогорьях Палестины. Массовость находок этих орудий свидетельствует, что скорее всего имели место сезонные сборы в довольно больших масштабах. К сожалению, отсутствие зерен злаков в культурных слоях не позволяет определить, как далеко зашли натуфийцы в приспособлении злаковых растений к нуждам человека. Вероятно, для обработки зерен этих растений служили каменные ступки и песты, хотя употреблялись они и для других целей. Некоторые из пестов сохранили следы красной краски (охры), для толчения которой они применялись. Вспомним, что и на Джейтуне многие каменные орудия использовались для измельчения красной краски.

Пещеры Эль-Вад и Кебара представляют собой тип стоянок натуфийских племен в тех условиях, когда сама природа предложила человеку естественное укрытие. С гротами и пещерами или площадками перед ними связано и большинство других натуфийских памятников. Вместе с тем уже здесь люди начали вносить некоторые изменения в окружающие условия. На площадке перед пещерой Эль-Вад Д. Гаррод была открыта сложенная из каменных глыб стена, сохранившаяся в длину на 8.5 м. Д. Гаррод полагала, что это остатки какого-то культового сооружения, связанного с находившимися здесь натуфийскими погребениями, так же как и выдолбленные в скале бассейны и выкладки из плоских камней.²⁷ Вместе с тем характер культурного слоя свидетельствует, что здесь располагалось не только натуфийское кладбище, но и небольшая стоянка, оставившая культурные слои, богато насыщенные различными предметами. Поэтому вполне вероятно, что стена эта как-то связана с нуждами живых обитателей стоянки, а не является магическим сооружением заупокойного культа. Традиция же захоронений непосредственно на месте поселения нам хорошо известна для раннеземледельческих культур Ближнего Востока. В пещере Эль-Вад и на площадке перед ней захоронения располагались группами, от трех до семи скелетов в каждой, причем лишь один из скелетов имел погребальный инвентарь в виде различных украшений из раковин и кости. Д. Гаррод на основании этого склонна полагать, что это могли быть главы семей или рода,²⁸ но полной уверенности в этом нет.

Последние годы ознаменовались открытиями натуфийских памятников и вне горных массивов, на открытых местах. При этом в двух случаях натуфийские слои были обнаружены в основании холмов-теллей, содержащих остатки неолитических поселков (Бейда, Иерихон). Для нашей темы особое значение имеет то обстоятельство, что такие слои обнаружены на холме Тэлль-эс-Сул-

²⁷ D. Garrod and D. Bate. The stone age of mount Carmel, p. 13; D. Garrod. The Natufian culture, p. 222.

²⁸ D. Garrod. The Natufian culture, p. 223.

тан прямо под домами иерихонской культуры, рассматривавшейся в предшествующей главе. Здесь, непосредственно на древней дневной поверхности, представленной в данном случае скалой, было открыто глинобитное сооружение, представляющее собой нечто вроде платформы размером 3×6.5 м, окружённой стенкой из камней и, видимо, из деревянных столбов. В одном месте стояли три камня с глубокими отверстиями, в которые, возможно, вставлялись шесты. Поверхность глиняной обмазки как будто была в древности обмазана салом и превосходно сохранилась. Наличие обломков костяных гарпунов и микролитов в форме сегментов позволяет относить это сооружение к ранненатуфийскому времени.²⁹ Менее ясно его назначение. К. Кенyon допускает, что в камни с гнездами вставлялись шесты и что в целом вскрытая структура является остатками святилища или тотемного места у источника, но сама не настаивает на этом предположении. Как бы то ни было, натуфийские племена уже освоили ту территорию, где позднее складывается процветающий поселок иерихонской культуры.

Не меньший интерес представляет и открытие другого натуфийского памятника, также расположенного на равнине, но не перекрытого более поздними наслоениями. Мы имеем в виду стоянку Эйнан, расположенную неподалеку от оз. Хула, раскапываемую Ж. Перро.³⁰ Здесь не было поблизости гротов или скальных навесов, и человек был вынужден сам позаботиться о собственном жилье. Он и построил себе жилье в виде круглых в плане полуземлянок диаметром от 5 до 6 м. Стены изнутри были облицованы смесью глины с песком или мелкими камнями. Иногда на стенах видны следы окраски в красный цвет. Пол был частично выстлан плоскими каменными плитами. Некоторые из этих плит служили, видимо, основанием для столбов, поддерживающих перекрытие. Под одной из плит обнаружен скелет новорожденного ребенка в скорченном положении — одно из древнейших проявлений ритуального обряда, существовавшего у раннеземледельческих племен в течение весьма длительного времени.³¹ В центре дома находилась выложенная из камней квадратная площадка для очага, а поблизости стояла массивная ступка. Дома существовали довольно долго: их стены несут следы перестройки, а на разной высоте отмечено несколько уровней полов.

²⁹ K. Kenyon. 1) Excavations at Jericho, 1957—1958, p. 100; 2) Earliest Jericho. Antiquity, 1959, № 129, p. 8; D. Kirkbride. A brief report on the pre-pottery flint cultures of Jericho. PEQ, 1960, July—Dec., pp. 114—115.

³⁰ J. Perron. 1) Le Mésolithique de Palestine et récentes découvertes à Eynan (Ain Mallaha). Antiquity and Survival, v. II, № 2—3, The Hague, 1957; 2) Excavations at Eynan...

³¹ С. Н. Бибиков. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье. КСИИМК, вып. XVIII, М.—Л., 1952.

Как и в Эль-Ваде, умерших хоронили тут же, на месте стоянки. Для этой цели служили круглые ямы диаметром до 1 м со стенами, обмазанными глиной с песком и окрашенными иногда в красный цвет. Вполне вероятно, что это был дом для мертвых, сделанный по аналогии с тем домом, в котором помещались живые. В каждом погребении было по нескольку скелетов, обычно по три.

Совершенно ясно, что в Эйане располагалось население, сравнительно прочно перешедшее к оседлости и жившее в круглых домах, являвшихся прототипом древнейших домов докерамического Иерихона. Естественным образом может возникнуть вопрос, не связана ли эта оседлость с дальнейшим совершенствованием того вида хозяйства, о наличии которого столь образно свидетельствуют натуфийские жертвенные ножи. В действительности, однако, это не так. Хотя в Эйане обнаружена пыльца злаковых растений, найдены песты, ступки, вкладыши серпов и обломок костяной основы серпа, роль собирательства в жизни обитавшего здесь рода была невелика. Вкладыши серпов встречаются много реже, чем в пещере Мугарет-эль-Вад. Основой хозяйства были охота и рыболовство; причем, как отмечает Ж. Перро, возможно даже, рыболовство следует поставить на первое место.³² В культурном слое весьма многочисленные кости газели, лани, дикой свиньи, козла, быка, различных грызунов и птиц. Весьма обильны и остатки рыб, совершенно неизвестные в Эль-Ваде. Кроме того, в пищу шли черепахи, ракообразные и улитки. Этнография знает примеры, когда рыболовческо-охотническое хозяйство приводило к прочной оседлости. Достаточно упомянуть тлинкитов и другие племена северо-западной Америки. Вероятно, аналогичным образом сложилась и судьба одного из натуфийских племен, обосновавшегося на берегу озера — надежного источника пищи. Интересно в этой связи и другое обстоятельство. Наибольшее количество вкладышей серпов мы встречаем не на равнинных стоянках, а у обитателей гротов и пещер, расположенных в зоне естественного произрастания злаковых растений. Именно в этих экологических условиях могло сложиться высокоспециализированное хозяйство собирателей, стоящих на пороге искусственного возделывания растений. На пустынные равнины семена злаков человек должен был принести с собой, что было бы одним из первых шагов земледелия.³³ Неудивительно, что равнинный Эйан дает меньше вкладышей серпов, чем Мугарет-эль-Вад, расположенный на холмистом плато.

³² J. Pergot. Excavations at Eynan . . . , p. 21.

³³ На основании геоботанических наблюдений этот тезис был развит Н. И. Вавиловым: Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932. Сейчас эту точку зрения развивает Р. Брейдвуд: R. J. Braidwood. Jericho and its setting in near eastern history. Antiquity, 1957, № 122, p. 78.

Как бы то ни было, есть все основания считать, что уже в ранне-натуфийское время собирательство дикорастущих злаков начало играть значительную роль в хозяйстве мезолитических племен Палестины. В пору среднего Натуфа появляется домашняя собака средней величины, стоящая ближе к шакалу, чем к волку. Это был первый шаг к одомашниванию животных. Собирательство по-прежнему имеет большое значение: процент вкладышей серпов в общей массе кремневых орудий Эль-Вада равен девяты. Небольшие типологические изменения кремневой индустрии не играют большой роли при рассмотрении эволюции хозяйственной деятельности. В пору позднего Натуфа³⁴ появляются наконечники стрел, типологически восходящие к определенному виду сверл. Как будто уже были приручены козел и бык, а возможно, также и свинья.³⁵ Некоторые исследователи, однако, считают, что объективные палеозоологические данные для подобных утверждений отсутствуют.³⁶

Таким образом, на территории Палестины, т. е. там же, где была распространена иерихонская культура ранних земледельцев, существовала и мезолитическая культура, в хозяйстве которой заметную роль играет сбор дикорастущих злаков. Естественно встает вопрос, каково же соотношение этих двух культур или, пользуясь археологической терминологией, какова взаимосвязь докерамического неолита Иерихона и Натуфа. Разумеется, детальное рассмотрение этого вопроса станет возможным лишь после полной публикации раскопок Телль-эс-Султана, осуществленных К. Кенyon. Однако уже имеющиеся материалы свидетельствуют, что между этими двумя комплексами как будто существует генетическая связь.

Стратиграфические наблюдения не оставляют сомнений в том, что иерихонская культура позднее Натуфа. Это ясно показывают раскопки как в самом Иерихоне, о чем говорилось выше, так и в Вади-Фалла.³⁷ К. Кенyon выдвинула гипотезу, что начиная с раннего Натуфа развитие палестинских племен идет двумя путями. По этой теории, племена, перешедшие к прочной оседлости (Proto-Neolithic по стратиграфии Иерихона), стали предшественниками культуры докерамического неолита, тогда как в других районах страны продолжалось существование натуфий-

³⁴ В пещере Мутарет-эль-Вад средний и частично поздний Натуф представлен нерасчлененным слоем B₁. Основанием для более дробного деления явилась стратиграфия Эль-Хиама (R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique. . ., pp. 134—178).

³⁵ Там же, стр. 215—217.

³⁶ C. A. Reed. A review of the archeological evidence on animal domestication in the prehistoric Near East. In: R. J. Braudwood, B. Howe. Prehistoric investigations. . ., p. 131.

³⁷ M. Stekelis. Oren Nahal (Wadi Fallah). Israel Exploration Journ., v. X, № 2, 1960. Notes and News, pp. 118—119.

ской культуры на ее средней и поздней стадиях с их заметным огрубением кремневого инвентаря.³⁸ Следует отметить, что К. Кенyon вообще склонна в своих предварительных сообщениях предлагать довольно поспешные гипотезы, особенно в связи с исчезновением якобы одной культуры и приходом другой, совершенно новой. Поэтому хотя сам вопрос о двух путях развития мезолитической культуры, видимо, поставлен правильно, его конкретно-археологическая интерпретация остается не вполне ясной. Во всяком случае показательно, что кремневая индустрия докерамического Иерихона имеет много общего с так называемым Тахуном, и некоторые авторы ее прямо называют тахунской.³⁹ Развитие же Тахуна на базе позднего Натуфа прекрасно устанавливается стратиграфией Эль-Хиама.⁴⁰ Поэтому есть все основания утверждать, что в общем виде кремневая индустрия иерихонской культуры является дальнейшим развитием натуфийских традиций.

Если в отношении кремневой индустрии иногда трудно спорить с заключениями К. Кенyon, опирающейся на всю полноту неопубликованных материалов, то в отношении традиций домостроительства вопрос совершенно ясен. Нет никаких сомнений в том, что круглые дома натуфийского Эйнана являются прототипом круглых домов докерамического Иерихона стадии А, сменявшихся на стадии В постройками прямоугольных очертаний. Как отмечалось в предшествующей главе, для иерихонской культуры весьма характерен культ предков, выразившийся в захоронении одних черепов. Аналогичные захоронения черепов известны и в ранненатуфийских слоях Эйнана. В свете этих данных нет особых оснований видеть в культуре докерамического Иерихона результат деятельности каких-то загадочных племен, пришедших неизвестно откуда. Докерамический неолит Иерихона как одна из локальных раннеземледельческих культур Передней Азии находит себе прямых местных предшественников в натуфийских племенах, практиковавших по меньшей мере сезонные сборы дикорастущих злаков. Таким образом, одна из пяти рассматривавшихся выше культур может быть непосредственно возведена к конкретной мезолитической общности. Общеисторическая линия развития Натуф—Иерихон характеризует историю племен Палестины. К сожалению, соответствующие данные пока отсут-

³⁸ K. Kenyon. Earliest Jericho, p. 8.

³⁹ R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique. . . , p. 175. К. Кенyon в цитированной статье утверждает, что тахунские традиции появляются в Иерихоне лишь на стадии В (К. Кенyon. Earliest Jericho, p. 8). Однако уже на опубликованном материале видно, что, например, наконечники стрел с выемками, характерные для стадии А (PEQ, 1960, July—Dec., pl. XIII, A, O, P, Q), вполне могут быть сопоставлены с поздне-натуфийской—тахунской индустрией.

⁴⁰ R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique. . . , pp. 167—175.

ствуют для Египта, где в V тыс. до н. э. мы застаем уже вполне сложившуюся оседлоземледельческую культуру (Фаюм А=4400±180 г. до н. э. и другие комплексы).

Обратимся теперь к племенам северной Месопотамии. Здесь за последние годы был открыт ряд памятников поры мезолита. Хотя степень их изученности и во всяком случае публикации уступает сведениям о натуфийской культуре, можно тем не менее совершенно определенно утверждать, что перед нами не Натуф, а другая культура этого же времени.

Первые сведения о каменном веке Ирака появились еще в 1930 г.,⁴¹ но лишь после успешных полевых работ последнего десятилетия в результате ряда открытий был получен сравнительно обширный материал, характеризующий этот период истории страны, длившийся в течение многих тысячелетий.⁴² Теперь история первобытнообщинного строя страны, на территории которой процветали культуры Шумера, Вавилона и Ассирии, уже начинается не с появления здесь первых земледельцев с прекрасной расписной керамикой, а со значительно более отдаленных и примитивных ступеней развития. Ко времени ашеля относятся слои пещеры Барда-Балка в Курдистане, где наряду с ручными рубилами обнаружены грубые орудия из оббитых галек типа индийских чопперов, встречающихся также и в Средней Азии. В слоях Барда-Балки обнаружены также кости носорога и индийского слона. Кремневая индустрия времени мустье представлена комплексом типа Хазар-Мерд, впервые открытого еще Д. Гаррод и обнаруженного сейчас в целом ряде мест, в том числе и в пещере Шанидар (слой D), где открыто большое количество неандертальских погребений. Иракское мустье с его широким использованием отщепов для изготовления орудий аналогично соответствующим материалам из Ирана (пещера в ущелье Бисутун со знаменитой надписью Дария I). Ко времени верхнего палеолита относится комплекс типа Барадост (Шанидар, слой C), датируемый на основании данных радиокарбонового анализа временем 27000—32000 гг. до н. э. Выше этого комплекса лежат слои с кремневой индустрией, уже представляющей непосредственный интерес для нашей темы (Шанидар, слой B).

Впервые обнаруженная Д. Гаррод в пещере Зарзи индустрия этого типа сохранила название зарзийской. Она характеризуется

⁴¹ D. G a r r o d . The paleolithic of southern Kurdistan. Excavations in the caves of Zarzi and Hazar Merd. Amer. Scool of Prehistoric Research, Bull., № 6, 1930, pp. 8—43.

⁴² Хороший обзор истории изучения каменного века Ирака дал Р. Солецкий (R. S. Solecki. Shanidar cave, a paleolithic site in northern Iraq. Annual Report of the Smithsonian Inst., Publ. 4190, Washington, 1955, pp. 395—400). Общий очерк каменного века Ирака см. в цитируемой выше работе Р. Брейдвуда и Б. Хова.

развитой пластинчатой техникой, далеко ушедшой вперед по сравнению с комплексом Барадоста. Здесь распространены пластины с затупленной спинкой, пластины с выемкой, круглые скребки, наконечники с выемкой. В верхних слоях зарзийского комплекса в самой пещере Зарзи появляются сегменты и удлиненные треугольники. Исследователи определяют комплекс Зарзи как самый поздний верхний палеолит,⁴³ находящийся на грани с мезолитом и типологически могущий быть отнесенными или к верхнему палеолиту, или уже к мезолиту.⁴⁴

Во всяком случае показательно, что налицо определенный разрыв с Барадостом. К сожалению, стратиграфия пещеры Зарзи была установлена лишь в самом общем виде, но, вероятно, правы Р. Брейдвид и Б. Хов, ставящие вопрос о выделении в Зарзи двух этапов, в позднейшем из которых широко распространяются орудия геометрических форм. К этому позднему этапу, плохо представленному в самой пещере Зарзи, следует отнести материалы из слоя В в Шанидаре⁴⁵ и комплекс Палегавры.⁴⁶ Возможно, этот поздний этап, имеющий близкие аналогии в раннем мезолите Прикаспия, следует также относить к поре мезолита. Показательно, что в последних публикациях Р. Солецкий, раскапывающий Шанидар, относит материалы из слоя В к мезолиту.⁴⁷ Впрочем, не так существенна детализированная терминология, как то обстоятельство, что с появлением комплекса Зарзи, особенно в его поздней форме, каменный век Ирака вступает в новый период. На примере этого же комплекса, именуемого исследователями то верхнепалеолитическим, то мезолитическим, видна и тесная связь этого периода с предшествующим развитием.

В иракском мезолите, так же как и в мезолитических комплексах ряда других стран, получают широкое распространение микролиты геометрических форм. Особенно это явление характерно для

⁴³ D. Garrow. Notes sur le Paléolithique supérieur du Moyen Orient. Bull. de la Soc. préhistorique Francaise, t. LIV, f. 7—8, 1957, p. 446.

⁴⁴ R. S. Solecki. Shanidar cave..., pp. 397, 422; R. Braudwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., p. 155.

⁴⁵ Наиболее полное отражение в печати получили работы первого сезона в Шанидаре: R. S. Solecki. 1) Shanidar cave...; 2) A paleolithic site in the Zagros Mountains of northern Iraq. *Sumer*, v. VIII, № 2, 1952, pp. 127—161; v. IX, № 1, 1953, pp. 60—93; 3) The Shanidar cave Soundings, 1953 season. *Sumer*, v. IX, № 2, 1953, pp. 229—239. О последующих работах см.: R. S. Solecki. 1) The 1956—1957 season of Shanidar, Iraq. A preliminary statement. *Quaternaria*, v. IV, Roma, 1957, pp. 23—27 (то же данные: *Sumer*, v. XIV, № 1—2, 1958, pp. 104—108); 2) Early man in cave and village of Shanidar. *Transactions of the New York Acad. of Sci.*, ser. II, v. 21, 1959, pp. 713—716. Существует также обширная литература об антропологических материалах мустерского времени.

⁴⁶ R. J. Braudwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., pp. 28—29, 57—58.

⁴⁷ R. S. Solecki. Early man..., p. 713.

раннего периода. В верхних слоях пещеры Зарзи эти орудия еще только появляются и представлены сегментами и удлиненными треугольниками. В слое В Шанидара к ним добавляются трапеции, в том числе с вогнутыми сторонами, подобные трапециям раннего мезолита Прикаспия.⁴⁸ На сегментах встречается двусторонняя ретушь так называемого хелванского типа, характерная и для аналогичных орудий натуфийской культуры. Весьма разнообразны геометрические орудия из Палегавры, где имеются и трапеции правильных симметричных форм.⁴⁹ Распространены также пластинки с притупленной спинкой, резцы, сверла, скребки различных видов. Характерна довольно сильная микролитоидность кремневого инвентаря. Возможно, кроме пещер, североиракские племена этого времени располагали свои стоянки и на открытых местах. Климат и природные условия поры бытования комплексов зарзийского типа были близки современным. В отличие от большей части Европы в Передней Азии при переходе от верхнего палеолита к мезолиту как будто не было сколько-нибудь существенных климатических изменений.⁵⁰ Для своих костров обитатели Палегавры использовали тополь, тамариск, деревья различных хвойных пород, ныне произрастающие в этом же районе. Подобно раннемезолитическим племенам Прикаспия, племена, укрывавшиеся в гротах Зарзи, Шанидара и Палегавры, были охотниками. Объектами их охоты являлись: дикий козел, баран, бык, олень, свинья, газель, лошадь или онагр. Все эти животные водятся и до настоящего времени в горах Курдистана. Лишь за газелью охотникам приходилось совершать экспедиции в долины. Казалось бы, ничто еще не отличает североиракские племена от прикаспийских охотников. Вместе с тем следует отметить, что в Палегавре были обнаружены каменное тесло с частичной шлифовкой и кусок терочного камня. Вероятно, уже на этой ступени развития складываются предпосылки к регулярному собиранию дикорастущих злаков, которые в Курдистане почти столь же многочисленны, как и в зоне обитания натуфийских племен. Радиокарбоновый анализ для слоя Шанидар В дал даты 10040(± 400) и 9740(± 400) гг. до н. э. Судя по этим данным, комплексы типа позднего Зарзи следуют относить к XI—X тыс. до н. э.

Следующий период развития мезолитических племен северного Ирака, так же как и ранний, находит известные аналогии в эволюции прикаспийского мезолита. Как и в Прикаспии, в Ираке почти полностью выходят из употребления орудия геометрических форм. К этому времени относятся такие памятники, как Ка-

⁴⁸ R. S. Solecki. Shanidar cave. . . , pl. 4, c.

⁴⁹ R. J. Braidekwo'd, B. Howe. Prehistoric investigations. . . , pl. 24.

⁵⁰ Там же, стр. 181.

рим-Шахир, Гирд-Чай, Малефаат и поселение Зави-Чеми-Шанидар. Кремневая индустрия этих памятников отличается микролитоидным характером. Вместе с тем, например, на поселении Карим-Шахир, где раскопки произведены на площади почти в 500 м², найдено лишь несколько штук сомнительных геометрических орудий. Это свидетельствует об общих закономерностях развития кремневого инвентаря в Прикасии и в Иракском Курдистане. Однако этим, пожалуй, и ограничивается сходство этих двух культур. Североиракские племена на стадии Карим-Шахира сделали существенный шаг по пути перехода к экономике производящего типа.

Интересно уже то обстоятельство, что все четыре памятника, названные выше, — это стоянки, расположенные на открытых местах. Для пещер северного Ирака вообще характерно, что после слоя типа Зарзи идут обычно перемешанные слои с черепками сосудов весьма позднего времени. Время Зарзи было последним периодом в жизни «пещерных охотников» Ирака, переселяющихся в иные природные условия. Здесь, так же как мы это наблюдаем и в палестинском Натуфе, жилища уже строятся руками человека. Интересно, что, как и в Натуфе, это были овальные полуzemлянки, у которых нижние части стен иногда обкладывались камнем (Малефаат, Зави-Чеми-Шанидар). Остатки таких строений и культурные отбросы образовывали небольшие холмы, и именно с этого времени появляются первые телли, столь характерные для археологического ландшафта Передней Азии. Одно из поселений площадью около 1 га и с культурными слоями в 1.5 м, кстати, так и именуется местным населением — Телль Малефаат. Изменение мест обитания едва ли было вызвано случайными обстоятельствами, а скорее всего связано со стремлением приблизить жилища к тем местам, в которых протекала хозяйственная деятельность. В этом отношении особенно показательно появление стоянки Зави-Чеми-Шанидар, расположенной в долине неподалеку от пещеры Шанидар, дававшей убежище охотникам уже в течение десятков тысяч лет и, возможно, в рассматриваемый период использовавшейся в зимнее время. Об этих новых видах хозяйственной деятельности свидетельствует и распространение новых видов орудий. Многочисленные ступки, песты, терки являются характерной чертой комплексов типа Карим-Шахира. Имеются в Карим-Шахире и кремневые пластины, и отщепы с характерной заполированностью, свидетельствующей, что перед нами вкладыши жатвенных орудий. Правда, их количество относительно невелико,⁵¹ особенно по сравнению с десятками превосходных вкладышей серпов, находимых на натуфийских памятниках. Возможно, в это время в северном Ираке делались попытки использовать в каче-

⁵¹ Там же, стр. 53.

стве орудия, срезающего стебли растений, многочисленные осколки кварцита.⁵² Во всяком случае несомненно, что перед нами начало регулярных сборов и обработки каких-то растений. Скорее всего это были злаковые культуры. Интересные изменения происходят и в другом направлении. Уже Р. Брейдвуд отмечал, что на Карим-Шахире, где, к сожалению, остеологический материал до настоящего времени полностью не обработан, большинство костей принадлежит потенциально домашним видам животных.⁵³ В настоящее время становится ясным, что первый шаг в этом направлении уже был сделан. Изучение материалов из пещеры Шанидар и из поселения Зави-Чеми-Шанидар показывает это со всей определенностью.⁵⁴ Если в слоях Шанидара мустерьского и верхнепалеолитического (Барадост) времени совершенно нет молодых особей, то в Зави-Чеми-Шанидаре около половины шедших в пищу коз было моложе одного года. Изменения роговых стержней также не оставляют сомнений в том, что перед нами домашний мелкий рогатый скот. Первые скотоводы, заботясь о сохранении основного поголовья, чаще употребляли в пищу лишь молодняк. Разумеется, о жителях Зави-Чеми-Шанидара можно лишь условно говорить как о скотоводах. Их домашние животные были представлены единственным видом (козел). Большинство животных добывалось на охоте, и, видимо, именно она в основном и определяла направление хозяйственной деятельности, в которой разведение коз играло роль подсобного занятия, хотя и таящего в себе большие возможности. Широкое развитие получил и сбор съедобных моллюсков. Сохранением роли охоты объясняется и характер кремневых орудий. За исключением почти исчезнувших геометрических микролитов, все здесь свидетельствует о продолжении старых традиций комплексов типа Палегавры. Сохраниются вкладыши с притупленной спинкой, пластины с выемками, разнообразные скребки и сверла. На этом фоне выделяются лишь вкладыши жатвенных ножей, свидетельствующие о новых видах производственной деятельности.

Более заметны изменения среди изделий из камня. Массивные тесла становятся довольно многочисленными. Иногда они целиком отполированы (Малефаат), иногда полировке подвергается лишь рабочий край (Карим-Шахир). О распространении терочных камней, пестов и ступок уже говорилось выше. Появляются и украшения из шлифованного камня. Среди них следует отметить каменные браслеты. На Карим-Шахире были обнаружены и грубые фигурки, вылепленные из глины. Человек как бы ощущал начинял

⁵² R. S. Solecki. Early man..., p. 176.

⁵³ R. J. Braudwood. The Near East and foundations for civilization, p. 26.

⁵⁴ D. Perkins. The faunal remains of Shanidar cave and Zawi Chemi Shanidar. 1960 season. Sumer, v. XVI, № 1—2, 1960, pp. 77—78.

знакомиться с новым материалом, широкое использование которого определяет многие стороны материальной культуры последующего времени. К сожалению, на самом Карим-Шахире не было обнаружено образцов, пригодных для радиокарбонового анализа. Такому анализу был подвергнут образец с Зави-Чеми-Шанидара, в результате чего получена дата 8910 (± 300) г. до н. э. Вероятно, эта цифра определяет лишь самую нижнюю границу рассматриваемого периода. Поскольку комплексы типа Карим-Шахира типологически предшествуют Джармо, их следует относить ко времени не позднее VI тыс. до н. э. Тогда весь период в целом следует ориентировочно датировать IX—VII (или IX—VIII) тыс. до н. э.

Таким образом, в северном Ираке мы имеем дело с мезолитической культурой охотников и собирателей, в хозяйстве которой, во всяком случае на поздних этапах, появляется одомашненный мелкий скот и все большее значение приобретают жатва и обработка каких-то злаковых растений. Как можно видеть и хронологически, и по направленности процессов в хозяйстве, мезолитические племена северного Ирака весьма близки палестинским натуфийцам. Но это сходство лишь общего типологического характера. Перед нами, если брать всю сумму признаков, в значительной мере различные культурные традиции и скорее всего две разные культуры. Это лучше всего видно при сравнении кремневой индустрии обеих областей. В натуфийской культуре геометрические микролиты в значительном числе существуют на протяжении всех трех этапов, сокращаясь количественно лишь с появлением кремневых наконечников стрел. В северном Ираке кремневых наконечников стрел нет совершенно, а после этапа широкого распространения орудий геометрических форм наступает период их практического отсутствия. В этом отношении североиракский мезолит находит прямые параллели в прикаспийских памятниках, на которых мы останавливались в главе 1. Если считать, что геометрические микролиты представляют собой вкладыши составных орудий и в первую очередь наконечников дротиков и стрел, то было бы неестественным предполагать на каком-то этапе отказ от использования этого оружия. Возможно, были сделаны попытки перейти к наконечникам из других материалов (дерево, кость). Если это и так, то попытки эти себя не оправдали, так как вскоре мы наблюдаем вновь широкое использование геометрических микролитов (Джабель 5 и Джайтун в Туркмении, Джармо в Ираке). Нет в Палестине и браслетов и колец, выточенных из камня, которые в Ираке, появляясь в пору Карим-Шахира, широко распространяются в комплексах типа Джармо.

Вместе с тем именно к традициям североиракского мезолита восходит культура Джармо. Преемственная наследственность человеческих коллективов особенно хорошо видна на памятниках

в долине Чемчемал, исследовавшихся экспедицией Р. Брейдвуда. Здесь на ограниченном участке расположены три памятника типа Джармо (Кани-Сур, Хора-Намык и Джармо) и три памятника типа Карим-Шахира (Туркака, Коври-Хан и Карим-Шахир), причем на двух из них (Туркака и Коври-Хан) как будто есть и материал более раннего периода. Сосредоточение в одном месте памятников хронологически последовательных этапов объясняется тем, что на данной конкретной территории в течение многих столетий протекала жизнь человеческих коллективов, совершивших свою культуру и хозяйственную деятельность. Не случайно мы наблюдаем и прямую преемственность в производственном инвентаре. Как уже отмечалось, кремневая индустрия Джармо соответствует той поздней фазе прикаспийского мезолита, когда опять во множестве появляются геометрические микролиты. В типологическом отношении она прямо наследует микролитическим комплексам Палегавры и Карим-Шахира, представляя собой последний взлёт кремневой индустрии накануне того, как она придет в упадок, вытесняемая изделиями из металла. Тесла шлифованного камня, каменные песты, терки и ступки и, наконец, такие характерные изделия, как браслеты, выточенные из камня,— все это в пору Джармо не более как развитие предшествующих традиций. Следовательно, и в северном Ираке мы наблюдаем ту же картину, что и в Палестине: местная древнеземледельческая культура восходит к местным же комплексам поры мезолита. При этом устанавливаемая генетическая связь не ограничивается сравнительной типологией, а уходит своими корнями в хозяйственную эволюцию: и в северном Ираке, и в Палестине в пору мезолита появляются предпосылки к сложению производящей экономики. Таким образом, и здесь мы находим подтверждение вывода, к которому мы пришли на основании сравнительного анализа раннеземледельческих культур Передней Азии. Рассмотрение истоков этих культур также свидетельствует о том, что они восходят к различным локальным традициям.

Определенные данные в этом отношении дают и среднеазиатские материалы. Здесь, как уже отмечалось выше, известна прикаспийская мезолитическая культура охотников и собирателей.⁵⁵ Между мезолитом Прикаспия, с одной стороны, и джейтунской культурой, с другой, намечается ряд черт генетической связи.⁵⁶ Кремневые индустрии в обоих комплексах производят впечатление двух ответвлений одного общего корня. Весьма близки украшения из раковин и из полированных камней с просверленными отверстиями. В наслоениях прикаспийских пещер обнаружены небольшие конусы из необожженной глины — прямые предшествен-

⁵⁵ См. стр. 14—18.

⁵⁶ В. М. Массон. Джейтунская культура, стр. 68—70, 80.

ники терракотовых игральных фишек, столь характерных для Джейтуна. Вместе с тем природные условия, в которых располагались стоянки прикаспийских охотников, мало способствовали интенсивному развитию производящего хозяйства, что, в частности, сказалось в сохранении архаического облика культуры Прикас-

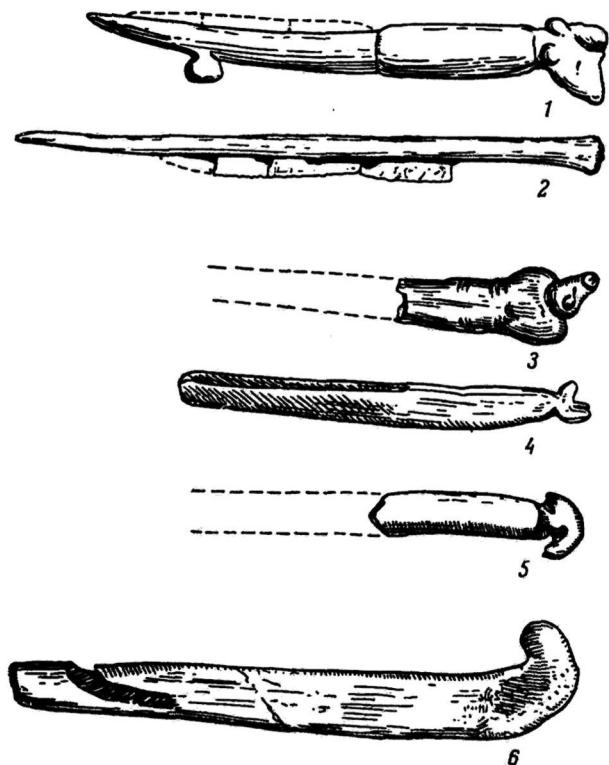

Рис. 18. Жатвенные ножи Натуфа (1, 3), Фаюма (2), Сиалка (4, 5) и Чопан-Депе (6).

ния в IV—III тыс. до н. э.⁵⁷ Вполне вероятно, что мезолитические племена, занимавшие в IX—VII тыс. до н. э. горные долины и предгорья Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор, помимо охоты, занимались в широких масштабах собирательством произраставших здесь в изобилии дикорастущих злаков. Скорее всего именно подобные племена были теми протоджейтунцами, чья эволюция привела к становлению производящего хозяйства в области Туркмено-Хорасанских гор. На существование подобных племен, по-

⁵⁷ См. стр. 169—170.

мимо общих соображений, указывает и следующее косвенное обстоятельство. Жатвенный нож джейтунской культуры представляет собой весьма специфическую форму этого орудия с загнутой рукояткой, восходящей к скульптурному изображению животного, подобно тому как это мы видели на серпах палестинских натуфийцев (рис. 18). Аналогичные жатвенные ножи характерны и для Сиалка, в то время как в раннеземледельческих комплексах Ирака уже применялись изогнутые серпы. Таким образом, жатвенное орудие земледельцев Джейтуна или Сиалка I не было заимствовано у оседлоземледельческих племен Ирака. Скорее всего эта форма восходит к местным племенам поры мезолита, пользовавшимся при сборе злаков жатвенными ножами натуфийского типа.⁵⁸

Может быть поставлен вопрос: а не являлись ли мезолитические племена Ирана и Средней Азии, о которых мы можем судить на основании раскопок прикаспийских пещер, лишь составной частью иракской мезолитической культуры? Об этом пока трудно судить с полной уверенностью. О значительной культурной общности этих областей свидетельствуют, например, общие закономерности в эволюции геометрических микролитов. Вместе с тем в Прикаспии нет каменных браслетов, так же как их нет и в джейтунской культуре. Несомненно в этом проявляются черты локального своеобразия в пределах большой культурной зоны.

Таким образом, данные сравнительно-археологического анализа на данном уровне наших знаний свидетельствуют о полицентризме процесса сложения раннеземледельческих культур Ближнего Востока. Существенную роль при исследовании этого явления должны сыграть также палеоботанические и палеозоологические материалы, хотя в их интерпретации пока нет достаточной ясности. Выдающимся советским ученым Н. И. Вавиловым было разработано учение о том, что древние центры происхождения культурных растений являются и поныне зонами исключительного сортового разнообразия. Исходя из современной ботанической географии, Н. И. Вавилов выделял семь основных самостоятельных очагов происхождения «культурных растений» и в то же время семь вероятных очагов самостоятельного возникновения земледельческой культуры». ⁵⁹ В числе таких очагов Н. И. Вавилов

⁵⁸ Подчеркнем еще раз, что украшение рукоятки жатвенного ножа скульптурой — весьма характерный признак. Прямые жатвенные ножи Египта, типологически идентичные натуфийским орудиям, такого навершия не имеют.

⁵⁹ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932, стр. 7; см. также: Н. И. Вавилов. 1) Центры происхождения культурных растений. Труды по прикладн. ботанике и селекции, т. XVI, вып. 2, Л., 1926; 2) Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. Сов. наука, 1940, № 2.

выделял: юго-западно-азиатский (внутренняя и восточная Малая Азия, Иран, Афганистан, Средняя Азия, Пакистан), Индостан с Индокитаем, Восточный и Горный Китай, страны Средиземноморья (Балканы, прибрежная Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет и др.), горную и восточную Африку (главным образом Абиссинию) и два независимых очага в Новом Свете. Многие из выводов и наблюдений Н. И. Вавилова полностью сохранили свое значение до настоящего времени и подтверждаются новыми археологическими данными. Так, Н. И. Вавилов указывал, что все намечаемые им семь очагов приурочены преимущественно к горным тропическим и субтропическим областям, занимая в особенности подгорные полосы. «Тропики и субтропики,— писал Н. И. Вавилов,— представляют оптимум условий для развертывания видообразовательного процесса. Максимум видового разнообразия дикой растительности и животного мира явно тяготеет к тропикам... Разнообразие климатов и почв, свойственное горным зонам, к которым тяготеют основные центры происхождения культурных растений, способствует также выявлению разнообразия среди видов, а также и в сортовом составе культурных растений. Наоборот, ледники, покрывавшие в последнюю геологическую эпоху северную Европу и Северную Америку и Сибирь, уничтожили целые флоры». Далее Н. И. Вавилов отмечает, что в отличие от тропиков с буйной растительностью, преимущественно древесной, с их тропическими болезнями горные тропические и субтропические области представляли наиболее благоприятные условия для заселения и именно здесь развиваются преимущественно травянистые виды растительного мира, к которым относится и большинство культурных растений.⁶⁰ Действительно, на археологической карте мы видим, как раннеземледельческие культуры, характеризуемые обычно расписной керамикой, широким поясом охватывающим субтропики обоих континентов. Подтверждается и вывод Н. И. Вавилова о независимом характере горнокитайского очага земледелия. Несмотря на многочисленные утверждения о связи расписных культур типа Яншоа с раннеземледельческими культурами переднеазиатского круга, отсутствуют реальные археологические факты, подтверждающие подобные выводы. В частности, археологические работы в Средней Азии ясно показывают, что культура первых земледельцев не шагнула дальше южной кромки Каракумских песков и, таким образом, между ранними земледельцами Китая и Передней Азии лежит огромный пояс, занятый племенами охотников, рыболовов и собирателей.

Вместе с тем ряд заключений Н. И. Вавилова должен быть подвергнут сомнению. Так, не подтверждается заключение о боль-

⁶⁰ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия..., стр. 12—13.

шой роли Эфиопии и Афганистана в происхождении земледельческих культур. Н. И. Вавилов исходил из современного сортового разнообразия злаковых культур в этих странах. Однако археологические данные свидетельствуют, что и в Афганистане, и в Эфиопии земледельческие культуры сравнительно позднего происхождения и, вероятно, сложились не без влияния со стороны более древних земледельческих центров.⁶¹ Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одним из примеров того, как ботанический вид, однообразный на своей родине, за ее пределами дает расцвет формообразования.⁶² Вместе с тем следует отнести с вниманием к разделению Н. И. Вавиловым средиземноморского и юго-западно-азиатского центров земледелия. Выше уже неоднократно отмечалось, что археологические материалы свидетельствуют о наличии двух культурных ареалов — палестино-сиро-килийского, с одной стороны, и иракско-иранско-среднеазиатского, с другой. Нельзя не видеть известного совпадения этих ареалов и двух вероятных центров земледелия, выделявшихся советским ботаником. Отметим, что в одной из своих работ Н. И. Вавилов пришел к выводу о наличии двух центров происхождения пшеницы — западного, или средиземноморского, с твердыми сортами пшеницы, и восточного, или ирано-афганского, с преобладанием мягких (*Triticum vulgare*) и карликовых пшениц (*T. compactum*).⁶³ О том, что подобное региональное деление, наблюдавшееся Н. И. Вавиловым на современном материале, восходит к сравнительно раннему времени, свидетельствуют и палеоботанические данные. Так, в восточном Средиземноморье в наиболее ранних оседлоземледельческих памятниках повсеместно распространена двузернянка, называемая также эммером, или полбой (*T. dicoccum*). Двузернянка была найдена в Египте, в неолите Сиро-Килиции и в Джармо, где также отмечена и однозернянка. На юго-западе Средней Азии мы имеем исключительно мягкую пшеницу (*T. vulgare*), отмеченную как в северном холме Анау, так и в Геккюрском оазисе.⁶⁴ На памятниках хараппской культуры в долине Инда найдены карликовая пшеница (*T. compactum*) и пшеница круглозерная (*T. sphaerococcum*), представляющая и в настоящее время узкоэндемичный вид, возделываемый исключи-

⁶¹ В. М. Массон. Древнейший Афганистан. СА, 1962, № 2. Возникновение земледелия в Эфиопии относится ко времени не ранее III тыс. до н. э. См.: F. Muredock. Africa. New York, Toronto, London, 1959, p. 332. Сведения об Эфиопии любезно сообщены Х. А. Кинк.

⁶² П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 79. Автор имеет в виду Эфиопию. Вероятно, то же следует отнести, судя по археологическим данным, и к Афганистану.

⁶³ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 25—27, 31—32.

⁶⁴ Определение А. В. Кирьянова.

тельно в Пенджабе.⁶⁵ К сожалению, использование подобных данных для рассмотрения проблемы первоначальных центров земледелия затрудняется неясностью вопроса о происхождении отдельных видов культурных пшениц. Единственным исключением является, пожалуй, происхождение однозернянки (*T. monococcum*), известной по находкам в Трое, на раннеземледельческих поселениях Балканского полуострова и, как отмечалось выше, обнаруженной также и в Джармо. Этот вид пшеницы является потомком дикой однозернянки (*T. aegilopoides*), распространенной более всего в Малой Азии, но также встречающейся на Балканах, в Сирии, Палестине, Месопотамии и Закавказье.

Один из основных продуктов ближневосточных земледельцев — двузернянка, или эммер, — по мнению Г. Хельбека, восходит к дикой двузернянке (*T. dicoccoides*), являющейся горным видом и встречающейся в Антиливане и Ливане, в Палестине и в горах Загроса. П. М. Жуковский, однако, отмечал, что эммер отличается от дикой двузернянки даже морфологически и с ней не скрещивается. Он допускает, что эммер возник в результате скачкообразных изменений в условиях естественной гибридизации, причем эти изменения были замечены и подхвачены человеком.⁶⁶ Однако при раскопках в Джармо были обнаружены зерна эммера, отличающиеся от всех ранее известных образцов и ближе всего стоящие к дикой двузернянке, что как будто подтверждает мнение Г. Хельбека.⁶⁷ Исследователи полагают, что от эммера в результате мутаций произошло большинство современных видов пшеницы. В частности, существует мнение, что *T. vulgare* является результатом гибридизации эммера и одного из травянистых злаков (*Aegilops* sp.), в дикорастущем виде встречающегося от Средиземноморья до Каспия.⁶⁸

В жизни первых земледельцев Ближнего Востока ячмень, из которого, кроме лепешек, могло быть изготовлено и пиво, играл долгое время значительно большую роль, чем пшеница.

⁶⁵ П. М. Жуковский. Культурные растения..., стр. 85.

⁶⁶ Там же, стр. 74.

⁶⁷ H. Helbaek. 1) Archaeology and agricultural botany. University of London, Inst. of Archaeology, Ninth annual report, 1953, p. 47; 2) The paleoethnobotany of Near East and Europe. In: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations..., p. 102.

⁶⁸ J. Percival. The wheat plant. London, 1921. Г. Хельбек (H. Helbaek. Archaeology..., p. 49) отмечает, что если исходить из этой теории, то центром мягких пшениц должно быть признано Закавказье, где зоны распространения эммера и *Aegilops* sp. взаимно перекрываются. Советские исследователи отмечают большое разнообразие в составе мягких пшениц Закавказья и также склоняются к тому, чтобы считать эту область местом их происхождения путем гибридизации или перерождения твердых пшениц в мягкие. Однако земледельческая культура Закавказья складывается, видимо, в относительно позднее время, если судить по ее архаическим формам в IV тыс. до н. э. См. об этом ниже, стр. 239.

Показательно, например, что из 800 зерен, обнаруженных при раскопках Фаюма, лишь 20% принадлежат эммеру, тогда как 23% составляли зерна двурядного ячменя, а 57% — ячменя многорядного.⁶⁹ На энеолитическом поселении Муллали-Депе в Средней Азии найдено 9100 зерен ячменя и всего 250 зерен пшеницы.⁷⁰ О большом значении ячменя на Древнем Востоке свидетельствуют и письменные источники. Отметим, что в Муллали-Депе также обнаружен и двурядный ячмень (*H. distichum*), известный еще по находкам в Анау, и многорядный (*H. vulgare*). Дикий двурядный ячмень (*H. spontaneum*), по общему мнению, является предком культурного двурядного ячменя. *H. spontaneum* — растение степей и пустынь на юге Средней Азии, в Афганистане, Иране, Закавказье, Сирии, Палестине, Малой Азии и Киренайке. В Туркмении и на северных склонах Гиндукуша его заросли местами образуют сплошной покров.⁷¹ Большинство исследователей полагает, что многорядный ячмень произошел также от дикого двурядного ячменя,⁷² хотя существуют мнения, что его предком является дикий многорядный ячмень.⁷³ Во всяком случае на Ближнем Востоке многорядный ячмень как будто получает широкое распространение позднее двурядного.⁷⁴

Из всего изложенного выше по крайней мере один вывод можно сделать с достаточной определенностью. Даже если исходить не из районов современного сортового разнообразия культурных растений, как это делал Н. И. Вавилов, а ориентироваться лишь на области современного произрастания дикорастущих предков пшеницы и ячменя, совершенно ясно, что именно с этими областями связаны рассматривавшиеся выше древнейшие земледельческие культуры Передней Азии. Вместе с тем как будто имеются данные, свидетельствующие, с точки зрения ботанической географии, о полигенетизме происхождения земледелия уже в этих пределах (два центра Н. И. Вавилова). Во всяком случае весьма показательно, что, например в среднеазиатском очаге раннеземледельческих культур, уже в древности была распространена мягкая пшеница и совершенно неизвестна двузернянка-эммер. Вероятно, это свидетельствует о независимом характере деятельности древних селекционеров в различных областях, независимо от того, в какой

⁶⁹ E. C. Curwen, G. Hatt. Plough and pasture, p. 26.

⁷⁰ Определение А. В. Кирьянова.

⁷¹ П. М. Жуковский. Культурные растения..., стр. 108.

⁷² Ф. Х. Бахтеев. Новая классификация возделываемых ячменей. ДАН СССР, т. LIX, № 5, 1948; Н. Нельбек. Archaeology..., pp. 53—54.

⁷³ П. М. Жуковский. Культурные растения..., стр. 111.

⁷⁴ Н. Нельбек. The paleoethnobotany..., pp. 109—111. Г. Хельбек предполагает, что двурядный ячмень связан с горными районами, тогда как многорядный распространяется на равнинах с ирригационным земледелием.

степени они сочетали сознательную направленность своей работы с наблюдением за естественной гибридизацией интересующих их злаков.

Еще более сложно обстоит дело с проблемой происхождения домашних животных на Ближнем Востоке. Зоологи допускают, что процесс приручения мог идти одновременно в различных точках субтропического пояса Афразии.⁷⁵ Однако скучность палеозоологических материалов, как правило лишь упоминаемых в археологических работах, а не публикуемых должным образом, крайне затрудняет конкретное определение таких первоначальных центров.⁷⁶ Эти материалы свидетельствуют, что первым домашним животным скотоводов были козы, происходящие от дикого вида *Capra hircus aegagrus*, или безоарового козла, широко распространенного в горных областях и холмистых плоскогорьях Передней Азии, где он часто становился добычей палеолитических охотников, как, например, это видно по раскопкам пещеры Антелиус на Ливанском побережье. На безоарового козла охотились обитатели и североиракского грота Палегавра. Свидетельства о процессе доместикации этого животного почти одновременно поступают из трех довольно удаленных друг от друга областей. Так, в VII—VI тыс. до н. э. североиракские племена, оставившие памятники типа Джармо, уже разводили коз,⁷⁷ а раскопки Зави-Чеми-Шанидара показывают, что это явление может быть отнесено, по-видимому, еще к IX тыс. до н. э.⁷⁸ В иерихонской культуре Палестины, относящейся к VII—VI тыс. до н. э., также известен одомашненный безоаровый козел,⁷⁹ что заставляет с большим вниманием отнести к сообщениям о наличии домашних особей мелкого рогатого скота еще на поздних этапах натуфийской культуры, т. е., вероятно в VIII тыс. до н. э.⁸⁰ Видимо, в VII—VI тыс. до н. э. про-

⁷⁵ С. Н. Боголюбский. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, стр. 168.

⁷⁶ См. обзоры: R. H. Dyson. Archeology and the domestication of animals in the old world. Amer. Anthropologist, v. 55, 1953, pp. 661—673; C. A. Reed. A review of the archeological evidence..., pp. 119—145. В своем обзоре Ч. Рид критически рассматривает все известные палеозоологические материалы, что в ряде случаев создает оттенок предвзятости.

⁷⁷ C. A. Reed. A review of the archeological evidence..., pp. 131—132.

⁷⁸ D. Perkins. The faunal remains of Shanidar cave..., p. 78.

⁷⁹ F. E. Zeuner. The goats of early Jericho. PEQ, 1955, April, pp. 71—75.

⁸⁰ R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., pp. 215—217. Ч. Рид отмечает, что здесь остатки козла морфологически идентичны особям *Capra hircus aegagrus* и поэтому нет оснований говорить о начальной стадии доместикации (C. A. Reed. A review of the archeological evidence..., p. 131). Вместе с тем наличие одомашненных особей в следующем за натуфийской культурой Иерихоне заставляет считать, что этот процесс начался в донатуфийский период, поскольку, как это отмечает и сам Ч. Рид, мор-

исходило приручение безоарового козла и в прикаспийских областях.⁸¹

Все эти данные позволяют сделать два общих заключения. Во-первых, все памятники, где отмечены начальные стадии доместикации коз, расположены в горных и подгорных районах, т. е. в зоне природного обитания безоарового козла. Во-вторых, пока как будто нет оснований считать, что секрет одомашнивания стал достоянием одной какой-либо племенной группы и уже от нее распространился на обширных просторах Передней Азии.

К сожалению, палеозоологические материалы, связанные с одомашненной овцой, которая, видимо, была доместрирована почти одновременно с козой, восходят лишь к сравнительно позднему периоду.⁸² То же относится к свинье и быку, ставшими, правда, домашними животными как будто позднее, чем мелкий рогатый скот.⁸³

Все перечисленные выше материалы позволяют, как кажется, прийти к следующему заключению. В X—VII тыс. до н. э. в целом ряде областей Передней Азии сложились предпосылки к переходу к новым видам хозяйства. Накопление производственного опыта, высокая степень производительности изготавлившихся орудий труда, общее культурное и хозяйственное развитие подготовили почву для этого перехода. Эти тенденции ощущались повсюду, от восточного Средиземноморья до Туркмено-Хорасанских гор. Всюду, хотя и в разной степени, вызревали условия для становления новой экономики, складывались реальные предпосылки для этого решающего скачка в истории человечества. Отражением этих процессов явилось образование ряда раннеземледельческих культур, складывающихся на основе местных культурных традиций и, как правило, независимым друг от друга путем. Хронология и эти явления происходили, видимо, в разных областях в различное время, но и с т о р и ч е с к и это был единый процесс, охвативший почти всю Переднюю Азию, так же как Египет и юго-восток европейского материка. Новая хозяйственная база способствовала значительному росту населения, что в свою очередь толкало земледельческо-скотоводческие племена на освоение

фологические изменения наступают после определенного периода существования особей в измененных экологических условиях.

⁸¹ С. С о о п. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, p. 50. См. также выше, стр. 16.

⁸² С. А. Р е е д. A review of the archaeological evidence. . . , pp. 134—138.

⁸³ Там же, стр. 139—145. Ч. Рид отмечает, что крупный рогатый скот, видимо, был одомашнен независимым путем в Азии и в Африке, а свинья доместирирована в разное время и в разных местах в пределах Северной Африки и большей части Евразии, являющейся зоной обитания дикого вида *Sus scrofa* (там же, стр. 121).

новых территорий.⁸⁴ При этом можно наблюдать, как отдельные области заселяются из разных центров (столкновение хассунской культуры и сиро-киликийского неолита на плато Эль-Джезире). Племена, перешедшие к новым видам хозяйства, в ряде случаев оказывали прогрессивное влияние на своих соседей. Но такое влияние могло быть действенным только в том случае, если в данной среде уже сложились соответствующие культурные и хозяйственныепредпосылки. Иными словами, можно сказать, что как история перехода к новым видам экономики отдельных племенных групп процесс становления земледельческо-скотоводческого хозяйства носил поликентрический характер. В общестороннем плане это было единое явление, охватившее в VII—V тыс. до н. э. обширную территорию, где повсюду сложились соответствующие условия. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «на первых ступенях исторического развития приходилось изобретать ежедневно заново, и в каждой местности — независимо от других».⁸⁵ Думается, что именно таким образом происходило «открытие» земледелия и скотоводства в среде многочисленных переднеазиатских племен поры мезолита, занимавшихся сбором дикорастущих злаков и охотившихся на безоаровых козлов и диких баранов. Разумеется, характер и объем имеющихся в нашем распоряжении материалов не позволяют считать это положение окончательно доказанным, но представляется, что именно такова тенденция развития наших знаний, проявляющаяся по мере новых археологических открытий.

Таков круг археологических материалов и их возможная интерпретация при рассмотрении проблемы происхождения раннеземледельческих культур Передней Азии. Попробуем абстрагироваться от детальных описаний археологических комплексов и представить себе в общем виде события, происходившие в Передней Азии в XI—V тыс. до н. э. Безусловно, это представление является лишь самым отдаленным приближением к реальной действительности как в силу трудностей исторической интерпретации археологических данных, так и в силу значительной неполноты этих данных.

Многочисленные группы охотничьих племен занимали в XI—Х тыс. до н. э. горные районы рассматриваемой территории. Здесь находились гроты и пещеры, дававшие приют охотникам за газелями, горными баранами, козлами, различными видами быков и диких свиней. В это время техника изготовления орудий с использованием обработанного кремня достигает исключительного совершенства. Широко распространяются различные микролитические орудия, в том числе микролиты геометрических форм, яв-

⁸⁴ См. ниже, стр. 399.

⁸⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 3, М., 1955, стр. 54.

лявшиеся вкладышами сложных составных орудий. Все большее значение придается видам хозяйства, могущим служить надежным дополнением к деятельности охотников. Там, где благоприятствуют природные условия, развивается рыболовство, собираются съедобные моллюски. Вероятно, именно в это время человек все чаще обращает внимание на заросли дикорастущих злаков, в изобилии встречающихся ему в охотничьих экспедициях. Возможно, именно в данный период употребление в пищу зерен этих растений начинает приобретать все более регулярный характер, хотя свидетельствующие об этом объективные археологические данные пока отсутствуют.

В IX—VIII тыс. до н. э. уже вполне явственно появляются новые элементы в культуре и хозяйстве, предвещающие наступление великих перемен. Племена, живущие в Палестине, переходят к регулярным сезонным сборам злаковых растений, в связи с чем среди употребляемых ими орудий одним из наиболее распространенных становится жатвенный нож с кремневыми вкладышами. Охотники и собиратели живут еще в пещерах, но вместе с тем отдельные родовые коллективы располагают свои стойбища на открытых местах, где строят круглые в плане полуzemлянки. При переходе в новые экологические условия естественным образом встал вопрос о сохранении в хозяйстве такой важной производственной деятельности, как сбор злаков. Возможно, именно в это время были сделаны первые попытки их искусственного выращивания. Вместе с тем палестинские племена стремятся совершенствовать и добычу мясной пищи. Появляется домашняя собака, облегчающая деятельность охотников, и начинаются попытки приручения травоядных животных.

Палестина отнюдь не была какой-то особой избранной страной, в которой совершались эти важнейшие изменения. Аналогичным путем протекало и развитие племен северного Ирака. Здесь в IX—VIII тыс. до н. э. также появляются стойбища на открытых местах, обитатели которых укрываются в овальных полуземлянках. Все большее значение в хозяйстве приобретают сбор и обработка злаковых растений, а охотники приручают диких коз, приплод которых становится одним из источников регулярного поступления мясной пищи. Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что эти изменения были результатом переселения палестинских племен в ущелья Курдистана. Археологические материалы ясно показывают, что перед нами две различные культуры, развитие которых протекает на основе общих закономерностей.

Нет оснований считать, что подобные изменения происходили лишь в двух названных областях. Скорее можно ожидать, что отмечаемые изменения в хозяйственной деятельности наблюдались и у целого ряда племенных групп, хотя степень их развития могла быть различной. Так, видимо, прикаспийские племена уже

в VIII тыс. до н. э. также приручают мелкий рогатый скот. Можно полагать, что раннее становление элементов производящей экономики характерно и для племен юга Малой Азии.⁸⁶

На следующем этапе постепенное количественное накопление новых элементов приводит уже к качественным изменениям: появляются племена оседлых земледельцев, занимающиеся также скотоводством, хотя охота еще сохраняет главное значение в получении мясной пищи и шкур. Новая экономика стимулировала оседлый образ жизни — важнейшим археологическим признаком новых культур является появление глинобитных домов. Одна из наиболее развитых культур этого времени появляется в VII—VI тыс. до н. э. в Палестине, где, как мы видели, уже в предшествующий период элементы нового были особенно заметны и ощущимы. Первые оседлые земледельцы еще не изготавливают глиняной посуды, но в основном им уже присущи все культурные элементы, связанные с новым образом жизни. Культура подобного типа появляется на юге Малой Азии и, возможно, на севере Сирии. Аналогичным путем протекает развитие и племен северного Ирака, где в VI(VII—VI?) тыс. до н. э. также появляется оседлоземледельческая культура, хотя и не знающая керамики, но весьма отличная от культуры палестинских племен.

С переходом к экономике нового типа начинается стремительный прогресс во всех областях культуры. Наличие надежных источников пищи ведет к интенсивному росту населения, земледельческие племена в поисках новых земель для своих поселков начинают расселяться и выходят далеко за пределы первоначальных мест обитания. К числу важнейших технических новшеств относится открытие свойств обожженной глины — появляется керамика, причем, судя по ее древнейшим образцам, видимо, независимым путем в иракско-иранской и сирийско-малоазиатской зоне. Иракские земледельцы спускаются в долины Тигра и Евфрата, причем в среднем течении последнего сталкиваются с продвигающимися с запада сиро-киликийскими земледельцами. Сиро-киликийские племена, видимо, продвигаются на юг, частично достигая областей, занятых докерамической культурой Иерихона, дальнейшая эволюция которой, вероятно, мало стимулировалась засушливым климатом Палестины.

Между тем происходящие изменения, подобно цепной реакции, охватывают все новые и новые области. Складывается раннеzemледельческая культура на юго-западе Средней Азии; земледельческие племена, расселяясь, проникают в южную Месопотамию и юго-западный Иран, области, позднее ставшие родиной цивилизаций Шумера и Элама. На месте будущих городов — Эреду и

⁸⁶ Как отмечалось выше, комплекс натуфийского типа с кремневыми вкладышами серпов (Беллеби) открыт на юге Турции.

Ниневии, Библа и Угарита — уже существуют деревни оседлых земледельцев и скотоводов. В это время начинает проявляться и известная неравномерность в развитии различных племенных групп. В культуре и хозяйстве ранних земледельцев центрального Ирана и юго-запада Средней Азии можно отметить больше архаических элементов, чем у их современников, основавших свои поселения в северном Ираке. Правда, эти различия еще невелики и раннеземледельческие племена Передней Азии во многом образуют культурное и хозяйственное единство, противостоящее племенам значительной части Европы и Азии, не вышедшим за рамки присвояющей экономики. Усиление культурно-хозяйственных различий в мире раннеземледельческих племен составляет характерную черту последующего периода истории Древнего Востока, относящегося к IV—III тыс. до н. э., к которому мы обратимся во второй части настоящей работы.

ЧАСТЬ

II

РАСЦВЕТ
КУЛЬТУРЫ
РАСПИСНОЙ
КЕРАМИКИ

Глава 1

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Образование в различных местах Передней Азии раннеземледельческих культур явилось одним из переломных моментов в истории человеческого общества. С этого времени именно области, занятые оседлоземледельческими племенами, становятся центрами интенсивного развития хозяйства, культуры и общественных отношений. Племена оседлых земледельцев-скотоводов и племена, оставшиеся на уровне охотничьего хозяйства, дополненного в ряде случаев собирательством и рыболовством, образуют как бы два полюса хозяйственного и общественного развития, являясь в конкретных исторических условиях Передней Азии одним из проявлений общественного разделения труда.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в Средней Азии в IV—III тыс. до н. э. Юго-запад страны в этот период занимают общини оседлых земледельцев, культура которых постепенно выходит за ограниченные пределы прикопетдагских оазисов, являющихся родиной джейтунской культуры. Обширные пространства останьной территории страны занимают неолитические племена охотников и рыболовов (рис. 19), которые в общехistorическом плане можно рассматривать как потомков охотников поры мезолита и верхнего палеолита, хотя последовательность отдельных археологических культур остается во многих случаях далеко не ясной.

Обратимся прежде всего к оседлым земледельцам юго-запада, культура которых в последние годы была предметом пристального внимания со стороны советских археологов.¹ За сложной и много-

¹ Основные публикации: ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; т. X, Ашхабад, 1960 (1961); См. также: M. E. Masson and V. M. Masson. Archaeological cultures of Central Asia of the aeneolithic and bronze age. Cahiers d'histoire mondiale, t. V, № 1, 1959, pp. 1—40; V. M. Masson. The first farmers in Turkmenia. Antiquity, 1961, № 139, pp. 203—212.

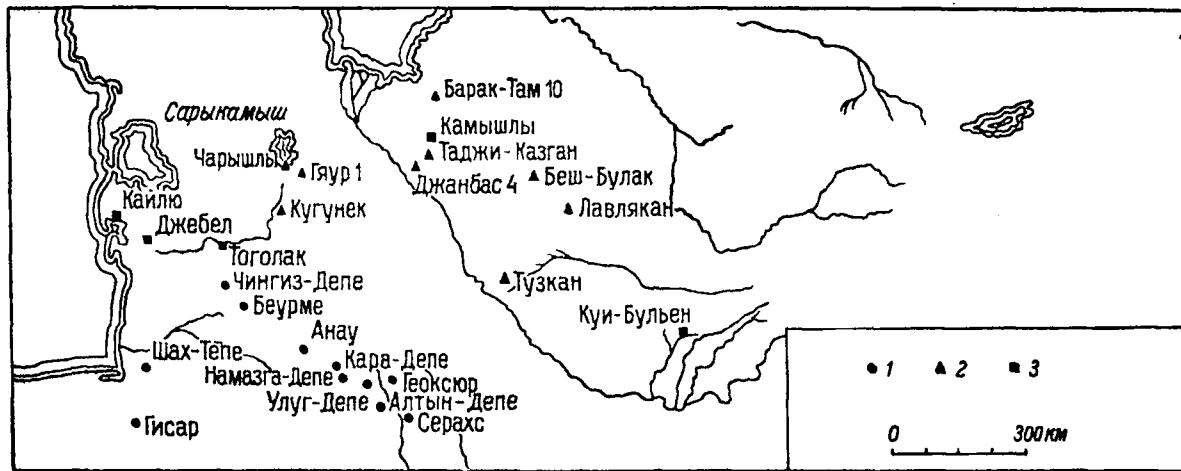

Рис. 19. Средняя Азия в IV—III тыс. до н. э.

1 — поселения оседлых земледельцев; 2 — кельтиминарские стоянки; 3 — прочие памятники.

образной картиной истории отдельных поселений, подвергшихся раскопкам, здесь все более отчетливо вырисовываются некоторые общие закономерности развития раннеземледельческих племен. Тот ранний период истории этих племен, когда медные орудия приходят на смену кремневому инвентарю, получил условное наименование энеолитического. Однако, как это часто бывает в археологии, условная терминология получила широкое распространение, и остается лишь следовать ей, оговаривая в каждом случае содержание, вкладываемое в тот или иной термин.

Древнейший период истории оседлых земледельцев юго-запада Средней Азии оканчивается с джейтунской культурой, архаические черты которой, как было показано выше, выступают столь ярко и определенно. Следующие два периода относятся уже к эпохе энеолита. Первый из этих периодов характеризуется преобладанием на поселениях однокомнатных жилых домов, продолжающих традиции джейтунской архитектуры, и относительно слабым развитием внешних контактов, которые проявляются в сходстве между отдельными предметами материальной культуры южнотуркменистанских поселений и более южных областей. Во второй период мы уже видим почти на всех поселениях большие, многокомнатные дома, а усиление внешних контактов позволяет даже ставить вопрос о переселении отдельных племенных групп, входящих в состав местного населения. Рассмотрим несколько подробнее археологические материалы, характеризующие культуру и хозяйство каждого из этих двух периодов.

В каждом конкретном случае эти материалы объединяют результаты раскопок на целом ряде поселений, где наблюдение за сменой культурных слоев позволило установить дробную стратиграфию. В данном случае нас интересуют не детали этой стратиграфической схемы, представляющей для рассматриваемых районов уже довольно сложную картину,² а лишь общие черты, характеризующие эволюцию хозяйства, культуры и общественных отношений.

Первый из выделяемых периодов объединяет три хронологически последовательные группы памятников: времени Анау IА, времени Намазга I (Анау IБ) и времени раннего Намазга II (раннее Анау II). Несмотря на известные различия этих трех хронологических этапов, исторически их следует объединять в один

² В. М. Массон. 1) Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; 2) Кара-Депе у Артыка. Там же, т. X, Ашхабад, 1960 (1961); 3) Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. Памятники развитого энеолита. В кн.: Свод археологических памятников СССР. М.—Л., 1962; В. И. Сарганиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3.

общий период, обнимающий почти все IV тыс. до н. э., а в своих начальных этапах, видимо, восходящий еще к V тыс. до н. э.

Поселения наиболее раннего хронологического этапа — времени Анау IA, к сожалению, изучены хуже других. Слои этого времени, впервые обнаруженные в основании северного холма Анау,³ теперь известны в ряде других пунктов и, в частности, по материалам раскопок поселения у ст. Каушут⁴ и Мунджукулы-Депе у Меана.⁵ Эта недостаточная изученность не позволяет вполне определенно проследить процесс перехода от культуры джейтунского типа к энеолитическим комплексам. Возможно, в разных областях этот переход протекал различными путями. Показательно, например, что керамика Мунджукулы-Депе существенно отлична от «типичной» расписной посуды Анау IA, происходящей с северного холма Анау. Орнамент на сосудах времени Анау IA несколько усложняется по сравнению с орнаментикой джейтунской керамики. В частности, широко распространяются геометрические фигуры с сетчатым заполнением, возможно отражающие влияние со стороны иранских комплексов типа Сиалка I.⁶ Однако в целом культура времени Анау IA представляет собой продолжение местных джейтунских традиций на новом, более высоком уровне. Несмотря на ограниченность имеющегося материала, это новое проявляется в целом ряде черт. Прежде всего происходит смена материала, служащего для изготовления орудий. Появляются кованые медные изделия, а среди кремневых орудий, число которых резко сокращается, мы видим преимущественно простые пластины и сравнительно редкие концевые скребки. Архаические глиняные блоки, из которых были возведены дома Джейтуна, сменяются прямоугольным сырцовым кирпичом размером от $46 \times 23 \times 11$ до $42 \times 20 \times 11$ см, который с этого времени и вплоть до походов Александра Македонского становится на юго-западе Средней Азии основным видом строительного материала. Стены и пол одного из помещений этого времени, раскопанного на северном холме Анау, имели сплошную темно-красную окраску.⁷ Раскопки Мунджукулы-Депе показали, что традиция однокомнатных жилых домов джейтунского типа полностью сохраняется в этот период. О развитии животноводства свидетельствуют находки костей крупного и мелкого рогатого скота. Инте-

³ R. Rimpell. Explorations in Turkestan v. I. Washington, 1908, pp. 129—131.

⁴ Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии ИИАЭ АН ТССР, 1954—1957 гг. ТИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 8.

⁵ Раскопки А. Ф. Ганялина и А. А. Марущенко в 1959—1960 гг.

⁶ Ср.: И. Н. Хлопин. Дашилджи-Депе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 165—167.

⁷ С. А. Ершов. Северный холм Анау. ТИИАЭ, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 32.

речно, что сохраняются еще такие орудия джейтунского типа, как костяные скобели, сделанные из лопаточных костей животных.

Значительно более изученными являются поселения времени Намазга I, которые характеризуют вполне сложившееся хозяйство оседлых земледельцев и скотоводов, типичное для всего первого периода в целом.⁸ Около двух десятков памятников поры Намазга I могут быть разделены на три географические группы. Первая из них — западная — занимает подгорные оазисы между Кызыл-Арватом и Анау, область, получившую позднее название Ахала. Это был исконный район обитания джейтунских земледельцев, но материал интересующего нас типа известен лишь по сравнительно ограниченным раскопкам (Беурме, Анау, Тилькин-Депе, Овадан-Депе) или по сборам подъемного материала (Дашлы-Депе, Экин-Депе, Тоголок-Депе). Типичным памятником является небольшое поселение, известное под названием северного холма у Анау, занимающего площадь около 0,6 га.⁹ Дома возводились из прямоугольного сырцового кирпича, но планировка их остается неясной. Примечательно открытие на стене одного из домов росписи, состоящей из красных треугольников и квадратов, обведенных черной рамкой. Возможно, укращенное таким образом строение имело какое-то особое назначение. В пределах поселения обнаружено семь детских погребений в скорченном положении, ориентированных головой на юго-запад или юго-восток.

Для расписной посуды, найденной на поселениях западной группы, характерна роспись темно-коричневой краской по красному или зеленовато-белому фону. Наряду с фризами из рядов силуэтных треугольников распространены шахматная сетка, ромбические узоры, линии «с ресничками», внутренняя роспись чащ в виде ветки растения (рис. 20).

Центральная группа памятников, протянувшаяся от Анау до Душака, занимает наиболее плодородные оазисы приколотдагской равнины. Не случайно здесь наряду с небольшими поселениями, подобными поселку у Анау, мы находим и более значительные центры вроде Кара-Депе у Артыка или Намазга-Депе у Каахка.

Из небольших поселений этого района наиболее полно раскопано Яссы-Депе у Каахка, но, к сожалению, полученная картина древней планировки не может быть признана вполне четкой.¹⁰

⁸ См. сводку материалов времени Намазга I в работах И. Н. Хлопшина: Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы...; Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. I. Памятники раннего энеолита южной Туркмении. М.—Л., 1963.

⁹ R. Rutherford. Explorations in Turkestan, pp. 83—104; С. А. Ершов. Северный холм Анау, стр. 24—36.

¹⁰ При первоначальных раскопках вообще не удалось обнаружить полных строений (С. А. Ершов. Холм Яссы-Тепе 2. ИАН ТССР, 1952, № 6); они были открыты лишь работами Б. А. Куфтина [Б. А. Кутфина].

Б. А. Куфтин считал, что все скрытые строения, число которых, по его подсчетам, достигало шестнадцати, принадлежат одному крупному, многокомнатному дому. Однако внимательный анализ

Рис. 20. Комплекс Намазга I.

планировки Яссы-Депе и сравнение ее с планировкой такого тщательно изученного памятника этого же времени, как Дашлыджи-Депе, позволяет пересмотреть эту точку зрения.¹¹ Скорее всего

1) Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 26; 2) Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274—276].

¹¹ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе..., стр. 152.

перед нами несколько крупных жилых помещений с примыкающими к ним двориками, отделенными друг от друга косыми стенами, и расположенными в этих двориках хозяйственными клетушками и закромами. Наибольший интерес представляет открытие почти в центре поселения двойного помещения со стенами, украшенными двуцветной геометрической росписью, эффект которой усиливается применением гипсовых полосок в качестве инкрустации. Как мы видели, помещение с настенными росписями было открыто и в Анау. Особый характер строений, обнаруженных на Яссы-Депе, подчеркивается и наличием колоннады из деревянных столбов, шедшей вдоль одной из стен. В углу строения находится крупный пристенный очаг наподобие камина. Необычный характер этой постройки настолько очевиден, что наиболее вероятно предположение о ее особом назначении. Возможно, перед нами небольшое родовое святилище, планировка которого повторяла в известной мере традиции жилой архитектуры (вспомним пристенные очаги Джейтуна).

К сожалению, пока остаются неясными особенности застройки в ранний период таких крупных поселений, как Кара-Депе и Намазга-Депе, где слои времени Намазга I погребены под многометровой толщей более поздних наслойений. Лишь на северной окраине Кара-Депе раскопана часть крупного здания, возможно представлявшего собой общеродовое хранилище. Внутри него расположены крупные корчаги для хранения припасов и отсеки, пол и стены которых облицованы фрагментами керамики. Вместе с тем ясно, что уже в эту пору площадь обоих поселков была достаточно велика. На Кара-Депе была обжита вся территория памятника, достигающего площади 15 га. Видимо, не меньшим было поселение и на Намазга-Депе, где слои времени Намазга I сосредоточены преимущественно в его северной части. Как и в Анау, непосредственно в культурных слоях располагались погребения, для которых, опять-таки так же как и в Анау, характерна южная ориентация.

Керамика поселений центральной группы отличается от посуды более западных памятников рядом частных особенностей, но в целом чрезвычайно близка к ней. Среди расписной посуды, составляющей около 22% от общего числа керамики, преобладают сосуды, расписанные темно-коричневой краской по красному фону. Роспись по зеленовато-белому фону значительно более редка. Среди мотивов наряду с росписью силуэтными треугольниками распространены шахматная сетка и контурные треугольники. Специфической особенностью центрального района является сочетание рядов треугольников со свисающими лентами, «гусиными лапками» и «веточками вишнен». ¹²

---

¹² Там же, стр. 173.

Весьма интересно и появление в росписи посуды с Намазга-Депе схематических рисунков козлов. Это древнейшие изображения животных на расписной посуде Средней Азии и причем изображения одного из наиболее популярных животных — горного козла.¹³ Кроме того, на Кара-Депе найден черепок с изображением лошади. Сравнительно ограниченное число женских фигурок, обнаруженных на Кара-Депе и Намазга-Депе, свидетельствует о продолжении традиции их изготовления, отмеченной еще в пору Джейтуна. Наиболее полно сохранились статуэтки с Кара-Депе. Это тщательно сделанные изображения стоящих женщин с полной грудью, мягко моделированным животом и иногда подчеркнутой стеатопигией. Пропорциональность фигуры заметно отличает кара-депинские находки от мелкой скульптуры восточной группы памятников.

Эта восточная группа объединяет поселения, расположенные в низовьях мелких речек Чаача и Меана, и поселки, возникшие в бассейне такой сравнительно крупной реки, как Теджен. Из числа поселений, расположенных в низовьях Чаачи, раскопки производились на Илгыны-Депе, где слои времени Намазга I были обнаружены в северной части памятника. В разведочном шурфе были встречены остатки строений из сырцового кирпича, планировка которых осталась неясной.¹⁴

Из числа памятников этого же времени, расположенных в бассейне Теджена, выделяется Серахское поселение, находящееся на краю современной поймы реки. Здесь нижние культурные слои, расположенные непосредственно на аллювиальных отложениях, содержали керамику типа Намазга I. Возможно, и в древности это поселение находилось в пределах тедженской поймы, которую его обитатели могли использовать для своих посевов. Другие памятники времени Намазга I, находящиеся в бассейне Теджена, расположены на восточной окраине его дельты в районе современной станции Геоксюр, где находятся остатки небольшого оазиса поры энеолита.

На севере этого оазиса, получившего наименование Геоксурского, расположены четыре памятника времени Намазга I.¹⁵ Это Дашилдыджи-Депе, слои которого целиком относятся к этому времени,¹⁶ Геоксюр I, где слои времени Намазга I являются древнейшими и перекрыты многометровой толщей позднейших на-

¹³ См. ниже, стр. 300.

¹⁴ А. Ф. Гавялин. Холм Илгыны-Депе. ТИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 16—18. Общая мощность слоев времени Намазга I, которые автор именует Илгыны I, около 3.5 м. Однако материк в шурфе достигнут не был.

¹⁵ И. Н. Хлопин (Энеолит южных областей Средней Азии, ч. I) считает возможным рассматривать геоксюрские памятники как самостоятельную группу.

¹⁶ И. Н. Хлопин. Дашилдыджи-Депе..., стр. 139 и сл.

слоений,¹⁷ и Акча-Депе, где в пору Намазга I, видимо, существовало небольшое поселение.¹⁸ Керамика этого типа обнаружена в перемещенном состоянии и на Йлангач-Депе.

Из всех перечисленных памятников наибольший интерес несомненно представляет Дашилджи-Депе (рис. 21). Этот миниатюрный поселок в несколько раз уступает по своим размерам даже таким поселениям, как Анау и Яссы-Депе. Его площадь едва достигает 1600 м². Эта небольшая величина Дашилджи-Депе способствовала тому, что памятник был изучен с наивозможной полнотой и обстоятельностью. В настоящее время он полностью раскопан, в результате чего было установлено, что культурные слои мощностью до 2 м содержат остатки трех последовательно сменяющих друг друга строительных горизонтов. Все эти строения возведены из сырцового кирпича двух размеров — 38 (36) × × 24 × 10 и реже 48 (46) × 24 × 10 см. Планировка вскрытых здесь построек весьма показательна для рассматриваемого времени.

Маленькое и, видимо, бедное поселение не могло похвастать высоким качеством своих построек, но среди лабиринта мелких и нередко косоугольных строений отчетливо выступает их концентрация в несколько хозяйствственно-жилых комплексов. Центром такого комплекса являлся небольшой жилой дом, по сути дела, представляющий собой одну прямоугольную комнату. Дверной проем имел невысокий порог. Иногда с внутренней стороны помещался подпяточный камень, свидетельствуя о наличии вращающихся навесных дверей, еще неизвестных в пору джейтунской культуры. Обычно слева от входа находился прямоугольный очаг, сложенный из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Около домика располагался небольшой двор с подсобными строениями и клетушками.

Подобные хозяйствственно-жилые комплексы отмечены в каждом из вскрытых на Дашилджи-Депе строительных горизонтах. В первом из них, сохранившемся очень плохо, их отмечено по меньшей мере два. Во втором и третьем горизонтах их число, учитывая частичное разрушение построек на краю поселения, достигало шести или восьми. Такая планировка имеет несомненную связь с традициями джейтунского домостроительства, хотя Дашилджи-Депе характеризуется более низким качеством построек.

Глиняная посуда Дашилджи-Депе подобно керамике с других поселений восточной группы отличается по ряду признаков от глиняных сосудов, изготовленных в это время ~~и~~ обитателями

¹⁷ В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 275. Ко времени Намазга I принадлежат слои Геоксюр 8—10.

¹⁸ Раскопки В. И. Сарианиди.

Кара-Депе или Намазга-Депе. Так, посуда с росписью по красному фону, столь обычна для западных поселений, здесь относительно редка. Преобладает рисунок по зеленовато-белому или

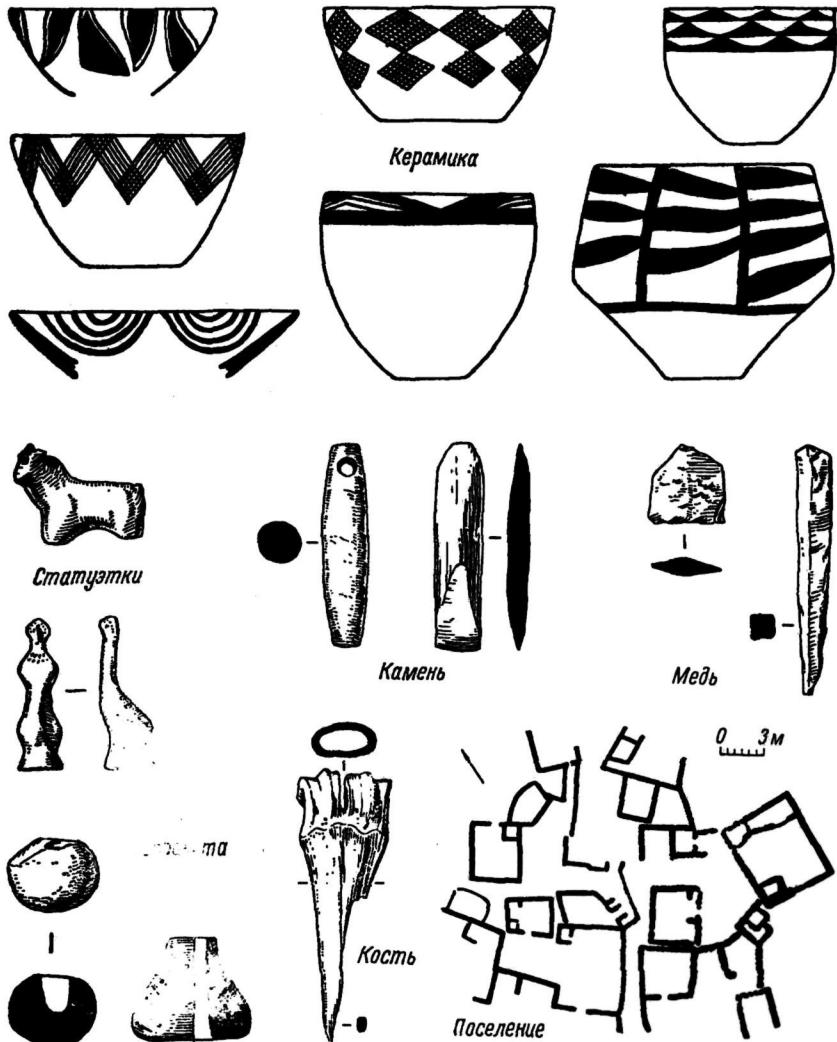

Рис. 21. Комплекс Дашибыджи.

желтовато-белому фону. Среди мотивов росписи, помимо обычных для посуды типа Намазга I фризов из силуэтных треугольников, следует отметить треугольные шевроны, горизонтальные зигзаги

и роспись по краю сосуда в виде нескольких рядов параллельных дуг. Последняя весьма характерна для одновременной керамики с Илгыны-Депе и составляет одну из особенностей керамики восточных поселений.

Рядом специфических черт отличаются и терракотовые женские фигурки, обнаруженные на Дашильджи-Депе. Подобно статуэткам Кара-Депе, они воспроизводят стоящую фигуру, но в целом их трактовка весьма отлична. Дашильджинские статуэтки более условны и схематичны. Изображения рук и груди на них отсутствуют. В условно-плоскостной манере передана и голова. Зато весьма подчеркнуто вылеплены пышные бедра, сплошь покрытые круглыми вдавлениями. Эти фигурки, вызывающие в памяти скорее дунайско-балканские, чем южнотуркменистанские, аналогии, лишний раз подчеркивают известное своеобразие восточной группы поселений.

Известное своеобразие каждой из трех охарактеризованных выше групп памятников не должно затушевывать того обстоятельства, что это своеобразие не выходит за пределы отдельных вариаций орнаментов, заметных при внимательном изучении различных комплексов расписной посуды. В целом же культура времени Намазга I от Беурме до Геоксюрского оазиса обнаруживает поразительное внутреннее единство, отнюдь не заслоняемое наличием местных вариантов, не удивительных для столь обширной территории. Естественным образом напрашивается вопрос о происхождении этого единства. Имеющиеся материалы позволяют заключить, что это единство отражает расселение по прикопетдагской равнине группы родственных племен, достигающих в эту пору степных пространств Теджен-Мургабского междуречья.¹⁹

Действительно, уже в самом характере распространения раннеземледельческих памятников юго-запада Средней Азии наблюдается известная закономерность. Памятники джейтунской культуры сосредоточены преимущественно в западном районе. Здесь же отмечено и наиболее длительное существование комплексов типа Намазга I: соответствующие слои на северном холме Анау достигают 12 м. В центральном районе именно в пору Намазга I складываются такие крупные поселения, как Кара-Депе и Намазга-Депе, но мощность культурных слоев здесь менее значительна — 6 м на первом памятнике и 6.5 м на втором. Наконец, на крайнем востоке этой раннеземледельческой ойкумены время бытования комплексов типа Намазга I совсем невелико: толщина соответствующих слоев насчитывает от 2 до 2.5 м (поселения Геоксюрского оазиса). Кроме того, хотя внутренняя хронология кера-

¹⁹ В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 17—18; И. Н. Хопкин. Дашильджи-Депе..., стр. 174—175.

мики типа Намазга I еще слабо разработана, есть основания считать, что именно комплексы Дашилджи-Депе относятся к одним из поздних этапов ее существования. Все это позволяет прийти к выводу, что в V—IV тыс. до н. э. происходило расселение племенных групп ранних земледельцев в пределах южного Туркменистана. Вслед за «джейтуинской прародиной» — нашим западным районом — были основаны плодородные оазисы центральной области, где возникают большие и богатые поселения. Постоянный рост численности их обитателей приводил к дальнейшему расселению племен, и ниже мы еще вернемся к этой интереснейшей особенности истории ранних земледельцев.²⁰ В пору позднего Намазга I пионеры этой колонизации достигают низовий Теджена, переправляются через главное русло этой реки и в благоприятных для полеводства районах на окраинах дельты основывают первые поселки Геоксюрского оазиса. Культура этих племенных групп еще тесно связана с культурой «метрополии», что и проявляется в единстве комплексов типа Намазга I. Позднее территориальная обособленность и рост хозяйственной самостоятельности «дочерних оазисов» приведет к нарушению этого единства, и мы познакомимся с конкретным отражением этого процесса в археологических материалах.

Сравнительно большое число изученных памятников поры Намазга I позволяет дать общую характеристику хозяйства этого времени. В этом хозяйстве уже полностью отсутствуют архаические элементы, свойственные экономике джейтуинской культуры. Теперь перед нами вполне сложившееся оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, почти полностью изживвшее пережитки эпохи мезолитических охотников и собирателей.

На своих полях древние земледельцы юго-запада Средней Азии возделывали пшеницу (*Triticum vulgare*) и ячмень (*Hordium distichum*). Эти поля должны были быть довольно значительными, чтобы прокормить многочисленное население, о котором свидетельствуют сохранившиеся памятники. Постоянное сохранение поселков на одном и том же месте в течение многих столетий свидетельствует о выработке определенной системы землепользования. Топография размещения этих поселков не оставляет сомнений в том, что для орошения полей проводились небольшие канавы, но незначительная величина водных источников и их относительно ровный режим на прикаспийской равнине не требовал создания сколько-нибудь сложных ирригационных сооружений в отличие от Египта или южной Месопотамии. В нашем распоряжении нет данных, свидетельствующих о характере орудий, применявшихся при обработке полей. Во всяком случае едва ли для этого применялась тягловая сила животных, как

²⁰ См. ниже, стр. 399. и сл.

это предполагал Б. А. Куфтин.²¹ Все известные находки моделей повозок или частей от них относятся на юго-западе Средней Азии к значительно более позднему времени.

Если в отношении земледелия имеющиеся данные позволяют говорить лишь о количественных изменениях, происшедших со временем Джейтуна, то в роли и значении скотоводства происходит резкий качественный перелом. Оно вытесняет охоту и занимает первое место в обеспечении населения мясом, шерстью и молоком. Об этом свидетельствует изучение костей животных, найденных на северном холме Анау, где процентное соотношение вычислено было по количеству костей, а не особей, что, разумеется, дает лишь приближенную картину. Эти данные приведены в табл. 6, где «лошадь» И. Дюрста условно именуется нами куланом и отнесена, таким образом, к числу диких животных.²²

Таблица 6

Слой	Домашние животные (в %)					Дикие животные (в %)				
	Крупный домашний скот	Мелкий домашний скот	Свинья	Собака	Всего	Джейтан	Кулан	Олень	Волк	Всего
Анау IA	27	22	—	11	60	20	20	—	—	40
Анау IB	25	25	12	—	62	7	28	1	2	38

Данные раскопок Дашильджи-Депе, где учет костных остатков проведен по количеству особей, дают в этом отношении еще более наглядную картину (табл. 7).

Таким образом, скотоводство уже окончательно отеснило охоту на второй план. Соответственные изменения происходят и в производственном инвентаре. Кремневая индустрия джейтунского типа полностью исчезает. Кремневые орудия вообще настолько редки при раскопках поселений времени Намазга I, что, например, на Дашильджи-Депе были найдены одни лишь отщепы. Когда встречаются законченные орудия, то это исключительно ножевидные пластины, служившие в качестве вкладышей составных серпов, причем сама редкость подобных находок также весьма

²¹ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г...., стр. 28.

²² Исследовавшая материалы XIV отряда ЮТАКЭ А. И. Шевченко с большой осторожностью относилась к возможности определения среди костных остатков лошади, предпочитая говорить о кулане. Напротив, Б. А. Куфтин готов был видеть в «костях тонконогой породы лошади» чуть ли не остатки одомашненного животного. См.: Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г..., стр. 28. Вопрос этот несомненно требует дальнейшего исследования со стороны палеозоологов.

Таблица 7

	Животные	Количе- ство особей	Вес (в кг)	% (по весу)
Домаш- ние	крупный рогатый скот	3	810	32.6
	мелкий рогатый скот	15	780	31.4
	свинья	4	600	24
Дикие	джейран	1	25	1.1
	кулан	1	70	2.9
	баран дикий	4	200	8
Всего		28	2485	100

показательна. Ни геометрических орудий, ни богатого набора различных скребков, столь характерных для Джейтуна, здесь уже нет. Показательно также, что исчезают и костяные скобели, сделанные из лопаточных костей животных, так же как и кремневые скребки, связанные с обработкой шкур животных. Зато в изобилии появляются терракотовые прядильщицы, густо украшенные насечками и вдавлениями, придающими им нарядный вид. Все это позволяет прийти к заключению, что наряду с развитием скотоводства получило широкое распространение ткачество, связанное, надо полагать, с обработкой шерсти мелкого рогатого скота. Новое производство сокращает обработку шкур, которые теперь в ряде областей с успехом заменяются тканями.

Одновременно с исчезновением кремневого инвентаря появляются первые изделия из кованой меди. Число их весьма невелико, и, помимо украшений, известны лишь шилья и пробойники, частично заменившие кремневые сверла и костяные шилья джейтунцев, и небольшие ножички. Как уже отмечалось в литературе, редкость находок медных изделий на ранних памятниках, в частности, связана с тем, что в отличие от кремневых орудий сломанную медную поделку не выбрасывали, а пускали в переделку. Вытеснение охоты скотоводством и распространение металлургии были теми двумя основными факторами, которые привели к упадку кремневой индустрии. Наряду с медью началось использование и других металлов. Так, в Анау среди украшений была найдена свинцовая пронизка. Чтобы завершить характеристику производственного инвентаря времени Намазга I, осталось упомянуть такие изделия из камня, как зернотерки, ступки, навершия булав,шлифованные долотца и т. п. Таким образом, в пору Намазга I заканчивается сложение оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, благодаря которому смогли

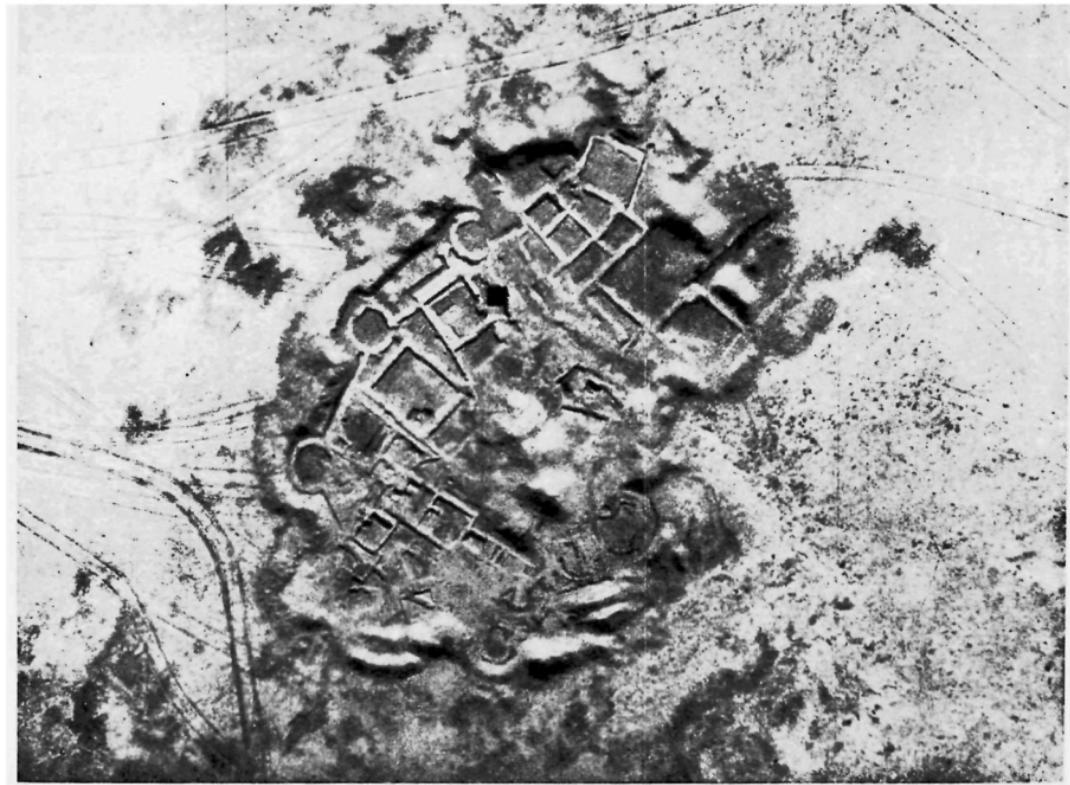

Рис. 22. Муллалик-Депе.

возникнуть такие крупные поселения, как Кара-Депе и Намазга-Депе. Именно дальнейшая, относительно медленная эволюция хозяйства этого типа предопределила последующую историю юго-запада Средней Азии.

Заключительный этап рассматриваемого периода истории среднеазиатских земледельцев приходится на время позднего Намазга II. Систематические раскопки поселений Геоксюрского оазиса ясно показали, что в это время в архитектуре еще сохраняют традиции застройки поселения однокомнатными домами. К сожалению, на поселениях западной и центральной групп пока не раскопаны строения этого времени, и поэтому трудно судить, в какой мере здесь проявлялась подобная закономерность.

В двух первых группах памятников жизнь продолжалась как на небольших (Анау, Тилькин-Депе), так и на крупных поселениях (Кара-Депе, Намазга-Депе). В Анау²³ открыты остатки хозяйственного дворика, в котором находились глиняные полушиаровидные печи типа современных тандыров и небольшие хранилища, стены и пол которых были изнутри облицованы обломками керамики. Так же как и раньше, непосредственно в культурный слой помещались погребения, ориентированные головой на юго-запад или юго-восток. Облицовка глиняных стен хранилищ кусками битой посуды была широко распространена в этот период. Подобный прием отмечен и для Тилькин-Депе, где для этой цели были использованы крупные куски корчаг джайтуинского периода, взятые на расположенных неподалеку руинах поселка джайтуинского времени Чопан-Депе.

Жилое помещение с хозяйственным отсеком внутри было вскрыто на Кара-Депе.²⁴ Рядом с ним, видимо, располагался хозяйственный участок с небольшими подсобными постройками. Найдки крупных кусков керамических шлаков и обожженных кирпичей свидетельствуют о том, что где-то поблизости находились печи для обжига глиняной посуды. На Намазга-Депе в слоях времени раннего Намазга II были отмечены неясные остатки строений и открыто несколько погребений, ориентированных головой на юг.

При подобной скучности наших сведений об архитектуре поселений центральной и западной групп их культурный облик вместе с тем вырисовывается вполне определенно благодаря весьма своеобразной посуде, изготовленной их обитателями. Здесь на смену относительно несложным одноцветным рисункам времени Намазга I приходят яркие двуцветные фризы, образованные дробными геометрическими фигурами, часто заполнен-

²³ R. Ruppell. Explorations in Turkestan, pp. 84—95.

²⁴ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 343—345. К рассматриваемому времени здесь относится слой Кара 4.

ными косой сеткой или штриховкой. Сама роспись становится, как правило, двуцветной: к прежнему темно-коричневому цвету добавляется буро-красный. Орнаменты, выполненные этими двумя красками, нанесенными на кремовый или желтоватый фон, придают глиняным сосудам пестрый и нарядный вид. Наряду с геометрическими мотивами изредка встречаются схематические рисунки козлов. Помимо керамики, украшенной росписью, обычны грубые нерасписные сосуды хозяйственного назначения, гладкие краснолощеные и реже черные сосуды. Детальный анализ различных видов орнаментации позволяет говорить о некоторых различиях в сосудах, изготовленных на Кара-Депе и Намазга-Депе,²⁵ но в целом керамика этой поры, происходящая с поселений западной и центральной групп, образует несомненную общность, свидетельствующую об общности культуры. Наоборот, на поселениях восточной группы в это время изготавливается посуда отличного типа, получившая название ялангачской керамики.

Эта керамика является закономерным развитием местной посуды типа Намазга I. Однако если в западном и центральном районах керамика, наследовавшая посуде этого типа, становится богаче и разнообразнее, то на востоке налицо несомненное обеднение и упрощение орнаментальных мотивов. Роспись здесь по-прежнему производилась темно-коричневой краской по зелено-вато-белому и реже красноватому фону. Но многочисленные силуэтные треугольники, столь характерные для предшествующего времени, исчезают. Их место занимает простой орнамент из четырех полос, проведенных вдоль венчика сосуда. В нескольких местах эти линии соединены между собой или вертикальной черточкой, или небольшим треугольником, или двумя треугольниками, обращенными вершинами друг к другу. Крупные корчаги расписывались треугольными шевронами, спускающимися от венчика. Посуда подобного типа хорошо известна по памятникам Геоксюрского оазиса²⁶ и по раскопкам Илгынлы-Депе и Чаача.²⁷

Наряду с керамикой ялангачского типа, составляющей в это время основную массу находок на поселениях восточной группы, здесь встречаются обломки сосудов, орнаментация которых носит совершенно иной характер. Их формы, мотивы орнаментации и яркая двуцветная роспись не оставляют сомнений в том, что перед нами типичная керамика, изготавливавшаяся в это время

²⁵ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии, стр. 18.

²⁶ К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2, стр. 59—60.

²⁷ А. Ф. Гаялин. Холм Илгынлы-Депе, стр. 18—20. Комплекс, выделяемый автором как «слой Илгынлы II», является типичным ялангачским комплексом.

гончарами западных поселений. Наблюдается не только общее сходство между сосудами с двуцветной росписью, найденными на восточных поселениях, и керамикой, изготавливавшейся в это время обитателями Кара-Депе и Намазга-Депе. Во многих случаях имеет место несомненное тождество обнаруженных в разных местах образцов глиняной посуды. Так, одной из наиболее интересных находок на поселении Ялангач-Депе в 1959 г. явилась часть сосуда с полихромным фризом, заключающим схематические фигуры стоящих людей.²⁸ Год спустя фрагмент сосуда с идентичной росписью был обнаружен при раскопках Кара-Депе.²⁹ Таким образом, глиняная посуда с яркими рисунками, стиль которых часто менялся во времени и в пространстве, является одним из надежных показателей древних культурных связей, а также общности или расхождения культурных традиций.

В данном случае налицо несомненное культурное обособление поселений восточной группы. Бытовавшая здесь керамика ялангачского типа не имеет ничего общего с расписанной в два цвета посудой западных и центральных памятников. Встает вопрос: чем же объясняется попадание этой «западной» посуды на поселения востока? Несомненно, это обстоятельство, облегчающее взаимную синхронизацию различных памятников, отражает и какие-то конкретные исторические явления. Нарядные чаши с полихромной орнаментацией резко выделялись среди однообразной местной посуды с ее монотонной росписью. Видимо, на восточных поселениях эти чаши являлись «богатой» и «дорогой» посудой. Керамика этого типа встречается на всех раскапывавшихся памятниках восточной группы и в некоторых случаях бывает сосредоточена в определенном участке поселения. Наиболее вероятно предположение, что проникновение сюда этой посуды связано с продолжающейся инфильтрацией населения из более западных областей. Племена, впервые освоившие районы востока в пору Намазга I, частично принесли с собой, а частично продолжали изготавливать на месте посуду тех же самых видов, что были приняты на их родине. В пору раннего Намазга II новые переселенцы, прибывающие на восток, также придерживались старых керамических традиций, но их число уже, видимо, было не особенно значительным и они постепенно растворялись в среде местного населения, для быта которого характерна керамика ялангачского типа. Таким образом, две группы родственных племен, культура которых обнаруживает черты все большего расхождения, поддерживали постоянные культурные контакты. Но направление этих контактов было преимущественно

²⁸ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе..., табл. XVIII, 16.

²⁹ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. СА. 1962, № 3, рис. 5, 1.

одностороннее: их носителями были новые отряды колонистов, которые из-за избытка населения вынуждены были направляться все дальше на восток. Их приток, а также рост местного населения приводят в это время к значительному увеличению восточных поселений и оазисов.

Так, Илгынылы-Депе у Чаача именно в пору бытования ялангачской керамики складывается как крупное поселение и достигает площади 12 га. Но особенно заметен этот процесс роста во восточных поселениях на примере обстоятельно изученного Геоксюрского оазиса. Центром оазиса в эту пору становится поселение Геоксюр I, почти не уступающее по площади Илгынылы-Депе. Одновременно существует семь других поселений, большинство из которых возникает именно в эту пору. Произведенные раскопки позволяют достаточно подробно охарактеризовать облик этих поселений.

Одним из наиболее типичных памятников является Ялангач-Депе (Геоксюр 3). Здесь было полностью вскрыто поселение верхнего слоя и начаты раскопки строений второго слоя.³⁰ В пору существования самого позднего поселения восточная часть Ялангач-Депе была окружена обводной стеной, построенной из сырцового кирпича размером 36 (33)×27 (25)×10 см и имеющей толщину от 60 до 110 см. В периметр этой обводной стены включены круглые в плане помещения диаметром от 3.8 до 4.5 м. Наличие внутри этих помещений очагов и характер их культурного заполнения заставляют видеть в них жилые строения. Внутри обводных стен находилось два больших, прямоугольных дома с прямоугольными, двухчастными очагами внутри и один круглый дом, своими размерами (диаметр 6.1 м) значительно превосходящий помещения, включенные в обводную стену. Кроме того, здесь располагались также небольшие подсобные постройки, в том числе ряд параллельно идущих отрезков стен, видимо служивших основанием для помоста. В западной части поселения, уже вне обводной стены, находился ряд подсобных строений, в том числе аналогичное основание для помоста.

Поселение второго слоя раскопано лишь частично, и поэтому обводная стена здесь пока не обнаружена. Тем не менее его планировка весьма интересна и показательна. В центре располагалось крупное, прямоугольное строение, существовавшее также и в более поздний период. Его размеры, центральное положение внутри поселка и наличие на одной из стен символического налепа привели исследователей к выводу, что перед нами здание общественного назначения. Жилыми помещениями служили расположенные рядом небольшие постройки с очагом в одном из

³⁰ И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, 1958, № 5.

углов, крайне близкие по размерам и планировке однокомнатным домам Дашлыджи-Депе. Однако на Ялангач-Депе помещения иногда строятся впритык друг к другу, образуя как бы переходный этап к строительству больших, многокомнатных домов. Рядом с жилыми помещениями находился целый ряд подсобных построек.

Наличие обводной стены, хотя и не достаточно массивной, но несомненно имевшей оборонительное значение, первоначально привело к мысли о какой-то исключительности ялангачского поселка.³¹ Однако дальнейшие раскопки показали, что перед нами обычный и довольно устойчивый тип планировки небольших поселений Геоксюрского оазиса.

Аналогичная обводная стена, окружавшая дома другого небольшого поселка этого времени, была открыта на Муллали-Депе (Геоксюр 4).³² (рис. 22). И здесь в ее периметр были включены круглые в плане помещения диаметром от 3.1 до 3.8 м. Сохранность этих помещений оказалась различной, но в наиболее хорошо сохранившихся были обнаружены небольшие очаги. Внутри этой ограды располагались однокомнатные жилые дома с очагами в одном из углов и различные подсобные постройки. Одно из крупных прямоугольных строений, аналогичное центральному дому Ялангач-Депе, возможно, следует относить к числу общественных зданий. Так же, как и на Ялангач-Депе, внутри ограды находилось крупное помещение, круглое в плане, в котором было обнаружено несколько зернотерок (внутренний диаметр этого помещения 4 м, толщина стен до 1 м). Значительный участок занимал хозяйственный двор. Сохранились в ряде мест и параллельные отрезки стен, служившие основанием для помостов.

В основном аналогичной была планировка и на Айна-Депе (Геоксюр 6),³³ где, однако, строения сохранились значительно хуже. Здесь в верхнем слое также были открыты остатки отдельно стоящего дома и обводной стены с включенными в ее периметр круглыми помещениями. Несколько необычный характер имеет раскопанное в этом слое отдельно стоящее здание, состоящее из четырех помещений, симметрично расположенных по сторонам коридора. Возможно, эти помещения имели хозяйственное назначение.

На окраине Айна-Депе было раскопано несколько строений третьего слоя. Здесь также преобладали однокомнатные жилые дома с внутренними очагами и примыкающими к их стенам подсобными строениями. К одному из таких домов было пристроено

³¹ К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья, стр. 59.

³² И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита южной Туркмении. Автореферат дисс., Л., 1962.

³³ Раскопки XIV отряда ЮТАКЭ в 1961 г.

соединявшееся с ним проходом небольшое строение, в углу которого находился глиняный очаг в виде правильного диска с бортиком по краям и углублением в центре. Аналогичный диск был обнаружен ранее в одном из помещений большого дома на поселении Геоксюр I, которое, судя по всем данным, было чем-то вроде домашнего святилища. Возможно, отмеченная постройка на Айна-Депе также имела какое-либо особое назначение.

Четвертое поселение Геоксюрского оазиса этого времени, получившее наименование Геоксюр 9, также было застроено однокомнатными жилыми домами с примыкающими к ним подсобными постройками.³⁴ К одному из таких домов в поздний период было пристроено продолговатое помещение, так что получался своеобразный вестибюль. Среди этих прямоугольных домов находилось одно крупное помещение, круглое в плане, к сожалению, плохо сохранившееся. К этому помещению примыкал отрезок стены, видимо, являвшийся частью внешней ограды всего поселения. Открытое на окраине поселения еще одно круглое помещение позволяет предполагать, что Геоксюр 9, так же как и описанные выше поселки, имел обводную стену с включенными в ее периметр круглыми домами.

Как будто несколько иначе был в древности оформлен край другого поселения рассматриваемого времени — Акча-Депе (Геоксюр 2).³⁵ Здесь поселок располагался на сравнительно высоком холме, образованном культурными слоями предшествующего периода. По краю поселения шла плотная глинобитная вымостка, видимо являвшаяся основанием для охватывавшей весь поселок обводной стены. Внутренняя планировка Акча-Депе обнаруживает уже известные нам закономерности. Так, почти в центре поселения располагалось крупное, круглое помещение. Прямоугольные дома с очагами являлись жилыми, и к их стенам непосредственно примыкали тесно стоящие, небольшие подсобные помещения. Следует отметить, что Акча-Депе отличается густотой застройки, возможно обусловленной ограниченной площадью на верхушке холма.

Окончательную уверенность в правильности отмеченных особенностей планировки геоксюрских поселков дали раскопки последнего памятника оазиса, верхний слой которого относился к рассматриваемому времени. Этим памятником явилось поселение Геоксюр 7,³⁶ где был открыт отдельно стоящий жилой дом с очагом в одном из углов и круглое в плане помещение с очагом-

³⁴ Раскопки XIV отряда ЮТАКЭ в 1961 г.

³⁵ В. И. Сарданиди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 91, М., 1962, стр. 23—24.

³⁶ Раскопки XIV отряда ЮТАКЭ в 1961 г.

диском в центре, аналогичным очагу-диску, открытому на Айна-Депе.

Таким образом, повторяемость элементов планировки на целом ряде памятников позволяет говорить, что перед нами не случайное явление, а выражение определенных закономерностей. Из этих закономерностей особенно следует отметить две. Во-первых, все небольшие поселки Геоксюрского оазиса имели обводные стены, правда, не вполне надежные, но совершенно определенно построенные с целью ограждения жителей поселка от нежелательного вмешательства со стороны. Во-вторых, и это, пожалуй, наиболее важно, повсеместно сохраняется традиция застройки однокомнатными жилыми домами. Разрыв с этой традицией и переход к возводимым по единому плану большими, многокомнатными домам составляет особенность уже следующего периода истории земледельцев юго-запада Средней Азии.

Но прежде чем перейти к этому периоду, следует кратко остановиться на хозяйстве времени раннего Намазга II, представляющего собой заключительный этап периода однокомнатных домов. Соответствующие материалы получены главным образом при широком исследовании поселений Геоксюрского оазиса. Как и прежде, на полях высевались пшеница и ячмень, но предпочтение, видимо, как, впрочем, и в древней Месопотамии, отдавалось ячменю. Так, при раскопках Муллали-Депе было обнаружено 9100 зерен ячменя (*Hordeum distichum*) и лишь 250 зерен пшеницы (*Triticum aestivum*).³⁷ Широко распространяющиеся с этого времени тяжелые каменные кольца, возможно, служили грузилами для палок-копалок.

Проводившиеся в Геоксюрском оазисе специальные геоморфологические работы с применением авиаразведки и аэрофотосъемки³⁸ позволяют сделать некоторые заключения и по вопросу орошения полей древних геоксюрцев (рис. 23). Их поселения располагались на боковых дельтовых протоках древнего Теджена, причем ширина этих протоков в среднем достигала 18—22 м. Раскопки этих русел, заполненных ныне аллювиальными отложениями, показали, что в древности они обладали медленным и спокойным течением и скорее всего были непересыхающими. Земледельческие поселки сосредоточены не в нижних участках дельтовых протоков, а в средней части дельтового веера, где постоянное наличие воды в руслах полностью решало проблему водоснабжения.

Раскопки шлейфов оплывших бугров геоксюрских поселений показали, что в древности имело место периодическое затопление

³⁷ Определение А. В. Кирьянова.

³⁸ Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 93, М., 1963.

прилегающих к поселениям участков. При этом происходило отложение глинистых наносов, и, видимо, именно эти паводковые разливы служили основой для древнегеоксюрского земледелия. Таким образом, перед нами одна из ранних стадий искусственного орошения — так называемое орошение лиманиного типа, зародившееся еще в пору существования джейтунской культуры. Никаких следов каналов или каких-либо иных ирригационных соору-

Рис. 23. Карта Геоксюрского оазиса. (По Г. Н. Лисициной).

1 — древние русла; 2 — памятники.

жений обнаружено не было. Видимо, эти сооружения (небольшие канавки, валики по краям полей) были настолько незначительны, что почти полностью уничтожены временем.

Развитие земледелия привело к возникновению и расцвету различных земледельческих культов, причем, насколько можно судить по мелкой скульптуре, особенно широкое распространение получили культ богини-матери и связанная с ним магия плодородия и плодовитости. В этом отношении очень характерна крупная статуэтка сидящей женщины, найденная на Ялангач-Депе. В полном соответствии с правилом магии «часть вместо целого» подчеркиваются лишь главные детали, тесно связанные с образом плодовитой женщины-матери, благотворно влияющей, по мнению древних людей, на плодородие полей. Маленькая, обобщенно переданная голова контрастирует с пышными формами тела. Руки не изображены вообще, но зато полная грудь вылеплена с особой тщательностью. На широких бедрах краской

нанесены изображения кругов, видимо, символизирующих солнце. На шее мы видим изображение ожерелья из бус. Демонстративное подчеркивание именно женского начала характерно для большинства статуэток этого времени. Иногда женщина как бы поддерживает руками груди — поза, характерная для ряда женских божеств Древнего Востока, восходящих в конечном итоге к изначальному образу богини-матери первобытной эпохи.

Скотоводство, вытеснившее охоту еще в пору Намазга I, теперь по-прежнему занимает ведущее место в обеспечении жителей геоксюрских поселков мясом и другими продуктами. Показатель высокий процент в стаде крупного рогатого скота. Видимо, условия заливной дельты представляли особенно благоприятные условия для его разведения. Соотношение различных видов животных (в пересчете на мясо в килограммах) видно из табл. 8.³⁹

Таблица 8

Памятники	Домашние животные (в %)			Дикие животные (в %)					кабан
	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	джейран	кулан	олень	сайга	безорогий козел	
Айна-Депе . . .	54	30	3	1.75	3	1.75	—	—	6.5
Ялангач . . .	41	49	5.7	0.4	1.3	—	0.57	1	—
Муллали . . .	41	25.5	22	4	3.5	4	—	—	—
Акча-Депе . . .	42.7	40.8	7	4.7	4.8	—	—	—	—
Геоксюр 7 . . .	42.5	35	9.5	1.5	2	—	—	—	9.5

Обращает на себя внимание высокий процент свиней на Муллали-Депе. Возможно, что поселение находилось в природных условиях, весьма благоприятных для разведения этих животных.

Среди диких животных, добывшихся на охоте, следует отметить бухарского оленя, весьма типичного для тугайных зарослей в дельтах среднеазиатских рек. С другой стороны, появление в числе добычи таких животных, как джейран, кулан и сайга, свидетельствует о наличии в сравнительной близости от поселений и пустынно-степной ландшафтной зоны. Вероятно, древняя дельта Теджена подобно современной дельте этой реки характеризовалась сочетанием тугайных зарослей вдоль протоков и окружавших их пустынно-степных массивов.

³⁹ Материалы с Ялангач-Депе определены А. И. Шевченко, материалы с других памятников — В. И. Цалкиным.

Переходя к орудиям производства, следует отметить широкое распространение медных изделий, относительно часто встречающихся при раскопках поселений ялангачского времени.

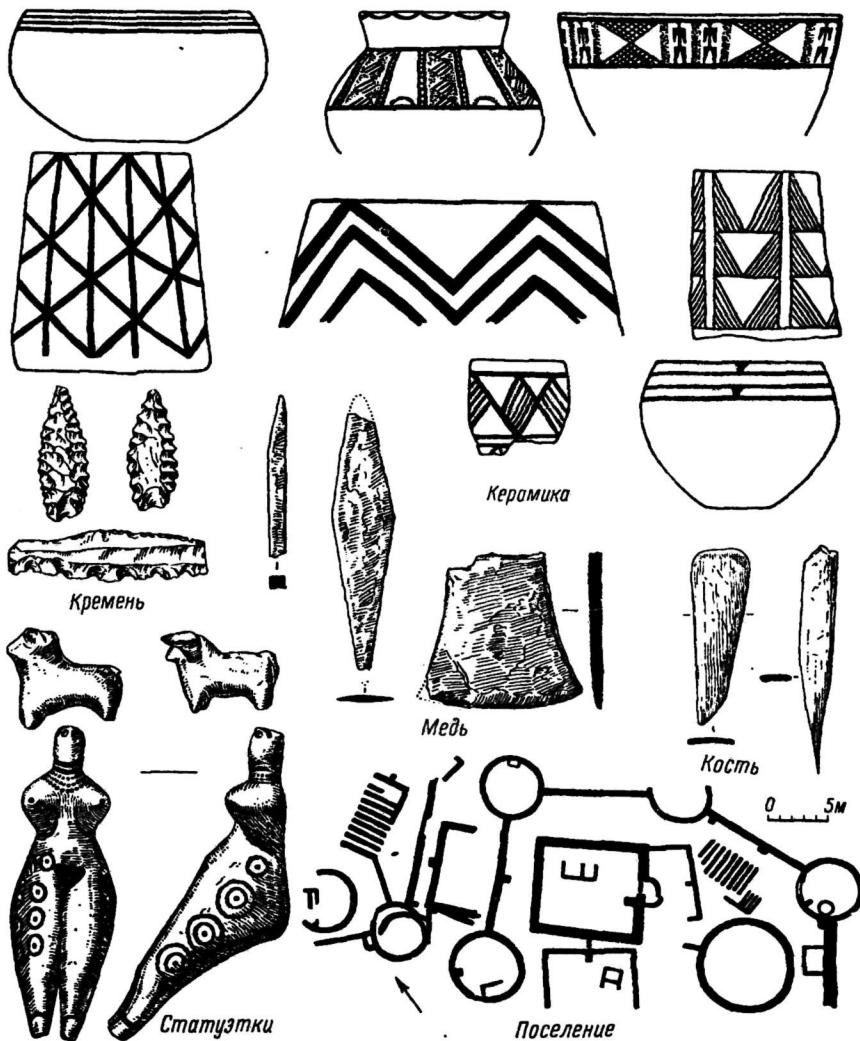

Рис. 24. Ялангачский комплекс.

Это были массивные топорики, плоские наконечники дротиков и копий, небольшие ножички и многочисленные проколки (рис. 24). По редким примесям в металле эти геоксюрские изделия близки

медным вещам, найденным на Кара-Депе. Вероятно, в обоих случаях руда происходила из одного общего источника, расположенного где-то в пределах Туркмено-Хорасанских гор.

Кремень служил лишь для изготовления вкладышей для серпов и наконечников стрел с характерной пильчатой ретушью. В ряде случаев эти наконечники также использовались (вероятно, во вторичном употреблении) в качестве вкладышей составного серпа. Анализ этих вкладышей показал, что они помещались в прямую основу,⁴⁰ т. е. серп в ряде случаев имел архаическую форму прямого жатвенного ножа, известного еще в пору джейтуинской культуры.

Широкое распространение керамических пряслиц, особенно многочисленных на таких поселениях, как Муллали-Депе и Геоксюр 9, говорит о большой роли ткачества. На последнем поселении найден оригинальный костяной вязальный крючок. Целый ряд костяных проколок и лощил, обнаруженных на Ялангач-Депе, был связан со специализированным кожевенным производством. Продукция гончаров, кратко охарактеризованная выше, изготавлялась от руки, но обжигалась, как есть основания полагать, уже в специальных печах.

Таковы в общих чертах культура и хозяйство земледельческих общин юго-запада Средней Азии в конце V—IV тыс. до н. э. В конце IV—первой половине III тыс. до н. э. эти общинны вступают в новый период своей истории. Этот период, как мы уже отмечали, характеризуется появлением больших, многокомнатных домов и усилением внешних контактов. Эти особенности в весьма яркой форме отразились на поселениях восточной группы, и поэтому мы в первую очередь остановимся именно на них. С своеобразие культуры этой восточной группы племен особенно заметно в области керамического производства.

Здесь распространяется керамика так называемого геоксюрского стиля, характеризуемая яркой двуцветной росписью (черным и красным) на желтоватом фоне. Однако эта полихромная орнаментация имеет мало общего с двуцветной росписью посуды, изготовленной в пору раннего Намазга II на Кара-Депе и Намазга-Депе. В росписи геоксюрской керамики наиболее популярны рисунки крестов и их частей, пишовидные линии, образующие сочетания сложного геометрического орнамента. Геометризируются даже фигуры козлов, и тогда их туловище посередине получает резкий излом. С таким же условным изломом изображаются фигуры и каких-то других животных, которых осторожнее всего называть фантастическими. Эта своеобразная керамика распространяется в восточной группе поселений (она из-

⁴⁰ Определение Г. Ф. Коробковой.

вестна и в Геоксюрском оазисе, и в Илгыны-Депе у Чаача,⁴¹ и на Алтын-Депе у Меана) в пору позднего Намазга II, когда на западных поселениях бытует посуда совершенно иного типа, украшенная, в частности, росписью, выполненной лишь одной краской. Опять, как и раньше, мы наблюдаем значительные различия в культуре восточных и западных племен.

Однако геоксурская керамика отличается не только от продукции гончаров западных поселений. Она существенно отлична от ранее существовавшей на восточных поселениях посуды ялангачского типа. В самом деле, в геоксурской керамике с ее красочной и усложненной орнаментацией почти не прослеживается преемственность от бедно расписанной ялангачской посуды (рис. 25). Внимательный анализ отдельных мотивов и композиционных схем геоксурских орнаментов показывает, что в целом ряде случаев они могут быть генетически связаны с мотивами и композициями керамики Кара-Депе и Намазга-Депе времени раннего Намазга II. Но и эта линия связей отнюдь не исчерпывает всего богатства и многообразия геоксурской росписи. Была сделана попытка объяснить ряд геометрических мотивов этой росписи воздействием со стороны таких прикладных видов искусства, как плетеные изделия и художественные ткани, украшенные аппликацией.⁴² Действительно, в ряде случаев вполне явственно выступает воздействие этих видов изделий на керамические орнаменты, но один из характернейших мотивов геоксурской росписи — мальтийский крест — и в этом случае не находит себе удовлетворительного объяснения. Между тем, как будет показано в дальнейшем,⁴³ именно геоксурский крест находит себе прямой прототип в росписи на керамике древнейших земледельцев Месопотамии. Можно прийти к выводу, что геоксурский стиль расписной посуды сложился в результате взаимодействия трех компонентов: местных для восточных памятников ялангачских традиций, несомненного влияния полихромной орнаментации керамики типа раннего Намазга II, привозившейся на восточные поселения из района Кара-Депе—Намазга-Депе, и, наконец, иранско-месопотамских воздействий, вся последовательность которых сейчас еще не вполне ясна, но наличие которых также несомненно. Этот последний компонент указывает на одну из характерных черт рассматриваемого периода, а именно на усиление межплеменных контактов в самых широких масштабах.

Яркая и своеобразная геоксурская керамика продолжает бытовать в восточном районе и в пору Намазга III. Правда, ее орнаментация становится несколько схематичнее, элементы гру-

⁴¹ А. Ф. Ганялин. Холм Илгыны-Депе, стр. 20—21. Слой Илгыны III содержит типичную посуду геоксурского стиля.

⁴² В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр..., стр. 22—24.

⁴³ См. ниже, стр. 431.

бее, вместе с тем отмечается большая дробность рисунка, сменяющего строгие и законченные композиции более раннего периода.

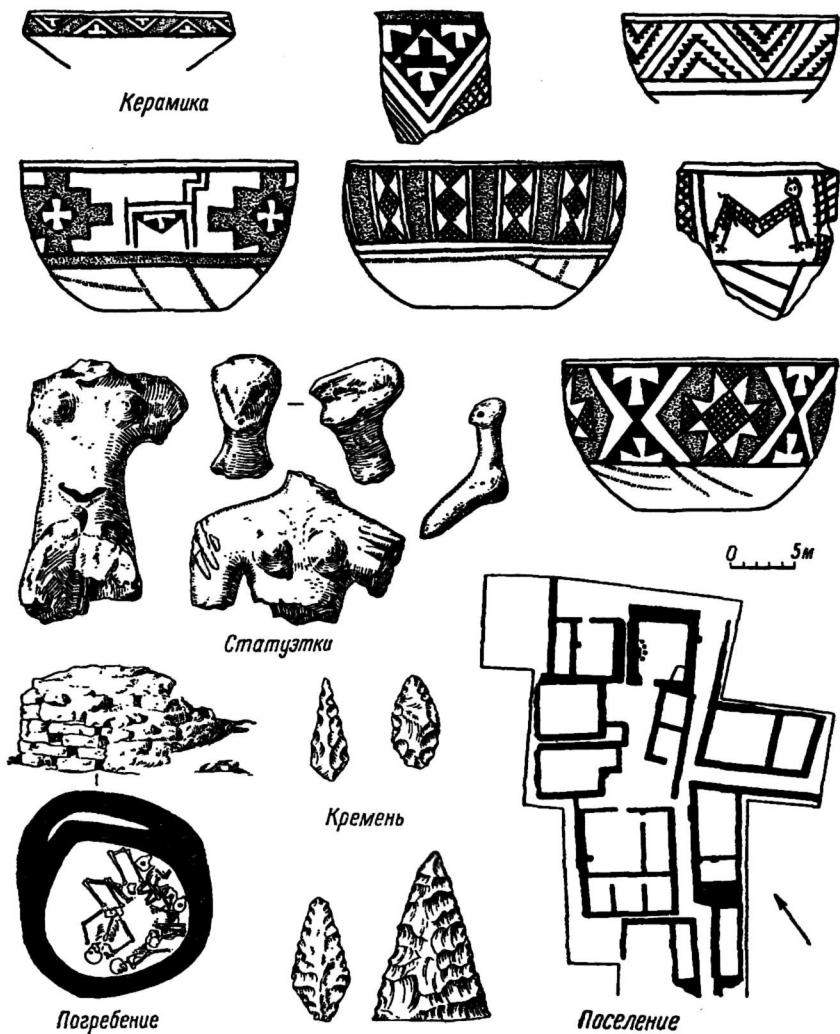

Рис. 25. Геоксюрский комплекс.

Геометризированные фигуры козлов указывают на воздействие со стороны керамического искусства мастеров Кара-Депе.

Так же как и в керамике, вполне определенные следы иранско-месопотамских влияний выступают в это время и в мелкой

терракотовой скульптуре, представленной для этого времени значительным числом образцов. Например, коллекция фигурок, найденных только на поселении Геоксюр 1, насчитывает свыше сотни экземпляров. Как отмечалось выше, в предшествующий период — в пору однокомнатных домов, — в Геоксюрском оазисе сложился устойчивый образ богини-матери в виде женщины с пышными формами тела, обычно лишенной рук и с обобщенно трактованной, небольшой головкой. Для фигурок с руками характерны округлые, плоскотные плечи. В рассматриваемое время в пределах того же Геоксюрского оазиса происходят заметные изменения в скульптурном воплощении популярнейшего божества ранних земледельцев. Крупные, тяжеловесные фигуры смениются небольшими, изящными статуэтками, отличающимися особой плавностью линий ног и бедер. Эти сидящие фигурки иногда лишены не только рук, но и такого, казалось бы, существенного элемента персонификации женского божества, как груди. Несомненно, это связано с дальнейшим развитием абстрактного мышления, которое в эпоху бронзового века приведет к замене этих пусть неполных, но по-своему жизненных фигурок условно-плоскостными схемами женского тела. Наряду с этими статуэтками в восточных оазисах имелись и более полные скульптуры. Они воспроизводили сидящую женщину с прямыми, иногда условно-прямоугольными плечами, с опущенными вниз, короткими отрезками рук. Иногда руки были сложены на поясе. На плечах и на спине часто помещены овальные налепы. Как и прежде, на шее нарисовано ожерелье в виде бус или подвесок. Краской же иногда изображались на бедрах фигуры фантастических животных, совершенно таких, как и на глиняных сосудах. У одной из женщин около грудей помещена фигура ребенка. Некоторые из статуэток имеют сложный головной убор, как бы оттягивающий назад голову женщины и придающий красивый изгиб длиной, стройной шее. Возможно, в ряде случаев имелись и мужские статуэтки, однако число их значительно уступает изображениям женщин.

Но именно женские статуэтки и представляют наибольший интерес. В их трактовке мы находим целый ряд новых черт — и прямоугольные плечи, и овальные налепы на плечах и на спине, и изображение ребенка у груди. Все эти элементы находят себе близкие параллели в убийской коропластике Месопотамии, и, сравнив облик новых геоксюрских богинь с ялангачскими статуэтками, можно прийти к заключению, что эти новые элементы, так же как и новые мотивы в керамической росписи, являются результатом воздействия со стороны культур, находящихся за пределами Средней Азии.⁴⁴ Однако эти далекие аналогии отнюдь

⁴⁴ Подробнее см. стр. 416 и сл.

не должны заслонять того факта, что в целом культура восточных поселений, в которой мы наблюдаем эти аналогии, явилась закономерным продолжением местной культуры «периода однокомнатных домов». Следы подобной связи и дальнейшего развития мы видим в целом ряде явлений. Так, однокомнатные дома, построенные впритык один к другому и как бы предвещающие дальнейшую эволюцию, сменяются массивными постройками, уже заранее спланированными как большие, многокомнатные дома.

Остатки таких домов открыты на поселении Геоксюр 1, где верхний слой полностью относится к рассматриваемому времени.⁴⁵ Это был один из значительных центров ранних земледельцев на юго-западе Средней Азии. Его площадь достигала 12 га. Внутри поселение разделялось на подпрямоугольные «кварталы» узкими улочками. Вероятно, здесь, подобно тому как это было на Кара-Депе, имелись большие незастроенные участки и внутренние площади, но пока в пределы заложенных археологами раскопов вошли лишь участки, отличающиеся чрезвычайно плотной застройкой. Многокомнатные дома-массивы тесно примыкали один к другому, оставляя между собой лишь узкие проходы, которые археологи весьма условно именуют улицами. Открытые участки нескольких многокомнатных домов позволяют создать довольно отчетливое впечатление об этих постройках. Большие комнаты с небольшими очагами в полу служили жилыми помещениями. К ним обычно примыкали менее крупные комнаты и отсеки, являющиеся, видимо, подсобными хозяйственными постройками. В одной из таких комнат на полу был обнаружен толстый слой шпеницы, указывающий, что перед нами остатки внутридомного зернохранилища. Находились в пределах таких домов и комнаты особого назначения, скорее всего связанные с какими-то культовыми действиями и являвшиеся чем-то вроде домашнего святилища. На полу такого святилища располагался большой керамический диск-очаг с невысокими бортиками и центральным отверстием. С подобными очагами мы уже встречались в том же Геоксюрском оазисе в предшествующий период. Святилище, открытое на поселении Геоксюр 1, было заполнено крупными, обгоревшими глиняными блоками с отпечатками тростниковых стеблей. Эти блоки, упавшие с несохранившихся верхних частей помещения, тоже как-то входили в оформление святилища. На полу соседней со святилищем комнаты была найдена каменная курильница.

В пределах подобных многокомнатных домов были сосредоточены и различные производства. Так, в одном из домов была от-

⁴⁵ В. И. Сараниди. 1) Энеолитическое поселение Геоксюр; 2) Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, № 1.

крыта печь для обжига глиняной посуды. Она состояла из двух рядом расположенных камер. Большая камера играла роль топки, а в меньшей производился обжиг посуды. Печь была построена из сырцового кирпича и покрыта глиняной обмазкой. Оба эти строительных материала в процессе работы печи сильно прокалились и местами обратились в шлак. Подобная, но хуже сохранившаяся печь была открыта на противоположном конце поселения. Следовательно, мы имеем здесь дело не с сосредоточенным в одном месте «гончарным кварталом», а с производством, в известной мере децентрализованным.

К числу различных построек, открытых при раскопках верхнего слоя поселения Геоксюр 1, относится и специальный могильник, располагавшийся на юго-восточной окраине памятника. До сих пор мы неоднократно упоминали случаи обнаружения древних могил, расположенных непосредственно в пределах поселения и представляющих собой грунтовые ямы, вырытые прямо в культурном слое. Этот способ являлся одной из специфических черт культуры земледельцев как юго-запада Средней Азии, так и ряда соседних стран. Обнаружены подобные могилы и на поселении Геоксюр 1. Опущенные прямо в культурный слой, эти погребения оказываются находящимися в пределах ранее заброшенных домов.

Но на нашем поселении имелось кладбище и совершенно иного типа. На специальном участке, огороженном сырцовыми стенами, находились построенные из сырцового кирпича специальные погребальные камеры. Они имели в плане форму овала или прямоугольника, а в одной из них сохранилось ложносводчатое перекрытие, сложенное из сырцового кирпича. Возможно, такое перекрытие имели и остальные камеры. В каждой из них находилось несколько (до восьми) погребений, причем эти погребения были неодновременны и зачастую при более позднем захоронении существенно нарушалось положение трупов, ранее помещенных в камеру. Подобное стремление поместить умерших в одну конкретную, зачастую даже «переполненную» камеру, весьма показательно. Скорее всего, это семейные усыпальницы, в которые помещались умершие члены одной большесемейной общини.

Может вызвать известное удивление наличие на Геоксюре одновременно двух типов захоронений. Было высказано предположение, что погребальные камеры строились для особо влиятельных и почитаемых семей.⁴⁶ Однако бедность, собственно говоря, почти полное отсутствие в камерах погребального инвентаря, вызывает сомнение в правильности подобного заключения. Ско-

⁴⁶ В. И. Сарканиди. Новый тип древних погребальных сооружений южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 138.

рее всего, перед нами две различные традиции погребального обряда, видимо связанные с разноплеменным составом геоксюрского населения этого времени. Показательно, что сама конструкция погребальных камер, ранее неизвестных на юго-западе Средней Азии, находит близкие аналогии в погребальных и иных сооружениях Элама и Месопотамии. Это является еще одним из свидетельств, подтверждающих тезис о широких культурных связях, характеризующих рассматриваемый период.

Большие дома существуют в это время не только на таких крупных поселениях, как Геоксюр 1. Во многом ему уступающий по размерам небольшой поселок Чонг-Депе (Геоксюр 5) также состоял из подобных домов.⁴⁷ Здесь, как и на поселении Геоксюр 1, имелись узкие проулки между домами. В многокомнатных домах выделяются жилые помещения с небольшими овальными очагами в полу и узкие хозяйственные клетушки. Показательно, что в каждом из домов имелась комната, аналогичная святилищу, открытому на главном поселении оазиса. На полу такой комнаты находился глиняный диск-очаг с невысоким бортиком по краю. В некоторых из этих комнат обнаружен даже завал из обгоревших глиняных блоков, подобных тем, какие были найдены в святилище «главного Геоксюра». Выдержанность основных принципов домостроения здесь столь же устойчива, как и в джайтунской архитектуре.

Легко можно заметить, что если раньше мы останавливались на описании целого ряда поселений Геоксюрского оазиса, то теперь говорим всего о двух. Дело в том, что лишь на этих двух сохраняется жизнь в рассматриваемый период, если не считать небольшого дома, существовавшего на Муллали-Депе. В то время, когда распространяется эффектная расписная керамика, выделяющаяся своим совершенством, а в архитектуре впервые появляется ложный свод, Геоксюрский оазис переживает пору упадка и запустения.

Однако противоречие между этими явлениями только кажущееся. Запустение Геоксюрского оазиса было вызвано не упадком культуры древних земледельцев, а объективными внешними факторами, перед лицом которых тогдашний человек был беспомощен. Древнетедженская дельта, боковые притоки которой снабжали поля древних геоксюрцев своей живительной влагой, начала затухать. Дельта этой реки постепенно перемещалась на запад, формировались современные низовья Теджена. Скорее всего, именно с постепенным усыханием водных протоков и связано сокращение ранее процветавшего оазиса. Однако сокраще-

⁴⁷ К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья, стр. 59; В. И. Сарканиди. Некоторые вопросы... Эти работы были продолжены в 1961 г.

ние это происходило постепенно. В пору бытования геоксюрской керамики приходят в запустение лишь мелкие поселки, а центр оазиса — поселение Геоксюр 1 — переживает последнюю фазу своего расцвета. Сохраняется жизнь и на поселке Чонг-Депе, расположенном на крайнем юге древнего оазиса. Затем наступает очередь и этих последних мест обитания геоксюрцев. Дома забрасываются, все ценное имущество уносится с собой, и племена покидают район, где их предки почти тысячу лет назад собрали свой первый урожай. Судя по некоторым данным, Геоксюр 1 пришел в запустение несколько раньше, чем Чонг-Депе. Может быть, воды еще хватило для этого окраинного поселка, где еще в пору Намазга III теплилась жизнь.

Так природные условия стали непреодолимым препятствием на пути первобытного человека. Между тем именно прогресс ирригационного земледелия в условиях такой сравнительно крупной реки, как Теджен, мог скорее всего привести к созданию крупных оросительных систем. А это в свою очередь могло стать одной из объективных предпосылок для сложения раннеклассового общества.

Однако если покинуть область догадок и предположений, то остается вполне конкретный вопрос: куда ушли последние обитатели Геоксюра и Чонг-Депе? К югу от Геоксюрского оазиса известно поселение Хапуз-Депе,⁴⁸ расположенное на берегу большого протока древнетедженской дельты. Оно возникло в пору Намазга III, т. е. как раз в период запустения Геоксюрского оазиса и существовало до бронзового века включительно (Намазга IV и V). Видимо, сюда переселилась часть обитателей Геоксюрского оазиса. Другая часть могла продвинуться еще дальше на юг, где продолжалась жизнь на Серахском поселении, или на юго-восток, где увеличивающееся в размерах Алтын-Депе становится вскоре вторым крупным центром ранних земледельцев. Отдельные группы могли вообще покинуть пределы Средней Азии. Так во второй период истории раннеземледельческих племен закончилась история одного из интереснейших оазисов восточной группы поселений.

В центральной и западной группах, где маломощные ручьи и речки, сбегавшие с Копет-Дага, были более надежным источником для орошения полей, культура и хозяйство переживают медленный, но неуклонный подъем. Наиболее ранние остатки многокомнатных домов, известные для этих районов, вскрыты на Кара-Депе в слое позднего Намазга II. Изготавливавшаяся здесь в это время расписная керамика, эта лакмусовая бумажка архе-

⁴⁸ К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. Раскопки Хапуз-Депе были осуществлены в 1962 г. под руководством В. И. Сарианиди.

логов, изучающих раннеземледельческие культуры, выглядит весьма обыденно по сравнению с яркой геоксюрской посудой.

Правда, в отличие от последней в ее генезисе нет особых сомнений. В отношении форм сосудов, мотивов росписи и орнаментальных композиций керамика позднего Намазга II является прямым наследником керамических традиций предшествующего времени. Постепенно прекращается употребление в росписи второй краски, и рисунки на сосудах возвращаются к монохромному единобразию, характерному для посуды типа Намазга I. Дробный геометрический орнамент все чаще оживляется введением фигур козлов.⁴⁹ Но эти фигурки по-прежнему весьма условны и линейно-схематичны. Рисунки креста, столь популярные в это время в геоксюрской посуде, на западных поселениях, наоборот, крайне редки, и сам крест имеет совершенно иную форму, чем на памятниках востока. Находимые при раскопках Кара-Депе отдельные черепки геоксюрской керамики помогают синхронизации этих двух культурных областей ранних земледельцев.

Сколько-нибудь значительные раскопки слоев времени позднего Намазга II произведены лишь на Кара-Депе. Стратиграфия керамических находок на северном холме Анау и на Намазга-Депе позволяет говорить лишь о том, что жизнь на этих поселениях продолжалась. На Кара-Депе, правда в ограниченных масштабах, открыты остатки древних построек.⁴⁹ Это были крупные, многокомнатные дома, рядом с которыми располагались незастроенные участки, видимо дворы. Прямоугольный сырцовый кирпич, служивший материалом для их постройки, имел размеры 50 (48) × 25 × 12 (11) см. Во дворах открыты глиняные сооружения в виде бочонка, видимо представлявшие собой нечто вроде закрома для зерна, подобно тому как это имело место в хассунской культуре Месопотамии. Зернохранилища находились и внутри домов, где они имели вид отсеков, стены и пол которых были вымощены обломками глиняной посуды. Поблизости находились врытые в пол почти до венчика, крупные, шаровидные корчаги. Эти сосуды обычно лишены росписи и имеют красную поверхность с черными пятнами — результатом неравномерного обжига. Большие комнаты, видимо, следуют отнести к числу жилых. В дверных проемах, как правило, находились каменные подпятники. Хотя ни один из описываемых домов не вскрыт целиком, уже обнаруженные участки ясно свидетельствуют, что перед нами не однокомнатные жилые дома вроде построек на поселках ялангачского типа, а крупные, многокомнатные массивы. Так же как и на востоке, на западных поселениях наступил «период больших домов».

⁴⁹ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 331—343. К рассматриваемому времени относятся слои Кара 2 и Кара 3.

Здесь же на поселении находился и некрополь. Ямы для могил делались прямо в культурном слое, зачастую прорезая стены заброшенных и оплывших домов. Иногда могила была обложена сырцовым кирпичом, а в отдельных случаях и перекрыта этими кирпичами, поставленными наискось. Но ничего похожего на семейные усыпальницы Геоксюра здесь нет. Все могилы были одинаковыми. Покойники клались обычно на бок, с подогнутыми ногами, головой на юг с небольшими отклонениями. Эта последовательная выдержанность ориентации, еще ранее отмеченная нами для Анау и Намазга-Депе, является одной из особенностей поселений западной и центральной групп, и, возможно, в ней следует видеть этнографическую особенность обитавших здесь племен. Небольшие отклонения от строго установленного обряда наблюдаются лишь ко времени Намазга III, к чему мы еще вернемся в дальнейшем. Хотя число погребений, открытых на Кара-Депе, достигает шести десятков, среди них ни одно не выделяется сколько-нибудь значительным погребальным инвентарем. Почти в половине погребений этот инвентарь вообще отсутствует. Глиняные сосуды помещались в могилу в единичных случаях. Более обычны бусы из гипса, сердолика, лазурита и других минералов. Имеются гипсовые бусы, покрытые серебряной фольгой, и даже одна золотая бусина. Бусы располагались на шее в виде ожерелья или в виде браслетов на руках. Иногда, судя по их местонахождению в могиле, они нашивались и на одежду. Бусы встречены как у детей, так и у взрослых, причем их в равной степени носили и мужчины, и женщины. Кара-депинский некрополь доставил значительную часть тех сравнительно ограниченных материалов, которые характеризуют пору позднего Намазга II на поселениях запада и центра.

В пору существования следующего археологического комплекса, получившего условное наименование Намазга III, эта скудность материала сменяется его исключительным изобилием и разнообразием, причем опять-таки основное его количество получено в результате раскопок Кара-Депе.⁵⁰ Другим крупным поселением этого времени было Гара-Депе у Каушута, в несколько раз увеличивается площадь Намазга-Депе, превращающегося как раз в пору Намазга III в крупнейший центр земледельцев юго-запада Средней Азии.

Расписная посуда в это время опять переживает существенные изменения (рис. 26). Хотя ее роспись по-прежнему в основном монохромна (темно-коричневый рисунок по зеленовато-белому и реже красному фону), мотивы орнаментации сменяются почти полностью. Среди геометрических рисунков появляется много элементов, обычных для геоксюрской керамики. Это фи-

⁵⁰ В. М. Массон. 1) Кара-Депе у Артыка; 2) Новые раскопки на Джайтуне и Кара-Депе.

туры крестов, полукрестов, пиловидные линии и т. п. Но на Карап-Депе эти элементы более измельчены и теряются в пестроте геометрической орнаментики. Еще большие изменения происходят в области зооморфных сюжетов. Раньше они были представлены лишь схематичными рисунками козлов. Теперь ассортимент их становится много богаче и разнообразнее. Сами изображения козлов претерпевают иконографические изменения. Если до этого были распространены линейно-схематические рисунки, то теперь преобладают профильные изображения стоящих животных, зачастую выполненные с незаурядным мастерством. В соответствии с особенностями профильного изображения художник изображал у этих козлов лишь две ноги, тогда как прежде, воспроизводя линейную схему животного, он отмечал все четыре. Помимо козлов, часто встречаются фигуры идущих или стоящих птиц, обычно изображавшиеся рядом с солярными кругами. Столь же распространены в росписи на кара-депинской посуде и пятнистые животные, в которых можно определить барсов, более реалистически изображавшихся на одновременной керамике Ирана. Значительно реже встречаются изображения коров, орлов в геральдической позе с распластанными крыльями, а также людей. Иногда художники воспроизводили фантастические существа, в которых объединялись элементы отдельных животных. Таковы, например, утко-козлы. Неоднократны случаи, когда на украшающих сосуды фризах сразу помещены изображения нескольких животных. Видимо, в этом случае перед нами какие-то тематические сцены.

Предшествующее изложение могло оставить у читателя впечатление, что почти вся без исключения посуда древних земледельцев была украшена яркими и выразительными рисунками. Однако такое впечатление не соответствует действительности. На самом деле на протяжении всех рассматриваемых этапов сосуды с росписью составляют относительно небольшой процент, а основная масса находок керамики состояла из грубых и невыразительных обломков закопченных кухонных котлов и толстостенных корчаг. Распределение этих находок на одном из кара-депинских раскопов, где было учтено около 10 000 фрагментов керамики, показано в табл. 9.

Однако именно расписная керамика с ее быстро изменяющимися рисунками, часто имеющими сложное смысловое содержание, является одним из благодарнейших объектов для изучения. Это и обуславливает то внимание, которое уделяется раскрашенной посуде в большинстве археологических работ. Вместе с тем это обстоятельство не должно служить основанием для преувеличения той сравнительно ограниченной роли, которую играла глиняная посуда, в том числе и украшенная орнаментами, в жизни, а тем более в хозяйстве древнего человека.

Рис. 26. Кара-Депе. Расписная керамика.

Рис. 26 (*продолжение*).

Таблица 9

Расписная керамика (в %)		Нерасписная керамика (в %)		
с геометрическим орнаментом	с рисунками животных	серая	кухонные котлы	толстостенная
19.8	0.85	1.1	16.7	61.55

Рассматриваемая посуда с Кара-Депе может служить одной из ярких иллюстраций того большого значения, которое имеет для исследователей расписная керамика. На ней, как мы видели, в значительном числе появляются изображения животных, ранее не встречавшиеся в искусстве кара-депинских гончаров. Даже древний образ козла претерпевает кардинальные иконографические изменения. Истоки всех этих новшеств станут понятны, если мы обратимся к гончарной продукции земледельческих племен Ирана. Именно там на расписной посуде Сиалка и Гисара мы находим многочисленные изображения животных, прямыми подражаниями которым являются рисунки кара-депинской керамики.⁵¹ Здесь, так же как и в геоксюрской керамике, мы сталкиваемся с характерной чертой рассматриваемого периода — с усилением внешних контактов.

И так же как и в Геоксюрском оазисе, эти особенности эпохи проявляются не только в расписной керамике, но и в иконографии мелкой скульптуры. Небольшие изящные фигурки сидящих женщин весьма близки аналогичным статуэткам восточных поселений (рис. 27). У кара-депинских статуэток также зачастую нет ни рук, ни грудей. На голове, обычно имеющей весьма схематичную, под треугольную, как бы птичью форму, иногда изображены различные виды прически. Иногда это многочисленные мелкие косы, ниспадающие на спину, иногда сложные S-образные завитки, рядами уложенные вокруг головы. Одна из наиболее крупных женских статуэток рисует нам те же основные иконографические особенности, что и фигурки, происходящие с Геоксюра. Широкие плечи имеют подпрямоугольные очертания. На спину ниспадает широкая плетеная коса, шею украшает ожерелье. На плечах и на спине помещены многочисленные овальные налепы. Эти налепы и массивные подпрямоугольные плечи являются новыми чертами для кара-депинской коропластики, так же как они явились новыми и для мелкой скульптуры Геоксюра. Как уже отмечалось выше, эти черты ведут нас далеко на

⁵¹ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 355 и сл. См. также ниже, стр. 428.

юго-запад, в область распространения убейдской культуры, послужившей основой для шумерской цивилизации.

Аналогичные явления можно наблюдать и в другой группе кара-депинских статуэток, изображающих уже не женщин, а мужчин. Это было известным новшеством в коропластике ранних земледельцев юго-запада Средней Азии, и хотя численно мужские фигурки во многом уступают женским, значение самого факта их появления отнюдь не следует преуменьшать. Статуэтки мужчин, найденные на Кара-Депе, двух типов. Одни из них, изображающие сидящих людей с торчащей вперед короткой, но широкой бородкой и с ниспадающей на спину косой, впервые появляются еще в пору позднего Намазга II. В пору Намазга III эти фигурки быстро схематизируются и превращаются в абстрактный символ, меньше всего напоминающий человеческую фигуру. Эти мужские статуэтки, чья поза аналогична позе женских фигурок, изготавливавшихся земледельцами юго-запада Средней Азии, скорее всего являются полностью продуктом местной культурной среды.

Иначе дело обстоит со стоящими мужскими статуэтками, появляющимися впервые лишь в пору Намазга III (рис. 28). Одна такая статуэтка сохранилась почти целиком. Ее широкие, прямоугольные плечи непропорционально тяжелы для фигуры. Основание статуэтки расширяется книзу, как бы передавая ниспадающие, широкие одежды. На голове изображена небольшая шапочка, из-под которой на спину спускается длинная коса. Борода, состоящая из двух узких прядей, была окрашена в черный цвет. С большим мастерством выполнена другая головка, вероятно принадлежащая статуэтке аналогичного типа. Видимо, она изображает воина в шлеме с назатыльником и нащечными пластинами и плетеной косой, спадающей с макушки шлема на затылок. Две узкие пряди длинной бороды полностью аналогичны бороде первой фигурки. Если обратиться к возможным прототипам этих скульптур, то их можно найти опять-таки среди убейдских статуэток Месопотамии, где известны аналогичные мужские фигурки с широкими, прямыми плечами и расширяющимися книзу основаниями. Разумеется, в ряде деталей, видимо связанных с этнографическим обликом воспроизводимых персонажей, наблюдается различие, но в целом сходство типа весьма велико.⁶²

В связи с кара-депинской мелкой скульптурой следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. Все упомянутые выше фигурки являются небольшими статуэтками, видимо бывшими в личном пользовании у отдельных общинников. Но в родовых святилищах находились, как есть основания полагать, и более мас-

⁶² В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 86, М., 1962. См. также ниже, стр. 426.

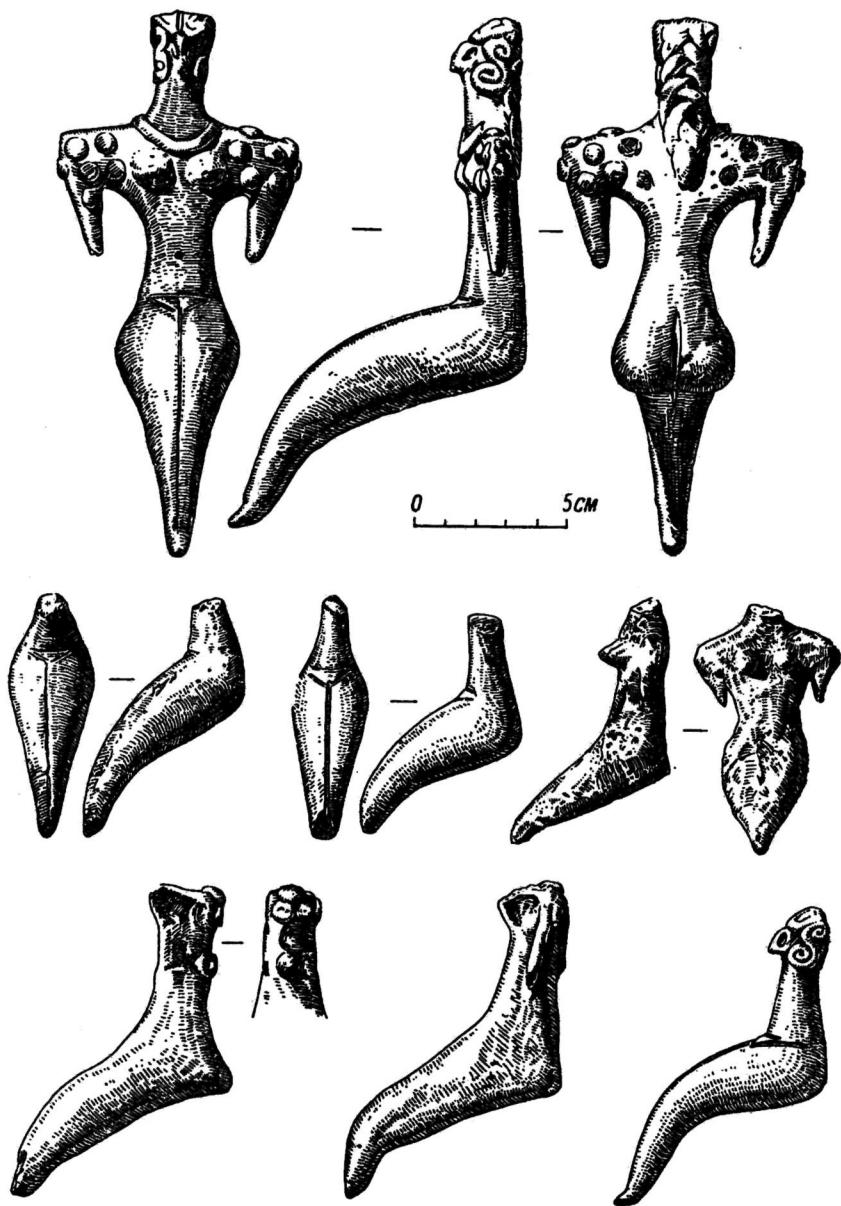

Рис. 27. Кара-Депе. Женские статуэтки.

сивные изображения. Косвенным указанием на это является сцена, помещенная на одном черепке, обнаруженному в ходе раскопок на Кара-Депе. Здесь мы видим две человеческие фигурки,

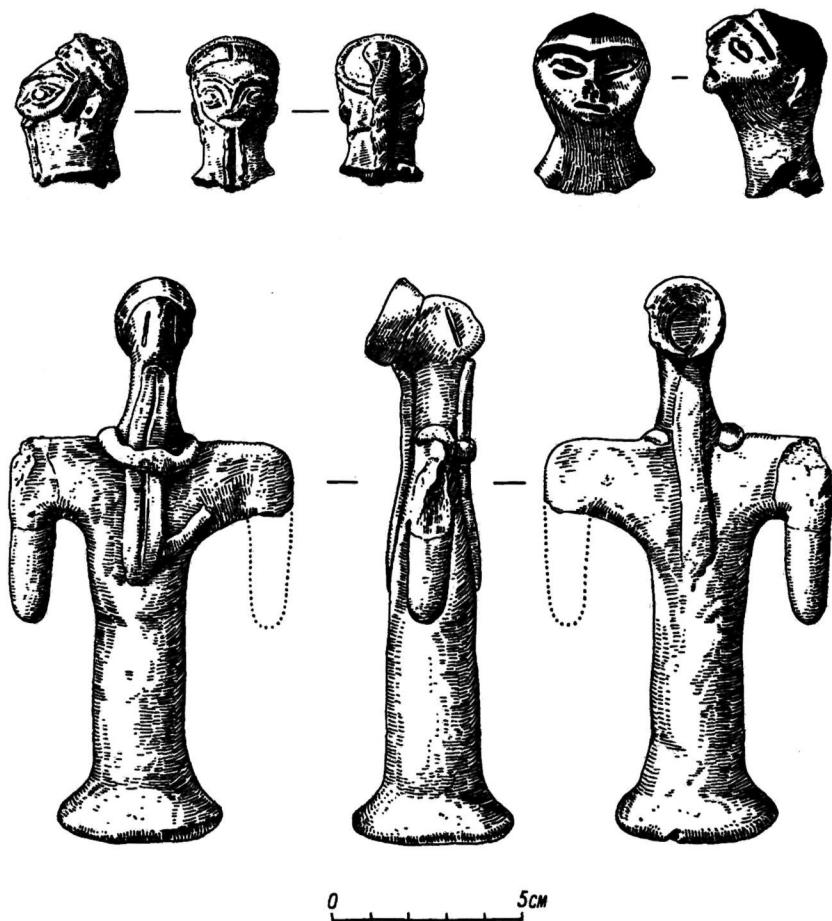

Рис. 28. Кара-Депе. Мужские статуэтки.

обращенные лицом друг к другу. Между ними помещается небольшая угловатая фигурка, в которой нетрудно узнать женскую статуэтку в ее обычной сидячей позе.⁵³ Скорее всего перед нами

⁵³ В. М. Массон. О культе женского божества у анаусских племен. КСИИМК, вып. 73, М., 1959, стр. 14—15.

сцена поклонения статуе божества. Показательно, что статуэтка лишь вдвое меньше стоящих около нее человеческих фигур. Вероятно, автор рисунка имел в виду довольно крупную статую, возможно помещавшуюся в кара-депинском святилище. Крупные статуи могли изготавливаться из более благородного материала, чем обожженная глина. На том же Кара-Депе была найдена массивная фигура быка, сделанная из белого мраморообразного камня (рис. 29). По находкам на других памятниках известно, что из мрамора изготавливались статуэтки людей.⁵⁴

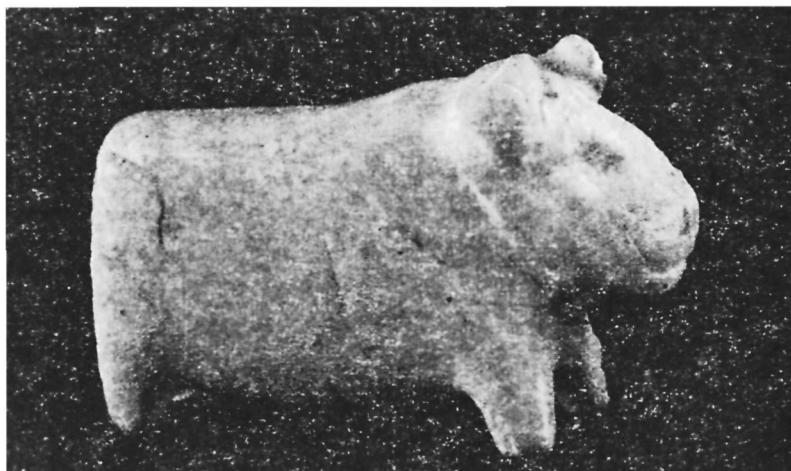

Рис. 29. Кара-Депе. Мраморная фигурка быка.

Проведенные на Кара-Депе широкие раскопки открыли значительную часть поселения верхнего слоя. Принципы ее планировки полностью повторяют описанную выше планировку Геоксюра, хотя в деталях имеются и существенные различия. В центре поселения находился большой незастроенный участок — своеобразная площадь. Вокруг нее теснились большие, многокомнатные дома, разделенные узкими улочками. Дома состояли из крупных жилых помещений, обычно имевших углубленные в пол очаги, служившие для обогревания, и из многочисленных мелких каморок и отсеков, несомненно игравших роль разнообразных складов и подсобных хозяйственных помещений. Внутри домов в ряде случаев находились небольшие внутренние дворики, иногда игравшие роль общей для всего дома кухни. Кроме того,

⁵⁴ Б. А. Кутин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ, стр. 289, рис. 43.

около большого дома находились и крупные дворы, могущие служить также и для загона скота. В таких дворах располагались и отреаки параллельно стоящих сырцовых стенок, являвшиеся скорее всего фундаментами деревянных помостов и настилов. В одном из дворов обнаружена погребальная камера, напоминавшая аналогичные камеры Геоксюра и содержавшая 23 скелета, в основном в результате вторичного перемещения представляющих собой груду костей, теснящихся на площади в 4 м².

Одной из особенностей кара-депинских домов является такое взаимное расположение жилого и хозяйственного помещений, что во второе можно было попасть лишь пройдя через первое. Можно наблюдать, что в отдельных случаях, когда дома увеличивались за счет пристроек, то пристраивались сразу и жилая комната, и тяготеющие к ней хозяйственные отсеки и каморки. Стенки и пол последних, как это имело место и раньше, часто выстилались фрагментами керамики. Вместе с тем в кара-депинских домах пока не удалось обнаружить комнат, игравших роль святилищ, которые столь определенно вырисовываются по материалам Геоксюрского оазиса. Но главное и принципиально важное было одинаковым и в планировке Кара-Депе, и в планировке Геоксюра. Оба поселения состояли уже не из однокомнатных жилых домов, а из больших массивов, разделенных неширокими проулками. Эта особенность и определяла специфику всего рассматриваемого периода в истории земледельческих племен на юго-западе Средней Азии.

В их хозяйственной базе за это время не произошло сколько-нибудь существенных перемен, во всяком случае таких, какие могли бы быть отмечены на основании известных материалов. Этой базой по-прежнему были земледелие и скотоводство. Вместе с тем несомненно, что лишь совершенствование методов хозяйствования и общественной организации сделало возможным появление таких крупных поселений, как Намазга-Депе, занимающее площадь около 100 га. Увеличение поселения до этих размеров, огромных даже для памятников античности или средневековья, происходит как раз в пору Намазга III. Однако в топографии поселений не происходит заметных изменений, что, видимо, свидетельствует о том, что ирригационная база этого земледелия осталась прежней. Возможно, в этот период начинает применяться тягловая сила животных. Во всяком случае в слоях времени Намазга III обнаружены глиняные колесики с двусторонне выступающей втулкой, скорее всего принадлежащие моделям повозок. Одна из фигурок животного, найденных там же, имеет сквозное отверстие, сделанное в холке и скорее всего предназначавшееся для помещения фигурки в упряжь.⁵⁵ Вероятно, это

⁵⁵ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 368.

отражает использование упряженных животных в реальной жизни, хотя трудно сказать, в какой мере это было распространено на полевые работы.⁵⁶ Возможно, для взвешивания продуктов земледелия предназначались крупные, плоские каменные диски с ручкой, условно именуемые археологами «гирями». Однако подобное назначение этих предметов еще не доказано. Тяжелые каменные кольца — предполагаемые грузила для палок-копалок — встречаются по-прежнему. В равной мере по-прежнему распространены зернотерки и ступки, в форме которых не происходит существенных изменений.

Вместе с тем совершенно исчезают кремневые вкладыши для серпов. Это позволяет заключить, что земледельцы Кара-Депе и Геоксюра уже пользовались серпом, сделанным из меди, хотя ни одного экземпляра подобного орудия пока не было найдено при археологических раскопках. Возможно, медные серпы появились впервые в южном Туркменистане еще в пору однокомнатных домов. Вспомним, что в закавказском энеолите III тыс. до н. э. первые медные серпы появляются еще в пору широкого употребления составных орудий с кремневыми вкладышами.

Скотоводство, как и раньше, остается второй основой хозяйства оседых племен юго-запада Средней Азии. О составе стада может дать представление табл. 10, составленная по материалам раскопок верхнего слоя поселения Геоксюр 1 (определение остеологического материала произведено А. И. Шевченко).

Сходную картину можно наблюдать и на поселении Чонг-Депе (Геоксюр 5), остеологический материал с которого обработан В. И. Цалкиным (табл. 11).

Кроме того, на поселении Чонг-Депе был найден верблюд (1 особь), едва ли принадлежавший к числу местных животных. Как мы видим, роль охоты буквально ничтожна. По сравнению с более ранними поселениями того же Геоксюрского оазиса вопрос процент мелкого рогатого скота. Не следует ли это поставить в связь с происходившим в эту пору постепенным усыханием оазиса? Во всяком случае интересно отметить, что около Муллали-Депе Г. Н. Лисицыной был открыт древний водоем, ныне полностью заполненный осадками. Его площадь достигает 1000 м², а максимальная глубина 3.5 м. Находки на древнем дне водоема обломков керамики геоксюрского типа, терракотовых статуэток

⁵⁶ Следует отметить, что колесики, достоверно могущие быть признаками за части моделей повозок, встречаются лишь в пору Намазга III. Повсеместно появляющиеся в пору Намазга II терракотовые колесики с односторонней втулкой, известные по раскопкам Кара-Депе (В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 342), Илгыны-Депе (А. Ф. Ганяли и. Холм Илгыны-Депе, стр. 19) и ряда геоксюрских поселений (например: В. И. Сардан и д. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 273), возможно, имели какое-либо другое назначение. Например, они могли быть видом утяжеленных напряслей.

Таблица 10

	Животные	Количе- ство особей	Вес (в кг)	% (по весу)
Домаш- ние	крупный рогатый скот	7	1890	27
	мелкий рогатый скот	79	4424	63.75
Дикие	кулан	1	70	1
	джейран	2	50	0.7
	баран дикий	3	150	2.15
	ковел дикий	4	216	3.15
	олень	2	160	2.28
Всего		98	6960	100

Таблица 11

	Животные	Количе- ство особей	Вес (в кг)	% (по весу)
Домаш- ние	крупный рогатый скот	3	810	35
	мелкий рогатый скот	18	1008	43.5
	свинья	1	150	6.1
Дикие	олень	1	80	4
	джейран	2	50	2
	кабан	1	150	6
	кулан	1	70	3.5
Всего		27	2318	100

и керамических прядильщиков не оставляют сомнений в его датировке. Однако на самом поселении Муллали-Депе лишь в раннегеоксюрское время существовал небольшой дом, позднее приходящий в упадок. В таком случае следует заключить, что водоем предназначался для обеспечения водой стад мелкого рогатого скота, выпас которого и в условиях современной таджикской дельты, близко напоминающих природные условия Геоксюрского оазиса, носит отгонный характер.

Различные виды производства также обнаруживают лишь незначительный прогресс. Медных изделий по-прежнему очень мало, и преимущественно это или шилья-проколки или своеобразные лопаточки, назначение которых неясно. В числе металлов, подвергавшихся обработке, были также золото и серебро. Как и прежде, в изобилии встречаются напрясла, как каменные, так

и терракотовые. Выше уже описывались гончарные печи архаического устройства в виде двух рядом расположенных камер. Однако гончарный круг все еще неизвестен и глиняная посуда изготавливается вручную. Сравнительно новой отраслью производства, получающей вместе с тем все большее развитие, было изготавление сосудов из камня. В качестве исходного материала чаще всего брались мраморовидные породы белого или розового цвета. Сверлами при изготовлении таких сосудов служили кремневые наконечники, типологически не отличимые от наконечников стрел. Лишь специальное исследование позволило определить их подлинное назначение.⁵⁷ Обрабатывалась и кость. Из нее изготавливались лопата и проколки, видимо имевшие специальное назначение. Найдена и миниатюрная костяная лопаточка, употреблявшаяся скорее всего при плетении циновок. Таковы имеющиеся данные, характеризующие хозяйство земледельческих общин «периода больших домов».

В течение двух охарактеризованных выше периодов культура и хозяйство земледельческих общин юго-запада Средней Азии достигли существенного подъема по сравнению со временем Джейтуна. Значительно более медленными темпами происходило развитие племен, населявших остальную территорию страны (рис. 30). Известное однообразие распространенных здесь охотническо-рыболовческих культур в ряде случаев затрудняет даже выделение хронологических этапов, не говоря уже об установлении сколько-нибудь существенных изменений в хозяйственной базе. Тем не менее эти изменения все-таки намечались, хотя и происходили более медленными темпами, чем в оседлых оазисах юго-запада, бывших центром передовой для своего времени земледельческо-скотоводческой культуры.

Если обратиться к археологической карте Средней Азии IV—III тыс. до н. э., полнота которой возрастает с каждым сезоном полевых работ, то можно видеть, как узенькую полоску земли, занятую оседло-земледельческими племенами, охватывают памятники, оставленные неолитическими охотниками и рыболовами. Так, на юго-западе Туркмении, в прикаспийских областях, наследниками мезолитической культуры являются охотники и рыболовы, оставившие верхние слои пещеры Джебел.⁵⁸ В то время как их современники, жившие в каких-нибудь 200 км к востоку, уже строили прочные глинобитные дома, собирали с полей богатые урожаи и овладели искусством выплавки меди, прикаспийские племена оставались охотниками и рыболовами, вся культура которых носит ярко выраженный неолитический характер.

⁵⁷ Определение Г. Ф. Коробковой.

⁵⁸ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 25—109.

Так, материалы, происходящие из четвертого слоя Джебела, характеризуют культуру, генетически вырастающую на основе прикасийского мезолита. Здесь мы видим и пластины с выемками, игравшие роль скобелей, и скребки, изготовленные на пластинах или отщепах, и, наконец, даже единичные орудия трапециевидной формы. Как и прежде, в качестве украшений служили бусы, сделанные из раковин. Вместе с тем появляются и

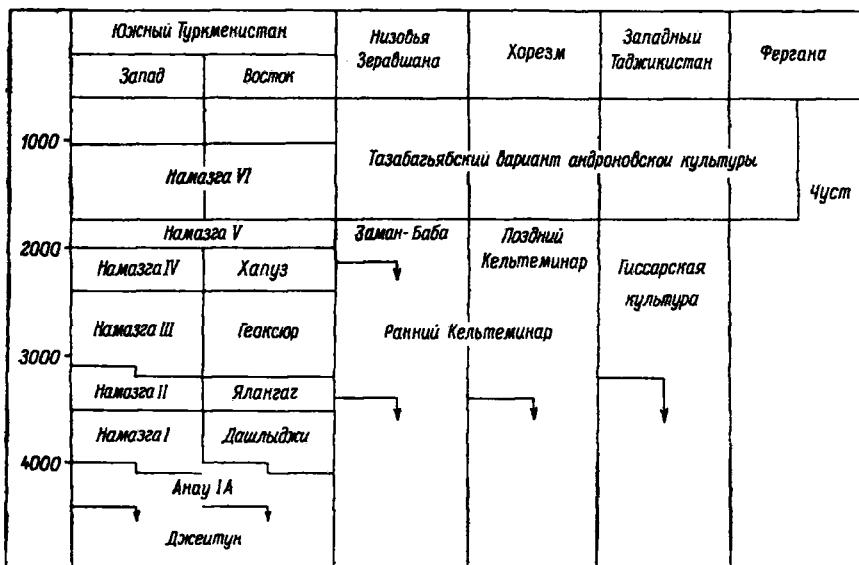

Рис. 30. Сводная стратиграфическая таблица культур Средней Азии V—II тыс. до н. э.

некоторые новые виды изделий, из которых прежде всего следует отметить наконечники стрел двух видов. Одни имеют листовидную форму и с двух сторон обработаны ретушью, другие сделаны из пластины с боковой выемкой и близко напоминают наконечники стрел, распространенные у племен северной Средней Азии и известные в литературе под названием кельтеминарских. Нововведением является глиняная посуда. Правда, она во многом уступает по качеству даже древнейшей посуде оседлых земледельцев, но несомненно ее появление является важным шагом в развитии культуры и хозяйства. Черепки джебельских сосудов хрупкие, сами сосуды имели приостренное дно и изредка украшены несложным тисненым орнаментом. Костные остатки четвертого слоя Джебела свидетельствуют о развитии охоты на джейранов и ловле рыбы в близлежащем Узбое, бывшим в тот период еще обводненным руслом. Вместе с тем найден терочный камень,

возможно служивший для обработки каких-либо злаков, а зоологи допускают наличие среди остатков мелкого рогатого скота и одомашненных особей.⁶⁹ Однако эти моменты, видимо, играли незначительную роль в жизни прикаспийских племен, культура которых и позднее сохраняет весьма архаический облик.

Об этом достаточно определено свидетельствует материал из верхних слоев джебельской пещеры. Здесь по-прежнему сохраняются скребки, сделанные на отщепах и пластинках, распространены, хотя и в меньшем количестве, пластины с выемками — скобели. Довольно много листовидных наконечников стрел, обработанных отжимной ретушью. Наряду с грубой лепной посудой здесь найдено несколько обломков тщательно выделанных сосудов, несомненно попавших сюда из южных районов, занятых оседлоземледельческими племенами, чье гончарное искусство стояло достаточно высоко. В частности, некоторые фрагменты идентичны керамике, обнаруженной при раскопках североиранского Шах-Тепе. Эти находки являются неоспоримым доказательством существования двух типов культур — высокоразвитой культуры оседлых земледельцев и архаической культуры охотников-рыболовов. Памятники этой последней, помимо Джебела, обнаружены также в других прикаспийских пещерах.⁷⁰ Неподалеку от одной из них — пещера Кайлю — открыт также неолитический могильник. Кости покойников, подобно тому как это имело место в ранних кара-депинских захоронениях, сохранили следы красной краски. Погребения сопровождались кремневыми пластинками и многочисленными бусами, сделанными из раковин.⁷¹ К поре неолита относится и своеобразная мастерская по производству таких бус, обнаруженная на побережье Каспия у мыса Куба-Сенгир.⁷² Подобные «мастерские», расположенные у берега моря, могли снабжать своей продукцией весьма отдаленные районы страны.⁷³

В IV—III тыс. до н. э. значительная территория Средней Азии была занята устойчивой культурной общностью, получившей наименование кельтеминарской культуры. Этот термин объе-

⁶⁹ В. И. Чалик. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 221.

⁷⁰ Например, в верхних слоях пещеры Дам-Дам-Чешме II и грота Кайлю. См.: А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века Туркмении. ИАН ТССР, 1953, № 2, стр. 30—31.

⁷¹ Там же, стр. 31—32.

⁷² А. П. Окладников. 1) Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 67—71; 2) Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951(1953), стр. 87—92.

⁷³ А. В. Виноградов. Неолитические украшения из створок раковин Didacna. КСИИМК, вып. 59, М., 1955, стр. 135—139.

диняет культуру ряда племенных групп, занимавших районы Хорезма, где впервые была открыта эта культура,⁶⁴ Узбоя,⁶⁵ Западного Казахстана,⁶⁶ Кызылкумов⁶⁷ и, как было установлено работами последних лет, низовьев Зеравшана.⁶⁸ В последующем изложении мы остановимся лишь на племенах, обитавших в Средней Азии, где их культура весьма характерна для зоны охотническо-рыболовческого хозяйства.⁶⁹

В большинстве своем кельтеминарские памятники являются остатками времененных стоянок, на которых располагались родовые коллективы в соответствующие сезоны своей охотничьей или рыболовческой деятельности. Как правило, культурный слой их полностью уничтожен временем, подобно тому как на поселениях оседлых земледельцев были почти полностью разрушены строения верхнего слоя. Поэтому в большинстве случаев об образе жизни кельтеминарских племён можно судить лишь на основании кремневых орудий и обломков керамики, оставшихся на месте былых стойбищ. Едва ли не единственным исключением является группа племен, обитавшая в правобережном Хорезме, в районе одного из древнедельтовых участков Аму-Дарьи, известном под названием Акча-Дарынской дельты.

⁶⁴ С. П. Толстов. 1) Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 156—158; 2) Древний Хорезм. М., 1948, стр. 56—66; А. В. Виноградов. 1) Раннекельтеминарская стоянка Куник I. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, стр. 16—22; 2) Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957 г. В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 63—81; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, МХЭ, вып. 3, М., 1960, стр. 66—82.

⁶⁵ М. А. Ития. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 259—310; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 292—316.

⁶⁶ См. работы А. А. Формозова: Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестн. Каз. ФАН СССР, № 2, 1945; Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, № 5, 1946; Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, М.—Л., 1949; Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л., 1950.

⁶⁷ А. И. Тереножкин. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 180, рис. 4; Н. Н. Вакуровская. О поездке в южные Кызылкумы в 1955 г. В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 39—43.

⁶⁸ Я. Г. Гулаймов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН Уз. ССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 149—150; У. Ислямов. 1) Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье. Обществ. науки в Узбекистане, 1961, № 1, стр. 61—62; 2) Кельтеминарская культура на Махан-Дарье. Сборник молодых ученых, Ташкент, 1961, стр. 258—271.

⁶⁹ Сводка материалов по кельтеминарской культуре принадлежит А. В. Виноградову: К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 25—45; Кельтеминарская культура. Автореферат дисс., М., 1957. В отношении фактического материала эти работы уже несколько устарели.

Эта древняя дельта, начинавшаяся приблизительно в районе современного Турткуля, откуда ее протоки круто поворачивали на север к Аральскому морю, сложилась еще в верхнечетвертичное время (в раннеквальянский период). В IV—III тыс. до н. э. Акча-Дарьинская дельта представляла собой серию затухающих протоков, по берегам которых у границы дельтовых тугайных зарослей и окружающих песков или на островах внутри дельты и располагались стоянки первобытного человека. Наиболее изученной из них является стоянка Джанбас 4, раскопанная еще в 1939—1940 гг. и до сих пор остающаяся классическим памятником кельтеминарской культуры.⁷⁰ Эта стоянка, так же как и ряд других (Джанбас 5, Джанбас 11 и Джанбас 12), располагалась у останцовой возвышенности, бывшей в древности одним из островов Акча-Дарьинской дельты. Еще в древности находившееся здесь жилище кельтеминарцев охватил пожар, а вскоре пепелище было затоплено водой, оставившей слои иллистых отложений. Эти трагические для обитателей стоянки события позволили археологам в результате тщательного исследования восстановить облик кельтеминарской стоянки. Ее занимал один большой каркасный дом, построенный из дерева и камыша. Высокие столбы, возможно достигавшие 8 м, шли в три концентрических круга и поддерживали камышовое перекрытие. Площадь этого жилища, имевшего в плане форму, близкую к овалу, достигала почти 300 м². В центре жилища находился большой очаг, который С. П. Толстов склонен считать культовым, и по сторонам располагалось около ста бытовых очагов. Они не были постоянными и часто сменяли друг друга, чем и объясняется их значительное число. Исследователи полагают, что эти бытовые очаги принадлежали парным семьям, объединявшимся в родовую общину, занимавшую описанное жилище.

Раскопки стоянки Джанбас 4 позволили не только судить о кельтеминарском жилище, но изучить хозяйство племен, обитавших в Акча-Дарьинской дельте. Основную пищу им доставляли охота и рыболовство. 86% рыбных костей составляют кости сазана, щуки и сома.⁷¹ На охоте в тугайных зарослях добывались такие животные, как кабан, олень и косуля. Характерно отсутствие излюбленного объекта древних охотников Средней Азии — джейрана. Этот обитатель пустынно-степных ландшафтов, видимо, отсутствовал на внутридельтовом островке, давшем приют группе кельтеминарских родов. Добывались также птицы

⁷⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 59—66, табл. 8—16.

⁷¹ Г. В. Никольский, Д. В. Радаков, В. Д. Лебедев. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-Кала № 4, ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 205—212.

и черепахой, шли в пищу моллюски и птицы яйца. В целом охотничье-рыболовческое направление данной родовой группы не вызывает сомнений.

Облик производственного инвентаря и характер природных условий, в которых располагались другие кельтеминарские стоянки, к счастью для их обитателей и к несчастью для археологов не погибшие в огне и воде, позволяют считать, что все они были оставлены коллективами охотников и рыболовов.

Так, на берегах южных заливов Сарыкамыша, бывшего в тот период не огромной впадиной, как в настоящее время, а большим озером, располагались стойбища кельтеминарских племен (Чарышлы I, Пишке-Кую I, Орта-Кую).⁷² Охотники и рыболовы располагали свои стоянки по берегам небольших озерных водоемов и в присарыкамышской дельте. Эти стоянки, видимо, были весьма значительны по своим размерам. Во всяком случае в настоящее время площадь, занятая остатками инвентаря их обитателей, достигает 1,5—3 га (Гяур 1, Хатыб 1⁷³). Возможно, что здесь находился целый ряд сезонных стойбищ, располагавшихся по соседству со старыми пепелищами, когда люди возвращались на места удачной охоты и рыбной ловли. Во всяком случае на Узбое, который в III—IV тыс. до н. э., так же как и Сарыкамыш, был обводненным руслом, известны места, где кельтеминарские стоянки располагаются рядом друг с другом на расстоянии всего 300—400 м. И здесь на берегах водного протока, перерезающего Каракумские пески, кельтеминарцы селились по берегам тихих заводей, заливчиков и небольших озер. Крупнейшая на Узбое стоянка Кугунек 22 вытянута почти на 200 м по берегу древнего озера.⁷⁴

В полном соответствии с охотниче-рыболовческой хозяйственной базой кельтеминарских племен находится и характер производственного инвентаря кельтеминарской культуры (рис. 31). Хотя в это время земледельческие племена юго-запада уже почти полностью перешли на медные изделия, в Кельтеминаре безраздельно господствуют кремневые орудия. Более того, их архаический облик и состав как бы возвращают нас ко времени джайтунской культуры и обнаруживают тесную связь с кремневой индустрией охотничьих племен поры мезолита. Хотя состав кремневых орудий несколько изменяется у различных групп раннекельтеминарских племен, также как изменяются и породы кремня, шедшие на изготовление этих орудий, в целом

⁷² Низовья Аму-Дары, Сарыкамыш, Узбой, стр. 226—331.

⁷³ Там же, стр. 174—179.

⁷⁴ Там же, стр. 294—302; М. А. Итина. Памятники первобытной культуры..., стр. 288—293.

кремневый инвентарь дает одну и ту же картину как на акчадарынских, так и на других памятниках⁷⁵ (табл. 12).⁷⁶

Таблица 12

Типы орудий	Узбай		Сарыкамыш		Акча-Дарья		
	Кутурек 22	Бала- Инем 9	Гнур	Чарыш- лы 1	Талкин- Кастан 6	Кават 5	Лингиль- дже 6
Скребки на отщепах . . .	21	27	142	27	2	18	5
Концевые скребки . . .	27	21	51	27	4	3	18
Пластины с выемками . .	51	} 69	5	30	7	1	7
Ножевидные пластины . .	81		72	12	41	43	36
Проколки . . .	4	—	18	7	7	5	4
Наконечники стрел кельтеминарского типа . .	—	—	9	—	3	—	4
Наконечники стрел с отжимной ретушью . . .	1	2	6	4	—	2	—
Всего	185	119	303	107	64	72	74

Находимые на кельтеминарских стоянках многочисленные отщепы, пластины-заготовки и нуклеусы свидетельствуют, что все эти орудия изготавливались на месте. Показательно, что среди орудий большую роль играют скребки. Помимо концевых скребков на пластинках, кельтеминарцы изготавливали скребочки с концевой ретушью, аналогичные джейтуинским микроскрабкам. Как уже отмечалось при рассмотрении материалов Джейтуна, высокий процент скребков в кремневом инвентаре связан с обработкой такого продукта охотничьего хозяйства, как шкуры животных. Не удивительно, что с этим видом орудий мы сталкиваемся и в хозяйстве кельтеминарцев. Так же как и на Джейтуне, в Кельтеминаре довольно много пластин с выемками, игравших роль скобелей. Аналогичны и проколки, в действительности в большинстве своем являвшиеся не проколками, а сверлами. Так архаические виды хозяйства оказались на консервативности форм и видов кремневых орудий. Однако нельзя сказать, что кремневый инвентарь кельтеминарцев полностью повторяет кремневые орудия джейтуинской культуры или прикаспийского ме-

⁷⁵ Одно время в археологической литературе фигурировал термин «верхнеузбекская культура», но в настоящее время ясно, что речь идет лишь об узбайском варианте Кельтеминара.

⁷⁶ К сожалению, материалы основного кельтеминарского памятника — Джанбас 4 — до сих пор полностью не опубликованы и соответствующие статистические данные остаются неизвестными.

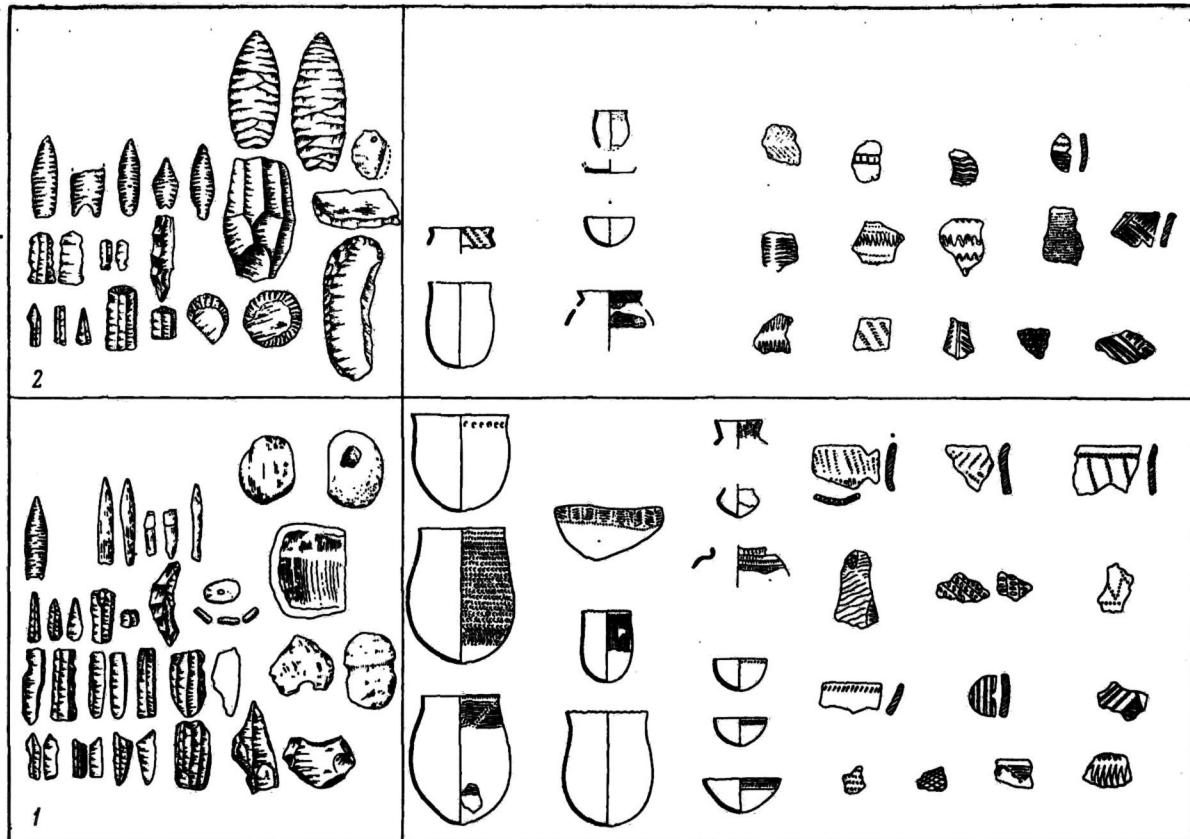

Рис. 31. Предметы раннего (1) и позднего (2) Кельтеминара. (По А. В. Виноградову).

золита. Определенные изменения произошли в области металлических орудий. Так, почти полностью исчезают геометрические орудия (лишь на отдельных раннекельтеминарских стоянках встречены единичные трапеции и трапециевидные изделия), но зато распространяются различные виды наконечников стрел. С одной стороны, это наконечники стрел из пластин с коротким пером и боковой выемкой, известные под названием кельтеминарских, и, с другой, более совершенные листовидные наконечники с скругленным или выемчатым основанием, обработанные с двух сторон отжимной ретушью. Эти стрелы вскоре вытесняют архаические кельтеминарские наконечники, но первоначально оба вида сосуществовали, как об этом свидетельствуют раскопки стоянки Джанбас 4 и упоминавшейся выше пещеры Джебел. Следует подчеркнуть и другое существенное различие между кремневыми орудиями Кельтеминара и Джейтуна: ни на одной кельтеминарской стоянке нет вкладышей от серпов, тогда как среди орудий, найденных на Джейтуне, их насчитывается несколько сотен. Здесь перед нами проявление коренных различий двух культур. В Джейтуне мы имеем дело с трансформацией охотников и собирателей в оседлых земледельцев, тогда как кельтеминарские стоянки оставлены племенами, еще полностью находящимися на ступени присвояющего хозяйства.

Среди каменных изделий кельтеминарцев следует отметить шлифованные тесла, сравнительно редки зернотерки и разнообразные грузила для рыболовных сетей. Вместе с тем состав рыб, шедших в пищу у обитателей Джанбас 4, позволяет заключить, что лов рыбы производился или колющими орудиями типа гарпунов, или крючками. Видимо, подобные крючки и гарпуны изготавливались из кости, но пока из числа кельтеминарских костяных изделий нам известны лишь наконечники стрел в виде короткого заостренного стержня и длинные заостренные стержни, назначение которых неясно. Почти на всех стоянках встречаются бусы из раковин. Обычно они имеют форму диска или овала и сделаны из раковин, видимо полученных путем обмена из прикаспийских областей, где, как мы видели, найдена даже своеобразная «мастерская» по производству таких бус. Еще шире были распространены белые цилиндрические пронизки, изготавливавшиеся из раковин моллюсков другого вида.

Как и на примере кремневого инвентаря, принципиальная разница между оседлоземледельческой культурой юга и Кельтеминаром выступает, если мы обратимся к глиняной посуде. Вся посуда обитателей глиnobитных домов с ровными полами плоскодонная; в Кельтеминаре, где существовали лишь временные легкие шалаши, сосуды остrodонны или круглодонны. На юго-западе Средней Азии земледельцы широко использовали продукты, полученные с полей, и подмешивали в глину сосудов

мелкорубленую солому; на севере кельтеминарцы добавляют в глину песок или толченые раковины. На юге земледельцы, плавившие медь, добиваются высокого качества обжига посуды в специальных печах; на севере, где глиняные сосуды, видимо, обжигались на костре, они ломки и непрочны. В ряде случаев их черепки в пустынных условиях как будто вообще не сохраняются.⁷⁷ Ограничено и число форм кельтеминарской керамики. Наиболее обычны крупные сосуды цилиндро-конической или полужайцевидной формы. Встречаются также сферические сосуды с отогнутым наружу венчиком и чаши как бы смятых очертаний, называемые в литературе ладьевидными. Недавно были открыты чаши со сливами различных видов.⁷⁸ Почти вся раннекельтеминарская керамика орнаментирована или путем вдавливания и насечек, или прочерченным орнаментом и трубчатым штампом. По своим формам и орнаментации кельтеминарская керамика весьма близка неолитической и энеолитической посуде более северных районов, занятых охотниче-рыболовческими культурами, южный форпост которых по существу представляет Кельтеминар. Но весьма показательно наличие в посуде Кельтеминара также и южных связей, уходящих в области, занятые общинами оседлых земледельцев. Еще С. П. Толстов, впервые публикуя материалы стоянки Джанбас 4, отмечал, что наличие на некоторых сосудах красной окраски скорее всего свидетельствует о влияниях, идущих со стороны «культур расписной керамики».⁷⁹

Тщательный анализ новых материалов показал, что некоторые формы сосудов и орнаментальные композиции кельтеминарских сосудов находят прямые прототипы в гончарных изделиях оседлых общин юга.⁸⁰ Опираясь на дробную периодизацию, разработанную для посуды земледельческой культуры, можно заключить, что это влияние скорее всего оказано посудой типа позднего Намазга II.⁸¹ Этот факт, с одной стороны, позволяет синхронизировать археологические комплексы севера и юга, с другой — отражает культурные влияния, идущие с юга на север и

⁷⁷ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры..., стр. 307. Возможно, это связано с близким стоянием грунтовых вод и выступлением солей, разрушающих керамику (Низовья Аму-Дары, Сарыкамыш, Узбой, стр. 292). Если принять это весьма вероятное объяснение, то нет основания выделять отсутствие керамики в специфический признак узбийских стоянок, как это делает М. А. Итина (там же, стр. 293).

⁷⁸ На стоянке Куник 5. Один вид таких сосудов издан. См.: А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 71, рис. 7.

⁷⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 66.

⁸⁰ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 34—42.

⁸¹ В. М. Массон. 1) Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 47—48; 2) Южнотуркменистанский центр..., стр. 30, рис. 13 на стр. 33.

оказавшие, как нам думается, решающее воздействие на дальнейший прогресс северных племен.

Каково же происхождение племен, оставивших культуру, именуемую археологами кельтеминарской? Сам облик кельтеминарских памятников подсказывает ответ на этот вопрос. В общей форме не может быть сомнений в том, что кельтеминарская культура восходит своими истоками к охотникам и рыболовам поры мезолита,⁸² культура которых в Средней Азии лучше всего известна по прикаспийским пещерам. Уже в конце мезолита происходит разделение этих племен на две большие группы, каждая с различной хозяйственной базой. Одна из групп с собирательством, перерастающим в земледелие, и с зарождающимся скотоводством дает культуры типа Джейтуна, сменяемого последовательным рядом энеолитических комплексов. Другая по-прежнему остается в рамках охотниче-рыболовецкого хозяйства, и ее классическим представителем был Кельтеминар. Исходный пласт в обоих случаях был один, и об этом лучше всего свидетельствуют параллели в кремневой индустрии Джейтуна и Кельтеминара.

Однако вопрос о происхождении кельтеминарской культуры имеет и другой конкретно-исторический аспект — о путях заселения человеком Узбоя и низовьев Аму-Дарьи, где пока не обнаружено следов более ранних культур. В прикаспийских районах мы имеем дело с последовательным развитием мезолитической культуры, перерастающей в неолитический комплекс типа четвертого слоя Джебела. Можно было бы заключить, что расселение прикаспийских племен по Узбою на север и освоение ими низовьев Аму-Дарьи и района Сарыкамыша привело к сложению здесь кельтеминарской культуры. Видимо, не случайно кремневый инвентарь третьего и четвертого слоев Джебела очень близок кельтеминарскому. Правда, значительные различия имеются между керамикой Джебела и неолитических стоянок севера. Однако в районе Больших Балхан, где расположен джебельский грот, известна также и типичная кельтеминарская посуда.⁸³ Это заставляет предполагать, что аналогичные материалы будут обнаружены и на нижнем Узбое, где, по мнению С. П. Толстова, якобы существовала совершенно особая культура, именуемая им «нижнеузбойской».⁸⁴ Вместе с тем маловероятно, чтобы срав-

⁸² Это положение в общей форме было убедительно развито еще А. В. Виноградовым: К вопросу о южных связях..., стр. 35, 43—45.

⁸³ В. Бахта, Г. Марков. Археологическая разведка 1957 г. в западной Туркмении. ТИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 48—52.

⁸⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 39—44; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 310—314. Ряд кремневых орудий, относимых С. П. Толстовым к «нижнеузбойской» культуре, аналогичен кельтеминарским. Выделяются остроконечники, принадлежность которых к конкретным комплексам остается неясной. Натяжкой является

нительно бедные и малозаселенные прикаспийские районы были родиной племен, занявших обширные области Средней Азии и Казахстана, содержащие кельтеминарские памятники. Возможно, движение из Прикаспия по Узбюю было лишь своеобразным стимулом к сложению кельтеминарской общности, происшедшему на базе более древних местных культур, еще не обнаруженных археологами.

Неудивительно, что на территории распространения кельтеминарской культуры мы наблюдаем ряд культурных вариантов, возможно в известной мере обусловленных локальными различиями в той основе, на которой эта культура сформировалась. Наличие этих местных вариантов затрудняет, в частности, выделение внутри кельтеминарских памятников хронологических этапов. Так, позднекельтеминарские стоянки в Хорезме характеризуются в основном лишь некоторыми изменениями в керамике при сохранении раннекельтеминарской кремневой индустрии,⁸⁵ тогда как в Казахстане и, видимо, в Кызылкумах появляются крупные наконечники копий или дротиков и массивные ножи.⁸⁶ Интересно, что и позднекельтеминарская керамика Хорезма обнаруживает следы влияния, идущего с юга. Так, на стоянке Дингильдже 6 найдены чаши с различными видами сливов, в том числе в виде длинных желобков.⁸⁷ Эта форма, совершенно не характерная для керамики северного неолита, находит себе прямые аналогии в материалах североиранского земледельческого поселения Шах-Тепе.⁸⁸ В данном случае интересно отметить, что культурные связи хорезмского неолита уходят именно на юго-запад, а не на юг, где в прикопетдагских оазисах мы для этого времени не знаем подобных форм сосудов. Видимо, здесь оказались старые контакты хорезмских племен через Узбай с Прикаспием, населенным племенами, бывшими непосредственными соседями шах-тепинских земледельцев. Как уже отмечалось выше, при раскопках Джебела были обнаружены обломки

предполагаемое С. П. Толстовым (Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 56) сопоставление этих материалов с нижними слоями Джебела, поскольку в узбойских материалах отсутствуют трапеции.

⁸⁵ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбай, стр. 80.

⁸⁶ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30.

⁸⁷ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 71, рис. 7. При продолжении работ на этой стоянке были найдены сосуды с желобчатыми сливами, с которыми автор ознакомился благодаря любезности А. В. Виноградова.

⁸⁸ T. J. Argue. Excavations at Shah Tere, Iran. The Sino-Swedish Expedition, Publ. 27, VII, Archaeology, 5, Stockholm, 1945, pp. 219—224. Поскольку эти параллели в основном приходятся на комплекс Шах-Тепе II (частично даже на его поздний этап Шах-Тепе IIa), можно полагать, что стоянка Дингильдже 6 относится не столько к первой половине—середине III тыс. до н. э., как полагает А. В. Виноградов (Новые неолитические находки, стр. 78), сколько ко второй половине этого тысячелетия.

сосудов, привезенных из этого североиранского поселения или другого близкого ему по культуре поселка.

Территория Хорезма и долина Узбоя являются теми областями, где кельтеминарская культура известна по значительному числу памятников и может считаться относительно хорошо изученной. Однако, как отмечалось выше, эта культура была распространена и в других районах. Так, стоянки с кельтеминарским кремневым инвентарем и характерной керамикой были обнаружены в Кызыл-кумах (Лявлякан, Беш-Булак и др.).⁸⁹ Здесь также находили приют родовые группы охотников и рыболовов. Характерно, например, что стоянка Лявлякан расположена в 1 км от озера. Интересно, что на кызылкумских стоянках в отличие от Узбоя и Хорезма сравнительно мало бус из раковин, но зато обнаружены бусы, выточные из бирюзы и из темного камня с белыми прожилками. Найдки на стоянке Беш-Булак недоконченных бус и кусочков камней, служивших для их изготовления, указывают на остатки своеобразной мастерской, подобной «мастерской» раковинных бус, открытой на берегу Каспия. Крупные наконечники дротиков и копий, сделанные из кварцита, свидетельствуют о позднекельтеминарском возрасте ряда кызылкумских памятников, видимо относящихся ко второй половине III—началу II тыс. до н. э. В этой связи показательно, что здесь в ряде случаев уже обнаружены следы меднолитейного производства, причем нельзя не согласиться с исследователями, видящими здесь результаты влияний, идущих с юга,⁹⁰ где выплавка металлов началась почти двумя тысячелетиями раньше. Отмечаемые на керамическом материале культурные связи, идущие с юга на север, видимо, указывают на тот путь, которым шло распространение таких крупнейших достижений культуры, как металлургия, а затем земледелие и скотоводство.

Один из вариантов кельтеминарской культуры представлен неолитическими стоянками, расположенными по берегам озер Большой и Малый Тузкан в низовьях Зеравшана.⁹¹ Наиболее значительная из них занимает площадь до 6 га. Благоприятные природные условия способствовали развитию рыболовства, и действительно, на ряде стоянок (к сожалению, их культурный слой, как и в других областях, на большинстве стоянок почти полностью развеян) обнаружены кости рыб. Кремневый инвентарь, состоит из

⁸⁹ Н. Н. Вакурская. О поездке в южные Кызылкумы. . . , стр. 39—48. О наличии в Кызылкумах неолитических материалов было известно и ранее. См.: А. Ф. Соседко. Найдка неолита в центральных Кызылкумах в Средней Азии. Природа, 1931, № 11, стр. 1130.

⁹⁰ Низовья Аму-Дары, Сарыкамыш, Узбой, стр. 82.

⁹¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы. . . , стр. 149—150; у. Исламов. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, стр. 258—271.

проколки, пластиинки с выемками, концевых скребков, наконечников стрел тех же двух типов, что и в Хорезме и аналогичен кель-теминарскому. Некоторые отличия, наблюдаемые в орнаментации керамики, могут быть проявлением местного своеобразия. Одна из стоянок (Дарвазакыр) сохранила культурные насле-ния мощностью до 1,5 м, целиком относящиеся к раннекельте-минарскому комплексу. Здесь обнаружены очаги и, возможно, остатки шалаша. Эти находки как бы замыкают фронт стоянок неолитических охотников и рыболовов, расположившихся полу-кругом (от Прикаспия до низовьев Зеравшана) по периферии оседлоземледельческих общин юго-запада.⁹²

Пока мы не знаем, как далеко вверх по течению Зеравшана распространялась культура типа неолитических стоянок, открытых в низовьях этой реки. В центральной части Ферганской долины обнаружены микролитические по облику кремневые пластины, находки которых указывают на возможность открытия еще одного центра неолитической культуры Средней Азии.⁹³ В горных долинах западного Таджикистана распространены памятники так называемой гиссарской культуры, историко-археологическая интерпретация которой еще не вполне ясна.⁹⁴ Она характеризуется грубыми каменными орудиями, изготовленными из гальки черного цвета. Вместе с тем известны и тонкие ножевидные пластины, сколотые с призматических нуклеусов. На ряде памятников найдены обломки грубой керамики и частишлифованных каменных топоров. Территория некоторых поселений, вроде Тепеи-Гозион и Куи-Бульен, весьма значительна. Возможно, гиссарская культура относится к III—II тыс. до н. э., но пока трудно судить, в какой мере можно вслед за А. П. Окладниковым считать ее культурой древних скотоводов и земледельцев.⁹⁵ Скорее следовало бы ожидать, что перед нами памятники периферийных горных племен, занимавшихся охотой и собирательством и, возможно, сохранивших в своем быту весьма архаические традиции.⁹⁶

⁹² Возможно, близкими по типу были и стоянки в районе Керки, о материалах с которых имеются упоминания в печати. См.: А. А. Марущак. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Изв. Туркм. гос. научно-исслед. инст., 1935, № 1, стр. 15; С. А. Ерошов. Археология в ТССР за 20 лет. Изв. ТФАН СССР, 1944, №№ 2—3, стр. 31.

⁹³ Сборы Б. З. Гамбурга, к сожалению, пока не опубликованные.

⁹⁴ А. П. Окладников. 1) Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА СССР, № 66, М.—Л., 1958, стр. 14 и сл.; 2) О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Труды ИИАЭ, т. СIII, Сталинабад, 1959, стр. 5 и сл.

⁹⁵ А. П. Окладников. О работах по изучению каменного века Таджикистана..., стр. 19.

⁹⁶ Не связаны ли эти традиции еще с племенами поры палеолита «некапсийского» круга, о существовании которых в Гиндукуше как будто сви-

Таковы конкретные археологические материалы, характеризующие разделение Средней Азии в IV—III тыс. до н. э. на две зоны: зону земледельческих общин на юго-западе и обширные пространства, занятые неолитическими охотниками и рыболовами на остальной территории страны. Аналогичную картину, как мы увидим ниже, можно наблюдать и на территории Индии, где это разделение также выступает весьма ярко и убедительно. В завершение настоящей главы следует кратко остановиться на основных тенденциях развития в пределах каждой из двух зон, выделенных в Средней Азии.

На юго-западе вплоть до начала II тыс. до н. э. продолжается неуклонное развитие хозяйства оседлых земледельцев и скотоводов.⁹⁷ В конце III тыс. до н. э. для обработки керамики здесь начинает применяться гончарный круг, и вскоре почти совершенно исчезает роспись на посуде, столь облегчившая изучение культуры поры энеолита. Архаические печи для обжига посуды геоксюрского типа сменяются более совершенными двухъярусными горнами.⁹⁸ Появляются предметы из бронзы и латуни, и хотя из-за недостатка олова большинство металлических изделий остается медными, этот период с полным правом можно называть бронзовым веком. Большое число моделей повозок двух видов — тяжелых двухосных телег и легких одноосных типа колесниц — свидетельствует о широком применении в быту тягловой силы животных. Возможно, это применение распространялось и на обработку полей. Крупные центры земледельцев, вроде Алтын-Депе и Намазга-Депе, теперь окружены стенами, возведенными из сырцового кирпича, которым, правда, еще далеко до мощных крепостных сооружений древневосточных городов, но которые существенно превосходят обводные ограды Ялангач-Депе или Муллали-Депе.⁹⁹ Можно считать, что перед

действуют раскопки в Кара-Камаре? Интересно, что и на Восточном Памире отмечается консервативность архаических черт палеолита. См.: В. А. Ранов. Результаты разведок каменного века в 1957 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Труды ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. III, Сталинабад, 1959, стр. 42.

⁹⁷ Краткую сводку соответствующих археологических материалов см.: В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 238—256. В сокращенном, но исправленном виде этот очерк вошел в главу I «Истории Туркменской ССР», т. I, кн. 1» (Ашхабад, 1957, стр. 43—54).

⁹⁸ Древние гончарные печи обстоятельно рассмотрены в работе: В. И. Сараниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. ТЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 313—348.

⁹⁹ Открытие в 1959 г. обводных стен на Алтын-Депе и Намазга-Депе А. Ф. Ганялиным и А. А. Марущенко разрушило существовавшие до этого времени сомнения по этому поводу. Стены эти, сложенные из сырцового кирпича и имевшие толщину до 2 м, неоднократно перстраивались. При постройке поздних стен более ранние использовали, как это было и при постройке домов, в качестве фундамента. Интересно, что стены обнаружены

нами первобытнообщинный строй на последних этапах своего разложения, когда родовая аристократия все более обособляется от массы рядовых общинников. Однако едва ли уже в это время происходит сложение раннеклассового общества, о значительной деятельности процесса образования которого мы знаем по древневосточной археологии.¹⁰⁰

В первой половине II тыс. до н. э. мы имеем дело с какими-то кризисными явлениями, охватившими богатые и процветающие земледельческие районы юго-запада Средней Азии. Древние крупные центры здесь приходят в упадок, и их сменяют небольшие поселения, близкие по размерам мелким поселкам поры энеолита. Вместе с тем в течение II тыс. до н. э. происходит процесс расширения территории, занятой земледельческими племенами: они осваивают дельту Мургаба и равнины юго-западной Туркмении. Освоение этих новых территорий привело к необходимости создания сложных ирригационных систем, и их возникновение в первой трети I тыс. до н. э. было тем скачком в развитии производительных сил, который предопределил сложение классового общества и ранней государственности. На основе этих земледельческих культур складываются территориальные и культурные общности Гиркания, Парфии и Маргианы, которые здесь застает письменная история.¹⁰¹

Если на юго-западе Средней Азии в пору бронзового века мы имеем дело с эволюционным развитием оседлоземледельческих племен, то на севере в этот период происходит подлинный скачок в развитии хозяйства, совершенный южными племенами на три тысячелетия ранее. Как свидетельствуют имеющиеся археологические материалы, этот процесс протекал следующим образом.

Мы видели, что уже на позднекельтических стоянках появляются следы знакомства с металлургией меди. Есть основания лишь в слоях времени Намазга IV, тогда как стены времени Намазга V, т. е. верхнего слоя и Алтын-Депе, и Намазга-Депе полностью уничтожены дефляцией и эрозией, разрушившей древние края поселений.

¹⁰⁰ См. дискуссию об общественном строе южного Туркменистана в период бронзового века: Б. А. Кутти и др. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. . . . , стр. 29; В. М. Массон. 1) Первобытнообщинный строй. . . , стр. 246—248; 2) Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959, стр. 121—125; А. В. Виноградов, М. А. Итина. ТЮТАКЭ, т. VII, [Рец.]. СЭ, 1959, № 1, стр. 162—164; И. М. Дьяконов. В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. [Рец.]. ВДИ, 1960, № 3, стр. 200. Автор настоящих строк продолжает придерживаться своих прежних взглядов по этому вопросу. По уровню развития производительных сил бронзовый век юго-запада Средней Азии соответствует концу убайдского и началу урукского периода в Месопотамии, где, как совершенно ясно свидетельствуют письменные источники, сложение классового общества происходит лишь много столетий спустя.

¹⁰¹ Все эти вопросы рассмотрены автором в книге «Древнеземледельческая культура Маргианы».

допускать, что одновременно происходит знакомство северных племен со скотоводством.¹⁰² Несомненно, что эти явления стоят в прямой связи с развивающимися контактами с земледельцами юго-запада. Не случайно во II тыс. до н. э. в Хорезме мы опять встречаемся с керамикой, отражающей определенные следы воздействия южных культур.¹⁰³ И кто знает, когда впервые на территорию Хорезма попало вместе с сосудами определенных форм и их вполне реальное содержимое в виде зерен пшеницы и ячменя. Во всяком случае во второй половине II тыс. до н. э., насколько можно судить по исследованиям С. П. Толстова, в Хорезме появляются первые следы земледелия с применением искусственного орошения.¹⁰⁴ В болотистых низинах Аму-Дарьинской дельты дикорастущие злаки отсутствовали, и первое зерно для хорезмийских полей могло быть получено только с юга.

Если уже для поры неолита мы отмечали, что кельтеминарская культура является как бы южным форпостом обширного массива охотничьи-рыболовческих культур Азии, то в эпоху бронзового века это «северное тяготение» Хорезма проявляется особенно ярко. Распространенные здесь в это время памятники, получившие наименование тазабагъяbsких, представляют собой один из вариантов андроновской культуры, охватившей обширные территории Казахстана и юга Сибири. Вероятно, произошло передвижение в Хорезм с севера андроновских племен, ассимилировавших потомков кельтеминарских охотников и рыболовов. Примечательно, что в ряде случаев на позднекельтеминарских сосудах появляются орнаменты, как бы предвосхищающие де-

¹⁰² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 77. Кости домашних животных были обнаружены на одной из казахстанских стоянок (Саксуальская). По Средней Азии такие данные пока отсутствуют, но можно вспомнить приводившееся выше суждение В. И. Цалкина о костных остатках в верхних слоях Джебельской пещеры.

¹⁰³ Мы имеем в виду сосуды с шаровидным туловом и невысокой шейкой и иногда покрытых красным ангобом, относимые коллективом Хорезмской экспедиции к суйрганской культуре (см. об этом наиболее полную сводку: С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суйрганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 14—35). Вместе с тем автор настоящих строк не видит основания для вывода о том, что «в начале II тыс. до н. э. в Хорезм из южных земледельческих областей Средней Азии приходят суйрганские племена» (там же, стр. 38). Материалы, относимые к «суйрганской культуре», производят впечатление памятников местного хорезмийского населения, потомков кельтеминарских охотников и рыболовов, переходящих на ступень бронзового века. Что касается южных влияний в области керамического производства (именно влияний, тогда как в случае какого-либо переселения мы имели бы прямо южную керамику), то подобное явление имело место еще в пору Кельтеминара.

¹⁰⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 96—98; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития пригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 6—7.

корацию тазабагъябской керамики. В это время в Хорезме еще не было поселений с глинобитной архитектурой, тазабагъябские стоянки обычно состоят из нескольких прямоугольных землянок. Однако обитатели этих землянок уже занимаются земледелием, и этот вид их деятельности предопределяет сложение в Средней Азии нового земледельческого оазиса — Хорезма ахеменидских надписей.

Видимо, культура андроновского типа была той основной, на которой сложился и другой крупный среднеазиатский центр оседлого земледелия — Согд. Во всяком случае в долине Зеравшана мы находим ряд памятников андроновского типа, относящихся ко второй половине II тыс. до н. э., и, видимо, развитие земледелия у племен, оставивших эти памятники, и переход их к прочной оседлости привели к сложению древнесогдийской культуры. Катализатором этих процессов здесь, так же как и в Хорезме, были сношения с древними земледельческими оазисами юго-запада Средней Азии. Возможно, эти сношения поддерживали уже неолитические охотники и рыболовы, оставившие стоянки по берегам двух озер в низовьях Зеравшана. Так или иначе именно в этом районе в конце III—начале II тыс. до н. э. складывается весьма своеобразная заман-бабинская культура, представлявшая собой сочетание местных традиций и сильных влияний со стороны земледельческих культур юго-запада.¹⁰⁵ Оттуда, из областей древнейшего в Средней Азии земледелия, попали в заман-бабинский могильник отдельные предметы, оттуда же, видимо, пришло и знакомство с медью и скорее всего оттуда же были доставлены и первые зерна злаковых культур.

Возможно, потомки заман-бабинских племен в низовьях Зеравшана были ассимилированы пришедшими с севера андроновцами, подобно потомкам кельтесминарцев Хорезма. Однако археологические материалы, освещдающие прошлое долины Зеравшана, пока представляют собой в отличие от Хорезма лишь отдельные факты, намечающие контуры исторического развития, но еще не вырисовывающие его во всей конкретной полноте и реальности.

Распространение во второй половине II тыс. до н. э. племен с культурой андроновского типа на территории Средней Азии было весьма широким явлением, еще требующим своего исторического объяснения.¹⁰⁶ Во всяком случае с аналогичным явле-

¹⁰⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 149—161; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, № 2, стр. 24—33; В. М. Массон. Древнеzemледельческая культура Маргiana, стр. 113—114.

¹⁰⁶ Наиболее значительной работой, посвященной памятникам этого типа, является исследование М. А. Итиной: Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча З. МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 3—96. См. также:

нием мы сталкиваемся и на территории Ферганы, где, так же как в Хорезме и Согда, происходит сложение крупного земледельческого оазиса. Правда, здесь у нас нет твердой уверенности в том, какую роль в этом процессе сыграли племена с культурой андроновского типа. Дело в том, что в Фергане, кроме памятников этих племен, имеются поселения оседлых земледельцев и скотоводов, как бы повторяющие архаические ступени развития земледельческих общин юго-запада Средней Азии. Культура этих племен, известная под названием чустской, знаменует собой начало эволюции оседлых поселений Ферганской долины.¹⁰⁷ Хотя мы имеем ряд данных, свидетельствующих о связях, соединявших во II тыс. до н. э. Ферганскую долину с очагами оседло-земледельческой культуры в предгорьях Копет-Дага, не вполне ясно, какую роль сыграли эти связи в сложении земледельческой культуры на территории Ферганы.¹⁰⁸ Чустская культура с ее расписной керамикой, глиняной архитектурой и развитым земледелием определяет своеобразие исторического развития Ферганской долины.

Почти совершенно неясными остаются пути развития другой области оседлого земледелия в Средней Азии — древней Бактрии, чье легендарное прошлое, изложенное Ктесием Книдским, долго волновало античный мир и современных историков. В середине I тыс. до н. э. мы застаем здесь вполне сложившуюся городскую культуру, истоки которой еще скрыты от археологов.¹⁰⁹ Мы видели, что в III—II тыс. до н. э. в горных долинах западного Таджикистана, т. е. одного из районов будущей Бактрии, была распространена сравнительно примитивная гиссарская культура. Имеются сведения о наличии в юго-западном Таджикистане памятников андроновского типа. Во всяком случае предыстория Бактрии остается почти полностью неизученной.

Так, к середине I тыс. до н. э. исторические процессы, шедшие различными путями в различных областях Средней Азии, за-

А. Аскarov. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 35—41.

¹⁰⁷ Основные материалы по чустской культуре собраны в работе Ю. А. Заднепровского «Древнеземледельческая культура Ферганы» (МИА СССР, № 118, М.—Л., 1962).

¹⁰⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 114—115.

¹⁰⁹ Мы не разделяем мнения Г. В. Парфенова о значительной древности фрагментов расписной керамики, найденной при случайных обстоятельствах на юго-западе Таджикистана (Г. В. Парфенов. Найдены на Кулин-Тепе и в его окрестностях. ИООН АН Тадж. ССР, № 14, Сталинабад, 1957, стр. 61—66). Изданные здесь образцы принадлежат если не средневековому периоду, то, самое раннее, своеобразной расписной посуде античной поры типа, открытого в Фергане (Шурабашат) и на юге Афганистана (Шамшир-Гар).

вершились созданием цивилизаций Парфии, Маргианы, Гирканни, Хорезма, Согда, Бактрии и Ферганы. Те племена IV—III тыс. до н. э., культуру и историю которых мы рассмотрели в настоящей главе, явились той реальной исторической средой, на основе которой возникла блестящая городская культура древней Средней Азии. В степных и пустынных областях на основе отдельных групп андроновских племен, у которых в силу природных условий земледелие не получило развития, складываются ранние кочевники.

Глава 2

ИРАН В V—III ТЫС. ДО Н. Э.

Раннеземледельческие культуры Ирана с их великолепными памятниками искусства заслуженно пользуются всемирной известностью. Эту известность они приобрели с конца XIX—начала XX в., когда почти одновременно с американскими раскопками на холмах Анау глава французской археологической экспедиции в Сузах Жак де Морган открыл комплекс расписной керамики, названный им Сузы I. Долгое время эти имена — Сузы и Анау — произносились рядом, и от изучения этих памятников ждали ответа на многие вопросы происхождения цивилизаций Древнего Востока. Большинство подобных работ стало уделом историографии, и более того, лишь тщательный анализ прежних публикаций позволяет воссоздать в столице Элама¹ подлинную картину эволюции культуры, на которую Ж. де Морган, увлекшийся эффектными находками, не обратил должного внимания. За последнее время были произведены и новые раскопки как на самих Сузах, так и на соседних поселениях, где выявлены слои более ранние, чем комплекс, названный Ж. де Морганом Сузы I.² Планомерные раскопки, давшие четкую стратиграфию древних наслоений, были произведены и в других местах Иранского плато. Стратиграфические колонки Тепе Гияна,³ Тепе Сиалка⁴ и Тепе Гисара⁵ являются теперь надеж-

¹ CSEI, pp. 19—22; L. Le Breton. The early periods at Susa, Mesopotamian relations, Iraq, v. XIX, pt. 2, 1957.

² L. Le Breton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse. MDP, t. XXX, Paris, 1947.

³ G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles du Tépé-Giyan, près de Néhavend, 1931—1932. Paris, 1935.

⁴ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, vv. I—II, Paris, 1938—1939.

⁵ E. F. Schmidt. 1) Tepe Hissar excavations, 1931. Museum Journ., v. XXIII, 1933, pp. 313—483; 2) Excavations at Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia, 1937.

ной опорой для археологии и древней истории Ирана. Ценный материал был получен также при исследовании поселения Шах-Тепе в иранском Прикаспии⁶ и Тали-Бакуна в Фарсе.⁷ Последнее поселение первоначально исследовалось Э. Херцфельдом,⁸ который не удержался от стремления приписать этому памятнику чрезмерную древность и исключительное историческое значение, и нельзя не отметить, что работы этого известного ираниста оказали влияние на ряд исследователей, плохо знакомых с современной классификацией древних культур Месопотамии и Ирана.⁹ Археологические разведки А. Стейна, собравшего интересные коллекции преимущественно подъемного материала во время своих работ на юге и на западе Ирана, дополняют стратиграфические колонки географическим ареалом определенных видов изделий.¹⁰ В этой картине древнейшего Ирана, открываемой археологическими исследованиями, ко времени начала второй мировой войны оставалось два существенных пробела: на археологическую карту соответствующего периода ложились белыми пятнами северо-запад и северо-восток страны. Сравнительно недавно один из этих пробелов был частично восполнен раскопками древних поселений у озера Урмия,¹¹ однако Хорасан все еще остается слабо изученным, что весьма затрудняет исследование ряда важнейших проблем древней истории. Есть основания полагать, что древнеземледельческая культура плодородных долин Иранского Хорасана будет иметь много общего с памятниками юго-запада Средней Азии, от которых их отделяет лишь ряд легко проходимых хребтов Туркмено-Хорасанских гор.

⁶ T. J. Argene. Excavations at Shah Tepe, Iran. The Sino-Swedish Expedition, Publ. 27, VII, Archaeology, 5, Stockholm, 1945.

⁷ A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. OIP, v. LIX, Chicago, 1942. Недавно здесь были проведены раскопки японской экспедицией. См.: N. Egami, S. Maseda. Marv-Dasht, v. I. The excavation at Tall-i-Bakun, 1956. Tokyo, 1962; N. Egami, T. Sonoo. Marv-Dasht. V. II. The excavation at Tall-i-Gap. Tokyo, 1962.

⁸ E. Herzfeld. 1) Steinzeitlicher Hügel bei Persepolis. Iranische Denkmäler, IA, Berlin, 1932; 2) Iran in the Ancient East. London, 1941, pp. 18—64.

⁹ Отражение мнений Э. Херцфельда о том, что так называемое Персопольское поселение (т. е. Тали-Бакун) с его великолепной расписной керамикой представляет собой очень ранний неолитический памятник, можно наблюдать и в советской литературе. Об историческом месте этого материала см.: CSEI, pp. 23—26; Г. Чайлд. Древнейший Восток — в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 299—300. Несостоятельность подобных взглядов Э. Херцфельда отмечал еще Г. Франкфорт (H. Frankfort. Archeology and the Sumerian problem. Chicago, 1932, p. 24, note I).

¹⁰ A. Stein. 1) An archaeological tour in ancient Persia. Iraq, v. III, 1936; 2) Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937; 3) Old routes of Western Iran. London, 1940.

¹¹ T. Broughton-Brown. Excavations in Azerbaijan. 1948. London, 1951; R. H. Dyson, T. C. Young. The Solduz valley, Iran; Pisdeli Tepe. Antiquity, 1960, № 133, pp. 19—26.

При всех своих недостатках имеющийся археологический материал достаточно обширен, чтобы позволить наметить некоторые особенности развития Ирана в V—III тыс. до н. э. В существующей литературе, помимо чисто классификационных сводок наподобие тщательной, хотя и несколько устаревшей работы Д. Мак-Кауна,¹² имеется несколько общих обзоров зарубежных авторов,¹³ ни в одном из которых не поставлены сколько-нибудь развернуто вопросы исторической периодизации. Советские историки, обращавшиеся к древней истории Ирана, справедливо отметили наступление с конца III тыс. до н. э. на большей части Иранского плато этапа интенсивного разложения первобытнообщинного строя.¹⁴ В настоящее время представляется возможным на основании имеющихся материалов, главным образом археологических, предложить следующую периодизацию истории Ирана в V—II тыс. до н. э.

Иран, бывший, как мы видели, родиной одной из древнейших на Ближнем Востоке раннеземледельческих культур, в V—II тыс. до н. э. был почти полностью занят поселениями земледельческо-скотоводческих племен. Обтекая по флангам бесплодные пустыни Даште-Кевир и Даште-Лут, раннеземледельческие общины весьма рано освоили большую часть территории страны. Во всяком случае здесь в отличие от Средней Азии не наблюдается резкого деления

¹² См.: CSEI. Наибольшие возражения вызывает система абсолютных дат Д. Мак-Кауна, относящегося к числу сторонников «длинной хронологии» Ирана. Это касается прежде всего таких узловых комплексов, как Гисар III и Сиалк IV. Д. Мак-Каун относит Сиалк IV ко времени Джемдет-Насра, а Гисар III к раннединастическому времени и к началу аккадского периода. В результате по его схеме культура Харашты через синхронизацию с иранскими комплексами оканчивает свое существование еще до 2000 г. до н. э. и тогда же сменяется комплексом Джхукара (D. E. M c C o w n. The relative stratigraphy and chronology of Iran. In: Relative chronologies in old world archaeology. Chicago, 1954, pp. 61—63). Вместе с тем более вероятна датировка Гисара III—началом II тыс. до н. э. (S. P i g g o t t. Dating the Hissar sequence — the Indian evidence. Antiquity, 1943, № 66, pp. 169—182; D. H. G o r d o n. The chronology of the third cultural period at Tere Hissar. Iraq, v. XIII, pt. 1, 1951, p. 60; B. M. M a c c o n. Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 325—326). Это находит подтверждение и в серии радиоуглеродных анализов в Белуджистане и Синде (см. ниже, стр. 250). В равной мере нам кажется, что Сиалк IV следует относить к раннединастическому периоду (B. M. M a c c o n. Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 378—379].

¹³ E. H e g z f e l d. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, pp. 1—176; R. G h i r s c h m a n. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, pp. 16—49.

¹⁴ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 95—100; И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960, стр. 153—163. К сожалению, ряд высказываний И. Алиева о более ранних периодах истории Ирана едва ли могут быть приняты как четкие определения, адекватные имеющимся материалам.

на две зоны, противостоящие друг другу в хозяйственном и культурном, отношении. Возможно, где-либо в замкнутых горных областях в Иране сохранились небольшие племена с архаической техникой и примитивной культурой,¹⁵ но в целом основную линию исторического развития определяли уже земледельческо-скотоводческие племена.

С этой точки зрения можно выделить три следующих периода в истории Ирана V—II тыс. до н. э.

I. Период раннего энеолита: от сложения земледельческо-скотоводческого хозяйства (Сиалк I) до начала интенсивного развития ремесел у племен центрального и юго-западного Ирана. Приблизительно 5000—3800 гг. до н. э. К этому периоду следует отнести ранние комплексы Сузианы (Джафараабад, Джови, Бен-дебаль), Сиалк I и Сиалк II, нижние слои Гияна, Тали-Бакуна В. В приурмийском районе материалы этого периода неизвестны.

II. Период развитого энеолита. Приблизительно 3800—3000 гг. до н. э. Время подъема металлургии и гончарного производства в центральном (Сиалк III) и юго-западном (Сузы А—С, Тали-Бакун А) Иране. В приурмийском районе (так же как и на юго-востоке Ирана?) распространены более архаические комплексы (Пишдели-Депе, Гей-Тепе М).

III. Период сложения классового общества в Эламе. Разделение территории Ирана на зону городской цивилизации и зону земледельческих общин. 3000—1000 гг. до н. э. На позднем этапе (2000—1000 гг. до н. э.) интенсивное разложение первобытнообщинного строя у земледельческо-скотоводческих племен Иранского плато.

Обратимся к конкретной характеристике этих трех периодов истории Ирана. Есть основания полагать, что во всяком случае области западного Ирана являются родиной раннеземледельческой культуры не менее древней, чем североиранское Джармо. Экологические условия этого района практически идентичны условиям, характерным для горного КурDISTана, где расположены поселения типа этого знаменитого памятника. Северо-

¹⁵ Например, в Мазандеране пережиточный неолит сохранился как будто до III тыс. до н. э., судя по находкам в верхних слоях пещеры Гария-Камарбанд черепков типа Гисара I—II (С. С о о п. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, p. 78). Черепки типа Сиалка II были найдены и в неолитических слоях пещеры Хоту (С. С о о п. Excavations in Hotu cave. Proc. of the Amer. Philosoph. Soc., v. 96, № 3, 1952, p. 243). Видимо, архаическая культура Мазандерана подобно культуре типа Джебела III—II сосуществовала с оседлоземледельческими поселениями к югу от Эльбруса. Интересно отметить, что культура прикаспийских областей Ирана, расположенных в специфических условиях влажных субтропиков, весьма отличалась от остальной территории страны и в середине века, а для одной из проживающих здесь народностей — гиляков, или гилянцев — до сих пор характерны архаические черты общественного строя и культуры (высокая роль женщины и т. п.). См.: Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 225—240.

западный Загрос разделен по оси иранско-иракской границей чисто условно, и в целом ряде отношений Иранский Курдистан идентичен Курдистану Иракскому. Область северо-западного Загроса характеризуется мягким и влажным климатом с большим количеством осадков, обеспечивающих в настоящее время посевы пшеницы и ячменя без применения искусственного орошения в районах начиная с 1000 м над уровнем моря. Реки здесь полноводны, межгорные долины и котловины хорошо обеспечены водой, в горах развита древесная растительность (дуб, вяз, клен, акация), перемежающаяся на склонах и плоскогорьях с богатыми пастбищами. Хотя в этих долинах возможности земледелия и ограничены их сравнительно небольшой величиной, благоприятные природные условия способствуют процветанию здесь оседлых оазисов.¹⁶ Не случайно, что при наличии благоприятных исторических предпосылок эти районы уже с глубокой древности привлекли внимание земледельцев и скотоводов. Почти в каждой долине около современных поселков и небольших крепостей расположены оплывшие холмы, скрывающие остатки селений и деревень весьма значительной древности. Такая топография не случайна: в древности, как и сейчас, люди жались к орошенным долинам, где располагались их основные посевы и куда они могли возвращаться после летнего выпаса скота на горных пастбищах. В этом отношении особенно показательно следующее обстоятельство. В настоящее время Керманшахские горы представляют собой самую населенную, легко доступную и хозяйственno важную часть Загроса.¹⁷ Именно в этом районе к востоку от г. Керманшаха обнаружены памятники, свидетельствующие о древнейших этапах становления производящей экономики на территории Ирана. Один из них, небольшой холм Асиаб, содержит остатки мезолитического поселения типа североиракского Карим-Шахира, а другой — Тепе Сараб — является памятником, во многом аналогичным Джармо.¹⁸

Вероятно, в Иранском Курдистане был распространен один из вариантов культуры Джармо, к которому восходит и большинство расположенных здесь более поздних оседлоземледельческих поселений. К сожалению, пока нет возможности проследить во всех деталях генезис этих раннеземледельческих культур для данной территории,¹⁹ и поэтому мы сразу обратимся к ха-

¹⁶ М. П. Петров. Иран. М., 1955, стр. 52, 114, 154—156.

¹⁷ Зарубежная Азия. Физическая география. М., 1956, стр. 183.

¹⁸ R. J. Gaidwood, B. Howe, Ch. Reed. The Iranian prehistoric project. Science, v. 133, № 3469, June 23, 1961, pp. 2008—2010. Пока в печати появились лишь предварительные сообщения об этих работах.

¹⁹ Наличие в Асиабе и Сарабе каменных браслетов указывает на тесную связь с соответствующими комплексами северного Ирака (см. выше, стр. 108). Показательно, что подобные браслеты сохраняются и в нижних настланиваниях Тепе Сиалка. Это свидетельствует об известной преемствен-

рактеристике того этапа их развития, который характеризуется уже сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой. Как мы видели выше, эта стадия развития вполне отчетливо прослеживается уже в комплексе Сиалк I.²⁰

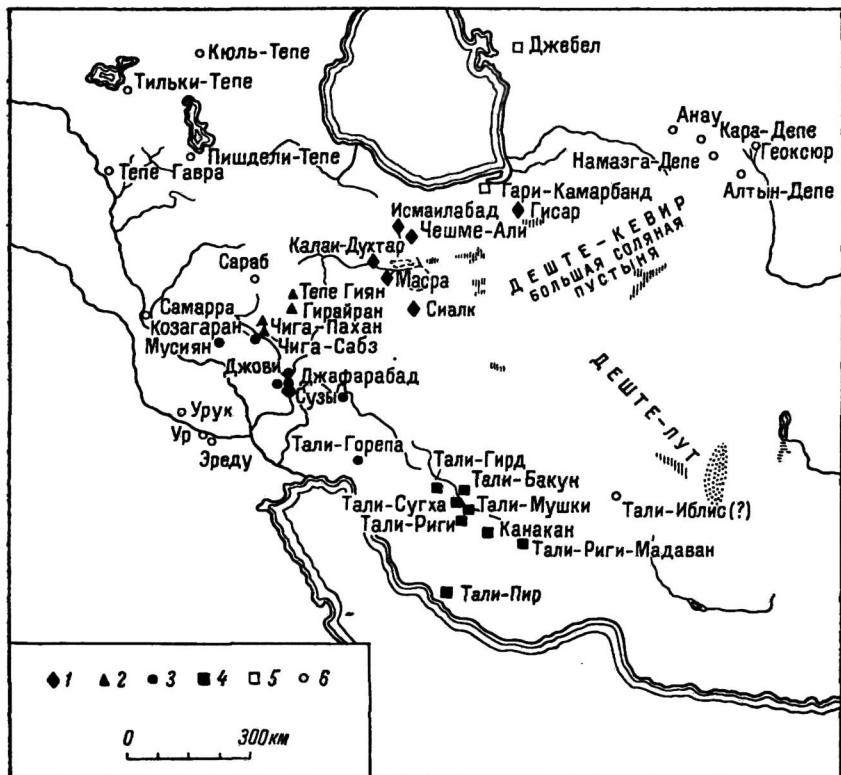

Рис. 32. Иран в V—IV тыс. до н. э.

— памятники типа Сиалка; 2 — памятники типа Гияна V; 3 — памятники сузианского типа; 4 — памятники типа Тали-Бакуна; 5 — памятники прикаспийского неолита; 6 — прочие памятники.

Памятники типа Сиалка характерны для западной части Иранского нагорья с засушливым климатом субтропических пустынь, среди которых расположены оазисы, орошаемые небольшими речками с паводковыми режимами (рис. 32). Распространенности раннеэнеолитических комплексов Ирана и культуры типа Джармо. Правда, на южноиранском памятнике Тали-Бакун В такие браслеты обнаружены не были.

²⁰ См. выше, стр. 42.

странение поселений сиалковского типа свидетельствует, что многие из этих оазисов были освоены земледельцами уже в V тыс. до н. э. Так, в Кашанском оазисе расположено само Тепе Сиалк, поселение площадью около 3 га, располагающееся на окраине современного Кашана. В плодородном Тегеранском оазисе мы находим Чешме-Али, древний поселок неподалеку от крупного сельджукского центра — г. Рея. По богатству материала Чешме-Али как будто даже превосходит Сиалк, хотя раскопки этого интереснейшего памятника проводились довольно непоследовательно, а полученные материалы почти не опубликованы.²¹ Возможно, уже в V—IV тыс. до н. э. область, где позднее располагалась Рагиана мидийского и ахеменидского времен, упоминаемая и в Авесте, играла роль своеобразного центра внутренних районов Ирана. Материал типа Сиалка III обнаружен недавно на одном памятнике к западу от Тегерана, и возможно, что здесь нижние слои скрывают более древние напластования.²²

В другом крупном оазисе центрального Ирана — в районе г. Кум — находится поселение Калаи-Духтар, откуда происходит керамика типа Сиалка II, но где, вполне вероятно, имеется и более ранний материал.²³ Аналогичный комплекс расписной посуды обнаружен на поселении Кара-Тепе, в 30 км к западу от Тегерана.²⁴ Наконец, следует упомянуть Марса у г. Саве, где найдена керамика сиалковского типа, а отдельные сосуды находят довольно близкие параллели в среднеазиатских комплексах типа Намазга I.²⁵ Можно ожидать, что при сплошном археологическом обследовании центрального Ирана аналогичные памятники будут обнаружены и в ряде других оазисов.

Наиболее полные материалы для характеристики культуры и хозяйства центральноиранских племен в пору раннего энеолита получены при раскопках Тепе Сиалк. Поселение, располагавшееся

²¹ Нижние слои Чешме-Али IA одновременны Сиалку I, верхние — Сиалку II, а Чешме-Али IB хорошо увязывается с Сиалком III. О Чешме-Али см.: R. de Mecquenem. Notes sur la céramique peinte archaïque en Perse. MDP, t. XX, 1928, pp. 115—121; E. F. Schmidt. The Persian expedition. University Museum Bull., v. 5, № 5, March, Philadelphia, 1935, p. 46, pl. VI; хроникальную заметку см.: AJA, v. XXXIX, 1935, pp. 256—257.

²² Sept mille ans d'art et Iran. Paris, 1961, p. 3.

²³ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, p. 91.

²⁴ T. Burton-Brown. Excavations in Shahriyan, Iran. Archaeology, v. 15, № 1, 1962, pp. 27—31.

²⁵ Это отметил уже Э. Херцфельд [E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, p. 94; ср. рис. 185 в этом же издании, а также: И. Н. Хлопин. Дашилдыджи-Депе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), табл. VI, 1]. О Марсе см.: S. Pげewo尔斯基. Altorientalische Altertümer in skandinavischen Sammlungen. ESA, v. X, 1936, pp. 109—110, fig. 28, a—d; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, pp. 93—94.

здесь в V—III тыс. до н. э., состояло из глинобитных домов,²⁶ причем, по заключению руководившего раскопками Р. Гиршмана, сырцовый кирпич появляется лишь в слое Сиалк II. В этом слое из сырцового кирпича выкладывались фундаменты глинобитных стен и выстипался пол. Стены домов, планировка которых осталась невыясненной, иногда окрашивались с внутренней стороны красной краской. Ту же красную краску мы встречаем на скелетах жителей, хоронившихся в пределах поселения непосредственно в культурном слое. Погребения, как правило, лишены инвентаря. В одной из могил было обнаружено два скелета, но подробно это интереснейшее захоронение, к сожалению, не описывается.

Поселение в Кашанском оазисе существовало в течение весьма длительного отрезка времени. Об этом свидетельствует уже сама толща культурных наслойений: слои типа Сиалка I достигают 12 м, а слои типа Сиалка II—7 м. Эти мощные наслойния образуют северный холм Тепе Сиалк, где позднее, подобно среднеазиатскому Анау, жизнь переместилась на новое место, туда, где ныне расположен южный холм. В свете происходящего сейчас удивления абсолютных дат ближневосточной археологии вполне вероятно, что древнейшее поселение на территории Кашанского оазиса относится к концу VI тыс. до н. э.

Процесс, происходивший на протяжении существования комплексов Сиалк I и II, был очень медленным и постепенным. В слоях Сиалка I, хотя и появляются первые медные орудия в виде сравнительно редко попадающихся игл, проколок и булавок, многое еще сохраняет черты глубокого архаизма. Так, сравнительно велико число кремневых пластин, распространены архаические костяные и каменные основы жатвенных ножей, орнаменты керамики, покрытойmonoхромной росписью, сравнительно просты и однообразны. Преимущественно это геометрические мотивы, среди которых преобладают треугольники.²⁷ Весьма характерны массивные каменные тесла и мотыги.

В пору существования комплекса Сиалк II поселение в Кашанском оазисе несколько уменьшилось в размерах и центр его переместился на южную часть холма. Подобное явление, видимо связанное с неудобствами, которое испытывали жители, когда холм, образованный культурными остатками, становился очень высоким, отмечено и на многих других раннеземледельческих поселениях.²⁸ Медные изделия в это время становятся

²⁶ Вопреки распространенному в литературе мнению мы сомневаемся в отсутствии глинобитной архитектуры в древнейших слоях Сиалка I. См. выше, стр. 41.

²⁷ Подробнее о комплексе Сиалка I см. выше, стр. 41—44.

²⁸ См., например, размещение слоев разного времени на Кара-Депе у Артыка: В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 323, рис. 3.

более распространенными. Помимо ранее известных булавок, проколок и игл, найдена часть плоского черешкового наконечника дротика или копья. Однако ни об одном из изделий нельзя еще сказать, что оно изготовлено с помощью литья: перед нами предметы, полученные исключительно с помощью ковки. В пору Сиалка II исчезают костяные основы жатвенных ножей, хотя кремневые вкладыши, возможно принадлежавшие серпам, еще встречаются. По-видимому, костяные оправы были заменены деревянными, сохранившимися лишь в редких случаях, но не следует исключать и возможность появления медных серпов. Хотя находки медных вещей в двух нижних комплексах Сиалка представлены исключительно мелкими предметами, их количество выглядит довольно значительным, особенно в сравнении с такими месопотамскими комплексами, как Халаф и Убейд. Даже в сравнительно развитой убейдской культуре, для которой есть основания предполагать наличие литых медных предметов, самих металлических изделий сохранилось лишь два — массивный гарпун из Ура и топор из Арпачии.²⁹ Несомненно, это обстоятельство следует связывать с наличием в Иране многочисленных медных месторождений, в том числе в районе распространения комплексов сиалковского типа,³⁰ тогда как в долинах Тигра и Евфрата этот металл был привозным, изделия из него берегли и редко теряли, а при поломке пускали в переплавку.

Из кремневых изделий в пору Сиалка II в употреблении сохраняются, помимо пластин, также и сверла, вероятно использовавшиеся при изготовлении каменных изделий. Среди последних можно назвать сравнительно редкие каменные сосуды, каменные браслеты, представляющие собой угасающую традицию культуры Джармо—Сараба, и различные бусы из диорита, сердолика и бирюзы. Наличие последней, возможно, свидетельствует о связях с районами Хорасана, где в районе Нишапура расположено крупнейшее месторождение этого полудрагоценного минерала. Раковины для ожерелий доставлялись с другого конца Ирана, с побережья Персидского залива. О еще более далеких связях свидетельствует находка лазуритового шарика.

По сравнению с предшествующим временем в пору Сиалка II совершенствуется глиняная посуда. Р. Гиршман даже предполагает, что ее начали обжигать в специальных печах, подобных той, которая была найдена в самом основании слоя Сиалк III. Распространяются чашки на конических поддонах. В росписи по-прежнему преобладает геометрическая орнаментация, причем особенное распространение получают фигуры, покрытые штриховкой. Заштрихованы и схематические фигуры козлов, впервые

²⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток . . . , стр. 183—184.

³⁰ М. П. Петров. Иран, стр. 35, и карта на стр. 37.

появляющиеся среди украшающих посуду узоров. Кроме этих животных, распространяются и линейно-схематичные изображения птиц. В целом орнаментация еще сравнительно проста и несложна, хотя часто сплошное покрытие сосуда повторяющимися элементами рисунка придает ему пестрый и весьма нарядный вид.

Весьма ограничены наши сведения о хозяйственной деятельности обитателей Тепе Сиалк. Собственно говоря, имеющиеся материалы позволяют сделать лишь весьма общий вывод о наличии сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики. Остеологический материал почти не опубликован и статистически не обработан, что, впрочем, относится к подавляющему большинству раннеземледельческих памятников Ирана и Месопотамии, где эффектная расписная керамика обычно заслоняет в глазах исследователей менее броские, но научно не менее ценные находки и материалы. Многочисленные керамические на прясла свидетельствуют о широком распространении ткачества. Напоминая по форме напрясла среднеазиатских земледельцев, сиалковские образцы при этом украшены не нарезным и точечным орнаментом, более характерным для Средней Азии, а расписными узорами.

В настоящее время в оазисах центрального Ирана, орошаемых небольшими речками с паводковыми режимами, распространено устройство водохранилищ, позволяющих регулировать равномерное поступление воды на поля. Трудно судить, устраивались ли подобные водохранилища в пору существования ранних комплексов Сиалка. Остатки небольшого водохранилища конца IV — начала III тыс. до н. э. были открыты на юго-западе Средней Азии у одного из поселений Геоксюрского оазиса. Во всяком случае земледельческие племена, занимавшие оазисы Кума, Тегерана, Кашана, Саве, должны были столкнуться с необходимостью устройства соответствующих сооружений при стремлении расширить посевные площади или регулировать урожайность полей в соответствии с численным ростом населения.

Северный холм Сиалка, образованный слоями комплексов Сиалк I и II, является типичным памятником для Ирана раннеэнолитического периода. Другие памятники этого времени или меньше раскопаны, или хуже изданы, и наши сведения о них ограничиваются, как это бывает весьма часто, более или менее полными керамическими коллекциями. Эти коллекции позволяют говорить о существовании нескольких культурных вариантов, возможно соответствующих областям обитания племенных групп древностей. Выше мы ознакомились с культурой центрально-иранских племен. Судя по типам расписной керамики, особую группу образовывали племена, населявшие долины северо-западного Загроса и, возможно, являвшиеся потомками носителей культуры типа Тепе Сараб.

Единственным сравнительно полно исследованным памятником этого района является Гиян, но и здесь стратиграфия древнейших наслоений довольно аморфна и неопределенна из-за отсутствия выделенных строительных комплексов.³¹ Слои, соответствующие по времени комплексам Сиалк I и II, достигают в Тепе Гияне мощности 5 м (Гиян VA—VB). Здесь отмечены остатки глинобитных стен, возводившихся, как это обычно для горных областей, на каменном фундаменте. Г. Контено и Р. Гиршман отмечают наличие кремневых и обсидиановых изделий, ни одно из которых, однако, не опубликовано. В слое Гиян VB найдены медные булавки с четырехугольным сечением. Лепная от руки посуда характеризуется, как и в Сиалке, примесью к глине рубленой соломы. Роспись одноцветная, но мотивы ее в целом отличны от орнаментики Сиалка. В частности, уже в слое Гиян VA появляется мальтийский крест. Некоторые орнаменты из этого слоя можно трактовать как схематизированные изображения людей или летящих птиц. В слое Гиян VB в росписи на посуде появляются фигуры козлов и птиц, но в отличие от Сиалка туловища козлов передаются залитым контуром. Керамика типа Гияна V отмечена в целом ряде древних поселений северо-западного Загроса, крупнейшим из которых является Чига-Пахан, холм, достигающий площади в 13 га, расположенный в плодородной долине Кухи-Дешт.³² Однако на большинстве этих памятников не производилось планомерных раскопок, и поэтому трудно судить о наличии здесь материала тех или иных фаз, выделяемых внутри комплекса Гиян V.

Третья группа племен поры раннего энеолита занимала область современного Хузистана, тесно соприкасаясь в горных районах с племенами гиянской культурной общности. Хузистан с его плодородными почвами и финиковой пальмой, остающейся и поныне одной из основных продовольственных культур, характеризуется вместе с тем жарким сухим климатом, и проникшие сюда первые земледельцы несомненно столкнулись со значительными трудностями в орошении полей. Их поселения располагались в плодородной полосе, вытянувшейся вдоль одного из небольших притоков р. Диза, или Аби-Диза. Это были небольшие деревни, оплывшие холмы-руины которых занимают ныне площадь в 1.5—2 га. Разведочные раскопки позволили установить стратиграфическую последовательность раннеэнеолитических комплексов, предшествующих культуре Сузы I. Эти прото-

³¹ G. Contenau, R. Ghirshman. *Foilles du Tépé-Giyan.* . . . , pp. 62—66. В настоящее время принята дробная стратиграфия Гияна, предложенная Д. Мак-Кауном (CSEI, pp. 13—19).

³² A. Stein. *Old Routes.* . . . , pp. 261—264, pl. XII—XIII. Д. Мак-Каун отмечает, что большинство находок, происходящих с этого памятника, относится ко времени не позднее Гияна VB (CSEI, p. 19).

эламские или сузианские комплексы получили наименования: Джаларабад, Джови и Бендебаль.³³

Для комплекса Джаларабад, открытого в нижних слоях холма того же наименования, характерна грубая керамика, в том числе крупные корчаги для хранения с подкосом в придонной части, подобные пифосам хассунской культуры. Часть сосудов украшена несложным геометрическим орнаментом, среди мотивов которого чаще всего повторяются ромбы с сетчатым заполнением. В одном случае как будто изображена группа людей, держащихся за руки. Интересно наличие резного орнамента, составляющего специфическую черту джафараабадской керамики. Помимо глиняной посуды, в нижних слоях Джаларабада обнаружены кремневые пластинки, отщепы и нуклеусы. Судя по подъемному материалу, в пору Джаларабада была обжита и вторая группа древнеэламских поселений, известная под именем муссиянской и расположавшаяся также в подгорном районе, по среднему течению р. Абданана.³⁴

Для следующего этапа, характеризуемого комплексом Джови, мы уже располагаем значительно более разнообразным материалом. Хотя в соответствующих слоях не обнаружено пока медных предметов (напомним, что произведены лишь разведочные раскопки с целью установления стратиграфии), расцвет металлургии в пору Сузы А не оставляет сомнений, что ее начальные этапы относятся к весьма раннему времени. Для времени Джови известны многочисленные каменные орудия, в том числе тесла и мотыги, одна из которых сохранила следы битума, видимо скреплявшего ее с деревянной или роговой рукоятью. Весьма многочисленны терракотовые напрясла, украшенные росписью и имевшие в отличие от Сиалка не конусовидную, а колесикообразную форму. С самого поселения Джови происходит и коллекция мелкой терракотовой скульптуры, преимущественно фигурок быков, козлов и баранов, часто украшенных вертикальными полосами. Имеются и фрагменты женских статуэток. Значительный

³³ О раскопках соответствующих памятников см.: R. de Mecquenem. Fouilles préhistoriques en Asie occidentale. L'anthropologie, t. 48, №№ 1—2, 1938, pp. 68—70; L. Le Breton. Note sur la céramique..., pp. 124—193. В выделении среди этих материалов трех комплексов мы следуем за Д. Мак-Кауном (D. E. MacGowen. The relative stratigraphy and chronology of Iran, p. 58). Ле Бретон выделяет еще четвертый комплекс, что, как нам кажется, основано на несущественных деталях (L. Le Breton. The early periods at Susa..., p. 84), и предлагает эти четыре комплекса назвать Сузиана *a*, *b*, *c* и *d*. Сузиана *a* соответствует комплексу Джаларабад, Сузиана *b* и *c* — комплексу Джови, а Сузиана *d* — Бендебалю.

³⁴ L. Le Breton. Note sur la céramique..., p. 215. Возможно, в это время существовал и ряд поселений в районе Суз. См.: L. Vandenberghe. Les ateliers de la céramique peinte chalcolithique en Iran sud-ouest. RA, t. XXXIX, 1952, p. 4.

прогресс наблюдается и в глиняной посуде. Качество ее изготовления повышается, а в монохромной росписи наряду с простыми геометрическими мотивами появляются фигуры животных, в том числе линейные рисунки козлов, неожиданно находящие довольно близкие среднеазиатские параллели³⁵ (рис. 33). Следует отметить и фигуру стоящего человека с луком в руках, хотя кремневых наконечников стрел при раскопках пока не было обнаружено. Таким образом, многое в комплексе Джови, в том числе появление зооморфных и антропоморфных изображений, как бы предвосхищает блестящий расцвет времени Сузы А. Однако еще почти не встречаются пуговицевидные печатки. По сути дела лишь небольшая плакетка из битума, из подъемного материала в Тепе Джови, может быть отнесена к этому кругу изделий.³⁶

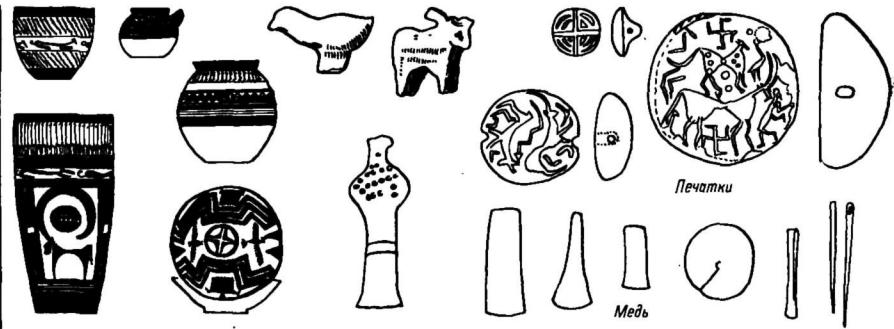
Комплекс типа Бендебаля, отмеченный в верхних слоях одиночного холма и на Тепе Бухаллан, изучен несколько хуже. Видимо, это был сравнительно короткий этап (мощность соответствующих слоев достигает 2 м), образующий переход к культуре Сузы А. В это время каменные кельты еще сохраняются в употреблении, а на керамике мы часто видим изображения животных. Появляются пуговицевидные печатки, и если бы были открыты могилы этого времени, то набор медных орудий был бы, вероятно, не менее значителен, чем в некрополе древнейших Суз. Во всяком случае на границе хребтов Загроса и аллювиальной долины Хузистана мы видим ту же постепенную эволюцию раннеземледельческих общин, что и в Кашанском оазисе.

Еще более ограниченны имеющиеся материалы, характеризующие четвертую группу земледельческих племен южного энеолита, располагавшуюся в горах южного Загроса. Центральный Загрос, или Бахтиарские горы, представляет собой наиболее высокую и труднодоступную часть этой горной системы. Неудивительно, что здесь сравнительно немногочисленны и поселения древних земледельцев. Наоборот, в южном Загросе, особенно в Ширазской котловине, славящейся и в настоящее время своими родниками и садами, мы находим большое число древних поселков с процветающей культурой. Таково прежде всего поселение Тали-Бакун, расположение неподалеку от знаменных ахеменидских дворцов Персеполя. Так же как в Сиалке и в Анау, здесь сейчас расположено два холма, содержащих остатки поселений различной древности. Более ранний холм В характеризуется в нижних слоях (Бакун ВI) грубой и плохо обож-

³⁵ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 376—377.

³⁶ L. Le Breton. Note sur la céramique..., p. 151, fig. 19, 8.

Сузы I

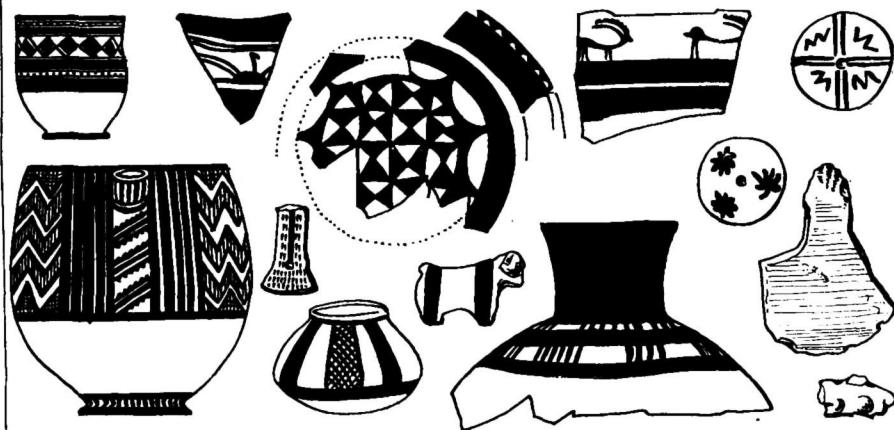
Печатки

Медь

Бандарбадын

Дэсүүн

Джагдаралтай

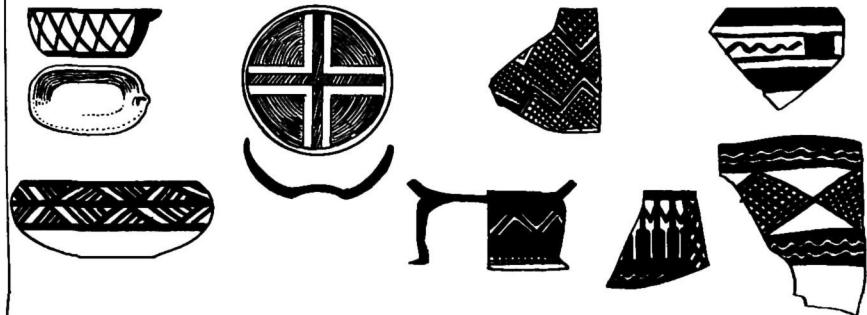

Рис. 33. Эволюция культуры Сузаны.

женной светло-коричневой посудой, лишенной орнаментации, и многочисленными кремневыми и костяными изделиями.³⁷ Выше, в слоях Бакун III, появляется расписная керамика с несложной геометрической орнаментацией (треугольники, зигзаги и т. п.). Разведки А. Стейна показали, что материал подобного типа имеется и на целом ряде поселений южного Загроса.³⁸ Недавние разведки В. Ванден Берге в районе Персеполя и Пасаргад привели к открытию ряда новых памятников этого культурного круга.³⁹

Не вполне ясными остаются восточные границы этой культурной общности. Безводные районы Мекрана с его засоленными почвами едва ли представляли особый интерес для древнейших земледельцев. И действительно, насколько можно судить по сбоям А. Стейна в районе Бемпуря и Хураба, оседлоземледельческая культура в этих местах в основном представлена относительно поздними памятниками, хотя не следует забывать, что нижние слои этих поселений не были изучены с должной полнотой. Высказывалось мнение, что среди подъемных материалов с поселения Тали-Иблис, к югу от г. Кермана, имеется керамика типа Гияна V,⁴⁰ однако в этом нет полной уверенности.⁴¹ Все, что мы пока знаем о раннеземледельческих культурах Мекрана и Кермана, не позволяет возводить их к более раннему времени, чем III тыс. до н. э., как, впрочем, и древнейшие оседлоземледельческие комплексы Сеистана и южного Белуджистана.⁴²

³⁷ CSEI, p. 22; N. Egami, S. Mesuda. Marv-Dasht, v. I, pp. 2—9.

³⁸ Д. Мак-Каун считает возможным отнести ко времени Бакун III поселения Тали-Сангги-Сиах, Тали-Риги-Мадаван и два других памятника в районе Мадавана. См. о них: A. Stein. An archaeological tour in ancient Persia, pp. 180—181, 183—190, pl. XXIII, XXIV, XXVIII. К этому времени, видимо, относятся и нижние слои Тали-Гап, датированные радиоуглеродным анализом 3900 (± 170) г. до н. э. См.: N. Egami, T. Sono. Marv-Dasht, v. II, p. 23.

³⁹ L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, pp. 41—42, pl. 49. Автор выделяет два комплекса (едва ли обоснованно именуя их культурами), предшествующие Бакуну А, — Тали-Джари В и Тали-Мушки. Их характеризует простая геометрическая роспись. Материалы типа Тали-Джари В отмечены на десяти памятниках. См. также: L. Vanden Berghe. 1) Archaeologische Opzoeken in de Marv Dashtvlakte. Jaarbericht ex Oriente Lux, v. XII, 1952, pp. 211—220; 2) Archaeologische Navorsingen in de Omstreken van Persepolis. Ibid., v. XIII, 1954, pp. 394—408.

⁴⁰ L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien, p. 18.

⁴¹ A. Stein. Archaeological reconnaissances..., pl. XXIV. В свое время автором настоящей работы было высказано предположение о наличии на Тали-Иблисе керамики джейтунского типа (В. М. Масон. Джейтун и Кара-Депе. CA, 1957, № 1, стр. 147, прим. 1). Несмотря на некоторое внешнее сходство орнаментов (например, у А. Стейна, табл. XIV, 85, 178, и ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 330, табл. I, 2, 4), такой вывод является преждевременным.

⁴² См. ниже, стр. 259.

Таковы археологические материалы, характеризующие раннеэнеолитический период истории Ирана. Это было время существования многочисленных небольших поселков земледельческо-скотоводческих племен, начавших употреблять медные орудия и украшать глиняную посуду красочными узорами. Домашние промыслы еще не стали ремеслами. Литье меди неизвестно, глиняная посуда изготавливается ручной лепкой, без применения гончарного круга. Вероятно, это было время экспансивного распространения земледельческой культуры на новых территориях. В этом отношении особенно показательно следующее обстоятельство. Из четырех охарактеризованных выше племенных групп три — гианновская, сузианская и тали-бакунская — по характеру культуры тесно связаны между собой и представляют, по сути дела, локальные варианты большой культурной общности, именовавшейся Д. Мак-Кауном «Buff-ware culture».⁴³ Скорее всего это свидетельствует и об общности происхождения всех трех групп раннеzemледельческих общин. Между тем древнейшие этапы сложения производящего хозяйства отмечены пока лишь в одной из трех названных областей — в северо-западном Загросе, где обилие осадков позволяет выращивать пшеницу и ячмень без применения искусственного орошения. Естественно возникает вопрос: не в результате ли расселения из северо-западного Загроса племен, уже изготавливших нарядную расписную посуду, сложились земледельческие поселки в Хузистане, Бахтиарии и районе Шираза? Этим может быть объяснена значительная культурная общность всех названных областей, тогда как возникновение локальных различий вполне естественно при расселении родственных племен на большой территории, как это можно было наблюдать на примере Геоксюрского оазиса в Средней Азии. Возможно, в Хузистане, Бахтиарии и Ширазе также происходил процесс сложения новых форм экономики, что облегчало ассимиляцию пришельцами местного населения. Достаточно вспомнить комплекс Бакун VI, грубая нерасписная керамика которого не могла послужить основой для расписной посуды Ба-

⁴³ CSEI, pp. 13 sqq. Не вполне удачной в силу формалистического подхода следует признать попытку Л. Ванден Берге выделить ряд «школ» расписной керамики юго-западного Ирана (L. Vanden Berghe. Les ateliers de la céramique peinte...). Л. Ванден Берге выделяет «школы», исходя из формально-стилистического анализа, пренебрегая всеми прочими факторами, в результате чего получается, что на одном и том же поселении в одно и то же время производилась посуда двух разных «школ». Нельзя забывать, что в данном случае мы имеем дело не с искусством классового общества, а с первобытнообщинным строем, где гончаром теоретически являлся каждый член общества и украшал посуду теми или иными узорами не в силу своей приверженности к какому-либо художественному направлению, а исходя из существующих традиций данного родового или племенного объединения. Вполне естественно, что в орнаментике родственных или рядом расположенных общин наблюдается целый ряд общих явлений.

куна ВII. Не имеет ничего общего с расписной керамикой Сузаны и посуда из пещеры Танги-Пабда, расположенной к северо-востоку от Суз.⁴⁴ К сожалению, на территории северо-западного Загроса пока произведены лишь ограниченные и малоудовлетворительные раскопки раннеземледельческих поселений, что существенно затрудняет всестороннее рассмотрение этой проблемы.

В период развитого энеолита мы наблюдаем в среде земледельческих общин Ирана зарождение и развитие ремесел, в результате чего некоторые племенные группы вырываются вперед и существенно опережают своих современников. Земледельческие поселки появляются в ряде новых областей, что может быть связано с продолжающимся процессом расселения, если только не является отражением неполноты наших знаний для ранних периодов. Происходящие в этот период изменения вполне определенно выступают уже на материалах, характеризующих центральноиранскую группу племен. Это было время существования комплекса типа Сиалка III. В Кашанском оазисе в эту пору существует поселение площадью около 3,5 га на месте так называемого южного холма. Материалы из Исмаилабада, Чешме-Али и Муртэзигирда в районе Рея показывают, что продолжает процветать и Тегеранский оазис. Появляется поселение в районе Дамгана — широкоизвестный в специальной литературе Тепе Гисар, где древнейшие слои (Гисар IA) одновременны ранним наслоениям Сиалка III. Возможно, поселок Гисар возник в результате продолжающегося процесса расселения раннеземледельческих племен. Во всяком случае, и это весьма убедительно показал Д. Мак-Каун,⁴⁵ в культуре древнейшего Гисара явственно прослеживается связь с традициями второго комплекса Тепе Сиалк.

Раскопки Сиалка ясно показывают, что и местная культура этого времени закономерно развивается на основе старых традиций. Поселок состоял из многокомнатных домов, возводившихся из сырцового кирпича прямоугольной ($38 \times 18 \times 10$ см; $41 \times 22 \times 10$ см) или квадратной ($30 \times 30 \times 10$ см) формы. Как и на среднеазиатских поселках, эти дома разделялись узкими улочками. Изредка стены с внутренней стороны окрашивались в красный цвет.⁴⁶ В один из периодов обитатели этих домов оказались застигнутыми на месте какими-то трагическими событиями: на полу одного из помещений был расчищен скелет женщины, прикрывавшей руками двух детей, придавленный сверху грудой

⁴⁴ Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Paris, 1949, pp. 196—199. Л. Ванден Берге предполагал, что Танги-Пабда одновременно Сиалку I (L. V a n d e n B e r g h e. Archéologie de l'Iran ancien, p. 66). См. также выше, стр. 41.

⁴⁵ CSEI, p. 7.

⁴⁶ О домах Сиалка III см. стр. 336.

сырцового кирпича. В этом же доме обнаружен другой скелет взрослого человека, придавленного рухнувшей стеной. Видимо, прав Р. Гиршман, предполагающий, что в данном случае мы имеем дело с катастрофическими последствиями землетрясения.⁴⁷ Найдены также скелеты людей, которых их соплеменники смогли похоронить в соответствии с существовавшими обрядами. Способ захоронения явственно указывает на связь с предшествующей традицией: умершие погребались в скорченном положении, на правом или левом боку, и некоторое время (Сиалк III, 1—3) на черепах еще встречаются следы красной краски, покрывающей кости скелетов, найденных в слоях Сиалка I и II.

Сходным образом продолжение старых традиций можно наблюдать и в керамическом материале. Но в технологии производства керамики происходят весьма существенные перемены. Теперь уже нет сомнений в том, что она обжигалась в специальных печах: один такой овальный в плане горн был найден в слое Сиалк III, 1. По мнению Р. Гиршмана, эта печь была двухъярусной,⁴⁸ хотя возможно и иное толкование.⁴⁹ Кроме того, начиная со слоя Сиалк III, 4, глиняная посуда начинает изготавливаться на гончарном круге.⁵⁰ Широко распространяются шаровидные сосуды на подставках, вазы, стройные бокалы. Вместе с тем примечательно, что в отличие от урукского Шумера, где ремесленизация оказалась гибельной для художественного мастерства, распись на сосудах не исчезает. Расписная посуда типа Сиалка III отличается ярким и своеобразным стилем (рис. 34). Наряду с геометрической орнаментикой широко распространены рисунки козлов, птиц, змей, лошадей, быков, барсов и людей. Иногда мы встречаем сцены с участием целого ряда персонажей, что, возможно, указывает на наличие каких-либо мифологических сюжетов. Фигуры животных, как правило, переданы силуэтным рисунком. Это не мешало художникам в отдельных случаях добиваться значительной выразительности (бегущие птицы, горные козлы с чуть наклоненной головой).

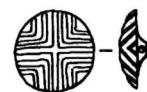
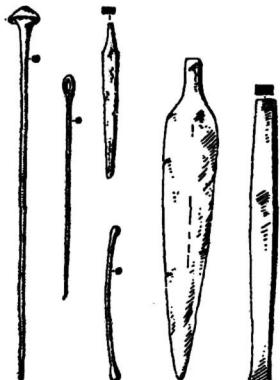
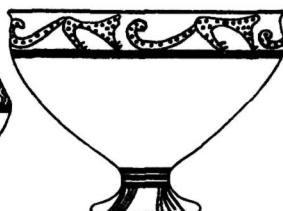
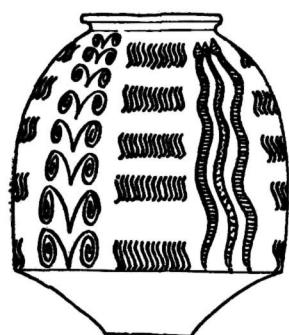
Помимо гончарного производства, значительный прогресс мы обнаруживаем и в металлургии. Здесь дело заключается не только в том, что по сравнению с периодом раннего энеолита число медных изделий существенно возросло, а их набор стал более разнообразен. Наряду с ковкой теперь стало известным и литье. В закрытых формах отливаются топоры с поперечным лезвием,

⁴⁷ R. G i r s h m a n . Fouilles de Sialk, v. I, pp. 42, 44.

⁴⁸ Там же, стр. 36.

⁴⁹ В. И. С а р и а н и д и . Керамическое производство древнемаргийских поселений. ТЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 343—344.

⁵⁰ В Месопотамии, как известно, гончарный круг появляется в период Урука. Сиалк III, 4 следует, видимо, относить ко времени позднего Урука, хотя большинство исследователей предпочитает более раннюю датировку.

Металл

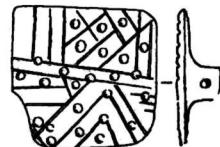

Рис. 34. Комплекс Сиалк III.

тесла, кинжалы.⁵¹ Кроме этих вещей, известны проколки, иглы, булавки, пробойники и даже небольшая серебряная бляшка. Как и применение гончарного круга, первые литые изделия связаны со слоем Сиалк III, свидетельствуя о начавшемся в это время превращении домашних промыслов в специализированные ремесла.

Наконец, третье явление, отмечаемое в пору Сиалка III, также скорее всего было связано с происходившими в это время изменениями в хозяйстве и обществе. Мы имеем в виду появление пуговицвидных печатей с несложным геометрическим рисунком. Одна из таких «печаток» была найдена в погребении, что, возможно, свидетельствует об их употреблении в качестве амулетов. Однако находки оттисков на глине ясно указывают, что подобные изделия использовались и как печати. Это явление весьма характерно для Ирана поры развитого энеолита, с чем мы еще столкнемся в дальнейшем. Наиболее вероятным является предположение о связи этих «печатей» с развитием собственности⁵² отдельных лиц или большесемейных коллективов.

Прогрессивные изменения, столь отчетливо выступающие в материалах Сиалка, наблюдаются и в других поселках земледельцев центрального Ирана. На Теле Гисаре у Дамгана, небольшом поселке площадью около 2 га, возникающем как раз в рассматриваемый период, в слое Гисар IА еще распространена посуда ручной лепки, в то время как начиная со слоя Гисар IV широко распространяется гончарный круг. Формы сосудов и мотивы росписи, среди которых следует отметить козлов, птиц и барсов, представляют собой как бы провинциальную реплику процветающего гончарного производства Сиалка. Сравнительно многочисленны и медные изделия — кинжалы, наконечники копий,

⁵¹ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, p. 45; Г. Чайльд. Древнейший Восток..., стр. 293.

⁵² М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 36. К этой мысли склоняется и большинство западных исследователей, хотя и не ставит ее в связь с историей первобытного общества. Э. Шмидт полагал, что в пору Гисара I подобные печатки, часто находимые в могилах, являлись лишь украшениями и амулетами, поскольку в соответствующих слоях Теле Гисара не было встречено их оттисков на глине (E. Schmidt. Excavations at Tere Hissar. Damghan. Philadelphia, 1937, p. 54). Однако для одновременных слоев Сиалка подобные оттиски уже известны. Кроме того, вполне естественно, что предметы, первоначально являвшиеся лишь личными амулетами, со временем стали использоваться в качестве печатей, о чем ясно свидетельствует магическая семантика древнейших печатей и цилиндров. Распространение печаток и их оттисков находит прямые параллели в этнографических материалах, свидетельствующих о том, что в связи с индивидуализацией хозяйства личная собственность охраняется религиозными запретами, или табу. При этом знаки, обозначающие табу, чертятся краской или вырезаются на предметах, находящихся в личной собственности. См.: В. И. Радоника. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 83—84.

тесла, иголки, кольца, булавки и шилья. Часть из них, возможно, отливалась в специальных формах. Характерной чертой культуры являются и печатки, делавшиеся преимущественно из гипса и известняка. Покойники хоронились в ямах в скорченном положении, здесь же, на территории поселка, и в качестве погребального инвентаря в могилу, помимо личных украшений в виде браслетов и ожерелий из бус, помещались 2—3 сосуда. Однако начиная со слоя IC, встречаются захоронения, которые являются уже относительно богатыми.⁵³

Насколько можно судить по раскопкам Тепе Гияна, известные изменения происходят в этот период и в культуре племен северо-западного Загроса. Синхронизируемые с Сиалком III слои Гиян VC и VD достигают мощности в 6 м. Здесь более частыми, чем прежде, становятся медные предметы, среди которых следует упомянуть массивное тесло. Появляются печатки в росписи на керамике, о технике изготовления которой, к сожалению, нет сведений, появляются изображения козлов, птиц, барсов, иногда близко напоминающие роспись гончаров Сиалка. Встречены детские захоронения в сосудах, что заставляет вспомнить обычай, существовавший еще в пору Хассуны.⁵⁴ Несомненно, что в рассматриваемый период уже сложилось как крупное поселение Чига-Пахан площадью около 13 га, вероятно бывшее важным центром загросских племен.⁵⁵ Здесь, помимо фрагментов керамики, обнаружены медные проколки, каменные печатки, кремневые пластины, терракотовые фигурки животных и осколок обсидиана. Показательно, что этот значительный поселок расположен в одной из плодороднейших долин Загроса — Кухи-Депт, в зоне, богатой естественными осадками.

На значительно более обширном материале можно проследить эволюцию хозяйства культуры племен Сузианы, которые довольно скоро оставляют далеко позади всех своих современников на территории Ирана. В начале этого процесса находится комплекс Сузы I, или, как его сейчас именуют, Сузы A, открытие которого Жаком де Морганом имело в свое время характер научной сенсации.⁵⁶ В пору Суз A жизнь продолжалась на целом ряде более

⁵³ Так, например, в погребении DH 43 X-8 было найдено 9 сосудов, медная булавка и медная печатка, 11 каменных печаток, ожерелье и браслеты из бус на ногах.

⁵⁴ См. выше, стр. 58.

⁵⁵ A. Stein. Old routes..., pp. 261—264, pl. XI—XII. Керамика типа Гияна VD, связанная с верхними слоями Чига-Пахан, распространена по всей площади этого памятника.

⁵⁶ Основная публикация материалов: J. de Morgan. Description des objets d'art. MDP, t. I, Paris, 1900; t. XIII, Paris, 1912; R. de Mecquenem. 1) Notes sur la céramique...; 2) Fouilles de Suse, 1929—1933. MDP, t. XXV, Paris, 1934; 3) Fouilles préhistoriques...; L. Le Breton. Note sur la céramique..., pp. 193—210; E. Pottier. Corpus vasorum

ранних земледельческих поселков Хузистана. Так, верхние слои поселения Джаларабад толщиной в 2 м дали характерную расписанную посуду типа Суз А, типичное для этого времени круглое зеркало из меди, глиняные фигурки людей и животных, каменные печатки и ряд других предметов. Вместе с тем появляются и новые памятники, среди которых прежде всего следует назвать само поселение Сузы, со временем ставшее столицей всего Хузистана, или Элама, как обычно именуют эту область в исторических работах. Поселение, существовавшее здесь в пору Суз А, было весьма обширным по площади — слои этого времени обнаружены на холмах так называемого Акрополя и Ападаны, т. е. на протяжении около 800 м в длину. В царском городе материалов типа Суз А нет: этот район был освоен несколько позже. Правда, трудно судить по материалам разведочных шурфов, насколько сплошной была застройка в пору Суз А, но повсюду соответствующий материал лежит непосредственно на материке. Первые поселенцы использовали для обитания естественный холм, имевший в высоту до 9 м и, как есть основания полагать, на краю холма возвели глинобитную стену. За стеной располагался некрополь, раскапывавшийся Ж. де Морганом без должной тщательности и документации. Насколько можно судить по имеющимся сведениям, умершие помещались в вытянутом или слабо скрученном положении. Обычно их сопровождало значительное количество расписных сосудов и медные предметы — тесла в мужских погребениях и круглые зеркала в женских. Позднее на территории самого поселения, где соответствующие слои достигают 2—3 м, также были открыты погребения, но на этот раз исключительно детские. Их инвентарь обычно включал два сосуда, печатку-амulet и глиняное прядлице, иногда в виде колесика.⁵⁷

Так же как и в Сиалке III, в комплексе Сузы А мы наблюдаем прогресс в трех областях: в гончарстве, в металлургии и в широком распространении амулетов-печаток. Глиняная посуда обжи-

antiquorum, fasc. 1. Paris, 1923. Группа керамики типа Суз А имеется в Государственном Эрмитаже. См.: И. И. Мещанинов. Орнамент сузианских чащ первого стиля. ИГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 417—448. Раскопки, проводившиеся в Сузах даже в 30-е годы, отличались неточностью стратиграфических наблюдений. Лишь кропотливая работа над добытыми материалами и их сравнение с месопотамской шкалой позволяет проследить этапы историко-культурной эволюции. В этом отношении основными являются работы: CSEI, pp. 19—22, 43—46; L. Le Grelon. The early periods at Susa. . .; историческую характеристику соответствующих материалов см.: Г. Чайд. Древнейший Восток. . ., стр. 211—227.

⁵⁷ В отчетах эти колесики именуются иногда частью повозок (R. de Месциепем. Fouilles préhistoriques. . ., р. 65). Однако странно, что в могилу помещалось колесо без повозки и к тому же лишь одно (если считать, что кузов повозки был деревянным).

галась в специальных печах, остатки которых найдены в ряде мест древнего поселения. Большинство изящных тонкостенных сосудов этого времени лепилось от руки. Однако Л. Ле Бретон, многие годы работавший в Сузиане, указывает, что в ряде случаев можно говорить и о применении гончарного круга медленного вращения.⁵⁸ Как и на среднеазиатских поселениях поры развитого энеолита, расписная керамика в Сузах составляла лишь определенную часть гончарной продукции. Наиболее обычной была гладкая посуда ровного красного цвета, тогда как парадная посуда, в том числе и помещавшаяся в могилы, покрывалась одноцветной росписью. Здесь, как и в одновременных поселках других областей Ирана, наряду с геометрическими мотивами широко распространены рисунки различных, нередко весьма схематизированных животных, представляющие собой как бы условную пиктограмму. Роспись сузианской керамики отличается изяществом и большим чувством ритма и композиции. Весьма характерны для нее фигуры козлов со смело закрученными рогами, вытянутые, как бы распластанные в беге собаки, внутри чаш — летящие птицы, иногда расположенные по кругу и, видимо, передающие вихрь непрерывного движения. Встречаются также идущие или стоящие птицы разных пород, рыбы, люди, иногда держащие в руках лук. Как по тематике, так и по стилю росписи эта посуда является закономерным продолжением более древних традиций Сузианы времени существования комплексов типа Джови и Бендебаль.

Медные предметы, находимые как в составе погребального инвентаря, так и непосредственно в культурном слое, свидетельствуют об их широком распространении в быту. Это плоские тоны и тесла, шилья, иглы, зеркала диаметром до 19 см. Правда, до проведения специальных исследований трудно судить, применялось ли литье в специальных формах, что мы наблюдали в материалах Сиалка. В большом количестве в слоях Сузы А распространяются и печатки, обычно имевшие пуговицеобразную форму. Помимо геометрических фигур, таких же как и на печатках Гисара и Сиалка, на печатках из Суз мы видим схематизированные фигуры людей и животных, в том числе козлов. Найденные в могилах бусы из лазурита свидетельствуют о том, что связи многостепенного обмена уходят в эту пору на многие сотни километров. Естественно, что наблюдаемый общий культурный и хозяйственный прогресс был тесно связан с увеличением населения. На примере Суз мы видели, что в это время основываются новые поселки. Французские археологи насчитывают в районе между Дизфулем и Шуштером 18 поселений с архаической расписной керамикой, к которым следует добавить три поселения в районе

⁵⁸ L. Le Breton. The early periods at Susa . . . , p. 91.

Мусияна и горный поселок Козогаран, тяготеющий по типам расписной посуды к мусиянской группе. Густо заселенное плодородное междуречье Каруна и Керхе становится важнейшим центром Ирана, где дальнейшее развитие протекает в том же направлении, что и экономическая и культурная эволюция южного Двуречья. Особенно наглядно это выступает на примерах комплексов Сузы В и Сузы D, заполняющих разрыв между Сузами I и Сузами II старой классификации Ж. де Моргана.

В свете современных представлений об абсолютной хронологии комплекс Сузы А может быть ориентировочно отнесен к середине IV тыс. до н. э. Во второй половине этого тысячелетия в Хузистане происходит интенсивный процесс становления городской цивилизации, не вполне удачно именуемый Г. Чайлдом «городской революцией». В пору Суз В на хузистанских поселениях уже почти вся керамика изготавливается с помощью гончарного круга. Одновременно, как это наблюдается и в южном Двуречье, исчезает роспись на сосудах: ремесленничество убивает художественные промыслы. Наряду с керамикой красного цвета появляется желто-серая посуда, напоминающая по фактуре так называемую урукскую керамику Шумера. Близкие параллели наблюдаются и в формах керамики, среди которой широко распространяются разнообразные сосуды с трубчатыми носиками и чаши с петлеобразными ручками. Сходство это настолько велико, что некоторые исследователи полагают, что перед нами следы прямого воздействия южного Двуречья на Элам, выразившегося, по мнению Г. Чайлда, в проникновении «специалистов-ремесленников из Шумера после установления там урукской культуры».⁵⁹ Это утверждение легко можно было бы принять, если бы в Шумере урукская керамика являлась бесспорным результатом эволюции расписной посуды убейдской культуры. Однако различие там столь велико, что некоторые исследователи готовы видеть в распространении урукской керамики результат какого-то вторжения с севера.⁶⁰ Не входя в данном случае в детальное обсуждение проблемы, заметим, что логичнее видеть в происшедших изменениях отражение ремесленизации гончарного производства, что привело к упадку расписной посуды, производившейся в пору Убейда в Шумере и в пору Суз А в Эламе.

⁵⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 227.

⁶⁰ Там же, стр. 194. Г. Чайлд пишет: «Поскольку красная и серая керамика и сосуды с ручками еще задолго до этого имели широкое распространение в северной Сирии и Палестине, вполне возможно, что эта новая волна явилаась с запада или с северо-запада». Однако в это время в Сирии производилась не красная и серая керамика, а посуда местного варианта Убейда, гончарный же круг не был известен ни в Сирии, ни в Палестине. Появление этого инструмента было обусловлено становлением ремесла, а не переселениями племен.

Для времени Суз В уже не приходится сомневаться в наличии развитой металлургии: топоры с поперечным лезвием несомненно отливались в специальных формах. Довольно сложным изделием были и медные булавки с навершием в виде фигурки какого-либо животного. Печати в основном сохраняют прежнюю пуговицеобразную форму, но на них все чаще появляются изображения антропоморфных существ.

Еще больший прогресс мы наблюдаем в комплексе Сузы С. Само поселение в это время, как и в пору Суз А, занимает территорию на месте двух холмов: Акрополя и Ападаны, но это уже не архаический поселок земледельцев, каким мы застаем его в середине IV тыс. до н. э. Среди керамики, изготовленной с помощью гончарного круга, лишь изредка встречаются расписные сосуды с несложной геометрической орнаментацией. Об успехах металлургии лучше всего свидетельствует появление свинцовых сосудов с носиком. Наконец, появляются цилиндры и первые таблетки с пиктографическим письмом, отличным от пиктографии Шумера, что свидетельствует о независимом процессе становления письменности в южном Двуречье и в Эламе. Расшифровкаprotoэламских табличек — еще в значительной мере дело будущего, но ряд из них как будто представляет собой учетно-хозяйственные записи.⁶¹ Вполне естественно предположить, по аналогии с древнейшим Шумером, что хозяйственный учет был связан с наличием храмовых организаций. Действительно, на территории Акрополя, в том месте, где позднее располагались главные религиозные центры Суз, между слоями Сузы А и Сузы D, прослеживается сплошной глиняный массив, возможно представляющий собой террасу храма.⁶² Изображение монументального храма мы находим и среди отпечатков цилиндров, происходящих из слоев Сузы С⁶³ (рис. 35, 8, 9). В конце IV тыс. до н. э. Элам, ранее бывший лишь одной из областей расселения земледельческо-скотоводческих общин, стоит на пороге классового общества.

Это возвышение Сузаны становится особенно заметным, если мы обратимся к тали-бакунской группе раннеземледельческих племен, развитие которых в пору раннего энеолита мало чем отличалось от культуры хузистанских общин. Правда, и здесь мы наблюдаем подъем экономики и дальнейший прогресс культуры, но все это еще не выходит за рамки первобытнообщинного строя. Земледельческие общины широко расселяются по долинам

⁶¹ Обзор protoэламской письменности и каталог знаков см.: R. de Mecquenem. Epigraphie proto-élamite. MDP, t. XXXI, Paris, 1949.

⁶² R. de Mecquenem. Fouilles de Suse (campagnes 1923—1924). RA, t. XXIII, 1924, p. 106; H. W. Elliot and T. G. Elliot. Excavations in Mesopotamia and Western Iran. Cambridge Mass., 1950, pl. 25; L. Le Breton. The early periods at Susa..., p. 112.

⁶³ L. Le Breton. The early periods at Susa..., p. 112, fig. 20, 19.

южного Загроса,⁶⁴ проникают на негостеприимное побережье Персидского залива,⁶⁵ продвигаются по направлению к Мекрану.⁶⁶ В настоящее время известно около трех десятков памятников, дающих материал типа Тали-Бакуна А. Все это были небольшие поселки, представление о которых лучше всего дает само поселение Тали-Бакун, единственное, где проводились достаточно обширные систематические раскопки.⁶⁷

Холм Тали-Бакун А занимает площадь около 2 га и образован оплывшими руинами больших многокомнатных домов, видимо разделявшихся узкими улочками.⁶⁸ В помещениях иногда стояли непотревоженные сосуды, прикрытые камнем или черепком. В одном из таких сосудов, видимо, хранилось какое-то рыбное блюдо, в других обнаружены кости животных или раковины моллюсков. Интересно, что, несмотря на довольно значительный объем раскопок, не было обнаружено ни одного древнего погребения, что как бы нарушает столь характерную для ранних земледельцев Ближнего Востока традицию соединения на одной территории кладбища и поселка. Остатки сырцовых строений были обнаружены и в верхних слоях поселения Тали-Гап, одновременных Тали-Бакуну А. Здесь выделяется массивное помещение с прямоугольным очагом в центре, условно названное археологами святилищем.⁶⁹ Действительно, прямоугольный глинобитный очаг с бортиками близко напоминает месопотамские подиумы и очаги общественных домов Геоксюрского оазиса. В отличие от Тали-Бакуна здесь в культурном слое обнаружены погребения, в которых скелеты располагались в скорченном и почти вытянутом положении.

⁶⁴ Л. Ванден Берге сообщает, что им учтено около 20 поселений типа Тали-Бакуна А в районе между Персеполем и Пасаргадами (L. Vandenberghe. Archéologie de l'Iran ancien, p. 42). Вероятно, в их число включены два поселения у Пасаргад, изучавшихся иранскими археологами в 1951 г. (A. Sami. Pasargadae, the oldest imperial capital of Iran. Shiraz, 1956, pp. 24—25), и некоторые из памятников, обследованных А. Стейном (A. Stein. An archaeological tour in ancient Persia). Среди описанных в этой работе А. Стейна поселений по крайней мере 13 содержат материал типа Тали-Бакуна А.

⁶⁵ A. Stein. Archaeological reconnaissances..., pp. 221—223, pl. XXVIII—XXIX — поселение Тали-Пир в Харадже.

⁶⁶ Мы имеем в виду три поселения у Мадавана: A. Stein. An archaeological tour in ancient Persia, pp. 186—190.

⁶⁷ E. Herzfeld. Steinzeitlicher Hügel bei Persepolis. Iranische Denkmäler, IA, Berlin, 1932; A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A... Последнее издание отличается обстоятельностью и публикацией планов вскрытых строений в отличие от работ Э. Херцфельда. Работы японской экспедиции 1956 г. ограничились раскопом площадью 30 м² на холме А и шурфом 2×6 м на холме В.

⁶⁸ Анализ планировки см. ниже, стр. 337.

⁶⁹ N. Egami. T. Son o. Mary-Dasht, v. II, p. 23.

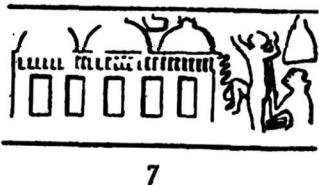
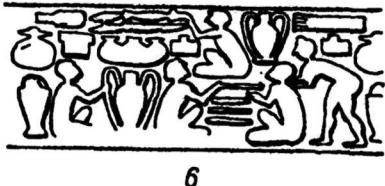
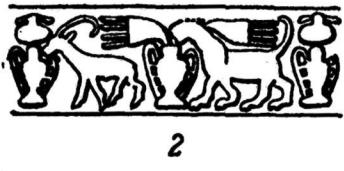
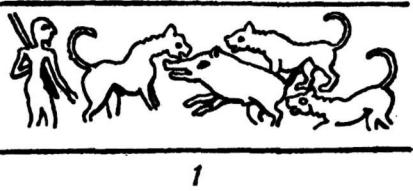

Рис. 35. Прорисовка цилиндрических печатей комплекса Сузы С.

Глиняная посуда производилась без помощи гончарного круга, но тем не менее отличается высоким качеством, напоминая близко посуду из некрополя времени Суз А. Обнаружены в Тали-Бакуне и печи для обжига керамики, представлявшие собой небольшие двухъярусные горны. Расписные сосуды Тали-Бакуна АII—IV, как и расписная керамика Суз, являются одним из наиболее выдающихся произведений гончарного искусства древности (рис. 36). Декоративная направленность этого искусства сказывалась на трактовке фигур животных, которые в это время, так же как в Сузах и Сиалке, пользовались особенной популярностью у тали-бакунских мастеров. Например, козлы со спирально закругленными рогами воспринимаются в первую очередь не как конкретный образ, а как составная часть пышной орнаментальной композиции. Чисто геометрический орнамент трактуется как зооморфный добавлением отдельных элементов фигур животных. Наряду с козлами были популярны рисунки баранов, змей, птиц, в том числе орлов. Реже встречаются быки, пятнистые барсы, рыбы, газели. Антропоморфные изображения крайне условны и, вероятно, связаны с какой-либо магической символикой. По сути дела, тех же животных, главным образом рогатых, можно видеть и в коллекции глиняных фигурок. Среди мелких статуэток как будто можно выделить также изображение льва, барса, птиц и собаки. Женские статуэтки, иногда с подпрямоугольными плечами и магическими знаками свастики, нанесенными красной краской, встречаются лишь начиная со слоя Тали-Бакун АIII.

Близко напоминает комплексы Сузы А и Сиалк III широкое распространение пуговицеобразных печаток, найденных в количестве 25 штук, не считая многочисленных отпечатков на глине. Все печатки имеют довольно несложную геометрическую орнаментацию, а изображения животных в отличие от Суз совершенно неизвестны. Среди глиняных булл с отпечатками интересно наличие экземпляра, несущего два различных оттиска. Имеются оттиски и на комках глины, определяемых исследователями как пробки или затычки сосудов.

Вместе с тем весьма поразительно отсутствие среди тали-бакунских материалов каких-либо медных изделий. Каменные песты, зернотерки, навершия булав, биконические терракотовые пряслица и глиняные ядра для прядки являются вполне обычным набором изделий рассматриваемого времени. Отсутствие же медных вещей, видимо, частично объясняется отсутствием некрополя, где погребальный инвентарь обычно дает богатые находки, а также редкостью медных руд в районе Шираза. Косвенным указанием на употребление, например, медных проколок служит, в частности, практическое отсутствие проколок костяных: в пяти слоях Тали-Бакуна А их найдено в сезон 1923 г. при большой площади раскопок всего две. Д. Мак-Каун отметил, что среди

находок А. Стейна в Тали-Риги, около Кемалабада, в слоях, соответствующих Бакуну AI—III, имеется часть медного кельта.⁷⁰ Возможно, к слою Бакун AIV принадлежит найденный на самом

Рис. 36. Комплекс Тали-Бакун А.

Тали-Бакуне при случайных обстоятельствах медный кинжал.⁷¹ Во всяком случае следует говорить не об отсутствии меди,

⁷⁰ CSEI, p. 24, note 32; A. Stein. An archaeological tour in ancient Persia, p. 128, pl. XXX, 31.

⁷¹ CSEI, p. 24, note 32.

а о крайней редкости этого металла у племен тали-бакунской группы в отличие от общин центрального Ирана или Сузианы.

Возможно, в какой-то связи с этим обстоятельством находится и относительно большое количество кремневых изделий, характерных для Тали-Бакуна и повлиявших на неверную историческую оценку этого памятника, данную Э. Херцфельдом. В сезон 1932 г. было обнаружено 1350 изделий из кремневых отщепов, среди которых первое место занимают ножевидные пластины, иногда сохранившие следы битума для прикрепления к рукоятке, и вкладыши серпов, обычно с зубчатой ретушью. Отметим, что такие находки вполне обычны и для комплекса Сузы А, с его вполне развитой металлургией. Кроме того, следует отметить многочисленные сверла, видимо использовавшиеся при изготовлении бус. Среди последних есть и лазуритовая бусина, свидетельствующая о проникновении этого полудрагоценного камня и в район Шираза.

Комплекс Тали-Бакун АII—IV во многом перекликается с Сузами А и, видимо, также должен быть отнесен ориентировочно к середине IV тыс. до н. э. Соответствующие Тали-Бакуну А слои поселения Тали-Гап датированы радиокарбоновым анализом 3480($\pm$ 120) г. до н. э. Последующая эволюция культуры ширазских общин остается не вполне ясной. В слое Тали-Бакун АV преобладает гладкая красная керамика, лишенная росписи, в факте появления которой Д. Мак-Каун едва ли обоснованно готов был видеть отражение каких-то миграций и передвижений народов.⁷² Раскопки других памятников показывают, что в это время в районе Шираза в незначительном числе сохраняется и расписная посуда, скромные геометрические орнаменты которой резко контрастируют с богатейшей росписью Тали-Бакуна.⁷³ Возможно, это свидетельствует об изменениях, в какой-то мере соответствующих процессам, происходившим в это время в Эламе. Однако в памятниках тали-бакунской группы нет ни цилиндров, ни таблеток с пиктографическими текстами, ни других явлений, свидетельствующих о становлении городской цивилизации в соседней Сузиане. Здесь начинает все больше сказываться неравномерность развития различных групп раннеземледельческих племен Ирана, и области южного Загроса постепенно превращаются в периферию Элама.

В известной мере эта периферийность ощущается и на северо-западе Ирана, где обследование ряда памятников в приурмий-

⁷² Там же, стр. 25.

⁷³ «Послебакуновский» комплекс был назван Л. Ванден Берге «культурой Тали-Кафтари». См.: L. Vand en Berghe. Archéologie de l'Iran ancien, p. 42, pl. 51. Как мы уже отмечали, нет оснований именовать все выделяемые Л. Ванден Берге комплексы особыми культурами.

ском районе⁷⁴ в общих чертах характеризует облик культуры обитавших здесь племен.

Уже в середине IV тыс. до н. э. горные долины к юго-западу от оз. Урмии были заселены земледельческо-скотоводческими племенами, основывавшими здесь небольшие поселки, подобные Гисару или холмам у Анау. Медный кельт, костяные проколки и обсидиановые пластины составляют ту небольшую коллекцию, которая характеризует орудия труда, применявшиеся обитателями этих поселений. Лепленная от руки посуда украшалась росписью, нанесенной темно-коричневой краской по светло-красному или кремневому фону. Преобладает простой геометрический рисунок, но встречаются также геометризированные изображения животных. Ряд параллелей эта роспись находит в слоях Гияна VC—VD, но ближе всего к ней стоят орнаментальные мотивы северного Убейда, известные по раскопкам Гавры (Гавра XIX—XVI). Возможно, перед нами какой-то локальный вариант северного Убейда, и тогда можно будет считать, что первые земледельцы приурмийских долин проникли сюда из северной Месопотамии.⁷⁵

Не исключено, что сходного типа культура характеризует и нижние слои Гей-Тепе (так называемый Гей-Тепе N), у г. Резайе, к востоку от оз. Урмия, оставшиеся, к сожалению, не вскрытыми до конца. По цветовой гамме расписная посуда из следующего слоя — Гей-Тепе M — близка посуде Пишдели-Тепе и, возможно, ей хронологически наследует. Орнамент этой посуды полностью геометрический и крайне несложный: горизонтальные волнистые линии или треугольники с сетчатым заполнением. В слое M обнаружены части сырцовых стен, основание которых выкладывалось из камня. Строения, которым эти стены принадлежали, имели в плане прямоугольные очертания, но законченных комплексов здесь вскрыто не было. Здесь были также обнаружены обломок медного ножа, кремневые и обсидиановые пластины.

Таковы в общих чертах материалы, характеризующие период развитого энеолита на территории Ирана. Это было время интенсивного развития земледельческо-скотоводческих общин. Новые поселения возникают в целом ряде районов (Сузы, Тепе Гисар),

⁷⁴ A. Stein. Old routes. . . , pp. 377—381, pl. XXIII; T. Burt on - Brown. Excavations in Azerbaijan. 1948. London, 1951; R. H. Dyson, T. C. Young. The Solduz valley. . . , pp. 19—26.

⁷⁵ Р. Дайсон и Т. Юнг прямо называют Pisdeli ware местным вариантом северного Убейда (R. H. Dyson, T. C. Young. The Solduz valley. . . , p. 22). В этой же статье приводится дата радиокарбонового анализа — 3500 (± 160) г. до н. э., подтверждающая подобные сопоставления. По непонятным причинам оба автора умалчивают о том, что этот комплекс впервые открыт еще А. Стейном и что Д. Мак-Каун останавливается на нем в своей сводке (CSEI, pp. 49—50).

в том числе там, где более ранние памятники оседлоземледельческой культуры пока неизвестны (приурмийская область). Но происходящие в эту пору процессы отнюдь не ограничивались количественным ростом раннеземледельческих общин, происходят и существенные качественные изменения, позволяющие говорить о выделении особого периода. Повсеместно происходит совершенствование керамического производства, появляются специальные гончарные горны довольно сложной конструкции. Во всех четырех основных областях обитания раннеземледельческих племен широко распространяются и амулеты-печатки, служившие также для обозначения собственности. Укрепляются межплеменные связи, о чем лучше всего свидетельствуют находки лазурита, отмеченные и в Сиалке, и в Сузах, и в Тали-Бакуне. В Сузиане и центральном Иране входит в употребление гончарный круг, а медные предметы отливаются в специальных формах. Вместе с тем нарушается и относительное однообразие развития общин, характерное для поры раннего энеолита. Особенно резко вырывается вперед Сузиана, где почти одновременно с Шумером происходит процесс становления городской цивилизации. Сложение классового общества в Эламе и разделение Ирана на две зоны: зону городской культуры и зону земледельческих общин, — и определяют специфику третьего периода истории страны, который условно можно начинать с 3000 г. до н. э. (рис. 37).

В Сузиане к этому времени относится комплекс Сузы D, включающий материалы так называемой культуры Сузы II и существовавший в течение первой половины III тыс. до н. э. Происходит существенное увеличение обжитой территории: слои Сузы D широко распространены на территории городищ древних Суз. Помимо Акрополя и Ападаны, они также отмечены и на территории так называемого царского города. На ремесленной посуде после значительного перерыва вновь появляется роспись, на этот раз двуцветная, но раскрашенная посуда типа Суз II намного уступает совершенным композициям древнейшей керамики этого эламского города. Быки, птицы, козлы, рыбы, орлы в геральдической позе опять заполняют поверхность сосудов, указывая на то, что в художественной практике и идеологических представлениях сохраняются древние традиции. Более существенные изменения переживает металлургия, в которой широко распространяются бронзовые изделия — кинжалы, топоры, наконечники копий, навершия булав, разнообразные сосуды, в том числе довольно сложных форм. Цилиндры и их оттиски, так же как и таблетки сprotoэламскими текстами, становятся обычной находкой в слоях этого времени. Среди знаков этой письменности мы видим изображения животных, возможно бывших предметом хозяйственного учета, воспроизведения сосудов различных форм, схематические рисунки строений, наконечники копий, плуги,

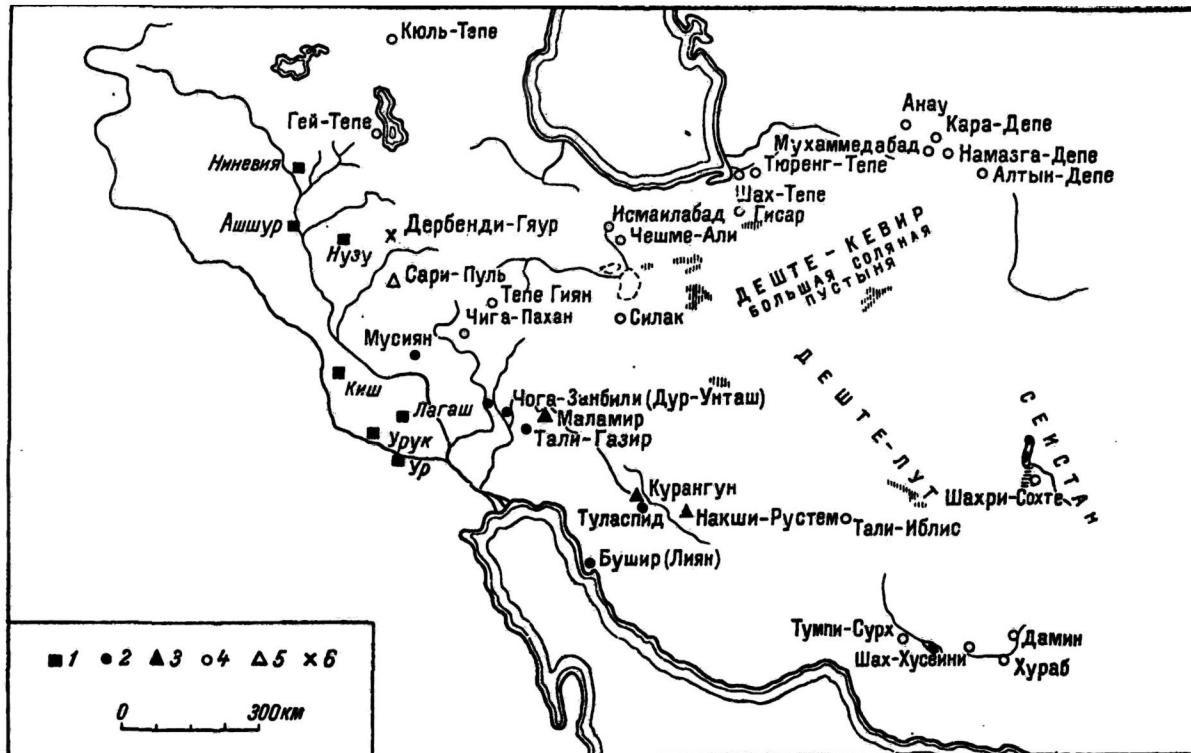

Рис. 37. Иран в III—II тыс. до н. э.

1 — города Месопотамии; 2 — эламские поселения; 3 — эламские рельефы; 4 — поселения земледельческо-скотоводческих племен; 5 — рельефы земледельческо-скотоводческих племен; 6 — аккадский рельеф в честь победы над луллубиями.

весельные лодки и различные символы, возможно связанные с астрономическими наблюдениями. О происходящем накоплении богатств свидетельствует находка крупного расписного сосуда, содержавшего несколько десятков медных и бронзовых вещей и предметов украшения. Выделяются и погребения с богатым инвентарем. В это время распространены кирпичные погребальные камеры, отмеченные как в Сузах, так и в Мусияне, где сопровождающий покойников инвентарь включает, помимо керамики, орудия, оружие и различные украшения из меди.⁷⁶ В одной из могил, раскопанной в Сузах, был найден сосуд с изображением четырехколесной повозки, в которую впряжен бык, и трехступенчатой пирамиды с сидящей на ней антропоморфной фигурой. Вполне вероятно, что перед нами сцена, связанная с заупокойным ритуалом, но еще более существенен тот факт, что данное погребение как будто является частью более сложного комплекса. На расстоянии около 25 м от этого богатого захоронения лежали скелеты двух быков, вероятно в древности запряженных в повозку, с прорезями в нос металлическими кольцами. Здесь же находился скелет погонщика этих быков.⁷⁷ По вполне вероятному заключению Г. Чайлда, перед нами погребение какого-то знатного правителя,⁷⁸ быть может властителя Суз. Известно еще одно погребение, в котором были найдены массивные колеса от повозки.⁷⁹ Здесь в состав погребального инвентаря входило также значительное число металлических сосудов, предметов вооружения и украшения, различной керамики. Разумеется, обоим этим погребениям далеко до ослепительного великолепия царских гробниц в Уре, отразившего накопления богатств при первой династии этого города, добившейся гегемонии в Шумере. Но совершенно прав Г. Чайлд, указывающий, что перед нами явления одного порядка.⁸⁰ Бесклассовой структуре первобытнообщинного строя приходит конец, складывается раннеклассовое общество в Эламе, где правители отдельных городов активно участвуют в политической борьбе шумерских правителей за гегемонию в южном Двуречье. Вполне возможно, что сложение классового общества в Эламе произошло одновременно с Шумером,⁸¹ хотя ограниченность работ по дешифровкеprotoэламских табличек, общее число которых достигает 5000, затрудняет конкретное рассмотрение этого процесса.

⁷⁶ J. E. Gauthier, G. Lampert. Fouilles de Moussian. MDP, t. VIII, Paris, 1905, pp. 74—80.

⁷⁷ R. de Mecquenem. Fouilles de Suse, 1933—1939. MDP, t. XXIX, Paris, 1943, p. 103.

⁷⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 224.

⁷⁹ R. de Mecquenem. Fouilles de Suse..., pp. 122—124 (погребение № 280).

⁸⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 225.

⁸¹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 100.

Это же обстоятельство затрудняет и изучение политической истории Элама III тыс. до н. э.⁸² Обращает на себя внимание ее тесная связь с историей Шумера. Недаром шумерские писцы включают в списки династий, правивших «после потопа», правителей одного из эlamских городов. Не случайно и в культуре Элама в той мере, в какой она известна по раскопкам Суз, все более усиливается влияние, идущее со стороны южного Двуречья. Эламская скульптура III тыс. до н. э. является как бы провинциальным повторением шумерских традиций, постепенно шумерская клинопись, а затем аккадский язык вытесняют местнуюprotoэlamскую пиктографию и тексты, написанные по-эlamски.⁸³

Как сообщают шумерские хроники, один из правителей I династии Киша (приблизительно XXVIII в. до н. э.) «согнул оружие Элама». Среди мелких городов Элама — Адамшуля, Симаша, Анчана, Шушена (Сузы) и др. — выделяется Аван, имевший династию из 12 правителей,⁸⁴ из числа которых седьмой и восьмой были современниками Саргона (XXIV в. до н. э.). Большинство из этих правителей носит типичные эlamские имена, а надпись одного из досаргонских «царей» Авана как будто найдена на городище в Бушире (Эламский Лиян).⁸⁵ Правители Авана, расположенного, видимо, к западу от Суз,⁸⁶ выступали соперниками владетелей Киша в борьбе за гегемонию на севере Шумера в доаккадский период.⁸⁷ Эламские города входят в состав созданной Саргоном могущественной державы Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.), но затем достигают независимости и активно способствуют падению в 2024 г. до н. э. III династии Ура. Возможно, в это время складывается крупное политическое объединение Элама с центром в Сузах, ранее не имевших большого политического значения. Правитель Элама Пузур-Иншушинак (приблизительно XXII в. до н. э.) воздвигает в цитадели Суз храм божеству Иншушинаку и ставит статуи на новом канале,

⁸² О древнейшей истории Элама см.: G. G. Cameron. History of early Iran. Chicago, 1936, pp. 22—66; R. Mayerg. Die Bedeutung Elams in der Geschichte des alten Orients. Saeculum, Bd. VII, 1956, SS. 198—220; В. В. Струве. Двуречье в период господства Аккада и Ура. В кн.: Всемирная история, т. I. М., 1956, гл. VII, стр. 224—227.

⁸³ Одним из интересных памятников староэlamского языка является текст договора, заключенного Нарамсином (2290—2254) с Эламом.

⁸⁴ V. Scheil. Dynasties élamites d'Awan et de Simas. RA, t. XXVIII, № 1, 1931, pp. 1—8.

⁸⁵ G. G. Cameron. History of early Iran, pp. 25—27.

⁸⁶ Так, при наследнике Саргона Римуше коалиция эlamитов была побеждена в битве между Аваном и Сузами (И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 229). Едва ли следует включать Аван в число шумерских городов, как это делает, правда со знаком вопроса, И. М. Дьяконов (там же, стр. 210, прим. 43).

⁸⁷ Там же, стр. 187.

возможно им проведенном, идущем от города Сидари.⁸⁸ Как бы то ни было, перед нами типичное древневосточное государственное образование. Одна из групп раннеземледельческих племен Ирана, чье стремительное развитие мы отмечали уже для поры развитого энеолита, достигает периода, когда совершается переход в новое качественное состояние. Теперь зона городской цивилизации Элама, охватившая иранский юго-запад, противостоят обширному миру земледельческо-скотоводческих племен, предки которых в пору раннего энеолита ничем по существу не отличались от своих современников, обитавших на территории будущего Элама. Это огромное различие несомненно стало возможным лишь в результате интенсивного развития производительных сил в юго-западном Иране. К сожалению, слабая изученностьprotoэламских таблеток и отсутствие археологических карт Элама с хронологически дифференцированными памятниками позволяют ограничиться в этом отношении лишь самыми общими соображениями. Плодородные почвы Хузистана и сейчас представляют собой один из наиболее развитых сельскохозяйственных районов Ирана. Географически Хузистан является частью Месопотамской низменности, и, не случайно в древности мы наблюдаем значительную близость исторического развития земледельческой культуры Элама и Шумера. Часть речных долин Хузистана заболочена, причем наиболее многочисленны заболоченные участки на юге, видимо в древности являвшемся частью Персидского залива. Действительно, при археологической разведке к югу от Ахваза вплоть до берега моря не было обнаружено более древних памятников, чем парфянские.⁸⁹ Жаркий климат Хузистана способствует изобилию природных богатств. Здесь, в частности, растет финиковая пальма, являющаяся в настоящее время одной из основных продовольственных культур местного населения. Природные условия способствовали получению обильных урожаев. Из документов хозяйственной отчетности Шумера мы знаем, что обычный урожай ячменя составлял здесь сам-36, а иногда достигал и максимальной цифры: сам-104.5. На юго-западе Средней Азии, там, где в V—III тыс. до н. э. располагали свои поля общинны ранних земледельцев, обычный урожай пшеницы местных сортов в примитивных хозяйствах XIX в., не затронутых капиталистической экономикой, достигал сам-7—8, а ячменя сам-4—5. Привозные селекционные сорта пшеницы давали урожаи сам-20 и даже сам-27, но едва ли древние земледельцы обладали специальными сортовыми питомниками. Малоплодородные земли большей части территории внеэламского

⁸⁸ G. G. Cameron. History of early Iran, p. 38. См. также: В. В. Струве. Двуречье в период господства..., стр. 226—227; М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 37.

⁸⁹ AJA, v. 53, 1949, p. 54.

Ирана без применения специальных удобрений, которыми не могли располагать раннеземледельческие племена, давали весьма низкие урожаи. Представляется, что именно большее количество прибавочного продукта было тем рычагом, который выдвинул вперед земледельческие культуры Шумера и Элама. Одновременно вступал в действие и целый ряд других факторов. Районы с жарким климатом и заболоченными участками требовали особого внимания к искусенному орошению. На реках Каруне и Керхе расположены древние плотины, регулировавшие водоснабжение обширных районов Хузистана. Едва ли они восходят к более раннему времени, чем сасанидский период, но несомненно, что эламские земледельцы по мере расширения обрабатываемых пространств неизбежно должны были столкнуться с проблемой создания ирригационных систем и сооружений. Надпись Пузурин-шушиака свидетельствует, что в XXII в. до н. э. проведение новых каналов было в Эламе вполне обычным делом. Следует предполагать, что в отношении первых ирригационных систем эта цифра должна быть удревнена почти на тысячу лет. Только таким образом можно объяснить различные пути развития племенных групп, в прошлом характеризовавшихся экономическим и культурным единобразием. Развитие ремесел за счет получения в сельском хозяйстве значительного прибавочного продукта, ставшее особенно заметным с появлением крупных населенных центров, которые с полным правом можно называть городами, еще больше способствовало противопоставлению Элама другим группам раннеземледельческих племен.

Не вполне ясными остаются восточные границы Элама. Ряд находок эламских памятников был сделан в южном Загросе. Так, на поселении Туласпид были обнаружены остатки строений и кирпичей с надписями, датирующими II тыс. до н. э.⁹⁰ Неподалеку от этого поселения расположен наскальный рельеф в Курангуне, где изображена процесия, направляющаяся к божеству, сидящему на троне из свернувшейся змеи. Этот рельеф, вероятно, следует относить ко второй половине II тыс. до н. э., хотя Э. Херцфельд был склонен датировать его концом III тыс. до н. э.⁹¹ Божество на аналогичном троне можно видеть и на хуже сохранившемся рельефе из Накши-Рустема.⁹² Эламский город III—II тыс. до н. э. Лиян располагался на месте городища Ришахр, у Бендер-Бушира, где открыты многочисленные надписи, позво-

⁹⁰ E. Herzfeld. Reisebericht. ZDMG, N. F., Bd. 80, 1926, S. 259.

⁹¹ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, p. 187; A. Stein. Old routes..., pp. 36—37; N. C. D'ebovoise. The rock reliefs of Ancient Iran. JNES, v. I, № 1, 1942, pp. 70—80; G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, t. IV, Paris, 1947, pp. 2138—2139; L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien, pp. 57—58.

⁹² E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, p. 187.

лившие, в частности, установить древнее название поселения.⁹³ Все это не оставляет сомнений, что эlamская культура распространилась во всяком случае частично на территорию, занятую племенами тали-бакунской группы, возможно родственными древнейшим земледельцам Сузианы. Вероятно, это способствовало ассимиляции местного населения городской культурой Элама.

Однако это была лишь часть потомков раннеземледельческих племен ширазской группы. Другая часть как будто сохранила самостоятельную культуру, почти не воспринявшую эlamские воздействия, и эти племена явились одной из групп той земледельческо-скотоводческой периферии, которая охватывала территорию Элама с востока и с севера. Как показывают работы последних лет, в III тыс. до н. э. здесь распространяется расписная керамика с изображениями птиц и рыб, в ряде отношений напоминающая посуду западнозагорского комплекса Гиян IV.⁹⁴

К этому периоду истории Ирана восходят и достоверные сведения о широком освоении земледельческо-скотоводческой культурой засушливых и безводных районов Кермана и Мекрана. Целый ряд древних поселений был обследован А. Стейном в долинах Бемпур и Хелильруд в джазмурианской котловине.⁹⁵ Само оз. Джазмуриан почти полностью заболочено, но впадающие в него Бемпур и Хелильруд текут по слабозасоленным почвам, представляющим довольно редкое исключение среди малопригодных для сельского хозяйства земель юго-восточного Ирана. Так же как и Хузистан, это зона распространения финиковой пальмы. Неудивительно, что именно здесь располагается группа раннеземледельческих поселений, ныне представляющих собой оплывшие холмы площадью в 1,5—6 га, иногда используемые для современных построек (Дамин, Бемпур, Тумпи-Сурх, Тапшай-Султан-Мири и др.). Среди них выделяются своими размерами холм Шах-Хусейни (около 20 га, высота около 6,5 м), возможно бывший древним центром всего оазиса. Отсутствие каких-либо иных раскопок, кроме разведочных и плохо документированных траншей А. Стейна, затрудняет изучение генезиса земледельческой культуры Мекрана, что имело бы большое значение для проблемы происхождения южнобелуджистанских земледельческих племен. Наиболее определенно выступает комплекс, относящийся, видимо, ко второй половине III—началу II тыс. до н. э. В это время преобладает посуда, сделанная на гончарном круге,

⁹³ M. Rezard. Mission à Bender-Bouchir. MDP, t. XV, Paris, 1914.

⁹⁴ L. Vandén Berge. Archéologie de l'Iran ancien, p. 42, pl. 57. Так называемый комплекс Тали-Кафтари. Однако и в стратиграфии Л. Ванден Берге существует значительный хронологический разрыв, приходящийся, видимо, на конец IV— первую треть III тыс. до н. э. О стратиграфии послебакуновского Фарса см. также: CSEI, p. 49.

⁹⁵ A. Stein. Archaeological reconnaissances. . .

как покрытая росписью, так и лишенная ее. Распространены наряду с геометрическими мотивами изображения птиц, схематизированных рыб, но особенно характерны рисунки козлов, идущих вереницей. В ряде случаев в росписи явственно ощущается повторение очень древних тали-бакунских традиций. Хотя находки кремневых пластин и сверл представляют обычное явление, широко распространены бронзовые изделия, входящие в состав погребального инвентаря могильника, раскопанного в Хурабе. К сожалению, не вполне ясным остался сам обряд захоронения. Видимо, погребению предавался уже расчлененный труп или даже его часть. Вещи, сопровождающие умерших, совершенно ясно свидетельствуют об имущественной дифференциации общества. Так, например, в состав инвентаря одного из погребений в Хурабе входили 32 глиняных, 2 медных и 1 алебастровый сосуд, крупные агатовые бусы с золотым ободком и бронзовый жезл с навершием в виде фигуры лежащего верблюда, явившийся, вероятно, чем-то вроде символа власти.⁹⁶ Несомненно перед нами погребение кого-либо из представителей местной аристократии, быть может племенного вождя. Среди инвентаря других могил имеются различные бронзовые предметы — плоские наконечники копий, круглые диски, возможно зеркала, сосуды различных форм.

Совершенно ясно, что комплекс Бемпура представляет собой культуру, резко отличную от городов Элама. Здесь мы не видим ни печатей, ни цилиндров, ни пиктографических табличек. Вместе с тем не следует и преуменьшать уровень развития местных племен: об этом свидетельствует выделение богатых могил и развитие ремесел (широкое использование гончарного круга и др.). Вероятно, в среде племен, оставивших памятники типа хурабского могильника, шел интенсивный процесс разложения первобытнообщинного строя. В какой-то форме эти племена принимали участие в торговых связях между шумерско-эламскими городами и цивилизацией Хараппы. На поселениях Бемпура распространены серые сосуды с нацарапанным орнаментом, подраживающие стеатитовым моделям жилищ, известным по раскопкам в Сузах. Обломок сосуда бемпурского типа был обнаружен и в верхних слоях Мohenджо-Даро.⁹⁷

Имеющиеся материалы позволяют сделать два следующих заключения относительно комплексов Бемпура. Во-первых, судя по сохранению ряда пережиточных мотивов в орнаментике сосудов (схематизированные фигуры летящих птиц, мальтийский

⁹⁶ Там же, стр. 121 (захоронение в траншее F); K. R. Maxwell-Hyslop. Note on a Shaft-Hole Axe-Pick from Khurab, Makran. Iraq, v. XVII, 1955, p. 161; F. E. Zepher. The identity of the Camel on the Khurab Pick. Iraq, v. XVII, 1955, pp. 162—163.

⁹⁷ См. об этих сосудах стр. 293, прим. 98.

крест и др.), местные племена в известной мере можно рассматривать как потомков ранних земледельцев тали-бакунской группы, хотя ряд аналогий в керамических материалах позволяет предполагать также и инфильтрацию из более отдаленных областей.⁹⁸ Во-вторых, на определенном этапе бемпурские племена продвигаются в восточном направлении, проникают в южный Белуджистан, где теснят местное население культуры Кулли (комплекс Шахи-Тумп, который по существу является одним из вариантов культуры Бемпур).⁹⁹ Несомненно, это было одним из событий того значительного перемещения племенных групп, которое в первой половине II тыс. до н. э. отмечается в целом ряде районов Афганистана и Индии и с которым по крайней мере частично связано запустение харапских городов Синда и Пенджаба.¹⁰⁰

Племена бемпурской группы населяли отнюдь не одну лишь джазмурианскую котловину. Материалы из Тали-Иблиса, небольшого поселка площадью в 1 га, в древности стоявшего на берегу небольшой речки,¹⁰¹ ясно показывают, что аналогичная культура была распространена и в Кермане. Весьма близка материалам Бемпуря и Кермана раннеземледельческая культура Сеистана,¹⁰² видимо заселенного в результате продвижения племен южного Ирана. Интересно, что в Сеистане проходит северная граница распространения финиковой пальмы¹⁰³ и именно здесь мы находим наиболее северную группу племен, связанную с традициями тали-бакунского комплекса, характерного как раз для югоирландских оазисов с финиковыми пальмами.

К северу от Элама, в горных долинах западного Загроса, располагались племена, предки которых едва ли не первые в Иране перешли к производящей экономике, но которые в III тыс. до н. э., так же как и жители бемпурских поселков, входят в зону эламской периферии. Так же как и в Бемпуре, характер известных археологических материалов не позволяет детально проследить культурную эволюцию западнозагросских племен. В наиболее изученном памятнике этой области, Тепе Гияне, между комплексами Гиян V и Гиян IV имеется значитель-

⁹⁸ Нерасписанная посуда Бемпуря находит близкие параллели в комплексах Средней Азии типа Намазга V и Намазга VI. См.: A. Stein. Archaeological reconnaissance. . . , pl. XV, 279, 243, 246; XV, 253; ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 306, 308, рис. 10, 11; В. М. Массо и. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959, табл. X, 4.

⁹⁹ См. ниже, стр. 293.

¹⁰⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток. . . , стр. 283—285, 305. См. также ниже, стр. 296.

¹⁰¹ A. Stein. Archaeological reconnaissance. . . , pp. 164—169, pl. XXIV.

¹⁰² W. A. Fairservis. Archeological studies in the Seistan basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran. New York, 1961, pp. 76—78; см. также ниже, стр. 280.

¹⁰³ М. П. Петров. Иран, стр. 179.

ный перерыв. Сам комплекс Гиян IV, вероятно, относится уже ко второй половине III тыс. до н. э.¹⁰⁴ Известный материал происходит главным образом из погребений, представлявших собой могильные ямы, в которых скелеты находились в традиционном для раннеземледельческих культур скорченном положении, отличаясь от одновременных захоронений Элама, где преобладало вытянутое трупоположение. Находящаяся в гияновских могилах керамика сделана с помощью гончарного круга и обычно украшена несложной геометрической орнаментацией или схематизированными фигурами спаренных птиц. Довольно многочисленны металлические изделия, которые издатели именуют бронзовыми. Это наконечники копий, втульчатые и с загнутым черешком, проушной топор, проколки, браслет с выдающимся пунсоном орнаментом, бубенчики и различные мелкие украшения. Лишь в одной могиле найдено изделие из драгоценного металла — небольшая, серебряная спиральная подвеска. Ни одно из захоронений не выделяется сколько-нибудь богатым могильным инвентарем,¹⁰⁵ и в отличие от Хураба мы здесь имеем дело с могилами лишь рядовых членов общества.

Материал этого типа известен с целого ряда поселений западного Загроса: Чига-Пахана, Чига-Сабза, Гирайрана, Батаки, Чига-Бала, Чига-Кабуда, Тепе Бадхура, Тепе Джемшиди,¹⁰⁶ но ни на одном из них не было произведено сколько-нибудь широких раскопок. На Тепе Джемшиди обнаружены могилы, по характеру инвентаря близко напоминающие гияновские захоронения.

Ограниченнность материалов вызывает тем большее сожаление, что она является существенным препятствием для изучения хозяйства оставивших эти памятники племен. Следует иметь в виду, что все они расположены в горных районах, где не существовало эламских возможностей роста прибавочного продукта за счет интенсификации ирригационного земледелия. Более того, обеспеченность западного Загроса естественными осадками также отнюдь не служила стимулом для развития в больших масштабах искусственного орошения полей. Вместе с тем наличие высокогорных лугов и пастбищ должно было стимулировать развитие скотоводства с теми сезонными выпасами, которые, например

¹⁰⁴ CSEI, p. 48. Дату К. Шефера, объединяющего комплексы Гиян IV и Гиян III и относящего их к 2100—1700 гг. до н. э. (C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale. London, 1948, pp. 460—464), в нижней границе следует, видимо, считать завышенной.

¹⁰⁵ G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles du Tépé-Giyan . . . , pp. 35—38.

¹⁰⁶ Два последних памятника изучались Ж. Контено и Р. Гиршманом. Остальные известны по разведкам А. Стейна (A. Stein. Old routes . . .).

в настоящее время, практикуют бахтиарские племена в центральных районах Загроса. Поэтому вполне вероятно, что племена западного Загроса на определенном этапе своего развития, когда возможности экстенсивного роста земледелия были исчерпаны,

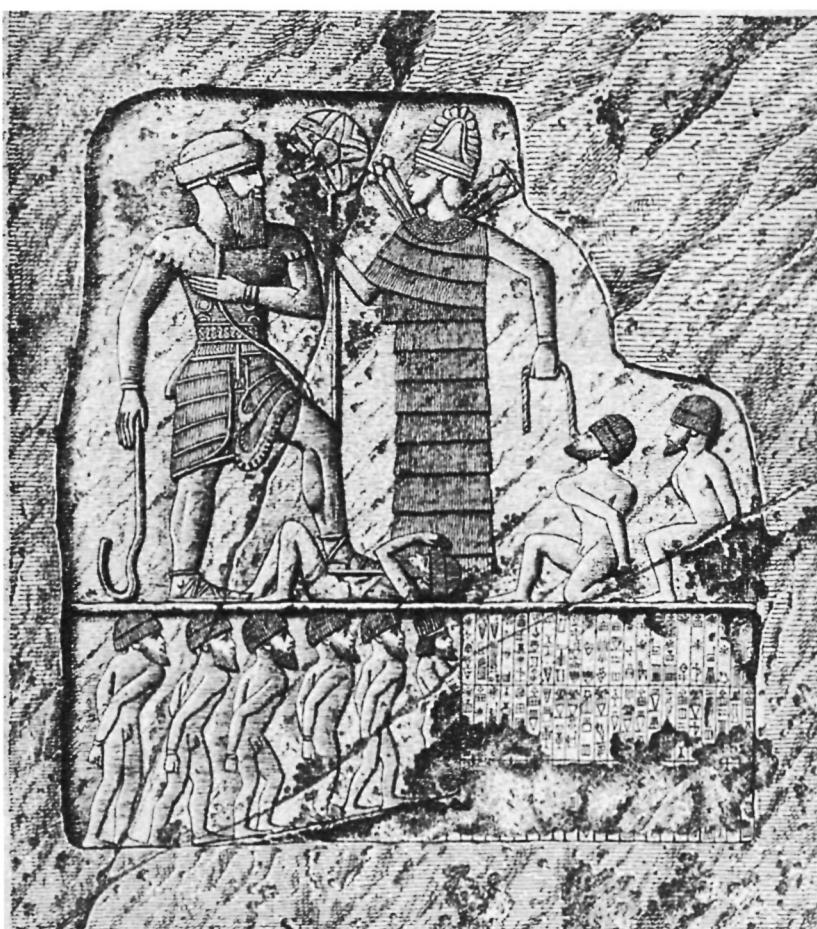

Рис. 38. Рельеф Аннубанини. (По Ж. де Моргану).

обратили особое внимание на скотоводство, открывавшее в тех условиях большие возможности для получения прибавочного продукта, подобно тому как это имело место почти в этот же пе-

риод в Закавказье.¹⁰⁷ Разумеется, для изучения этого вопроса необходимо в первую очередь тщательное картографирование поселений и могильников и установление их связи с теми или иными ландшафтными зонами, но такая работа по имеющимся материалам не может быть проделана без полевых исследований. Вполне возможно, что некоторые из западнозагорских племен становятся в это время скотоводческо-земледельческими, что было одной из причин их значительной подвижности и внешнеполитической активности. Недаром во II тыс. до н. э. мы находим на этой территории памятники так называемой луристанской бронзы, связанные скорее всего именно с каким-то скотоводческо-земледельческим населением. О политической активности западнозагорских племен свидетельствуют данные письменных источников. Собственные имена некоторых из этих племен все чаще появляются в стеллах правителей Шумера и Аккада. Это были кутии и луллубеи, возможно этнически родственные с эламитами, что вполне вероятно, поскольку древнейшие земледельцы Хузистана и западного Загроса, как отмечалось выше, в культурном отношении производят впечатление двух ветвей единого корня. Возможно, с ними впервые столкнулся уже основатель могущественного государства Аккада — Саргон при походах в северную Месопотамию и Элам.¹⁰⁸ Один из наследников Саргона, его внук Нарамсин (2290—2254), совершил специальный поход против луллубеев и в честь одержанной победы высек наскальный рельеф в ущелье Дербенди-Гяур, к югу от Сулеймании. Эта же победа была увековечена и в знаменитой стелле Нарамсина, являющейся выдающимся памятником древневосточного искусства, где изображены луллубейские воины с длинными косами, поражаемые войском победоносного внука Саргона. Несмотря на победы, прославленные аккадскими писцами и скульпторами, луллубеи практически, видимо, сохранили независимость, а вскоре даже и усилились, поскольку их вождь высекает свое изображение на скале у Сари-Пуля, в ущелье, через которое и в наши дни проходит важнейшая дорога из Ирана в Багдад. На рельефе, выполненному в аккадской манере и, вероятно, аккадскими мастерами, богиня вручает пленных вождю-победителю (рис. 38). Аккадская надпись, полностью не прочитанная, сообщает, в частности, что «Аннубанини, царь Луллубума, сделал свое изображение и изображение Иштар на горе Падир».¹⁰⁹ Поблизости с главным изо-

¹⁰⁷ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, М., 1955.

¹⁰⁸ О луллубеях см.: G. G. Samegop. History of early Iran, p. 35 sqq.; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 101—104.

¹⁰⁹ J. de Morgan, V. Scheil. Les deux stèles de Zohab. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes, v. XIV, 1893, pp. 100—105; G. G. Samegop. History of early Iran, p. 41; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 102.

бражением расположено еще два рельефа того же сюжета и характера.¹¹⁰ Скорее всего перед нами отражение временных военных успехов удачливого племенного вождя, который руками пленных ремесленников и писцов (даже имя его, согласно рельефу, аккадское) воздвиг себе памятник, подражая аккадским царям. В поздней традиции Аннубанини выступает как один из кутийских правителей, прославившихся своей жестокостью.¹¹¹ Едва ли на основании этих рельефов, являющихся, собственно говоря, скорее аккадскими, чем луллубейскими, памятниками, можно говорить о сложении в западном Загросе государственных образований. Правильнее говорить о временном возвышении отдельных племенных групп и союзов.

И. М. Дьяконов полагал, что рельеф Аннубанини находился на границе луллубейских владений.¹¹² Вполне возможно, что памятники типа Тепе Гияна принадлежат луллубейским племенам, хотя не следует забывать, что представление о культурной общности памятников типа Гияна IV объясняется лишь ограниченным количеством материалов, не позволяющим ставить вопрос о выделении в пределах западного Загроса локальных (племенных) вариантов.

Еще более удачливым, чем луллубейский союз, оказалось объединение гутиев, или кутиев, племен, видимо обитавших севернее луллубеев, после ряда столкновений с аккадскими правителями завоевавших около 2200 г. до н. э. Двуречье и установивших там свою власть.¹¹³ Возможно, в военных столкновениях принимали участие и другие племена западного Загроса, возвращавшиеся в родные края с богатой добычей. В этом отношении особый интерес представляет открытая неподалеку от уже упоминавшегося Сари-Пуля сводчатая могила, содержащая бронзовые фигурки людей «протолуристанского стиля» и чашу, посвященную Шаркалишарри, последнему царю Аккада до завоевания Двуречья кутиями.¹¹⁴ Не была ли эта чаша частью добычи луллу-

¹¹⁰ На одном из рельефов как будто упоминается Тардунни, сын Икки. Об этих рельефах см.: J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, v. IV, Paris, 1896; E. Herzfeld. 1) Am Tor von Asien. Berlin, 1920; 2) Iran in the Ancient East, pp. 183—186.

¹¹¹ G. G. Cameron. History of early Iran, p. 41.

¹¹² И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 102—103.

¹¹³ G. G. Cameron. History of early Iran, pp. 42—47; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 104—117; В. В. Струве. Двуречье в период господства..., стр. 212—215.

¹¹⁴ S. Langdon. Some inscriptions. SPA, v. I, London—New York, 1938, pp. 279—280; L. Vandenberghe. Archéologie de l'Iran ancien, p. 111. Как отмечал Г. Кэмерон в докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве, возможно, в одном из наскальных изображений, находящихся в этом районе, говорится о победе над Шаркалишарри (ВДИ, 1961, № 2, стр. 153).

бейского воина, вернувшегося из удачного похода, завершившегося падением аккадской династии?

Взаимодействие зоны городских цивилизаций и зоны земледельческо-скотоводческих племен отчетливо выступает и в материалах, характеризующих культуру оседлых общин центрального Ирана. Особенно четко это прослеживается по раскопкам Тепе Сиалка, к результатам которых мы неоднократно обращались в предшествующем изложении. Здесь комплекс Сиалк III сменился комплексом Сиалк IV, обнаруживающим сравнительно ограниченную связь с предшествующей традицией. Отмечается это прежде всего в таком массовом материале, как глиняная посуда. Появляется целый ряд совершенно новых форм, в том числе сосуды со сливами, не имеющие аналогий в местных материалах, но являющиеся почти точной копией подобных сосудов комплекса Сузы D. Количество расписной керамики невелико, и здесь уже совершенно нет того пышного великолепия сложных зооморфных композиций, столь характерных для слоев Сиалка III. Несложный геометрический орнамент находит себе прямые аналогии опять-таки в материалах эламских Суз и даже в додинастическом Шумере. Можно было бы отнести со скептицизмом к подобным чисто керамическим параллелям, если бы они не находили подтверждения в других данных, интерпретация которых не может вызывать особых сомнений. В слое Сиалк IV уже нет архаических печаток с несложным геометрическим рисунком. Их сменяют цилиндрические печати и их отиски на глине, представляющие собой как бы провинциальный вариант раннеэламской глиптики и месопотамских печатей стиля Джемдет-Наср, встречающихся, впрочем, еще и в слоях раннединастического периода. Наконец, в Сиалке IV обнаружены глиняные таблички сprotoэламскими пиктографическими знаками: 19 обломков в слое Сиалк IV, 1 и одна целая табличка в слое Сиалк IV, 2.¹¹⁵ Все это не оставляет сомнений, что перед нами результат прямого и сильного воздействия со стороны эламской культуры и скорее всего просто окраинное поселение эламитов, возможно вытеснивших¹¹⁶ или частично ассимилировавших местные племена.¹¹⁷

¹¹⁵ R. G h i r s h m a n. 1) Fouilles de Sialk, v. I, pp. 65—68; 2) Une tablette proto-élamite du Haut-Plateau. RA, t. 34, 1934, p. 115 sqq. Судя по характеру таблички Сиалк IV, 2, перед нами какие-то счетные записи.

¹¹⁶ Как отмечает Р. Гиршман, последнее по времени здание комплекса Сиалк III носит следы пожара. См.: R. G h i r s h m a n. Iran. London, 1954, p. 46.

¹¹⁷ Так, в глиняной посуде Сиалка IV встречается традиционная центральноиранская форма сосуда на подставке (R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. I, pl. XC, S. 224). Погребения двух женщин, отнесенные Р. Гиршманом к слою Сиалк IV, лежат в могильных ямах в скрученном положении в отличие от вытянутого, характерного для Суз. В этих могилах, сопровождавшихся медными зеркалами и различными мелкими украшениями, в том

Этот частный случай происходивших в древности событий, так счастливо открытый раскопками археологов, свидетельствует о важнейших исторических процессах. Это отметил уже Г. Чайлд, писавший, что весь облик комплекса Сиалк IV заставляет предполагать, «что сузиане заняли ключевую позицию на торговом пути с севером, чтобы контролировать торговлю лазуритом».¹¹⁸ Действительно, как мы видели, лазурит, шедший в основной своей массе из разработок Бадахшана, в пору развитого энеолита широко распространяется на раннеземледельческих поселениях Ирана, а раскопки царских гробниц в Уре показывают, в каких огромных количествах этот минерал поступал в первой половине III тыс. до н. э. в Шумер. Однако вопрос не ограничивается одной лишь торговлей лазуритом, а представляет часть важнейшей проблемы хозяйственных связей городских цивилизаций Двуречья и Элама с зоной земледельческо-скотоводческих общин. Отсюда в Элам и особенно в безлесные аллювиальные равнины Двуречья вывозились лес, строительный камень, руда для ремесленников-металлургов, игравшая столь большое значение, что, судя по документам из Шурупака, медь выступала в качестве меры стоимости.¹¹⁹ Все эти материалы поступали и в результате развивающейся системы обмена, и в результате военных походов, в которых большое значение придавалось захвату соответствующей добычи. Так, Саргон специально упоминает, что при взятии эламских городов им был захвачен строевой лес.¹²⁰ Именно этими причинами были вызваны и военные набеги на племена Загроса, завершившиеся ответным ударом кутиев, тем более что в ходе подобных набегов захватывался и другой ценный товар того времени — рабы-военноопленные.¹²¹

числе из золота и лазурита, можно было бы видеть туземных жен эламских пришельцев, если бы не известные сомнения в их хронологии. Единственный расписной сосуд, найденный здесь, более тяготеет к комплексу Сиалк III [R. G. Hirschman. Fouilles de Sialk, v. I, pl. XC, S. 1681; pl. LXVII, S. 1810 (слой Сиалк III, 6)]. Р. Гиршман предполагал, что погребения, находившиеся на глубине 25 см под жилищем Сиалк IV, 1, были впущены под пол, однако, как есть основания полагать, на раннеземледельческих поселках кладбища устраивались на участках, застраиваемых лишь после известного промежутка времени, и таким образом некрополь и обжитая часть в пределах более или менее значительного поселка постоянно перемещались. Поэтому весьма вероятно, что оба женских погребения относятся к могильнику времени Сиалка III, 7, на территории которого в пору Сиалка IV, 1 были возведены жилые дома.

¹¹⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 295.

¹¹⁹ В. В. Струве. Древнейшие государства в Двуречье. В кн.: Всемирная история, т. I, М., 1956, гл. VI, стр. 200.

¹²⁰ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 213.

¹²¹ В. В. Струве. Лагерь военнооплененных женщин в Шумере. ВДИ, 1952, № 3. И. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 119) полагает, что среди собственных имен наряду с хурритскими здесь встречаются и кутийские.

Развитие обмена между Шумером и окружающими его племенами нашло отражение и в шумерском эпосе. В числе сказаний об урукском правителе Энмеркаре имеется повествование о его сношениях с «верховным жрецом» Аратты.¹²² Аратта, согласно эпосу, расположена за семью горами, т. е., видимо, в Загросе, если даже и не восточнее его. Представители Энмеркара, прибывшие в Аратту, просили лазурит, золото и серебро, в ответ на что «верховный жрец» Аратты потребовал присылки зерна. Его обращение к правителю Урука передано следующим образом:

Зерно в корзины пусть он насыплет, на повозки пусть положит.
Зерно это в горы пусть поднимет
И среди людей — сборщиков податей пусть поставит!
После того как зерно в мешки он насыплет,
На выочных ослов их перевяжет,
На бока перевальных ослов положит,
И если во дворе Аратты у житницы ссыплет,
· · · · ·
Тогда я склонюсь перед ним.

Как видно, шумерским караванам предстоял далекий и трудный путь с использованием сначала колесного, а потом выочного транспорта. Незачем перечислять многочисленные взаимные послания Энмеркара и «верхового жреца» Аратты, содержащиеся в них обращения к божествам, отгадывание загадок и целый ряд других мифологических элементов. Важно отметить, что зерно, прибывшее в конце концов в Аратту, видимо, имело для ее населения немаловажное значение.

В эпосе об этом говорится следующее:

Как только гонец приблизился к Аратте,
Люди Аратты
Около выочных ослов восхищенно остановились.
· · · · ·
Голод Аратты он насытил.

В обмен на зерно Энмеркар получил лазурит, золото и серебро. В этом мифе для нас в данном случае представляет интерес именно указание на развитие меновой торговли между Шумером и окружающими племенами, вероятно, уже в конце IV—начале III тыс. до н. э.¹²³ Видимо, о подобных сношениях свидетельствует и сказа-

¹²² S. N. К г а т е г. Enmerkar and the Lord of Aratta. Philadelphia, 1952. При использовании этого источника автор пользовался любезной консультацией И. Т. Каневой, перевод которой цитируется ниже.

¹²³ Как известно, Энмеркар, Лугальбанда, Думмузи и Гильгамеш принадлежат к числу правителей I династии Урука, чья продолжительность правления характеризуется нереальными цифрами (1200, 400, 126 лет), тогда как сроки правления последующих лиц уже нормальны и их, видимо, следует относить к XXVII—XXVI вв. до н. э. (И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 170). Поэтому в приводившихся шумерских мифах вполне можно искать отражение более ранних событий, чем XXVII в. до н. э.

зание о другом уруском правителе, Лугальбанде, отправившемся лично на гору Хуррум за деревом какой-то особой породы и по пути сильно страдавшего от зноя при переходе через пустыню¹²⁴ (в центральном Иране?). Эта торговля играла все большую роль по мере развития государств южного Двуречья. Для организации налаженного обмена, особенно с областями, недосягаемыми для оружия царей Аккада, необходимо было основание торговых факторий, хорошо известных для Малой Азии по материалам II тыс. до н. э., но несомненно существовавших еще в досаргоновский период.¹²⁵ Такой весьма ранней торговой факторией эlamских купцов, относящейся к началу III тыс. до н. э.,¹²⁶ можно считать и поселение Сиалк IV. Возможно, основавшие его эламиты вытеснили местное население, но в других районах центрального Ирана, как показывают раскопки Чешме-Али и Гисара, продолжалось автохтонное развитие, не нарушающее иноземным вторжением. Недолго просуществовала и фактория в Сиалке, где к слою Сиалк IV относятся два строительных комплекса, после чего в культурных напластованиях отмечается многовековой хронологический перерыв. Однако постоянная и тесная экономическая взаимосвязь городских культур Древнего Востока и их варварской периферии, удачно иллюстрируемая этим частным археологическим примером, представляла собой постоянно действующий процесс, имевший большое значение для земледельческо-скотоводческих общин.¹²⁷ Наконец, при рассмотрении истории племен центрального Ирана в III тыс. до н. э. обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В пору развитого энеолита мы наблюдали здесь интенсивный культурный и хозяйственный прогресс, почти не уступающий эволюции Элама. Но если в Эламе эти факторы в конечном счете через ряд логически последовательных ступеней привели к созданию раннеклассового общества, то в центральном Иране уровень развития в целом остался прежним. Мы не находим здесь ни местной системы письма, ни царских могил, ни хозяйственных документов. Более того, как есть основания утверждать, именно в этот период происходит частичное расселение центральноиранских племен, вероятно явившееся, в частности, результатом каких-то внутренних затруднений.¹²⁸ Производственная база центральноиранских общин, разбросанных по небольшим оазисам, в тогдашних исторических условиях, при существовавшем уровне техники, не могли служить фун-

¹²⁴ M. Lambert. La littérature sumérienne à propos d'ouvrages récents. RA, t. 55, 1961, p. 183; S. N. Кратег. From the tablets of Sumer. London, 1956, p. 237.

¹²⁵ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй. . . , стр. 212.

¹²⁶ См. стр. 190, прим. 12.

¹²⁷ См. стр. 435.

¹²⁸ См. стр. 436.

даментом для быстрого перехода к раннеклассовому обществу. Как мы видели, в сравнении с Эламом эти замедленные темпы развития выступают особенно ярко и определенно.

В других областях Ирана мы встречаем еще более архаическую культуру. В приурмийском районе, как показывают материалы из слоя Гей-Тепе К, глиняная посуда все еще делается от руки. Теперь она уже не украшается росписью, как это было характерно для предшествующего периода. Приурмийские гончары изготавливают в III тыс. до н. э. преимущественно чернолощеную керамику, иногда украшенную рельефным орнаментом в виде спирали. Формы этой посуды также свидетельствуют о том, что она имеет мало общего с керамикой более восточных племенных групп Иранского плато (рис. 39). В Гей-Тепе К мы видим чаши с петлевидными ручками и весьма специфичные полушировидные ручки-налепы — явления, совершенно не свойственные гончарному производству Гисара или более южных памятников. Другие находки из слоя Гей-Тепе К рисуют обычную картину сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства. Дома возводились из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Кремень становится весьма редким, но зато довольно много медных вещей. Это кольца, булавки и плоский наконечник копья архаической формы, напоминающей дротики южнотуркменистанских племен, найденные на Ялангач-Депе. Из глины изготавливались фигурки животных, среди которых можно узнать быка, и небольшие колесики, возможно принадлежавшие моделям повозок. Встречены также зерна одного из злаков, выделявшихся гей-тепинцами, — пшеницы *Triticum aestivum* L. Культура этого типа развивалась в Гей-Тепе в течение длительного времени: мощность слоя К достигает 6.6 м и, возможно, по времени охватывает все III тыс. до н. э.

В такой же мере, в какой чернолощеная керамика Гей-Тепе К несходна с другими иранскими комплексами, она находит прямые аналогии в материалах восточной Анатолии и Советского Закавказья. Здесь чернолощеная керамика, часто украшенная рельефным орнаментом в виде спиралей, является руководящим признаком культуры, которая первоначально была названа куро-аракским энеолитом,¹²⁹ но распространена, как устанавливается последними работами, на значительно более обширном пространстве, чем территория долин двух крупнейших рек Закавказья.¹³⁰ Эта культура соответствует периоду расцвета земле-

¹²⁹ Б. А. Кутти. Урартский «колумбарий» у подошвы Араката и куро-аракский энеолит. Вестн. Музея Грузии, XIII-В, Тбилиси, 1944.

¹³⁰ С. А. Виглеу. Eastern Anatolia in the chalcolithic and early bronze age. AS, v. VIII, 1958; Р. М. Мунчав. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, М., 1961.

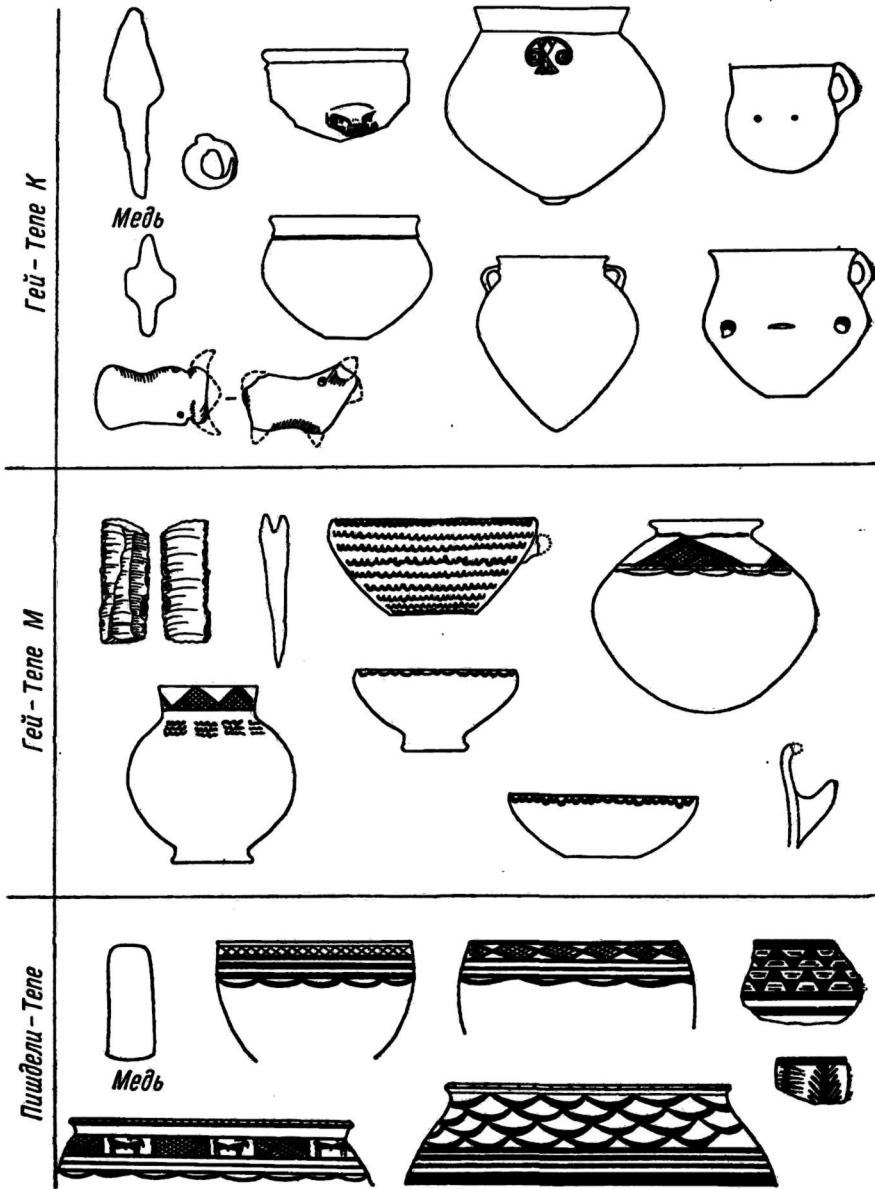

Рис. 39. Эволюция культуры приуральского района.

дельческо-скотоводческих общин Закавказья.¹³¹ Сырцовые постройки, среди которых видное место занимают круглые в плане дома, развитая металлургия, как бы предвосхищающая расцвет кавказской бронзы, полное вытеснение охоты скотоводством, в котором на ранних этапах ведущая роль принадлежит крупному рогатому скоту, — таковы характерные черты этого периода. Происходит освоение и новых территорий — земледельческие общинны пересекают Кавказский хребет, и мы встречаем в Дагестане ряд поселений, культура которых является провинциальным вариантом закавказского энеолита. Возможно, это движение с юга на север оказало известное влияние и на сложение в северо-западном Кавказе местной земледельческой культуры, широко известной по богатым погребениям родовых вождей второй половины III тыс. до н. э. в курганах Майкопа и Новослободской.¹³²

Вместе с тем проблема происхождения куро-аракского энеолита с его темнолощеной керамикой остается далеко не ясной. Еще в первых публикациях Б. А. Куфтина совершенно правильно указал, что эта культура тяготеет в большей мере к Малой Азии и восточному Средиземноморью, чем к Месопотамии и Ирану. Действительно темнолощеная (а не расписная как в более восточных областях) керамика была первой глиняной посудой земледельцев Сиро-Киликии,¹³³ а раскопки в Хаджиларе на юго-западе Малой Азии показывают, как рано появляются здесь полушировидные руки, столь характерные для Закавказья и совершенно отсутствующие в Иране.¹³⁴

Однако куро-аракский энеолит как конкретный археологический комплекс не может быть выведен из культур западной и южной Малой Азии. Более того, в середине III тыс. до н. э. характерная закавказско-восточноанатолийская керамика появляется на ряде памятников Сирии и частично Палестины, свидетельствующие о ее проникновении в эти регионы.

¹³¹ Б. Пиотровский. 1) Поселения медного века в Армении, СА, XI, М.—Л., 1949; 2) Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32—43; О. А. Абдуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азербайджанском языке); О. Д. Джапаридзе. К истории грузинских племен на стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на грузинском языке с русским и английским резюме); Р. Piotrovsky. The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium b. c. VI International congresses of pre- and protohistoric sciences. Report and communications by archaeologists of the USSR. Moscow, 1962.

¹³² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII, М.—Л., 1950; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 48—73; А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2.

¹³³ См. стр. 68.

¹³⁴ J. Mellart. Excavations at Hacilar. First preliminary report. AS, v. VIII, 1958, p. 145, fig. 8, 17; 7, 19.

тельствую о появлении в этих районах каких-то северных (хурритских?) племен.¹³⁵ Поэтому несомненно, что родину куро-аракского энеолита следует искать в пределах тех областей Закавказья, Восточной Анатолии и северо-западного Ирана, где мы застаем эту культуру в сложившемся и процветающем виде. На этой территории известен ряд памятников земледельческих племен, относящихся к более раннему времени, чем интересующая нас культура. Расселение халафских племен в V тыс. до н. э.¹³⁶ затронуло и ряд районов восточной Анатолии. Из области Элязыга-Малатья происходит ряд расписных черепков халафского типа. Возможно, здесь уже развивалась и местная оседлоземледельческая культура.¹³⁷ Халафское поселение обнаружено в нижних слоях Тильки-Тепе, у озера Ван,¹³⁸ и вполне вероятно, что именно разработки обсидиана, найденного в слоях Тильки-Тепе I в огромном количестве, привлекли сюда переселенцев из северной Месопотамии.¹³⁹

В слое Тильки II мы встречаем лощеную нерасписную керамику, а в слое Тильки III глиняная посуда, изготовленная с примесью в глине рубленой соломы, украшена несложной росписью, напоминающей роспись посуды из слоя Гей-Тепе М.¹⁴⁰ Возможно, мы имеем дело с памятниками одной культуры, распространенной между озерами Ван и Урмия.

В Закавказье слои, непосредственно предшествующие куро-аракскому энеолиту, известны по раскопкам нижнего слоя Кюль-Тепе, у Нахичевана.¹⁴¹ Этот слой достигает мощности 8.3 м, что

¹³⁵ D. Hood. Excavations at Tabara El-Akkad 1948—1949. AS, v. I, 1951, pp. 116—118; L. Woolley. A forgotten kingdom. London, 1953, pp. 31—37; Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 33; Р. М. Мунчаков. Древнейшая культура..., стр. 152—154. Чужеродный для Сирии характер этих комплексов хорошо виден по материалам Амука. Если здесь в фазе G была распространена посуда, изготовленная на гончарном круге, то в фазе H почти половину находок составляет преимущественно лепленная от руки керамика закавказско-восточноанатолийских типов.

¹³⁶ См. об этом стр. 407.

¹³⁷ C. A. Budge. Eastern Anatolia..., p. 159.

¹³⁸ Этот памятник известен также под именем Шамирамальти. Имеются лишь предварительные сообщения о раскопках: W. A. Jenney. Schamiramaltili. PZ, Bd. XIX, 1928, N. 3/4, SS. 280—304; E. B. Reilly. Tilkitepedeki ilf Kazilar. Turk Tarih Arkeologya ve Etnografya Dergisi, t. IV, Ankara, 1940, pp. 145—178.

¹³⁹ А. Л. Перкинс отмечает, что материал Тильки-Тепе посит периферийный характер по отношению к основным центрам халафской культуры (САЕМ, р. 43).

¹⁴⁰ C. A. Budge. Eastern Anatolia..., p. 160; А. А. Иессен. Азербайджанская экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, М., 1959, стр. 83.

¹⁴¹ О. А. Абубуллаев. 1) Раскопки холма Кюль-Тепе. КСИИМК, вып. 51, М., 1953; 2) Поселение Кюль-Тепе. МИА СССР, № 67, М.—Л., 1959; 3) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азербайджанском языке); 4) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Автореферат дисс., Баку, 1959.

свидетельствует о длительном существовании представленной в его отложениях культуры. Вероятно, она одновременна не только Гей-Тепе М и Тильки III, но и слою Тильки II, и может быть отнесена в основном к IV тыс. до н. э. Население, оставившее культуру нижнего слоя, занималось земледелием и скотоводством. При этом в самых нижних слоях (Ia) преобладали кости мелкого рогатого скота и диких животных, и лишь позднее процент костей крупного рогатого скота начинает возрастать (Ib). Иными словами, мы видим, как постепенно устанавливается состав стада, характерный для куро-аракского энеолита, где преобладали быки и коровы, что видно и на материалах того же Кюль-Тепе (слой II, содержащий типичную чернолощенную керамику). Захоронения умерших в скорченной позе, иногда с посыпкой красной охрой располагались непосредственно на территории поселения, подобно тому как это мы наблюдаем на многочисленных памятниках ранних земледельцев Ирана и Средней Азии. В нижних слоях Кюль-Тепе раскопаны сырцовые дома, круглые в плане, обнаружено несколько медных изделий.

Глиняная посуда здесь, так же как и в Тильки-Тепе III и Гей-Тепе М, изготавливалась с примесью соломы. Формы сравнительно просты, и их число незначительно (глубокие миски и банкообразные сосуды, к которым позднее добавляются кувшины и горшки). Роль ручек играли подковообразные налепы и овальные выступы. Найденные в Кюль-Тепе I три черепка с росписью выглядят на общем фоне комплекса каким-то чужеродным явлением и, возможно, принадлежали к числу привозных вещей (из ванско-урмийской области?). Из глины изготавливались биконические напрясла и колесики со втулкой, аналогичные найденным в слое Гей-Тепе K.

Едва ли приходится сомневаться в том, что потомки земледельческо-скотоводческих племен, оставивших такие памятники, как Тильки-Тепе II—III, Гей-Тепе М и Кюль-Тепе I, вошли в состав населения, чью культуру мы условно именуем куро-аракским энеолитом.¹⁴²

¹⁴² Едва ли можно согласиться с утверждением Р. М. Мунчаева о том, что материалы Кюль-Тепе свидетельствуют об отсутствии у куро-аракского энеолита «корней, уходящих в подстилающий его более древний слой» (Р. М. Мунчайев. Древнейшая культура..., стр. 151). Редактор книги Р. М. Мунчаева, Е. И. Крупнов, в своем предисловии справедливо сомневается в правильности этого тезиса (там же, стр. 6). Действительно, наличие между слоями Кюль-Тепе I и II стерильной прослойки в 30—40 см свидетельствует лишь о том, что в данной части поселения (а раскапывавшийся останец представляет собой лишь ничтожную часть разрушенного холма) имел место перерыв в его обитании. Как мы видели, характерное для куро-аракского энеолита преобладание в стаде крупного рогатого скота намечается в слое Кюль-Тепе Ib. Формы банковидных сосудов и кувшинов Кюль-Тепе I вполне могут быть исходными типами ряда форм «закавказского энеолита». В Кюль-Тепе I уже известны и глиняные колесики, являющиеся типичной находкой

Однако это общее положение еще не решает вопроса о месте сложения характерного комплекса куро-аракской керамики, в глину которой подмешивается не рубленая солома, а песок, а поверхность черных и красных сосудов покрыта превосходным лощением. Едва ли это была ванско-урмийская область с ее расписной керамикой. Можно согласиться с Ч. Барнеем, что комплекс Гей-Тепе К производит впечатление периферийного по сравнению с основными центрами куро-аракского энеолита.¹⁴³ Видимо, район Урмии испытал ассимилирующее воздействие со стороны уже сложившейся культуры. Тот же исследователь склоняется к признанию области Элягыза-Малатья в восточной Анатолии исходным центром сложения этого своеобразного комплекса.¹⁴⁴ Действительно, здесь на керамическое производство местных племен могли оказать влияние некоторые приемы гончарного производства малоазиатского энеолита, где великолепная краснолощеная керамика известна по целому ряду памятников.¹⁴⁵ Однако не будет ничего удивительного, если дальнейшие исследования установят для Закавказья местный генезис куро-аракского энеолита на основе комплексов типа Кюль-Тепе I.¹⁴⁶ Отсюда чернолощеная посуда с рельефным орнаментом могла распространиться в восточную Анатолию и далее на юг до северосирийских городков. Как бы то ни было, материалы Гей-Тепе показывают, что в III тыс. до н. э. северо-западный Иран составляет одну из провинций закавказско-восточноанатолийского культурного единства. Возможно, за установлением этого культурного единства, прослеживаемого достаточно четко на археологических материалах, скрывались и какие-то этногенетические процессы (хурритоязычная общность?).

Таким образом, третий период рассматриваемого нами отрезка истории Ирана, который по ведущему признаку, возможно следует именовать эламским, выступает как время разделения страны на две зоны, хотя и противостоящие друг другу, но тесно

и для памятников III тыс. до н. э. с чернолощеной и краснолощеной керамикой. В равной мере шишкиобразные выступы — ручки ранней керамики Кюль-Тепе I могут быть предшественниками полушаровидных ручек более поздней посуды.

¹⁴³ С. А. Вигнер. Eastern Anatolia..., р. 166.

¹⁴⁴ Там же, р. 168.

¹⁴⁵ Характерный для куро-аракской керамики биспиральный орнамент восходит, как это хорошо видно по материалам Караза, к изображению лица на одной стороне сосуда (Н. Косау, К. Тигфап. Егизурум-Кагаз Кариси гаропт. Bell. Turk tarich Kigimi, т. XXIII, 1953). Еще Б. А. Куфтин сопоставлял подобную орнаментацию на одной стороне сосуда с так называемыми лицевыми урнами Трои (Б. А. Кутин. Урартский «колумбарий»..., стр. 126—127).

¹⁴⁶ Остается впечатление по материалам, изданным О. А. Абибуллаевым, что хотя в целом комплекс Кюль-Тепе II культурно наследует Кюль-Тепе I, между ними имеется какой-то хронологический перерыв.

связанные, особенно в областях контактов, и оказывающие взаимное влияние (рис. 40). По мере продвижения в сторону ог городских центров Шумера и Элама замедленный характер темпов исторического развития сказывается все больше, что ярко ил-

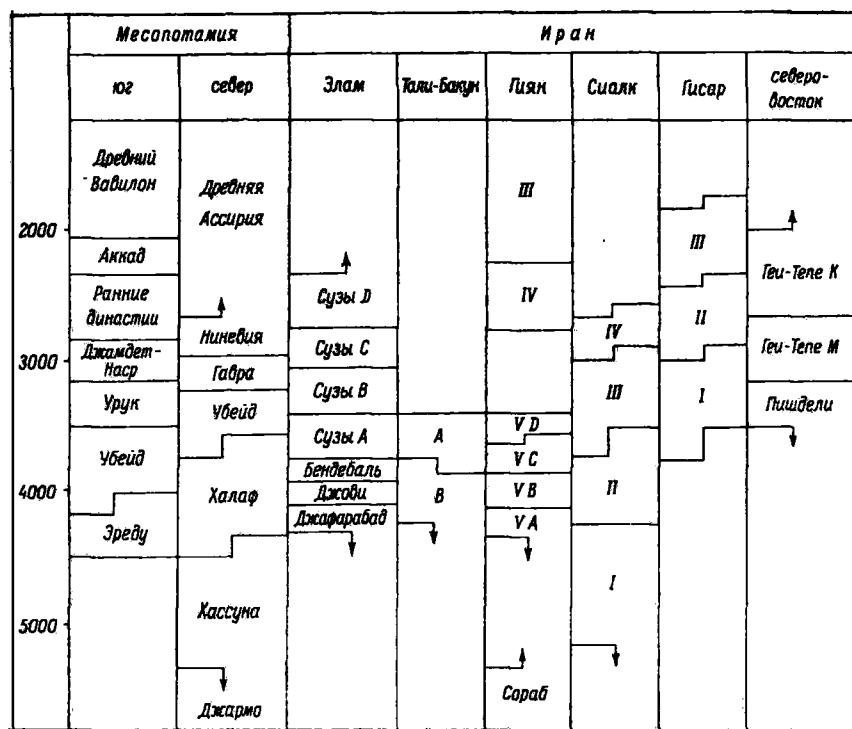

Рис. 40. Сводная стратиграфическая таблица культур Ирана V—II тыс. до н. э.

люстрируется раннеземледельческой культурой Закавказья и, хотя и в меньшей степени, Средней Азии. Чтобы завершить рассмотрение этого периода, необходимо остановиться на процессе разложения первобытнообщинного строя у земледельческо-скотоводческих племен, наглядно иллюстрируемом материалами, происходящими из северо-восточного Ирана. Раскопки Тепе Гисара, Шах-Тепе, а также Тюренг-Тепе¹⁴⁷ рисуют эволюцию

¹⁴⁷ F. R. Wulsin. 1) Excavations at Turang-Tepe. Suppl. to Bull. of Amer. Inst. for Persian Art and Archaeology, v. 2, March, 1932; 2) The early cultures of Astrabad. SPA, v. I, 1939, pp. 163—167.

культуры потомков племен центральноиранской группы¹⁴⁸ во второй половине III—начале II тыс. до н. э.

В это время здесь постепенно исчезает расписная керамика, сменяемая гладкой серой и чернолощеной посудой, что, надо полагать, явилось результатом изменений в технологии ее изготовления.¹⁴⁹ И Тепе Гисар, и Шах-Тепе были небольшими поселками, занимавшими площадь около 1—1.5 га. Известный отпечаток «провинциализма» лежит и на их материальной культуре, что особенно заметно на Шах-Тепе.¹⁵⁰ Тем более показательны те несомненные следы имущественной дифференциации, которые можно наблюдать даже на таких сравнительно небольших поселениях. Проводившая раскопки Тепе Гисара американская экспедиция, судя по публикации, отнеслась с невниманием к планировке поселения и не дала себе труда разобраться в лабиринте жилых комнат и хозяйственных отсеков, образующих многокомнатные дома обычного для раннеземледельческих племен типа. Исключение составило массивное, отдельно стоящее здание, занимавшее площадь 250 м² и расположение на северной окраине поселения.

Здание это относится к фазе Гисар III В и погибло в результате пожара, возникшего, видимо, при нападении на поселение врагов. Обгорелые стены, многочисленные кремневые наконечники стрел, разбросанные на полу, и лежащие здесь же скелеты людей, частично придавленные рухнувшим перекрытием и обвалившимися стенами, дополняют картину катастрофической гибели здания. Характер замкнутой планировки этого здания, имевшей несомненно оборонительный характер (хотя реконструкция, предложенная в книге Э. Шмидта, во многом относится к области фантазии), а также богатые находки, сделанные на полу комнат (золотой кубок, обломки медных и серебряных сосудов, украшения из золота, серебра и лазурита, великолепная медная чаша со скульптурным изображением на дне льва, терзающего поверженного быка, и многое другое) — все это ясно свидетельствует о том, что перед нами жилище имущественно состоятельной патриар-

¹⁴⁸ Как мы уже отмечали, Тепе Гисар возникло в результате расселения центральноиранских племен. Вероятно, таково же происхождение и Шах-Тепе, нижний слой которого (Шах-Тепе III) дает бедную расписную посуду типа Сиалка III. См.: CSEI, р. 54.

¹⁴⁹ Широко распространенное в западной литературе мнение, что расписная посуда типа Сиалка III исчезает в результате какой-то миграции с северо-востока «племен серой керамики», едва ли состоятельно. На юго-западе Средней Азии серая посуда никогда не была распространена в таких масштабах, как в Гисаре и Шах-Тепе, и более характерна (в пору Намазга IV) для западных районов (Ак-Депе под Ашхабадом), где скорее всего является результатом влияния именно со стороны Гисара — Шах-Тепе.

¹⁵⁰ В. М. М а с с о н. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 428.

хальной семьи,¹⁵¹ вероятно приобретшей власть над своими соплеменниками. На это, в частности, указывает обособленный характер здания, расположенного в стороне от теснящихся друг к другу жилищ остальной части поселения.

О значительной имущественной дифференциации, влекущей за собой дифференциацию социальную, свидетельствует и наличие в Гисаре, подобно Хурабу, богатых могил племенной аристократии. Так называемое погребение «молодого воина» содержало 3 глиняных сосуда, алебастровую вазу, бусы, 4 медных кинжала и «жезл военачальника» с изображением козла, стоящего на шестиконечной звезде, весьма близкий хурабскому жезлу с верблюдом. В другом погребении были обнаружены 3 глиняных сосуда, серебряные и халцедоновые бусы, 6 изделий из серебра (2 сосуда, 2 диска, 2 подвески) и 26 медных вещей (2 браслета, 12 серег, 7 колец, 3 подвески, сосуд и «жезл»). При этом характерно, что богатство подчеркивается не простым увеличением количества сосудов (что мы наблюдали, скажем, в Хурабе), а помещением в могилу дорогостоящих предметов — сосудов из меди, серебра, камня, металлических орудий и оружия.

Ф. Энгельс отмечал, что «на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семейств, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов».¹⁵² Археологические данные не дают возможности судить о распространении прав собственности на одушевленные предметы, но раскопки могильников вполне определенно показывают сосредоточение драгоценностей и предметов роскоши у одних и отсутствие их у других. Первобытно-общинный строй вступил в последнюю фазу своего существования.

Помимо таких сравнительно небольших поселений, как Шах-Тепе и Гисар, в северо-восточном Иране существовали и более крупные. Их примером может служить Тюренг-Тепе, где центральную часть поселения образует холм высотой 34 м, а весь памятник в попечнике имеет около 700 м. Примечательно, что посуда, найденная в Тюренг-Тепе, отличается большим изяществом по сравнению с посудой Шах-Тепе и даже Гисара. К сожалению, на Тюренг-Тепе были проведены лишь небольшие разведочные раскопки. На центральном холме отмечены остатки массивной кладки

¹⁵¹ Недавно М. Мэллоун предложил, основываясь на формальных аналогиях, видеть в этом здании остатки храма (M. E. Mallowan. The birth of written history. In: The dawn of civilization. London, 1961, p. 95), что представляется маловероятным (наличие хозяйственных складов, бытового очага, отсутствие цеплы).

¹⁵² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 58.

из сырцового кирпича. Возможно, здесь находилось какое-либо монументальное строение, доминирующее над остальной частью поселения. Еще в XIX в. на Тюренг-Тепе был найден клад из золотых, медных и каменных изделий (рис. 41).¹⁵³ Особенно выделяются два золотых сосуда с изображением на одном — орлов, а на другом — людей, крайне напоминающих внешним видом и одеждой обитателей Шумера и Элама. Входящие в состав этого клада медные наконечники копий с крючкообразно загнутым чешком и другие характерные предметы позволяют с уверенностью относить клад ко времени Гисара III.

По поводу характера этого «клада» можно строить самые различные предположения. Г. Контене полагал, что перед нами часть храмовых богатств,¹⁵⁴ в чем нет ничего невероятного, как и в предположении, что монументальная кладка на главном холме не что иное, как остатки центрального святилища.¹⁵⁵ Более вероятно его происхождение из могилы местного князька, племенного вождя, подобного удачливым предводителям лулубеев, оставившим свои изображения на скалах у Сари-Пуля. Во всяком случае несомненно одно — перед нами яркое отражение происходящего процесса накопления богатств и имущественной дифференциации. Правда, свое завершение этот процесс разложжения первобытнообщинного строя на северо-востоке Ирана нашел, видимо, лишь много столетий спустя, в раннемидийский период, а его замедленным темпам, возможно, способствовали какие-то не вполне ясные нам события. Все три упоминавшихся выше поселения — Шах-Тепе, Тюренг-Тепе и Тепе Гисар — приходят в запустение почти одновременно, в первой трети II тыс. до н. э. Приблизительно в это же время отмечается упадок и крупнейших центров земледельческих общин юго-запада Средней Азии, в частности Намазга-Депе.¹⁵⁶

Раскопки Тепе Гисара свидетельствуют, что незадолго до окончательного запустения имели место яростные военные столкновения. «Дом вождя» был взят штурмом, хотя разгоревшийся пожар и помешал победителям полностью воспользоваться законной добычей: женщины, спрятавшиеся во внутренних комнатах, погибли от обвала стен, а рухнувшее перекрытие скрыло от глаз нападающих ряд ценных вещей. Если вспомним о продвижении бемпурских племен в Белуджистан, о запустении сеистанских поселений,¹⁵⁷ об упадке древних городов в долине Инда, то

¹⁵³ C. A. de Bode. On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Asturabad. Archaeologia, v. XXX, 1844.

¹⁵⁴ G. Contenau. Manuel..., t. VI, p. 1560.

¹⁵⁵ В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, вып. 73, М., 1959, стр. 17.

¹⁵⁶ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 107.

¹⁵⁷ См. стр. 296.

станет ясным, что первая половина II тыс. до н. э. была временем значительных событий и перемещения больших племенных групп в Иране, Средней Азии, Афганистане и на северо-западе Индии. Эти явления, казалось бы, естественнее всего связать с процессом

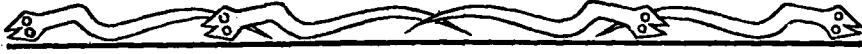

Рис. 41. Предметы Астрабадского клада.

расселения индо-иранских племен и других этнических групп, сдвинутых с места происходившими событиями,¹⁵⁸ однако лишь тщательная систематизация археологических материалов и заполнение хронологических пробелов в сплошной стратиграфии названных стран будут способствовать правильному разрешению этой важнейшей проблемы.

¹⁵⁸ См. стр. 447.

Глава 3

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ АФГАНИСТАНА И ИНДИИ

Археологический материал, характеризующий историю и культуру раннеземледельческих племен, занимавших территории к востоку от Иранского плато, в целом ряде отношений уступает соответствующему материалу, имеющемуся как в Средней Азии, так и в Иране. Большие и систематические раскопки, проведенные на уровне современной методики, в этих районах по существу начаты лишь в последние годы. Долгое время даже хронология отдельных археологических комплексов основывалась не на стратиграфических колонках, а на сопоставлении материалов, полученных при вскрытии верхних слоев поселений. Лишь в последние годы раскопки поселений в районе Кветты¹ и Мундигака в южном Афганистане,² а также наблюдения на ряде памятников северного Белуджистана³ позволяют использовать эту испытанную методику изучения раннеземледельческих культур. Еще более плачевно обстоит дело с широкими раскопками, позволяющими судить о хозяйственно-бытовых комплексах. Если огромные по масштабам, но не всегда совершенные по методике раскопки таких памятников, как Мохенджа-Даро, Хараща и Чанху-Даро, позволяют судить о планировке поселений городского типа, то облик архаических селений раннеземледельческих племен остается

¹ W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta valley. West Pakistan. Antr. Papers of the Amer. Museum of Natural History, t. 54, pt. 2, New York, 1956.

² J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, t. XVII, Paris, 1961.

³ E. J. Ross. A chalcolithic site in Northern Baluchistan. JNES, v. V, № 4, 1946; W. A. Fairservis. Archeological surveys in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan. Antr. Papers of the Amer. Museum of Natural History, t. 47, pt. 2, New York, 1959; B. de Cardi. New wares and fresh problems from Baluchistan. Antiquity, 1959, № 129.

почти неизвестным. Ничтожны и данные, характеризующие уровень их хозяйственного развития. Лишь работы индийских археологов за последнее десятилетие открывают широкие возможности для всестороннего изучения раннеземледельческих поселений центральной Индии, хронологически, правда, относящихся к сравнительно позднему времени. В качестве примера можно указать на планомерные раскопки Навда-Толи, где тщательные исследования установили особенности планировки древнего поселения и дали обширные материалы для изучения хозяйства и культуры населявших его племен.⁴

Однако, несмотря на эти существенные недостатки, имеющийся фактический материал позволяет дать в первом приближении общую картину эволюции ранних земледельцев Индии и Афганистана. Хотя ряд моментов в этой эволюции останется неясным до проведения новых археологических работ, некоторые из общих закономерностей могут быть отмечены уже в настоящее время.⁵ В дальнейшем изложении термин «Индия» применяется как широкое географическое понятие, включающее современную республику Индию и Пакистан.

К числу этих закономерностей, видимо, следует отнести то обстоятельство, что раннеземледельческие культуры в Индии и Афганистане появляются в сравнительно позднее время. В свое время Н. И. Вавилов на основании значительного числа разновидностей злаковых растений пришел к выводу, что горные районы Афганистана и северо-западной Индии были одним из мировых центров происхождения культурных растений.⁶ Однако до

⁴ H. D. Sankalia, B. Subbaga o, S. B. Deo. The excavations at Maheswar and Navdatoli, 1952—1953. Poona—Baroda, 1958. О новых работах см.: IA, 1957—1958, pp. 30—32, 1958—1959, pp. 30—31.

⁵ По первобытной археологии Афганистана фундаментальные сводные работы отсутствуют. См. наш обзор «Древнейший Афганистан» (СА, 1962, № 2, стр. 253—260). По индийским материалам, лучшей сводкой о земледельческих культурах северо-западной Индии остается книга: S. Piggott. Prehistoric India to 1000 b. c. London, 1950; ed. 2, 1952. Однако в ней почти отсутствует остальная Индия, что частично объяснялось состоянием индийской археологии в 1950 г. Новые материалы учтены в работе: M. Wherry. Early India and Pakistan to Ashoka. New York, 1959. Неравномерность развития различных частей Индии отмечена в книгах: D. H. Gordon. The prehistoric background of Indian culture. Вольбру, 1958; B. Subbaga o. The personality of India. Ed. 2, Baroda, 1958. К сожалению, пока отсутствует хорошая археологическая сводка по раннеземледельческим культурам центральной Индии, в широких масштабах изучающимися в последние годы.

⁶ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Труды по прикладн. ботанике и селекции, т. XVI, вып. 2, Л., 1926, стр. 25, 27, 134. См. также: Н. И. Вавилов и Д. Д. Букин и ч. Земледельческий Афганистан. Л., 1929. В Афганистане насчитывается до 60 разновидностей мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*) и до 50 пшеницы карликовой (*T. compactum*).

сих пор в этих областях не обнаружено ни сколько-нибудь развитых культур собирателей поры мезолита, ни ярких раннеземледельческих комплексов наподобие южнотуркменистанского Джейтуна или североиракского Джармо. Не случайно, рассматривая в первой части настоящей книги проблему происхождения раннеземледельческих культур, мы совершенно не касались ни Индии, ни Афганистана. Археология этих стран почти не дает материалов для изучения процесса становления оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Более того, имеющиеся археологические данные свидетельствуют, что Индия и Афганистан были странами сравнительно позднего распространения земледелия. В самом деле, если в Палестине уже в VII тыс. до н. э. высится стены докерамического Иерихона, а в VII—V тыс. до н. э. многочисленные поселения оседлых земледельцев покрывают равнины и горные долины Сирии, Ирака, Ирана и юго-запада Средней Азии, в Индии и Афганистане почти еще ничто не предвещает этих великих перемен. В северном Афганистане произведены раскопки пещеры, дававшей в IX тыс. до н. э. приют охотникам на горных баранов, газель и дикую лошадь, и здесь нет никаких свидетельств о хотя бы начальных этапах развития собирательства дикорастущих злаков.⁷

Если мы обратимся к датам оседлоземледельческих культур Афганистана и Индии, прокорректированным в настоящее время радиокарбоновым анализом, то этот контраст выступит еще более ярко и значительно. Городская цивилизация Хараппы, чьи многочисленные поселения в Синде, Пенджабе и Катхиаваре являются наиболее яркой страницей древней истории Индии, скорее всего должна быть датирована в пределах 2400—1500 гг. до н. э., если даже не немного более поздним временем. Предшествующая ей раннеземледельческая культура Синда восходит лишь к первой половине III тыс. до н. э., и пока неизвестно на каком-либо из многочисленных поселений южного Белуджистана материалов, могущих быть датированными более ранним временем, чем 3000 г. до н. э. Правда, все эти памятники оставлены земледельческими племенами, стоящими на сравнительно высокой ступени развития (рис. 42). Однако в последние годы были открыты в северном Белуджистане и на юге Афганистана, т. е. в областях, где Н. И. Вавилов искал один из мировых центров земледелия, весьма архаичные раннеземледельческие комплексы, датированные серией радиокарбоновых анализов. Эти памятники не могут быть отне-

⁷ C. Coon, H. W. Coulter. Excavation of the Kamar Rock Shelter. Afghanistan, 1955, № 1, pp. 12—15; C. Coon. Seven caves. London, 1957, pp. 217—254. См. обзор: В. А. Ранов. Раскопки палеолитической пещерной стоянки в Афганистане. ИООН АН Тадж. ССР, вып. 1(22), 1960, стр. 145—150.

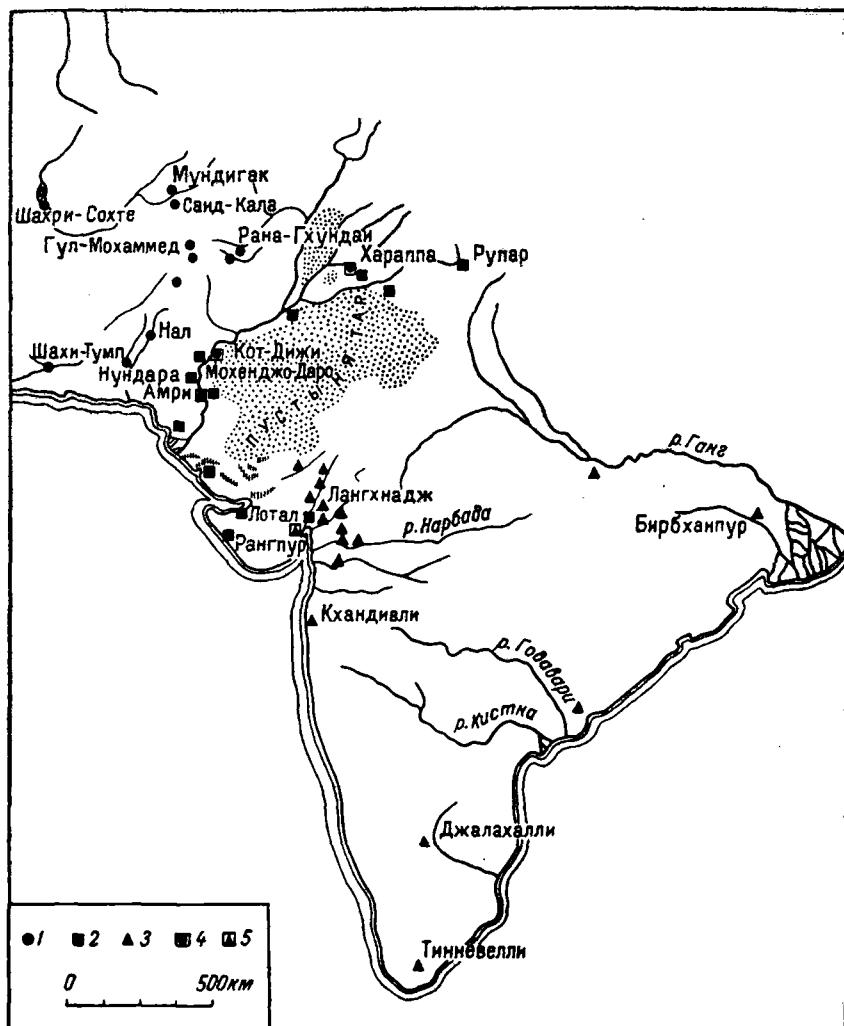

Рис. 42. Индия в IV—III тыс. до н. э.

1 — раннеземледельческие поселения; 2 — памятники культуры Хараппа; 3 — памятники охотничих племен; 4 — памятники Хараппы, перекрывающие раннеземледельческие поселения; 5 — памятники Хараппы, перекрывающие охотничьи стоянки.

сены ко времени, более раннему, чем IV тыс. до н. э.⁸ Если же мы обратимся к долине Ганга и районам центральной Индии, то там мы наблюдаем интенсивное развитие раннеземледельческих культур лишь в середине II тыс. до н. э., и едва ли начало этого процесса заходит много раньше 2000 г. до н. э.⁹

Как можно было заметить, даже в пределах Индии наблюдается существенное различие в датах появления оседлоземледельческих культур в различных районах страны. Здесь мы сталкиваемся со второй характерной особенностью древней истории страны — неравномерностью развития отдельных районов.

В IV—III тыс. до н. э. территория Индии распадалась на две большие зоны. На северо-западе страны (в эту зону входят и южные районы Афганистана¹⁰) складываются культуры оседлых земледельцев-скотоводов, а вскоре на их основе в долине Инда возникает и городская цивилизация Хараппы. Всю остальную территорию страны занимают племена охотников и рыболовов, культура которых характеризуется весьма архаическими чертами. Эти две зоны образуют два полюса хозяйственного и общественного развития. В этом отношении история Индии аналогична истории Средней Азии. По территории обеих стран проходит граница, разделяющая мир оседлоземледельческих племен (так называемых «культур расписной керамики») и обширные пространства азиатского материка, где охотничье хозяйство архаизировало развитие общества. И в Индии, и в Средней Азии можно хорошо наблюдать то прогрессивное влияние, которое оказывали оседлоземледельческие племена на своих соседей. Известные в настоящее время материалы довольно определенно рисуют эту архаическую культуру охотников и рыболовов Индии.

Четкий и выразительный материал дают многочисленные стоянки Гуджарата, которые по наиболее выразительному памятнику иногда объединяют в культуру Лангхнадж.¹¹ Эти стоянки,

⁸ См. обзор вопросов абсолютной хронологии: B. M. Masson. W. A. Fairsegg's. Excavations in the Quetta valley. [Рец.]. CA, № 3, 1960, стр. 350—351. Слои хараппской культуры на поселении Кот-Джики датированы сейчас радиокарбоновым анализом 2125(± 137) и 1967(± 134) гг. до н. э., что подтверждает точку зрения о короткой хронологии Хараппы.

⁹ Ср.: D. H. Gordon. The prehistoric background. . . , p. 29.

¹⁰ В северном Афганистане пока неизвестны памятники раннеземледельческих племен, несмотря на специальные поиски, производившиеся в Афганском Туркестане. Возможно, эти районы входили в зону охотничьих племен подобно горным районам Таджикистана. Как будто есть данные о наличии такого «архаического» неолита в Кашмире (см.: S. Piggott. Prehistoric India. . . , p. 39), хотя Д. Гордон едва ли с достаточными основаниями готов видеть в этих материалах весьма архаическую стадию (D. H. Gordon. The prehistoric background. . . , p. 32). По ряду косвенных данных следует ожидать, что Гератский оазис входит в зону раннеземледельческих культур. Новые раскопки кашмирского неолита см.: IA, 1960—1961, p. 11.

¹¹ B. Subbarao. The personality of India, pp. 71—77; H. D. Sapkalia. 1) Investigations into prehistoric archaeology of Gujarat. Baroda,

число которых в настоящее время достигает восьмидесяти, расположились на дюнах по берегам рек и небольших прудов. Долины нижнего течения рек Нарбады, Махи и Банас были довольно широко освоены в этот период. Обнаруженные при раскопках кости диких животных проливают свет на хозяйство оставивших эти стоянки охотничьих племен. Объектами их охоты были индийский носорог, олень, индийский буйвол и различные виды антилоп. Обнаружены и кости собаки, но зоологи затрудняются в отнесении этого животного к числу одомашненных особей. Исторически наличие прирученной собаки у гуджаратских охотников вполне вероятно. Находки костей рыб свидетельствуют, что охота дополнялась рыболовством. Добывались и шли в пищу также и черепахи. Весьма типичен для охотническо-рыболовческого хозяйства и характер производственного инвентаря гуджаратских стоянок. Полностью господствуют каменные орудия, изготавлившиеся из кремнистого известняка, агата, халцедона и изредка кварца (рис. 43). Широко распространены скребки различных видов: концевые скребки, нуклеусы, использовавшиеся в качестве скребков. Второй характерной чертой кремневой индустрии является наличие орудий геометрических форм: сегментов, трапеций и треугольников. Асимметричные наконечники, возможно, вставлялись в древки стрел. Некоторая грубость орудий, частично обусловленная характером материала, шедшего на их изготовление, придает этой индустрии весьма архаический облик. На одном из памятников было обнаружено навершие булавы, изготовленной из кварцита, но эта находка до сих пор остается уникальной. Изредка в различных местах встречаются черепки глиняных сосудов очень грубой ручной выделки и плохого обжига. Находки этих черепков буквально единичны, и ни один из них не позволяет судить о форме сосудов, но тем не менее их нельзя сбрасывать со счета. Наличие небольших терочных камней могло бы служить указанием на начало собирательства каких-либо дикорастущих злаков, но, поскольку ни в одной из стоянок не было найдено зерен этих злаков, некоторые исследователи сомневаются, что таково было действительное назначение этих орудий.¹² Если подобное заключение вызвано лишь чрезмер-

1946; 2) The microlithic industry of Langhnaj, Gujarat. *Journ. of Gujarat Research Soc.*, v. XVII, № 4, 1956; H. D. Sankalia, I. Kgrave.

1) Preliminary report of the third Gujarat prehistoric expedition. Poona, 1945;

2) Primitive microlithic culture and people of Gujarat. *Amer. Anthropologist*, v. 51, № 1, 1949; F. E. Zeuner. The microlithic industry of Langhnaj, Gujarat. *Man*, 1952, № 182.

¹² H. D. Sankalia. India. In: Courses toward urban life. *Viking Fund Publications in Anthropology*, № 32, New York, 1962, p. 68. Иной точки зрения придерживается Кришнасвами (V. D. Krishnaswami. The neolithic pattern of India. *Indian Science Congress Association, Proc. of 46-th session*, Delhi, 1959, pt. II, p. 126).

ной осторожностью, то все равно собирательство не играло сколько-нибудь заметной роли в хозяйстве гуджаратских охотников:

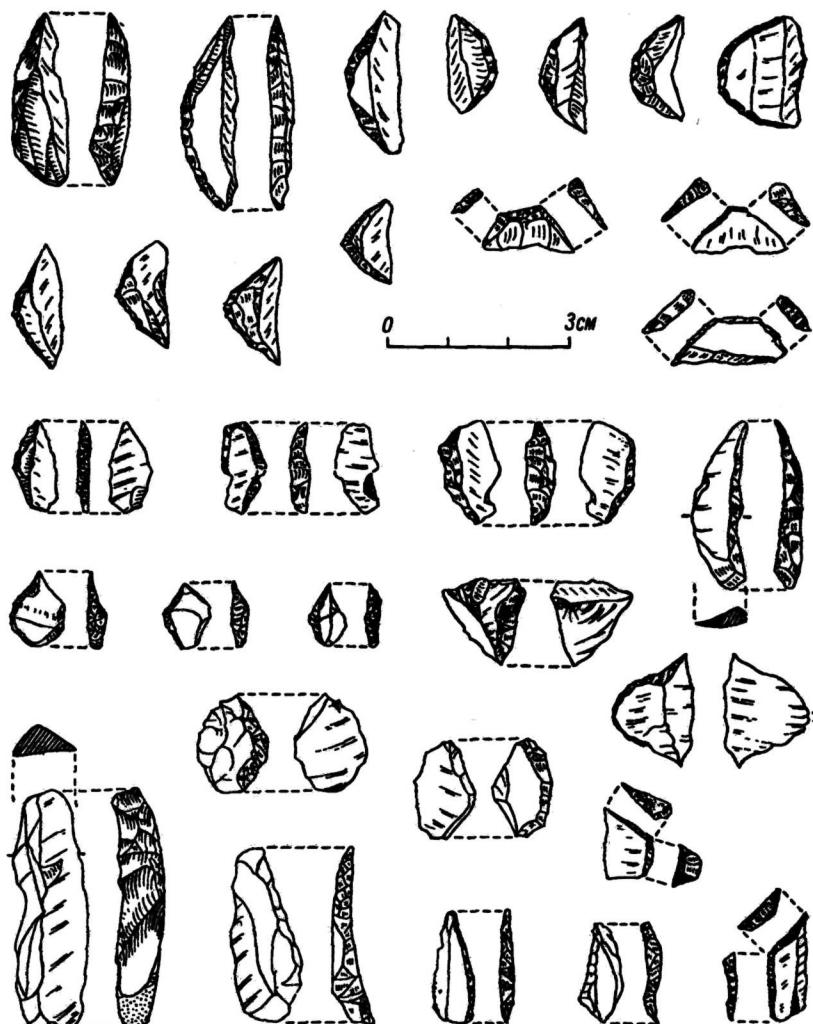

Рис. 43. Кремневые орудия с гуджаратских стоянок.

среди употреблявшихся ими орудий совершенно нет вкладышей серпов.

Можно было бы ожидать, что эта архаическая по своему облику культура охотников и рыболовов относится к весьма ран-

нему времени. Однако имеющиеся данные свидетельствуют, что стоянки гуджаратского типа непосредственно предшествуют появлению на Катхиаварском полуострове поселений, основанных здесь носителями харапской культуры, колонизовавшими эти районы вскоре после расцвета городской культуры в Синде и Пенджабе. Так, в Рангпуре слой с грубой микролитической индустрией гуджаратского типа лежит прямо под остатками глино-битных домов харапского городка.¹³ Более того, в слоях харапских поселений Катхиавара встречаются типичные гуджаратские трапеции и сегменты,¹⁴ свидетельствуя, видимо, о частичной ассимиляции колонистами местного населения. Все это позволяет относить гуджаратские стоянки к IV—III (быть может, и к началу II) тыс. до н. э.

Памятники гуджаратского типа с орудиями геометрических форм как характерной чертой кремневого инвентаря широко распространены на территории Индостана, образуя целый ряд локальных культурных комплексов, оставленных группами племен охотников и рыболовов. Эти комплексы следует отличать от поселений земледельческих племен II—начала I тыс. до н. э., в быту которых сохраняются орудия геометрических форм, сосуществующие с расписной керамикой, сделанной при помощи гончарного круга. К числу памятников охотничьих племен следует относить находки в районе Бомбея,¹⁵ ранний комплекс Джалахалли в Майсоре,¹⁶ ряд комплексов в Андхра Прадеше¹⁷ и в Мирзапуре, в бассейне Ганга.¹⁸ Индийские археологи полагают, что наиболее ранними стоянками являются такие, в инвентаре которых из числа геометрических орудий представлены лишь сегменты, а треугольники и трапеции отсутствуют.¹⁹ Такова стоянка Бирбханпур в западной Бенгалии, тщательно исследованная Б. Лалом.²⁰ Находки здесь сосредоточены на берегах реки и относятся к тому периоду, когда мягкий и увлажненный климат способствовал развитию лесной растительности. Видимо, обитавшие здесь племена занимались охотой и рыбной ловлей. В крем-

¹³ IA, 1953—1954, p. 7.

¹⁴ IA, 1958—1959, p. 19.

¹⁵ K. P. U. Todd. A paleolithic industry of Bombay. JRAI, v. LXIX, 1939, pt. II, p. 257 sqq.

¹⁶ M. Seshadri. The stone-using cultures of prehistoric and proto-historic Mysore. London, 1958.

¹⁷ K. V. Soundara Rajan. Stone age industries near Giddalur, district Kurnool. AI, № 8, 1952.

¹⁸ V. D. Krishnaswami, K. V. Soundara Rajan. The lithic tool-industries of the Singrauli basin. AI, № 7, 1951.

¹⁹ B. Subbarao. The personality of India, p. 77; B. B. Lal. Birbhanpur. A microolithic site in the Damodar valley. West Bengal. AI, № 14, 1958, pp. 36—38.

²⁰ B. B. Lal. Birbhanpur.

невой индустрии, помимо пластин, представлены сегменты, сверла, резцы, наконечники и различные скребки.²¹ Найдена всего лишь одна трапеция и совершенно отсутствует в отличие от гуджаратских стоянок керамика. Вероятно, перед нами весьма ранний археологический комплекс.

К числу сравнительно ранних (для хронологии Индостана) комплексов относятся и основные находки на песчаных дюнах (Teri) в округе Тиневелли, на крайнем юге Индии.²² Эти дюны связаны с уровнем моря в позднеатлантический период, и поэтому основной комплекс вещей из Тиневелли ориентировано датируется временем около 4000 г. до н. э. Обнаруженные здесь орудия изготавливались из кварца и кремневого известняка и представлены лезвиями, сверлами, скребками и различными геометрическими микролитами (сегменты, трапеции, треугольники). Весьма примечательно наличие наконечников стрел, обработанных двусторонней отжимной ретушью. Такие наконечники отсутствуют в других памятниках на территории Индостана, но зато известны на Цейлоне, что свидетельствует об общности культуры Цейлона и Южной Индии.²³

Как можно было заметить выше, мы ничего не говорили об охотничьих племенах северо-западной Индии, т. е. именно тех областей, где появляются древнейшие для этой страны оседлоземледельческие культуры. Хотя огромные аллювиальные толщи Синда и Пенджаба делают сравнительно редкими находки археологических материалов ранних периодов, тем не менее из этого района известны кремневые орудия, весьма близкие кремневой индустрии рассмотренных выше племен охотников и рыболовов Индостана. Эти орудия были обнаружены в Суккуре и Рохри в южном Синде.²⁴ Какие-либо фрагменты керамики здесь отсутствовали, что некоторые авторы были склонны объяснять тем, что перед нами остатки не развеянного поселения, а древней мастерской, хотя как будто здесь не было обнаружено сколько-нибудь значительного количества отщепов. Сами орудия, среди которых мы находим трапеции, сегменты, скребки и сверла, весьма близки кремневой индустрии гуджаратских стоянок, но отличаются более тщательной обработкой. Несколько своеобразны и крупные широкие остроконечники, как бы воскрепляющие палеолитические традиции в обработке кремня. В материалах Сук-

²¹ Б. Лал дает следующую статистику обнаруженных им в Бирбханпуре 282 орудий: лезвия — 37.5%, сегменты — 14.8%, наконечники — 21.2%, сверла — 6.6%, резцы — 4.2%, скребки — 15.3%.

²² F. E. Zeuner, B. Allchin. The microlithic sites of Tinnevelly. Madras State. AI, № 12, 1956.

²³ B. Subbarao. The personality of India, pp. 77, 148.

²⁴ B. B. Lal. Protohistoric investigation. AI, № 9, 1953, pl. XVII; D. H. Gordon. The prehistoric background..., pl. III, a; V. D. Krishnaswami. The neolithic pattern of India, p. 127.

кура некоторые исследователи выделяют три хронологические группы орудий по степени их патинизации. Во всяком случае совершенно ясно, что перед нами памятники более ранние, чем городские поселки Хараппы или предшествующая им в Синде оседлоземледельческая культура Амри. И в Хараппе, и в Амри, так же как в земледельческом энеолите Средней Азии, уже совершенно нет орудий геометрических форм. Поэтому наиболее вероятно, что стоянки у Караби принадлежат племенам, охотившимся в низовьях Инда, подобно гуджаратским современникам, на буйволов и носорогов, изображения которых мы потом находим на печатях Хараппы.²⁵ Пока трудно судить, насколько велика была территория, занятая этими племенами в долине Инда. Аллювиальные толщи великой индийской реки надежно погребли жалкие остатки охотничих стоянок, располагавшихся в древности по ее берегам. Однако случайные находки микролитических орудий в районе Таксила и Равальпинди указывают, что территория эта могла быть довольно значительной.

В то время, когда охотники и рыболовы занимают большую часть Индостана, на крайнем северо-западе Индии и на юге Афганистана появляются первые поселения племен, экономика которых уже перешла грань, отделяющую присвояющее хозяйство от хозяйства производящего. Археологические материалы, несмотря на всю свою ограниченность, достаточно определенно свидетельствуют о том, что в этих областях в IV тыс. до н. э. уже получают распространение две главные отрасли этого производящего хозяйства — скотоводство и земледелие.

В истории раннеземледельческих племен Индии и культурно тяготеющего к этим районам южного Афганистана можно различать три исторических периода: до сложения городской цивилизации Хараппы, в пору существования этой цивилизации и период после гибели древних городов долины Инда. Как можно видеть, эта периодизация основана на истории городской культуры, которая на определенном этапе явилась закономерным результатом развития раннеземледельческих общин, но, сложившись, стала ведущим фактором в истории древней Индии. Ее руководящее значение позволяет именно на таких основаниях строить периодизацию раннеземледельческих общин этой страны.²⁶ В этом отно-

²⁵ M. Wheeler. Early India and Pakistan..., p. 81; D. H. Gordon. The prehistoric background..., pp. 19—21. Д. Гордон считает, что этим племенам Синда было известно и собирательство. В подобном предположении нет ничего невероятного, но конкретные археологические материалы для подобного заключения пока отсутствуют. С

²⁶ Уже Б. Суббарап выделял три «культурных цикла»: Pre-Nagappan, Nagappan, Post-Nagappan (B. Subbaram. The personality of India, p. 88). Подобной четкой формулировки мы не находим ни у С. Пиггота, ни у М. Уилера, ни у Д. Гордона.

шении данная периодизация отлична от периодизации истории древних земледельцев Средней Азии, где городская цивилизация складывается довольно поздно и основой для выделения периодов служат менее значительные изменения в хозяйстве и общественном строе оседлых земледельцев.

В самом начале дохарашского периода истории ранних земледельцев мы должны поместить небольшие оседлые поселки, появляющиеся в IV тыс. до н. э. в горных долинах северного Белуджистана и южного Афганистана. Остатки одного из таких поселков представляют нижние слои поселения Кили-Гул-Мохаммед в районе Кветты.²⁷ Хотя масштабы проведенных здесь раскопок весьма мизерны,²⁸ полученный даже в ходе этих ограниченных раскопок материал имеет первостепенное значение.

В самых нижних слоях (Кили I), достигающих толщины 5 м, по наблюдениям В. Ферсервиса, совершенно отсутствовали чешуйки глиняной посуды, что, возможно, связано со скромными масштабами проводившихся работ. Во всяком случае скорее всего только этим можно объяснить и отсутствие остатков сырцовой архитектуры в самых нижних слоях Кили I. В верхних слоях стены древних строений попали в ограниченные пределы шурфа, и исследователям удалось замерить величину одного из сырцовых кирпичей, оказавшуюся равной $30 \times 9 \times 7.5$ см.²⁹ В культурном слое были встречены грубые орудия, сделанные из кремневого известняка. В основном это были небольшие, толстые пластины и скребки на отщепах. Встречены также костяные проколки. Весьма показательно, что подавляющее большинство костей животных в Кили I принадлежит уже одомашненным особям. Это были козы, овцы и крупный рогатый скот, относительно которого у зоологов существует известное сомнение в том, в какой мере он относится к типичному представителю местной фауны — *Bos indicus*.³⁰ Мощность культурных слоев Кили I наряду с остатками сырцовой архитектуры показывает, что к числу занятий древнейших обитателей этого поселения можно отнести и земледелие, хотя прямых указаний на это обнаружено не было. Ничтожное количество костей диких животных свидетельствует о том, что скотоводство и земледелие уже стали основными занятиями жителей Кили-Гул-Мохаммед и что была пройдена архаическая

²⁷ W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta valley, pp. 222—223 sqq.

²⁸ Заложенный здесь шурф размером 7×7 м по мере углубления был сокращен до размеров 3.5×3.5 м, а нижние культурные слои были пройдены всего на площадке в 1.75×1.75 м.

²⁹ Очень странный формат, возможно объясняющийся тем, что измеренный кирпич не представлял целый образец.

³⁰ W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta valley, p. 382, ср., однако, стр. 359.

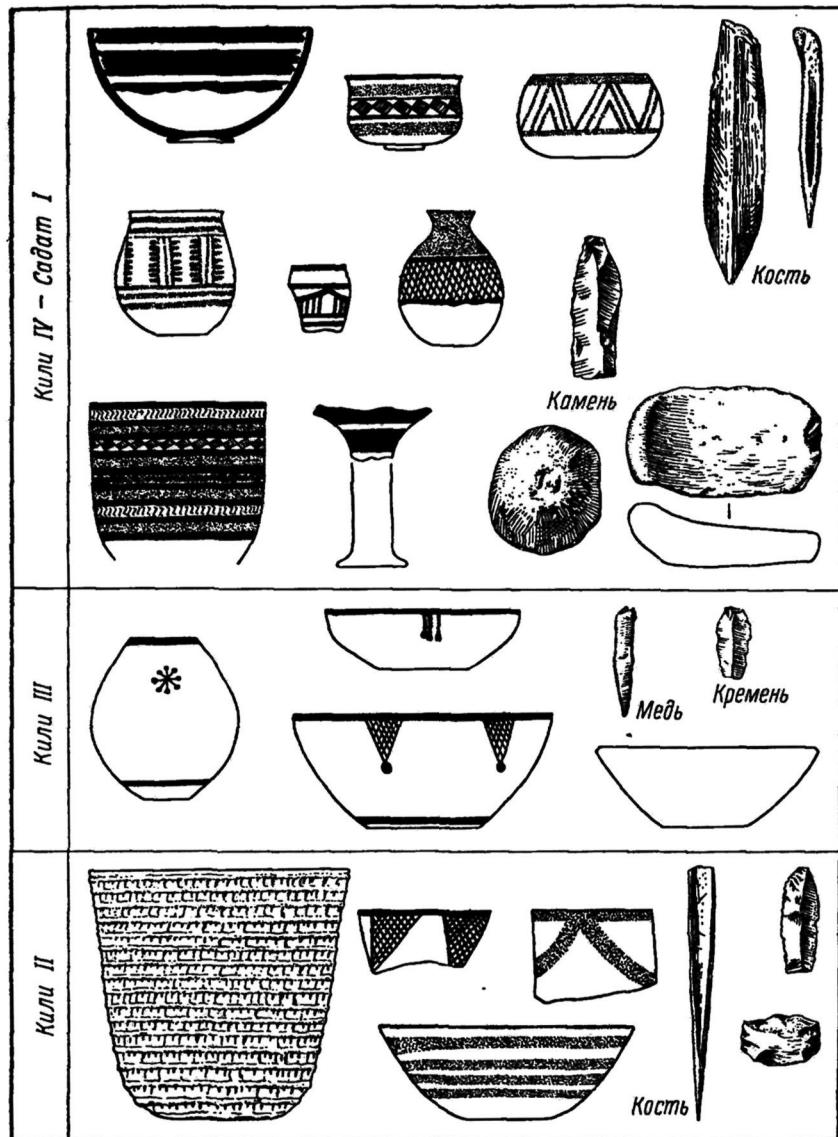

Рис. 44. Стратиграфия Гул-Мохаммед-Гхундай.

стадия хозяйства, получившая отражение в материалах Джейтуна и Джармо. Тем более поразительна сравнительно поздняя дата, которую дают для этого «докерамического неолита» результаты радиокарбонового анализа, — 3350(± 200) г. до н. э. Правда, образец для анализа был взят из верхних наслоений Кили I и вполне возможно, что весь комплекс в целом относится к IV тыс. до н. э.³¹ Но тем не менее это было время, когда на юго-западе Средней Азии уже процветает энеолитическая культура с богатой расписной посудой, а древнейшие обитатели Шумера возводят свои первые святилища и храмы. Однако в дальнейшем развитие культуры севернобелуджистанских земледельцев идет быстрыми темпами, как бы нагоняя своих соседей.

В слоях следующего комплекса — Кили II, достигающих толщины 2 м, появляются черепки глиняных сосудов, сделанных сначала от руки, с поверхностью, как бы сохранившей отпечатки плетеной корзины (*basket-marked pottery*), а затем, к концу Кили II, изготовленных на гончарном круге и украшенных несложной росписью (рис. 44). По-прежнему встречаются грубые кремневые орудия и костяные шилья. Таким образом, Кили-Гул-Мохаммед, это небольшое поселение, площадью около 0,5 га, приобретает черты «типичного», с точки зрения археолога, поселка ранних земледельцев. В плодородной Кветтской долине этот поселок не был одиноким: по крайней мере на пяти других памятниках, также имевших весьма скромные размеры, обнаружена глиняная посуда типа Кили II.

Соответствующие материалы встречены и в других долинах северного Белуджистана. Неподалеку от города Лоралай расположена памятник, наименование которого звучит менее поэтически: Рана-Гхундай. Здесь в нижних слоях (Рана-Гхундай I) также обнаружена посуда ручной лепки (в том числе и *basket-marked pottery*), аналогичная древнейшей керамике кветтских поселений.³² Кремневые и костяные орудия и кости домашнего мелкого и крупного рогатого скота свидетельствуют и об общности хозяйства у племен, заселявших соседние горные долины: это были оседлые земледельцы и скотоводы.³³ Возможно, древние

³¹ Едва ли нижние слои Кили-Гул-Мохаммед заходят в V тыс. до н. э., как полагают некоторые авторы. См., например: B. Subbaga. *The personality of India*, p. 92.

³² E. J. Ross. A chalcolithic site..., pp. 299—300; W. A. Faitheis. Archeological surveys, pp. 302, 363.

³³ На примере Рана-Гхундай хорошо видно не всегда обоснованное стремление археологов видеть в нижних слоях обследовавшихся ими памятников архаическую стадию, когда прочная глиниобитная архитектура еще отсутствовала, а население вело якобы полубродячую жизнь. С этим явлением мы сталкивались выше на примере нижних слоев Сиалка и Хассуны. То же самое пишет Росс и про Рана-Гхундай I. Между тем в это время глиниобитные дома в северном Белуджистане явно существовали; их остатки обнаружены B. Ферсервисом в шурфе на Кили-Гул-Мохаммед, который, однако,

общины, изготавлившие сходную посуду ручной лепки, уже в это время появились и в районе Келата.³⁴

Скорее всего IV тыс. до н. э. можно датировать и древнейшие поселения оседлых земледельцев на юге Афганистана. Здесь, в районе Кандагара, расположено поселение Саид-Кала, в нижних слоях которого обнаружена грубая посуда ручной лепки, в том числе с отпечатками на черепках материи.³⁵ Посуда ручной лепки обнаружена и в самом нижнем слое другого поселения этого района (Мундигак I, 1), но здесь ее скоро сменяет ремесленная керамика.³⁶ Все это не оставляет сомнения, что в IV тыс. до н. э. на северо-западе Индии и на юге Афганистана мы имеем дело со сравнительно широким распространением раннеземледельческих племен, изготавливших глиняную посуду ручной лепкой.

В наш обзор древнейших земледельческих памятников не вошли районы долины Инда и южного Белуджистана. Д. Гордон подсчитал, что на семи поселениях в южном Белуджистане найдены черепки сосудов с отпечатками материи, но тут же вполне справедливо отметил, что отнесение их именно к раннему периоду сугубо проблематично.³⁷ На юге Белуджистана, так же как и в долине Инда, древнейшие памятники оседлых земледельцев характеризуют уже довольно развитую культуру, носители которой, в частности, в совершенстве овладели гончарным кругом. Вполне естественно, что в Индии, так же как это имело место в Месопотамии, ранние земледельцы, лишь накопив значительный хозяйственный и организационный опыт, могли приступить к освоению долин крупных рек. Видимо, аналогичным образом обстояло дело и с освоением засушливых пространств южного

следуя этой традиции, готов видеть «досырцовую» стадию уже в нижних слоях исследованного им памятника. В этой связи совершенно фантастической выглядит характеристика С. Пигготом древнейших обитателей Рана-Гхундай как кочующих пастухов, освоивших верхового коня (S. P i g g o t t. Prehistoric India . . ., p. 121). Нет уверенности в том, что костные остатки лошади из Рана-Гхундай принадлежат уже одомашненным особям. В Кили лошадь входила в состав дикой фауны (W. A. F a i r s e r g i s. Excavations in the Quetta valley, p. 382).

³⁴ B. de C a r d i. New wares . . ., p. 17. Здесь, однако, basket-marked pottery как будто появляется позднее посуды с простой росписью типа Кили II.

³⁵ W. A. F a i r s e r g i s. Preliminary report on the prehistoric archaeology of the Afghan-Baluchi areas. Amer. Museum Novitates, № 1587, New York, 1952, p. 24. В этих слоях найден один черепок сосуда, сделанного на гончарном круге, возможно попавший сюда случайно.

³⁶ J. M. C a s a l. Fouilles de Mundigak, v. I, pp. 29, 126. Слой, выделляемый автором как Мундигак I, 1, имеет толщину всего 15 см, и в нем найдено лишь два черепка. В слое Мундигак I, 2 уже преобладает посуда, сделанная с помощью гончарного круга.

³⁷ D. H. G o r d o n. 1) The pottery industries of the indo-iranian border. AI, №№ 10—11, 1954, p. 167; 2) Prehistoric background . . ., p. 27.

Белуджистана, где количество осадков незначительно, а речки, превращаясь во время ливней в бурные потоки, в остальное время года представляют собой жалкие ручьи и лужи.³⁸ Наоборот, Кветто-Пишинское нагорье, где мы находим первые поселки земледельцев, является наиболее плодородной частью Белуджистана: там осадки даже допускают выращивание посевов под дождь.³⁹ Есть основания считать, что подобные различия имели место и в IV—III тыс. до н. э., хотя климат Индии, вероятно, был несколько мягче современного. Сама топография поселений древнейших земледельцев указывает на существование этих различий, имевших важнейшее значение для древнего населения.

Естественно возникает вопрос о происхождении древнейшей оседлоземледельческой культуры Индии и Афганистана. Ее весьма поздняя по сравнению с более западными культурами датировка наводит на мысль, что земледелие в рассматриваемых районах появилось в результате каких-либо воздействий со стороны более древних культурных центров. Однако древнейшая глиняная посуда белуджистанских поселков (*basket-marked pottery*) весьма своеобразна: мы не находим ей прямых аналогий в памятниках Ирана или Средней Азии, откуда, казалось бы, могли прийти первые земледельческие племена. Кроме того, наличие среди одомашненных животных крупного рогатого скота местных пород также является одним из аргументов в пользу местного генезиса земледельческо-скотоводческой культуры.⁴⁰ Все это позволяет ставить вопрос, нельзя ли считать появление в IV тыс. до н. э. в горных долинах Белуджистана и Афганистана первых примитивных земледельцев с архаической лепной посудой и грубой кремневой индустрией запоздалым завершением того широкого процесса становления раннеземледельческих культур, который в VII—V тыс. до н. э. охватил территорию Передней Азии. Возможно, что при этом роль своеобразного катализатора сыграло расселение западных племен, уже перешедших к прогрессивным видам хозяйства. Решить этот вопрос можно будет лишь после новых археологических исследований на востоке Ирана. Во всяком случае вскоре после сложения первых земледельческих поселков в Индии и Афганистане мы наблюдаем в их культуре несомненные следы западных воздействий.

Проявление этих воздействий приходится на пору быстрого подъема культуры и хозяйства раннеземледельческих общин.

³⁸ О. Х. К. Спейт. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 452.

³⁹ М. Питхавалла. Пакистан. М., 1952, стр. 47, 81. Ср.: W. A. Fairsegraves. The Nagarran civilisation — new evidence and more theory. Amer. Museum Novitates, № 2055, New York, 1961, p. 5.

⁴⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 297—298. Однако, как отмечалось выше, крупный рогатый скот из древнейших слоев Кили как будто отличен от *Bos indicus*.

В Кветтском районе эта пора приходится на время бытования комплексов типа Кили III и Кили IV (а также Садаат I, практически одновременного Кили IV). В это время здесь уже насчитывается 18 памятников, правда, являющихся исключительно остатками небольших поселков, площадью 0.5—1 га. Видимо, обитателям этих поселков приходилось для орошения своих полей использовать воду многочисленных небольших протоков, орошающих Кветтскую долину или даже, поскольку, как показывает современная практика, этот источник оказывается недостаточным, рыть колодцы, вода которых также поступала на орошение. Едва ли в это время уже была разработана система кяризов, являющихся третьим источником орошения в районе Кветты. Во всяком случае в связи с ростом населения несомненно имело место и расширение обрабатываемых площадей. В составе стада по имеющимся материалам, существенных изменений не отмечается. В употребление уже вошли медные орудия: одно медное шило было найдено в слое Кили III. Правда, следует иметь в виду, что вообще медные орудия встречаются при раскопках сравнительно редко и что, возможно, и более ранняя культура кветтских племен уже была энеолитической. Весьма существенные изменения происходят в области керамического производства. Старые типы сосудов ручной лепки (в том числе и *basket-marked pottery*) вскоре исчезают и сменяются превосходной посудой, сделанной на гончарном круге и весьма часто увенчанной росписью. В слое Кили III эта роспись еще сравнительно проста, но в Кили IV геометрические орнаменты заметно усложняются и появляется посуда с яркой двухцветной росписью (так называемая полихромия типа Кечи-Бег). Раскопки Мундигака в южном Афганистане также свидетельствуют о наличии здесь в конце IV—первой половине III тыс. до н. э. достаточно развитой оседлоземледельческой культуры. Уже в слоях Мундигак I, 2—4 90% всей глиняной посуды изготавливается с помощью гончарного круга. Появляются сосуды с двухцветной росписью, аналогичные полихромной керамике кветтских поселков. Широко распространены терракотовые пряслица, появляются медные орудия, найдена плоская каменная «гиря» с ручкой (рис. 45). В слое Мундигак II процент керамики, изготовленной на круге, уменьшается, но в других областях мы наблюдаем дальнейший прогресс. Распространяются каменные печатки и терракотовые фигурки животных, известна медная булавка с бисириальной головкой.⁴¹

⁴¹ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 139, 4. Эта булавка отличается тем, что спирали закручены внутрь, а не наружу, как это обычно для подобных изделий. Ж. М. Касалю не удалось найти прямых аналогий этой булавке (Fouilles de Mundigak, v. I, p. 107). Между тем такой, пожалуй единственной, аналогией является серебряная булавка из хакского клада, найденного в Фергане и состоящего из вещей, изготовленных где-то в обла-

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел. Обнаружены обугленные зерна пшеницы (*Triticum compactum*).

Аналогичную картину интенсивного развития мы наблюдаем и в районах, соседних с Кветтской долиной. В районе Лоралай к этому времени относится второй слой Рана-Гхундай, характеризуемый превосходной расписной керамикой, сделанной на гончарном круге. На происходящих из этого слоя вазах на ножках, форма которых поразительно близка сосудам иранского Гисара, помещаются изображения горбатых индийских быков и антилоп с ветвистыми рогами. Ни тех, ни других мы не видим на посуде кветтских поселений, что, видимо, отражает локальные различия соседних племенных групп (вспомним отличия в росписи на посуде из двух племенных групп на юго-западе Средней Азии). В северном Белуджистане горный характер местности, когда очагами земледелия становились обособленные друг от друга долины, способствовал развитию локальных культурных вариантов. Один из таких вариантов представляли кветтские поселки, другой характеризуется археологическим комплексом, иногда именуемым по географическому признаку комплексом или культурой Зхоба. Его типичным памятником и является поселение Рана-Гхундай. В это время в районе Лоралай возникает еще одно поселение — Сур-Джангаль,⁴² материал типа Рана-Гхундай II обнаружен и на крупнейшем поселении района — Дабар-Кот.⁴³

Была в это время освоена и долина р. Зхоба, где уже существовали такие поселения, как Каундай, Могул-Гхундай и Периано-Гхундай. Из них последнее является остатками весьма крупного поселения (его размеры 450×315 м), скорее всего являвшегося своеобразным центром большого района. Во всяком случае такого крупного памятника мы не встречаем в долине Кветты,

---

стях земледельческих общин юга. Правда, хакский клад датируется более поздним временем, чем Мундигак II. См.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959, стр. 114; С. С. Сорокин. Хакский клад. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. XIX, Л., 1960, стр. 28—32.

⁴² Слои типа Рана-Гхундай I здесь не обнаружены. Поселение возникает именно в пору Рана-Гхундай II, поскольку слои этого времени расположены непосредственно на материке.

⁴³ Впервые древние поселения в районе Лоралай и по р. Зхобу были обследованы Ф. Нетлингом еще в конце XIX в. См.: F. Netting. 1) Über eine prähistorische Niederlassung im oberen Zobthal in Baluchistan. Z. f. Ethnol. u. Verhandl., Berliner Gesell. f. Anthropol., Ethnol. und Urgesch., Bd. 30, 1898, SS. 461—471; 2) Über prähistorische Niederlassungen in Baluchistan. Ibid., Bd. 31, 1899, SS. 100—110. Основной материал по этим памятникам был получен в результате работ А. Стейна (A. Stein. An archaeological tour in Waziristan and Northern Baluchistan. MASI, № 37, Calcutta, 1929). Дополнительные разведки В. Фэрсервиса позволили уточнить стратиграфию поселений в свете новых данных (W. A. Fair servis. Archeological surveys. . .).

где население было рассредоточено по мелким поселкам. Как отмечает А. Стейн, в настоящее время осадки, выпадающие в районе Периано-Гхундай, недостаточны для выращивания посевов, а высокие берега р. Зхоба позволяют вывести каналы лишь несколько выше форта Сандемана.⁴⁴ Именно в районе, где возможно искусственное орошение, расположены все три названных памятника. Выше по течению р. Зхоба, где крутые берега исключают забор воды в каналы без сложных подъемных механизмов, нет и раннеземледельческих поселений. Поэтому можно считать, что именно поля, орошавшиеся небольшими каналами, отводившими воду из р. Зхоба, являлись хозяйственной основой расцвета здесь раннеземледельческой культуры.

Естественно, что прогрессивное развитие оседлоземледельческой культуры сопровождалось увеличением численности населения и образованием новых поселков. Эти же причины привели и к расселению северобелуджистанских племен на более обширной территории. Так, уже вне узких горных долин, на аллювиальных равнинах Пенджаба на берегу р. Рави, там, где позднее сложилась одна из древнейших столиц — Харappa, существовало поселение раннеземледельческих племен первой половины III тыс. до н. э. Его слои были перекрыты мощной платформой цитадели Хараппы. Найденные в этих слоях черепки принадлежали сосудам, изготовленным на гончарном круге и покрытым несложной росписью.⁴⁵ Эти черепки весьма близки посуде ранних земледельцев Зхоба. Видимо, эти земледельцы в поисках новых земель покинули горные теснины и спустились в долину Инда.⁴⁶ Это было первым шагом на пути, который в конечном итоге привел к сложению городской цивилизации древней Индии.

Если двигаться на юг от района Кветты, то и там отмечаются различия в культуре отдельных племенных групп ранних земледельцев. Так, для раннеземледельческих поселений в области Келата также характерна сделанная на гончарном круге расписная керамика, но здесь в росписи встречаются не горбатые быки, как на керамике Зхоба, а фигурки козлов, обычно весьма

⁴⁴ A. Stein. An archaeological tour in Waziristan. . . , p. 32.

⁴⁵ R. E. M. Wheeler. Harappa 1946: the defences and cemetery R 37. AI, № 3, 1947, pp. 90—91.

⁴⁶ Коллекция керамики из-под цитадели Хараппы слишком мала для ее уточненного определения по стратиграфическим колонкам Белуджистана. С. Пиггот уверенно отнес ее к типу Рана-Гхундай III C (S. Piggott. Prehistoric India. . . , p. 142). Более прав, видимо, В. Ферсервис, осторожно говорящий о сходстве с комплексами Рана-Гхундай II—III (W. A. Fergusson. The chronology of the Harappan civilization and the Aryan invasions. Man, 1956, nov., p. 154).

схематичные, и наряду с ними, но более редко — птицы и даже изображения людей.⁴⁷

Развитую оседлоземледельческую культуру с посудой, изготавливавшейся при помощи гончарного круга, мы находим в первой половине III тыс. до н. э. и далее к югу: в Синде и, видимо, в южном Белуджистане. Здесь этим временем датируются комплексы типа Амри и частично типа Нала.⁴⁸ К сожалению, отсутствие четких стратиграфических колонок затрудняет археологическую классификацию этих южных памятников, и зачастую различные авторы по-разному определяют соотношение тех или иных групп расписной керамики.

Поскольку целью настоящего изложения является не углубление в дебри орнаментальной сколастики, а прослеживание общей линии исторического развития, мы остановимся лишь на тех комплексах, ранняя датировка которых является бесспорной.

Такова группа небольших поселений в западном Синде, содержащая керамику с двуцветной росписью типа Амри, в ряде случаев лежащую под слоями культуры Хараппы.⁴⁹ Эти поселения расположены на берегах небольших речек, стекающих с Киртхарского хребта, и, видимо, именно эти речки доставляли воду для орошения полей. Область, занятая поселками с керамикой типа Амри, входит в зону, где весьма ощутимо сказываются периоды разливов. Так, например, озеро Манчар в пору разливов увеличивает свою площадь более чем в десять раз. На берегу этого озера расположено одно из поселений времени Амри. Вероятно, древние гемледельцы уже в эту пору начали как-то использовать эти разливы для нужд орошения и накапливаемый ими опыт сыграл затем существенную роль в сложении городской цивилизации Хараппы.

⁴⁷ B. de Cärdi. 1) On the borders of Pakistan: recent exploration. Journ. Royal India, Pakistan and Ceylon Soc., v. 24, pt. 2, 1950; 2) A new prehistoric ware from Baluchistan. Iraq, v. XIII, pt. 2, 1951; 3) New wares. . . , p. 19.

⁴⁸ В этом отношении мы следуем за С. Пигготом. См.: S. Piggott. 1) The chronology of prehistoric North-West India. AI, № 1, 1946, pp. 8—22; 2) Prehistoric India. . . , pp. 75—95. Насколько увлечение спекулятивными построениями вокруг керамических стилей может заслонить реальную историческую перспективу, видно по работе: D. H. Gordon. The pottery industries. . . Не отрицая справедливости отдельных наблюдений автора, приходится лишь сожалеть, что он запутал и без того сложные вопросы корреляции отдельных керамических типов введением новых терминов (например, вместо Рана-Гхундай I, II, III — Лоралай I, II, III).

⁴⁹ N. C. Majumdar. Explorations in Sind. MASI, № 48, 1934, pp. 25—28, 65—76, 84—86, 91—93, 114—116, 120—125, 148. Слои Амри открыты на таких поселениях, как Амри, Лохри, Дамб Бутхи, Бандхи и Чауро. В Гази-Шахе и Панди-Вахи довольно явственно выступают элементы круга Нала. О новых раскопках см.: J. M. Casal. Rapport provisoire sur les fouilles exécutées à Amri (Pakistan) en 1959—1960. Arts asiatiques, t. VIII, f. 1, 1961, pp. 11—26.

Поселения времен Амри состояли из сырцовых домов, стены которых покоялись на каменном основании, видимо игравшем большую роль в период ливневых дождей, вызывающих катастрофические наводнения. Эти каменные кладки отмечены почти во всех поселениях Амри. Разведочный характер проведенных раскопок не позволяет судить о планировке поселений: известны лишь небольшие по площади комнатки и закутки, имевшие скорее всего хозяйственное назначение и входившие в состав больших, многокомнатных строений. Часть такого большого дома была недавно раскопана в Амри Ж. М. Касалем. Керамика Амри в основном уже изготавлялась на гончарном круге быстрого вращения. Ее стенки покрывает двухцветный узор, варьирующий в основном различные геометрические орнаменты. Вместе с тем имеются изображения животных (козлы, бык, собака или волк). Хотя медь уже была известна повсюду, на поселениях имеются следы выделки кремневых орудий: кремневые отщепы, нуклеусы и правильные пластины. Однако орудия геометрических форм уже полностью отсутствуют.

Как мы видели, на севере в первой половине III тыс. до н. э. начинается проникновение земледельческих племен в долину Инда: один из древнейших поселков оказался погребенным под цитаделью Хараппы. Аналогичную картину мы наблюдаем и на юге: само поселение Амри, давшее наименование целой группе памятников, расположено неподалеку от главного русла Инда. Но в это время земледельцы уже переправляются и на левый берег этой реки. Сравнительно недавно на левобережье был открыт памятник, где под слоями городской культуры Хараппы оказались остатки более раннего поселения. Хотя об этом открытии появились лишь краткие сообщения, его принципиальная значимость несомненна.⁵⁰ Древнеиндийская цивилизация уже не представляется загадочным явлением, а может рассматриваться как закономерная фаза в ходе эволюции оседлоземледельческой культуры. Установление более ранней по сравнению с Хараппой датировки памятников типа Амри, обнаружение раннеземледельческого поселка под руинами Хараппы и, наконец, открытия в Кот-Дижи позволяют проиллюстрировать это общее положение вполне конкретными археологическими комплексами.

Шесть верхних слоев Кот-Дижи содержат руины небольшого городка типа, обычного для культуры Хараппы. Ниже оказались остатки укрепленного поселения оседлых земледельцев (12 слоев). Его культура достаточно развита, но по целому ряду элементов

⁵⁰ F. A. Khan. 1) Before Mohenjo-daro. ILN, may 24, 1958, pp. 866—867. 2) Preliminary report on Kot Diji, 1957—1958. The Department of Archaeology, Karachi, 1958—1959; J. M. Casal. Archéologie pakistanaise: les fouilles de Kot Diji. Arts asiatiques, t. VII, f. 1, 1960, pp. 53—60. Дохараппские слои в своей поздней части датированы 2463 (± 141) г. до н. э.

отлична от собственно харапской цивилизации. Здесь еще нет характерных древнеиндийских печатей, отличается известным своеобразием и расписная посуда, украшенная геометрическими орнаментами и сравнительно редкими изображениями животных. Но эта посуда уже сделана на гончарном круге. Хотя в дохарапских слоях Кот-Джи медь не была обнаружена, едва ли приходится сомневаться, что перед нами пора энеолита. До полной публикации материалов, разумеется, трудно судить об облике этого керамического комплекса. Он как будто отличен от расписной посуды Амри и, что особенно интересно, в поздней фазе обнаруживает точки соприкосновения с изделиями собственно харапского времени.

Как мы могли видеть, раннеземледельческие общины Афганистана и северо-западной Индии в конце IV—I половине III тыс. до н. э. прошли путь быстрого и интенсивного развития. Особенно заметно это на примере древних поселений в районе Кветты. Еще в середине IV тыс. до н. э. здесь существовали весьма примитивные поселки, обитателям которых, возможно, еще не было известно искусство изготовления глиняной посуды. Однако довольно скоро появляются первые грубые лепные сосуды, а в первой половине III тыс. до н. э. повсеместно распространяется превосходная расписная керамика, сделанная с помощью гончарного круга и явно обожженная в специальных печах. Таким образом, за какие-то несколько сот лет пройден путь, на который в других странах уходили чуть ли не тысячелетия.⁵¹ Исследователи уже давно обратили внимание на это обстоятельство, и было высказано предположение, что гончарный круг распространился в среде белуджистанских племен в результате воздействия со стороны Ирана, где он применялся уже в конце IV тыс. до н. э. Действительно, форма ваз на ножках из второго слоя Рана-Гхундай весьма близка аналогичным сосудам Сиалка и Гисара, а стиль, в котором выполнялись изображения животных, украшающих эти сосуды, также близок стилю росписи иранских сосудов. Г. Чайлд считал, что это обстоятельство позволяет сделать вывод лишь о переселении из Ирана небольшого числа профессиональных гончаров,⁵² тогда как большинство исследователей полагает, что имела место заметная инфильтрация западных племен в среду раннеземледельческих племен Белуджистана.⁵³ Всестороннее рас-

⁵¹ В северном Ираке древнейшая керамика, найденная в Джармо, относится, видимо, к первой половине VI тыс. до н. э., а гончарный круг получает распространение лишь во второй половине IV тыс. до н. э. В Средней Азии первую лещную керамику и введение гончарного круга также разделяют почти три тысячелетия.

⁵² Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 298.

⁵³ D. H. G o g d o n. Prehistoric background..., p. 36; W. A. F a i r s e r v i s. Excavations in the Quetta valley, p. 360; J. M. C a s a l. Fouilles de Mundigak, v. I, p. 118.

смотрение этого вопроса затруднено отсутствием изученных промежуточных памятников между Гисаром и Рана-Гхундай. Но было бы по меньшей мере странно, чтобы небольшая группа лиц могла оказать столь существенное воздействие на значительную сферу производства, если бы только это изменение не соответствовало каким-то внутренним предпосылкам, сложившимся в обществе. Скорее всего действительно имело место проникновение в Белуджистан ряда племенных групп, вошедших в состав местного населения и вскоре в значительной мере им ассимилированных.

В этом отношении особенно показательна культура древнейшего Мундигака, где сразу появляется превосходная керамика, изготовленная на гончарном круге, а целый ряд мотивов росписи (животные, малтийский крест) находит себе прямые параллели в центральноиранских памятниках и, в частности, в Сиалке. Возможно, известную роль в восточном распространении иранских племен сыграла обменная торговля лазуритом, который со второй половины IV тыс. до н. э. довольно широко распространяется в Иране, Средней Азии и Месопотамии, тогда как единственные крупные его месторождения находятся в Бадахшане. Более развитое производство пришельцев способствовало быстрому прогрессу хозяйства северобелуджистанских и южноафганских общин. Но отнюдь нельзя утверждать, что вся культура ранних земледельцев этих районов создана пришлыми племенами. Восприняв целый ряд западных достижений, эта культура остается в своей основе глубоко своеобразной. Недаром на вазах гисарского типа мы видим не гисарских козлов и леопардов, а антилопу и индийского быка.

Еще более сложен вопрос о генезисе раннеземледельческих общин южного Синда и Белуджистана. Полихромная посуда Амри в ряде отношений весьма близка двуцветной керамике Кветты типа Кечи Бега, что позволяет допускать появление раннеземледельческих племен в южных районах в результате постепенного продвижения с севера. Однако отнюдь не следует упускать из виду и южный путь, по берегу Персидского залива, идущий к процветающим оазисам юго-западного Ирана, с блестящими культурами Суз и Тали-Бакуна, бывшими предметом нашего изложения в предшествующей главе. Эти южные связи отчетливо выступают во второй половине III—начале II тыс. до н. э., и было бы странно, если бы они как-то не проявились еще в предшествующий период.

Вполне допустимо, что наряду с инфильтрацией иранских племен в северный Белуджистан аналогичный процесс охватил южные его районы. Ответ на это погребен в недрах южнобелуджистанских памятников, ожидающих установления четкой стратиграфической колонки.

Мы подошли к концу дохарапского периода истории ранних земледельцев Афганистана и Индии. Характерной чертой этого периода является сосуществование племен охотников и рыболовов, занимающих большую часть Индостана и сохраняющих весьма архаический облик культуры, и племен оседлых земледельцев и скотоводов, впервые появляющихся на северо-западе страны. Это явление аналогично сосуществованию в Средней Азии неолитических племен и земледельческих общин анауского типа. В свое время С. П. Толстов отметил, что неолитическая кельтеминарская культура входит в широкий круг весьма архаических культур, охватывающих и территорию Индии.⁵⁴ Это заключение представляется совершенно справедливым в том смысле, что и Кельтеминар Средней Азии, и «неолит» Индии представляют племена зоны охотническо-рыболовческих племен, примыкающих к зоне оседлых земледельцев и скотоводов. Это свидетельствует о сходном характере закономерностей, по которым шло развитие Средней Азии и Индии, но едва ли о прямом культурном контакте кельтеминарцев Хорезма и обитателей гуджаратских стоянок.⁵⁵

В Индии, как и в Средней Азии, области, занятые земледельческими племенами, становятся центром интенсивного развития. Уже в первой половине III тыс. до н. э. на юге Афганистана и в Белуджистане мы видим несколько племенных групп, использующих медные орудия и производящих глиняную посуду при помощи гончарного круга. Увеличивающееся население приводит к освоению новых пространств, возникают первые поселки в Пенджабе и Синде. Вероятно, при колонизации оседлыми земледельцами долины Инда были частично истреблены, частично ассимилированы обитавшие здесь охотничьи племена, чьи кремневые орудия, как отмечалось выше, известны по находкам на юге Синда. Интересно отметить, что группа кремневых орудий из Суккура, определяемая как поздняя (Суккур С), находит себе близкие параллели в материалах нижнего слоя Мохенджо-Даро.⁵⁶ Вскоре именно в долине Инда мы становимся свидетелями качественного скачка в истории общества, предопределившего основные закономерности следующего периода, который мы с полным правом может именовать харапским.

Это был период сложения и расцвета древнеиндийской городской цивилизации. В Синде и Пенджабе на месте раннеземледельческих поселков возникают огромные города, центрами которых становятся мощные цитадели с высокими платформами, господствующими над городскими массивами. Появляется иерогlyphическая письменность, многочисленные памятники которой сви-

⁵⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 65.

⁵⁵ Если только зона такого косвенного контакта не проходила по флангу оседлоземледельческого мира через Гиндукуш и Памир.

⁵⁶ V. D. Krishna wami. The neolithic pattern of India, p. 127.

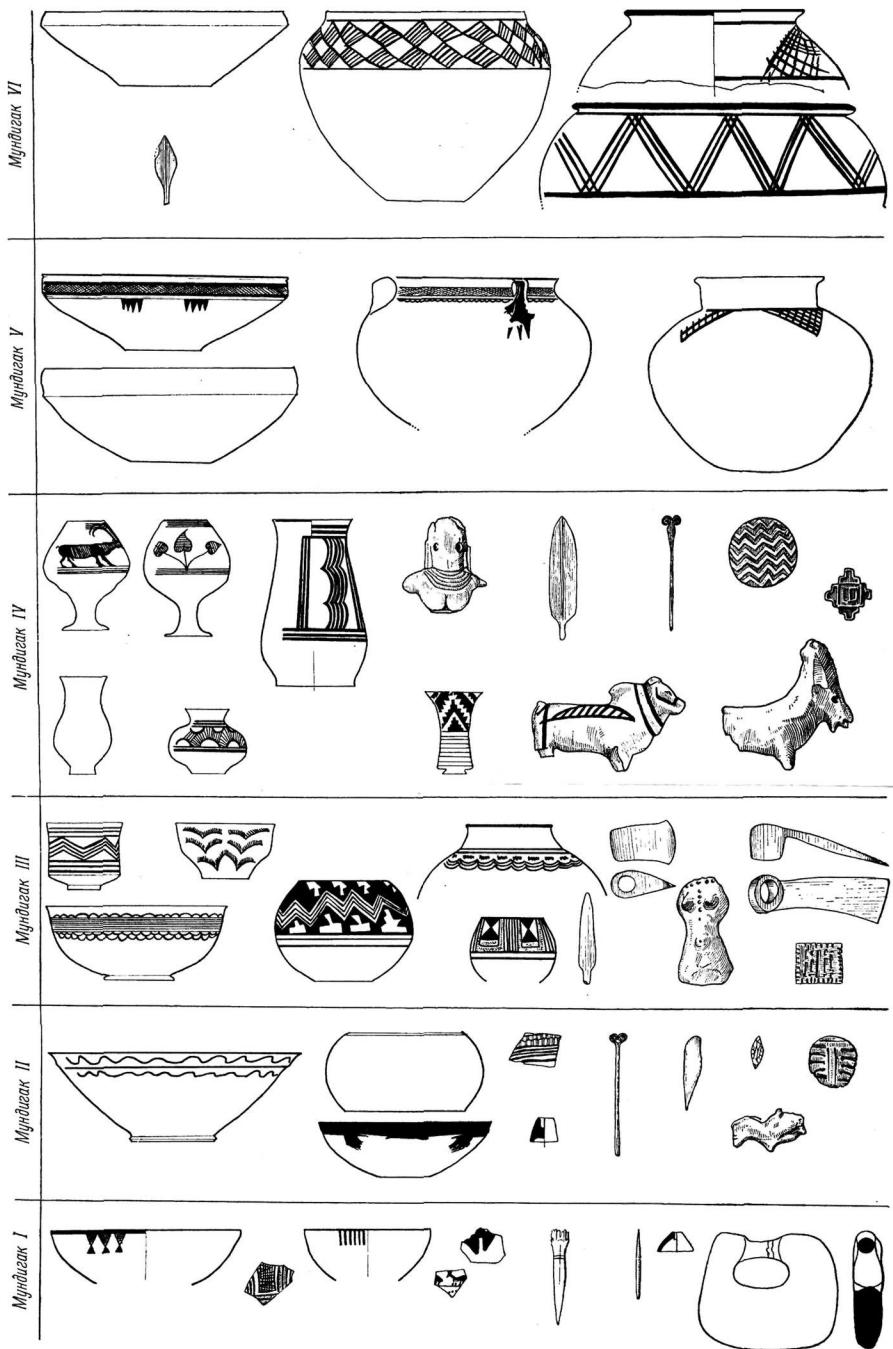

Рис. 45. Стратиграфия Mundigaka.

действуют о ее широком распространении (печати, медные пластинки, процарапанные надписи на черепках). Облик Хараппы как археологической культуры находит наиболее близкие аналогии в Шумере времени Джемдет-Насра и ранних династий, и поэтому вполне справедливым является вывод советских историков, «что общество Хараппы было обществом, близким к обществу Шумера».⁵⁷ В цели настоящей работы не входит подробное рассмотрение культуры Хараппы, которая была предметом целого ряда специальных сводок и обобщений.⁵⁸ Мы остановимся лишь на некоторых сторонах городской цивилизации древней Индии, тесно связанных с историей раннеземледельческих племен этой страны. С ее возникновением относительное единообразие в развитии отдельных племенных групп оседлых земледельцев и скотоводов было резко нарушено. Теперь раннеклассовое общество, сложившееся на территории Синдха и Пенджаба, противостояло общинам белуджистанских земледельцев. Причины этого лежат в том, что производительные силы раннеземледельческих племен, начавших в первой половине III тыс. до н. э. освоение долины Инда, развивались более стремительными темпами. Замкнутые горные долины Белуджистана с относительно суровым климатом на севере и засушливым на юге представляли ограниченные возможности для развития земледелия. Синд и Пенджаб, где сосредоточены памятники хараппской культуры, и в настоящее время справедливо именуются житницей всего Индостана. Благоприятные природные условия позволяют здесь, в отличие от Белуджистана, собирать урожай два раза в году, и вполне естественно, что накопление прибавочного продукта у синдо-

⁵⁷ В. В. Струве. Предисловие. В кн.: Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 23; Всемирная история, т. I, М., 1956, стр. 434.

⁵⁸ Основная масса археологического материала происходит из раскопок Мохенджо-Даро [J. Marshall and oth. 1) Mohenjo-Daro and the Indus civilization, vv. I—III, London, 1931; 2) Further excavations at Mohenjo-Daro, 1927—1931, vv. I—II, New Delhi, 1938; R. E. M. Wheeler. Newly found at Mohenjo-Daro: a huge 4000-year-old granary. ILN, may 20 and 27, june 3, 1958], Хараппа (M. S. Vats. Excavations at Harappa. New Delhi, 1940; R. E. M. Wheeler. Harappa 1946...) и Чанху-Даро (E. Mascay. Chanchu-Daro excavations 1935—1936. New Haven, 1943). Много нового материала дают раскопки поселений на полуострове Катхиавар и в районе р. Сарвасати, ведущиеся в последние годы индийскими археологами (полные отчеты еще не изданы, предварительные сообщения регулярно появляются в «IA»). Из числа сводок следует упомянуть: E. Mascay. Early Indus civilization. London, 1948 (русский перевод: Э. Маккей. Древнейшая культура...); S. Pigott. Prehistoric India..., pp. 132—242; R. E. M. Wheeler. The Indus civilization. Cambridge, 1953. Работы по древнеиндийской цивилизации регулярно рецензировались в советской литературе («Новый Восток», 1926, № 11, стр. 214—229; ВДИ, 1938, № 1, стр. 121—123; 1940, № 2, стр. 155—168; 1946, № 1, стр. 115—116; 1954, № 4, стр. 126—132; 1956, № 1, стр. 126—132; 1962, № 3, стр. 178—182).

пенджабских племен пошло более ускоренными темпами. Вместе с тем для расширения орошения площадей здесь нужны были большие усилия со стороны общества, чем на белуджистанских нагорьях. В пору появления в долине Инда первых земледельцев эта территория была, судя по имеющимся данным, более лесистой, чем в настоящее время. В непроходимых джунглях обитали носороги, тигры, слоны, водяные буйволы, чьи изображения мы находим на харапских печатях, а костные остатки обнаружены (кроме тигра) при раскопках харапских поселений. Деревья этих лесов, видимо, пошли на топливо для обжига многих миллионов кирпичей, из которых возведены постройки и Хараппы, и Мохенджо-Даро, и десятков других более мелких поселений.⁵⁹ В этих условиях расчистка площадей под пашни несомненно требовала значительных усилий,⁶⁰ и не случайно в культуре Хараппы появляются бронзовые орудия, существенно превосходящие по рабочим качествам изделия из меди. К сожалению, пока неизвестны остатки ирригационных устройств времени Хараппы, и трудно ожидать, что они будут обнаружены в условиях страны, где поливное земледелие, процветающее до наших дней, отнюдь не способствует их сохранению. Вместе с тем, если мы сопоставим расположение харапских поселений с картой современного орошения в Синде, то получим весьма показательные результаты (рис. 46). Часть поселений находится на берегах небольших горных речек, воды которых, как и в пору Амри, использовались для орошения полей. Однако значительная часть памятников, в том числе и «южная столица» — Мохенджо-Даро, расположена в пределах территории, обслуживаемой с помощью оросительных сооружений. Аналогично и положение в Пенджабе «северной столицы» — самой Хараппы. Разумеется, трудно ожидать постройки в III тыс. до н. э. той сложной оросительной системы, основанной на огромной Суккурской плотине через Инд, которая служит основой современного земледелия в Синде. Однако расположение памятников позволяет заключить, что во всяком случае каналы паводкового заполнения орошали поля времени культуры Хараппы. Высокая урожайность полей и создание ирригационной системы были той экономической основой, на которой сложилось раннеклассовое общество древней Индии. Они же обусловили и тот разрыв, проявившийся в культуре и общественных отношениях, который произошел между земледельческим обществом Синда и Пенджаба и раннеземледельческими общинами Белуджи-

⁵⁹ S. Piggott. Prehistoric India..., pp. 134—135.

⁶⁰ Существует мнение, что уничтожение лесов и развитие пустынных ландшафтов было одной из причин, способствовавших упадку культуры Хараппы в Синде. См.: M. Wheeler. Early India and Pakistan..., pp. 112—113.

стана. В основе развития общества здесь лежали те же закономерности, что и в других странах Древнего Востока.

Второй вопрос, которого мы коснемся в связи с историей раннеклассового общества древней Индии, это проблема происхождения культуры Хараппы. С. К. Дикшит в своей книге, недавно вышедшей в русском переводе, считает, что положение одного из этико-философских произведений «о рождении или возникновении реальной сущности из Аякты (непроявленная сущность, небытие) и исчезновении ее в Аякту кажутся в известном... смысле приложимыми к этой культуре».⁶¹ Однако туманная фразеология идеалистической философии в данном случае (как, впрочем, и во всех других) может и должна быть заменена вполне реальными и конкретными понятиями. Каждый год археологических работ делает эту «предисторию Хараппы» все более конкретной и осозаемой. Тем не менее идеализм в вопросе о происхождении древнеиндийской цивилизации не ограничивается нигилистическими вздохами. Современные носители исторического идеализма пытаются облечь свои взгляды в плоть и кровь вещественного материала археологии. В этом отношении весьма показательны взгляды М. Уилера, одного из крупнейших знатоков индийской древности. М. Уилер, сравнивая ряд конкретных проявлений культуры Хараппы с аналогичными сторонами шумерской культуры, вполне справедливо пишет о значительном своеобразии индийской цивилизации. Он совершенно прав, утверждая, что нет никаких оснований считать Хараппу результатом деятельности шумерских колонистов. Тем не менее М. Уилер усматривает скрытое воздействие Месопотамии на Индию в проникновении «идеи цивилизации», что повлекло за собой возникновение городов, появление письменности. Он даже с вполне серьезным видом рассу-

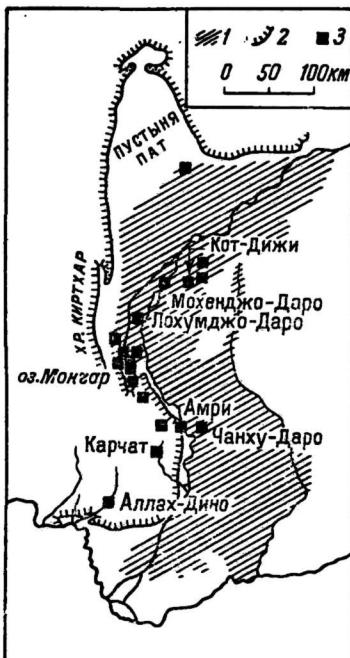

Рис. 46. Хараппские поселения Синда.

1 — современная территория, обслуживаемая оросительными сооружениями (по О. Х. К. Спейту);
2 — граница альлювия (по О. Х. К. Спейту);
3 — памятники культуры Хараппы.

⁶¹ С. К. Дикшит. Введение в археологию. М., 1960, стр. 326.

ждает о том, двигалась ли эта идея исключительно морем или использовала для своей миссии также и сухопутные тракты.⁶² Наивность подобных утверждений настолько очевидна, что просто странно слышать их из уст исследователя, отличающегося в специально-археологических вопросах значительной трезвостью суждений. В самом деле, если пресловутая идея цивилизации начала свое мистическое шествие из Шумера на восток, то по меньшей мере странно, что она не избрала для своего воплощения ни территорию юго-восточного Ирана, ни засушливые районы южного Белуджистана, а направилась прямиком в Синд. Там опять-таки по каким-то скрытым причинам она решила обосноваться и решительно воздержалась от дальнейшего путешествия к охотническим и рыболовческим племенам гуджаратского неолита. Реальное рассмотрение конкретной исторической обстановки ясно показывает, что сложение городской цивилизации в Синде и Пенджабе обусловили конкретные местные предпосылки и прежде всего бурное развитие производительных сил. Так, древнеиндийская иероглифика возникла не потому, что Синда достигла вышедшая из Шумера «идея письма», а потому что введение письменности обуславливалось возросшими хозяйственными и общественными запросами древнеиндийского общества.

Как мы видели, уже в первой половине III тыс. до н. э. в Синде и Пенджабе появляются первые поселки оседлых земледельцев. Они расположены в трех различных районах и дают три различных комплекса археологических материалов. Это поселок северо-белуджистанских племен под цитаделью Хараппы, поселения типа Амри в Синде на правобережье и Кот-Джи на левом берегу Инда. Материал, происходящий из всех трех районов, количественно весьма невелик (или недостаточно изучен) и ограничивается в основном обломками расписных сосудов. Если исходить из этих керамических данных, то посуда Хараппы ближе всего стоит, пожалуй, к керамике Кот-Джи. Вполне естественно, что с возникновением раннеклассового общества, вероятно, образовавшего политическое единство, это единство проявилось и в области культуры. В результате единый стиль ассимилировал локальные различия, ранее наблюдавшиеся в культуре племен долины Инда. Городская цивилизация Хараппы отнюдь не является результатом деятельности какой-то замкнутой группы племен. Антропологический материал указывает на довольно пестрый состав населения, обитавшего в городах древней Индии. Вероятно, в культурном единстве Хараппы растворились и потомки охотничьих племен долины Инда, и, как увидим ниже, рыболовы и охотники гуджаратских стоянок и различные группы белуджистанских земледельческих племен, начавших освоение долины

⁶² M. Wheeler. Early India and Pakistan. . . , pp. 104—106.

Инда. В этом отношении весьма интересны данные о погребальном обряде носителей хараппской культуры. Если брать погребения, несомненно относящиеся к этой культуре и к тому же обнаруженные именно на памятниках долины Инда, а такие погребения представлены могильником R37 в самой Хараппе, погребениями в Рупаре и Лотале,⁶³ то принятый здесь способ захоронений интересен своими аналогиями. Умершие помещались в могильных ямах на спине, в вытянутом положении. Известно также одно погребение в деревянном гробу, покрытое чем-то вроде савана из тростника.

В предшествующих главах мы видели, что в большинстве иранских и среднеазиатских памятников оседлых земледельцев умершие помещались в могилу с подогнутыми ногами. Аналогичный обряд мы наблюдали и в северной Месопотамии, начиная с Хассуны. Таково же положение погребенных и на сеистанских поселениях. Возможно, подобный обычай был распространен и в северном Белуджистане, отражая североиранские связи (и частично, видимо, североиранское происхождение) ранних земледельцев, на юге Афганистана и на крайнем северо-западе Индии. Помещение покойников в вытянутом положении, на спине характерно для убейдских могильников южной Месопотамии (некрополь Эреду, могила Ур-Убейд II в Уре) и Элама (Сузы А, Мусиян). С. Пиггот уже отмечал, что захоронение в деревянном гробу с покрытием из тростника также имеет шумерские, т. е. опять южномесопотамские, аналогии.⁶⁴

Нам кажется, что подобные эламско-шумерские параллели хараппских могил ретроспективно свидетельствуют о наличии южного пути проникновения раннеzemледельческих племен в северо-западную Индию. Потомки этих племен, войдя в состав хараппского населения, сохранили традиции погребального обряда, отличавшие шумерско-эламскую область от ирано-северомесопотамско-среднеазиатской. Наличие же на памятниках культуры Хараппы и других погребальных обрядов (погребение в сосудах, ингумация уже расчлененных скелетов⁶⁵) лишний раз свидетельствует о пестром составе населения городов древней Индии.

Наконец, следует кратко остановиться на распространении памятников хараппского типа. Это распространение свидетельствует об увеличении в хараппской период территории, занятой оседлоземледельческой культурой. Прямо к востоку от Синда, одной из основных областей хараппской культуры, лежали застужливые пространства пустыни Тар, и естественно, что движение переселенцев на новые, еще неосвоенные земли пошло в обход

⁶³ R. E. M. Wheeler. Harappa 1946..., pp. 85—89; IA, 1954—1955, p. 9; 1959—1960, p. 18.

⁶⁴ S. Piggott. Prehistoric India..., p. 206.

⁶⁵ Там же, стр. 204—207.

этой неблагоприятной для земледелия области. Одним направлением стало северо-восточное, из Пенджаба в сторону Дели. Так, широко было освоено течение р. Сатледж, где находится такой известный памятник хараппской культуры, как Рупар. Около тридцати памятников открыто по берегам рек Сарвасати и Дришадвати. Центром этого района был городок Калибанган, имевший небольшую цитадель.⁶⁶ Недавно было обнаружено хараппское поселение, расположенное в 50 км к северо-востоку от современной столицы Индии.⁶⁷

Другое направление, также шедшее в обход пустынных степей, было юго-восточное. Видимо, плывя вдоль берегов (изображение лодки имеется на печатях), харашповцы спустились вниз от дельты Инда и основали свои поселения на полуострове Катхиавар. Из числа этих поселений лучше других изучены археологами Рангпур⁶⁸ и Лотал,⁶⁹ представляющие собой небольшие укрепленные городки с правильной планировкой улиц, разделявших их на прямоугольные блоки. Так, Лотал, окружность которого в период расцвета достигала 3 км, состоял из 6 блоков, а ширина улиц и переулков колебалась от 3,6 до 6 м. Город имел небольшой порт с входным и выходным каналами, частично обложенным жженым кирпичом. Это древнейшее из известных в мире портовое сооружение ярко свидетельствует о развитии каботажного плавания в пору Хараппы. Видимо, именно морем в первую очередь и поддерживали связи с метрополией жители катхиаварских городков.

Однако районы, где пришельцы из Синда и Пенджаба основали свои городки, отнюдь не были глухими территориями, совершенно лишенными населения. В частности, область катхиаварских городков была местом обитания гуджаратских охотников и рыболовов. Недаром в Рангпуре ниже слоев с хараппскими материалами найдены кремневые орудия, оставленные этими гуджаратскими племенами. Можно предполагать, что частично местное население было ассимилировано пришельцами. Не случайно, видимо, культуру некоторых катхиаварских поселков характеризует наличие геометрических микролитов в форме трапеций и сегментов.⁷⁰

⁶⁶ IA, 1960 (1961), pp. 31—32.

⁶⁷ IA, 1958—1959, pp. 50—54. Раскопки в Аламгирпуре.

⁶⁸ IA, 1953—1954, p. 7; 1954—1955, pp. 11—12; M. D i k s h i t. Excavation at Rangpur. Bull. of the Deccan College Research Inst., v. XI, Poona, 1951.

⁶⁹ IA, 1955—1956, pp. 6—7; 1958—1959, pp. 14—15; 1959—1960, pp. 16—18.

⁷⁰ IA, 1958—1959, p. 19. Раскопки в Роджди. Здесь открыты дома из сырцового кирпича, в которых обнаружены керамика на гончарном круге, медные кельты и запястья, золотые кольца, фаянсовые бусы и кремневые орудия, в том числе трапеции и сегменты. Такой «симбиоз» совершенных и архаических предметов весьма типичен для культуры центральной Индии послехарапского периода, на чем мы остановимся в дальнейшем.

Хотя на хараппских поселениях Синда и Пенджаба повсеместно встречаются призматические нуклеусы и сколотые с них правильные пластины, геометрических микролитов там нет вовсе: эта техника отошла в далекое прошлое. В Гуджарате же, где племена, бывшие свидетелями прибытия первых переселенцев из Синда и затем, видимо, частично ставшие обитателями основанных ими городков, пользовались орудиями этих форм, эти изделия встречаются в культурных слоях наряду с типичными «хараппскими» предметами.

С точки зрения основных закономерностей развития древней Индии более существенно, чем факт ассимиляции носителями городской культуры отсталых охотничьих племен, то прогрессивное влияние, которое эта развитая культура начинает оказывать на всю зону присвоющего хозяйства в целом. В самом деле, знакомство с культурой, в которой земледелие, скотоводство, гончарство и металлургия были основой экономики, не могло не сказаться на хозяйстве и быте племен, развитие которых хотя и замедленными темпами, но также шло к становлению этих прогрессивных явлений. Вполне вероятно, что первыми представителями синдо-пенджабской цивилизации, проникшими к племенам центральной Индии, были странствующие торговцы, и кто знает, не из их ли поселков, подобных ассирийским торговым форпостам в Малой Азии, развились катхиаварские городки. Ведь именно из центральной и южной Индии доставлялись в города долины Инда некоторые полудрагоценные камни, а также, видимо, и золото.

Во всяком случае именно к хараппскому периоду относятся первые данные о появлении в центральной Индии зачатков земледелия и скотоводства. Так, в нижних слоях ряда оседлоземледельческих поселков, расположенных в бассейнах рек Тапти и Годавари, расцвет которых падает уже на послехараппский период, обнаружены археологические комплексы, включающие в свой состав и грубую серую посуду ручной лепки. В Бахале в слое IA⁷¹ мы видим большие шаровидные кувшины и плоскодонные кубки. Иногда они украшены простым налепным и нацарапанным орнаментом, а в одном случае имеется налеп даже в виде женской фигуры. Сравнительно редкое использование охры для окраски полосы у венчика как бы предвосхищает позднейший расцвет расписной керамики центральной Индии. Аналогичная грубая серая посуда характеризует и слой Даймабад I.⁷² Здесь на одном

⁷¹ IA, 1956—1957, р. 17.

⁷² IA, 1958—1959, pp. 15—17. Отнесение к этому слою найденного при случайных обстоятельствах расписанного сосуда с изображениями людей, оленей и тигров вызывает сильные сомнения. По стилю этот сосуд близок расписанной керамике центральноиндийских памятников уже послехараппского времени.

из черепков процарепано изображение козла. Помимо керамики, в Даймабаде найдены каменные шлифованные топоры, а кремневые орудия, в том числе и трапеции, указывают на генетическую связь с более ранними памятниками. Можно предполагать, что развитие в долинах Тапти и Годавари этой неолитической культуры связано уже с начальными этапами выращивания злаков на полях. Во всяком случае показательно, что верхние слои в Бахала, и Даймабада принадлежат к культуре, оседлоземледельческий характер которой не вызывает сомнений.⁷³

С аналогичными явлениями сталкиваемся мы и при продвижении дальше на юг, в бассейн р. Кристны. Так, в Санганакаллу, в округе Беллари, в фазе IIa (фаза I относится еще к поре мезолита) появляется светло-серая керамика ручной лепки, каменные кельты и другие шлифованные орудия.⁷⁴ Раскопки зольного холма в Утноре, где также были найдены черепки сосудов ручной лепки и кремневые орудия, позволяют определить время бытования этой культуры: радиокарбоновый анализ дал дату 2060(± 150) г. до н. э.⁷⁵ В Пиклихали приблизительно в это время возникает поселение около скальных навесов, испещренных изображениями животных. Жители древнейшего поселения в Пиклихали изготавливают грубую керамику ручной лепки, пользуются кремневыми орудиями и разводят крупный и мелкий домашний скот.⁷⁶ Ф. Олчин, исследовавший наскальные рисунки в Беллари, восходящие как будто к этому неолитическому периоду, пришел к выводу, что на них изображен уже одомашненный крупный рогатый скот.⁷⁷

Таким образом, в хараппский период в центре Индостана мы наблюдаем процесс становления культуры земледельцев и скотоводов, использующих глиняную посуду. Начинается переход племен охотников и собирателей к новым, прогрессивным формам хозяйственной деятельности. В сравнении с этими кардинальными переменами, еще не завершившимися, но уже явственно намечающимися, история раннеземледельческих племен Белуджистана, этой «родины оседлого земледелия», выглядит в хараппский период более монотонно.

Если раньше уровень развития белуджистанских племен мало отличался от уровня их современников, начавших освоение Синда и Пенджаба, то теперь в области хозяйства и общественных отно-

⁷³ Видимо, нижние слои Бахала и Даймабада относятся к первой половине II тыс. до н. э. Радиокарбоновая дата более южного памятника (Утнор, см. ниже) позволяет допускать, что начало этой культуры восходит еще к III тыс. до н. э.

⁷⁴ B. Subbarao. The personality of India, p. 79.

⁷⁵ IA, 1058—1059, p. 11.

⁷⁶ F. R. Allchin. Pikihih excavations. Hyderabad, 1960, pp. 115, 119, 129—134.

⁷⁷ B. Subbarao. The personality of India, p. 81.

шений их разделял целый исторический период. Афганско-белуджистанские земледельцы, бывшие современниками цивилизации Хараппы, образовывали как бы варварскую периферию раннегородовладельческого государства (рис. 47), его хозяйствственный приданок, используемый как источник сырья и рабочей силы. Аналогичным было положение раннеземледельческих племен Ирана, располагавшихся на периферии раннеклассовых обществ Месопотамии и Элама. Как и в Иране, археологический материал северо-западной Индии дает известное общее представление о развитии этих «окраинных земледельцев» и о культурных и хозяйственных связях, объединивших их с областями городской цивилизации.

В экономических обзорах современной Индии и Пакистана неизменно подчеркивается разительный контраст между густонаселенными районами Пенджаба и Синда с их высокой земледельческой культурой и бедными, малоурожайными областями Белуджистана, занятymi редкими оседлым населением. В противоположность долине Инда в белуджистанских нагорьях крупные города отсутствуют и в настоящее время. Как отмечает Спейт, единственным исключением является Кветта — стратегический и административный центр, представляющий своего рода инородное тело в белуджистанской экономике. «Что же касается местных столиц — Калата и Бели, то это не более чем базарные села с 2—4 тыс. жителей, концентрирующиеся вокруг ханского дворца или форта».⁷⁸ Археологические материалы ясно показывают, что подобная противоположность была характерна и для второй половины III—первой половины II тыс. до н. э.⁷⁹

Весьма показательно разнообразие локальных культурных традиций земледельческого Белуджистана, особенно заметное в производстве расписной керамики. Расчлененные горными цепями племенные группы, обитавшие в соседних долинах, отличались друг от друга своими культурными традициями, хотя, возможно, в целом принадлежали одному этническому пласту. Эта культурная чересполосица весьма характерна для мира раннеземледельческих племен в отличие от ярко выраженных культурных общностей раннеклассового Шумера или древней Индии.⁸⁰

⁷⁸ О. Х. К. Спейт. Индия и Пакистан, стр. 457.

⁷⁹ Г. Чайлд справедливо писал в заключение своего краткого обзора белуджистанских культур: «Несомненно лишь то, что деревни, расположенные в долинах Наля и Нундары, так и не превратились в города, оказавшись в этом отношении не лучше всех остальных одновременно с ними существовавших деревень Белуджистана» (Г. Чайлд. Древнейший Восток. . . , стр. 307).

⁸⁰ Между прочим, в Шумере на этой общности весьма мало сказалась политическая раздробленность страны доаккадской эпохи. Это обстоятельство следует иметь в виду исследователям, видящим в проявлении значительного культурного единства Хараппы основания для вывода о политической централизации «древнеиндийской империи».

Как мы видели, даже на сравнительно небольшой полоске на юго-западе Средней Азии, занятой земледельцами, можно выделять по крайней мере два культурных варианта — восточный и за-

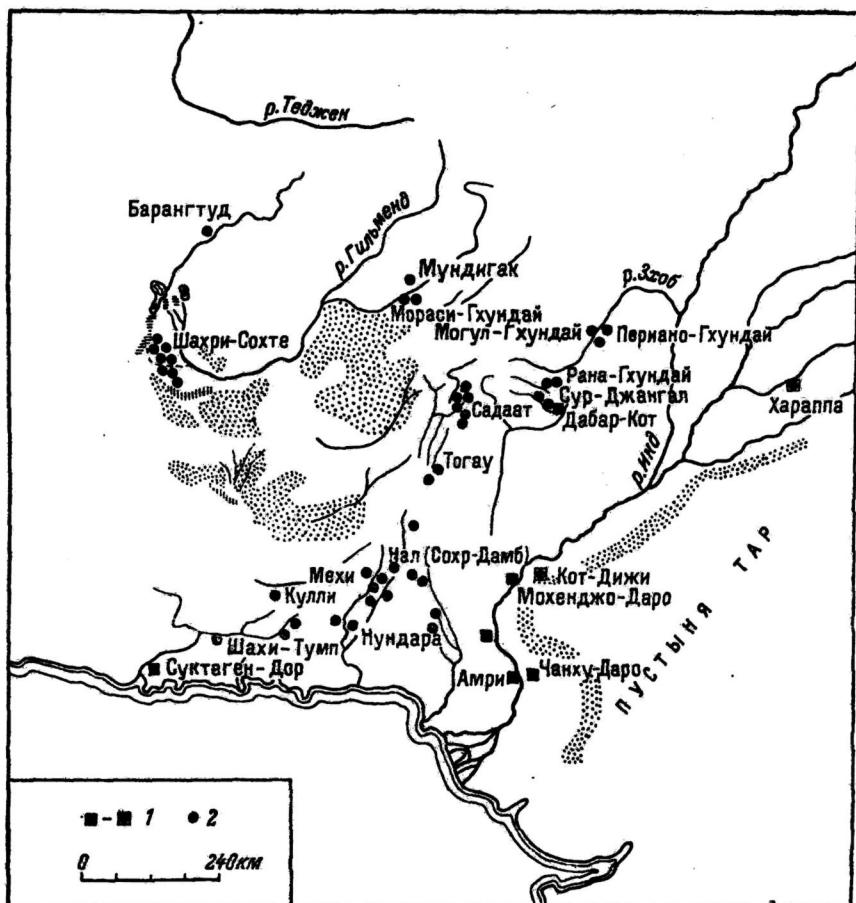

Рис. 47. Раннеземледельческие общины Афганистана и Ирана.
1 — поселения культуры Харappa; 2 — раннеземледельческие поселения.

падный. Еще более значительно было число племенных групп на территории, протянувшейся от Гиндукуша на севере до побережья Индийского океана на юге. С рассмотрения наиболее северных из них мы и начнем знакомство с земледельческим тылом древнеиндийской цивилизации.

В Сеистане, в низовьях Хильменда, у пересыхающих озер расположены памятники первой из этих групп. Хотя было про- ведено лишь предварительное обследование этого района,⁸¹ некоторые стороны прошлого сеистанских земледельцев вырисовы- ваются довольно конкретно. Их поселения сосредоточены исключи- чительно в южной части Сеистана, на территории древней дельты Хильменда, ныне именуемой Руди-Биябан. Низовья этой реки, разливавшейся бесчисленными протоками, впадали в беспрестанно меняющиеся в своих размерах озера — хамуны. Во время па- водков вода заливала обширнейшие пространства, которые, медленно высыхая, представляли собой идеальные поля для древ- них земледельцев. Всего известно около 50 поселений на территории Иранского и Афганского Сеистана. В большинстве своем это были небольшие поселки, площадью около 1 га (Рамруд, Калати-Гирд и др.), или даже памятники, бывшие местом обитания одной-двух большесемейных общин наподобие некоторых из геккюрских поселений в Средней Азии. Вместе с тем имели сеистанские пле- мена и свою «столицу», развалинами которой являются, надо полагать, оплавившие холмы, носящие имя Шахри-Сохте («горев- ший город») и достигающие высоты 12 м и общей площади почти 30 га.⁸²

Находимые на сеистанских поселениях обломки медных изде- лий (проколки, бусы, печати) выплавлялись в большинстве своем прямо на месте, как свидетельствуют обнаруженные здесь мед- ные шлаки. Распространены были также кремневые наконечники стрел, кремневые сверла, каменные песты и зернотерки, сосуды, выточенные из альбастра. Почти вся глиняная посуда изготовлена при помощи гончарного круга. В значительной своей части ее украшает геометрическая роспись (розетки, контурные кресты, заштрихованные ромбы), хотя известны также изображения змей

⁸¹ A. Stein. *Innermost Asia*. Oxford, v. II, 1928, pp. 949—958; v. III, 1928, pl. CXII—CXIV; F. Andrews. Painted neolithic pottery in Sistan. *Burlington Magazine*, № CCLXXIII, dec. 1925, pp. 304—308; W. A. Fairservis. Archaeological studies in the Sistan basin of South- Western Afghanistan and Eastern Iran. *Anthropological Papers of the Amer. Museum of Natural History*, v. 48, pt. I, New York, 1961.

⁸² Заключение В. Ферсервиса о недолговечном обживании сеистанских памятников (W. A. Fairservis. Archaeological studies..., p. 97), вероятно, следует отнести лишь к мелким поселкам Афганского Сеистана. Несомненно, что многогранная культурная толща Шахри-Сохте содержит слои значительного промежутка времени, возможно, начиная с дохарап- ского периода. Основной материал, собранный в Сеистане, следует относить именно к харашскому времени. Так, формы нерасписных сосудов находят близкие аналогии в керамике среднеазиатского комплекса Намазга V, а се- истанская медная поделка с изображением креста идентична одной каменной печати из Мохенджо-Даро (A. Stein. *Innermost Asia*, v. III, pl. CXVI, RR XI, 014; E. Mackay. Further excavations..., v. II, pl. LXXXVI, 156).

и козла (рис. 48). По мотивам росписи сеистанская керамика ближе всего стоит к посуде из керманских памятников (Иран), и, возможно, Сеистан и Керман были заселены двумя родственными племенными группами. Весьма интересно, что в отличие от кветтских племен, культура которых в это время испытывает сильные среднеазиатские влияния, в Сеистане подобных влияний почти незаметно. Видимо, район дельты Хильменда остался в стороне от основных путей среднеазиатско-индийских сношений. Эти следы древних связей и контактов с культурами юго-западной Средней Азии и северного Ирана хорошо прослеживаются на материалах кандагарской группы племен.

Здесь первые поселения возникают еще в дохарапский период, и раскопки поселения Мундигак⁸³ хорошо рисуют постепенную культурную и хозяйственную эволюцию.

В этом районе не было крупных центров, подобных сеистанскому Шахри-Сохте. Все известные кандагарские памятники являются остатками сравнительно небольших поселков.⁸⁴ Их обитатели, видимо, использовали для орошения полей воды небольших речек, впадающих в Аргендаб. Часть посевов могла производиться под дождь. В современной Кандагарской провинции такие посевы занимают свыше одной трети всех посевых площадей.⁸⁵ Возможно, роль центра кандагарских племен играло поселение, развалины которого ныне известны под именем Мундигак. К середине III тыс. до н. э. здесь относится комплекс Мундигак III.⁸⁶ В это время поселение было еще сравнительно небольшим по величине. Среди расписной керамики появляется посуда типа Кветта, геометрические орнаменты которой весьма близки узорам на энеолитической керамике среднеазиатских земледельцев (Геоксюр, Намазга III). Найдены массивные проушные

⁸³ J. M. Casal. 1) Quatre campagnes de fouilles à Mundigak 1951—1954. Arts asiatiques, t. I, f. 3, 1955; 2) Fouilles de Mundigak, vv. I—II; B. M. Massoni. Поселение бронзового века в южном Афганистане. СА, 1957, № 2.

⁸⁴ Кроме самого Мундигака, к их числу относятся Мораси-Гхундай, Сайд-Кала (в верхних слоях) и еще три памятника, обследованных Б. Ферсервисом.

⁸⁵ 35 000 га из 100 000 га. См.: М. Г. Пикули. Афганистан. Ташкент, 1956, стр. 113.

⁸⁶ Ж. М. Касаль в полной публикации относит Мундигак III к первой трети, а Мундигак IV ко второй и третьей четвертям III тыс. до н. э. (J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. I, pp. 27, 69—70, 110—119). Поскольку Мундигак I он датирует, как нам кажется, правильно, концом IV тыс. до н. э., для комплекса II вообще не остается места. Правильно сближая Мундигак IV с Гисаром III, Ж. М. Касаль, однако, напрасно принимает излишне древнюю дату этого севериранского комплекса. Нам кажется более правильным относить Мундигак III к середине III тыс. до н. э. (дата в лаборатории Чикаго 2625 ± 300 г. до н. э.), а Мундигак IV — к последней четверти III—началу II тыс. до н. э., считая его в целом одновременным Хараше.

бронзовые и медные топоры и топорик типа среднеазиатской тиши. Обнаружена также схематическая женская статуэтка. Интересно наличие погребальных камер наряду с одиночными скорченными погребениями в ямах. В эти камеры, возведенные из сырцового кирпича, помещались разрозненные части скелетов нескольких человек (до восьми в одной камере). Этот погребальный обряд

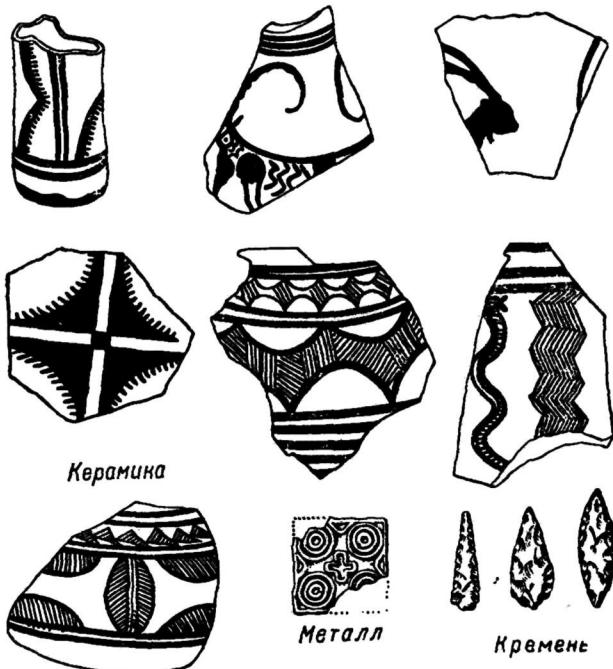

Рис. 48. Комплекс Сеистана.

(коллективные гробницы) также имеет близкие аналогии в среднеазиатских материалах (толосы Геоксюра, погребальные камеры позднего энеолита с Кара-Депе и эпохи бронзы с Алтын-Депе).

Наивысшего расцвета культура кандагарских племен достигает в пору Мундигака IV. В это время площадь поселения увеличивается в несколько раз, и все оно обносится стеной, напоминая в этом отношении среднеазиатские поселения эпохи бронзы вроде Алтын-Депе и Намазга-Депе. На холме, образованном остатками строений времен Мундигака I—III, воздвигается монументальная постройка, доминирующая над всем поселением. Ее фасад, сохранившийся в длину на 35 м, украшен сомкнутыми полуколоннами (рис. 49). В ряде помещений этого строения обнаружены бытовые очаги, и Ж. М. Касаль предполагает, что перед

нами дворец правителя или, добавим мы, резиденция богатой патриархальной семьи мундигакского вождя наподобие богатого дома Гисара III. Несколько в стороне от поселения было расположено другое монументальное строение, обнесенное стеной, которая украшена снаружи острыми выступами. Вдоль стены протянулись разной величины помещения. Ж. М. Касаль называет это здание храмом,⁸⁷ и действительно его ограда близко на-

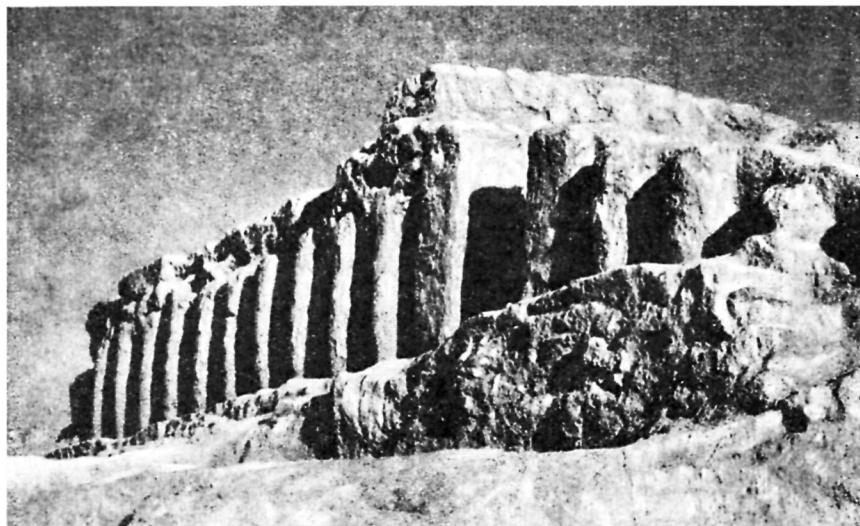

Рис. 49. Мундигак IV. Фронтон здания с полуколоннами.

поминает обвод монументальных религиозных сооружений Месопотамии. Правда, мундигакский храм отличается отсутствием четких пропорций и меньшей выдержанностью плана (рис. 50). Керамика, сделанная с помощью гончарного круга и обжигавшаяся в специальных печах, бронзовые и каменные печати, терракотовые фигурки быков зебувидной породы, козлов, женского божества дополняют характеристику культуры этого времени. Можно отметить также, что в одном из раскопов найдена крупная мужская голова из белого известняка, выполненная с большим мастерством и близко напоминающая скульптуру Хараппы (рис. 51). Все это указывает на высокий уровень развития культуры и, надо полагать, общественных отношений. Скорее всего перед нами небольшой городок — резиденция варварского князька на периферии городской цивилизации Хараппы. Вместе с тем

⁸⁷ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. I, pp. 63—65.

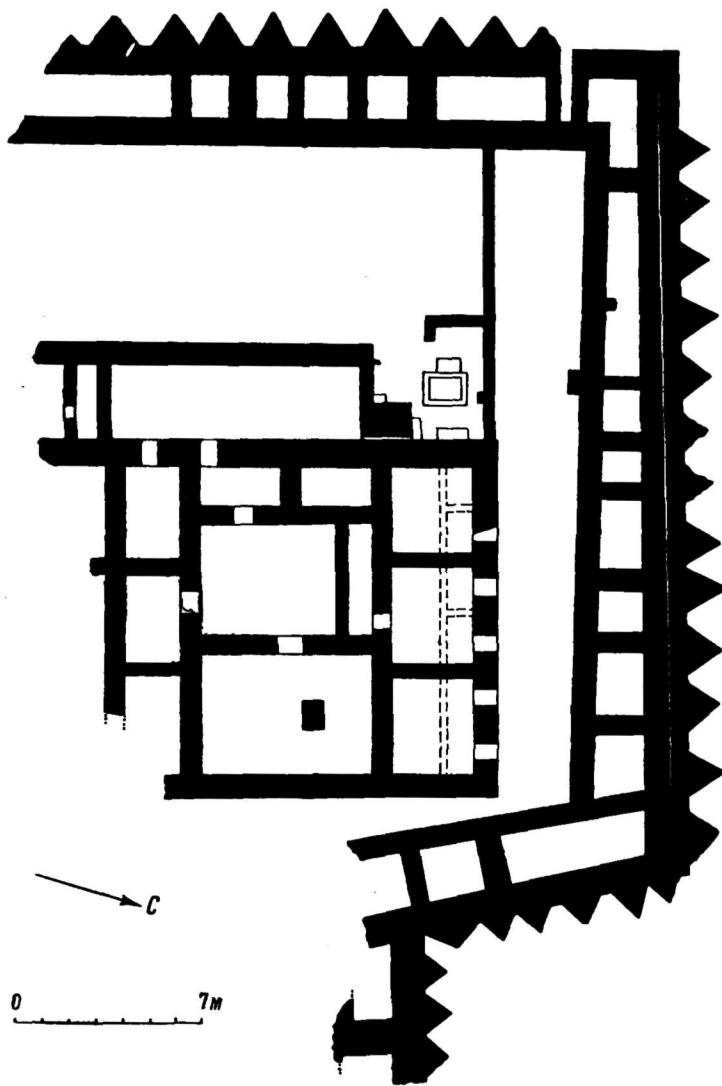

Рис. 50. Мундигак IV. План «храма».

едва ли правильно преувеличивать значение и характер процесса урбанизации, о котором пишет Ж. М. Касаль.⁸⁸ Нет никаких признаков развития письменности, и все печати подобно Гисару и Намазга-Депе анэпиграфные, что особенно существенно, если вспомнить глиптику раннеклассовых обществ Шумера, Элама и древней Индии.

Рис. 51. Мундигак IV. Каменная скульптура.

Достаточно обширный материал, полученный при раскопках Мундигака, хорошо иллюстрирует древние культурные связи кандагарской группы племен, особенно тесные с поселениями Кветты и Зхоба. Терракотовые фигурки женского божества с высоким головным убором и зияющими впадинами крупных глазниц абсолютно одинаковы и в Кандагаре, и в Кветте, и на зхобских поселениях. Но глиняная посуда Мундигака, изготавливавшаяся на гончарном круге и украшавшаяся одноцветной росписью воспроизводившей геометрические орнаменты и фигуры животных, имеет и более отдаленные аналогии. Шарообразные сосуды на ножке, являющиеся ведущей формой Мундигака IV, имеют

⁸⁸ Там же, стр. 27, 118.

прямые параллели в материалах Гисара. Ступенчатые пирамиды на каменном кубке и крестообразные рисунки на медных печатах уводят нас в области юго-западной Средней Азии. Древние связи афганистано-белуджистанских племен со среднеазиатско-иранским миром продолжались и в хараппское время.

С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в культуре кветтской группы раннеземледельческих племен.⁸⁹ Здесь к хараппскому периоду относятся комплексы типа Садаата II и III, которые на основании ряда особенностей расписной керамики можно объединить под названием культуры Кветты. Расцвет этой культуры приходится на время Садаата II, а в пору Садаата III отмечается уже некоторый упадок. Около двадцати поселений существует в это время в Кветтской долине, два отмечены в районе Пишина и два в знаменитом Боланском проходе, являвшемся наряду с Хайберским перевалом «воротами в Индию». Все это были небольшие поселки, и ни их число, ни величина не претерпели существенных изменений по сравнению с дохараппским временем. Видимо, природные условия района при существовавшем уровне общественной организации не могли обеспечить более значительное население. С подобной константностью мы уже встречались при рассмотрении истории раннеземледельческих общин Средней Азии, и это явление, вероятно, весьма характерно для земледельческого мира всего Иранского плато в целом. Как и повсюду в белуджистанских общинах, дома кветтских поселков в отличие от крупных хараппских городов построены не из жженого, а из сырцового кирпича. Его прямоугольный формат — $47.5 \times 21.5 \times 10$ см — в принципе аналогичен формату кирпича среднеазиатских и североиранских поселений. Так же как и на этих памятниках, многокомнатные дома в Кветте отделялись друг от друга узкими уложками. В домах находились очаги, обычно сделанные из грубых сосудов, лишенных дна. На поселении Садаат была раскопана часть массивной платформы, возможно имевшей, по мнению исследователей, какое-то особое назначение. Однако ничего похожего на мундигакский храм здесь пока неизвестно. Из орудий этого времени обнаружены костяные лопаты, медный кинжал и кремневый наконечник стрелы. Как всегда при раскопках поселений этого типа, обильно представлена расписная керамика (рис. 52). В Кветте она изготовлена при помощи гончарного круга и украшена одноцветной росписью, в которой преобла-

⁸⁹ Первые сведения о кветтских поселениях появились еще в 20-х годах (*Annual Report of Archaeological Survey of India, 1925—1926, pp. 59—64*). Но по существу в науку ввели Кветту лишь работы С. Пигготта [S. Piggott. 1) A new prehistoric ceramic from Baluchistan.—*AI*, № 3, 1947; 2) *Prehistoric India...*, pp. 73—75]. Первые раскопки здесь были произведены В. Фэрсервисом (W. A. Fairseviss. Excavations in the Quetta valley).

дают геометрические орнаменты, но известны также рисунки деревьев, листьев священного индийского растения — пипала, индийских горбатых быков, рыб и птиц. Около четвертой части геометрических мотивов, таких, как фигуры креста, ступенчатой пирамиды, зубчатых линий, нехарактерны для всего круга белуджистанских культур, но зато находят прямые аналогии в керамике Средней Азии.⁹⁰ В эти же области уводят нас и аналогии глиняным кветтским печатям с контурно повторяющимся рисунком креста. Собранная на кветтских поселениях коллекция глиняных женских статуэток дает довольно хорошее представление о скulptурном образе богини-матери. Обычно это женщина с полной грудью, иногда полуоприкрытая несколькими рядами ожерелий. Наряду с типичной «зхобской богиней» с крупными, овальными глазницами, известной и по кандагарским материалам, существовали и более реалистичные воспроизведения человеческого лица. Интересно, что, судя по найденным фрагментам, имелись также сидящие статуэтки, в то время как статуэтки южного Белуджистана и Хараппы обычно воспроизводят стоящую женщину. При этом нельзя не вспомнить, что именно сидящие женские фигурки характерны для коропластики среднеазиатских общин.⁹¹ Терракотовые фигурки бычков, так же как и роспись на посуде, воспроизводят горбатый индийский скот. Следует также отметить, что на кветтской керамике довольно часто встречаются нарезные или процарапанные знаки. В. Ферсервис насчитывает до 60 разновидностей этих знаков и в ряде случаев приводит им вполне убедительные параллели в иероглифике хараппских печатей. Возможно, эти знаки подразумевали нечто большее, чем просто метки мастеров-керамистов.

К западу от поселений кветтских племен в горных долинах у Лоралай и форта Сандемана находятся памятники зхобской группы. Имеющие много общего с поселениями Кветты, они вместе с тем отличаются типами распространенной здесь расписной посуды, что позволяет говорить о локальном культурном варианте или, как это принято в литературе, о культуре Зхоба.⁹²

⁹⁰ В. М. Массон. 1) W. A. Fairservis. Excavations in the Quatta valley. [Ред.]. CA, 1960, № 3, стр. 351—352; 2) Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 30—32; В. И. Сарданиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Там же, стр. 283—284.

⁹¹ О значении среднеазиатско-иранских аналогий см. ниже, стр. 439.

⁹² Литература по этим памятникам приведена выше, стр. 262, прим. 43. Лучшая сводка дана С. Пигготом (S. Pigott. Prehistoric India..., pp. 121—130), хотя тогда не был еще известен ряд наблюдений В. Ферсервиса. Трудно рекомендовать в качестве сводки главу из книги Д. Гордона (D. H. Gordon. The prehistoric background..., pp. 36—54) из-за наличия «керамической сколастики» и применения автором неунифицированной терминологии.

Здесь в отличие от долины Кветты было довольно крупное поселение — Периано-Гхундай, видимо древний центр всего района. Слой, относящийся к харашскому периоду, имеются и на других

Рис. 52. Комплекс Кветты.

памятниках (Рана-Гхундай, Каундай, Могул-Гхундай, Сур-Джангол, Дабар-Кот). Жилые дома из сырцового кирпича на каменном фундаменте были здесь, как и в Кветте, типичным ви-

дом архитектуры. Возможно, Периано-Гхундай содержит остатки и более значительных сооружений, но широких научных раскопок здесь не произведено. Зато обнаружены древние захоронения, отличные как от «классических» вытянутых захоронений Хараппы, так и от «скорченных скелетов» Сеистана. Погребались кости уже расчлененного трупа, бывшего к тому же далеко не всегда полным. В Сур-Джангала такие кости, слегка обгорелые, найдены под невысокими насыпями в виде пирамид в стороне от поселения. В Периано-Гхундай при раскопках самого поселения обнаружены кости, помещенные в сосуды, находящиеся в непосредственной близости от жилых домов. Как и в Кветте, известны медные предметы и кремневые наконечники стрел. Полностью аналогичны кветтским материалам и глиняные фигурки горбатых быков и женщин с зияющими глазницами. Как мы видим, зона распространения «зхобской богини-матери» была достаточно широка. Помимо зхобских поселений, этот иконографический тип был распространен у каннагарских и кветтских племен. Зато известным своеобразием отличается расписная керамика. Едва ли нужно говорить, что она сделана на гончарном круге: этот специальный инструмент получил распространение у всех белуджистанских племен. В отличие от Кветты часто встречается посуда с двуцветной росписью. Также в целом отличны, несмотря на отдельные параллели, геометрические орнаменты. Из изображений живых существ известны рисунки рыб, а также козлов, видимо, быков и летящих птиц.

В археологических материалах Зхоба уже заметно ощущается близость хараппской культуры. Сердоликовые бусы из Могул-Гхундай и Тор-Дхерай, а также глиняные браслеты из «зхобской столицы» — Периано-Гхундай — находят себе прямые параллели в аналогичных изделиях древнеиндийских городов.⁹³ Более того, на одном из южных поселений зхобских племен — Дабар-Кот — в большом количестве встречена типичная хараппская расписная посуда, резко отличная от продукции местных гончаров. Скорее всего здесь существовало поселение, основанное выходцами из долины Инда, и, возможно, именно с этим поселением следует связывать остатки оборонительных стен, прослеживаемых на этом памятнике.⁹⁴ Вместе с тем керамический материал ясно показывает, что Дабар-Кот еще в дохараппский период было типичным поселением зхобских племен. Теперь здесь появляется нечто вроде форпоста хараппской цивилизации. Как мы видели, аналогичное явление известно и для Ирана, где в Сиалке поселение

⁹³ S. Piggott. Prehistoric India..., p. 128.

⁹⁴ Археологически этот важнейший памятник изучен очень плохо. См. тщательный анализ известных данных: W. A. Fairservis. Archeological surveys..., pp. 308—328.

местных племен перекрывает «эламская фактория». Через эти передовые посты, выдвинутые в глубь мира земледельческих племен, осуществлялось воздействие раннеклассового общества на варварскую периферию. Следы этого воздействия и постоянных двусторонних связей становятся еще более значительными, если мы обратимся к земледельческим племенам южного Белуджистана.

К сожалению, здесь систематизация археологического материала заставляет желать много лучшего. Разведочные раскопки и сборы подъемного материала, произведенные несколько десятилетий назад и далеко не во всеоружии даже тогдашней археологической методики, до сих пор не прокорректированы новыми данными. В этом отношении работы В. Ферсервиса последних лет, как бы ни ограничен был их объем, ставят северный Белуджистан в более выигрышное положение. Не входя в нашем довольно общем изложении в чрезмерную детализацию, мы будем следовать за классификацией С. Пиггота, выделявшего в южном Белуджистане две группы частично одновременно существующих комплексов: типа Кулли и типа Нала—Нундары.⁹⁵

Поселения комплекса (или культуры) Нал—Нундара распространены в долинах рек Нала и Машкая, на южных склонах Центрального Брагуя и частично заходят в Синд, встречаясь в районе озера Манчар. Основной материал этого типа происходит из поселения Нундара и могильника, известного под именем Нал, расположенного на городище Сохр-Дамб. Поселение состоит из больших, многокомнатных домов, возведенных из сырцового кирпича того же прямоугольного формата, что и на севере Белуджистана ($52 \times 25 \times 10$ см). Основания стен выложены, как, впрочем, в большинстве горных селений, из бутового камня. Внутри стены отдельных комнат покрыты белой штукатуркой. Дома, состоявшие из крупных, вероятно жилых, комнат и мелких хозяйственных помещений, отделялись друг от друга узкими проуличками. Часть раскопанных помещений, возможно, представляла собой нечто вроде погребов с выходом через крышу: их стены, сохранившиеся на трехметровую высоту, не имеют никаких признаков дверных проемов. В захоронениях, как правило, встречаются лишь отдельные части разрозненных скелетов, что указывает на распространение того же образа «частичной ингумации», что и на поселениях Зхоба. Иногда в одной могиле встре-

⁹⁵ S. Pigott. Prehistoric India..., pp. 76—118. Ср. соображения, выдвинутые Д. Гордоном (D. H. Gordon. The pottery industries..., pp. 160—178). Основными публикациями материалов по-прежнему остаются две работы: H. Hargraves. Excavations in Baluchistan 1925. Sam-pur Mound, Mastung and Sohr Damb, Nal. MASI, № 35, 1929; A. Stein. An archeological tour in Gedrosia. MASI, № 43, 1931.

чены кости шести-семи людей. Возможно, подобно погребальным камерам Геоксюра и Мундигака, это было нечто вроде больших семейных гробниц. Однако в отличие от геоксюрских камер в Нале преобладали простые могильные ямы, лишь в отдельных случаях имевшие обкладку из сырцового кирпича.

Великолепная керамика Нала—Нундары позволяет говорить о каких-то связях, а возможно и об общем происхождении, с комплексом типа Амри. Керамика типа Нала—Нундары часто имеет многоцветную роспись с использованием таких цветов, как черный, красный, желтый, зеленый и синий. Столь богатая палитра неизвестна ни для одной другой культуры Ближнего Востока, оставившей археологам битые черепки нарядных расписных горшков. Сосуды Нала—Нундары отличает изысканная стилизация. В росписи наряду с геометрическими и растительными мотивами есть фигуры рыб, птиц и различных животных: козлов, львов и, видимо, быков. Наряду с медными предметами встречаются уже и бронзовые изделия. Найдки в могилах и несколько кладов доставили довольно значительное число медных и бронзовых топоров и удлиненных тесел, аналогичных соответствующим орудиям Хараппы. Известны также медный браслет и обломок медного кинжала. Медная пилка и наконечники стрел представляют почти парные изделия к аналогичным вещам хараппских поселений. Возможно, они частично доставлялись сюда из городов долины Инда и уже во всяком случае местные мастера копировали изделия, выпедшие из рук искусственных ремесленников Хараппы и Монхенджо-Даро. Имеются и другие указания на связи с древнеиндийской цивилизацией. Так, фаянсовые бусы Нала несомненно попали сюда из долины Инда. Возможно, это касается и просверленной каменной гири. Во всяком случае она не отличима от гири хараппской культуры и, возможно, завезена торговцем, пользовавшимся ею при своих операциях в областях земледельческих современников Хараппы. Обнаруженные в могиле на одном из поселений браслеты из раковин также имеют ближайшие параллели в материалах из долины Инда. Как мы знаем, вплоть до недавнего времени именно различные украшения и побрякушки наряду с некоторыми совершенными видами орудий служили предметами обменной торговли европейских купцов с туземным населением в различных местах земного шара.

С. Пиггот отмечает, что для комплексов круга Нала—Нундары пока неизвестны женские статуэтки, и выдвигает это явление в числе характерных признаков всей культуры в целом. Однако в свете наших знаний о культурах этого типа данное обстоятельство нельзя не признать весьма странным, и, возможно, его следует относить за счет если и не слабой изученности памятников, то за счет отсутствия должной четкости в разделениях комплексов типа Кулли и Нала—Нундары.

Действительно, если судить по картам, составленным английскими археологами,⁹⁶ керамика типа Нала—Нундары и Кулли распространена в одних и тех же районах, а зачастую и на одних и тех же памятниках. Исключением, возможно, является лишь крайний юго-запад Белуджистана, где встречаются только поселения типа Кулли. В долинах же Машкая и Нала они распространены наряду с поселениями типа Нала—Нундары. Несомненно, что в среде южнобелуджистанских племен можно видеть ряд локальных групп, ноной четкости в подобном выделении пока нет⁹⁷ (рис. 53). Наиболее важными памятниками группы Кулли являются, помимо самого Кулли, поселения Шахи-Тумп и Мехи. Из них последнее было довольно значительным и достигало площади 20 га. Имеющиеся материалы не дают оснований для выделения каких-либо отличий в архитектуре этих поселений по сравнению с жилыми домами Нала—Нундары. Скорее всего существенных отличий в этой области не было и в древности. Зато весьма отлична глиняная посуда, явившаяся одним из критериев для выделения комплексов Кулли. Роспись, как правило, производилась лишь одной краской. Особенно характерны сосуды с фризами, изображающими горбатых индийских быков со стилизованным удлиненным туловищем, стоящих среди деревьев в окружении мелких фигур козлов и, возможно, летящих птиц. Ряд форм керамики Кулли обнаруживает явственные следы хараппского влияния. Таковы вазы на высоких ножках и цилиндрические сосуды с многочисленными отверстиями, видимо употреблявшиеся при обработке продуктов молочного хозяйства.

Тех же горбатых индийских быков мы видим и в многочисленных глиняных фигурках, находимых на поселениях. Весьма своеобразны женские статуэтки. Они изображали стоящую женщину, с руками, сложенными на поясе. Основание статуэток плоское. Разнообразные украшения — конические ушные подвески, крупные бусы, ожерелья мелких бус, браслеты на руках — выполнены с большой тщательностью, иногда в ущерб женским символам. Так, нередки фигурки, у которых отсутствуют даже условные налепы, изображающие груди. Правда, одна из статуэток изображена держащей на руках двух детей. Абстрактная условность

⁹⁶ S. Pigott. Prehistoric India. . . , p. 71, fig. 2; R. E. M. Wheeler. The Indus civilization, pp. 10—11.

⁹⁷ Можно считать неудачным картографирование отдельных типов расписной керамики (*ware*), а не суммы культурных признаков. Сходные типы керамики могли употребляться различными группами племен, но в каждой группе было и нечто своеобразное, отсутствующее у соседей. Карты же, подобные уиллеровским, где отмечены разные керамические стили (*Zhab ware*, *Togau ware*, *Nal ware*, *Amri ware*, *Kulli ware*, *Guetta ware*), могут лишь оставить впечатление у читателей, что в Белуджистане все перемешано и никаких локальных групп здесь нет.

этих фигурок выступает заметным контрастом по сравнению с реалистическими элементами коропластики более ранних земледельческих племен.

Широко распространены медь и бронза. Известны бронзовые зеркала в виде диска, у которого ручка схематически представляла женскую фигурку, а на месте головы располагался сам диск, в котором смотрящаяся в зеркало красавица находила собственное отражение. Одна из медных булавок имела головку из лазуритовой бусины.

Южнобелуджистанские племена, оставившие комплексы типа Кулли, находились в тесных сношениях с жителями городов долины Инда, что нашло отражение в разных областях их материальной культуры. О сходстве ряда глиняных сосудов уже говорилось выше. Абсолютно идентичны глиняные свистульки в виде птиц, находимые на памятниках обеих областей. Наконец, группа серой орнаментированной керамики, подражающей стеатитовым моделям жилищ,⁸⁸ представлена образцами, найденными как в Белуджистане, так и в долине Инда. Эти сосуды, скорее всего восходящие к эламским прототипам, частично объясняют нам тесные связи с культурой Хараппы: через южный Белуджистан пролегали пути, связывающие древнеиндийскую цивилизацию с Эламом и Шумером. Здесь, в южном Белуджистане, так же как и на севере, мы находим и форпост харапской цивилизации. Этот памятник, ныне носящий имя Суктаген-Дор, содержит большое число обломков типичной харапской керамики, а остатки выполненных из камня стен показывают, что, видимо, в древности здесь была небольшая крепость.

В конце харапского периода в истории земледельческих племен южного Белуджистана произошли какие-то важные события. Часть поселений Кулли на крайнем юго-западе оказалась заброшенной, и на их руинах мы находим слои археологической культуры, получившей название Шахи-Туми.⁸⁹ По уровню развития эта культура принадлежит к тому же миру оседлых земледельцев, что и комплексы Кулли. Расписная посуда, сделанная с помощью

⁸⁸ S. Piggott. Prehistoric India. . . , pp. 110—111; A. Stein. Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 117. Возможно, аналогичного типа изделия проникали и на юго-запад Средней Азии [В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 377—378]. Предположение С. Пиггота о том, что эти сосуды экспорттировались из Белуджистана в Элам и Хараппу, мало убедительно (ср.: D. H. Gordon. The prehistoric background. . . , p. 48). Скорее всего в Белуджистане производились лишь местные подражания импортным образцам.

⁸⁹ В верхних слоях Шахи-Тумпа найдены могилы этой культуры, тогда как нижние слои этого памятника дают материал типа Кулли. Лучшая сводка здесь, как и в ряде других случаев, принадлежит С. Пигготту (S. Piggott. Prehistoric India. . . , pp. 215—219), за которым в основном следует и Г. Чайлд (Древнейший Восток. . . , стр. 303—305).

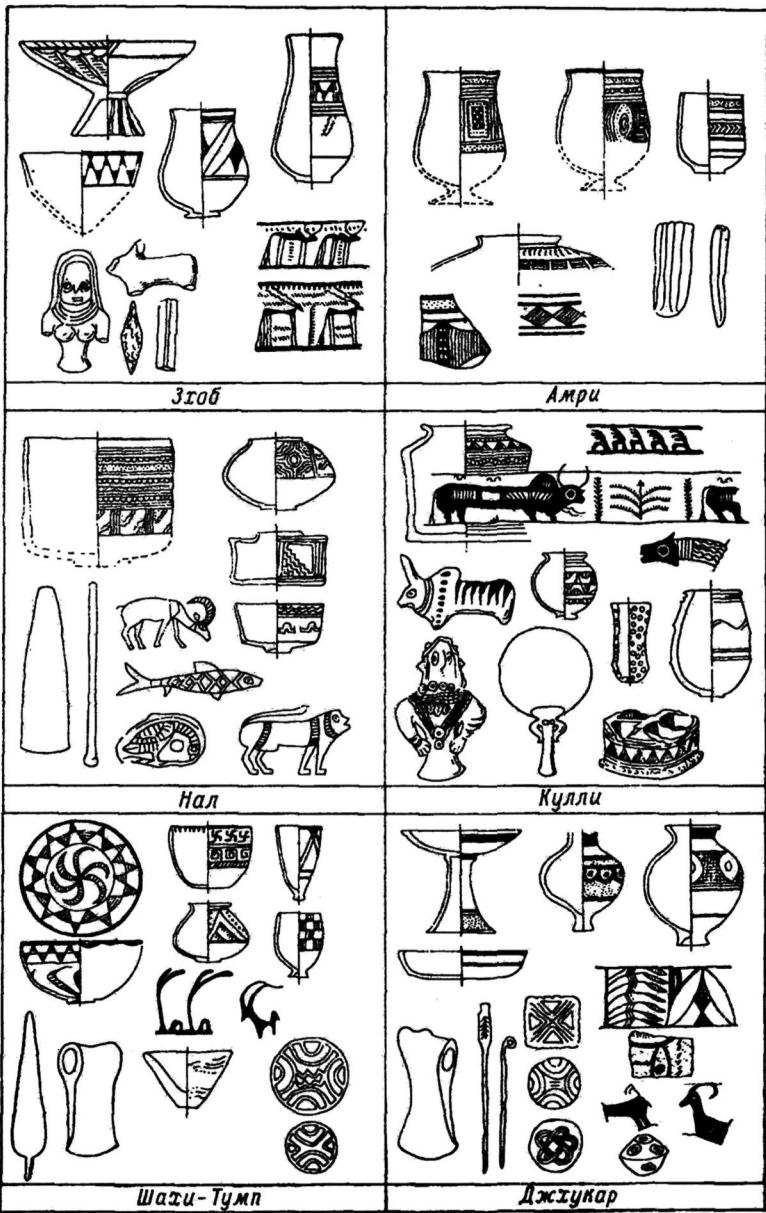

Рис. 53. Раннеземледельческие комплексы Белуджистана.
(По С. Пигготу).

гончарного круга, и различные изделия из меди, среди которых мы находим печати, однолезвийный нож и проушной топор, достаточно ясно свидетельствуют об этом. Однако по типу росписи на сосудах, по формам медных орудий и другим признакам эта культура не связана с Белуджистаном. Ее носители пришли из южного Ирана, а частично, возможно, и из более отдаленных областей, и их появление как бы предвосхищает те большие перемены, которые происходят в Белуджистане в послехарапский период.

Таков краткий обзор археологических материалов, характеризующих харапский период древней истории Индии. Особенности этого периода определяются уже его названием: это было время существования городской цивилизации в долине Инда. Сложившееся здесь раннеклассовое общество стало определяющим фактором в развитии всех районов страны. Его колонисты проникают в Гуджарат, основывают здесь, в стране лесных охотников и рыболовов, первые городки, и прогрессивное воздействие высокоразвитой культуры начинает сказываться на весьма обширной территории. В разных частях центральной Индии мы наблюдаем, как охотничий мезолит сменяется неолитом с грубой лепной керамикой. Эти изменения происходили в среде местных племен как результат их внутреннего развития. Но опосредованное воздействие индской цивилизации играло роль своеобразного катализатора. К западу от Инда белуджистанские и южноафганистанские земледельческие общины продолжали развиваться в рамках первобытнообщинного строя, хотя, возможно, и находились на одной из его последних ступеней. Подобно тому как в географическом отношении Белуджистан является восточным продолжением Иранского нагорья, земледельческие племена, обитавшие здесь вместе с ранними земледельцами Ирана, образовывали обширный тыл раннеклассовых обществ Индии и Месопотамии. Обе зоны находились между собой в тесной экономической связи. Из районов, занятых земледельческими племенами Иранского нагорья, в Месопотамию и долину Инда доставлялось разнообразное сырье, а также, видимо, и рабочая сила — рабы. В предыдущей главе мы уже кратко останавливались на взаимоотношениях иранских племен с Шумером и Эламом. Ряд материалов характеризует и связи, объединявшие города долины Инда с афганистано-белуджистанскими земледельцами. Важнейшим продуктом, который доставлялся в харапские города, была несомненно медь — исходное сырье для основных орудий производства этого времени. В Белуджистане и особенно в Афганистане имеются многочисленные залежи медной руды, и скорее всего именно именно отсюда доставлялась основная масса этого металла для удовлетворения нужд жителей долины Инда. Археологические материалы показывают, что переплавка руды в слитки, так же как и изготовление из меди

орудий, были сосредоточены в городах древней Индии. Видимо, также из Афганистана доставлялась свинцовая руда, содержащая серебро, и во всяком случае именно отсюда, надо полагать, через посредничество кандагарских племен шел лазурит, полурагоценный камень, с древнейших времен наделявшийся на Востоке магическими свойствами. В обмен шли различные изделия искусственных хараппских ремесленников. Именно на южнобелуджистанском поселении найдена бронзовая фигурка танцовщицы, являющаяся одним из выдающихся произведений искусства Хараппы.¹⁰⁰ Возможно, предметам вывоза в белуджистанские общинны служили также зерно, подобно тому, как это имело место в шумерско-иранских взаимоотношениях, и хлопчатобумажные изделия. Однако трудно требовать доказательства этого от чисто археологических материалов. Не удивительно, что в ряде мест в областях, занятых земледельческими племенами, возникают хараппские поселения, бывшие скорее всего в первую очередь именно торговыми факториями (Суктаген-Дор на юге и Дабар-Кот на севере¹⁰¹). Однако не следует преувеличивать значение этой торговли и обмена. Развитие торговли было вызвано в первую очередь потребностями раннеклассовых обществ. Земледельческие племена почти полностью сами удовлетворяли свои потребности, их земледельческо-скотоводческое хозяйство было автаркичным и замкнутым, как горные долины, в которых располагались их поселения.

Послехараппский период в истории Индии и Пакистана начинается около 1500 г. до н. э., а его верхней датой можно считать середину 1 тыс. до н. э., когда здесь широко распространяются железные изделия. Хронологически он выходит за рамки настоящей работы, и мы коснемся в самой общей форме лишь основных особенностей этого времени.

Крупнейшие городские центры долины Инда приходят в это время в запустение (рис. 54). Причины этого явления, вероятно достаточно разнообразные, еще мало исследованы. Скорее всего здесь имели место и изменения в природных условиях (уничтожение лесов и наступление пустыни¹⁰²), и внутренние затруднения раннеклассового общества,¹⁰³ и, наконец, такой внешний фактор, как вторжение иноязычного населения. Можно сомневаться, что именно арийское завоевание положило конец цивилизации Хараппы, но археологические факты остаются фактами: на развали-

¹⁰⁰ S. Piggott. Prehistoric India..., p. 115; Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 301.

¹⁰¹ Если первый из этих памятников, возможно, связан с индо-шумерской торговлей, то положение Дабар-Кота не вызывает сомнений в его основном назначении. Видимо, через этот пункт шли в долину Инда афгано-станская медь и лазурит.

¹⁰² M. Wheeler. Early India and Pakistan..., p. 111—113.

¹⁰³ Ср.: Всемирная история, т. I. М., 1956, стр. 434.

нах харапских городов появляются поселения, культура которых имеет много общего с культурой белуджистанских земледельцев.¹⁰⁴ Таковы материалы культуры Джхукар и могильника Н в Хараппе. В данном случае мы не будем входить в дискуссию, были ли обитатели этих поселений именно ариями или лишь одними из тех племен, кого сдвинул с места длительный процесс расселения индоязычных племен.¹⁰⁵ Нам важен сам факт, что после гибели Хараппы и Мохенджо-Даро жизнь в долине Инда отнюдь не прекратилась совершенно. Однако вместо крупных городов мы опять находим лишь небольшие поселки, видимо во многом аналогичные земледельческим поселениям, существовавшим здесь еще в дохарапский период.

В Белуджистане и южном Афганистане по-прежнему развиваются различные группы раннеземледельческих племен. Но в их истории также как будто происходят значительные перемены, связанные с передвижением отдельных племенных групп и запустением ранее густо населенных районов. Так забрасываются многочисленные поселки Сеистана.

В Кандагарском районе поселение Мундигак IV с его монументальными постройками и обводной стеной приходит в упадок, обжитая территория сокращается в несколько раз. Для времени Мундигак V характерна керамика ручной лепки с несложной росписью черной краской по красному фону. Эта упадочная культура относится, видимо, к первой половине II тыс. до н. э. Ж. М. Касаль, сближая посуду Мундигака V с керамикой чустской культуры, полагал, что имело место вторжение племен с территории Ферганы.¹⁰⁶ Действительно, довольно резкая смена культуры, особенно заметная при сравнении с превосходной речесленной керамикой Мундигака IV, наталкивает на мысль о частичной смене населения. Правда, пока неизвестны памятники чустского типа, относящиеся к более раннему времени, чем последняя треть II тыс. до н. э. Однако, возможно, со временем будет открыт ранний этап этой культуры в Ферганской долине или на соседних территориях. Во всяком случае упадок Мундигака сам по себе весьма показателен. Комплекс Мундигак VI (конец II—начало I тыс. до н. э.)¹⁰⁷ даже не представлен строи-

¹⁰⁴ Соответствующие данные лучше всего обобщены С. Пигготтом (S. Piggott. Prehistoric India..., pp. 214—241).

¹⁰⁵ См.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргiana, стр. 117—121. См. также главу 6 настоящей работы (стр. 447).

¹⁰⁶ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. I, pp. 104, 119.

¹⁰⁷ Учитывая сходство расписной керамики Мундигака VI и Яз-Дене I. Ср.: J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 122, 653—654; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргiana, табл. XVII, 17; XVIII, 1; XIX, 7, 12.

Рис. 54. Индия во II—начале I тыс. до н. э.

1 — памятники культуры Джхукар; 2 — постхараппские поселения Катхиавара;
3 — памятники энеолита центральной Индии; 4 — памятники культуры медных
кладов; 5 — прочие памятники.

тельными остатками, а выделен при изучении зольных прослоек, содержащих непрятательно орнаментированную расписную керамику.

Как будто сходные явления происходят и в кветтско-зхобской области. Прекращается жизнь на большинстве кветтских поселений и на Сур-Джангале. На Рана-Гхундай для этого времени отмечены следы пожаров. Однако целый ряд памятников, в том числе и местная «столица» — Периано-Гхундай, продолжают существовать. Находимая здесь керамика относится к тому же типу, что и джхукарская расписная посуда на руинах хараппских поселков.¹⁰⁸

Со значительным сокращением числа земледельческих поселений имеем мы дело и в южном Белуджистане: большинство из существовавших здесь ранее памятников не содержит послехараппских слоев. Возможно, в послехараппский период продолжалось существование культуры типа Шахи-Тумпа, но этот вопрос требует дополнительного исследования.¹⁰⁹ Резким контрастом с этой во многом негативной характеристикой выступают значительные перемены в экономике и культуре, которые происходят в послехараппский период на остальной территории Индостана (рис. 55).

Хараппские поселения на Катхиаваре избежали судьбы метрополии. Жизнь на них продолжалась и после гибели двух индийских столиц, и индийские археологи довольно обстоятельно прослеживают эволюцию расписной керамики и других видов материальной культуры в Рангпуре, Сомнатхе и некоторых других памятниках этого района. «Упадочная Хараппа» — так именуются эти комплексы на том археологическом жаргоне, который часто превращается в общепринятую терминологию. Видимо, события, связанные с упадком городской культуры Синда и Пенджаба, некоснулись лежащих в стороне гуджаратских выселков.

В долине Ганга, второй великой реки Индии, бассейн которой по плодородию во многом не уступает Пенджабу и Синду, в послехараппский период происходит интенсивный процесс сложения оседлоземледельческой культуры. Видимо, к середине II тыс. до н. э. относится «культура медных кладов», названная так по своеобразным комплексам медных изделий (топоры, гарпуны, мечи, наконечники копий и т. п.).¹¹⁰ В это время изготавлялась

¹⁰⁸ W. A. Fairservis. 1) Excavations in the Quetta valley, p. 352; 2) Archeological surveys..., p. 358, 381.

¹⁰⁹ Д. Гордон считает, что в южном Белуджистане пока вообще неизвестны археологические материалы для времени между концом культуры Шахи-Тумп (1650 г. до н. э. по его весьма условным расчетам) и IX в. до н. э. См.: D. H. Gordon. The pottery industries..., p. 178.

¹¹⁰ B. B. Lal. Further copper hoards from the Gangetic basin and a review of problem. AI, № 7, 1951; Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. К проблеме происхождения народов Мунда. СЭ, 1957,

	Афганистан	белуджистан				Долина Инда		Центральная Индия			
	Мундигак	Кили	Садаат	Рана-Гулдай	юг	Синд	Пенджаб	Рангпур	Даимабад	Бахал	Навда-Тали
	VII										
1000	VI										
	V										
	IV										
2000	III										
	II										
	III										
3000	II										
	IV										
	I										
4000	I										
	III										
	II										
	I										

Шахи-Тумп   Джхукара   Могильник Н
 Хараппа
 Кулли
 Амри   Кот-Джиси   Рана-Гулдай
 П-Ци   Гуджарат-
               ские
               стоянки
 Суккур и
 Ротри

Рис. 55. Сводная стратиграфическая таблица культур Индии IV—II тыс. до н. э.

глиняная гончарная посуда с черепком цвета охры, обнаруженная в нижних слоях ряда поселений по Гангу. Однако в этих слоях пока не было найдено глиняных строений. Формы ряда орудий указывают на занятие охотой и рыболовством,¹¹¹ но следует также считать, что жители гангских поселков в какой-то форме занимались и земледелием.¹¹² Металлургия в долину Ганга скорее всего распространялась под влиянием Хараппы (среди гангских орудий наряду с медными есть и бронзовые вещи), но форма их (за исключением, быть может, топоров) вполне оригинальна и как будто в ряде случаев подражает костяным и роговым изделиям. Вполне вероятно, что эта культура сложилась на основе культуры племени охотников-рыболовов, подобных оставившим Бирбхандпурскую стоянку в Бенгалии, но в археологическом отношении это положение пока не может быть доказано.

В равной мере остается неясным происхождение культуры «серой расписной керамики», памятники которой в конце II—первой трети I тыс. до н. э. широко распространяются в долине Ганга. Датировка и ареал распространения этих памятников позволяют согласиться с индийскими археологами, утверждающими их принадлежность арийским племенам, что, однако, мало продвигает нас в изучении сложнейшей проблемы происхождения ариев. Оседлоземледельческий характер этой культуры бесспорен.¹¹³ Обнаружены глиняные дома, зерна возделывавшихся злаков, кости мелкого и крупного рогатого скота. Керамика изготавлялась при помощи гончарного круга. Возможно, наиболее крупные поселения, бывшие центрами арийских княжеств, уже имели укрепления.

В центральной Индии установление вполне сложившейся культуры оседлых земледельцев и скотоводов приходится на более раннее время, чем в долине Ганга. Как мы видели, уже в хараппский период на плоскогорье Деккан появляется неолит с серой лепной керамикой и микролитической кремневой индустрией.

№ 1; M. Wheeler. Early India and Pakistan. . . , pp. 123—127. Следует, однако, иметь в виду, что М. Уиллер несколько замалчивает почти все даты культуры постхараппского периода.

¹¹¹ Так называемые гарпуны использовались как колющие орудия и при охоте на носорогов, как это видно по наскальным рисункам в одной из пещер в районе Мирзапура.

¹¹² Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. К проблеме происхождения народов Мунда, стр. 56.

¹¹³ B. Lal. Excavations at Hastinapura. AI. № 9, 1953; M. Wheeler. Early India and Pakistan. . . , pp. 26—30, 128—132. Датировка М. Уилера (800—500 гг. до н. э.) несколько замаложена. Найденный в Хастинапуре плоский бронзовый наконечник стрелы с черешком обычен именно для памятников начала I тыс. до н. э. (Сиалк VI, Нади-Али II, культура архаического Дахистана).

Ко второй половине II тыс. до н. э. и к началу I тыс. до н. э.¹¹⁴ относятся энеолитические поселения в бассейнах Годавари (Джорве, Неваса III, Даймабад II—III и Бахал I В, частично тяготеющий к Навда-Толи) и Нарбада (Навда-Толи, Махешвар, Тришур). Грубую лепную посуду харапского времени здесь сменяет превосходная расписная керамика, сделанная с помощью гончарного круга. Она украшена несложными геометрическими орнаментами, а также изображениями животных и реже людей. Распространяются, хотя не очень широко, медные изделия (топоры, булавки, рыболовные крючки, шилья, браслеты). Зерна пшеницы, риса и бобовых растений свидетельствуют о подъеме земледелия. На поселениях найдены кости крупного и мелкого домашнего скота, свиньи и собаки (Навда-Толи, Неваса). Обнаружена также белая шелковая ткань, едва ли не древнейшая в мире. Наряду с этими прогрессивными элементами в хозяйстве и культуре мы сталкиваемся и с рядом архаических признаков. Так, почти полностью сохраняется набор кремневых орудий, характерных для охотническо-рыболовческих племен (концевые скребки, сверла, трапеции, сегменты и т. п.). Нет в отличие от городков и поселков Катхиавара и сырцовой архитектуры. Жилищем служили хижины, овальные или прямоугольные в плане, с перекрытием, покоящимся на деревянных столбах. Лучше всего такие поселения изучены в Навда-Толи, где общее число жилищ определяется от 50 до 75. Наиболее крупная прямоугольная хижина размером 6×12 м, возможно, служила местом общих собраний членов этого родового поселка.

Было бы бесцельно перечислять обширные материалы, добытые индийскими археологами на целом ряде памятников центрально-индийского энеолита. Опи по праву могут быть темой специальной монографической работы.¹¹⁵ Отметим лишь, что в этих материалах, видимо, представлен ряд локальных вариантов, оставленных различными племенными группами, подобно тому как это мы наблюдаем в среде раннеземледельческих племен Белуджи-стана.¹¹⁶

¹¹⁴ Третий слой в Невасе датирован радиокарбоном 1106 (± 122) г. до н. э. Для энеолитических слоев Навда Толи мы имеем даже серию анализов: фаза I — 1457 (± 127) и 1492 (± 128), фаза II — 1503 (± 128), фаза III — 1449 (± 127), фаза IV — 1294 (± 125) гг. до н. э.

¹¹⁵ К сожалению, подобная сводка еще не осуществлена. Соответствующая глава М. Уилера (M. Wheeler. Early India and Pakistan. . ., pp. 134—149) является, пожалуй, наименее удачной во всей книге. По ряду памятников уже есть вполне обстоятельные публикации (H. D. Sankalia, B. Subbarao, S. B. Deo. The excavations at Maheshwar and Navdatoli. Poona-Baroda, 1958; H. D. Sankalia and oth. From history to pre-history et Nevasa. 1954—1956. Poona, 1960), многочисленные информации даны в «IA».

¹¹⁶ Это проявляется в распространении различных видов расписной керамики (тип Джорве на р. Годавари, тип Мальва на р. Нарбаде, тип Пра-

Эти кардинальные перемены в хозяйстве и культуре племен центральной Индии произошли не без воздействия со стороны катхиаварской группы послехарапских городов, откуда были, видимо, получены первые зерна для посева на полях, а также пришло знакомство с гончарным кругом и металлургией. Это воздействие особенно заметно проявлялось в культуре наиболее близких к Катхиавару гуджаратских племен. Недаром мы здесь наблюдаем, как мотивы расписной керамики харапского круга оказывают влияние на процарапанную посуду местных племен.¹¹⁷ Вспомним, что аналогичным образом расписная посуда земледельцев Средней Азии повлияла на орнаментику керамики неолитических охотников.¹¹⁸

Дальше на юг от катхиаварского эпицентра эти воздействия, вероятно, становились все более косвенными. Во всяком случае показательно, что большинство форм и орнаментов расписной керамики центральноиндийского энеолита имеет мало общего с гончарной продукцией послехарапского Рангпур или Сомнатха. Не приходится говорить о сколько-нибудь значительной колонизации, шедшей со стороны этих поселений в направлении декканских оазисов. Культура земледельцев центральноиндийского энеолита сложилась на основе локальных культур охотников, собирателей и рыболовов, воспринявших с северо-запада ряд культурных достижений. Это явление повсеместного распространения оседлоземледельческой культуры и является ведущим процессом в послехарапский период истории Индии. Он находит себе близкие параллели в событиях, происходящих в Средней Азии в пору бронзового века. В этом еще раз проявилось сходство исторических судеб двух стран, через территории которых проходила ранее граница между миром оседлых земледельцев и массивами охотническо-рыболовческих племен.

каша на р. Тапи и т. п.). Вместе с тем для всех этих памятников характерна общность погребальных обрядов: дети помещались в керамических урнах, а взрослые — в могильных ямах, в вытянутом положении (т. е. как в харапском могильнике).

¹¹⁷ IA, 1956—1957, р. 16.

¹¹⁸ См. стр. 177.

Г л а в а 4

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛЫХ ДОМОВ И ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Советские археологи при исследовании древних поселений неизменно уделяют большое внимание изучению жилых сооружений, подсобных строений и планировке всего поселения в целом. При этом советской археологии пришлось разработать в ряде случаев и серию специальных методических приемов, применяемых для обнаружения и всестороннего исследования древних жилищ. Общеизвестные успехи археологов СССР в изучении палеолитических жилищ позволили по-новому взглянуть на историю первобытного общества поры каменного века¹ и получили высокую оценку прогрессивных ученых запада.² При этом по существу был выработан подход к памятнику вообще. Как отмечает П. П. Ефименко, раньше задача изучения палеолитических памятников обычно «сводилась к установлению стратиграфического разреза, условий залегания культурных слоев в геологических наносах и к составлению коллекций более или менее эффективных находок. Остальное, в частности уяснение всего комплекса фактов, освещавших общественно-хозяйственные условия жизни первобытного общества, в подобных исследованиях отходит на последнее место, а часто и вовсе не интересует буржуазного археолога».³

¹ П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. ИГАИМК, т. XI, вып. 3—4, М., 1931; П. И. Борисковский. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. СА, 1958, № 1.

² V. G. Childe. Cave men's buildings. Antiquity, 1950, № 93, р. 4 sqq.

³ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 358—359.

Аналогичную работу по выработке особой методики проделали советские археологи, изучавшие памятники трипольской культуры, что привело к открытию трипольских домов и к установлению планировки поселений раннеземледельческих племен Молдавии и Украины.⁴

Большое внимание изучению типов домов и поселений было уделено и при систематических работах по исследованию древнеземледельческих поселений Средней Азии. При этом были организованы широкие раскопки верхнего слоя разновременных памятников, что позволило подойти к изучению эволюции древних жилых домов.⁵

Этот особый интерес к исследованию древних жилищ и поселений отнюдь не сводится лишь к большей внимательности или большей тщательности советских археологов по сравнению с их предшественниками или зарубежными коллегами. В разработке методических приемов раскопок домов и землянок получили отражение методологические установки советской археологии, ее отношение к изучаемым объектам как памятникам по истории общества в первую очередь. Советских археологов как историков марксистов интересует не набор обнаруженных при раскопках предметов, а история хозяйственной жизни и общественного строя у племен и народностей, производивших эти вещи. Именно внимательное изучение древних жилищ как места обитания и хозяйственной деятельности одного или нескольких человеческих коллективов позволяет подойти к правильному пониманию этих вопросов ближе, чем самая убедительная классификация древних вещей или их типологический анализ. Исследование жилищ и поселений наряду с исследованием орудий производства является одним из центральных вопросов в проблематике истории первобытного общества, изучаемого археологическими методами.

Известно, что Л. Г. Морган, стихийно подошедший к материалистическому пониманию истории, уделял большое внимание изучению типов жилых и хозяйственных строений у первобытных племен. Соответствующий раздел первоначально составлял одну из частей его книги «Древнее общество», но ввиду большого объема был издан позднее в виде отдельной книги.⁶ К. Маркс

⁴ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА СССР, № 10, М.—Л., 1949, стр. 240—245.

⁵ Эта цель была признана одной из основных при начале систематических работ ЮТАКЭ и ЛО ИА АН СССР на раннеанаских памятниках в 1955 г. (В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе. СА, 1957, № 1, стр. 144). Полученные материалы использованы в настоящей главе. См. также: В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. (К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен). СА, 1962, № 3.

⁶ Л. Г. Моргана. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

отмечал, что общий дом и коллективное жилище были экономической основой древних общин.⁷

Разница в подходе к изучению древних поселений со стороны советских и буржуазных археологов может быть весьма наглядно продемонстрирована на следующем примере. Раннеземледель-

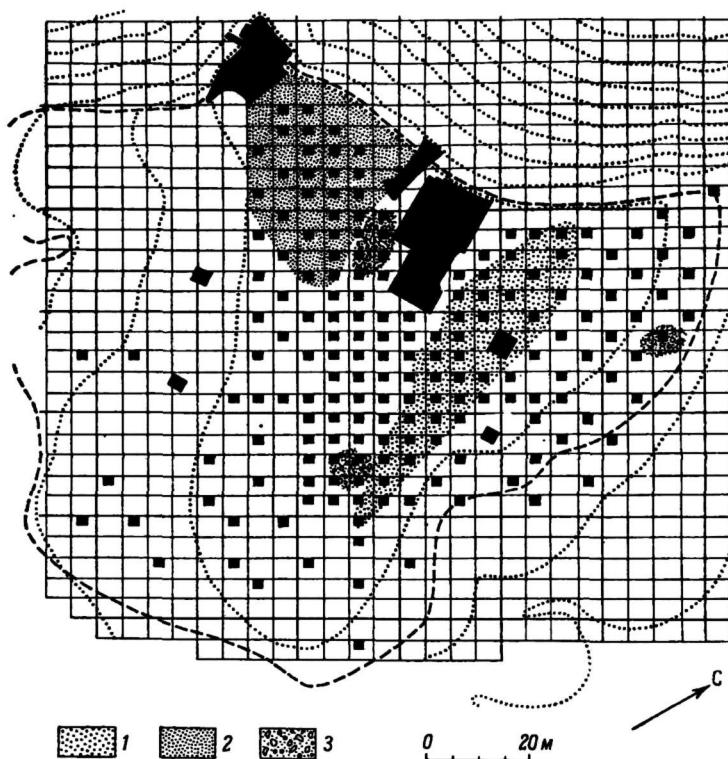

Рис. 56. Джармо. План раскопок поселения.
(По Р. Брейдвуду)

1 — район сосредоточения серой золы; 2 — район коричневой иловатой земли выше 2 м; 3 — сосредоточение черепков сосудов.

ческие поселения Джармо в северном Ираке и Джейтун в Средней Азии принадлежат к одному историческому этапу и характеризуются однотипными строительными остатками — глинобитной архитектурой. На поселении Джейтун на площади 2300 м² вскрыто свыше 50 древних строений и установлены основные

⁷ К. Маркс. Черновые наброски письма В. Засулич. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, М., 1935, стр. 694.

закономерности их планировки. На поселении Джармо вскрыто около 1370 м², но о типе жилых домов приходится говорить лишь в самых общих чертах. Большая часть вскрытой площади приходится на 151 шурф (рис. 56). Эти шурфы были заложены по квадратной сетке и охватили почти всю площадь поселения, на неся, как показывает практика раскопок памятников подобного типа, непоправимый урон строениям верхнего слоя. В результате применения подобной методики на плане поселения мы видим не серию древних домов, а ничего не дающие зоны распространения золы или коричневой земли. Достаточно сопоставить планы Джейтуна и Джармо, чтобы убедиться в коренном различии подходов к изучению памятников. В чем же дело? Может быть, руководивший раскопками Р. Брейдвуд, достаточно авторитетный исследователь, отступил перед трудностями, с которыми неизбежно связано вскрытие плохо сохранившихся глиняных строений, заполненных строительным завалом? Отнюдь нет. Подобный подход к полевым работам прямо и непосредственно связан с теми теоретическими взглядами, которых придерживается и которые усиленно пропагандирует Р. Брейдвуд. Как мы уже отмечали, Р. Брейдвуд предлагает периодизацию истории общества, восходящую в конечном итоге к периодизации Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса.⁸ Однако схема Р. Брейдвуда по существу страдает экономической ограниченностью. В ней нет места производственным отношениям и полностью упускается из вида развитие общества, занимающегося тем или иным родом хозяйственной деятельности, детально анализируемой в брейдвудской периодизации. По существу это лишь опыт периодизации истории хозяйства, а не история первобытного общества. Это проявилось и в организации раскопок на таком первоклассном памятнике, каким бесспорно является поселение Джармо. Для Р. Брейдвуда несущественно, было ли здесь большое коллективное жилище или мелкие обособленные строения, — организации общества нет места в его схеме. Для этой схемы важен лишь факт наличия или отсутствия глиняной архитектуры — тогда памятник попадает в соответствующий этап предлагаемой периодизации. Для ответа на этот вопрос достаточно небольшого шурфа, и в результате влияния методологии на методику памятнику наносится существенный ущерб.

К. Маркс и Ф. Энгельс, придававшие особенное значение изучению первобытнообщинного строя как эпохи, когда еще отсутствовала частная собственность, всячески подчеркивали именно наличие общего дома у древних общин, находившегося в коллективном владении. «Домашнее хозяйство, — писал Энгельс, — ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что делается и используется сообща, состав-

⁸ См. стр. 82.

ляет общую собственность: дом, огород, лодка».⁹ Характеризуя эволюцию общин в связи с историей сельской общины, К. Маркс, как мы уже отмечали, писал: «...общий дом и коллективное жилище были... экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни».¹⁰ Отметим, что открытие советскими археологами коллективных жилищ верхнего палеолита является блестящим примером подтверждения справедливости этого теоретического положения К. Маркса.

Именно этой стороне проблемы придавал особенное значение и Л. Г. Морган в пятой части своей книги «Древнее общество», посвященной домостроительству. Идея о связи коллективных жилищ с общественным строем первобытных племен, с родовой организацией проходит красной нитью через эту работу крупнейшего историка первобытного общества. «Где бы ни установилось господство родовой организации, — отмечал Л. Г. Морган, — мы видим, как правило, что отдельные семьи, связанные между собой близкими родственными отношениями, объединяются в общие домохозяйства и устраивают общий запас продовольствия, добытого рыбной ловлей, охотой и культурой маиса и других растений. Семьи эти строили общинные дома, достаточно обширные для размещения нескольких семейств, и можно считать общим явлением, что во всех частях Америки туземного периода люди жили не отдельными семьями в отдельных домах, а обширными многосемейными домохозяйствами».¹¹ С характером общественного строя связан, по Л. Г. Моргану, и закон гостеприимства, объяснение которого «надо искать в коллективном землевладении, в распределении земледельческих продуктов по домашним хозяйствам, состоящим из известного числа семейств, и в коммунистическом строе домашней жизни, осуществляемом в этих домашних хозяйствах».¹² Подчеркивание общественного характера хозяйства и быта первобытнообщинного строя имело огромное значение в борьбе с апологетами капитализма, стремившимися доказать извечный характер частной собственности, будто бы органически присущий человечеству.

Л. Г. Морган в своей работе в основном ограничился привлечением этнографических материалов времени появления европейцев в Америке и позднейшим периодом. Определяя основные особенности первобытного домостроения в их связи с общественным строем, Л. Г. Морган неставил (да и на имевшемся в его распоря-

⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 159.

¹⁰ К. Маркс. Черновые наброски письма В. Засулич, стр. 694.

¹¹ Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь..., стр. 42.

¹² Там же, стр. 41.

жении материале не мог поставить) вопросы эволюции домостроения в связи с эволюцией самого первобытного общества. Такие возможности предоставляет лишь археологический материал и то при проведении достаточно широких работ, охватывающих памятники большого хронологического периода. Совершенно несомненно, что изучение этой эволюции и установление ее закономерностей представляет первостепенное значение, особенно в связи с тем, что археологические материалы, как правило, лишь косвенным образом характеризуют общественные отношения. При этом, разумеется, приходится учитывать и природно-климатические условия тех или иных зон, и характер имеющихся строительных материалов, и степень технического развития общества, жилые строения которого являются предметом изучения. Важен принцип, лежащий в основе домостроения, тесно связанного с общественной организацией, а не материал, из которого возводились сами дома. Это было отмечено уже Л. Г. Морганом, который писал, что жилища американских туземцев «составляют выражение единой системы строений, начиная с длинного дома ирокезов и кончая общиными домами из необожженного кирпича и камня в Новой Мексике, Юкатане, Чиапа и Гватемале».¹³

К сожалению, недостаточная изученность, а иногда и прямое пренебрежение изучением древних жилищ затрудняет широкое исследование этой важнейшей проблемы на археологических материалах. Если брать в целом раннеземледельческие культуры Ближнего Востока, иногда именуемые «культурами расписной керамики», то лишь на поселениях юго-запада Средней Азии, где с 1955 г. проводится целевое изучение древних жилищ различных периодов,¹⁴ можно говорить о намечающейся эволюции древнего домостроения.¹⁵ Выше, в разделах, специально посвященных Средней Азии, мы уже упоминали о смене однокомнатных домов многокомнатными жилищами. Рассмотрим более детально намечающуюся эволюцию.

В начале этой эволюционной цепи стоит поселение Джейтун, планировка которого весьма четка и выразительна.¹⁶ На вскрытом участке поселения, составляющем около трех четвертых его

¹³ Там же, стр. 3.

¹⁴ Эта задача ставилась как одна из основных при начале систематических работ по изучению раннеанаусских памятников (В. М. Массон. Джейтун и Кара-Тепе, стр. 144). С этой целью были организованы широкие раскопки верхних слоев поселений разных хронологических этапов.

¹⁵ В. М. Массон. 1) Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 384—398; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 148—152.

¹⁶ В. М. Массон. 1) Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961); 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. См. также выше, стр. 31.

древней площади, расположено 25 однокомнатных домов, построенных по одному и тому же типу. Около каждого дома имеется небольшой участок-дворик, иногда поразительно миниатюрный, и тяготеющие к нему подсобные строения. Площадь жилых домов колеблется от 13 до 39 м², но наиболее типичны дома площадью 20—30 м². Средняя площадь джейтунского дома 23,5 м². Судя по этим размерам, каждый дом был местом обитания одной парной семьи, включавшей в свой состав 5—6 человек.¹⁷ Если исходить из числа одновременно существовавших домов на вскрытом участке, то в целом для Джейтуна мы получим цифру 35—40 домов, что соответствует населению в 200—240 человек. Важно подчеркнуть, что все поселение в целом состояло из таких однокомнатных домов и нет никаких оснований для выделения каких-либо хозяйственных групп, объединявших несколько семей джейтунского поселка.¹⁸ Казалось бы на первый взгляд, что перед нами планировка, отражающая сравнительно поздний этап развития общества, когда индивидуальные семьи каждая независимо друг от друга ведут свое хозяйство и хранят свое имущество. Однако это далеко не так. Небольшие дворики настолько малы, что иногда уступают по площади жилым домам (например, двор к югу от помещения 42). Хозяйственные клетушки, примыкающие к ним, имеют площадь в несколько квадратных метров и скорее всего являлись кладовыми, куда помещалось личное имущество, находившееся во владении парных семей (одежда, хозяйственная утварь, личные украшения, оружие, орудия труда). Вместе с тем сооружения, в которых можно признать места хранения пищевых запасов, например зерна, являются общими, по крайней мере для вскрытой части поселения. Сооружения из параллельных отрезков глинобитных стен, являвшихся скорее всего основанием для зернохранилищ, требующих постоянной циркуляции воздуха под полом, расположены в северной части поселка, а отнюдь не у каждого дома. В двух местах были обнаружены значительные скопления обломков корчаг — к югу от помещения 4 и к западу

¹⁷ Если исходить из численности семьи в странах с отсталой экономикой. Ту же цифру дает и подсчет состава семьи в Шумере III тыс. до н. э. См.: И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 20. По поводу уточненного понимания соответствующих документов см.: В. В. Струве. Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского. ВДИ, 1957, № 4. Замечания акад. В. В. Струве учтены И. М. Дьяконовым в цитированной выше работе (ср.: И. М. Дьяконов. О площади и составе населения шумерского «города-государства». ВДИ, 1950, № 2).

¹⁸ Как отмечалось выше, жилые дома по различной ориентации внутридомного очага распадаются на две группы (см. выше, стр. 30), не образующие, однако, территориальных комплексов. Последнее свидетельствует, что, каково бы ни было истолкование этих групп, они не связаны с хозяйственными единицами, объединявшими рядом расположенные строения.

от помещений 33 и 35.¹⁹ Видимо, именно здесь в древности стояли рядами корчаги для хранения припасов, и опять-таки они находятся не у каждого дома, а в двух местах на вскрытой части поселка, где одновременно существовало 25 жилых домов. Наконец, на платформе А были обнаружены развалины какого-то сооружения, связанного с разведением и длительным воздей-

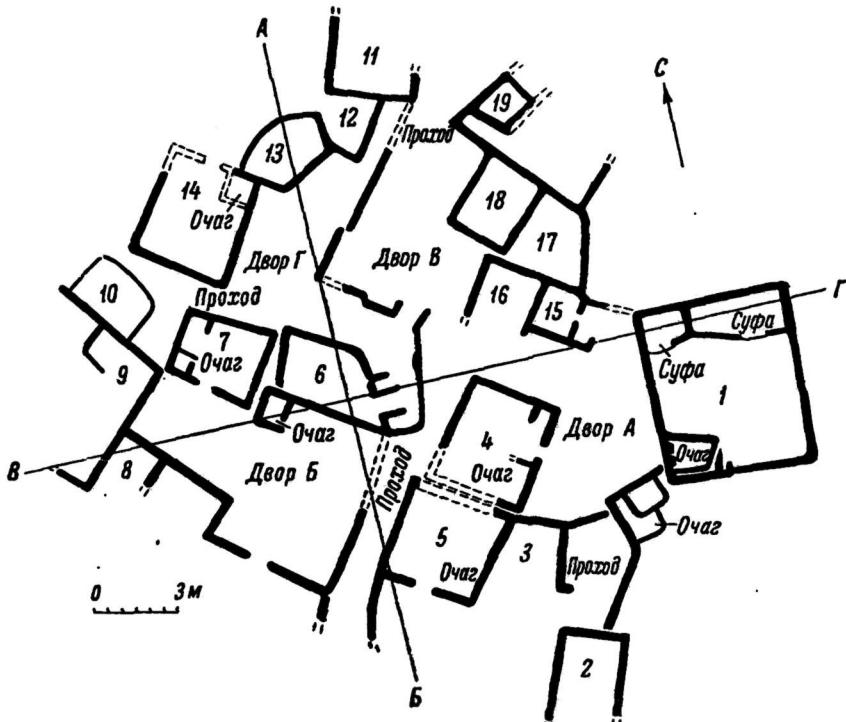

Рис. 57. Дашилдыки-Депе. План строений третьего слоя.

ствием огня. Скорее всего здесь производился обжиг глиняной посуды, о чем свидетельствуют многочисленные находки в культурном слое жужелицы, и эта «гончарная печь» опять-таки была общей для всего поселения. Таким образом, можно считать, что неолитический Джейтун представлял собой поселок, занятый коллективом людей, пользовавшихся общими хранилищами и ведущих общее хозяйство. Низкий технический уровень (глинобитная архитектура еще только что возникла) не позволял им по-

¹⁹ В этом районе при раскопках 1959 г. было найдено 346 фрагментов корчаг — более трети общего количества всей посуды, найденной в этот сезон при раскопках Джейтуна на площади в 1100 м².

строить огромное общее жилище, объединившее бы в своих пределах весь коллектив, с чем связано и расселение парных семей в однокомнатных домах. Судя по предполагаемой численности населения, перед нами поселок, занятый одним родовым коллективом.²⁰

Как показывают имеющиеся материалы, джейтунская традиция однокомнатных домов сохраняется в течение весьма длительного времени. Из поселений следующего этапа, именуемого по археологической классификации временем Анау I—Намазга I, лучше всего в этом отношении изучен небольшой поселок Геоксюрского оазиса — Дашилджи-Депе.²¹ Этот полностью раскопанный памятник состоял из трех строительных горизонтов, характер планировки которых неизменно повторялся. Наиболее полно сохранились строения третьего слоя, хотя и здесь часть помещений, находившихся на краю поселка, оказалась разрушенной временем (рис. 57). Поселок состоял из небольших жилых домов, к которым, как и на Джейтуне, примыкали хозяйствственные участки — дворы и подсобные хозяйствственные строения. Планировка домов однообразна: в углу дома рядом с дверью находился очаг, от одной из стен внутрь комнаты вдавался выступ, образовавший в углу дома небольшой отсек. Подобная планировка повторяется затем и в памятниках более позднего времени и становится традиционной для геоксюрских поселений. Вместе с тем дашилджинские домики, как правило, весьма невелики и значительно уступают по площади домам Джейтуна. Так, четыре жилых дома третьего горизонта, размеры которых можно установить, имеют площадь 7.2, 10.5, 11.2 и около 12 м². Исключение составляет помещение 1, вообще сделанное с большой тщательностью и, по предположению И. Н. Хлопина, использовавшееся также и как место общих собраний. Его площадь 28.6 м², что, впрочем, для Джейтуна не явилось бы весьма значительной цифрой. Очаг, расположенный в углу, свидетельствует, что и помещение 1 Дашилджи-Депе — в принципе тот же жилой дом. Среди остатков строений третьего слоя Дашилджи-Депе можно видеть по крайней мере семь хозяйствственно-жилых комплексов,²² но, возможно, в древности их было на 1—2 больше. В таком случае следует ожидать, что население Дашилджи-Депе достигало 50—60 человек. Обращает на себя внимание сравнительно небольшая величина дашилджинского поселка. Действительно, перед нами

²⁰ Л. Г. Морган (Древнее общество. Л., 1934, стр. 52) отмечает, что в разных условиях род мог насчитывать от 100 до 1000 человек, а у Сенека в каждом роду было в среднем 375 человек.

²¹ И. Н. Хлопин. Дашилджи-Депе... См. также выше, стр. 131.

²² Первоначально И. Н. Хлопин выделял лишь пять комплексов (Дашилджи-Депе..., стр. 143—144), но более детальный анализ приводит к иным выводам.

поселение-малютка, оплывший холм которого со шлейфами имел размеры 45×38 м. Возможно, перед нами не весь род, а та его часть, которая покинула своих родичей и переселилась в район древнетедженской дельты. Дашильджи-Депе является самым ранним поселением Геоксюрского оазиса, а его материальная культура почти идентична культуре поселений подгорной полосы, свидетельствуя, что именно оттуда и появились первые землемельцы этого района.²³

На поселениях времени Намазга I в подгорной полосе, бывших, судя по своим размерам, родовыми поселками, планировка домов, к сожалению, изучена значительно хуже, чем на Дашильджи-Депе. На северном холме Анау площадью 6000 м² установлен лишь сам факт наличия сырцовых домов, один из которых имел стены, украшенные полихромными панно. Планировка Яссы-Депе у Каахка, поселка почти такой же величины, что и северный холм Анау (около 7500 м²), осталась не вполне выясненной.²⁴ Раскопки Дашильджи-Депе позволяют считать, что на Яссы-Депе вскрыта часть планировки аналогичного типа: мелкие строения часто неправильной конфигурации теснятся к дому с четкими прямыми стенами. Этот дом состоял из двух смежных комнат, имевших соответственно площадь 10.73 и 22.26 м². Однако, судя по многоцветной росписи на стенах и деревянной колоннаде, шедшей вдоль одной из этих стен, это было не обычное жилище, а помещение какого-то особого назначения, скорее всего родовое святилище.

К весьма раннему времени, возможно даже к поре Анау IA, относится небольшой холм Мунджуклы-Депе у Меана.²⁵ Находившийся здесь древний поселок, едва ли существенно превышавший своими размерами Дашильджи-Депе, разделяется посередине узким проулочком. Жилые однокомнатные дома обычно разделялись на две части внутренними выступами и имели пристенный очаг. Их площадь равна 11, 13.65 и 19 м². Хотя ряд деталей планировки поселка остается неясным, совершенно очевидно, что перед нами, как и на Дашильджи-Депе, налицо сохранение джайтунской традиции однокомнатных домов.

Аналогичное явление наблюдаем мы в Геоксюрском оазисе и в пору раннего Намазга II, или, по принятой для восточноафанаус-

²³ И. Н. Хопкин. Дашильджи-Депе..., стр. 173—175. См. также выше, стр. 134.

²⁴ Первоначально на Яссы-Депе вообще не было обнаружено сколько-нибудь значительных остатков строений (С. А. Ершов. Холм Яссы-Тепе 2. ИАН ТССР, 1952, № 6), вскрытых лишь раскопками отряда ЮТАКЭ под руководством Б. А. Куфтина, который ошибочно полагал, что имеет дело с частью единого многокомнатного дома (Б. А. Кутфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. ГЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 272—276, 284).

²⁵ Раскопки Д. Дурдыева и А. А. Марущенко в 1960 г.

ких памятников терминологии, в ялангачский период. Планировка этого времени изучена при раскопках шести поселений, и повсюду мы наблюдаем одни и те же общие закономерности. Само Ялангач-Депе²⁶ в пору существования верхнего слоя, раскопанного полностью, было небольшим поселком, постройки которого теснились на вершине холма, образованного более древними культурными наслойениями. Основной комплекс был обнесен стеной из сырцового кирпича, в периметр которой в сохранившейся части включено четыре круглых в плане строения, имевших внутри очаги и скорее всего являвшихся жилыми помещениями (рис. 58). Их площадь несколько превышает средний размер дашлыджинского дома и равна 11.3, 12.5, 15.88 и 12.5 м². В центре огражденного пространства находился однокомнатный дом с массивными стенами и двухчастным очагом-подиумом внутри. Его площадь равна 37 м², и, судя по целому ряду признаков, этот дом, занимавший на поселении центральное положение, играл роль святилища и места общих собраний вроде таджикских алоу-хона — этих дериватов мужских домов более раннего периода.²⁷ Рядом располагался менее значительный по размерам дом с тонкими стенками, скорее всего являвшийся жилым, хотя в нем тоже имеется двухчастный очаг-подиум.²⁸ Внутри ограды находились также различные хозяйствственные сооружения, в том числе параллельные отрезки стен — «помост для зернохранилища». Расположенное внутри ограды большое круглое здание площадью 28.5 м², возможно, как и центральный дом, не являлось только жилым помещением.²⁹ Вне ограды среди различных подсобных строений имеется и «помост для зернохранилища». Если учесть, что часть обводной стены с южной стороны Ялангач-Депе не сохранилась, можно считать, что число обитавших здесь парных семей, жив-

²⁶ И. Н. Хлопин. 1) Дашлыджи-Депе..., стр. 149—150, 207, прим. 96; 2) Ялангач-Депе (раскопки 1959 г.). КСИА, вып. 93, М., 1963.

²⁷ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита южной Туркмении. Автореферат дисс., Л., 1962, стр. 13—14; В. И. Сариянд и др. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, № 1, стр. 45—48. Выдвинутое после раскопок 1959 г. предположение, что Ялангач вообще представляет собой нечто вроде культового центра (К. Адыков, В. М. Массо и др. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2: стр. 59), в ходе дальнейших работ не подтвердилось. Об алоу-хона см. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 314—317.

²⁸ Вердимо, наличие подобного очага не является обязательным признаком того, что данное сооружение безусловно культовое. Скорее всего один из типов бытового очага использовался и при магических церемониях.

²⁹ См. ниже, стр. 419; И. Н. Хлопин допускает, что круглое здание внутри ограды на Муллали-Депе было «женским домом», в противоположность дому мужскому (И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита..., стр. 17). Такие женские дома наряду с мужскими известны на поселениях Меланезии.

ших преимущественно в круглых домах,³⁰ было приблизительно таким же, что и на Дашильдже-Депе (семь—восемь). Их объединение на одном поселке с общей оградой и совместным хранением припасов (наличие двух, а не семи—восьми зернохранилищ) свидетельствует, что эти семьи образовывали хозяйственное и, видимо, кровнородственное объединение.

При раскопках второго слоя Ялангач-Депе не было обнаружено остатков обводной стены, что, возможно, связано с ограниченным объемом раскопок, затронувших преимущественно центральную часть поселка. Массивный дом «общих собраний» находился на том же месте, что и в верхнем слое, что свидетельствует об особом значении, придававшемся этому строению. К северу от него находился небольшой дом (помещение 6), площадью 16 м², видимо являвшийся жилым (с примыкающей подсобной постройкой — помещение 7?). К западу от центрального дома наряду с небольшими постройками находились и глиnobитные тумбы, видимо, так же как и параллельные отрезки стен, служившие основой для деревянных настилов.

Весьма примечательный комплекс строений находился в западной части Ялангач-Депе (рис. 59). Среди них нетрудно узнать небольшие жилые дома дашлыджинского типа (помещения 4, 13, 18 и, возможно, 16) примерно той же величины, что и на Дашильдже-Депе (10, 5, 10 и 7.84 м²). Обычно они имеют очаг и небольшое пространство перед дверями, выделенное специальной оградой. Однако в отличие от наиболее раннего поселка Геоксюрского оазиса дома расположены не разбросанно, а примыкая друг к другу смежными стенами, образуя как бы прототип будущего многокомнатного массива.

Все особенности ялангачской планировки полностью повторились на другом поселении этого времени — Муллали-Депе.³¹ Здесь в западной части древнего поселка открыты остатки обводной стены, включавшей в сохранившейся части пять овальных помещений площадью 7.53, 10.17, 10.42, 11.17 и 10.42 м². В тех случаях, когда эти круглые дома хорошо сохранились, внутри обнаруживается небольшой очаг. В пределах ограды располагались постройки тех же категорий, что и на Ялангач-Депе. Это прежде всего центральный дом с подиумом (помещение 7), имеющий, как и ялангачское «святилище» второго слоя, небольшой вестибюль, но уступающий ему по своим размерам (24.5 м²). Рядом находился большой дом с очагом в углу (помещение 9, 42.5 м²), возможно, это было жилище наиболее состоятельной семьи (главы рода?). Небольшие, однокомнатные жилые дома с очагами повторяют дашлыджинский тип (помещения 11, 12, 13,

³⁰ О появлении круглых домов в дополнение к традиционному прямоугольному плану см. ниже, стр. 421.

³¹ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита..., стр. 13—15.

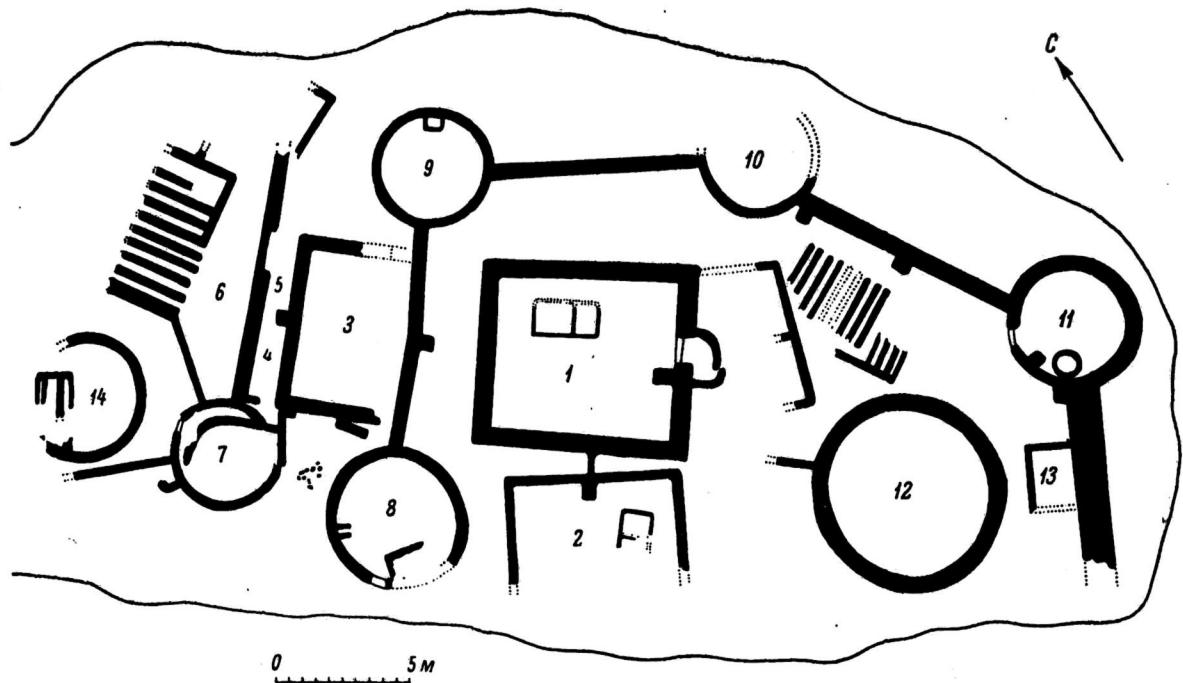

Рис. 58. Ялангач-Депе. План строений первого слоя.

14 и 23) и размеры (7.44 , 9.23 , 9.86 , 13.7 и 15.6 м²). Иногда они, так же как и во втором слое Ялангач-Депе, пристроены друг к другу (помещения 12 и 11) или образуют «двухкомнатный дом» (помещения 12 и 14). Среди подсобных строений следует отметить «помосты зернохранилищ». Имелся в пределах ограды и круглый дом площадью 12.56 м², в котором *in situ* было найдено несколько зернотерок (пом. 22). Возможно, жилым домом с примыкающим подсобным строением было исследованное не до конца помещение 25, а в центре поселка находился большой хозяйственный двор, заполненный сильно гумусированными остатками рыхлой коричневой земли. В целом на Муллали-Депе обнаружено 12 домов, которые с известными основаниями можно считать жилыми (рис. 60). Учитывая, что в ходе раскопок была открыта лишь сохранившаяся часть древнего поселка (незамкнутый обвод стен с круглыми домами), следует считать, что в целом поселок верхнего слоя был местом обитания 17—20 парных семей, т. е. насчитывал, исходя из принятых выше расчетов, 90—120 человек. Необходимо отметить, что раскапывавшийся поселок располагался в центральной части оплавившего холма и что уже дома второго слоя выходят за периметр обводной стены. Следовательно, в пору своего расцвета Муллали-Депе было еще более населенным поселком.³²

Раскопки целого ряда поселений Геоксюрского оазиса подтвердили широкое распространение подобных принципов планировки, хотя далеко не всюду сохранность древних строений оказалась столь же удовлетворительной, как на Ялангач-Депе и Муллали-Депе. Так, на поселении Айна-Депе (Геоксюр 6) от строений первого и второго слоев сохранились лишь части круглых домов и примыкающих к ним отрезков длинных стен, являющихся частями древней ограды. Вскрытое во втором слое прямоугольное помещение было, видимо, жилым и имело площадь 20.24 м². Интересный комплекс строений был открыт на северной окраине холма в слое, который стратиграфически, вероятно, является третьим. Здесь располагался небольшой, однокомнатный дом, часть которого была отгорожена и образовывала два хозяйственных отсека, вместе с которыми площадь дома составляла 14.3 м². Внутри дома располагался двухчастный очаг-подиум. Другой дом, площадью 9.3 м², имел, кроме очага-подиума, угловой очаг. Из этого дома вела дверь в небольшую пристройку, площадью около 3 м², где находился круглый очаг-диск типа, характерного

³² Рассматривавшийся комплекс Муллали-Депе относится к позднеялангачскому времени, когда, видимо, уже началось запустение Геоксюрского оазиса в связи с затуханием орошавших его протоков древнетеджинской дельты. См. выше, стр. 53. В восточной части Муллали-Депе раскопано несколько помещений раннегеоксюрского времени (позднее Намазга II).

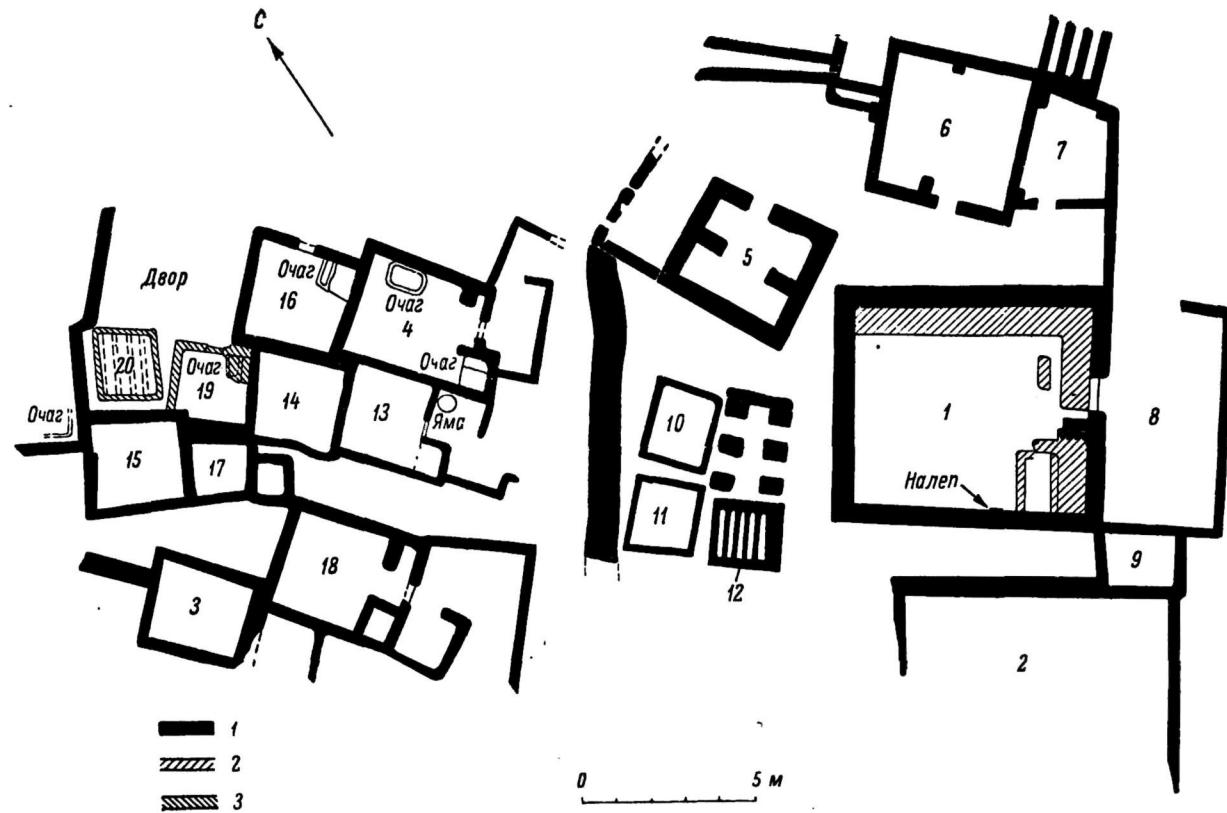

Рис. 59. Ялангач-Депе. План строений второго слоя.

1 — стены II строительного периода; 2 — стены раннего этапа II строительного периода; 3 — стены III строительного периода.

для «домашних святилищ» геоксюрского периода.³³ Такое обилие очагов в небольшом строении вызывает известное недоумение,³⁴ но сам принцип застройки тот же, что и на Ялангач-Депе и Муллали-Депе. На поселении Геоксюр 9 также имеются остатки круглых домов с примыкающими к ним отрезками длинных стен. Отдельно стоящие однокомнатные жилые дома дают уже хорошо известные нам размеры — 19.5, 12 и 15 м². Один из домов, площадью 24.5 м², имеет небольшой вестибюль (7.8 м²), напоминая по своей планировке «святилища» Ялангача и Муллали. В последний период жизни поселения эта постройка, как и многие другие, была плотно забутована, и поэтому остатков какого-либо очага здесь обнаружить не удалось. Пятое поселение Геоксюрского оазиса, относящееся к этому времени, — Акча-Депе — не сохранило остатков обводной стены с включенными в ее периметр круглыми домами.³⁵ В поселке, расположенному на вершине круглого холма, строения лепились друг к другу на ограниченной территории, и его край был, видимо, укреплен обычной стеной, от которой сохранился глинобитный фундамент. Среди теснящихся помещений прослеживается узкая улочка, а среди самих помещений можно выделить два жилых дома³⁶ площадью 9 и 14 м² и дом с подиумом площадью 25 м², который напоминает центральные дома Муллали и Ялангача и, возможно, имеет такое же назначение.³⁷

Поскольку все рассмотренные выше памятники ялангачского времени, как правило, представляют собой крохотные поселки, площадью 1000—2500 м², может возникнуть вопрос, а не является ли отмечаемая планировка характерной именно для небольших поселений. К сожалению, на крупнейшем памятнике оазиса — Геоксюре I — слои соответствующего периода были пройдены лишь в шурфах. Однако раскопки поселения Геоксюр 7, площадь которого превышает 1.5 га, показали, что и здесь в ялангачский период существовали отдельно стоящие однокомнатные дома. Один из них, площадью 17 м², с очагом в углу, был полностью раскопан. Рядом находился, возможно, отделенный от него сплошной стеной круглый дом площадью около 16 м², с остатками диска-очага в центре. Если исходить из подсчетов населения и плотности застройки, принятой для Муллали-Депе,

³³ В. И. Сарданиди. Культовые здания..., стр. 49—51.

³⁴ Это могла быть кухня или, если предложить менее прозаичное толкование, «дом жреца», имея в виду лицо, связанное с отправлением культовых функций в пределах данного поселка.

³⁵ В. И. Сарданиди. Некоторые вопросы древней культуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 91, М., 1962, стр. 23—24.

³⁶ В углу одного из них расположена печь обычного для домов ялангачского типа, которую В. И. Сарданиди считает керамическим горном.

³⁷ В. И. Сарданиди. Культовые здания..., стр. 45—46.

то число обитателей Геоксюра 7 должно было достигать 300—400 человек, а поселения Геоксюр I — 2000—3000 человек. Таким образом, все население Геоксюрского оазиса в ялангачский

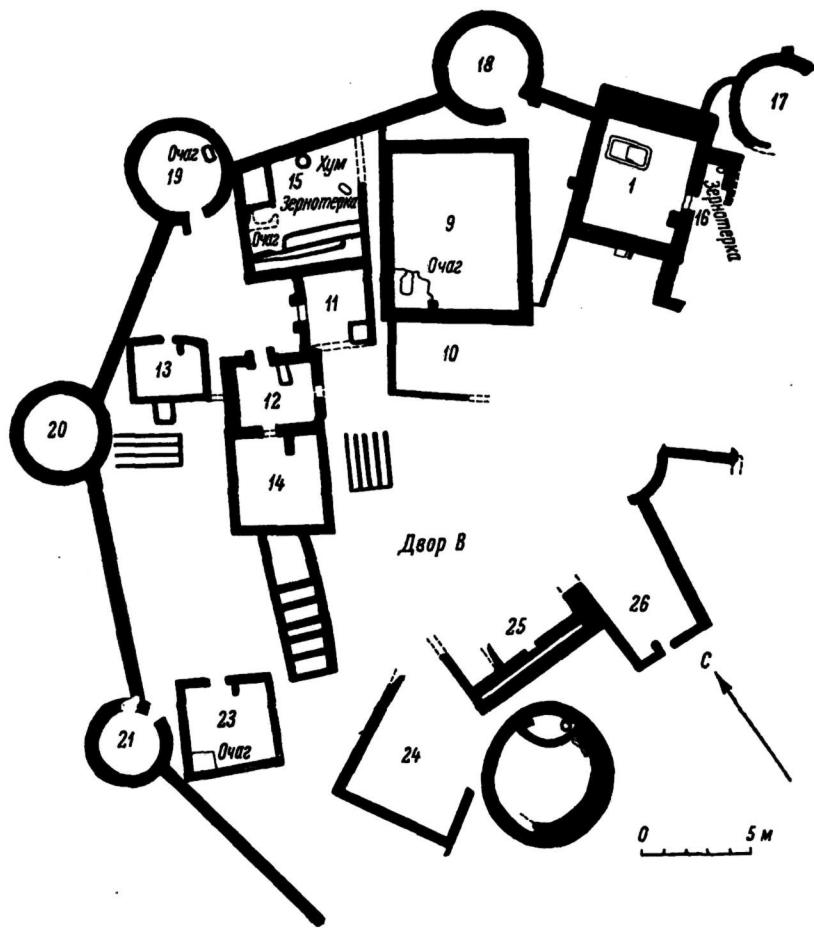

Рис. 60. Муллали-Депе. План строений западной части поселения.

период могло достигать 4000—5000 человек, т. е. числа, вполне обычного для племени североамериканских индейцев. При этом существенно подчеркнуть, что как на поселениях, служивших местом обитания сравнительно небольших семейно-хозяйственных коллективов, так и на крупных поселках отдельно стоящий однокомнатный жилой дом был стандартной единицей застройки.

На следующем этапе развития земледельцев юго-запада Средней Азии в характере домостроительства происходят уже существенные перемены. На смену небольшим, однокомнатным домам приходят большие, многокомнатные строения, как правило, построенные сразу и представляющие собой довольно сложные хозяйствственно-жилые комплексы. Как установлено работами на стратиграфическом раскопе на Кара-Депе, такие дома появляются уже в пору позднего Намазга II. В этом отношении особенно показателен участок, вскрытый в слое Кара 3.³⁸ Здесь перед нами совершенно определенно вырисовываются части многокомнатных массивов, состоящих из крупных жилых комнат площадью 14,4, 20,7, 24,5 м² и узких хозяйственных отсеков. К несколько более позднему времени относятся постройки, открытые в верхнем слое древнего центра Геоксюрского оазиса — поселения Геоксюр I. Изучение материалов крупномасштабной съемки этого поселения ясно показывает, что оно состояло из массивных домов-кварталов, разделявшихся узкими улочками. Значительный участок поселения с аналогичной планировкой был вскрыт в ходе работ 1956—1957 гг.³⁹ Здесь узкая улочка, ширина которой колебалась от 1 до 2 м, была прослежена в длину почти на 55 м (рис. 61). От нее отходили поперечные проулки, также имевшие незначительную ширину. Многокомнатные жилые массивы строились с учетом уже существовавших строений так, чтобы между наружными стенами старых и новых домов оставался проход, образующий улочку. Поэтому в зависимости от имевшихся условий один дом мог иметь не одну, а две основные оси. Рассмотрим один из комплексов, наиболее полно раскопанный, — помещения 3—10.⁴⁰ Проход с улицы вел в небольшой хозяйственный двор, угловую часть которого занимали помещения 6 и 7, из которых последнее имело два очага и, судя по хозяйственным остаткам, играло роль кухни. Помещение 3, как есть основания полагать, было чем-то вроде домашнего святилища.⁴¹ Большие просторные помещения 4, 5 и 8 с небольшими

³⁸ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 337—339.

³⁹ В. И. Сарианиди. 1) Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.). КСИИМК, вып. 76, М., 1959, стр. 50—55; 2) Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 229—338.

⁴⁰ В. И. Сарианиди (Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 230) включает в «массив А» помещения 1—11, 18, 25, 29, 30. Однако нельзя не отметить, что помещения 1—2 имеют особый вход и отделены глухими, толстыми стенами. Принадлежность к этому массиву помещений 11, 18, 30, 29, 25 станет ясной лишь после вскрытия участка к западу от помещений 8—11, хотя сама по себе такая принадлежность (в результате дальнейшей пристройки к основному массиву) весьма вероятна.

⁴¹ В. И. Сарианиди. 1) Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 230—231; 2) Культовые здания..., стр. 48—50.

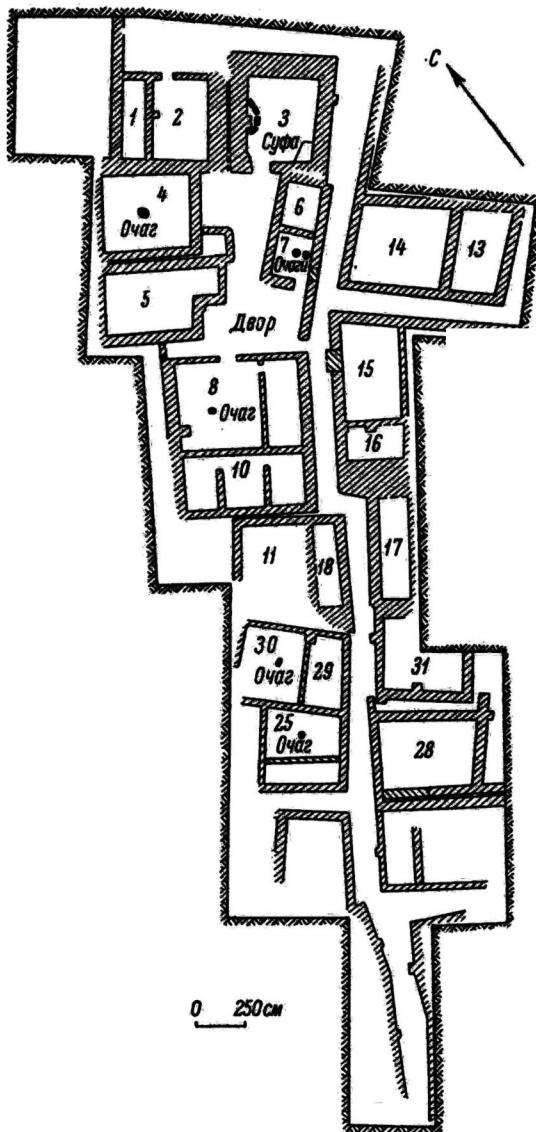

Рис. 61. Геоксюр 1. План вскрытых жилых строений.

очагами, углубленными в полу, скорее всего следует признать жилыми. Площадь их соответственно равна 17.5, 15.5 и 17.6 м². Рядом с помещением 8 находится узкий, продолговатый отсек — помещение 9, попасть в который можно было лишь пройдя через жилую комнату. Это сочетание весьма характерно для архитектуры многокомнатных домов. Скорее всего следует считать, что подобные отсеки были складом вещей, находившихся в личном владении семьи, обитавшей в жилой комнате. Помещение 10 представляет собой, видимо, какое-то хранилище, разделенное на отсеки. Судя по проходу между помещениями 5 и 8, позднее перегороженному стенкой (высоким порогом?), с запада к описанному комплексу примыкал еще ряд строений. Вполне возможно, что сюда же тяготели и расположенные южнее строения, где мы видим три жилые комнаты, обычно с очагами в полу, и примыкающие к ним (иногда позднее отгороженные) отсеки (помещения 11 и 18; 30 и 29; 25). В таком случае целый дом объединял по меньшей мере 6—8 семей, имевших общую кухню и общее святилище.

Другие, вскрытые на этом участке строения подчеркивают стандартную повторяемость отмеченных выше элементов. Помещения 2 и 1 представляют собой сочетание жилой комнаты и узкого отсека, так же как, видимо, помещения 32 и 33. В помещении 1 на полу был найден слой из зерен пшеницы. Типичным вытянутым отсеком является помещение 17, а полностью раскопанное в 1960 г. помещение 31 является типичным для Геоксюрского оазиса «домашним святилищем» с очагом-диском.⁴²

Те же особенности планировки были отмечены и при раскопках верхнего слоя Кара-Депе, относящегося ко времени Намазга III.⁴³ В центре подвергшейся раскопкам восточной части Кара-Депе находилась большая незастроенная площадь, на которую выходили узкие улочки, разделявшие массивные, многокомнатные дома (рис. 62). Иногда дома отделялись один от другого толстыми, глухими стенами. В ряде случаев нелегко определить, где кончается один дом и начинается другой. Но тем не менее совершенно ясно, что ни о каких однокомнатных жилых домах Джейтунского или Ялангачского типа не может быть и речи. Перед нами принципиально иная архитектура, повторяющая особенности, отмеченные выше для домов-кварталов Геоксюра.

В этом отношении особенно показателен комплекс, состоящий из помещений III, 1—III, 17. Здесь, как и на Геоксюре, мы ви-

⁴² В. И. Сарианиди. Культовые здания..., стр. 48—50.

⁴³ В. М. Массон. 1) Кара-Депе у Артыка, стр. 345—355; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе, стр. 162—169; И. Н. Хопкин. Верхний слой поселения Кара-Депе (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.). КСИИМК, вып. 76, М., 1959, стр. 42—49.

дим большие жилые комнаты с примыкающими к ним хозяйственными клетушками (помещения III,1 и III,2; III,6 и III,3; III,13 и комплекс неоднократно перестраивавшихся закромов III,10—III,14, где помещения III,9 и III,8, видимо, образуют нечто вроде вестибюля; в помещении III,11 было найдено 14 аккуратно сложенных стопками сосудов). В жилых помещениях, как правило, находились небольшие очаги, в виде маленькой ямки в полу или вмазанной в пол верхней части котла или горловины хума. Скорее всего это были очаги, предназначавшиеся для обогревания комнат в холодное время года, вроде современных узбекских сандалов, куда помещаются угли, и вся семья садится, покрывшись одеялами, ногами к очагу. Подобные помещения мы находим и в целом ряде других комплексов (помещения III,25; III,28; III,42; III,41; IV,21, и др.), так же как и сочетание жилой комнаты и тяготеющего именно к ней хозяйственного отсека (помещения III,48 и III,50; III,41 и III,40; III,25 и III,24). Эта ячейка большого дома была, судя по площади жилой комнаты, близкой размерам однокомнатных домов Джейтуна, местом обитания парной семьи. В этом отношении особенно показательны результаты работ на раскопе V в 1960 г. Здесь была открыта часть обычного для Кара-Депе многокомнатного дома, выходившего двумя сторонами на улицу и на незастроенную площадь.⁴⁴ Вскоре потребовалось сделать некоторые пристройки, которые ясно прослеживаются по более высокому уровню полов в добавленных помещениях и по сквозному шву в стенах двойной толщины. В результате пристройки к дому со стороны площади (т. е. там, где был свободный от застройки участок) было добавлено жилое помещение площадью 26.3 м² и три узкие каморки, расположенные вдоль одной из его сторон. Внутри стены и пол этих каморок облицованы черепками сосудов — прием, весьма обычный для кара-депинских хранилищ. В одном из хранилищ находилась каменная ступка, оставленная хозяевами после того, как у нее насквозь протерлось дно. Иными словами, были пристроены помещения, входящие в комплекс, используемый для жилья и хранения имущества одной парной семьи, на которую, видимо, увеличился коллектив, произведший подобную пристройку.

Вместе с тем имеется и целый ряд явлений, объединяющих эти первичные ячейки парных семей в общий комплекс. Так, состоящие из этих ячеек дома имеют один общий хозяйственный двор, иногда весьма большой (двор BIV), в котором располагаются уже известные нам «фундаменты для зернохранилищ» (дворы BIII, BIII, BIV). В тех случаях, когда удается просле-

⁴⁴ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе, стр. 165—166.

дить место кухни с характерными хозяйственными остатками, она также оказывается общей для всего массива (кухня во дворе БIV). Вполне вероятно, что имелись наряду с семейными и достаточно значительные общие хранилища. Именно такое впечатление составляет вытянутая цепочка семи небольших помещений — IV,14; IV,16—IV,20; IV,27. Поскольку пока нет ни одного дома, про который можно было бы сказать, что он сохранился полностью (многие строения разрушены поздними мусорными свалками), остается не вполне ясным вопрос о числе семей, объединявшихся общей крышей и общим хозяйством. Судя по имеющимся материалам, в одном доме обитало 6—8 семей, хотя вполне вероятно, что это число колебалось в зависимости от различных условий. Принимая ранее предложенные цифры, население одного большого дома можно исчислять в 35—45 человек. Судя по плотности застройки вскрытых участков, поселок на Кара-Депе времени существования верхнего слоя объединял около 25 подобных домов, и тогда это население должно было составлять 1000—1100 человек.⁴⁵

Может возникнуть сомнение: в какой мере закономерно со-поставление планировки небольших поселков вроде Ялангач-Депе и Муллали-Депе и таких крупных центров, какими для своего времени являлись Кара-Депе и Геоксюр?¹ Однако, как показали раскопки менее значительного поселка времени Намазга III—Чонг-Депе (Геоксюр 5), он, так же как и Геоксюр 1, состоял из многокомнатных домов, разделявшихся узкими улочками и имевшими аналогичные геоксюрским «домовые святыни» с очагами-дисками.⁴⁶ Это не оставляет сомнений в том, что переход к многокомнатным домам-массивам имеет характер всеобщей закономерности. Аналогичные дома сохраняются на юго-западе Средней Азии и в эпоху бронзы, хотя, возможно, в их внутренней структуре происходят изменения, не улавливаемые на данной ступени их изученности.⁴⁷

Таким образом, имеющиеся материалы намечают вполне определенную эволюционную линию от однокомнатных домов раннего периода к многокомнатным домам-массивам поры позднего энео-

⁴⁵ Следует иметь в виду, что в пору Намазга III на Кара-Депе были обжиты лишь восточный и западный холмы, а лощина между ними не содержит слоев позднее времени Намазга II.

⁴⁶ В. И. Сарданиди. Культовые здания...

⁴⁷ Многокомнатные дома времени Намазга V раскапывались на Намазга-Депе Б. А. Литвинским (Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, № 4). Наиболее значительные раскопки этих домов были произведены А. Ф. Ганялиным, отчеты которого, к сожалению, остаются неопубликованными (см. об этих работах: В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 246). Как показали работы А. Ф. Ганялина на поселении Шор-Депе, у Баба-Дурмаза, небольшие поселки времени Намазга V состоят также из многокомнатных домов.

лита и бронзового века. Интересно провести сопоставление площади жилых домов и жилых комнат за разные периоды (табл. 13).

Таблица 13

Джей-тун	Площадь однокомнатных домов (в м ²)					Площадь многокомнатных домов (в м ²)	
	Анау I—Намазга I		ранее Намазга II			позднее Намазга II—Намазга III	
	Дашлыджи	Мундужуклы	Ялангач	Муллали	Геоксюр 7, Геоксюр 9	Кара-Депе	Чоаг-Депе, Геоксюр 1
	6.25 7.20		5.50 7.84	7.44 7.53 9.28 9.28			9.57
13.12	10.50	11.00	10.00	10.17	12.00	11.55	11.52
15.75	11.20	13.65	10.00	10.42	15.00	11.68	12.25
16.20	12.00	18.90	11.33	10.42	17.00	11.78	13.00
18.17			12.56	11.33	19.50	16.00	13.80
18.50			12.56	13.70		19.20	14.00
19.30			15.88	15.60			17.50 17.60
20.00						20.00	
20.45						20.15	
20.70						22.50	
20.70						22.50	
21.12						23.28	
21.60						24.40	
26.25						25.00	
26.52						26.30	
28.60	28.60					27.50	
28.90							
29.32							
29.34							
34.16				42.50 (жилое?)		35.00	
35.68							
37.80							
39.68							

Из табл. 13 совершенно ясно видно, что по своим размерам жилая комната в большом доме сохраняет размеры жилого строения периода однокомнатных домов. Правда, обращает на себя внимание несколько меньшая средняя площадь жилых помещений в геоксюрских многокомнатных домах по сравнению с архитектурой Кара-Депе, что, возможно, связано с какими-либо конкретными явлениями.⁴⁸

⁴⁸ В период многокомнатных домов в Геоксюрском оазисе приходит в запустение целый ряд поселений (Ялангач, Муллали, Геоксюр 9, Геоксюр

Как мы пытались показать на материалах Джейтуна, в пору неолита поселок ранних земледельцев Средней Азии представлял собой объединение нескольких десятков парных семей, ведущих общее хозяйство, т. е. скорее всего родовое поселение. Следует заключить, что род был в это время основной хозяйственной единицей общества. Позднее, с возникновением больших многокомнатных домов, положение существенно изменяется. Большие жилые массивы, характерные для верхних слоев Геоксюра и Кара-Депе, обладают следующими общими чертами:

1) каждый дом включал в свой состав несколько жилых комнат;

2) в тех случаях, когда это можно проследить, в домах была одна общая кухня и общий хозяйственный двор;

3) отмечается деление дома на внутренние комплексы, состоящие из жилой комнаты и хозяйственных каморок.

Для интерпретации этих признаков обратимся к этнографическим параллелям, имея в виду общие принципы, лежащие в основе планировки, находящие различное воплощение в зависимости от характера строительного материала и природных условий. При этом одну из наиболее ярких аналогий кара-депинским строениям представляет классическое коллективное жилище первобытного общества — «длинный дом» ирокезов. Как известно, ирокезы занимались мотыжным земледелием, но без применения искусственного орошения, а также в широких масштабах охотой и рыбной ловлей. Селения ирокезов, ведущих оседлый образ жизни, состояли из нескольких длинных домов. Внутри такой дом разделялся на ряд отсеков, расположенных по обе стороны от неширокого коридора, проходившего посередине дома. Каждый такой отсек с нарами для сна занимала парная семья. По бокам этого «жилого» отсека устраивались кладовые для хранения личных вещей. В центральном коридоре устраивались очаги, на которых готовили пищу сразу для всех жителей дома, поскольку запасы продуктов были общими.⁴⁹ Занимавшая длинный дом группа родственных семей, ведущих общее хозяйство, называлась у ирокезов овачирой. В этом ирокезском доме, служившем местом обитания большесемейной общины, несмотря на разницу общей планировки и строительных материалов, нельзя не видеть прямой аналогии кара-депинским домам, с их несколькими жилыми комнатами, с примыкающими к этим комнатам

7, Айна-Депе, Акча-Депе), население которых частично переселилось в районы, еще орошаемые водами Теджена (см. выше, стр. 154), т. е. на Геоксюр 1 и Чонг-Депе, что могло привести к большей скученности застройки и к своеобразному жилищному кризису.

⁴⁹ Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь..., стр. 81; Индеицы Америки. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXV, М., 1955, стр. 75—76, 78—80.

хозяйственными отсеками, общей кухней и общим хозяйственным двором. Следует считать, что многокомнатные дома КараДепе и Геоксюра служили местом обитания большесемейной общины, состоящей из нескольких родственных между собой парных семей, объединенных общей крышей и ведущих общее хозяйство. Нет нужды в данном контексте приводить многочисленные этнографические примеры связи большесемейных общин с коллективным жилищем. Для нас сейчас важен прежде всего факт, что на КараДепе и Геоксюре общество состоит из хозяйственныи самостоятельных большесемейных общин.

Разумеется, нет никаких оснований возводить наблюдаемую в Средней Азии конкретную картину эволюции домостроительства в какой-то универсальный абсолют, действующий вне зависимости от времени и конкретных природных и исторических условий. Вместе с тем есть основания считать, что в ряде областей Древнего Востока однокомнатные дома, рассчитанные на одну парную семью, также были древнейшей формой домостроительства у оседлых земледельческо-скотоводческих племен. К сожалению, рассмотрение этого вопроса затрудняется распространенным у западных археологов пренебрежением к детальным раскопкам жилых строений, о чем нам неоднократно приходилось уже упоминать в предшествующем изложении.

Поскольку раскопки Р. Брейдвуда оставляют нас в неведении об особенностях планировки североиракского Джармо, древнейшим поселением земледельцев Ближнего Востока, проливающим свет на эту проблему, является Иерихон VII—VI тыс. до н. э. В наиболее ранних слоях (Pre-Pottery Neolithic A) раскопаны овальные дома, строившиеся слегка углубленными в землю, как показывают ведущие в них ступени.⁵⁰ Эти дома, площадью 28—32 м², не имеют внутренних перегородок и по своим размерам аналогичны однокомнатным домам Джейтуна. В более позднее время (Pre-Pottery Neolithic B) были распространены прямоугольные жилища площадью 21 и 28 м², с полом, покрытым, как в Джейтуне, известковой обмазкой. Рядом с ними находились небольшие комнатки, определяемые К. Кенyon как хозяйственные постройки.⁵¹

Ценный материал по планировке домов и поселений раннеzemледельческих племен дали раскопки на юге Малой Азии, в областях распространения различных вариантов культуры сирокилийского неолита. Наибольший интерес представляют, с этой

⁵⁰ K. Кенyon. Earliest Jericho. Antiquity, 1959, № 129, pp. 6—7.

⁵¹ K. Кенyon. Digging Up Jericho. New York, 1957, pp. 53—55, fig. 5.

точки зрения, раскопки Хаджилара, где в значительных масштабах вскрыты строения слоев II и VI.⁵²

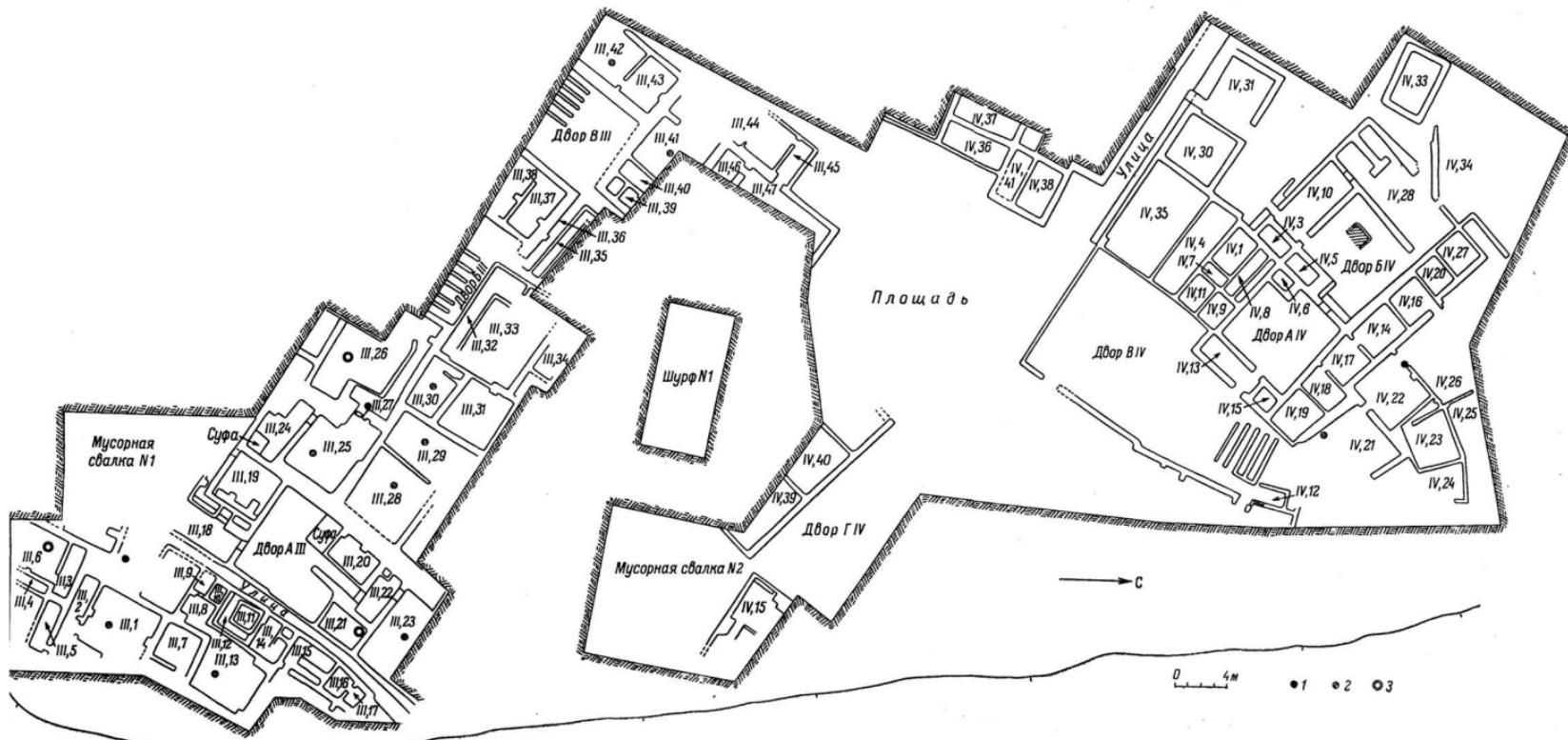
Поселок Хаджилар II занимал небольшую площадь — около 2000 м. От внешних врагов он был огражден стеной из сырцового кирпича, имевшей толщину от 1.5 до 3 м. В пределах огороженного пространства располагалось 8—10 домов, состоящих из жилой комнаты площадью от 20 до 50 м² и небольшой передней, игравшей роль подсобного помещения. В жилой комнате располагались очаги. По существу подобная планировка аналогична джейтунской с тем отличием, что в Малой Азии мы наблюдаем дома с двумя помещениями, являющиеся прототипом позднейшего мегарона, столь характерного для эгейского мира. Функционально такой дом с жилой комнатой и хозяйственной передней соответствует однокомнатному дому Джейтуна с тяготеющими к нему хозяйственными строениями. Размеры хаджиларских домов позволяют считать, что в них, как и в домах Джейтуна, обитали парные семьи. Показательно, что, так же как и в Джейтуне, в Хаджиларе имеется зернохранилище, общее для всего поселения, помимо небольших закромов у каждого дома. Это общее зернохранилище занимает северо-западный угол поселка и состоит из ряда прямоугольных закромов. Следует полагать, что здесь хранились запасы, принадлежавшие всей родовой общине, обитавшей в Хаджиларе. В центре поселка открыты следы гончарной мастерской, бывшей также общей для всего Хаджилара.

Раскопки слоя VI подтвердили традиционный характер подобной застройки поселения. Здесь открыты остатки 11 аналогичных двухкомнатных домов площадью от 30 до 50 м². Однако поселение Хаджилар VI, по площади намного превосходившее поселок слоя II, было раскопано лишь частично, что не позволяет судить об общей планировке.

Принципиально тот же тип строений был открыт при раскопках Чатал-Гуюка, этой своеобразной столицы земледельцев южной Турции.⁵³ Дома, открытые здесь, состояли из жилой комнаты площадью 20—30 м², с очагом и глинобитной лежанкой, и 1—2 подсобных строений. Однако дома здесь расположены не отдельно друг от друга, а впритык, напоминая в этом отношении планировку второго слоя Ялангач-Депе. Было бы весьма интересно установление закономерной планировки всего поселения Чатал-Гююк, площадь которого достигает 13 га, однако именно эти размеры памятника затрудняют соответствующие работы.

⁵² J. Mellaart. 1) Excavations at Hacilar. Third preliminary report, 1959, AS, v. X, 1960, pp. 97—100; 2) Excavations at Hacilar. Fourth preliminary report, 1960. AS, v. XI, 1961, pp. 42—45.

⁵³ J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük. AS, v. XII, 1962, pp. 46—49.

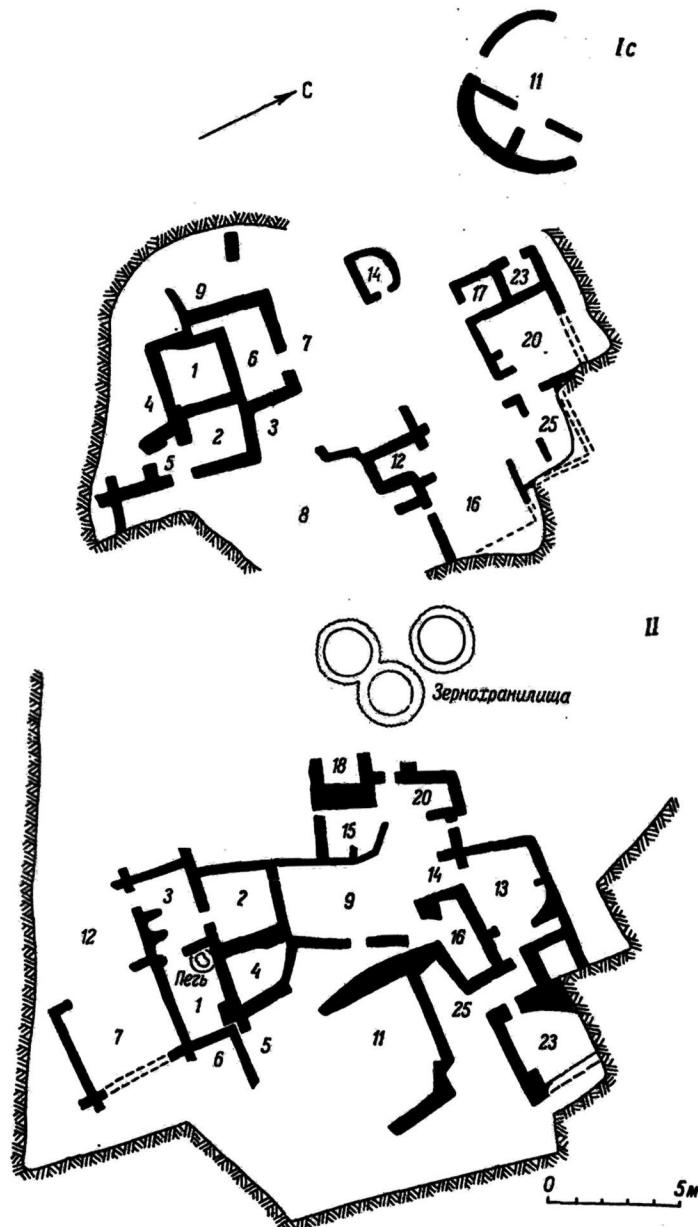

Рис. 63. Хассуна. План строений слоев Ic и II.

лись очаги. Наконец, превосходные постройки слоя Хассуна V не оставляют сомнений, что перед нами часть заранее спланированного многокомнатного дома (рис. 64). Отметим, что серия небольших помещений, вытянутых в одну линию (помещения 6, 7, 13—15), близко напоминает предполагаемые склады одного из больших домов Кара-Депе (помещения IV, 14; IV, 16—IV, 20; IV, 27). Раскопки Хассуны совершенно ясно показывают, что в Месопотамии многокомнатные дома появляются намного раньше, чем в Средней Азии. Действительно, хотя западные археологи обычно дают подробные описания лишь культовых построек, даже на основании имеющихся публикаций совершенно ясно, что многокомнатные жилые дома являются основным типом застройки древнейших поселений Месопотамии. Наиболее ценный в этом отношении материал дают раскопки нижних слоев Гавры, относящихся к середине IV тыс. до н. э. и в культурном отношении представляющих северный вариант Убейда.⁵⁶ Здесь в древнейшем убейдском горизонте (Гавра XIX)⁵⁷ открыты части нескольких многокомнатных домов. Наиболее полно раскопанный из них отличается правильной планировкой и значительными размерами (17×11.5 м), с которыми, по замечанию А. Тоблера, можно сравнить лишь один из монументальных храмов позднеубейдской Гавры.⁵⁸ Дом этот состоит из полутора десятков помещений, среди которых имеются узкие отсеки, едва ли могущие быть использованными иначе, чем в качестве хранилищ. Аналогичные многокомнатные дома можно наблюдать и в последующих слоях Гавры, относящихся также ко времени Убейда. Особенно примечательны строения, открытые в слое XV. В центре вскрытого участка находились два многокомнатных дома, в которых небольшие помещения располагались по двум сторонам внутреннего дворика. Площадь жилых комнат невелика — от 6.4 до 8—9 м². Несколько в стороне от жилых домов располагается сооружение из параллельных отрезков стен, аналогичное описанным выше среднеазиатским «основаниям для зернохранилищ». Возможно, таково же

ные выступы на его южной стене характерны именно для интерьера помещений, что ясно видно как по материалам Хассуны, так и по раскопкам среднеазиатских памятников.

⁵⁶ A. T o b l e r. Excavations at Tere Gawra, v. II, Philadelphia, 1950.

⁵⁷ Халафские слои Гавры вскрыты на площади, слишком незначительной для установления планировки. Судя по появлению многокомнатных домов в поздней Хассуне, они должны были существовать в халафское время. В наиболее изученном халафском памятнике — Арпачие — из строений выявлены лишь овальные толосы, назначение которых не вполне ясно (см. ниже, стр. 420). Вместе с тем в позднехалафских слоях Арпачии имеется крупная, многокомнатная постройка — так называемый «сгоревший дом», обитатели которого, возможно, специализировались на производстве глиняной посуды. См.: M. E. M a l l o w a n, J. C. R o s e. Prehistoric Assyria. The excavations at Tall Arpachiyah. London, 1935, pp. 16 sqq., 105 sqq.

⁵⁸ A. T o b l e r. Excavations . . . , p. 45.

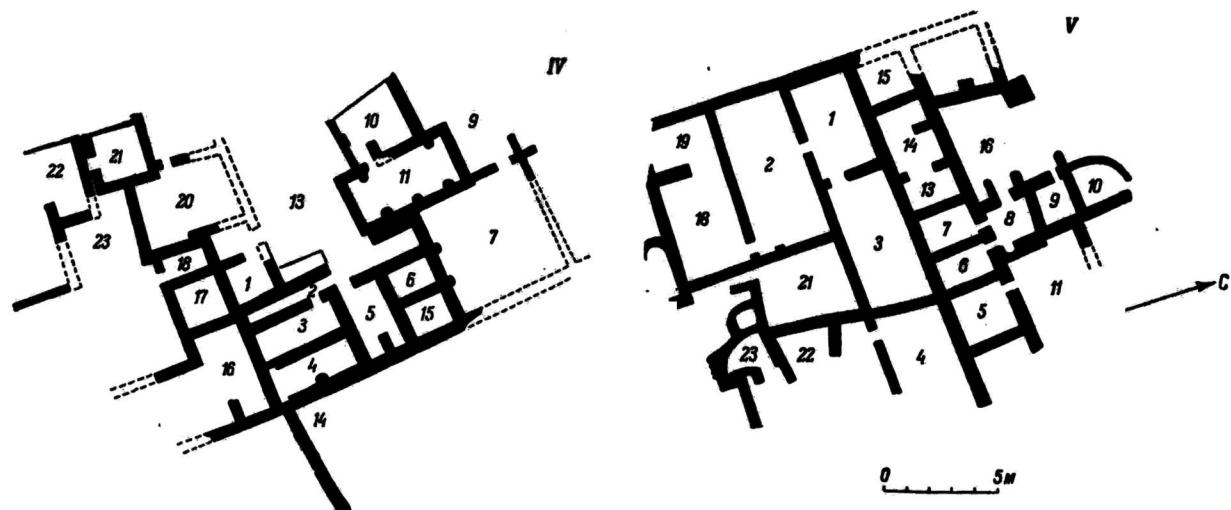

Рис. 64. Хассуна. План строений слоев IV и V.

было назначение этих сооружений и в Гавре, если только, как допускает А. Тоблер, они непосредственно не являлись узкими закромами для зерна или иных продуктов.⁵⁹ Интересно, что в северной части Гавры в это же время располагался целый ряд подобных строений (общинные хранилища), по соседству с которыми находились гончарные печи или печи для выпечки хлеба. Это был хозяйственный участок поселения, причем такое его назначение отмечено в слоях Гавра XVI, XVa и XV. Правда, в слое Гавра XVa можно видеть, что отрезки параллельных стен расположены довольно часто и в других местах поселения, видимо тяготея к отдельным многокомнатным домам.⁶⁰

Нет необходимости подробно останавливаться на планировке шумерских городов III тыс. до н. э., когда появляются небольшие дома индивидуальных семей,⁶¹ а также жилища знати, отличающиеся сложностью планировки и значительными размерами. Это должно быть темой специального исследования, проводимого с учетом данных письменных источников.⁶² В данной связи нам важно отметить сам факт наличия в Месопотамии многокомнатных домов, появляющихся в весьма ранний период.⁶³

Опираясь на наблюдения, сделанные на среднеазиатских материалах, можно заключить, что в Месопотамии весьма рано появляются и большесемейные общинны. В III тыс. до н. э. большесемейные общинны как коллективы, связанные общностью происхождения по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения, играют большую роль во внутренней структуре шумерского общества,⁶⁴ хотя можно заметить, как

⁵⁹ Там же. стр. 39. Действительно, расстояние между стенами здесь шире, чем на среднеазиатских памятниках, и достигает 50 см.

⁶⁰ Там же, табл. XVI.

⁶¹ См., например, небольшие дома, составляющие один из кварталов в Хафадже: P. De longaz, S. Lloyd. Pre-sargonid temples in the Diyala region. OIP, v. LVIII, Chicago, 1942, pl. 42; H. Frankfort and oth. Tell Asmar and Khafagie. The first season's work in Eshnunna, 1930/31, OIC, № 13, Chicago, 1932, pp. 105—106.

⁶² Среди многочисленных шумерских документов имеются договоры о продаже домов наряду с земельными участками. Судя по размерам продаваемой площади (23 м²), объектом продажи могли быть и отдельные помещения. См.: И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй. . . , стр. 57, 67—68. Документы относятся к XXVI—XXIV вв. до н. э.

⁶³ Древнейшие постройки южного Двуречья известны по раскопкам Эреду, где в слоях XVI и XVII открыты однокомнатные дома площадью 7.5 и 9 м², являющиеся скорее всего святилищами (S. Lloyd, F. Safar. Eridu. Sumer, v. IV, 1948, p. 191, tabl. VI). Возможно, этот тип строений сохранился в святилищах традиционно. Во всяком случае в X слое шурфа, видимо несколько более позднем, чем святилища XVI и XVII, открыты остатки многокомнатного строения, сочетавшего глинобитные помещения и постройки с камышовым каркасом, обмазанным глиной (F. Safar. Eridu. Sumer, v. VI, 1950, pp. 30—31).

⁶⁴ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй. . . , стр. 55—83.

старые порядки все более отходят на задний план в связи с распространением частной собственности.⁶⁵ В северной Месопотамии большесемейная община — dimtu — хорошо известна по источникам первой половины II тыс. до н. э. Так, в Арапхе общины обычно именовались по имени родоначальника и между ними существовало разделение труда, возможно переходившее из поколения в поколение (dimtu ткачей; dimtu купцов, dimtu обязанных сеять ячмень).⁶⁶ Эта община имела свой дом, и поэтому некоторые исследователи называют ее домовой общиной. Из этих общин — dimtu — состоят территориальные общины. В XV в. до н. э. эти общины остаются основной фискальной единицей.⁶⁷ Условия классового общества разлагающие влияли на этот пережиток первобытно-общинного строя, но традиционные нормы преобладали в общественном сознании, что приводило к появлению своеобразных юридических формул. Так, например, поскольку втянутые в оборот земли большесемейных общин по нормам обычного права могли переходить лишь к ближайшему родичу по мужской линии, то документы купли-продажи недвижимости оформляются только через усыновление покупателя или принятия его в братья.⁶⁸ Возможно, традиционно сохранялся и культ домашних богов, отправляемый главой общины. Все эти архаические пережитки выступают особенно контрастно на фоне появления мелких индивидуальных владений и выделения группы знатных родов, кредиторов и заимодавцев, которым принадлежит теперь множество земельных участков, расположенных на территории различных большесемейных общин. Совершенно ясно, что в III—II тыс. до н. э. мы застаем в Месопотамии большесемейную общину на весьма поздних этапах ее развития.

Весьма существенно отметить, что перед нами исключительно патриархальная большесемейная община: в качестве предка-родоначальника всегда выступает мужчина. Естественно, это ставит вопрос о времени становления патриархальных отношений в Месопотамии, где большесемейная община появляется, судя по раскопкам Хассуны, в конце VI—начале V тыс. до н. э.⁶⁹ Шумерское общество III тыс. до н. э. несомненно патриархально,⁷⁰

⁶⁵ О развитии частной собственности см.: В. В. Струве. Термин *gana-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере. ВДИ, 1959, № 2—3; И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 83 и сл.

⁶⁶ Н. Б. Яниковская. Хурритская Арапха. ВДИ, 1957, № 1, стр. 28.

⁶⁷ Н. Б. Яниковская. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках. ВДИ, 1959, № 1, стр. 35—50.

⁶⁸ Там же, стр. 43.

⁶⁹ О дате Хассуны см. стр. 51, прим. 28.

⁷⁰ К сожалению, шумерские термины родства плохо изучены. Вместе с тем весьма показательно, что если сын именовался «думу», то дочь «думуми», что в буквальном переводе означает «сын-женщина» (И. М. Дьяконов).

хотя здесь и выступают отдельные пережитки матриархата. Так, женщина в отдельных случаях могла иметь собственное имущество и участвовать в деловой жизни. В запретительных формулировках установлений Урукагины можно усматривать борьбу сrudиментами полиандрии.⁷¹ В целом же шумерское законодательство совершенно определенно направлено на запрещение свободы рассторжения брака по инициативе любой стороны, характерной для парной семьи, и на укрепление индивидуальной семьи с неограниченной властью мужа.

Следуя традиционным представлениям о связи «культур расписной керамики» с матриархатом, И. М. Дьяконов писал, что «для периода Убейд можно предположить сохранение материнского строя, судя по многочисленным пережиткам его в идеологии классического Шумера».⁷² Если принять это положение, то для зарождения патриархальных отношений остается лишь середина и вторая половина IV тыс. до н. э. с их периодами Урука и Джемдет-Насра, когда появляются поселения городского типа, письменность и первые храмовые хозяйства. Нам представляется, что скорее следует ожидать становление патриархальных отношений уже в пору Убейда, коль скоро оно получило столь законченное выражение в III тыс. до н. э. В этой связи интересно отметить следующее обстоятельство. На поселении Эреду раскопан некрополь, относящийся ко времени позднего Убейда, где вскрыто около 200 могил. При этом весьма широко были распространены парные могилы, в которых один из умерших (мужчина или женщина) помещался позднее и при этом сдвигались кости погребенного ранее.⁷³ Захоронения аналогичного типа были изучены советскими археологами в районах, территориально и хронологически отдаленных от Шумера.⁷⁴ Исследование подобного обычая пока-

и о в. Народы древней Передней Азии. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXIX, М., 1958, стр. 14, прим. 15).

⁷¹ В. В. Струве. Государство Лагаш. М., 1961, стр. 55. В надписи так называемой «овальной пластинки», относящейся, как показал акад. В. В. Струве, ко второму году Урукагины, имеется следующее установление: «Жены прежние по два мужа имели, казнь жен теперешних (за это) устанавливается» (В. В. Струве. Интерпретация строк 14—19 III столбца «овальной пластинки». В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л., 1960, стр. 468).

⁷² И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 155. При этом И. М. Дьяконов ссылается на большую роль в Шумере женских и двуполых божеств, что, с нашей точки зрения, не является особенно показательным для земледельческих обществ с их культурами плодородия.

⁷³ S. Lloyd, F. Safar. Eridu, p. 117.

⁷⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, М.—Л., 1955, стр. 204—205. Весьма характерны такие захоронения для памятников андроновской культуры: В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. CA, 1959,

зало, что он свидетельствует о возникновении прочной связи мужа и жены, чего не могло быть при матриархальном строе с его не-прочной парной семьей, и что, следовательно, он свидетельствует о формировании патриархальных отношений.⁷⁵ Можно предположить, что отражением аналогичных процессов являются и парные разновременные погребения мужчин и женщин могильника Эреду. Во всяком случае все, что мы знаем о семейно-брачных отношениях Шумера III тыс. до н. э., делает подобный вывод весьма вероятным.⁷⁶

Если обратиться к территориям, менее отдаленным от Средней Азии, чем Месопотамия и Иордания с докерамическим неолитом Иерихона, то здесь мы видим преимущественно остатки больших, многокомнатных домов, из которых состояли поселки земледельческо-скотоводческих племен. Правда, планировка таких древнейших поселений Ирана VI—V тыс. до н. э., как Тепе-Сараб, Сиалк I и Тали-Бакун VI, остается неизвестной. Ко второй половине IV тыс. до н. э. относятся многокомнатные дома Сиалка III и Тали-Бакуна A. В Сиалке открыты остатки многокомнатных построек, разделявшихся узкой улочкой.⁷⁷ Здесь мы видим, что большие, вероятно жилые, помещения располагаются рядом с узкими хозяйственными отсеками, подобно тому, как это можно было наблюдать в домах Геоксюра и Кара-Депе. В больших комнатах на полу иногда располагался очаг.

№ 4, стр. 12—13; М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча З. МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 56—59.

⁷⁵ В. С. Сорокин. 1) Новые археологические данные..., стр. 14—18; 2) Могильник бронзовой эпохи. Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА СССР, № 120, М.—Л., 1962, гл. 4. По существу к этому же заключению приходит и М. А. Итина, возражая В. С. Сорокину в ряде вопросов. В заключение соответствующего раздела М. А. Итина пишет: «Наличие в могильнике Кокча З парных одновременных и разновременных захоронений заставило нас предположить, что данное общество переживало период перехода от матриархата к патриархату, причем разновременные захоронения свидетельствуют также об идущем процессе укрепления парной семьи» (М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 63). Следует отличать парные разновременные захоронения от могил с пасильтвенно умерщвленной женщиной, что, впрочем, также связано со становлением патриархальных отношений. См.: М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8.

⁷⁶ К сожалению, в предварительном сообщении о раскопках могильника Эреду не приведены статистические данные, хотя авторы отчета и подчеркивают, что парные погребения распространены довольно широко. Шумерская семья III тыс. до н. э. была уже патриархальной, с соответствующей терминологией рода (см. стр. 334, прим. 70). Между тем, как мы знаем, патрилокальный брак возникает еще в пору матриархальности родственных связей, что находит себе отражение и в сохранении архаической терминологии. Возможно, эту ступень развития и отражает некрополь Эреду, относящийся к первой половине IV тыс. до н. э.

⁷⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, Paris, 1938, pp. 34—43, pl. LX—LXII.

На поселении Тали-Бакун А лучше всего изучены строения, относящиеся к третьему слою.⁷⁸ Здесь вскрыт большой жилой массив, видимо отделявшийся от ему подобных узкой улочкой. Авторы публикации выделяют внутри этого массива целый ряд комплексов на основании взаимного соединения тех или иных помещений проходами, в результате чего они насчитывают 12 комплексов, на которые распадаются полсотни вскрытых помещений (рис. 65).

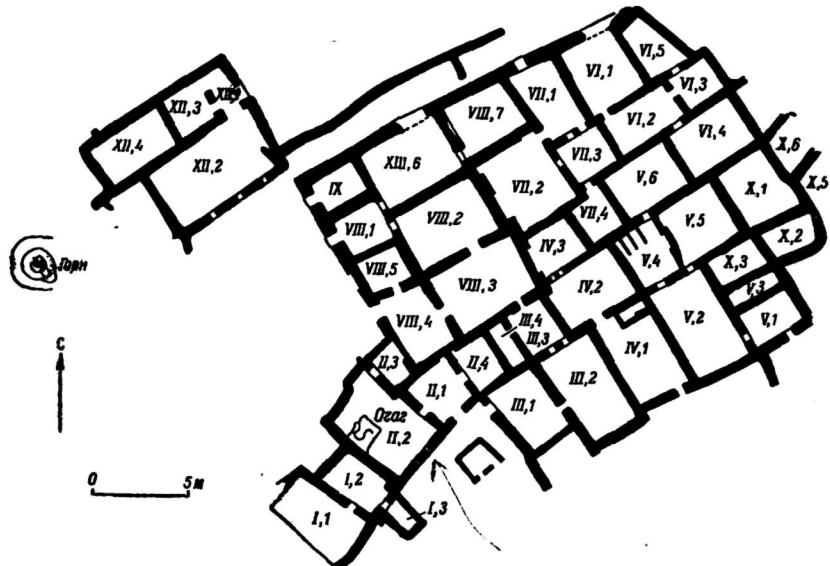

Рис. 65. Тали-Бакун А. План строений.

В действительности же число таких комплексов значительно меньше.⁷⁹ Некоторые помещения не сохранили проходов, а может быть, даже и не имели их вовсе, представляя собой просто закрома или загородки, что при сохранности стен строений на высоту в 1 м не всегда можно отличить от обычных комнат. Так, комплексы I, II и III скорее всего являются частями одного большого дома с общим двором посредине, куда выходят их двери. Наиболее полно раскрытый комплекс (VIII—IX) состоит из четырех комнат пло-

⁷⁸ A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. OIP, v. LIX, Chicago, 1942, pp. 7—18.

⁷⁹ Формалистически следуя этому принципу, авторы выделяют в особый комплекс IX одно помещение, которое по своим размерам скорее всего являлось хозяйственным, а по общему плану входит в комплекс VIII, что признается и в описании (там же, р. 8). Аналогично положение и с помещением, названным комплексом XI, что также признается авторами. Едва ли следует различать комплексы V и X.

щадью 8.72, 14.10, 14.10 и 14.40 м², бывших скорее всего жилыми, хотя в них в отличие от Кара-Депе нет отопительных очагов.⁸⁰ Кроме того, имеется ряд более мелких, вероятно подсобных, помещений. Другой комплекс объединяет комнаты I, II, и III, имеющие общий хозяйственный двор с расположенным в нем очагом. Площадь больших комнат здесь та же (13 и 14.26 м²), причем наблюдается объединение одной жилой комнаты и нескольких хозяйственных (I, 1 и I, 2; II, 2 и II, 3; II, 1, как нам кажется, представляет нечто вроде вестибюля). Показательно, что средняя площадь больших комнат Тали-Бакуна в общем выделяется и в других комплексах, где она равна 14, 14.5 и 15 м². Комплекс I—III объединял вокруг хозяйственного двора по крайней мере три парные семьи, а следует иметь в виду, что южный и западный обводы этого двора еще не открыты. Все это позволяет заключить, что Тали-Бакун подобно Кара-Депе и Геоксюру состоял из многокомнатных домов, бывших жилищем большесемейных общин. Возможно, особое назначение имел стоящий несколько в стороне комплекс XII, состоящий из вестибюля, двух маленьких помещений и одного большого, площадью 17.5 м². Стены маленьких комнаток покрыты красной краской, а в большом помещении уцелели даже следы полихромной росписи. Не был ли этот дом родовым святилищем? К сожалению, в нем не сохранился очаг или жертвенника, которые обычно характеризуют культовые постройки Древнего Востока.

В южном Афганистане тип планировки древних поселений замледельцев известен по раскопкам Мундигака.⁸¹ Прямоугольные строения этого поселка, план которых опубликован с нереалистической геометризацией, близко напоминают дома среднеазиатских земледельцев, в частности по наличию прямоугольных очагов типа подиумов.⁸² Нет данных, свидетельствовавших бы о наличии в Мундигаке, древнейшие слои которого восходят ко второй половине IV тыс. до н. э., однокомнатных домов джейтунского или дашлыджинского типа.⁸³ Мы видим здесь преиму-

⁸⁰ Вероятно, это объясняется более теплым субтропическим климатом района Шираза, где средняя температура января составляет +5.2° (М. П. Петров. Иран. М., 1955, стр. 50), тогда как в Ашхабадской области та же средняя температура равна 0 за счет сильных заморозков, наблюдавшихся зимой.

⁸¹ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, vv. I—II, MDAFA, t. XVII, Paris, 1961.

⁸² Там же, т. II, табл. VII—IX. Эти очаги особенно близки подиумам ялангачского типа, отличаясь от них наличием углубления в центре очага.

⁸³ Там же, т. II, рис. 6—20. Бедность постройками, отраженными на плане в слое I, 4, видимо, связана с трудностью расчистки сырцовых строений на большой глубине в стратиграфическом раскопе. Впечатление об «отдельно стоящих» домах создается в результате принятой Ж. М. Касалем системы разъединять на плане двойные стены белой линией.

щественно многокомнатные массивы, не всегда имеющие регулярную планировку в силу постепенного разрастания в процессе пристроек и переделок. Рассмотрим в качестве примера планировку участка поселения, вскрытого в слое III, 1, относящегося, вероятно, к первой половине III тыс. до н. э. Вокруг двора CCXXXIX группируются пять жилых помещений с очагами внутри и каждое с самостоятельным выходом во двор. Их площадь соответственно равна 17, 14.3, 15.5, 7.5 и 6 м². У трех из них есть и хозяйственныя пристройки (помещения CCXXXIV, CCXXII и CCXL). На севере мы видим другой комплекс строений, также группирующихся вокруг двора. Площадь жилых помещений с прямоугольными остатками здесь равна 9.23, 9.45, 14 и 16.17 м². Всего на участке площадью около 750 м² вскрыто не менее десяти жилых комнат, принадлежащих по крайней мере к двум хозяйственным жилым комплексам (рис. 66). По плотности застройки эта цифра весьма близка застройке такого среднеазиатского памятника, как Муллали-Депе. Но в отличие от Муллали-Депе мы имеем на Мундигаке дело с комплексами, объединяющими несколько парных семей в одной постройке, группирующейся вокруг центрального двора. В более поздних слоях Мундигака можно наблюдать, как постройки становятся более правильными по плану и уже очень напоминают дома Кара-Депе и Геоксюра.⁸⁴

Таким образом, можно сделать заключение, что у раннеземледельческих племен Древнего Востока в IV—III тыс. до н. э. типичным видом жилья был большой, многокомнатный дом, являвшийся местом обитания большесемейной общинны, ведущей общее хозяйство. Это явление весьма характерно для земледельческо-скотоводческих племен определенной стадии развития и может быть прослежено на многочисленных примерах других стран и историко-культурных районов,⁸⁵ находя различное конкретное воплощение в зависимости от природно-климатических условий и наличия тех или иных строительных материалов. Для нашей темы особый интерес представляют вопросы домостроительства и общественного развития у группы индейских племен юго-запада США, известных под именем племен пуэбло. Оседлый образ

⁸⁴ Например, в слоях III,2 и III,3. См.: J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 14—15; v. I, p. 37. Постройки слоя III,1 в некотором отношении напоминают сдвинутые друг к другу однокомнатные дома второго слоя Ялангач-Депе.

⁸⁵ Например, если взять такое типичное трипольское поселение, как Коломийщина I, исследованное Т. С. Пассек, то оно состоит из четырех десятков жилищ, половина из которых имеет площадь от 50 до 92 м². В десяти наиболее крупных жилищах, площадью от 105 до 136 м² жило, по подсчетам Т. С. Пассек, около половины населения поселка. Эти дома представляют собой многокамерные (многокомнатные) постройки, служившие жилищем большесемейным общинам, объединявшим 3—4 парные семьи. См.: Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 131—140.

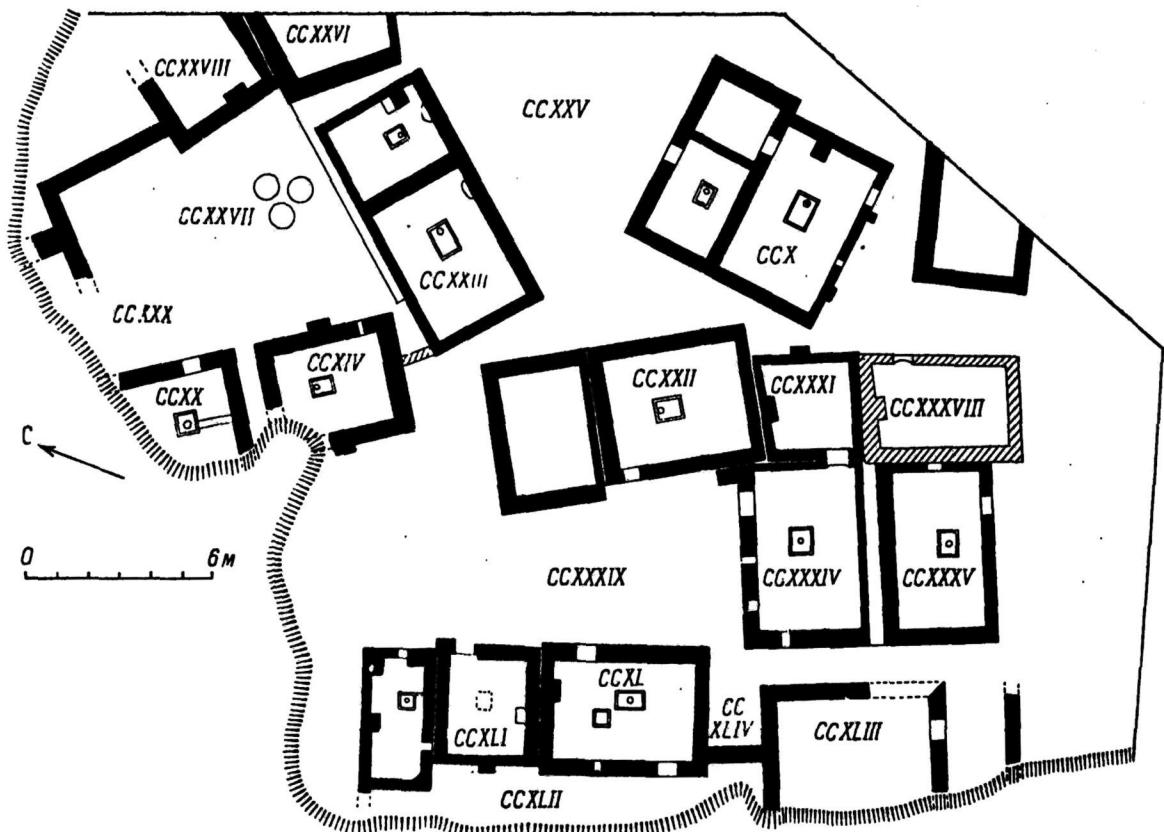

Рис. 66. План строений слоя Мундигак III, 1.

жизни, глиновитная архитектура, интенсивное земледелие, связанное в большинстве случаев с применением искусственного орошения, свидетельствуют о принадлежности племен пуэбло II тыс. н. э. и ранних земледельцев Древнего Востока V—IV (для некоторых районов) и III тыс. до н. э. к одному хозяйствственно-культурному типу.⁸⁶ Изготавливавшаяся племенами пуэбло глиняная посуда, лепленная от руки и украшенная росписью, является лишь одним из ярких примеров культурного параллелизма этих двух областей земного шара, о связях или о взаимном влиянии которых, учитывая огромный территориальный и хронологический разрыв, не может быть и речи.⁸⁷ Этот параллелизм представляет тем больший интерес, что племена пуэбло изучены на позднем этапе развития этнографической наукой, что позволяет их в ряде отношений считать более полно исследованными, чем ранние земледельцы Древнего Востока, культуры которых обнаружены в ходе археологических работ. В свое время Ф. Энгельс писал: «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей письменной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешенным загадкам древней греческой, римской и германской истории».⁸⁸ Этот методический прием сопоставления североамериканских и средиземноморских материалов был блестяще использован самим Ф. Энгельсом в его работе о происхождении семьи, частной собственности и государства. Поэтому представляется вполне обоснованным сопоставление материалов, характеризующих племена пуэбло и ранних земледельцев Древнего Востока, с учетом, разумеется, конкретно-исторического своеобразия (отсутствие у до-колониальных племен пуэбло скотоводства и т. п.). При этом, надо полагать, наибольшие возможности открываются в интерпретации вопросов идеологии и общественного развития, т. е. тех сторон жизни, которые труднее всего изучать на основании одних чисто археологических материалов. В XIX и XX вв. племена пуэбло подверглись тщательному изучению со стороны американских этнографов, что позволяет достаточно полно представить картину их домостроительства в связи с общественным строем.⁸⁹

⁸⁶ О выделении хозяйствственно-культурных типов см.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области. СЭ, 1955, № 4.

⁸⁷ Аналогии в области орнаментации расписной керамики в ряде случаев объясняются, видимо, общими путями развития орнаментики (под влиянием плетенных орнаментов корзин, аппликаций, тканей и т. п.).

⁸⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 26.

⁸⁹ V. Mindeleff. A study of pueblo architecture: Tusayan and Gibola. 7-th ARBAE, Washington, 1891; M. C. Stevenson. The Zuni

Огромные, многокомнатные дома этих племен, испанское название которых стало нарицательным, отнюдь не представляют собой того нерасчлененного единства, как это может показаться с первого взгляда. Эти дома делятся на комплексы, включающие несколько комнат и принадлежащие большесемейной или домовой общине (household). Подобная семейная община имела общее зернохранилище и общие зернотерки и состояла обычно из нескольких парных семей. У хопи в состав такой общинны входили женщина-хозяйка, ее муж и несовершеннолетние дети, ее холостые и вдовы братья и ее замужние дочери с семьями. Естественно, что в зависимости от целого ряда условий величина подобной большесемейной общинны была подвержена колебаниям. Объединение осуществлялось на основе родства по матери, и муж переходил в общину жены. Еще в XIX в. у зуни родителям наследовали в первую очередь дочери.⁸⁰ Интересно отметить, что если экономически муж принадлежит к общине жены (продукты, им добываемые, идут в дом жены), то религиозные обряды он осуществляет в семье матери.⁸¹ У хопи подобные большесемейные общинны составляют основную хозяйственную единицу общества, хотя для их обозначения в языке хопи нет специального термина и все покрывается термином «род».⁸² Число комнат, находившихся во владении большесемейной общинны, обычно 4—6, редко 7 или 2. Как сообщает В. Минделев, средняя величина комнаты в домах пузебло равна 13—14 м², что весьма близко к приводившимся выше размерам жилых помещений в домах ранних земледельцев Древнего Востока. Интересно, что, например, у зуни комнаты, как правило, несколько больше, чем у их соседей⁸³ (ср. Геоксюр и Кара-Депе). Отсутствие у хопи специального термина для обозначения большесемейной общинны, которую перекрывает термин «род», свидетельствует, как кажется, о сохранении в терминологии, остающейся, как и общественное сознание, от исторического развития, того положения, когда именно род, а не группа семей внутри него был основной территориально-хозяйственной единицей. Действительно, археологический материал позволяет проследить у индейских племен юго-запада США эволюцию домостроения, во многом напоминающую картину, намеченную выше для ранних

---

indians. 23-th ARBAE, Washington, 1904; F. Eggan. Social organization of the Western Pueblos. Chicago, 1950; Индейцы Америки. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXV, М., 1955, стр. 119—127; Народы Америки, полутом I. М., 1959, стр. 284—306.

⁸⁰ M. C. Stevenson. The Zuni Indians, p. 291.

⁸¹ F. Eggan. The Hopi and the lineage principle. In: Social structure. Oxford, 1949, p. 132.

⁸² Там же, стр. 132.

⁸³ V. Mindeloff. A study of pueblo architecture..., p. 108.

земледельцев Древнего Востока.⁹⁴ Для культуры древнейших докерамических земледельцев (*Basket-maker II*) характерные овальные полуzemлянки диаметром от 2 до 6 м, с очагом в центре. В пору появления первой глиняной посуды (*Basket-maker II*) поселки состоят из нескольких десятков таких овальных жилищ. Их стены обмазываются глиной и выкладываются каменными плитками. Иногда по каменной кладке наращивалось несколько рядов сырцового кирпича. Эти овальные жилища поразительно напоминают круглые дома докерамического Иерихона и овальные землянки натуфийского или иракского мезолита.⁹⁵ Видимо, именно круг или овал был наиболее рациональной формой для жилища с коническим перекрытием. В течение VIII—XI вв. н. э. можно наблюдать, как все более разрастаются наземные постройки около овальных землянок, первоначально служившие лишь в качестве храмилищ.⁹⁶ Появляются наземные дома, возведенные из сырца и насчитывающие до 12 комнат. Как справедливо полагает ряд американских исследователей, видимо, в этих домах уже следует видеть жилища большесемейных общин, из которых состоит родовой поселок⁹⁷ и которые со временем становятся основной хозяйственной ячейкой общества. Старое круглое полуподземное жилище превращается теперь в родовое святилище — киву, форма которого традиционно сохраняется. Первоначально подобные дома располагались рядом друг с другом, но вскоре интересы совместной обороны привели к их соединению в те грандиозные дома-массивы, которые породили сам термин — «пуэбло». Эти дома-массивы, объединяющие ряд большесемейных общин, представляются нам, несмотря на различие во внешнем виде, прямой аналогией рассмотренным выше среднеазиатским поселениям вроде Геоксюра или Кара-Депе. Вполне вероятно, что и на юго-западе США в пору докерамического неолита с его однокомнатными землянками, рассчитанными, судя по величине, на одну парную семью, род еще представлял единую хозяйственную организацию, как и в пору джайтунской культуры в Средней Азии. Однако следует оговориться, что этот вопрос требует специального исследования, основанного на тщательном анализе отчетов о раскопках древнейших поселений земледельческих племен США.

Большесемейные общины с общим хозяйством и общим домом являются весьма широко распространенным явлением, подтверж-

⁹⁴ F. Roberts. The development of a unit-type dwelling. In: *Solve the works of men*. Newett anniversary volume. Albuquerque, 1939, pp. 312—323; H. M. Wormington. Prehistoric Indians of the Southwest. Denver, 1947, pp. 36, 49—64.

⁹⁵ О мезолитических землянках см. стр. 98 и 105.

⁹⁶ F. Roberts. The development of a unit-type dwelling, p. 319.

⁹⁷ E. W. Haury. Speculations on prehistoric settlement patterns in the Southwest. In: *Prehistoric settlement patterns in the New World*. New York, 1956, p. 6.

дающим приводившиеся выше слова К. Маркса о том, что коллективное жилище было экономической основой древних общин. Такие дома и общины известны у ирокезов и алгонкинов, тлинкитов и эскимосов, папуасов Новой Гвинеи и жителей Меланезии. Однако для определения степени развития первобытного строя юго-запада Средней Азии, с анализа поселений которой мы начали эту главу, необходимо более четко представить значение большесемейных общин и их место в первобытном обществе.

Как уже отмечалось выше, ближайшую аналогию многокомнатным жилищам большесемейных общин Геоксюра и Кара-Депе можно видеть в поселениях западных пуэбло. Племена, объединяемые этим понятием, несколько различаются в степени развития тех или иных институтов первобытного общества. Так, у хопи, у которых, как и у остальных западных пуэбло, основной ячейкой общества является большая семья с матрилокальным браком, сравнительно велика роль рода. Род хопи обладает особым тотемным именем, имеет дом рода (*clanhause*), где обычно живет большесемейная община, считающаяся ближе стоящей к мифическим предкам и где хранятся ритуальные предметы и фетиши. У хано в таком доме старики на собрании членов рода рассказывают родовые предания и мифы. Особенно важно то обстоятельство, что род у хопи владеет землей, в чем проявляется его роль как экономической единицы. Интересно отметить, что наряду с такой большой ролью рода у хопи нет термина для обозначения большесемейной общины, хотя ее значение в жизни хопи весьма велико.

Вместе с тем у хопи отнюдь не наблюдается того явления, чтобы отдельное поселение было местом жительства отдельного рода. Обычно в каждом из селений живут представители нескольких родов, хотя и наблюдается тенденция к размещению их домов или помещений в непосредственной близости друг от друга. В каждом из селений наибольшее значение имеют представители одного и того же рода (у хопи и хано — рода Медведя, у Акома — Антилопы), и из этого рода обычно выбираются вожди. Род, таким образом, делокализован, и родовой состав племен пуэбло отражает сложную картину их конкретной истории, различных переселений, столкновений и войн. Достаточно отметить, что, например, у зуни в 1540 г., когда их открыл Коронадо, было семь селений, но позднее особенно после подавления испанцами восстания 1680 г., они соединились в один поселок. Вместе с тем можно видеть, что в одном селении несколько большесемейных общин принадлежат к одному роду.

В отличие от хано и хопи у зуни значение рода невелико. Некоторые американские этнографы вообще предлагали считать род зуни всего лишь элементом ритуальной схемы, что вызвало возражения уже в западной литературе.⁹⁸

⁹⁸ F. Eggan. Social organization . . . , p. 190.

Вместе с тем не приходится отрицать, что у зуни большесемейная община играет во многих отношениях значительно большую роль, чем род. Именно она является владельцем земли. Родовой дом (*clanhause*) у зуни есть, но особых привилегий он не имеет, и родовые фетиши могут храниться в другом доме. Не удивительно, что у зуни в отличие от хопи имеются термины для обозначения большесемейной общины.⁹⁹ Это позволяет проследить, как развитие большесемейной общины постепенно подрывает значение рода, сохраняющего значение как экзогамная группа и объединение лиц, связанных общими религиозными церемониями, но не как хозяйственная единица. Соответственным образом следует считать, что на определенном этапе общественного развития отсутствовала обособленная большесемейная община в рамках родового поселения. Как отмечают исследователи племен пуэбло, теоретически в основе рода лежит одна большесемейная или домовая община. Собственно говоря, на определенном этапе развития эти понятия совпадают и обособленная экзогамная группа лиц, ведущих общее хозяйство, и есть род. Выше уже отмечалось, что такую простую организацию, когда именно род был основной, в том числе и экономической ячейкой общества, как будто можно проследить на примере Джейтуна или Хаджилара. Когда увеличившееся в числе население родового поселка приходило в несоответствие с материальными ресурсами, часть рода отселялась и образовывала новый род, часто связанный со старым родом даже названием (ср. у хопи роды: Барсук, Серый барсук, Навахский барсук). Вероятно, таким выселком и является упоминавшийся выше поселок Дашибыджи-Депе, объединявший восемь-девять семей, где один дом, втрое больший остальных, весьма напоминает *clanhouse*.

Некоторые исследователи, например М. О. Косвен, полагают, что большесемейная община существовала вообще на протяжении всего периода матриархата.¹⁰⁰ Нельзя не заметить, что в таком случае вообще исчезает понятие рода как социально-экономической ячейки общества, без чего нам представляется невозможным объяснение самого возникновения рода. Многие этнографы пишут, что род, будучи экзогамной группой, не мог существовать как самостоятельная группа. Однако если отвлечься от построений сложных линий родственных взаимосвязей, увлечение чем нередко приводит к забвению экономических основ истории общества, следует признать, что родовой поселок даже после включения в свой состав женщин (при патрилокальном браке) или мужчин (при матрилокальной системе) из другого рода остается

⁹⁹ Община, где человек женится, т. е. та, в которую он после женитьбы перейдет, называется *talawa*, а ее члены — *talakwe*, тогда как члены отцовской общины — *takkyikwe* (там же, стр. 189).

¹⁰⁰ М. О. Косвен. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 5.

замкнутой хозяйственной единицей. Это обстоятельство следует считать главным и основным, несмотря на то, что, скажем, в отношении религиозных церемоний пришлые члены связаны со «своим» по происхождению родом. Равным образом в большесемейной общине племен пуэбло мужчины по ритуальным отправлениям тяготеют к «своей общине», что отнюдь не разрушает той большой семьи, в которой они живут и работают и которая является основной экономической единицей общества.

Большесемейная община является основной хозяйственной ячейкой внутри рода, в то время как на раннем этапе своего развития род выступает как объединение и кровнородственное, и хозяйственное одновременно. При этом не существенно, насчитывает ли он в своем составе несколько сот человек или в силу каких-либо условий (невозможность прокормиться значительному числу людей и т. п.) равен по своей численности позднейшей большесемейной общине. По существу живущая отдельным поселком большесемейная община как объединение родственников по крови, ведущих общее хозяйство, представляет в таком случае тот же род.

В этой связи встает вопрос о причинах, приведших к хозяйственному обособлению больших семей в рамках родовой организации. В. И. Равдоникас склонен объяснять эти явления увеличением числа членов в роде, что затрудняло ведение единого родового хозяйства и привело к выделению семейных общин наподобие ирокезской овачиры.¹⁰¹ Нам кажется, что данное явление связано в первую очередь с развитием производительных сил и повышением производительности труда, что позволило значительно меньшей группе людей, чем это было ранее, полностью обеспечить себя необходимым пропитанием. В этом отношении переход к земледелию и совершенствование его форм открывал особенно большие возможности. Первостепенная хозяйственная необходимость объединения людей в большой родовой коллектив для производства необходимого минимума пищи постепенно утрачивается, хотя остаются другие предпосылки сохранения родовой организации. С течением времени развитие техники и совершенствование производства привели к тому, что уже индивидуальная семья смогла обеспечивать свои основные потребности в рамках ведения натурального хозяйства. В этом аспекте большой интерес представляет предложенное Н. А. Бутиновым понятие «максимальная хозяйственная функция». Он определяет ее как функцию, «выполнение которой требует одновременного участия и объединения усилий всех членов общины».¹⁰² Именно

¹⁰¹ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947, стр. 60.

¹⁰² Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 137.

эта функция, пишет Н. А. Бутинов далее, «объединяет людей в общину, заставляет их жить в одном поселении, ограничивает протяженность родственных связей, превращает родство из категории биологической в категорию социальную».¹⁰³

В подтверждение своих выводов Н. А. Бутинов приводит примеры из этнографии земледельцев Новой Гвинеи, где ряд хозяйственных функций требовал участия почти всего взрослого населения поселка численностью в 100—150 человек, тогда как другие работы требовали более ограниченного числа людей и выполнялись силами субклана или большесемейной общины.¹⁰⁴ Равным образом следует считать, что определенная хозяйственная функция и также, возможно, внешние условия (оборона от нападений и т. п.) привели к появлению в Средней Азии в IV—III тыс. до н. э. поселений вроде Кара-Депе и Геоксюра, тогда как обеспечить необходимый прожиточный минимум на основе земледелия и скотоводства могла уже ограниченная группа лиц, объединявшаяся в большесемейной общине.

Однако едва ли следует точно синхронизировать появление больших, многокомнатных домов на юго-западе Средней Азии и выделение в рамках родовой организации большесемейных общин. Правильнее ожидать, что изменения в архитектуре имели место уже после перемен в общественном укладе и иной тип жилых домов появился в соответствии с новыми потребностями. В таком случае вполне вероятно, что сложение большесемейных общин в рассматриваемых районах Средней Азии приходится еще на период раннего энеолита и что окончательное становление в это время земледельческо-скотоводческого хозяйства было экономическим стимулом происшедших перемен.

В истории большесемейной общины следует, видимо, различать несколько этапов ее эволюции. Теоретически ее древнейшей формой, вероятно, следует считать ирокезскую овачиру с дислокальным браком, когда большесемейная община состояла лишь из лиц, связанных кровным родством.¹⁰⁵ Впоследствии, при установлении матрилокальности брака, овачира включает также мужчин из овачир других родов, вступивших в данное домохозяйство. Типичным образом такой большесемейной общины с матрилокальным браком являются описанные выше домохозяйства западных пуэбло и в первую очередь хопи. В дальнейшем, с развитием

¹⁰³ Там же, стр. 138.

¹⁰⁴ Там же, стр. 140. Автор употребляет «осторожный» термин «субклан». Судя по описаниям этнографов, к этой группе людей вполне может быть применен термин «большесемейная община». Такие общины часто имеют в селении отдельные квартали или занимают длинные дома, соответствующие этим кварталам. См.: H. I. Hogbin, C. H. Wedgwood. Local grouping in melanesia. Oceania, v. XXIII, № 4, 1953, pp. 267—270.

¹⁰⁵ Этнографы отмечают, что дислокальный брак, видимо, существовал у ирокезов еще в начале XVIII в. См.: Народы Америки, полутора 1, стр. 207.

хозяйства и особенно обмена, происходят решающие перемены в общественных отношениях, приведшие к сложению большой патриархальной семьи, хорошо известной этнографам по ее многочисленным пережиткам в прошлом и настоящем.¹⁰⁶ Эта семья характерна уже для периода разложения первобытно-общинного строя, проявляющегося и внутри большесемейной общины, где усиливается обособление малых семей и общественно-экономическая значимость главы семьи. Вместе с тем, как отмечает М. О. Косвен, распад первобытнообщинных отношений внутри большой семьи идет неизмеримо медленнее, чем вне ее, и большесемейная община «оказывается ячейкой, в которой первобытно-общинные отношения сохраняются особенно устойчиво».¹⁰⁷ Подобные разлагающиеся большие патриархальные семьи представлены общими Шумера III тыс. до н. э. и Арапхи первой половины II тыс. до н. э. Частная собственность и денежное обращение все более подрывает основу таких объединений — коллективную собственность, но ряд закостеневших форм продолжает свое существование, приспособливаясь к новым условиям. Подобная большесемейная община на ее позднем этапе известна и по этнографическим материалам Средней Азии. Это ягнобские большие дома — боми-калон. Селения ягнобцев состоят из нескольких «кварталов», объединяющих каждый 5—6 и более домохозяйств. Жилища одного «квартала» обычно подведены под общую крышу. Однако ведение общего хозяйства здесь сохраняется лишь как пережиток. Обычно несколько родственных семей соединяются только для постройки общего боми-калона, в котором живут уже как индивидуальные семьи, ведущие хозяйство раздельно.¹⁰⁸

Разумеется, подобная прямолинейная эволюция большесемейной общины представляет собой лишь идеальный теоретический случай, отражающий в конкретном проявлении по-разному, в зависимости от различных исторических условий.¹⁰⁹ Тем не менее вполне закономерен вопрос о том, с какой стадией эволюции большесемейной общины следует сопоставлять уровень общественного развития среднеазиатских земледельцев, получивший отражение в планировке Кара-Депе и Геоксюра. Как отмечалось выше, есть основания полагать, что большесемейная община как основная хозяйственная единица общества сложилась еще до появления на среднеазиатских поселениях больших домов-кварталов. К сожалению, вопрос о патрилокальности или матри-

¹⁰⁶ М. О. Косвен. Семейная община, стр. 5 и сл.

¹⁰⁷ Там же, стр. 12.

¹⁰⁸ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 29—30, 40, 52.

¹⁰⁹ См. гипотезу С. П. Толстова о переходе при известных исторических условиях к классовому обществу, минуя стадию патриархального рода (С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 329).

локальности брачных отношений лишь в редких случаях может быть убедительно разрешен на основании чисто археологических материалов. Пока ранние земледельцы Средней Азии не составляют в этом отношении счастливого исключения. Среди сотни с лишним погребений, раскопанных на Кара-Депе, нет ни одной парной могилы, подобной захоронениям некрополя Эреду или могильников андроновского круга. Разумеется, этот факт никак не может быть свидетельством против того, что брак, существовавший в эту пору на Кара-Депе, не был патрилокальным: формы отражения общественных отношений в погребальных обрядах могут быть весьма разнообразны. На поселении Геоксюр в слоях, одновременных большим многокомнатным домам, были открыты погребальные камеры с коллективными захоронениями.¹¹⁰ Каждая из камер содержала несколько погребений, причем эти погребения были неодновременны и зачастую при более позднем захоронении существенно нарушалось положение трупов, ранее помещенных в камеру. Весьма интересен половозрастной состав погребенных, определенный В. В. Гинзбургом. Так, в камере Б из восьми погребенных удалось определить пол и возраст семи. Лишь одно погребение принадлежало мужчине зрелого возраста, а остальные шесть погребенных оказались женщиными (одна юношеского возраста, две зрелого возраста, две возможные и одна старческого возраста). В камере В из шести погребений определено пять и среди них опять оказался один мужчина средних лет, три женщины того же возраста и один ребенок восьми лет неясного пола.

При рассмотрении этих погребальных камер прежде всего обращает на себя внимание стремление поместить умерших в одну, иногда даже «переполненную» камеру. Скорее всего перед нами именно семейные усыпальницы, каждая из которых принадлежала одной из семейных общин, населявших описанные выше многокомнатные дома.¹¹¹ Несколько непонятным остается явное преобладание женских погребений. Это могло бы свидетельствовать о сохранении матрилокальности брака и экзогамии (мужья этих жен, как принадлежавшие к другому роду, погребались на своем родовом кладбище, а не на кладбище рода жены), если бы не возникал вопрос о погребениях тех мужчин, которые принадлежали к семейным общинам, оставившим толосы, и, следовательно, должны были быть похоронены здесь же.

Как мы могли видеть, для племен пузбло и, в частности, для хопи, представляющих как будто весьма близкую аналогию об-

¹¹⁰ В. И. Сардан и др. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 284 и сл.

¹¹¹ О том, что перед нами захоронение именно семейной обороны, а не парной семьи, говорит, как кажется, половозрастной состав погребений в камере Б.

ществу Геоксюра и Кара-Депе, характерно сохранение матрилокальности брака и господство матери-хозяйки в большесемейной общине. Однако следует иметь в виду, что у земледельческих племен пима и папаго, соседних с племенами пуэбло и во многом напоминающих их по хозяйству и культуре, родство и право наследования идут по отцовской линии и у них прочно установилась патриархальная семья.¹¹² Возможно, это явление связано с разной степенью развития сельскохозяйственных работ. Индейцы пуэбло для орошения полей либо использовали естественные разливы рек, либо сооружали отводные каналы (зуни), либо выбирали для посевов участки, богатые подпочвенными водами (хопи). У индейцев пима в силу природных условий, земледелие связано с созданием ирригационной сети, и каналы длиной до 16 км для орошения полей засвидетельствованы в области обитания пима и папаго еще в IX—X вв. н. э. (культура Хохкам). Повышение роли мужского труда в этих условиях (расчистка и орошение полей как тяжелый физический труд и у племен пуэбло проводятся мужчинами) могло привести к интенсификации патриархальных отношений. Поскольку на юго-западе Средней Азии в пору существования Кара-Депе и Геоксюра было распространено преимущественно использование паводковых вод для полива,¹¹³ то следовало бы ожидать, что большей аналогией для наших материалов должны были бы являться общественные отношения, существовавшие у племен хопи. Однако нельзя не признать весьма общий характер подобных рассуждений, и поэтому следует подождать с окончательными выводами до получения новых данных. Как можно предполагать, большесемейные общины у среднеазиатских земледельцев существовали еще за несколько сот лет до появления многокомнатных домов верхнего слоя Кара-Депе. Поэтому вполне вероятно, что к этому периоду они претерпели какую-то внутреннюю эволюцию. Сравнительно-этнографические материалы показывают, что именно в пределах замкнутой семейно-хозяйственной ячейки, характерной для Геоксюра и Кара-Депе, происходило становление большой патриархальной семьи.¹¹⁴ Однако степень развития этого процесса остается неясной.

¹¹² Народы Америки, полуторт I, стр. 298.

¹¹³ См. стр. 144.

¹¹⁴ Ранее я был склонен видеть в многокомнатных домах жилища больших патриархальных семей (В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 50; История Туркменской ССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 43). В настоящее время этой точки зрения придерживается И. Н. Хлопин (Племена раннего энеолита..., стр. 17). Между тем этнографические материалы убедили меня в необходимости большей осторожности. Например, когда у племен пуэбло расстроился скот, то роль пастухов выполняли женщины и дети. Вместе с тем следует иметь в виду, что распространению у племен пуэбло патрилокального брака способствовали католические миссионеры и контакт с европейскими поселенцами (см.: F. Eggen. Social organisation..., р. 316).

Глава 5

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ НА РАСПИСНОЙ КЕРАМИКЕ

Среди орнаментов, украшающих расписные сосуды ранних земледельцев, относительно широко распространены различные изображения животных. Иногда это отдельно стоящие фигуры, чаще всего вереницы животных, повторяющиеся в раппорте фриза, охватывающем сосуд, в более редких случаях целые сцены, видимо иллюстрирующие какие-либо повествовательные и другие сюжеты. Изображение животных мы находим и на глиняной посуде белуджистанских общин, и на керамике ранних земледельцев Месопотамии, и на домашней утвари древних племен Ирана и Средней Азии. Эти изображения различны по уровню художественного мастерства, различны и по составу воспроизводимых животных, но настойчивая приверженность древних гончаров к зооморфной тематике без сомнения является выражением какой-то общей и важной закономерности.

Начнем рассмотрение этой проблемы со среднеазиатских материалов. Здесь, на поселениях ранних земледельцев, изображения животных наиболее широко распространены на керамике кара-депинского типа (время Намазга III), относящейся к концу IV—первой половине III тыс. до н. э.¹ В росписи, украшающей кара-депинские сосуды, мы видим горных козлов с крутыми рогами, пятнистых барсов, птиц, обычно в сочетании с изображениями солярных кругов, орлов в геральдической позе и коров с удлиненным туловищем. Последние два сюжета встречаются значительно реже остальных. Как показывают подсчеты, керамика с изображениями животных, находимая при раскопках верхнего слоя Ка-

¹ См. стр. 157.

Депе, составляет от 4 до 11 % всей расписной посуды. Чаша с изображениями козлов, барсов и птиц являются здесь одной из руководящих форм, определяющей специфику всего комплекса в целом. Вместе с тем выясняется, что сосуды с изображениями различных животных в пределах одновременно существовавших домов распространены далеко не равномерно. Повсюду в раскопанных домах встречались фрагменты сосудов с изображением козлов. В южных домах (раскопы 3 и 5), кроме того, были распространены глубокие чаши с нарисованными на них барсами и птицами, обычно в сочетании с солярными кругами. В северных домах, вскрытых на раскопе 3, барсы изображались в иной, геометризированной манере и не на глубоких, а на цилиндрико-конических чашах. Птицы с солярными кругами здесь почти не встречаются, но зато обнаружены сосуды с изображениями орлов и коров с удлиненным туловищем (табл. 14).

Таблица 14

Место раскопок	Козлы	Барсы геометризированные	Барсы на чашах	Птицы и солярные круги	Орлы	Коровы
Северные дома (1957 г.; около 1200 м ²)	59	79	1	9	4	3
Южные дома (1960 г.; около 850 м ²)	69	—	36	32	—	—

Можно добавить, что на раскопе 4 чаша с барсами и семь фрагментов керамики с изображениями птиц были встречены в большом хозяйственном дворе BIV, граничащем с площадью, за которой начинались «дома птиц», характерные для раскопа 4. Во всяком случае перед нами очень интересный факт, несомненно находящийся в связи с семантикой изображений на расписной керамике, которой посвящено значительное число исследований. Отметим из них лишь некоторые, ближе всего связанные с рассматриваемым кругом памятников.

И. И. Мещанинов уделил значительное внимание исследованию семантики расписной керамики типа Сузы I(A)² и в связи с этим сделал ряд ценных наблюдений. Но общее его заключение, сделанное на основании анализа ограниченной группы сосудов, едва ли может быть приято. Исходя из заранее сложившегося мнения, что рассматриваемые им сосуды являются только ритуальными (а данные раскопок показывают, что подобные сосуды встречаются как в могилах, так и в жилых домах), И. И. Меща-

² И. И. Мещанинов. Орнамент сузянских чаш первого стиля. ИГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 417—418.

ников пишет, что они «обратились в вотовные чаши с сюжетом борьбы человека по пути следования в преисподнюю с изображением тех препятствий, которые должен преодолеть он в своем стремлении к источнику жизни».³ Как показывает анализ массового материала, лишь отдельные сосуды из Суз можно рассматривать как несущие повествовательный рисунок, т. е. как своеобразные пиктограммы. Рядовая же расписная керамика не дает никаких оснований для столь усложненного семантического толкования. Нельзя рассматривать керамику типа Сузы I как отражение частично забываемых повествовательных композиций более раннего времени. В настоящее время стратиграфическая колонка раннеземледельческих культур Сузианы уходит далеко вглубь, но нигде в ранней росписи нет и следа подобных композиций.

Интересная работа по изучению семантики орнаментации керамики европейского неолита была проделана Е. Ю. Кричевским.⁴ Однако увлеченный предвзятыми теоретическими построениями, Е. Ю. Кричевский в большей мере старается вместить древнюю керамику в прокрустово ложе марровских концепций, чем выходить из реального исследования материала. При этом Е. Ю. Кричевский совершенно забывает о специфике керамического искусства, о внутренне присущих ему закономерностях, что, в частности, приводит к следующим утверждениям: «...не только отдельные части композиции вращающегося стиля, но и самый характер ритмических чередований всей совокупности орнаментальных элементов обусловлен ее основной семантикой, коренящейся в космическом мировоззрении неолитических племен».⁵ В соответствии со своими установками Е. Ю. Кричевский, лишь рассматривая керамику позднего периода, вспоминает о декоративном характере орнаментации и об овладении древними керамистами своим материалом.⁶

Значительный интерес представляют наблюдения Э. Херцфельда, сделанные им главным образом на материалах так называемого персепольского поселения (Гали-Бакун), по времени близкого Сузам I.⁷ Э. Херцфельд правильно указал, что сосуды с более реальными изображениями и сосуды с крайней степенью схематизации тех же изображений практически одновременны. Не-

³ Там же, стр. 448.

⁴ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Учен. зап. Лен. гос. Univ., сер. ист. наук, вып. 13, Л., 1949.

⁵ Там же, стр. 92.

⁶ Там же, стр. 93, 96. См. также критику работы Е. Ю. Кричевского в статье Б. Б. Пиотровского «О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике» (в кн.: Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1952, стр. 126).

⁷ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, pp. 20—62.

сколько преувеличивая значение параллелей с шумерской иprotoэlamской пиктографией, Э. Херцфельд в целом приходит к выводу, что рисунки на персепольской керамике отражают стадию, предшествующую пиктографии.⁸

Таким образом, как названные исследователи, так и целый ряд других ученых вполне убедительно показали, что изображения, помещаемые на глиняные сосуды, в ряде случаев несомненно имели определенный магический смысл. Вместе с тем семантика этих изображений далеко не всегда раскрывалась исследователями в соответствии с конкретным характером исследуемого материала; часто имела место подмена такого исследования априорными построениями, лишь иллюстрируемыми отдельными примерами. Существенным недочетом явилось также абстрагирование от специфики керамического производства. Наконец, некоторые исследователи, рассматривая хронологически ограниченную группу вещей, не смогли наблюдать всей цепи постепенного развития орнаментики.

В настоящее время благодаря интенсивному развитию археологических работ мы имеем для Ближнего Востока несколько вполне установленных эволюционных схем развития расписной керамики от древнейших стадий до периода полного исчезновения орнаментации. Это касается и Месопотамии, и Сузианы, и юго-запада Средней Азии и позволяет при семантическом анализе опираться на генезис того или иного элемента.

Вернемся к расписной керамике Средней Азии. Кара-депинские сосуды расписывались главным образом снаружи, где роспись располагалась в виде фриза. Размещение рисунков широкими фризами в свою очередь приводило к ритмичному повторению одних и тех же мотивов. Этот прием раппорта составляет специфику керамического искусства, имевшего дело главным образом с круглыми в плане предметами. Часто можно видеть, что даже тематические композиции в тех сравнительно редких случаях, когда они появляются на керамике, подчиняются монотонному ритму повторения. На кара-депинской керамике этот композиционный прием объединяет два главных вида орнаментации: геометрические мотивы и изображения животных. Геометрические мотивы, явившиеся, с одной стороны, закономерным развитием росписи посуды предшествующих этапов, с другой, отразившие несомненное влияние геоксюрского стиля, включают в число прочих отдельные орнаменты, как будто не свойственные рисунку, выводимому кистью. В значительной мере это касается геоксюрского стиля с его резкими геометрическими фигурами — треугольниками, крестами, уступчатыми пирамидами и т. п. То же можно сказать и про ведущий мотив посуды типа Намазга I —

⁸ Там же, стр. 62.

повторяющиеся ряды силуэтных треугольников. В ряде случаев, особенно на посуде верхних слоев Геоксюра и Кара-Депе, можно подумать, что перед нами орнамент, появившийся в результате подражания тканям, украшенным по способу аппликации.⁹ К сожалению, пока неизвестны образцы тканей раннеземледельческих племен Средней Азии или соседних территорий. Другим важным источником влияния на керамическую роспись, особенно на ранних этапах ее развития, являются плетеные изделия. Целый ряд исследователей уже отмечал влияние плетенных изделий на форму и орнаментику ближневосточной расписной керамики. Вполне убедительно показано наличие «плетенных» орнаментов, как геометрических, так и зооморфных, в керамике Халафа.¹⁰ Связь расписной керамики с плетеными изделиями, особенно ярко проявляющаяся в орнаментике, великолепно выступает на материалах раннеземледельческих культур Северной Америки. Плетеные корзины, головные уборы и другие плетеные изделия североамериканских индейцев дают прекрасные образцы того геометрического орнамента, который столь широко представлен и на расписной керамике юго-запада Средней Азии.¹¹ Более того, расписная посуда североамериканских земледельцев, известных под собирательным названием племен пуэбло, дает ту же линию развития геометрического орнамента, что и керамика среднеазиатского энеолита. В отдельных случаях американо-среднеазиатские аналогии доходят до тождества.¹² Между тем генетическая связь керамики ранних пуэбло и плетенных изделий не вызывает сомнений. Об этом на основании стилистического анализа писали уже первые исследователи глиняной посуды пуэбло.¹³ Помимо стилистического анализа, о том же свидетельствует и этимология названий глиняных сосудов. Например, у племен зуни кухонный сосуд называется буквально «сложенная спиралью глиняная кухонная корзинка».¹⁴ Это название, так же как и ряд других,

⁹ Подобное предположение было сделано М. П. Грязновым в отношении орнаментики андроновской керамики и кажется нам вполне убедительным. См.: *Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства*. М., 1956, стр. 172.

¹⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 171—172.

¹¹ *Handbook of American Indians north of Mexico*, v. I, Washington, 1907, pp. 133, 312, 468, 944.

¹² См., например: F. Roberts. The village of the great kivas on the Zuni reservation New Mexico. Bureau of Amer. Ethnology, Bull. III, Washington, 1932, pl. 27, 31. Геоксюрский стиль находит наиболее близкие аналогии в керамике пуэбло типа Меза Верда.

¹³ W. H. Holmes. Pottery of the ancient Pueblos. 4-th ARBAE, Washington, 1886, pp. 359—360; F. H. Cushing. A study of Pueblo pottery as illustrative of Zuni culture growth. Ibid., pp. 487—489, 507.

¹⁴ F. H. Cushing. A Study of Pueblo. . . p. 491. Автор переводит индейское название как «Coiled earthenware cooking-basket», где «earthenware» вполне может обозначать именно керамику — обожженную глину.

свидетельствует как о способе изготовления глиняных сосудов, так и о предшествующих им плетеных изделиях. Наконец, археологические исследования XX в., показавшие генезис культуры шуэбло, которой предшествовала докерамическая «культура корзин», полностью доказали влияние орнаментации плетеных изделий на роспись глиняной посуды. Среди инвентаря могил «культуры корзин» мы находим плетеные изделия, орнамент которых идентичен росписи посуды ранних шуэбл.¹⁶ На основании подобных данных можно считать, что расписная керамика среднеазиатского энеолита, столь близкая по мотивам росписи керамике шуэбло, тоже испытала влияние орнаментированных плетеных изделий. Один из основных мотивов на посуде джейтунской культуры, названный нами скобчатой росписью, скорее всего является подражанием простому плетению корзин. Использование окрашенных прутьев или соломы, очевидно, приводило к возникновению геометрических орнаментов, в частности силуэтных треугольников, широко распространявшихся на юго-западе Средней Азии уже в пору энеолита. В дальнейшем роспись на посуде начинает развиваться и изменяться уже по своим внутренним законам, претерпевая, возможно, в ряде случаев влияние других видов художественной деятельности. Внутренняя эволюция мотивов росписи на энеолитической керамике Средней Азии прослеживается вполне отчетливо. Нарядные глиняные сосуды удовлетворяли в первую очередь эстетические потребности изготавливших и использовавших их лиц. Это положение, вытекающее из самого характера орнаментального искусства, иногда предается забвению исследователями, превращающими первобытного человека в чародея-заклинателя, живущего в обстановке не реальных вещей, а магических предметов. Вместе с тем совершенно ясно, что в ряде случаев роспись на сосудах имела и особое значение.

На посуде среднеазиатских земледельцев такое значение имела фигура креста. Именно крест в различном декоративном обрамлении мы видим на амулетах времени Намазга III¹⁸ (рис. 67), а затем на печатах эпохи бронзы.¹⁷ Крест — довольно обычный мотив и в росписи на керамике кара-депинского типа. При этом особый интерес представляют небольшие чашечки, лишенные орнаментации, на которых небрежно нарисовано лишь линейное изображение креста. В другом случае крест вырезан на горлышке

¹⁶ A. V. Kidd e r. The introduction to the study of South-Western archaeology. New Hawen, 1924, p. 78, pl. 38, d, g. Изображенная здесь пирамида из силуэтных треугольников является типичным мотивом керамики типа Кара IБ.

¹⁸ B. M. М а с с о н. Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), табл. XIV, 13, 15.

¹⁷ B. M. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргiana. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959, табл. XII, 1—3.

сосуда с внутренней стороны, где он явно не мог играть никакого орнаментального значения. Иногда небольшой крестик помещается на сосуде рядом с другими элементами орнаментации. Можно считать, что во всех этих случаях изображение креста на сосудах имело магический смысл охраны содергимого, подобно тому как это отмечает Б. Л. Богаевский для изображений собак на расписных сосудах из Румынии.¹⁸ В условиях специфики орнаментального искусства крест включается в роспись и как один из ее составных мотивов, будучи одним из элементов орнаментального раппорта. Трудно сказать, какое именно конкрет-

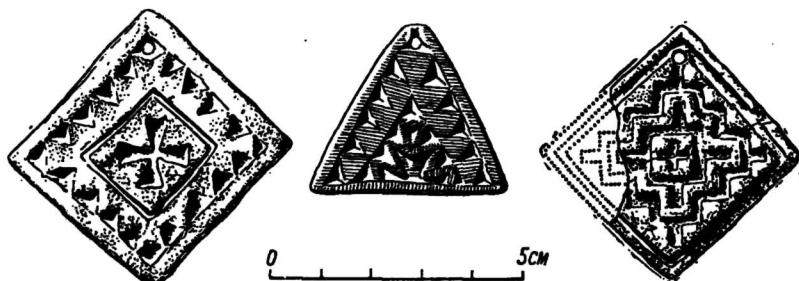

Рис. 67. Кара-Депе. Амулеты-печати.

ное содержание вкладывали кара-депинцы в магию рисунка креста. У индейцев Северной Америки, например, символ креста был связан с верой в священное значение числа «четыре», связываемого с четырьмя сторонами света. Во всяком случае, насколько можно судить по памятникам глиптики, фигура креста весьма рано приобрела на Ближнем Востоке значение священного символа, что в конечном итоге отразилось и на символике христианства.

Помимо креста, какое-то особое значение в росписи кара-депинских сосудов имели и рисунки животных. Это особенно заметно по тем сосудам, где фигура креста заменяется изображением барса, птицы или козла (рис. 68). Обращает на себя внимание и состав изображаемых животных. Как мы видели, наиболее часто воспроизводились горные козлы с тяжелыми рогами, пятнистые барсы и птицы. Однако жители Кара-Депе были оседлыми земледельцами и скотоводами, в хозяйстве которых охота играла ничтожную роль. Костей домашних птиц не было обнаружено ни на одном энеолитическом поселении юго-запада Средней Азии. Поэтому не выдерживает критики довольно широко распространенное в западной литературе заключение о том, что

¹⁸ Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937, стр. 194.

мотивы росписи на керамике свидетельствуют о большой роли охоты у раннеземледельческих племен Ближнего Востока.¹⁹ Скорее всего следует считать, что изображения животных на расписной керамике ранних земледельцев отражают идеологические представления более раннего этапа, чем развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Их объяснение легко можно найти, если обратиться к тотемизму, широко распространенному у охотничих племен и обычно сохраняющемуся у ранних земледельцев.²⁰

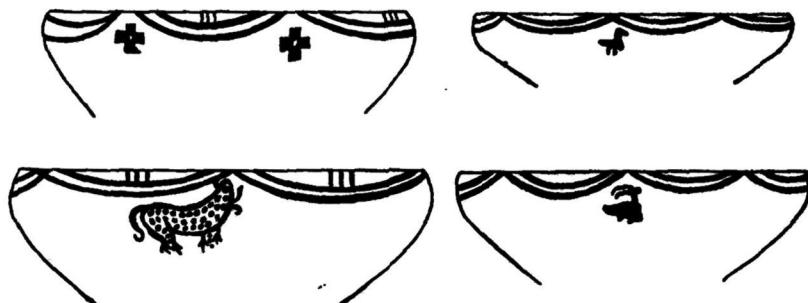

Рис. 68. Кара-Депе. Миски с изображением креста и фигур животных.

Тотемизм как в пору его расцвета, так и на стадии изживания тотемических представлений был связан с обычаем изображения тотемных предметов. Этим изображениям, как правило, придавалось магическое значение, сначала как способствовавшим размножению данного вида растения или животного, затем более общее, как оберега. Так, например, в Австралии, если охотники нарисуют или подновят рисунки тотемических видов, то это, по их представлениям, будет способствовать их быстрейшему размножению.²¹ Изображение тотемов широко распространено у североамериканских племен. Гураны иногда помещали их на лице или вместо подписи на документах. Изображениеtotema на домах отмечено у ирокезов и делаваров. У последних оно иногда фигурирует не полностью, а лишь в виде части животного-тотема — ноги волка или индюшки. Очевидно, в этом проявлялся один из

¹⁹ См., например: E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 298.

²⁰ Основной сводкой фактического материала по тотемизму остается многотомный труд Д. Фрэзера: J. Frazer. Totemism and Exogamy, vv. I—IV, London, 1910. См. также сводку различных гипотез о тотемистических представлениях: Д. Е. Хайтун. Тотемизм, его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.

²¹ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 178.

основных законов магии — часть вместо целого.²² Иногда рисунок тотема помещался и на могилах. Широко известны тотемные столбы, стоящие перед домами племен северо-западной Америки — тлинкитов и хайда.²³ У этих же племен родовые тотемы изображались на тканых накидках. Другие племена северо-запада — квакиутль — помещали изображения тотемов на домах, лодках, масках, орудиях, боевых панцирях.²⁴

Особый интерес для нашей темы представляет тотемизм раннеземледельческих племен, обычно выступающий уже в несколько измененной форме в связи с развитием анимизма, культа предков и солярных представлений. Прочная оседлость и земледельческое хозяйство обычно приводили к более реальным представлениям о происхождении рода, чем тотемические воззрения, но эти последние, правда, уже в измененной форме сохраняли еще большое значение в идеологии общества. Большой интерес в этой связи представляет тотемизм племен пуэбло, хозяйство которых с преобладающей ролью земледелия, основанного на искусственном орошении, в значительной мере напоминает хозяйство южнотуркменистанских земледельческих общин поры энеолита и бронзового века. Правда, у племен пуэбло охота как источник мясной пищи сохраняла еще большое значение, поскольку домашний рогатый скот им был неизвестен; и, возможно, это обстоятельство сказалось на стойкости тотемических воззрений. У всех племен пуэбло мы находим фратрии и роды с тотемными названиями. И во всех этих названиях отражается некоторая двойственность: с одной стороны, здесь мы видим диких животных, вполне естественных в быту охотника, с другой стороны, ряд тотемных названий непосредственно указывает на интересы земледельца. Так, роды племени зуни носят имена Койота, Медведя, Журавля, Попугая, но вместе с тем — Табака и Кукурузы.²⁵ Племена хопи, иногда называемые моки, наряду с Медведем, Койотом, Пумой и Волком дают такие названия родов, как Зерно, Боб, Арбуз, и даже целая фратрия носит тотемное имя Табак. На интересы земледельцев указывают и такие названия, как Дождь и Дождевое облако.²⁶ Женщины, занимавшиеся у племен пуэбло изготовлением керамики, иногда помещали на

²² J. Fraz e g. Totemism and Exogami, v. I, pp 29—31.

²³ Там же, стр. 30; Ю. П. Аверкиева. Рабство у индейцев. Северной Америки. М.—Л., 1948, стр. 20.

²⁴ Ю. П. Аверкиева. Пережитки материнского рода у квакиутль. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. II, М.—Л., 1947, стр. 173.

²⁵ F. H. Cushing. Outlines of Zuni Creation Myths. 13-th ARBAE, Washington, 1896, p. 368.

²⁶ J. W. Fewkes. Hopi. In: Handbook of American Indians north of Mexico, v. I, Washington, 1907, pt. I, p. 562; Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 105—106.

сосуде изображение тотемного животного,²⁷ причем расположение его фигуры в центре сосуда, обособленно от орнаментального фриза, подчеркивает особую значимость изображаемого.²⁸

Явственные следы тотемизма отмечены и у земледельческих племен северного Чили — арауканов. Здесь были распространены такие тотемы как Небо, Солнце, Камень, Река, Море, Кондор, Ягуар, Тюлень, Чайка, Лисица, Попугай и др. Большие дома арауканов, в которых жили группы родственных семей, украшались тотемными символами.²⁹ В инкском Перу, с его высоко развитой оседлоземледельческой культурой, ко времени испанского завоевания пережитки тотемизма сохранились в названиях общин по именам животных: Пумамарка, Кондормарка, община Ястреба и т. п.

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению рисунков животных на расписной керамике древних земледельцев Средней Азии. Здесь первое место занимает изображение горного козла. На самой ранней расписной посуде вообще не встречается рисунков животных (Джейтун). Это, впрочем, характерно и для Месопотамии (ранняя Хассуна), и для Элама (комплекс Джадарафабад). Однако наличие в Халафе фигур козлов, выполненных в стиле, напоминающем плетеные изделия, позволяет предполагать, что животные могли изображаться именно на не дошедших до нас видах изделий. Рисунки животных впервые стали известны в Южной Туркмении во время позднего Намазга I, когда появляются схематические линейные фигурки козлов. Только такие фигурки, иногда с подчеркиванием бугристости рогов мы встречаем и на керамике времени Намазга II. Это указывает на теснейшую связь образа козла с религиозными представлениями местных племен уже в глубокой древности. Поэтому, когда в пору Намазга III в мотивах росписи посуды отмечается «нашествие животных», стилистически изменившиеся рисунки козлов можно рассматривать как прямое продолжение старых традиций. Это проявляется и в дальнейшей эволюции мотивов росписи и украшений глиняной посуды. Пятнистые барсы исчезают в пору Намазга IV, но рисунки козла остаются. Для комплекса Намазга V нам известен носик сосуда, оформленный в виде головы козла,³⁰

²⁷ J. F. G a z e r. Totemism and exogamy, v. III, p. 205; G. M a l l e r y. On the pictographs of the North American Indians. 4-th ARBAE, Washington, 1886, pp. 167—168; см. также сосуд с индошками: C. E. G u t h e. Pueblo pottery making. New Haven, 1925, pl. 5, c.

²⁸ На керамике периода Пузобло III (XI—XII вв. н. э.) из области зуни мы видим рисунки птиц, одного или нескольких птичьих следов, медвежьей лапы (F. R o b e r t s. The village of the great kivas..., pp. 122—123, fig. 27). Как известно, у зуни были роды с именами Медведя, Журавля, Курапатки и Индюка.

²⁹ Народы Америки, полутом II. М., 1959, стр. 368—369.

³⁰ Б. А. Л и т в и н с к и й. Намазга-Депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 18, рис. 13, 15.

а для комплекса типа Намаага VI — процарапанное изображение этого животного.³¹ Эта устойчивость образа козла объясняется, как нам кажется, его широким распространением в качестве одного из основных тотемов у местных охотничих племен эпохи верхнего палеолита и мезолита. Образ этого животного был весьма популярен у древнего населения Средней Азии, следы чего мы находим как в археологическом материале, так и в этнографических данных. Уже в мустьевской пещере Тешик-Таш мы сталкиваемся с этим особым значением козла. Знаменитое погребение этой пещеры было обложено шестью парами рогов горного козла, в чем А. П. Окладников справедливо усматривает особую роль, которую играло в ту пору это животное.³² Конечно, едва ли можно говорить для времени мустье о вполне сложившихся тотемических представлениях, но зарождение какого-то особого отношения к определенным животным выступает вполне отчетливо. С пережитками тотемической трактовки образа козла в Средней Азии мы встречаемся и в этнографии. Следует учитывать, что эпоха развитого классового общества с ее усложненными формами религиозных представлений привела к почти полному изживанию и сильной трансформации тотемических воззрений. Но в глухих горных районах, где в большей мере сохранялись пережитки первобытнообщинного строя, можно отметить и следы тотемизма. Особенно показателен в этом отношении описанный Н. И. Кисляковым культ Хазрати-Бурха (священного козла) в кишлаке того же наименования, расположеннном на Памире.³³ Здесь расположен мазар Хазрати-Бурха, привлекавший в свое время множество паломников. По одной из легенд, когда строили мавзолей святому Бурху, с гор спустился горный козел; Бурх велел его убить, а мясо раздать строителям мавзолея. На месте, где пролилась кровь козла, образовался источник (в этом месте как раз расположены выходы красной глины). В этой легенде вполне отчетливо выступает один из основных обрядов тотемизма — ритуальное поедание тела тотема. У язгулемцев в день нового года при организации общественного угождения его участники приносят печенье, сделанное в форме козла.³⁴ Рисунку, изображающему козла, обычно придают особое значение, и не случайно именно козел занимает первое место среди бесчисленных наскальных рисунков, находимых в горных районах Средней Азии и

³¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. VIII, 10.

³² А. П. Окладников. Исследование мустьевской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Сб. «Тешик-таш», М., 1949, стр. 33—34, 78—79.

³³ Н. И. Кисляков. Бурх — горный козел. СЭ, 1934, № 1—2, стр. 181—188.

³⁴ Д. Е. Хайтун. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана. Учен. зап. Тадж. гос. унив., т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 100.

Афганистана.³⁵ У кафиров Гиндукуша одно из божеств — богиня Куруман — выступает в образе козы, а при закалывании жертвенных животных свободный человек может зарезать козла или барана, но не быка или корову, предоставляемых для этой цели рабам.³⁶ Наконец, у туркменских племен, у которых в яркой форме выступают пережитки тотемизма в племенных и родовых этнонимах, отмечено восемь названий, связанных с козлом, причем имя козла носит крупное подразделение одного из важнейших племен (теке).³⁷ Конечно, было бы методологически неверно ставить отмечаемые нами следы тотемизма в III тыс. до н. э. во взаимозависимость и прямую связь с тотемическими названиями туркменских родов. Однако если ведущий тотем туркменских племен — бык-огуз — принесен с продвижениями тюрок и сельджуков, то, учитывая ассимиляцию туркменами значительной части древнего оседлого населения, нет ничего невероятного в том, что на названиях родов с компонентом «козел» отразились местные представления об особой роли этого животного, восходящие к глубокой древности.

К рассмотрению роли образа козла в жизни энеолитических племен юго-западной Средней Азии можно добавить еще одно наблюдение, имеющее весьма важное значение для нашей темы. На бедрах женских статуэток, найденных на различных памятниках южной Туркмении, встречаются изображения животных, выполненные в той же манере, что и рисунки на керамике (рис. 69). Таковы, например, изображения животных на бедрах женских статуэток с Геоксюра, где, к сожалению, в силу большой стилизации рисунка³⁸ трудно решить, какое именно животное имелось в виду (рис. 69, 2, 3).

Среди материалов из раскопок на Намазга-Депе имеется фрагмент женской статуэтки, на которой совершенно четко нарисована фигура козла того типа, который обычно встречается на расписной посуде типа Намазга II (рис. 69, 1). К этому же времени относится фрагмент статуэтки с аналогичным изображением, происходящий с Ялангач-Депе (рис. 69, 4). Появление изображения тотемического круга на статуэтке женского божества — одного из наиболее популярных божеств ранних земледельцев — пред-

³⁵ А. Н. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Зеравшана. МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, табл. 101—106; W. A. Fagerweis. Exploring the «Desert of death». Natural History, 1950, June, p. 248.

³⁶ Д. С. Робертсон. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, стр. 72, 108—109.

³⁷ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 5—6. У других тюркоязычных племен тотем теке неизвестен.

³⁸ В. И. Сарканиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), Ашхабад, стр. 260, табл. IX, 9.

ставляет несомненный интерес. В этой связи можно вспомнить представления австралийцев о том, что тотемические предки оставили в разных местах детские зародыши, которые входят в проходящих мимо женщин, особенно, если эти женщины молоды

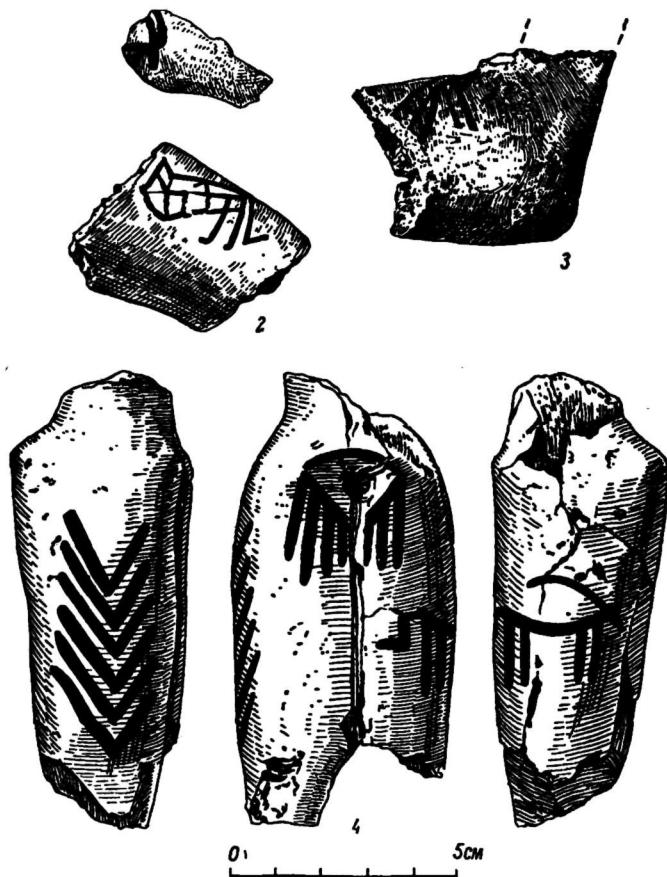

Рис. 69. Статуэтки с изображением животных с Намага-Депе (1), Геоксюра 1 (2, 3) и Ялангаи Депе (4).

и имеют мужей. Однако едва ли подобные представления, отражающие эпоху расцвета тотемизма, бытовали в развитом земледельческом обществе, подобном тому, какое мы находим на Карадепе. Скорее всего наличие статуэток с нарисованными на них животными отражает стадию разложения тотемизма, слияния тотемов с другими божествами, когда изображения тотемных

животных теряют постепенно свой конкретный характер и становятся символом святости вообще.

Кроме козлов, на расписной керамике верхнего слоя КараДепе часто встречаются изображения птиц, причем, как правило, в сочетании с солярными кругами, иллюстрируя хорошо известную семантическую связь «птица—солнце». Как отмечает Б. Б. Пиотровский, эта связь основывалась на ассоциации, что солнце держится и движется в воздушном пространстве подобно птице.³⁹ Возможно, в какой-то мере это значение солнца перешло и на рисунки птиц, что может объяснить появление изображений других животных в сочетании с рисунком птицы. До периода Намазга II рисунки птиц на расписной керамике юго-западной Средней Азии не встречались, и скорее всего это изображение проникло в керамическую орнаментику под влиянием расписной керамики Ирана, где воспроизведения птиц встречаются уже на посуде нижних слоев Гияна. Однако вполне возможно, что у среднеазиатских племен это изображение ассоциировалось с местными тотемическими представлениями, что привело к устойчивости образа. Рисунки птиц встречаются и на расписной керамике типа Намазга IV, а один черепок с процарапанным изображением птицы происходит из слоя Намазга V.

Видимо, аналогичным образом произошло осмысление и пятнистых животных, которых лишь при наличии вариационного ряда искажений, намечающихся на памятниках Ирана, можно считать барсами. Интересно отметить, что на КараДепе изображения барсов встречаются чаще, чем в Сиалке. В отличие от птиц рисунки этих животных быстро исчезают. При этом можно отметить уже в пору Намазга III схематизацию этих рисунков, приводящую к замене отдельно выписанных фигур чисто орнаментальными поясами с точечным заполнением. В пору Намазга IV и эта орнаментальная схема уже отсутствует.

Еще более эпизодичным было появление рисунков орлов и крупного рогатого скота. Первые, являясь почти прямой репликой мотивов южноиранских памятников, встречаются редко и быстро сменяются орнаментальной схемой. Появление рисунков крупного рогатого скота может быть вполне местного происхождения, будучи подготовленным стойкой традицией мелкой терракотовой скульптуры. В этом отношении наличие пятнистых коров в керамической росписи и мелкой пластике особенно показательно. Может быть, тотем быка существовал уже у древних охотников, и во всяком случае такой тотем мог появиться при переходе к скотоводству, подобно тому как у североамериканских земледельцев появились тотемы Кукурузы, Зерна и Табака.

³⁹ Б. Б. Пиотровский. О некоторых ошибках археологов. . . , стр. 125.

Как уже отмечалось в начале главы, изображения животных широко распространены в орнаментике расписной керамики, изготавливавшейся ранними земледельцами, и Средняя Азия не составляет в этом отношении какого-либо исключения. В Месопотамии на посуде древнейших земледельцев, представленных верхними слоями Джармо и нижними наслоениями Хассуны, еще преобладают простые геометрические орнаменты, подобно тому как это можно наблюдать на керамике первых земледельцев Средней Азии. Но уже на посуде Самарры, представляющей собой, судя по имеющимся данным, локальный вариант позднехассунской культуры, это геометрическое однообразие оказывается нарушенным. На внутренней стороне открытых чаш из самаррского некрополя мы видим сложные композиции, несомненно имевшие какое-то магическое значение. Основой композиции является вихревая розетка, иногда переходящая в знак свастики, образующая ритм непрерывного движения по кругу. Эта композиция образована или четырьмя геометризованными фигурами козлов, или четырьмя птицами с длинной шеей, клюющими рыбу, или четырьмя женскими фигурами с распущенными волосами (по мнению Э. Херцфельда, это демоны). В последнем случае по краю чаши идут изображения скорпионов.⁴⁰ Важно подчеркнуть наличие подобных сосудов в богатых комплексах Багуза и Самарры, где (во всяком случае в Самарре) они являются составной частью погребального инвентаря. Ни в Хассуне, где имеется привозная керамика самаррского стиля, ни в Матарре, вообще входящем в самаррскую керамическую провинцию, сосуды с подобными композициями пока не встречены. Скорее всего роспись этих чаш как-то связана с магией погребальных обрядов, но тем не менее важно подчеркнуть, что при этом важное значение придается изображениям таких существ, как козлы, птицы, рыбы и скорпионы. Встречаются изображения животных в различных вариантах на керамике Халафа, характерной для племен северной Месопотамии послехассунского периода. Здесь вся керамика явно бытовая и изображения на ней животных или их частей скорее всего подобно кара-депинской посуде играли роль оберега. На керамике поселения Телль-Халаф мы находим различные изображения птиц, в том числе взлетающих аистов, змею, рыбу, четвероногое животное, возможно кулана или осла, и быков с подогнутыми ногами, видимо изображенных лежащими.⁴¹ Хотя целых фигур козлов не сохранилось, но на одном из обломков керамики

⁴⁰ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood, E. Tulané, A. L. Perkins. New chalcolithic material of samarran type and its implications. JNES, v. III, № 4, 1944, motifs 261—263, 267—273, 280, 291.

⁴¹ M. F. Oppenheim. Tell Halaf, Bd. I, Berlin, 1943. Taf. V, 2; LVI, 3; LVII, 10, 11; LVIII, 1, 7, 10; C, 5.

имеется изображение рогов,⁴² несомненно принадлежащих этому животному. Особой популярностью у халафских гончаров пользовались изображения быков, но не целых фигур, а одних лишь голов (так называемый мотив букидания), которые, будучи в разной степени схематизированными, широко представлены на халафской посуде (рис. 77), тогда как рисунки других животных, как правило, единичны.

Раскопки в Арпачие, где удалось наметить внутреннюю стратиграфию халафской керамики, показывают, что рисунки животных относятся к раннему этапу ее развития.⁴³ Здесь, помимо традиционной халафской букидации, можно видеть птиц, змею, пятнистых животных, вероятно барсов, и рогатых четвероногих, судя по рогам — ланей или газелей.⁴⁴ Позднее сохраняется один лишь мотив букидания, разные степени стилизации которого детально прослежены исследователями.⁴⁵ Голова быка имеется и среди амулетов, найденных на Арпачие. Естественно, что столь большое значение быка в халафской керамике⁴⁶ привлекло внимание исследователей, которые полагали, что данный символ связан с мужским божеством — покровителем скотоводства,⁴⁷ хотя, как отмечают палеозоологи, пока нет данных, свидетельствующих о разведении халафскими племенами крупного рогатого скота в сколько-нибудь больших масштабах.⁴⁸ В этой связи вполне закономерен вопрос, не являлся ли бык ведущим тотемом охотников равнин, подобно тому как у потомков горных охотничьих племен особенной популярностью пользовался образ горного козла. Вполне вероятно, что бык был символом могущественного племенного союза, оставившего культуру Халафа, аналогично тому, как длинный дом являлся символом ирокезского союза. Интересно отметить, что бык был весьма популярным в религиозных представлениях малоазийских и балканских племен,

⁴² Там же, табл. LVII, 10.

⁴³ M. E. Mallowan, J. C. Rose. Prehistoric Assyria. Excavations at Tall Arpachiyah. London, 1935, pp. 163—165; CAEM, p. 19.

⁴⁴ M. E. Mallowan, J. C. Rose. Prehistoric Assyria, fig. 77, 1—5, 8, 9.

⁴⁵ Там же, стр. 154 и сл.

⁴⁶ Мотив букидания появляется и на керамике сирийских поселений, испытавших халафское влияние. См.: R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the plain of Antioch I. The earlier assemblages. Phases A—J. OIP, v. LXI, Chicago, 1960, p. 146; C. F. A. Schaeffer. Ugaritica, I. Bibliothèque archéologique et historique, t. XXXI, Paris, 1939, p. 8.

⁴⁷ M. E. Mallowan. Twenty-five years of Mesopotamian discovery. London, 1956, p.

⁴⁸ C. A. Reed. A review of the archeological evidence of animal domestication in the prehistoric Near East. In: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31, Chicago, 1960, p. 143.

испытавших несомненное влияние высокоразвитых оседлоземельских культур Древнего Востока, причем первая прослеживаемая волна такого влияния связывается как раз с воздействием халафской культурной общности.⁴⁹

Позднее, с распространением в северной Месопотамии убейдского влияния, мотив букраний почти совершенно исчезает из росписи на керамике. На посуде северного Убейда в отличие от основной массы южноубейдской керамики эпизодически встречаются фигуры птиц, рыб, козлов, возможно пятнистых барсов,⁵⁰ но они не являются сколько-нибудь типичным элементом орнаментальных композиций. Вместе с тем в связи с нашей темой значительный интерес представляют изображения на печатях северного Убейда, известных как по самим печатям, так и по их оттискам, обнаруженным в Гавре⁵¹ и в верхних слоях Арпачии.⁵² Пуговицеобразные печатки с простым геометрическим орнаментом впервые появляются еще в сиро-киликийском неолите и весьма характерны для халафских комплексов. Наличие оттисков на глине показывает, что эти изделия являлись не только амулетами, как полагают некоторые исследователи, но и служили именно в качестве печатей. Глиняные буллы с оттисками этих печатей, по мнению М. Мэллоуна, прикреплялись к горлу суда. Изображений живых существ на достоверных печатях халафского времени пока неизвестно.⁵³ На печатях времени северного Убейда положение существенно меняется. Здесь мы видим и одиночных животных, и группы, и сцены с участием людей. При этом в Гавре, где находки особенно многочисленны (около 600 печатей), решительно преобладают печати с изображениями животных, которым в численном отношении уступают даже печатки с геометрической орнаментацией. При этом наиболее распространены печати с одиночными фигурами животных (рис. 70).

⁴⁹ См. стр. 408.

⁵⁰ A. T o b l e r. Excavations at Tepe Gawra, v. II, Philadelphia, 1950, pl. XXV, C; CXXIV, 123; CXXXV, 265; CXLIX, 444—446; CL, 461—463. Большой интерес представляет урна из погребения в слое Гавра XII, где изображена сложная сцена, напоминающая повествовательную пиктографию североамериканских индейцев (A. T o b l e r. Excavations..., pl. LXXVIII). Сохранение в северном Убейде зооморфных мотивов является скорее всего одним из проявлений халафских традиций этого комплекса. См. ниже, стр. 412.

⁵¹ Там же, стр. 185—190.

⁵² M. E. M a l l o w a n, J. C. R o s e. Prehistoric Assyria, pp. 98—99.

⁵³ А. Тоблер датирует временем позднего Халафа оттиск с изображением оленя, найденный в зоне «А» (A. T o b l e r. Excavations..., p. 186), но, как отмечает А. Перкинс, этот оттиск вполне может быть и убейдским ввиду некоторой нечеткости стратиграфии (САЕМ, р. 34). М. Мэллоун относит к халафскому времени печать с изображением кабана, обнаруженную в убейдских слоях Арпачии, но не приводит аргументации в пользу подобного заключения.

Чаще всего это козел, иногда стоящий, иногда с поджатыми ногами. Встречаются также олени, муфлон и в одном случае собака. Последняя была обычна для массовых сцен. Одиночные животные характерны и для убейдских печатей Арпачии. Здесь опять-таки первое место занимает козел, но можно определить также кабана, оленя и, возможно, газель. Естественно возникает вопрос, почему в качестве символа собственности выбраны именно дикие животные. Нам представляется, что это магическое значение

Рис. 70. Печати Гавры с изображениями животных.

оберега, связанное с образом животного, восходит, так же как и роспись на среднеазиатской керамике, к тотемическим представлениям охотничьих племен. Разумеется, едва ли можно говорить о реальном сохранении тотемических представлений в пору северного Убейда с его высокоразвитой оседлоземледельческой культурой и монументальными храмами. Однако сохранение старых священных символов как магических знаков или как своеобразных гербов вполне допустимо. Отметим, что, например, у ирокезов XVII—XVIII вв. с животными-предками, изображаемыми в качестве символов на домах, уже не связывалось каких-либо особых обрядов и церемоний. Это были своеобразные гербы-наименования, представляющие собой весьма слабые пережитки тотемизма.⁵⁴ Семантика северомесопотамских печатей представляет большой интерес в сопоставлении с этнографическими материалами. Как известно, в первобытном обществе личная или

⁵⁴ Народы Америки, полутом I, стр. 213—214.

семейная собственность охраняется религиозными запретами. Знаки, обозначающие табу, чертятся краской или вырезаются на предметах, находящихся в собственности тех или иных лиц или объединений. Так, у эскимосов родственные группы метили свою собственность знаками в виде прямых или ломанных линий,⁵⁶ что близко напоминает простой геометрический рисунок сирокилийских или халафских печатей. Как отмечалось выше, индейцы северо-запада США вырезали на домах, лодках, масках, орудиях, боевых панцирях изображения тотемов, что закрепляло право собственности. Так магия отживших или отживающих религиозных представлений ставилась на службу новому порядку вещей.

Позднее в северной Месопотамии рисунки животных распространяются в начале III тыс. до н. э. на керамике типа Ниневия⁵⁷. Здесь изредка встречаются рыбы, но наиболее обычны птицы различных типов и поз, козлы, часто с гипертрофированно длинной шеей, в том числе коза с козленком. Как и у земледельцев юго-запада Средней Азии, птицы и козлы оказались наиболее стойкими мотивами зооморфной орнаментации.

На юге Месопотамии изображения животных на расписной керамике представлены в меньшем числе. Их совершенно нет на посуде древнейших земледельцев Эреду, и они нехарактерны для керамики южного Убейда, где решительно преобладают геометрические орнаменты. Исключение составляют несколько черепков с изображениями козлов и птиц из Телло⁵⁸ и немного более обширная коллекция из Телль-Укайра.⁵⁹ Последний является наиболее северным памятником южного Убейда, и, возможно, здесь уже сказалась северомесопотамские влияния. Печати и цилиндры южной Месопотамии, известные в большом числе, начиная со времени Урука,⁶⁰ как правило, передают более сложные сцены и сюжеты, чем печатки Гавры и Арпачии. Правда, на овальных печатках из Урука иногда встречаются изображения одиночных козлов, подобно тому как это отмечали для убайдской Гавры. На цилиндрах же мы видим иллюстрации к мифологическим сюжетам, бытовые сцены, зверей, ведущих жизнь людей, и т. п. Большое место занимает тематика выпаса и охраны

⁵⁶ Там же, стр. 125.

⁵⁷ M. E. Mallowan. The prehistoric sondage of Nineveh, 1931—1932. LAAA, v. XX, 1933; CAEM, p. 164, fig. 19.

⁵⁸ A. Parrot. Archéologie mésopotamienne. Technique et problèmes. Paris, 1953, p. 186; H. de Genouillac. Fouilles de Telloh, t. I, Paris, 1934, pl. 29, 1a; 32, 2d; 34, 2a.

⁵⁹ CAEM, p. 82.

⁶⁰ А. Перкинс отмечает, что в южном Убайде известно всего 5 печаток — 1 в Телло и 4 в Телль-Укайре (халафское влияние?). См.: CAEM, p. 86. Быть может, в южной Месопотамии печати первоначально изготавливались из менее прочных материалов, чем камень.

стад, становящаяся традиционной в месопотамской глиптике. Все, что мы знаем о шумерской мифологии, свидетельствует о том, что перед нами общество земледельцев и скотоводов,⁶⁰ далеко ушедшее от той архаической ступени развития, которая характеризуется тотемическими воззрениями. Мифы о происхождении людей имеют уже сложный космогонический характер, множество преданий и легенд связано с земледелием, специальный миф посвящен созданию мотыги и многообразию ее достоинств.⁶¹ В этих условиях довольно сложных религиозных воззрений тотемические представления отступают на второй план и проявляются лишь в пережиточной форме. Возможно, некоторые из традиционных сцен, украшающих цилиндры времени Урука и Джемдет-Насра, сложились еще в пору господства присвоившего хозяйства. Таковы, возможно, некоторые сцены охоты, о симпатической магии которых писал еще Г. Контено.⁶² На одной из печатей, найденной в Уре, мы видим изображение рыбы, пойманной в сеть.⁶³ Магический характер подобного изображения также достаточно прозрачен (возможно, это печать общины рыбаков). Наконец, многие животные, участвующие в религиозных сценах, явно попали в религиозный пантеон через посредство воззрений, близких тотемизму. Широко распространены изображения козлов, иногда выступающих в качестве охранителей священного дерева. Иногда козлы или газели идут вереницей, а над животными мы видим изображения розетки или солнечного диска,⁶⁴ как бы подчеркивающего их священный характер. Подобные сцены особенно характерны для цилиндров джемдет-насрского стиля.⁶⁵ Имеются, правда, сравнительно редкие цилиндры, где вообще изображен один козел в окружении розеток и растительного орнамента.⁶⁶ Довольно обычен орел с распластанными крыльями, т. е. в позе, характерной для расписной керамики Ирана

⁶⁰ И. М. Дьяконов. S. N. Kramer. Sumerian Mythology. 1944. [Рец.]. ВДИ, 1947, № 2, стр. 110.

⁶¹ S. N. Kramer. Sumerian Mythology. New York, 1961, pp. 51—53. Миф этот, видимо, весьма ранний, поскольку уже на урукских табличках мы находим изображение плуга.

⁶² G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, t. IV, Paris, 1947, pp. 1995—1996.

⁶³ L. Legrain. Archaic Seal-Impressions. Ur Excavations, v. III, New York, 1936, pl. 3, 44.

⁶⁴ Подобный символ (большой кружок с точками вокруг него) мы находим над животными, изображенными на халафской керамике. Весьма характерен он и для зооморфных мотивов расписной посуды иранских общин.

⁶⁵ H. Frankfort. Stratified cylinder seals from the Diyala region. OIP, v. LXXII, Chicago, 1955, pl. 5, 20; 20, 214; 79, 851; 81, 858.

⁶⁶ H. Frankfort. 1) Cylinder seals. London, 1939, pl. VI, 1; 2) Stratified cylinder seals..., pl. 10, 77, 78, 80. Первое из этих изображений, где козел имеет прямоугольное туловоице, покрытое штриховкой, близко напоминает роспись посуды типа Сиалка II.

и Средней Азии.⁶⁷ В Шумере он перерастает в образ фантастической птицы Имдугуд. Кроме того, в качестве отдельных рисунков или частей композиций фигурируют лягушки, ящерицы, амеи и скорпионы.⁶⁸ Имеется одно изображение черепахи. Известен цилиндр, где изображен один лишь скорпион с розеткой — солярным диском над ним.⁶⁹ Весьма интересны амулеты, изготовленные преимущественно из раковин и камня в виде миниатюрных фигурок животных, широко распространяющиеся начиная со времени Урука.⁷⁰ Просверленные отверстия показывают, что их носили в горизонтальном положении, употребляя, вероятно, в качестве оберега. Наряду с овцами и быками мы здесь видим львов, пятнистого барса, инкрустированного лазуритом, разнообразных птиц, кабана, рыб, лягушек и черепаху. Интересно, что рыбы наиболее обычны для поселения Хафадже, где они преобладают среди амулетов на протяжении двух периодов и часто инкрустированы,⁷¹ тогда как в Уруке встречено единственное изображение двойной рыбы. Не свидетельствует ли это о каких-то локальных различиях в распространении амулетов, изображающих живые существа? Во всяком случае наличие среди этих существ диких животных, как нам представляется, весьма интересно с точки зрения прослеживания угадающих пережитков тотемистических представлений. Интересно, что в хорошо сохранившейся стенной росписи одного из шумерских храмов конца IV—начала III тыс. до н. э. мы видим нижние части каких-то копытных животных (по одной из реконструкций — быков) и великолепные профильные изображения пятнистых барсов, являющиеся как бы прямой репликой расписной керамики Сиалка.⁷² Помещение подобных изображений в росписи храма также весьма знаменательно. В Шумере некоторые из местных божеств, видимо, получали в качестве атрибута какое-либо из тотемных животных,⁷³ что, впрочем, характерно для религий многих стран и особенно ярко проявилось в Египте. В этой связи интересно отметить, что различные животные и зооморфные существа часто встречаются и в религиозных текстах, и среди связанных с религией памятников изобразительного искусства Месопотамии. Так, например, в одной из надписей Гудеи покровительствующий ему бог Нингирсу описывается

⁶⁷ L. Legrain. Archaic seal-impressions, pl. 1, 37; 10, 213; 14, 272, и мн. др.

⁶⁸ Там же, табл. 3, 43; 13, 258; 14, 272; 15, 282—283.

⁶⁹ H. Frankfort. Stratified cylinder seals, pl. 79, 848.

⁷⁰ САЭМ, pp. 143—145.

⁷¹ Там же, стр. 145.

⁷² S. Lloyd, F. Safar. Tell Ugair. JNES, v. II, № 2, 1943, pl. XVI.

⁷³ И. М. Дьяконов. Народы древней Передней Азии. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXIX, М., 1958, стр. 16.

следующим образом: «Во сне (привидевшемся Гудею) человек один есть, подобен небу рост его, подобен земле рост его..., сбоку у него птица Имдугуд, слева и справа лев лежит».⁷⁴ В том же тексте следует не вполне ясное описание храма Нингирсу, где части здания сравниваются со священной антилопой и божественным волком.⁷⁵ Бог солнца Шамаш изображается восседающим на троне, который поддерживают полулюди-полубыки.⁷⁶ Но особенно большой интерес для нашей темы представляет один из шумерских богов космической Триады — Эа, или Энки, бог мировых подземных вод. Среди его эпитетов имеется прозвище «козел апсу», причем аккадский термин *tūraḥu* (шумерское *Šenbar*) не оставляет сомнений, что речь идет именно о горном козле. При этом и одним из символов Энки была рыба с головой козла.⁷⁷ Апсу означает мировой океан, пресноводную стихию, на которой плавает земля. Показательно, что священным городом Энки, где будто бы он сам построил храм, было Эреду, по традиции считавшееся древнейшим городом Шумера, где, кстати, обнаружен и наиболее ранний археологический материал, характеризующий освоение земледельцами южного Двуречья. Нет ничего удивительного в том, что именно в Эреду, стоявшем в древности на берегу Персидского залива, получило особое значение божество мировых вод, так же как вполне логична его персонификация в образе рыбы. Эпитет же «козел апсу», так же как и появление у рыбы головы козла, как представляется, связан с пережиточными представлениями о священном козле, одном из наиболее популярных тотемов ранних земледельцев — потомков горных охотников.

Если зооморфные сюжеты нехарактерны для керамики Убейда, а в пору Урука одновременно с распространением гончарного круга исчезает и расписная посуда, то в пору Джемдет-Насра положение несколько меняется. Здесь появляется, правда в ограниченном числе, расписная керамика, и на ней в ряде случаев можно видеть рисунки животных. Это козлы, довольно многочисленные птицы, рыбы и скорпион. Имеется изображение козы с сосущим козленком, что напоминает одновременную кера-

⁷⁴ F. Thüreau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig, 1907, SS. 92—94. Перевод аккадского текста любезно сделан В. К. Афанасьевой.

⁷⁵ Там же, стр. 116. Перед волком стоит детерминатив божества. Ф. Тюро-Данжен переводил *bar-bar-ta* как «леопард», но, по сообщению И. М. Дьякова, в настоящее время принял перевод «волк».

⁷⁶ E. Hogm. Les religions de Babylone et d'Assyrie. In: Mana. Introduction à l'histoire des religions. Les anciennes religions orientales, t. II, Paris, 1949, p. 63.

⁷⁷ Там же, стр. 32—33.

мику северной Месопотамии типа Ниневии 5. Как отмечалось выше, и там козлы и птицы были наиболее популярными в зооморфной росписи.

В связи с возможным переживанием внешних форм тотемических мистерий и обрядов, что требует, конечно, специального исследования, можно обратить внимание на один факт, относящийся к поре существования в Шумере убейдской культуры, керамика которой столь явственно чуждается зооморфной тематики. Хорошо известные женские и мужские статуэтки этого времени, происходящие из раскопок Эреду и Ура, имеют явно не человеческие лица. Одни исследователи пишут о головах монстров,⁷⁸ другие осторожно называют их головами ящериц.⁷⁹

Н. Д. Флиттнер предполагала, что здесь изображена морда лягушки и что женские статуэтки скорее всего изображают богиню-мать, символ плодородия, к какому толкованию «подошел бы и облик плодовитой лягушки».⁸⁰ Подобная семантика представляется несколько натянутой, тем более что теперь, после раскопок в Эреду, известны и мужские фигуры аналогичного типа (рис. 71). П. П. Ефименко в неопубликованной статье пришел к выводу, что головы эти скорее всего черепаши и что подобное странное сочетание является одним из свидетельств переходного тотемизма. Действительно, как мы видели, черепаха из-

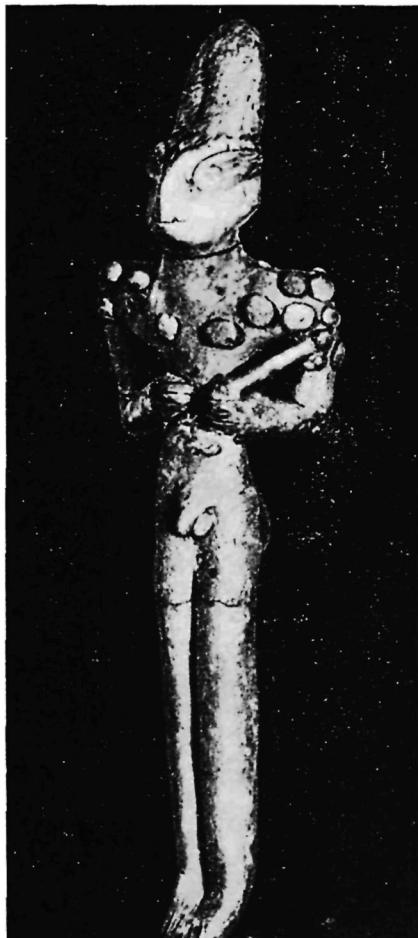

Рис. 71. Мужская фигура с головой животного (южный Убейд).

⁷⁸ A. Parrot. Archéologie mésopotamienne, p. 189.

⁷⁹ S. Lloyd, F. Safar. Eridu. Sumer, v. IV, 1948, p. 118. А. Перкинс отмечает, что эти головы явно напоминают каких-то рептилий.

⁸⁰ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М., 1958, стр. 58.

вестна по изображениям на печатях южного Двуречья; встречаются и амулеты в виде черепахи. Вполне допустимо, что черепаха в первой половине IV тыс. до н. э. сохранила значение племенногоtotема, а сами статуэтки или связаны с тотемическими мистериями, или, что представляется более вероятным, атрибуты totема переходят на антропоморфные божества. Добавим, что черепаха придается особое значение и на расписной керамике Элама.

В заключение следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. В первой части списка правителей I династии Киша, которой приписывалась гегемония над всем Шумером, помещены явно мифические правители, будто бы правившие по нескольку сот лет. Как отметил И. М. Дьяконов, среди них имеются лица с аккадскими именами: Калумум, Зукакипум, Арвиум, сын газели, что соответственно означает «ягненок», «скорпион», «самец газели». Возможно, имеется и шумерское имя «скорпион». И. М. Дьяконов вполне обоснованно предполагает, что это племенные или родовые totемы.⁸¹ И газель, и скорпиона мы уже неоднократно встречали выше, как в росписи на керамике, так и среди изображений на печатях. Вполне вероятно, что в ландшафтных условиях Месопотамской низменности это были широко распространенные totемы.

Весьма обычны рисунки животных на расписной керамике раннеиземледельческих племен Ирана. Как и в Месопотамии, здесь наиболее древняя посуда украшена несложной геометрической орнаментацией и лишь позднее появляются различные зооморфные мотивы. Достаточно наглядно это выступает на материалах, характеризующих культуру центральноиранской группы племен.⁸² Здесь в таком раннем комплексе, как Сиалк I, зооморфные сюжеты отсутствуют совершенно. Однако уже в слоях Сиалк II появляются первые изображения живых существ. Это птицы на вытянутых ногах с длинными шеями, возможно журавли или аисты, и козлы, изображавшиеся в двух различных стилистических манерах: схематической, с заштрихованным туловищем, и более реалистической, с туловищем, передаваемым сплошной заливкой и иногда с подчеркиванием бугристости рогов. Среди изданных материалов комплекса Сиалк II имеется 8 образцов керамики с изображением птиц и 21 с рисунками козлов. На одном из черепков изображена голова еще какого-то животного, по мнению Р. Гиршмана — кабана.⁸³

⁸¹ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 167.

⁸² R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938; E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.

⁸³ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, p. 29, pl. XLVII, B. 10.

Сиалк II является лишь первым шагом на пути к расцвету зооморфной тематики в комплексе Сиалк III, где первое место среди рисунков различных животных по-прежнему занимают козлы. Изображения козлов с заштрихованным туловищем исчезают, решительно господствуют реалистические, преимущественно профильные рисунки, часто отличающиеся значительной экспрессией и динамизмом. Характерной особенностью является помещение какого-либо дополнительного элемента над фигурой козла, внутри преувеличенно закрученных рогов. Возможно, эти изображения подчеркивали особое значение рисунка этого животного. Среди этих дополнительных элементов можно отметить розетку, крест, солярный диск с шахматным заполнением, фигуру птицы. Птицы занимают большое место в тематике расписной керамики и как самостоятельный элемент. Так, имеются предельно схематизированные рисунки птиц, характерные для ранних этапов Сиалка III и генетически связанные с орнаментикой комплекса Сиалк II. Однако преобладают более реалистические изображения, среди которых наряду с длинноногими фигурами можно видеть и птиц с тяжелым, массивным туловищем (дроф?), и хищных орлов в уже знакомой нам геральдической позе, с распластертыми крыльями.⁸⁴

Вместе с тем появляется и целый ряд новых животных, ранее неизвестных в орнаментике глиняной посуды, изготавливавшейся обитателями Сиалка. Это олени с ветвистыми рогами, барсы, преимущественно с подчеркиванием пятнистой шкуры, змеи и, наконец, быки с загнутыми вперед рогами и длинным хвостом, заканчивающимся кисточкой. Единичными образцами представлены рисунки ослов или лошадей, черепах, скорпиона и львов (рис. 72). Следующий подсчет изданных образцов может дать представление о соотношении отдельных групп животных: козлы — 75, птицы — 56, быки — 30, змеи — 23, барсы — 22, олени — 5.

Все эти животные изображены преимущественно в горизонтальных фризах идущими друг за другом, хотя в ряде случаев каждая фигура помещена в обособленное панно. Иногда несомненно передаются какие-то сюжетные сцены: изображаются люди с лошадьми и с солярным диском, барс, нападающий на козла, но такие образцы сравнительно редки.⁸⁵ Животные, идущие по кругу в бесконечном раппорте, составляют, так же как на кара-депинской посуде, один из основных мотивов расписной керамики Сиалка III.

⁸⁴ Р. Гиршман полагает, что можно определить также изображения гусей, уток и ястреба (R. G i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. I, p. 50), что, однако, не может считаться точно установленным.

⁸⁵ Весьма сложная сцена с участием козлов, змей, птиц и неясных символов помещена на двух крупных сосудах, напоминая, подобно сосуду из Гавры, пиктографические сцены-рассказы (R. G i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. I, pl. LXV, S. 121).

В Гисаре, представлявшем собой по сравнению с Сиалком менее значительное и как бы провинциальное поселение, зооморфный набор более беден. Однако наиболее характерные животные — козлы, барсы и птицы — здесь все-таки есть. Первое место в количественном отношении занимают козлы, как и в Сиалке, за ними — пятнистые барсы, и лишь на отдельных черепах имеются рисунки птиц. В центральном Иране за периодом расцвета зооморфной орнаментации следует этап ее упадка. Так, в Гисаре расписная посуда вытесняется черной и серой керамикой, иногда украшенной геометрическим орнаментом, передаваемым лощением, но изображения животных здесь отсутствуют. В Сиалке местный комплекс сменяет керамика, находящая ближайшие параллели в Эламе и лишенная зооморфных изображений. Вместе с тем на цилиндрах Сиалка IV мы видим сцены, как бы повторяющие роспись посуды типа Сиалка III.⁸⁶ Это птицы и козлы, сопровождаемые, как и на керамике, изображениями розеток.⁸⁷ Правда, следует иметь в виду, что таковы же изображения на упоминавшихся выше цилиндрах джемдет-насрского стиля.

Зооморфная орнаментация керамики западнозагорских племен во многом аналогична материалам Сиалка. В комплексе Гиян V⁸⁸ мы видим и козлов (33 образца), и птиц (11 образцов), и пятнистых барсов (1 образец). В одном случае в завитке козлиных рогов помещена птица, на другом образце птицы помещены рядом с солярными дисками, подобно тому как это мы наблюдали на кара-депинской керамике. На печатках, происходящих из слоя Гиян V, в ряде случаев мы видим одиночные изображения живых существ. В одном случае это скорпион и в четырех случаях — козел, сопровождаемый на одной печати рисунком звезды.⁸⁹ Возможно, на расписной керамике Гияна V имелись и рисунки быка с загнутыми вперед рогами.⁹⁰ Тех же основных животных — козлов, птиц и пятнистых барсов — мы находим и на посуде других поселений западнозагорских племен.⁹¹

Третья группа раннеземледельческих племен Ирана — эламская, или сузианская — в значительной мере повторяет, как отмечалось выше, эволюцию культуры южного Двуречья. В известном смысле это проявляется и в динамике зооморфной тематики. Исключение составляют лишь ранние этапы, характеризующиеся

⁸⁶ R. Ghirshman. Iran. London, 1954, p. 49.

⁸⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, pl. XCIV, S. 25, S. 48.

⁸⁸ G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles du Tépé Giyan. Paris, 1935.

⁸⁹ Там же, табл. 33, 17, 27, 28, 38, 44.

⁹⁰ Там же, табл. 51.

⁹¹ A. Stein. Old routes of Western Iran. London, 1940, pl. XI, 6, 16; XII, 6.

Юго-запад Средней Азии		Центральный Иран		Западный Загрос		Сузана		Юго-восточный Загрос	
Намазга III		Сиалк III		Гиян V		Сузы A (I) Бендебаль		Тали-Бакун A	
Козлы/		43%		34%		73%		Много	
Птицы/		15%		25%		25%		Много	
Барсы		40%		10%		2%		Мало	
Кошачий рогатый скот		1%		14%	?	—	—	—	
Бараны/	—			Мало	—	—		Мало	
Собаки	—		—	—	—	—		Много	
Орлы		1%		Редко	—	—		Мало	
Змеи	?		—	9%	—	—		Мало	
Ослы (лошади)	—			Мало	—	—		Мало	—
Рыбы	—		—	—	—	—		Мало	
Олени	—			Мало	—	—		Мало	—
Черепахи	—			Мало	—	—		Мало	—
Скорпионы	—			Мало	—	—		Мало	

Рис. 72. Типы животных на керамике Средней Азии и Ирана, IV—III тыс. до н.э.

в южном Двуречье керамикой Эреду и Убейда, с господством геометрической орнаментики. В Сузиане наиболее ранняя посуда в имеющихся материалах представлена тоже лишь керамикой с геометрическими рисунками (комплекс Джанарабад). Однако в следующих за Джанарабадом комплексах Джови и Бендебаль рисунки живых существ уже становятся вполне обычным элементом орнаментальных композиций и схем.⁹² Это прежде всего козлы и птицы, в том числе рисунки летящих птиц. Вместе с тем имеются изображения и каких-то хищников, причем, судя по пятнистому туловищу, в одном случае нарисован несомненно барс. Интересно, что над головой барса помещен зубчатый диск, возможно являющийся символом солнца.⁹³ Единственными образцами представлены изображения рыб, но, как и повсюду в Иране, козлы решительно преобладают в количественном отношении. Козлы и птицы — наиболее распространенный сюжет и в расписной керамике из мусиансской группы памятников, где, кроме того, отмечены единичные черепки с рисунками насекомых и предельно схематизированных пятнистых барсов.⁹⁴

Дальнейшим развитием этой зооморфной орнаментики является превосходная расписная керамика типа Суз I, или Суз А — по новой терминологии.⁹⁵

В настоящее время не остается сомнений, что сосуды с изображениями животных в равной степени характерны и для погребального инвентаря, и для находок в культурном слое, заполняющем жилые дома. Однако возможно, что помещению в могилы сосудов с определенной тематикой росписи придавалось особое значение. Это касается прежде всего росписи на внутренней стороне открытых чаш, характерных, как отмечалось выше, и для некрополя Самарры. Весьма показательны для этого некрополя чаши с крестовидной фигурой в центре, образованной четырьмя геометризированными туловищами козлов. На дне чаш из могильника Суз мы находим ту же крестовидную фигуру, но уже утратившую элементы, указывающие на ее связь с козлами (рис. 73). Этот крест, как правило, является центром композиции, образованной концентрическими кругами из птиц, козлов и собак. Интересно, что этот центральный крест заменяется в одном случае

⁹² L. Le Breton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse. MDP, t. XXX, Paris, 1947.

⁹³ Там же, рис. 41, 10.

⁹⁴ J. E. Gautier, G. Lampre. Fouilles de Moussian. MDP, t. VIII, Paris, 1905, p. 122, fig. 236—237; p. 130, fig. 252.

⁹⁵ E. Pottier. Etude historique et chronologique sur les vases peints de l'Acropole de Suse. MDP, t. XIII, Paris, 1912; R. de Mecquenem. Catalogue de la céramique peinte susienne conservée au Musée du Louvre. MDP, t. XIII, Paris, 1912; L. Le Breton. Note sur la céramique...; G. Contenau. The early ceramic art. SPA, v. I, London—New York, 1938.

Рис. 73. Расписные чаши Самарры (вверху) и стиля Сузы А (внизу).

рисунком собак, заключенных в рамку, в другом — изображением черепахи, также помещенным в обособленное панно.⁹⁶ Несомненно, что в данном случае рисунку черепахи придавалось особое значение (рис. 73). Мы видели, что в Месопотамии встречаются амулеты, сделанные в виде черепахи, а убейдские фигурки мужчин и женщин имеют черепашью голову.

Состав животных, изображаемых на керамике типа Суз А, в основном сходен с картиной, наблюдавшейся на других иранских памятниках. Здесь мы видим козлов с подчеркнутыми загнутыми рогами, в овале которых помещены различные символы (диск и ромб с шахматным заполнением, диск с веткой растения, собака). Весьма многочисленны птицы, как идущие, с голенастыми ногами и длинной шеей, так и летящие, среди которых есть несомненные орлы. Вместе с тем весьма распространены изображения собак, что несколько выделяет расписную посуду Суз. Одиночными образцами представлены олени, бараны,⁹⁷ скорпионы, рыбы и ослы или лошади.

Позднее, с распространением посуды, сделанной с помощью гончарного круга, в Эламе, как и в Месопотамии, роспись на сосудах почти полностью исчезает. Как бы возрождением старых традиций является керамика типа Суз II (Суз D), где опять появляются рисунки козлов, быков, рыб и птиц, в том числе и рисунки птицы с распластертыми крыльями, прототипа шумерской Имдугуд. Имеются в Эламе и печатки с изображениями одиночных фигур животных, преимущественно козлов,⁹⁸ и амулеты, сделанные в форме зверей.

Ширазская группа раннеземледельческих племен Ирана, известная главным образом по материалам из раскопок Тали-Бакуна,⁹⁹ также характеризуется широким распространением зооморфной орнаментации, в стилистическом отношении имеющей много общего с керамикой эlamских памятников. Наиболее популярен был образ козла. Его изображения встречаются во всех слоях Тали-Бакуна, причем внутри овала гиперболизированно закрученных больших рогов помещались, как в Сузах и Сиалке, различные символы: крест, решетка, орел, возможно собака, летящая птица. Второе место после козла занимает баран, которого Д. Мак-Каун называет мифлоном и отличает от козлов по закру-

⁹⁶ MDP, t. XIII, Paris, 1912, pl. XVII, 2, 3.

⁹⁷ Если считать баранами животных, у которых рога на рисунке загнуты в разные стороны. См.: L. Le Breton. Note sur la céramique . . . , fig. 50, 4.

⁹⁸ G. Jequier. Cachets et cylindres archaïques. MDP, t. VIII, pt. 3, Paris, 1905, fig. 3, 4; L. Le Breton. The early periods at Susa, Mesopotamian relations. Iraq, v. XIX, pt. 2, 1957, fig. 15, 5.

⁹⁹ A. Langdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. OIP, v. LIX, Chicago, 1942.

глению рогов в противоположные стороны.¹⁰⁰ Вместе с тем птицы, среди которых имеются водяная дичь и орлы, изображались сравнительно редко, так же как и собаки. Единичными находками представлены рисунки быков, змей, рыб, каких-то насекомых, газелей и, возможно, свиньи. Важно подчеркнуть, что единичными экземплярами характеризуются и изображения пятнистых барсов.

Эволюция зооморфных мотивов на расписной керамике раннеzemледельческих племен Афганистана и северо-западной Индии обнаруживает ряд общих черт с явлениями, наблюдаемыми на материалах Ирака, Ирана и юго-запада Средней Азии. В дохараапский период на севере Белуджистана, как показали стратиграфические наблюдения Е. Росса и Ферсервиса,¹⁰¹ древнейшая расписная керамика была украшена несложными геометрическими рисунками. Лишь позднее, в комплексе Рана-Гхундай II, появляются первые изображения животных. Сами по себе эти изображения довольно схематичны и в композиционном отношении близко напоминают роспись посуды иранских и среднеазиатских памятников: фигуры животных вытянуты цепочкой, повторяясь в монотонном раппорте. Однако сам состав этих животных весьма примечателен: это горбатый индийский бык и антилопа с ветвистыми рогами. Ни козлов, ни птиц, столь характерных для Месопотамии, Средней Азии и Ирана, здесь нет.

Более широко зооморфные мотивы распространены на посуде северобелуджистанских племен уже в хараппский период. В это время состав изображаемых животных становится более разнообразным, хотя с небольшими вариациями повторяется у различных племенных групп. Зооморфные мотивы на посуде кветтских племен отличаются значительным реализмом, хотя и несут отпечаток стилизации. Здесь мы опять встречаем быков, в том числе и горбатых быков, столь типичных для Индии. Кроме того, появляются рыбы, птицы с массивным туловищем, напоминающие дроф, и, судя по отдельным фрагментам, козлы, в том числе с такой типичной для иконографии иранских памятников чертой, как бугристые рога.¹⁰²

Близки Кветте по стилю изображения рисунки животных на керамике кандагарских племен южного Афганистана.¹⁰³ Однако

¹⁰⁰ Там же, стр. 53.

¹⁰¹ E. J. Ross. A chalcolithic site in Northern Baluchistan. JNES, v. V, № 4, 1946; W. A. Fairservis. 1) Excavations in the Quetta valley. New York, 1956; 2) Archaeological surveys in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan. Antr. Papers of the Amer. Museum of Natural History, t. 47, New York, 1959.

¹⁰² W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta valley, p. 308, fig. 438.

¹⁰³ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, vv. I—II, MDAFA, t. XVII, Paris, 1961.

состав изображаемых живых существ здесь несколько иной. Первое место занимают козлы и птицы, среди которых преобладают дрофы кветтского типа. Козлы и птицы появляются очень рано на посуде из Мундигака¹⁰⁴ (рис. 74). Наоборот, бык зебувидной породы отмечен лишь в одном случае. Рыбы напоминают изображения кветтской керамики, но в отличие от Кветты в Мундигаке имеются изображения хищников кошачьей породы, в том числе пятнистых барсов,¹⁰⁵ а на одном из сосудов как будто изображен скорпион.¹⁰⁶ Еще более «иранизирован» состав животных, изображавшихся на керамике Сеистана, где известны рисунки лишь козла и змеи.¹⁰⁷

Южнобелуджистанские материалы поддаются менее четкой хронологической детализации, чем памятники более северных районов. В дохараапском комплексе Амри известны изображения козла и быка на расписной керамике. В таких комплексах хараапского времени, как Нал, Нундара, Кулли, мы довольно часто встречаем посуду с изображениями животных.¹⁰⁸ Здесь, судя по наблюдениям де Карди, довольно рано появляются изображения козлов, быстро схематизирующиеся и превращающиеся в условный орнамент из рядов загнутых рогов. На превосходной посуде из могильника Нал мы находим рыб, птиц, козлов, быков, львов и, что весьма интересно, даже крылатого грифона. Имеется здесь и скорпион. На других памятниках южного Белуджистана встречается керамика с изображениями коров, птиц, рыб и горбатых быков. Особенно интересны фризы на сосудах комплекса Кулли, представляющие собой, по остроумному замечанию С. Пиггота, как бы прокатку цилиндра зооморфного сюжета. Здесь среди деревьев расположены массивные фигуры горбатых быков. Под ногами быков вересницы миниатюрных козлов. Некоторые из рисунков над быками, возможно, означают летящих птиц (рис. 53).

На керамике самой хараапской культуры изображения животных сравнительно редки. Это козлы, птицы в окружении растительности и рыбы, иногда изображаемые глотающими приманку. Нет данных, свидетельствующих в пользу заключения, что перед

¹⁰⁴ Козел появляется на посуде уже в дохараапском слое Мундигак I, а птица — в слое Мундигак II. Расцвет зооморфной орнаментики относится к слою Мундигак IV, одновременному хараапской культуре.

¹⁰⁵ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 63, 159—162; на одном из сосудов как будто изображены львы.

¹⁰⁶ Там же, рис. 99, 381.

¹⁰⁷ W. A. Fairservis. Archeological studies in the Seistan basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran. New York, 1961, p. 111, fig. 94; p. 114, fig. 123; p. 115, fig. 142.

¹⁰⁸ N. C. Majumdar. Explorations in Sind. MASI, № 48, 1934; H. Hargreaves. Excavations in Baluchistan 1925. Sampur Mound. Masting and Sohr Damb, Nal. MASI, № 35, 1929; A. Stein. An archaeological tour in Gedrosia. MASI, № 43, 1931; B. de Cardi. New wares and fresh problems from Baluchistan. Antiquity, 1959, № 129.

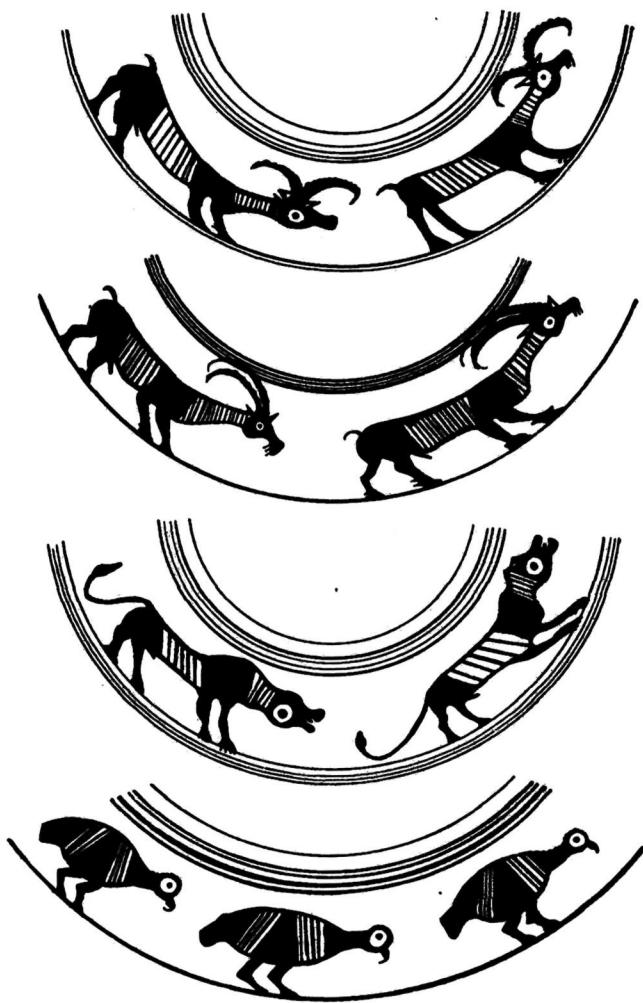

Рис. 74. Изображения животных на керамике из слоя
Мундигак IV.

вами не декоративная роспись, а рисунки, обладающие каким-либо магическим значением.

Иначе обстоит дело со знаменитыми харапскими печатями, на которых, как правило, изображено одно животное, сопровождаемое короткой строчкой пиктографической надписи. Независимо от того, следует ли считать данные предметы печатями или лишь амулетами,¹⁰⁹ несомненно одно, что помещаемому на них животному придавалось какое-то особое значение. Как отмечают исследователи, это могли быть или эмблемы определенных божеств,¹¹⁰ или сами божества, сохранившие зооморфный облик.¹¹¹ Во всяком случае показательно, что почти перед всеми животными, изображенными на печатях, виден предмет, являвшийся, по различным толкованиям, либо кормушкой, либо алтарем, но во всяком случае указывающий на особое внимание, уделяемое этим животным.

Весьма показателен и состав этих животных. Первое место среди них занимает бык, имеющий благодаря профильному изображению всего один рог. По мнению исследователей, этот бык принадлежит к двум разновидностям тура. Кроме того, имеются изображения короткорогого быка, быка индийской породы с горбом и буйвола. Количество эти самцы крупного рогатого скота решительно преобладают над остальными животными. Кроме них, на печатях изображались слон, носорог и тигр. В единичных случаях встречается питающийся рыбой крокодил-гавиал и еще реже козел и антилопа. По материалам Мохенджо-Даро,¹¹² количественно изображения различных животных распределяются следующим образом: тур — 705, короткорогий бык — 60, горбатый бык — 39, буйвол — 9, слон — 32, тигр — 16, носорог — 13, козел и антилопа — 6.

Среди печатей, найденных в харапских слоях Чанху-Даро,¹¹³ на 44 изображены «однорогий» тур, на 4 — тигр, на 4 — короткорогий бык и на 1 — слон. Интересно отметить, что одиночные изображения животных встречаются и на лишенных надписей круглых печатях постхарапской культуры Джхукара. В одном случае это козел, в другом — носорог.¹¹⁴

¹⁰⁹ Часто отмечается, что в отличие от Месопотамии в Индии почти нет оттисков этих печатей (Г. Чайлд. Древнейший Восток . . . , стр. 275—276), но эти оттиски неизбежно делались на таких хорошо сохраняющихся материалах, как глина.

¹¹⁰ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 66.

¹¹¹ J. Marshall and oth. Mohenjo-Daro and the Indus civilization, v. II, London, 1931, p. 392.

¹¹² Там же, pp. 382—389; E. Mackay. Further excavations at Mchenjo-Daro, 1927—1931, vv. I—II, New Delhi, 1938, pp. 326—332.

¹¹³ E. Mackay. Chanhу-Daro excavations. New Haven, 1943, pp. 142—147.

¹¹⁴ Там же, табл. L, 1, 4a.

Воспроизведение на харапских печатях именно животных, в том числе и несомненно диких, со стоящими перед ними алтарями или кормушками, не оставляют сомнений в особом смысле, вкладывавшемся в эти изображения (рис. 75). К этому следует добавить, что трудно судить, изображены ли на печатях домашние быки и буйволы или их дикие сородичи. Уже Д. Маршалл высказал предположение, что мы имеем в данном случае дело с реликтовыми пережитками угасающего тотемизма.¹¹⁵ Действительно, если обратиться к этнографии отсталых лесных племен Индии, принадлежащих преимущественно к дравидоидной лингвистической группе, то здесь тотемные названия родов распространены весьма широко.¹¹⁶ Среди этих тотемов есть Тигр, Рыбы, Павлин, Слон, Корова, Буйвол, Змея, Шакал, Крокодил, Лев, Чепраха, Скорпион, Бык, Собака, Ящерица и т. д. Некоторые из тотемных названий, как например «плуг», явно позднего происхождения. Но сам состав тотемных имен у лесных охотничьих племен весьма показателен. Аналогичными могли быть тотемы и у древних охотников, добывавших, как мы знаем по раскопкам гуджаратских стоянок, носорогов, оленей, буйволов, черепах и рыб.¹¹⁷ Скорее всего к этим древним тотемам охотничьих племен, населявших болотистую долину Инда, где позднее возникли харапские города, и восходят изображения на древнеиндийских печатях. В таком случае не будет никакого противоречия в отмечаемом Г. Чайлдом обстоятельстве, что на печатях древней Индии нет верблюда, осла и лошади, хотя кости этих животных найдены при раскопках Мохенджо-Даро.¹¹⁸ Разумеется, не приходится ожидать сколько-нибудь стойкого сохранения в условиях раннеклассового общества самих тотемистических воззрений, и действительно на тех же печатях мы находим божества антропоморфного облика. Однако традиционные представления о сакральном значении тех или иных диких животных несомненно уходят в глубоко архаический пласт общественного сознания доземледельческого периода.

Таким образом, следует считать, что изображения диких животных на расписной керамике раннеземледельческих племен отнюдь не являются воспроизведениями охотничьих сцен, как полагало большинство исследователей. В хозяйстве оседлых земледельческо-скотоводческих общин Ближнего Востока охота, как правило, играла ничтожную роль. В зооморфной тематике расписных сосудов скорее всего можно видеть отражения тотемических представлений, о переживании которых в рассматриваемый

¹¹⁵ J. Marshall and oth. Mohenjo-Daro. . . , v. II, p. 392.

¹¹⁶ J. Frazer. Totemism and exogamy, v. III, pp. 218—278.

¹¹⁷ См. стр. 251.

¹¹⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток. . . , стр. 267.

Рис. 75. Изображения животных на печатях культуры Харappa.

период свидетельствует ряд других данных. Обратимся к более детальному рассмотрению этой проблемы.

Центральная идея тотемизма — идея о наличии группового кровного родства, выступающая в представлениях о происхождении от общего предка-тотема — исторически связана с родовой организацией, и тотемизм следует рассматривать в первую очередь как идеологическое отражение особенностей раннеродового общества.¹¹⁹ Классической страной тотемизма является Австралия с ее охотническо-собирательским хозяйством местных племен, находившихся ко времени колонизации приблизительно на стадии мезолита, если применять археологическую терминологию.¹²⁰ Тотем у австралийцев рассматривается не как божество, а как родное, близкое существо, вплоть до отождествления себя с тотемом. В тотемических мифах человек фигурирует как живое воплощение тотема, и в соответствии с этим его рождение объясняется вхождением в женщину детских зародышей-ратаапа, оставленных тотемическими предками во время их скитаний в разных местах. Священные тотемические эмблемы, так называемые чулинги (куски дерева и камни с особыми рисунками), символически отражали предания о тотемных предках. Тотемные группы имели тотемические центры, которыми являлись какой-либо водоем, скала, пещера или ущелье. Обычно в этих местах часто встречалось тотемное животное. Считалось, что здесь пребывали тотемные зародыши-ратаапа, здесь же люди прятали и чулинги. У австралийцев широко были распространены обряды, призванные способствовать размножению тотема, и обрядовые представления мифов, об этих тотемах повествующих. Имелись мифы, рассказывающие о борьбе между тотемными животными. Тотемом, как правило, становился объект, имеющийся в данной области, причем на первом месте стояли съедобные предметы. Подсчеты тотемов австралийских племен ярко показывают их зависимость от флоры и фауны той области, в которой обитало племя.¹²¹ На побережье, например, в качестве тотемов часто встречаются различные виды рыб и водяных животных, а в пустынях центральной Австралии — личинки, гусеницы, ящерицы.¹²² В этом особенно ярко выступает хозяйственная подоснова магической обрядности тотемизма.

В других областях земного шара, где этнографической наукой описаны племена, находящиеся на более высокой стадии развития,

¹¹⁹ А. Ф. Анисимов. Об исторических истоках и социальной основе тотемических верований. Вопр. истории религии и атеизма, т. VIII, М., 1960, стр. 295. Д. Е. Хайтун едва ли прав, объявляя тотемизм религией возникающего рода и отстраняясь от рассмотрения его как формы общественного сознания раннеродового общества, что отнюдь не адекватно религии (Д. Е. Хайтун. Тотемизм..., стр. 48—52).

¹²⁰ Народы Австралии и Океании. М., 1956, стр. 118.

¹²¹ Д. Е. Хайтун. Тотемизм..., стр. 31—33.

¹²² Народы Австралии и Океании, стр. 223.

чемaborигены Австралии, мы можем проследить тотемические представления на более поздних ступенях развития. Как правило, дольше всего сохраняются тотемные названия родов и племен, изображения тотемов и те или иные запреты и привилегии, связанные с тотемными животными. Так, у племен северо-западной Америки охота на определенный вид животного считалась привилегией рода, имеющего соответствующий тотем.¹²³ У алгонкинов, занимавшихся главным образом охотой и рыболовством, считалось, что индеец особенно удачлив в охоте на животное, почитаемое в качестве тотема, что при еде мяса соответствующего животного устанавливалась связь с тотемом.¹²⁴ У ирокезского общества, где основу хозяйства составляли мотыжное земледелие и охота, дополняемые рыболовством и собирательством, в XVII—XVIII вв. с животным-предком уже не связывались какие-либо особые обряды и тотемы сохранялись лишь в качестве наименований — гербов родов и племен.¹²⁵

Археологические материалы свидетельствуют, что тотемические представления появляются в пору верхнего палеолита одновременно с началом сложения родовой организации.¹²⁶ Среди древнейших изображений поры палеолита центральной фигурой является мамонт, игравший основную хозяйственную роль. Особое значение приобретают изображения животных, по крайней мере начиная с мадлена.¹²⁷ Весьма интересны изображения палеолитических жилищ в сочетании с изображением бизона, мамонта или лошади, возможно рассматривавшихся в качестве покровителей и предков людей, обитавших в данном жилище.¹²⁸ Как показывают раскопки палеолитических жилищ, над ними иногда помещался череп какого-либо животного (мамонта, овцебыка, пещерного льва),¹²⁹ вероятно являясь тотемным символом наподобие тотемных животных, чьи изображения помещались на жилищах североамериканских индейцев. К сожалению, пока отсутствуют соответствующие данные для палеолита Передней и Средней Азии, который вообще был обнаружен лишь сравнительно недавно. Как отмечалось выше, наличие в мустьевском погребении Тешик-Таша шести пар рогов горного козла несомненно свидетельствует о каком-то особом значении, придававшемся этому животному. На рукоятках жатвенных ножей, употреблявшихся

¹²³ Народы Америки, полутом I, стр. 160.

¹²⁴ Там же, стр. 186.

¹²⁵ Там же, стр. 213—214.

¹²⁶ П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957, стр. 206—207.

¹²⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 405, 408.

¹²⁸ Там же, стр. 504.

¹²⁹ Там же, стр. 409; П. И. Борисковский. Изучение палеолитических жилищ в СССР. СА, 1958, № 1, стр. 17.

мезолитическими племенами Палестины, мы находим изображения олена, козла и лошади, возможно бывших тотемными животными этих племен.¹³⁰

В эволюции тотемических представлений у раннеземледельческих племен Ближнего Востока можно, на основании имеющихся данных, наметить три периода.

I. Архаическая ступень развития земледельческого хозяйства (Джармо, Иерихон, Джейтун) и ранний этап сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики (Хассуна, сиро-киликийский неолит, Сиалк I, Намазга I и т. п.). Сохранение тотемических названий родов, частично тотемической магии и представлений.

II. Расцвет раннеземледельческих культур в рамках первобытнообщинного строя. Окончательный упадок тотемизма в связи с победой религиозных представлений, соответствующих новому экономическому базису общества (культ плодородия, космические божества и т. п.). Сохранение изображений животных как символов-гербов родовых групп или как священных знаков-оберегов.

III. Интенсивное разложение первобытного строя и становление раннеклассового общества. Незначительные пережитки тотемических представлений в ритуальных обрядах и религиозной символике, полностью потерявшие всякую связь с основными идеями тотемизма.

Есть основания полагать, что в первый период тотемические представления были довольно широко распространены, хотя повсюду древнейшая глиняная посуда украшается лишь простыми геометрическими орнаментами. Это обстоятельство, однако, надо связывать не с отсутствием культа животных, а с примитивной ступенью развития керамического искусства, только нащупывавшего свои пути. Открытие фресковой живописи на оседлоземледельческом поселении сиро-килийского неолита показало это со всей определенностью.¹³¹ В самом деле, что изображено на этих фресках, выполненных с реалистической живостью, заставляющей вспомнить традиции палеолитического искусства? Здесь мы не видим ни сцен, связанных с поклонениями астральным богам, ни иллюстраций к какому-либо варианту из культов матери-земли или излюбленному земледельцами мифу об умирающем и воскресающем боге. Перед нами великолепная сцена охоты на стадо оленей, процесии людей, одетых в звериные шкуры и, наконец, сцены ритуальных плясок. Все это близко напоминает тематику палеолитических рисунков в гrotах и пещерах и ско-

¹³⁰ См. стр. 95.

¹³¹ Мы имеем в виду раскопки на Читал-Гуюке. См.: J. Mellaart. The beginnigs of mural painting. Archaeology, v. 15, № 1, 1962. См. также выше, стр. 68.

рее всего представляет собой сцены охотничьей магии, тесно связанный с тотемическими воззрениями. Видимо, не случайно эти сцены оказались в святилище раннеземледельческой общины, и их обнаружение лишний раз показывает, насколько ошибочны могут быть выводы, сделанные на основании одного лишь керамического материала. С совершенствованием мастерства древних керамистов становится более разнообразной орнаментация сосудов. Появляются налепы, сделанные в виде голов быка, оленей, собаки, вероятно игравшие роль оберегов (Хаджилар). В связанной с погребальным комплексом керамике Самарры также появляются магические сцены с участием животных. В этот период, еще тесно связанный с эпохой присвояющего хозяйства, помимо тотемных названий родовых групп, сохранялись, надо полагать, отдельные тотемические обряды и церемонии. Вместе с тем религиозные представления, связанные с новым видом экономики, уже занимают достаточно прочное и скорее всего даже первенствующее положение. Повсюду на раннеземледельческих поселениях распространяются статуэтки обнаженных женщин с пышными формами тела. Этот образ в отличие от женских фигурок верхнего палеолита связан уже не только и не столько с культом матери-прародительницы, а отражает идею плодовитой матери-земли, принимающей в свое лоно семена земледельца и сторицей ему воздающей. Недаром в превосходной коллекции статуэток из Хаджилара мы видим эту женщину в объятиях бога-юноши. Некоторые из тотемных животных переходят в услужение новым богам. В том же Хаджиларе и на Чатал-Гуюке имеются женские статуэтки, сидящие на троне в виде барса или держащие барса на руках (рис. 11).

Во второй период великолепная расписная керамика, изготовленная искусными гончарами, подвергается как бы нашествию животных. Зооморфные орнаменты становятся весьма популярными в керамическом искусстве Месопотамии (Халаф), Ирана (Сиалк II—III, Сузы А, Тали-Бакун А), Средней Азии (Намазга III) и Белуджистана (Кветта, Кулли, Нал—Нундара). Как отмечалось в начале настоящей главы, раскопки на Кара-Депе показали, что в пору Намазга III керамика с изображениями различных животных была распространена неравномерно на территории поселения. Если сосуды с изображениями козлов встречались повсюду, то северные дома можно именовать домами Орлов, Коров и геометризованных Барсов, а южные — домами Птиц и Барсов на чашах. Представляется, что такие различия связаны с разными родовыми и племенными тотемами кара-депинцев. Например, при наличии общего для всего Кара-Депе племенногоtotема Козла отдельные роды или большесемейные общины могли иметь тотемы различных видов Барсов, Птиц, Орлов, Коров и т. д. В этом отношении интересно привести следующую этнографиче-

скую параллель. У тлинкитов одно из домохозяйств (т. е. большепсемейная община) носило имя тотема рода и, видимо, должно рассматриваться как прямой потомок первоначального рода. В генеалогических легендах такой дом именуется домом предков рода. Выделявшиеся из рода большесемейные общины назывались по частям тела или по особенностям животногоtotема. Так, например, один из шести домов рода Орла так и именуется родом Орла, а остальные носят названия: дом Орлиного хвоста, дом Орлиного когтя, дом Орленка, дом Когтей орленка и т. п.¹³² Вероятно, аналогичным образом появлялись у индейских племен и такие тотемы, как Серый волк и Желтый волк. Сходным образом в юго-западной Средней Азии могли появиться при увеличении числа большесемейных общин дом Рыжего барса, дом Желтого барса и т. п. При изготовлении глиняной посуды для нужд своей общины гончары, которыми скорее всего были женщины, использовали священные символы и рисунки своего племени, рода и общины. Вместе с тем имеющиеся материалы показывают, что локализация тотемов на Кара-Депе соблюдалась не очень строго и сходные группы изображений объединяют не один, а несколько домов. Вероятно, это связано с тем обстоятельством, что и в реальной жизни кара-депинцев уже отсутствовало строгое деление по родовым тотемам, которые сохраняли, как у ирокезов, общее значение символа-герба. В этих условиях в изображения животных, сохранивших магическое и священное значение (знак-оберег вместо креста на керамике, изображение на бедрах женских статуэток), уже не вкладывалось то содержание, которое характерно для периода расцвета тотемизма. На это указывает и сам характер изображений, подчиненных внутреннему ритму орнаментики и зачастую претерпевающих превращение из отдельной фигуры в орнаментальную деталь. Это находится в полном соответствии с этнографическими материалами, показывающими, что у раннеzemледельческих племен наблюдается угасание тотемизма в связи с развитием солярных культов, культа женского божества плодородия, в связи с более реальными представлениями о рождении людей. Сохраняются в качестве пережитка тотемные названия родов, отдельные церемонии, а священное значение животного предка зачастую переходит на какое-либо из космических или астральных божеств, проявляясь или в зооморфном облике этого божества, или в почитании какого-либо животного, сопричастного тому или иному божеству (леопарды на женских статуэтках Хаджилара, козлы на среднеазиатских статуэтках). Как мы видели, у земледельческих племен пуэбло до последнего времени сохранились тотемные названия родов, что, возможно, частично связано с большой ролью охоты в условиях Нового Света, где отсут-

¹³² Народы Америки, полутом I, стр. 157.

ствовали исходные виды основных домашних животных. Правда, следует иметь в виду, что после европейского завоевания скотоводство распространилось у индейцев, в том числе и у племен пуэбло. Тотемические обряды у этих племен уже потеряли связь с основными представлениями тотемизма и сохранялись как культовые реликты (пляска змей, в древности выполнявшаяся членами рода Змеи, ежегодная церемония «размножения тотема» у рода Лягушки).¹³³ У включаемых в группу племен пуэбло индейцев Пима, многие роды которых носят имя Койота (серого, желтого и т. п.), в легендах и мифах койот выступает наряду с основными божествами, хотя сам и не является божеством.¹³⁴ Следует считать, что в подобных пережиточных формах сохранялись тотемические представления и у раннеземледельческих племен Ближнего Востока в V—III тыс. до н. э.

В религиозных представлениях и обрядах этих племен одно из центральных мест занимал культ богини Матери земли, покровительницы плодородия, чьи многочисленные статуэтки являются обязательной находкой при раскопках раннеземледельческих поселений, где бы эти поселения ни находились. Судя по изображениям на сосудах, в центральных святилищах на родовых поселениях помещались довольно крупные статуи, воспроизводившие это женское божество.¹³⁵ Видимо, развивается также почитание обожествленных предков, героев-вождей;¹³⁶ хозяйственный цикл земледельцев не мог не привести к почитанию космических и астральных сил, движение которых предопределяло начало полевых работ.¹³⁷ Несомненно, что все эти культуры космических богов, различных божеств плодородия, с течением времени все более усложнялись, принимая черты религии, подобной той, которую мы знаем по древнейшим из раннеземледельческих обществ, передавших к классовому строю, — шумерскому или египетскому.

Однако нельзя не заметить, что в рассматриваемый период, характеризуемый угасанием тотемизма, изображения животных-тотемов появляются в широких масштабах в списках глиняной посуды. Нам представляется, что это явление обусловлено двумя

¹³³ J. F. G a z e r. Totemism and exogamy, pp. 227—233.

¹³⁴ F. Russell. The Pima Indians. 26-th ARBAE, Washington, 1908, pp. 251—252.

¹³⁵ В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, вып. 73, М., 1959, стр. 15—17.

¹³⁶ См., например, «головку воина» и статуэтку «жреца» с Кара-Тепе (рис. 28).

¹³⁷ К сожалению, этот вопрос пока слабо изучен на археологических материалах. Помимо изображения солнечного круга, весьма обычного для расписной керамики почти всех стран, можно упомянуть знаки светил вprotoэламской пиктографии и изображение «кометы» на сосудах из среднеазиатского Тилькин-Депе. И. Н. Хлопин выдвинул предположение, что солнечные круги на бедрах женской статуэтки с Ялангач-Депе (рис. 24) связаны с аграрным календарем.

различными факторами. Прежде всего имел место прогресс того массового народного искусства, каким можно считать керамическое производство, и это искусство расширяет свою тематику. Недаром в этот период и геометрические орнаменты, украшающие глиняную посуду, достигают наибольшего совершенства. Вместе с тем имело место и усиление магической символики в связи с развитием сложных религиозных представлений земледельческих племен, сменяющих примитивные культы охотников и собирателей. Хорошо известно, какую огромную роль играла религия в раннеклассовых обществах Древнего Востока с их могущественными храмами, жреческими корпорациями, сложным ритуалом обрядов, молений и заклинаний. Недаром первые правители обычно носили титул верховного жреца. Несомненно, что корни этих явлений восходят еще к периоду существования раннеземледельческих общин, на основе которых сложились раннеклассовые общества. Вполне естественно, что в этих условиях при обозначении на глиняной посуде символьских знаков и сцен были использованы изображения тотемов-гербов.

Наконец, третий период эволюции тотемических представлений у ранних земледельцев связан уже с временем интенсивного разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества. Собственно говоря, в это время сами тотемические представления как таковые уже отсутствуют. Тотемизм сохраняется в качестве пережитка в ритуальных обрядах и религиозной символике. Это можно видеть по изображениям зверей на печатях (северный Убейд, Хараппа), по распространению амулетов в виде животных (южное Двуречье в пору Урука и Джемдет-Насра). Дикие животные иногда появляются и на храмовых фресках (урукский храм Телль-Укайра). Южноубейдские статуэтки женщин и мужчин с головами черепах скорее всего иллюстрируют тот же процесс перехода отдельных признаковtotема на антропоморфные божества, который можно наблюдать в пантеоне древнего Египта. Вместе с тем происходит постепенное отмирание и этих пережитков тотемизма. В этом отношении показательна иконография шумерского божества подземных вод Энки. Первоначально Энки изображается в виде рыбы с головой козла — образ, восходящий скорее всего к тотему Козла, популярнейшему у ранних земледельцев Ближнего Востока. Позднее этот образ вытесняется изображением человека-рыбы. Так обстоит дело с некоторыми пережитками идеологии эпохи присвоющего хозяйства в земледельческо-скотоводческом обществе.

В заключение следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с изображениями животных на керамике раннеземледельческих племен. Как можно было видеть, наиболее популярным животным почти повсюду был горный козел. Именно его мы встречаем в первую очередь и в наибольшем числе на расписной

керамике Средней Азии и Ирана, именно козел чаще всего встречается как одиночная фигура на печатях-амулетах. Один из главных богов Шумера именуется «козлом вод», а на эlamской и месопотамской глиптике козлы нередко выступают как охранители священного дерева жизни. По этнографическим данным известно, что имена наиболее популярных тотемов встречаются у самых различных племен на весьма обширных пространствах. Так, в Северной Америке широко распространены тотемы Медведя, Волка, Олена и Бизона. Эти тотемы, особенно два первых, мы встречаем у племен разной этнической принадлежности и с различными формами хозяйства. У таежных охотников Сибири такую же роль играл тотем Медведя.¹³⁸ Поэтому вполне вероятно, что у целого ряда самых различных племен Ближнего Востока одно из наиболее эффектных животных этой области¹³⁹ — горный козел, игравший вместе с тем важнейшую роль как объект охоты (мустье Тешик-Таша и Бисутуна, Джейтун), — стал восприниматься как тотемический предок. Эти представления о тотеме Козла, восходящие к поре мезолита, а может быть и верхнего палеолита, и получили отражение в расписной керамике раннеземледельческих племен. Показательно, что тотем Козла, так же как и часто сопутствующий ему тотем Барса, связан преимущественно с областями нагорий Иранского плато и примыкающими районами. На равнинах северной Месопотамии у халафских племен мы встречаем играющий первостепенную роль тотем Быка. Аналогичное явление отразилось и на печатях такой «равнинной» культуры, как Хараппа. Возможно, тотем Быка у равнинных охотников играл такую же роль, как тотем Козла у племен, населявших горные области. При этом особенно показательно, что в Хараппе культовая роль быка не связана с иммиграцией сюда иранских раннеземледельческих общин, если такая иммиграция имела место,¹⁴⁰ а восходит к местным доземледельческим традициям. Тотем племен Иранского плато — Горный козел — получил весьма слабое отражение в культуре Хараппы.

Локальные различия в распространении отдельных видов животных могут быть отмечены и для племен, группирующихся вокруг Иранского плато. Так, тотем Барса нигде не играл такой большой роли, как на юго-западе Средней Азии в пору Намазга III. Изображения собаки особенно характерны для Сузаны — в Тали-

¹³⁸ И. Харузин. Тотемистическая основа медвежьей присяги. М., 1899, стр. 152.

¹³⁹ Интересно отметить, что в мифах Шумера правители часто сравниваются с могучим козлом. Так, в мифе об Энмеркаре и верховном жреце Аратты Энмеркар именуется «верховным жрецом Шумера, самым главным и сильным змеем Шумера, горным козлом (*senbar*), имеющим великую силу» (перевод И. Т. Кацевой). См. также: S. N. Кагашег. *Enmerkar and the Lord of Aratta*. Philadelphia, 1952, p. 17.

¹⁴⁰ См. стр. 266—267, 273.

Бакуне их очень мало, а в Гиине, Сиалие и Средней Азии нет вовсе. В этих же трех областях отсутствуют и изображения рыб: рыболовство в условиях небольших горных речек и ручьев никогда не могло иметь существенного хозяйственного значения. Баран, возможно муфлон, являлся одним из излюбленных животных у племен тали-бакунской группы, но редко встречается в других областях. Все эти наблюдения являются как бы косвенным подтверждением вывода о полицентризме происхождения раннеземледельческих племен, к которому мы пришли в первой части этой работы.

Г л а в а 6

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН

В предшествующем изложении нам неоднократно приходилось упоминать о расселении раннеземледельческих племен на не освоенных прежде территориях или о следах явного влияния одной раннеземледельческой культуры на другую. Переход к прочной оседлости в связи со становлением производящего хозяйства отнюдь не привел к прекращению передвижений древних племен, хотя и изменил их формы. Изучение этих передвижений как одной из закономерностей истории первобытнообщинного строя, так и в конкретно-историческом проявлении в отдельных частных случаях сопряжено со значительными трудностями. Прежде всего в течение значительного времени влияние вульгарно-марксистских концепций Н. Я. Мара привело к распространению в советской археологической литературе пресловутой теории стадиальности с ее гипертрофированным автохтонизмом. Уже в одном слове «миграция» виделось как бы тлетворное воздействие буржуазной идеологии. Это привело к тому, что вопросы переселения древних племен и основные закономерности этих процессов длительное время находились в стыдливом забвении. Между тем совершенно ясно, что конкретное изучение передвижений племенных групп в древности как реальных исторических явлений не имеет ничего общего с миграционистическими концепциями, объясняющими движениями «волн народов» чуть ли не все основные изменения в истории хозяйства и культуры первобытных племен. Правильное понимание роли и значения переселений позволяет лучше уяснить основные закономерности исторического развития тех или иных областей и племенных групп. При этом выясняется, что древние переселения в тех случаях, когда они в действительности имели место, отнюдь не играли

роли какого-то решающего и первоопределяющего фактора, подменяющего социально-экономическое развитие общества. В качестве примера можно сослаться на историю раннеземледельческих общин юго-запада Средней Азии, изученную в настоящее время довольно обстоятельно. Здесь на протяжении четырех тысячелетий наблюдается постепенное развитие культуры, все стадии эволюции которой генетически связаны друг с другом, представляя яркую иллюстрацию автохтонного процесса. От джейтунской культуры до времени поздней бронзы наблюдается прямая линия преемственности. Основные закономерности развития определялись в первую очередь экономикой и общественными отношениями данной племенной группы. Особенно показательно то, что при инфильтрации на юго-запад Средней Азии соседних племенных групп различные технические новшества получали развитие лишь в том случае, если местная среда была достаточно подготовлена для их восприятия. Так, в конце IV—начале III тыс. до н. э. имело место, как это мы увидим в дальнейшем изложении, проникновение сюда населения из центрального Ирана, где широко применялось изготовление посуды при помощи гончарного круга. Однако на юго-западе Средней Азии этот инструмент в данный период распространения не получил. Это обстоятельство следует объяснить тем, что в среде местных племен еще не сложились предпосылки для выделения домашнего керамического производства в особое ремесло. Таким образом, ни в коей мере нельзя подменять социально-экономическое развитие миграционизмом.

Вместе с тем передвижения племенных групп, имевшие место в конкретной истории явления, заслуживают самого пристального внимания, как события, иногда накладывающие весьма яркий отпечаток на весь ход исторического процесса. Такие передвижения составляли одну из закономерностей истории первобытного общества, что было отмечено К. Марксом в статье «Вынужденная эмиграция»¹ (1853г.). В этой работе дана исчерпывающая характеристика процесса переселения и вскрыты его движущие силы. К. Маркс отмечает, что в Греции и Риме «вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя». Далее К. Маркс пишет: «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каж-

¹ К. М а р к с . Вынужденная эмиграция. В кн.: К. М а р к с , Ф. Э н г е л ь с , Соч., т. 8, М., 1957, стр. 567—568.

дого отдельного члена племени, как это имеет место еще и поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасности великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».² Приведя эту характеристику, К. Маркс подчеркивает, что эмиграция в условиях капиталистического общества имеет причины совершенно противоположного характера. Здесь не население давит на производительные силы, а производительные силы в условиях анархии капиталистического производства давят на население, вынуждая его к эмиграции.

Механизм процесса расселения племен путем сегментации был раскрыт Л. Г. Морганом в его знаменитой работе «Древнее общество», вышедшей в свет в 1877 г. Л. Г. Морган отмечает, что в древнее время происходил процесс постепенного отлива людей из перенаселенных центров. Процесс расселения «повторялся из века в век во вновь занятых, равно как и в старых областях, и должен считаться столь же естественным, как и неизбежным результатом родовой организации...». Когда увеличение населения сокращало средства существования, избыточная часть уходила на новое место, где она легко обосновывалась благодаря совершенному управлению каждого рода, равно как и любого числа родов, соединившихся в союз. У оседлых индейцев то же самое происходило несколько иным образом. Когда деревня оказывалась перенаселенной, колония уходила вверх или вниз по течению той же реки и основывала новое селение. Так как это повторялось время от времени, то возникало несколько таких селений, из которых каждое было независимо от другого и представляло собой самоуправляющееся общество, связанное, однако, с другими в лигу или конфедерацию в целях взаимной защиты. На-

Рис. 76. Расписной сосуд культуры племен пуэбло.

² Там же, стр. 568. В этой статье К. Маркс говорит лишь о племенах, занимавшихся «скотоводством, охотой и войной». Позднее, ознакомившись с книгой Л. Г. Моргана «Древнее общество», К. Маркс отмечает сегментацию и оседлоземледельческих племен. См.: Архив Маркса и Энгельса, т. IX. Госполитиздат, М., 1941, стр. 80—85.

конец, должны были возникнуть диалектологические различия, и таким образом совершалось их развитие в отдельные племена».³ Л. Г. Морган приводит обширный этнографический материал, конкретизирующий это положение, причем отмечает, что введение земледелия хотя и сделалось важным фактором существования, но не изменило хода событий и не устранило влияния ранее действовавших причин. Расселение путем дробления или сегментации племен отмечены и у оседлоземледельческих общин пueblo⁴ (рис. 76). Таким образом, Л. Г. Морган, который, по образному выражению Ф. Энгельса, в 1877 г. «по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад»,⁵ правильно подошел к пониманию причин расселения древних народностей, хотя и не сформулировал свои выводы с марксовской точностью и тщательностью. Особое значение имеет раскрытие Л. Г. Морганом самого механизма древних переселений, тесно связанного с родовой организацией, которая, с одной стороны, ограничивала возможности управления сколько-нибудь значительной группой людей,⁶ с другой — представляла идеальные условия для воспроизведения мелкими группами дочерних общин.

Советские археологи уделили значительное внимание как исследованию общих закономерностей расселения древних племен, так и конкретному отражению этих процессов в археологических материалах.⁷ Следует отметить, что сами формы проявления общих закономерностей на разных этапах истории имеют различный характер. Так, уже К. Маркс подчеркнул, что в эпоху классового общества вынужденная эмиграция принимает форму периодического основания колоний, что могло быть регулировано цен-

³ Л. Г. М о р г а н. Древнее общество. Л., 1934, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 63—66.

⁵ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 25.

⁶ Следует отметить, что А. Я. Брюсов ошибочно придает этому фактору первостепенное значение. В его книге «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М., 1952) мы читаем на стр. 10: «Вместе с тем нужно подчеркнуть, что важнейшей причиной этого процесса было несовершенство родового аппарата самоуправления, организация которого не могла охватить значительное население на большом пространстве». Однако в данном случае налицо явление вторичного порядка. Движущей силой сегментации племен было давление избытка населения на производительные силы, уровень развития которых был крайне низок.

⁷ А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории. . . , стр. 9—19; С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Брублевецкая на Днестре. МИА СССР, № 38, М.—Л., 1953, стр. 278—279; В. М. М а с с о н. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960(1961), стр. 17—19; И. Н. Х л о п и н. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, стр. 52—54.

тральной государственной властью. Совершенно ясно, что в эпоху первобытного общества расселение племен с присвоющим хозяйством и расселение земледельческо-скотоводческих общин имеют в каждом случае свою специфику и особенности.

Расселение палеолитических охотников представляло собой медленный и стихийный процесс просачивания отдельных небольших коллективов.⁸ Особенno большие масштабы это расселение приобрело в пору верхнего палеолита, когда из наиболее заселенных областей юга происходил отлив в области, освобождающиеся из-под ледникового покрова. Быть может, именно в это время имело место если и не первичное заселение американского континента, то во всяком случае первая волна широкого распространения охотничьих коллективов в Северной и Южной Америке. Вероятно, охотничьи племена Передней Азии в процессе расселения на север достигают степных районов Причерноморья.⁹ Процесс сегментации племен, столь образно описанный Л. Г. Морганом на этнографических материалах, начался уже в это время, если считать вслед за большинством советских археологов, что верхний палеолит — это время сложения родовой организации. Естественное расселение племен охотников, рыболовов и собирателей поры верхнего палеолита и мезолита приводило или к расширению территории, занятой человеческими коллективами, или к увеличению плотности населения в той или иной области, но нигде не вело к смене типа хозяйства, остающегося при всех локально-исторических вариантах экономикой присвоивающего типа. Это облегчало ассимиляцию пришельцами местного населения, если только ограниченность охотничьих и рыболовных угодий не приводила к вытеснению или истреблению аборигенов.

Положение существенно меняется с возникновением производящего хозяйства, огромные возможности которого в производстве пищи дают резкий толчок естественному процессу роста населения и соответственно процессу сегментации племен. Освоение земледельческо-скотоводческими общинами новых территорий вело к решительным переменам в экономике и культуре в этих областях. Коренные обитатели этих областей были вынуждены или перейти к новым видам хозяйства, и тогда быстро наступал процесс ассимиляции,¹⁰ или, если не было для этого достаточных

⁸ А. П. Окладников. Переселения палеолитических охотников. В кн.: Всемирная история, т. I, М., 1956, гл. II, § 4, стр. 74—75.

⁹ П. П. Ефименко. Передиазиатские элементы в памятниках позднего палеолита северного Причерноморья. СА, 1960, № 4, стр. 24.

¹⁰ Весьма интересная картина такой ассимиляции дана С. Н. Бибиковым в его книге о Луке-Брублевецкой. Хотя изображенный здесь процесс сложения трипольской культуры носит несколько схематический характер, основное его направление — соединение местных и пришлых элементов (не касаясь вопроса об их количественном соотношении) — подтверждается новыми исследованиями. См.: Т. С. Пассек. 1) Новые открытия на тер-

внутренних предпосылок, вытеснялись и уничтожались пришельцами. Рассматривая историю древнейших земледельческих племен, их первые этапы расселения в среду, еще не охваченную экономикой нового типа, мы явственно видим, как довольно быстро и на огромной территории возникают все новые и новые поселки, заполняя археологическую карту Ближнего Востока и юго-восточной Европы. Несомненно, что на этом этапе описанный Л. Г. Морганом процесс расселения племен путем сегментации имел, как и в пору верхнего палеолита и мезолита, первостепенное значение.

Выше мы уже приводили общую характеристику, даваемую Л. Г. Морганом этому явлению. Яркой археологической иллюстрацией моргановского описания процесса образования дочерних поселков и постепенного роста их хозяйственной и культурной самостоятельности, приводившей в конечном итоге к возникновению диалектологических различий и развитию отделившихся родов в отдельные племена, является история Геоксюрского оазиса.¹¹ Этот оазис возник в результате расселения племен из подгорной полосы. Первоначально здесь существовала лишь небольшая группа поселений, культура которых в целом мало чем отличается от культуры «метрополии» (дашлыджинский период). Затем происходит значительный рост оазиса, возникают новые поселки, обрабатываемая площадь увеличивается. Одновременно мы наблюдаем в культуре процесс расхождения с традициями, характерными для области первоначального расселения. В это время можно определенно говорить о двух культурных вариантах в среде земледельческих общин юго-запада Средней Азии (ялангачский период). Разумеется, трудно судить, возникали ли при этом какие-либо диалектические различия, но в целом выделение в пределах прежней культурной общности двух племенных групп не вызывает сомнений.

По мере развития культуры и хозяйства раннеземледельческих племен все эти явления претерпевают известные изменения. Теперь уже значительная часть пригодной для обработки земли была занята деревушками оседлых земледельцев и скотоводов. Прирост населения не вносил столь резких изменений в численности племен, как это имело место при переходе от присвояющего хозяйства к производящей экономике. Тем не менее этот рост продолжался, что при низком уровне развития производительных сил и при медленном прогрессе техники по-прежнему создавало предпосылки для передвижений избыточного населения. В этих условиях сегментация племен встречала на своем пути препят-

ритории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1958, № 1, стр. 46; 2) Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА СССР, № 84, М., 1961, стр. 203.

¹¹ См. стр. 134, 136—139.

ствия в видеaborигенов, уже освоивших данную территорию и по уровню своего развития мало чем отличающихся от чужеземных пришельцев. Появление колонистов, если только они не несли с собой усовершенствований, позволяющих увеличить производительность труда, вело в свою очередь к перенаселению данной области, в результате чего возникла своеобразная цепная реакция последовательного перемещения племенных групп, что, как будет показано ниже, в отдельных случаях можно проследить по археологическим материалам. Вместе с тем возрастают возможности для конфликтов и вооруженных столкновений, тем более что теперь человеческие коллективы выступают уже не в виде разрозненных групп бродячих охотников, а как крупные племенные союзы, сильные своей численностью и организацией. В результате наряду с процессом сегментации племен происходит и сравнительно быстрое перемещение значительных масс населения, объединенных в союзы племен. Войны и завоевания все чаще приходят на смену мирной колонизации. Разумеется, на археологических материалах зачастую бывает весьма трудно уловить исторические события подобного рода. Однако об этих явлениях свидетельствуют уже и данные письменных источников, особенно в тех случаях, когда племенные союзы вторгаются в область городских цивилизаций. Таково было нашествие кутиев, союза загросских племен, вторгшихся в конце III тыс. до н. э. в области Аккада и Шумера. Археологические материалы, характеризующие племена, населявшие Иран в III тыс. до н. э., заставляют предполагать, что кутии были скорее всего земледельческо-скотоводческими племенами (или скотоводческо-земледельческими), изготавливавшими на своей родине расписную керамику. Видимо, таково же происхождение и касситов, другого племенного объединения Загроса, подчинивших во II тыс. до н. э. своей власти Вавилонию. Вероятно, именно переселением целого ряда союзов земледельческо-скотоводческих или скотоводческо-земледельческих племен было так называемое арийское завоевание Индии в том же II тыс. до н. э. Как мы видели при рассмотрении истории Индии и Афганистана, здесь во II тыс. до н. э. происходят значительные изменения в расселении земледельческих общин, причем приходят в запустение целые оазисы.¹² Разумеется, все эти вопросы требуют специального и обстоятельного исследования. При этом подобное исследование на одних лишь археологических материалах сопряжено со значительными трудностями чисто методического характера, могущих в ряде случаев привести к по-

¹² Например, раннеземледельческий оазис Сеистана. См. выше, стр. 296. Возможно, с этим же кругом явлений связан и наблюдающийся в это время упадок старых культурных центров в северном Иране и на юго-западе Средней Азии. См.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргiana. МИА СССР, № 73, М.—Л., 1959, стр. 109.

спешным заключениям. Особенно велики эти трудности у исследователей, имеющих дело с расписной керамикой, где разнообразные и богатые узоры, открывающие большие возможности для конвергентных повторений,¹³ часто могут привести к самым фантастическим заключениям. Нам представляется, что при сопоставлении орнаментальных мотивов, помимо тщательного подбора материалов для такого сопоставления, следует всегда иметь в виду и конкретно-исторические или даже просто конкретно-географические возможности различных влияний и заимствований. Реальная историческая перспектива должна предостерегать исследователей от малообоснованных, хотя внешне и очень эффектных аналогий и сопоставлений. Кроме того, важнейшим критерием при установлении на археологических материалах факта переселения являются изменения в погребальных обрядах, представляющих, особенно в условиях первобытного строя, довольно стойкий этнографический признак. Наконец, в ряде случаев решающее значение может принадлежать палеоантропологическим материалам. Лишь в том случае, когда мы в одной конкретной области наблюдаем происходящие одновременно изменения в культуре, погребальном обряде, в антропологическом составе населения, а в другой географически близкой области все эти «новшества» оказываются старой местной традицией, лишь при таком сочетании различных критериев можно говорить о факте перемещения племенных групп. К сожалению, как правило, неполнота имеющихся материалов заставляет исследователей ограничиваться одним или двумя признаками, что затрудняет окончательное решение вопроса. В дальнейшем изложении мы остановимся лишь на отдельных сторонах этой большой и важной проблемы и преимущественно в той мере, в какой это имеет значение для изучения древних связей Средней Азии и Древнего Востока.

Несомненно, что именно путем сегментации произошло расселение раннеземледельческих племен, оставивших на обширной территории многочисленные поселки, объединяемые археологами в понятия хассунской культуры или сиро-киликийского неолита. Вероятно, в результате движения из двух центров — из прибрежных областей Сиро-Киликий и из горных ущелий Курдистана — произошло освоение верхней части плато Эль-Джезире, как об этом свидетельствует смешение различных культурных элементов

¹³ В качестве примера можно указать, что расписная посуда Средней Азии так называемого геоксюрского стиля начала III тыс. до н. э. находит прямые и очень близкие аналогии в керамике племен пуэбло стиля Меза Верде. См.: A. V. Kidder. 1) Introduction to the study of southwestern archaeology. New Haven, 1924, pl. 25; 2) Предисловие. В кн.: C. E. Guthrie. Pueblo pottery making. New Haven, 1925, p. 9, fig. 3, c. Разумеется, исторически эти аналогии являются случайными, хотя, возможно, и оправданы сходными путями происхождения орнаментов. Ср. выше, стр. 356.

в поселении Хассуна у Мосула.¹⁴ Однако вскоре мы наблюдаем, что культурные влияния, а возможно и передвижение племенных групп, следуют преимущественно в одном направлении: с востока на запад. На поселениях сиро-килийских земледельцев, изготавливших нерасписную посуду с лощеной поверхностью, видимо подражавшую формам и фактуре аналогичных изделий из камня,¹⁵ появляются черепки, украшенные орнаментом, нанесенным красной краской по желтому фону (Амук В, Мерсин XXV). Правда, количество этой керамики еще невелико (в Амуке В она составляет 5—10% от общего числа обломков глиняной посуды), но она резко выделяется на фоне местных керамических традиций, указывая скорее всего на какие-то месопотамские аналогии. Действительно, именно в северной Месопотамии, где употребление красок для украшения посуды известно с первых этапов появления керамики, мы находим прямые аналогии простому орнаменту из прямых или волнистых линий, появляющемуся в Мерсине и Амуке.¹⁶ Правда, в сиро-килийских поселениях этот орнамент наносился на сосуды традиционных местных форм,¹⁷ указывая на то, что перед нами не предметы экспорта, а продукт культурного влияния. Новые приемы украшения керамики привились по душе сиро-килийским мастерам, и вскоре мы наблюдаем, как все большее число сосудов имеет роспись часто довольно сложного рисунка (треугольники, зигзаги, шевроны), имеющегося в ряде случаев прямые аналогии в расписной керамике северомесопотамских комплексов Хассуны и Самарры. В Мерсине эта фаза прослеживается по материалам XX—XXIII слоев,¹⁸ а в Амуке, видимо, соответствует так называемому первому смешанному горизонту.¹⁹ Новая мода быстро получила весьма широкое распространение: мы видим, что и на юго-западе Малой Азии монотонную темнолощенную керамику сменяют нарядные расписные сосуды (Хаджилар I—V). Правда, здесь мотивы росписи уже отличаются значительным своеобразием, хотя месопотамское влияние, возможно, проявилось в некоторых керамических формах.²⁰

¹⁴ См. об этом подробнее на стр. 90.

¹⁵ Это хорошо видно на материалах Хаджилара. См.: J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First preliminary report. AS, v. VIII, 1958, p. 143.

¹⁶ M. E. Mallowan. The prehistoric sondage of Nineveh, 1931—1932. LAAA, v. XX, 1933, pl. XXXVIII, 4, 17.

¹⁷ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the plain of Antioch I. The earlier assemblages. Phases A—J. OIP, v. LXI, Chicago, 1960, p. 81.

¹⁸ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, pp. 78—97.

¹⁹ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations..., pp. 104—114.

²⁰ J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First preliminary report, pp. 152—153.

Однако в последующий период месопотамские влияния в Сиро-Киликии становятся более определенными и значительными. Эти влияния связаны с воздействиями, идущими со стороны Халафа или, как есть основания говорить, халафской культуры. Памятники, объединяемые в халафскую культуру (рис. 77), рисуют перед нами устойчивую культурную общность, характерную для северной Месопотамии середины V—начала IV тыс. до н. э.²¹ Население, оставившее памятники халафского типа, отличалось высоким развитием культуры.²² В употребление уже широко вошла медь; видимо, был одомашнен крупный рогатый скот.

Халафская керамика отличается превосходным качеством и великолепной росписью с богатым ковровым рисунком геометрического орнамента, хотя известны также и изображения животных. Эта тонкостенная посуда обжигалась в специальных печах, и на одном из халафских поселений раскопан дом, видимо являвшийся мастерской гончара. В настоящее время можно считать, что туманные утверждения о загадочности происхождения халафской культуры, будто бы явившейся в готовом виде из горных областей центральной Анатолии или северо-восточного Ирана,²³ полностью несостоятельны. Совершенно ясно (и это убедительно показала А. Л. Перкинс), что халафский комплекс является одним из этапов развития культуры земледельческих общин северной Месопотамии. Судя по тому, что раннехалафский материал одновременен поздней Самарре, можно предполагать, что в это время усилилась культурная дифференциация северных и южных общин Двуречья. Во всяком случае нет оснований считать жителей Арпачии не потомками обитателей поселков хассунского типа, а каким-то новым народом загадочного происхождения.²⁴

²¹ Если опираться на радиокарбоновые датировки предшествующих Халафу памятников хассунской культуры и на дату Гавры XVIII—XVII (3446 ± 325 г. до н. э.), перекрывающей позднехалафские наслойния (Гавра XX).

²² Материал с самого поселения Халаф, к сожалению, лишен должной документации (M. F. O r r e n h e i m. Tell Halaf, Bd. I, Berlin, 1943). Основной материал, характеризующий этот комплекс, дали раскопки Арпачии. См.: M. E. M a l l o w a n, J. C. R o s e. Prehistoric Assyria. The Excavations at Tall Arpachiyah. London, 1935. Лучшая сводка материала содержится у А. Л. Перкинс (САЕМ, pp. 16—45). См. также: Г. Ч а й л д. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 174—178.

²³ См., например: A. R a g g o t. Archéologie mésopotamienne. Technique et problems. Paris, 1953, p. 158.

²⁴ А. Л. Перкинс правильно отметила, что целый ряд мотивов росписи так называемой керамики Самарры (т. е. одного из керамических комплексов хассунской культуры) характерен и для орнаментации Халафа (САЕМ, p. 43). В изучении вопроса о происхождении Халафа отрицательную роль сыграло навязчивое стремление некоторых исследователей выделять различные керамические стили и считать их привнесенными со стороны уже в сложившемся виде.

Следы непосредственного влияния этой северомесопотамской культуры мы находим на большинстве поселений Сиро-Киликии, где некогда процветала нерасписная лощеная керамика. Прежде всего здесь появляется типичная халафская расписная посуда,

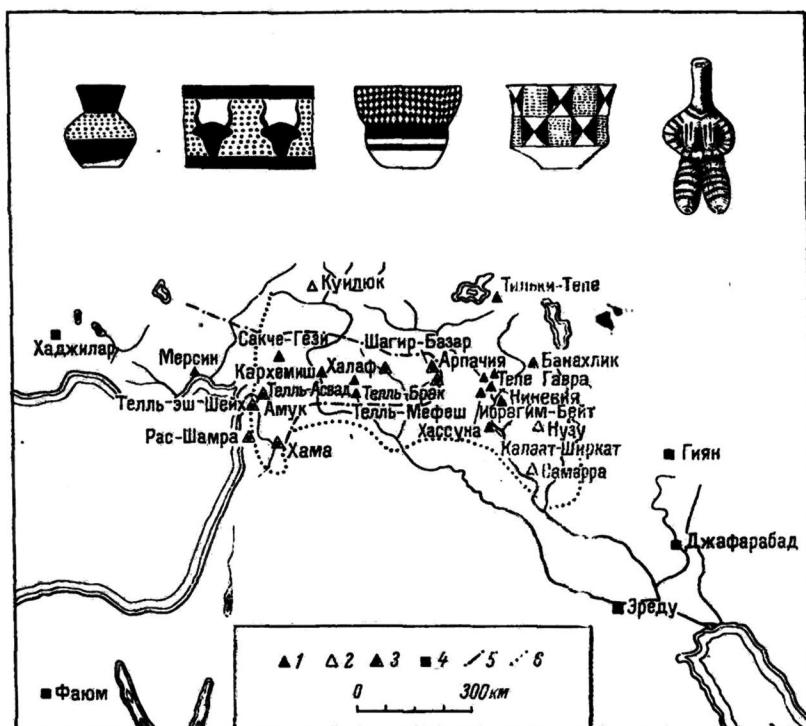

Рис. 77. Распространение халафских памятников.

1 — халафские памятники; 2 — отдельные находки халафской керамики; 3 — памятники сиро-киликийской культуры, испытавшие халафское влияние; 4 — прочие памятники; 5 — область первоначального распространения сиро-килийской культуры; 6 — южная граница территории сплошного распространения хурритского языка во II тыс. до н. э. (по И. М. Дьяконову).

в привозном характере которой нет никаких сомнений. Микроскопический анализ соответствующих образцов из слоев фазы Амук С показал, что они по своей структуре и составу глины отличны от местной посуды. В Амуке эта привозная керамика, среди которой есть и такой типично халафский мотив, как букрации, составляет 4—9 % всех находок.²⁵ Наряду с этими импорт-

²⁵ R. J. Brairdwood and L. S. Brairdwood. Excavations..., p. 146.

ными предметами широко распространяются и местные подражания халафским расписным сосудам. Аналогичную картину можно наблюдать и на поселении Телль-эш-Шейх, где местные подражания первоначально были довольно грубы, а затем они настолько совершенствуются, что становятся почти неотличимыми от собственно халафской керамики.²⁶ Весьма сильно влияние халафского гончарного производства и в Мерсине (слои XIX—XVII), где, помимо изменений в орнаментике, также отмечается значительно улучшение качества изготовления и обжига самих сосудов.²⁷ Появление керамики халафского типа характеризует и такие памятники сиро-киликийской культуры, как Рас-Шамра IV,²⁸ Сакче-Гези,²⁹ Хама L.³⁰ Несомненно перед нами налицо не случайный факт, а вполне определенное и ярко выраженное историческое явление. Причем если для более раннего времени можно было лишь говорить об общем влиянии расписной керамики месопотамских земледельцев на продукцию гончаров Сиро-Киликии, то теперь на сиро-килийских поселениях есть и сами импортные изделия. При этом в Рас-Шамре, как подчеркивает К. Шефер, первоначально появляется керамика халафского типа, идентичная северомесопотамским образцам (Рас-Шамра IVB), а затем ее сменяют более грубые местные подражания халафской посуде (Рас-Шамра IVA). Как будто отмечаются и некоторые другие изменения, происходящие в это время на сиро-килийских памятниках. Так, в Амуке С совершенно исчезают типичные для Сиро-Киликии, но нехарактерные для северной Месопотамии кремневые наконечники дротиков и вместе с тем появляются кремневые ядра для пращи.³¹ Там же отмечается

²⁶ L. Woollsey. A forgotten kingdom. London, 1953, pp. 13—14; AJA, v. LIV, № 1, 1950, p. 64.

²⁷ J. Garstang. Prehistoric Mersin, pp. 101—102.

²⁸ C. F. Schaeffer. 1) Ugaritica, I. Bibliothèque archéologique et historique, t. XXXI, Paris, 1939, p. 8; 2) Les fondements pré- et protohistoriques de Syrie à néolithique ancien du bronze ancien. Syria, t. XXXVIII, 1961, pp. 221—223.

²⁹ J. Garstang, W. J. Phythian-Adams, M. V. Seton-Williams. Third report on the excavations at Sakje-Geuzi, 1908—1911. LAAA, v. XXIV, 1937, pp. 130—131. О последующих работах см.: J. du Plat Taylor, M. V. Seton-Williams, J. Waechter. The excavations at Sakce Gözü. Iraq, v. XII, 1950. Судя по имеющимся находкам, к числу памятников сиро-килийского типа с темнолошеною керамикой, в которых позднее появляется посуда халафского типа, следует отнести сам Телль-Халаф и Шагир-Базар (M. E. Mallowan. The excavations at Tall Chagar Bazar. Iraq, v. III, 1935). Однако в обоих случаях стратиграфия не вполне ясна. См.: CAEM, pp. 12, 27—29.

³⁰ H. Ingolt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie. Kopenhagen, 1940, p. 13.

³¹ R. J. Braيدwood and L. S. Braيدwood. Excavations..., p. 150. Правда, каменные ядра для пращи были известны в Амуке и раньше.

смена кремневых вкладышей серпов старых типов широкими пластиинами с зубчатой ретушью.³²

Следует подчеркнуть, что особенно заметно халафское влияние проявляется именно в памятниках Сиро-Киликии, ближе всего расположенных к северной Месопотамии, хотя отдельные находки халафских черепков известны и в еще более отдаленных от халафской метрополии районах, таких, как центральная Анатолия³³ или юго-запад Малоазийского полуострова.³⁴

Исследователи по-разному оценивали историческое значение этого распространения халафской культуры в западном направлении. Л. Вулли, имея, правда, в виду также и несколько более поздний период, связанный с Убайдом, считал, что перед нами следы древних торговых связей, по которым в Шумер поступало дерево для строительства монументальных храмов.³⁵ Если говорить о торговых связях, то для времени Халафа скорее следует ожидать меновую торговлю медью и другими металлами, за которыми позднее ассирийские купцы отправлялись в Малую Азию, иногда основывая там небольшие фактории. Однако несколько странно, что одна торговля, к тому же едва ли бывшая в то время весьма развитой, привела к столь значительным переменам. Возможно, более правы авторы, усматривающие в проникновении халафской культуры в Сиро-Киликию результат перемещения сюда племенных групп из северной Месопотамии.³⁶ Д. Гарстанг отмечает, что в девятнадцатом слое Мерсина, в котором как раз впервые и проявляется влияние Халафа, обнаружено в одном месте большое количество человеческих костей, сожженных *in situ*. Подобное явление совершенно нехарактерно для местных погребальных обрядов, характеризующихся, как и у большинства раннеземледельческих племен, скорченными захоронениями в пределах поселка. Д. Гарстанг ставит вопрос, не связана ли эта находка с вторжением халафских племен, истребивших часть местного мужского населения, в то время как уцелевшие женщины частично продолжали лепить посуду по старым образцам.³⁷ Разумеется, археологические материалы не

³² Там же, стр. 150.

³³ С. А. Вигпей. Eastern Anatolia in the chalcolithic and early bronze age. AS, v. VIII, 1958, p. 159.

³⁴ M. E. Mallownan. Twenty-five years of Mesopotamian discovery. London, 1956, p. 11. Однако Д. Мелларт, исследовавший эти области, не упоминает о подобных находках.

³⁵ L. Woolley. A forgotten kingdom, p. 16.

³⁶ J. Garstang. Prehistoric Mersin, p. 102. Д. Гарстанг пишет, что влияние Халафа на местных гончаров столь сильно и внезапно, что он предпочитает термин «толчок» (*Impact*) заключению об обычных торговых связях. См. также: R. J. Graidwood and L. S. Graidwood. Excavations..., pp. 507—509.

³⁷ J. Garstang. Prehistoric Mersin, p. 112. К. Шефер, напротив, отмечает, что в Рас-Шамре сразу появляется типично халафская керамика,

дают достаточных оснований для реконструкции столь красочной картины, но мысль о том, что распространение халафской культуры в западном направлении связано с проникновением в Сиро-Киликию избыточного населения северомесопотамских общин, представляется весьма вероятной. Сегментация халафских племен в восточном направлении была ограничена мало-продуктивными горными областями Курдистана, полностью освоенными земледельцами еще в пору Джармо. На юге обитали, возможно родственные им, племенные группы, высокая культура которых, вероятно связанная с начальными этапами искусственного орошения, известна по комплексу Самарры. В этих условиях наиболее перспективным для расселения было западное направление, хотя, возможно, и здесь сегментация халафских племен привела к различным конфликтам и столкновениям с местным населением. Вполне вероятно, что давление, которое испытывали племена сиро-киликийской культуры со стороны халафских переселенцев, сыграло известную роль в расселении раннеземледельческих общин по территории Малой Азии и в последующем проникновении их на Балканы, где в это время в ряде районов также произошел переход к экономике производящего типа.³⁸ Вспомним, что упоминавшееся выше поселение Хаджилар неоднократно разрушалось пожарами, связанными с какими-то чрезвычайными событиями. При всей заманчивости подобных построений следует, однако, подчеркнуть, что для полной уверенности в расселении халафских племен в западном направлении необходимо получение дополнительных материалов, могущих подкрепить наблюдения, сделанные на основании главным образом одной лишь расписной керамики. Исследование возможных изменений в других областях культуры, а главное — антропологические коллекции были бы в данном случае особенно цепны и показательны.

К сожалению, аналогичную оговорку приходится сделать и для следующего периода, связанного со временем существования убейдской культуры, сфера воздействия которой по своим масштабам значительно превосходит области, испытавшие халафское влияние. Убейдская культура, или Убейд, сложилась на территории южной Месопотамии, что дает полное право именовать ее если не раннешумерской, то во всяком случаеprotoшумерской.³⁹ Новые раскопки в Эреду убедительно показали местный

свидетельствующая, по его мнению, о приходе нового населения (C. F. A. Schaeffer. *Les fondements pré- et protohistoriques de Syrie...*, pp. 222—223).

³⁸ О возможном влиянии халафской орнаментации на керамику Македонии и Фессалии см.: J. Garstang. *Prehistoric Mersin*, p. 143. Ср.: S. Weinberg. *The relative chronology of the Aegean in the neolithic period and early bronze age*. In: *Relative chronologies in old world archeology*. Chicago, 1954, pp. 94—98.

³⁹ Основные материалы для характеристики убейдских комплексов южной Месопотамии, или, как их часто называют, южного Убейда, дали рас-

генезис комплекса классического Убейда (Эреду VII—VI), и предшествующий этап (Эреду XVIII—VII) по существу можно именовать раннеубейдским.⁴⁰ Как мы уже отмечали,⁴¹ не вполне ясно, откуда именно пришли первые земледельцы, освоившие заболоченные низины двух знаменитых месопотамских рек. Облик расписной посуды, изготавливавшейся этими первыми оседлыми обитателями Шумера, позволяет в равной степени допускать, что это были потомки племен южного варианта хассунской культуры (Самарра) или выходцы из горных областей, тяготеющих к Эламу. Вполне возможно, что первоначальное заселение южного Двуречья происходило разными путями и осуществлялось общинами различных племенных групп. Показательно во всяком случае, что материалы «классического Убейда» находят весьма близкие параллели в культуре Элама, что послужило основанием для теории иранского происхождения Убейда.⁴² Сейчас, когда стали известны и комплексы раннеубейдского времени, освоение южного Двуречья отодвигается к периоду, как будто еще не представленному в Эламе какими-либо материалами. Поэтому можно

копки в Уре и его окрестностях (H. R. Hall, L. Woolley. *Al-Ubaid*. London, 1927; L. Woolley. *Ur excavations*. v. IV, The early periods. Philadelphia, 1955), в Эреду (R. Campbell-Thompson. *The British museum excavations at Abu Shahrein in Mesopotamia in 1918*. *Archaeologya*, v. LXX, London, 1928; S. Lloyd and F. Safar. Eridu. Sumer, v. III, 1947; v. IV, 1948; F. Safar. Eridu. Sumer, v. IV, 1950), в Уруке (J. Jordaens. *Dritter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen*. Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissenschaft., № 2, Berlin, 1932; A. Nöldeke. *Vierter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen*. Ibid., № 6, Berlin, 1932) и в Телль-Укайре (S. Lloyd, F. Safar. Tell Uqair. *JNES*, v. II, № 2, 1943). Убейдский материал был обнаружен и в Телло (H. de Genouillac. *Fouilles de Telloh*, t. I, Paris, 1934). Недавно было исследовано раннеубейдское поселение, давшее материал типа Эреду XI—VIII, в 5 км к северу от Киша. Раскопки этого поселения, в частности, доказали одновременность керамики типа Хаджи-Мухаммеда и Халафа. Ср.: D. Stronach. *Excavations at Ras al Amiya. Iraq*, v. XXIII, pt. 2, 1961. Наиболее тщательной является сводка: CAEM, pp. 73—96. См. также: Г. Чайлд. *Древнейший Восток...*, стр. 178—192; A. Parrot. *Archéologie mésopotamienne*, pp. 178—202.

⁴⁰ Слои Эреду IX—XIII содержат керамику типа Хаджи-Мухаммеда, названную так по одному из мелких памятников в районе Урука. Слои Эреду XVIII—XIV дали керамику, ранее не встречавшуюся в других южно-месопотамских памятниках.

⁴¹ См. стр. 63.

⁴² H. Frankfort. *Archeology and sumerian problem*. SAOC, № 2. Chicago, 1932, p. 23. Близость убейдских и эламских материалов наиболее подробно рассмотрена Д. Мак-Кауном (CSEI, pp. 36—39), который видит в новых материалах, открытых в Эламе, подтверждение своей точки зрения (D. E. McCown. *The relative stratigraphy and chronology of Iran. In: Relative chronology in old world archaeology*. Chicago, 1954, p. 54). Этую точку зрения почти без оговорок принимает и А. Л. Перкинс. См. также выше, стр. 64.

предполагать, что все эти параллели и аналогии свидетельствуют о том, что среди древнейшего населения Шумера и Элама были какие-то племенные группы общего (загорского?) происхождения.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что Убейд южной Месопотамии представляет собой культурную общность, резко отличную от Халафа, характерного для областей севера, и что именно в пору Убейда земледельческая культура южных общин начинает свой стремительный прогресс, опережающий более медленную эволюцию соседей, исключая, быть может, племена, населяющие Элам. Устарелым является представление о носителях убейдской культуры как о примитивных племенах, живущих в хижинах, покрытых глиняной обмазкой.⁴³ Поселения южного Двуречья этого времени состояли из домов, построенных из сырцового кирпича, причем дома, видимо, группировались вокруг культового центра, представленного святилищем или храмом. Позднеубейдские храмы уже представляют собой монументальные сооружения, стоящие на высокой платформе, заключавшей остатки более ранних строений.⁴⁴ Хотя число медных предметов этого времени, найденных при раскопках, весьма невелико, упадок кремневой индустрии⁴⁵ не оставляет сомнений в расцвете металлургии, о которой мы можем также судить по терракотовым моделям топоров, которые несомненно представляют собой лишь копии литых медных изделий. Уже в пору раннего Убейда был одомашнен крупный рогатый скот. Несомненно, что подъем хозяйства сопровождался и значительным ростом населения. Недаром именно в это время складываются поселки на месте таких центров, как Эреду, Ур, Урук и Телло, ставших впоследствии крупными городами. Одновременно мы наблюдаем, как характер

⁴³ См., например: L. Woollsey. Excavations at Ur. London, 1955, p. 22. Эта характеристика, обошедшая страницы почти всех исторических работ, основана на результатах раскопок 1923—1924 гг. в Эль-Убейде, когда там в трапециевидном размером 30×4 м были найдены остатки камышовой плетенки с глиняной обмазкой. Однако здесь же был найден и сырцовый кирпич, и, видимо, именно мизерные масштабы работ (120 м^2) не позволили обнаружить сами глинобитные строения. Такие строения теперь открыты в убейдских слоях целого ряда памятников. Судя по раскопкам Эреду, рядом с глинобитными домами находились строения со стенами из ветвей, обмазанных глиной, имевшие, видимо, подсобное хозяйственное назначение (F. Safa g. Eridu, p. 30). Глинобитные дома раскопаны и в раннеубейдском поселении Рас-Эль-Амийя (D. Strongach. Excavations..., p. 100 sqq.). Общую характеристику Убейда в свете новых данных см.: S. Lloyd. Ur-Al-Ubaid, Uqair and Eridu, Iraq, v. XXII, 1960, pp. 23—31.

⁴⁴ Храм VI в Эреду имел 23.5×12.5 м, а его платформа — 26.5×16 м. Видимо, убейдские монументальные постройки существовали и в Уруке (САЕМ, р. 89). Есть основания полагать, что и на поселении Эль-Убейд в убейдский период существовал храм (S. Lloyd. Ur-Al-Ubaid..., p. 30).

⁴⁵ Показательно, что в раннеубейдском поселении Рас-Эль-Амийя кремневые изделия крайне малочисленны и представлены почти исключительно вкладышами серпов (D. Strongach. Excavations..., p. 105).

ные элементы убейдской культуры появляются далеко за пределами южного Двуречья, где эта культура сложилась как яркий и самостоятельный комплекс (рис. 78).

Прежде всего такие элементы мы видим в северной Месопотамии, на территории, где ранее безраздельно господствовала

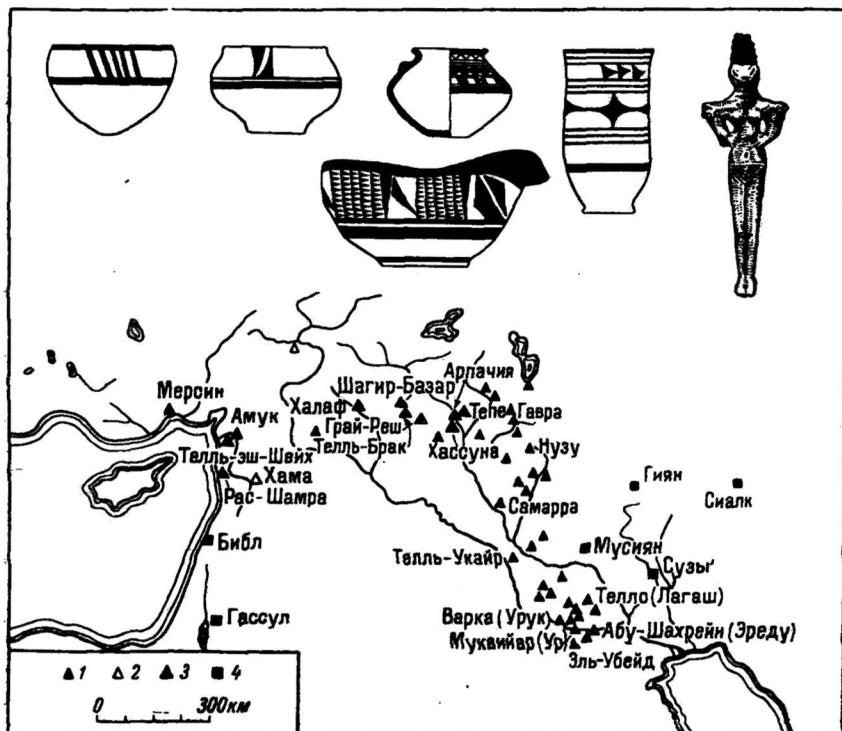

Рис. 78. Распространение убейдских памятников.

1 — убейдские памятники; 2 — отдельные находки убейдской керамики; 3 — халафские памятники, испытавшие влияние Убейда; 4 — прочие памятники.

халафская культура и где теперь складывается интересный комплекс, именуемый северным Убейдом.⁴⁶ Среди тех различий, которые мы можем наблюдать между памятниками северного и южного Убейда, наиболее заметно наличие в северном Убейде халафских традиций. Эти характерные традиции ясно показывают,

⁴⁶ Наиболее значительный материал для характеристики северного Убейда дают раскопки Гавры (A. T o b l e r. Excavations at Tere Gawra, v. II. Philadelphia, 1950), хотя соответствующие слои открыты и на целом ряде других поселений (Хассуна, Арпачия, Нузы, Грай-Раш и др.). См.: CAEM, pp. 46—73.

что северный Убейд в значительной мере является результатом дальнейшего развития местных традиций более раннего времени. Эти же халафские черты значительно отличают североубейдские памятники от южных. Это сказывается прежде всего в сохранении на керамике севера ряда мотивов и орнаментов, характеризующих продукцию гончаров Халафа. Так, на некоторых североубейдских поселениях, в частности в соответствующих слоях Шагир-Базара, имеется посуда с двуцветным рисунком, что совершенно нехарактерно для монохромной росписи Убейда, но зато перекликается с халафской полихромией. Круглые в плане дома, или, как их обычно называют в специальной литературе, толосы, известны и для халафского времени (Арпачия, Гавра XX), и в убейдских слоях Гавры (Гавра XVII).

Совершенно различны женские статуэтки северного и южного Убейда. На юге мы видим стройные фигуры стоящих женщин с прямыми подквадратными плечами. На севере преобладают изображения полных женщин с отвисшими грудями, сидящих с согнутыми в коленях ногами, — образ, сложившийся еще в пору существования халафской культуры.⁴⁷ Весьма существенны и различия в традициях погребального обряда. Если в убейдских погребениях юга покойники обычно помещались в вытянутом положении, на спине (некрополь Эреду, могилы Ур-Убейд II в Уре), то на севере мы видим скорченные захоронения (убейдские могилы Гавры и Арпачии). Вытянутые захоронения южной Месопотамии находят прямые параллели в погребальных обрядах Элама (Сузы А, Мусиан), тогда как скорченные кости, характерные для северного Убейда, продолжают местные традиции халафского (Арпачия, Гавра) и хассунского (Хассуна, Самарра) времени. Отметим, что в этом отношении центральный Иран (Сиалк, Гискар) и юго-запад Средней Азии (Анау, Кара-Депе, Геоксюр) примыкают к этой северомесопотамской традиции, отличной от погребальных обрядов Элама и южного Двуречья. Наконец, различия наблюдаются даже в размерах сырцового кирпича. Если кирпич южного Двуречья отличается небольшим форматом (Эреду: $28 \times 28 \times 6$, $23 \times 13 \times 6$ см; Урук: $27 \times 14 \times 7$, $24 \times 12 \times 7$ см), то на севере он более массивен (Гавра: $36 \times 18 \times 9$, $48 \times 24 \times 10$, $56 \times 28 \times 14$ см), соответствуя в этом отношении Сиалку и поселениям юго-западной Средней Азии ($38 \times 24 \times 10$, $48 \times 24 \times 10$, $50 \times 25 \times 12$ см).

Вместе с тем в материалах североубейдских памятников весьма многочисленны и южные, т. е. собственно убейдские, элементы. Это касается и основной массы керамики с монохромной росписью, в том числе и ряда специфических форм (черепаховидные сосуды,

⁴⁷ A. T o b l e r. Excavations... pl. LXXXI, CLIII. Ср. халафские фигуры: M. F. O r p e n h e i m. Tell Halaf, Bd. I, SS. 99—101, Taf. CV; M. E. M a l l o w a n, J. C. R o s e. Prehistoric Assyria, pp. 81—82, fig. 45.

видимо имевшие ритуальное назначение), глиняных основ для серпов с кремневыми вкладышами, планировки храмов, печатей, различных глиняных поделок и целого ряда других элементов.⁴⁸ Таким образом, можно заключить, что культура северного Убейда состоит из двух основных компонентов: элементов, продолжающих халофские традиции, и элементов, отражающих воздействие со стороны южного Двуречья.

Следует отметить еще одно обстоятельство, весьма характерное для соотношения северного и южного Убейда. Комплексы типа Убейда распространяются на севере Месопотамии в более позднее время, чем на юге. Так, раннеубейдский материал севера (Гавра XIX—XVIII) соответствует позднему Убейду юга (Эреду VIII—VI).⁴⁹ Это подтверждается и результатами радиокарбонового анализа. Южный Убейд в наиболее ранних слоях Урука датирован 4015 (± 160) г. до н. э.,⁵⁰ в то время как Убейд севера на довольно раннем этапе (Гавра XVIII или XVII) отнесен к 3446 (± 325) г. до н. э.⁵¹ Г. Чайлд с полным основанием отмечал, что поздние фазы северного Убейда в хронологическом отношении на юге соответствуют не Убейду, а уже следующему урукскому периоду.⁵² Все это не оставляет сомнений в том, что комплекс северного Убейда появился в результате сильного культурного воздействия, идущего со стороны областей южного Двуречья.

Однако сам механизм этого воздействия остается далеко не ясным. Л. Вулли, взгляды которого об интерпретации халофских влияний цитировались выше, полагает, что и в данном случае распространение убейдской керамики на огромном пространстве вплоть до восточного Средиземноморья есть не более как результат развитой торговли.⁵³

Другие исследователи, наоборот, склонны связывать это явление с продвижением на север племен из южной Месопотамии.⁵⁴ Действительно, и много позднее экспорт глиняной посуды играл незначительную роль в торговле. Обычно в обмен на различные виды сырья (руды, кожи, строительные материалы) высокоразвитые страны вывозили художественные изделия городских ремесленников, различные виды оружия, сосуды из драгоценных металлов и т. п. Поэтому в данном случае следовало бы заключить,

⁴⁸ Обстоятельно исследовавшая общие элементы северного и южного Убейда А. Л. Перкинс видит эту общность в 8 формах сосудов, 42 мотивах росписи и в 18 других видах памятников (САЕМ, pp. 90—94).

⁴⁹ Там же, стр. 84—96.

⁵⁰ K. O. Münnich. Heidelberg natural radiocarbon measurements. Science, v. CXXVI, 1957, p. 198.

⁵¹ W. F. Libby. Radiocarbon dating. Chicago, 1955, pp. 82—83.

⁵² Г. Чайлд, Древнейший Восток..., стр. 189.

⁵³ L. Wolley. Excavations at Ur, p. 33.

⁵⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 188, 314; R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations..., p. 511.

что отдельные сосуды, попавшие из южного Двуречья на поселение северной Месопотамии (исключать попадание отдельных судов в ходе торговых связей нет основания), произвели столь неотразимое впечатление на местных гончаров, что привели к перевороту в их деятельности. Такое стремление следовать южным образцам было бы тем более странным, что и в техническом отношении убейдская керамика почти ничем не превосходила местную халафскую посуду: в обоих случаях гончарный круг еще не был известен.⁵⁵ Вместе с тем, как отмечалось выше, южные параллели северного Убейда не ограничиваются одной глиняной посудой. Здесь особенно показательна идентичность планировки храмовых сооружений Гавры XVIII—XIX и Эреду VI—VIII, причем на юге в Эреду этот план имеет четкий местный генезис. Не удивительно, что некоторые исследователи полагают, что храмы северной Месопотамии, очевидно, возводились «цивилизованными выходцами» из южных областей.⁵⁶ Наконец, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Как мы видели, для северной Месопотамии характерно, по крайней мере со времени Хассуны, скорченное положение костяков в могилах. Именно таково положение и у большинства костяков убейдской Гавры. Однако здесь имеются и исключения. В слоях Гавра XVI и Гавра XVII, т. е. именно в слоях, отражающих начальный этап сильного воздействия южного Убейда, имеются могилы, в которых скелеты расположены в вытянутом положении, т. е. по обряду, характерному как раз для южного Двуречья и Элама. В слое XVII среди 14 могил есть одно такое погребение, в слое XVI — также одно из шести.⁵⁷ На то, что это не случайное явление, указывают раскопки могильника убейдского времени в Арпачие. Там среди основной массы погребений со скорченными скелетами имелась также одна могила, где погребенный лежал в вытянутом положении.⁵⁸ Естественно напрашивается вопрос: не похоронены ли в этих могилах Гавры и Арпачии представители южноубейдской племенной группы, сохранившие и на севере погребальный обряд, принятый на их родине? Совокупность этих данных позволяет считать, что проникновение убейдской культуры в северную Месопотамию было скорее всего результатом инфильтрации сюда южных, раннешумерских или протошумерских племен. Если первоначально оседлые поселки юга сложились в результате естественного процесса племен из каких-то соседних областей, то теперь уже движение идет в обратном направлении. Недаром воздействие южных элементов в северном направлении отмечается лишь на поздних фазах южного Убейда. Видимо, после этапа широ-

⁵⁵ В некотором отношении убейдская керамика даже грубее халафской.

⁵⁶ Г. Чайлд. Древнейший Восток . . . , стр. 314.

⁵⁷ A. J. Mallowan, J. C. Rose. Prehistoric Assyria, pp. 34—42.

⁵⁸ Там же.

кого освоения земледельцами территории позднейшего Шумера (Эреду XVIII—VII) наступил период, когда возрастающее население не могло прокормиться без кардинальных изменений в производительных силах страны, что и привело к сегментации племен в северном направлении (Эреду VII—VI). Лишь позднее создание сложной ирригационной системы резко увеличило обрабатываемую территорию и повысило производительность поливного земледелия южного Двуречья, что привело к росту местных поселков, постепенно становящихся крупными центрами с многочисленным населением.⁵⁹ Разумеется, подобное объяснение носит в значительной мере гипотетический характер, но представляется, что исследование всего круга вопросов в этом направлении может быть весьма плодотворным и перспективным. Показательно вместе с тем, что убейдская инфильтрация или, если говорить более осторожно, убейдское влияние получило именно северное направление. Если на западе от южного Двуречья находилась малоплодородная пустыня, то на востоке, в долинах Керхе и Каруна, обитали племена эламской группы, развитие которых и протекавшие внутри общества процессы, видимо, напоминали явления, наблюдавшиеся на территории Шумера.

Убейдские влияния и воздействия не ограничиваются территорией северной Месопотамии. Мы наблюдаем их также на территории Сиро-Киликии, в тех же поселениях, где раньше обнаруживалось воздействие Халафа. Убейдское влияние отмечается в Амуке,⁶⁰ Мерсине,⁶¹ Рас-Шамре,⁶² достигает Хамы⁶³ и района Малатья в центральной Анатолии.⁶⁴ Здесь складывается керамический комплекс, объединяемый вполне характерными чертами, и р. Брейдвуд на материалах Амука предлагает даже име-

⁵⁹ К сожалению, время создания крупных ирригационных систем Шумера остается неясным. Ряд исследователей подсказывает, что оно приходится на время позднего Урука и Джемдет-Насра (так называемый протописьменный период). См.: R. J. Bra id wood. *The Near East and foundation for civilization*. Oregon, 1952, p. 39. И. М. Дьяконов отмечает, что для Джемдет-Насра известен пиктографический знак сада у пруда или канала (И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 157). В последнее время были проведены специальные исследования ирригации Шумера и Аккада, но время ее сложения осталось неясным. См.: A. G oetze. *Archaeological survey of ancient canals. Sumer*, v. XI, 1955, pp. 127—128; R. M. Adams. *Survey. Sumer*, v. XIV, 1958, pp. 101—104; T. Jacobsen. *The waters of Ur. Iraq*, v. XXII, 1960, pp. 173—185.

⁶⁰ R. J. Bra id wood and L. S. Bra id wood. *Excavations* . . . , pp. 181—201.

⁶¹ J. Garstang. *Prehistoric Mersin*, pp. 159—166.

⁶² C. F. A. Schaeffer. *Les fondements pré- et protohistoriques de Syria* . . . , pp. 224—229.

⁶³ H. Ing holt. *Rapport préliminaire* . . . , p. 15.

⁶⁴ R. J. Bra id wood and L. S. Bra id wood. *Excavations* . . . , p. 511, note 85.

новать его северо-западным вариантом Убейда.⁶⁵ В пору Амука Д и Е угасает сиро-киликийская традиция выделки темнолощеной посуды, а расписная керамика убейдского стиля, хотя и местного производства, составляет 72—77% всей учтенной керамики. Ограниченнное количество материалов (по существу в распоряжении исследователей имеется лишь расписная керамика) не позволяет с уверенностью судить, было ли в данном случае влияние убейдской культуры на Сиро-Киликию связано с инфильтрацией в эту область инородного населения. Показательно, что посуда Амука Е представляется как бы керамической провинцией именно северного Убейда, и лишь в опосредованной форме его керамика связана с южными комплексами этой культуры. В этой связи вполне естественно предположить, что проникновение в северную Месопотамию нового населения с юга было как бы толчком, стимулировавшим сегментацию местных племен в западном направлении, определившимся еще в пору Халафа. Эта сегментация могла привести к распространению в Сиро-Киликии комплекса северного Убейда, представляющего собой соединение халафских традиций и воздействий, идущих с юга. Однако подобное решение еще меньше может быть обосновано имеющимися данными, чем южноубейдская инфильтрация на север Месопотамии.

Следы влияния северного Убейда обнаружаются не только к западу от северного Двуречья, но и в областях, расположенных к востоку от таких североубейдских центров, как Гавра, Ниневия и Арпачия. В горных долинах к югу от озера Урмия расположен ряд поселений, жители которых производили глиняную посуду, имеющую близкие аналогии в материалах северного Убейда.⁶⁶ Есть основания полагать, что следы убейдских влияний могут быть отмечены и для таких удаленных от убейдской метрополии районов, как юго-запад Средней Азии.⁶⁷

Как мы видели выше, воздействие халафской культуры не затронуло области центрального Ирана, где существовала яркая самобытная культура, известная по раскопкам Сиалка. В ранних комплексах земледельческих общин, занимавших юго-запад Средней Азии, судя по имеющимся материалам, внешние влияния также были сравнительно ограничены и невелики. Единственное исключение составляет комплекс керамики типа Анау IA, в расписной орнаментации которой, возможно, следует видеть следы воздействия гончарной продукции нижнего слоя Сиалка.⁶⁸ Однако

⁶⁵ Там же, стр. 511—512.

⁶⁶ R. H. Dusop, T. C. Young. The Solduz valley. Iran: Pisdeli Tere. Antiquity, 1960, № 133, pp. 19—26. См. также выше, стр. 217.

⁶⁷ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 91, М., 1962.

⁶⁸ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 68; И. Н. Хлопин. Дашилджи-Депе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана. Там же, стр. 165. И. Н. Хло-

начиная со времени бытования комплексов типа Анау II—Намазга II свидетельства таких контактов и влияния становятся более многочисленными и проявляются в различных областях культуры. В это время здесь отчетливо выступает различие между материальной культурой западных (Анау, Кара-Депе) и восточных (Геоксюр и др.) памятников. На поселениях восточной группы распространена расписная керамика трех видов. Наиболее многочисленна местная посуда так называемого ялангачского типа с простым орнаментом из четырех полос вдоль венчика чащ и горшков или треугольных шевронов на корчагах. Сравнительно реже встречается посуда с прекрасной полихромной росписью, изготовленная в этот период обитателями западной группы поселений и, вероятно, именно оттуда попавшая в Геоксюрский оазис. Наконец, третья группа представлена посудой с одноцветной, обычно темнокоричневой росписью по зеленовато-белому, иногда розоватому фону. Здесь имеются чаши, но особенно характерны высокие банковидные сосуды. Первоначально эта посуда была найдена в слое 5 поселения Геоксюр 1,⁶⁹ но теперь она обнаружена по крайней мере на четырех других поселениях Геоксюрского оазиса,⁷⁰ являясь, таким образом, типичной для ялангачских комплексов.

В. И. Сарианиди, впервые столкнувшись с этой керамикой, отметил, что она составляет совершенно особую группу. Действительно, по мотивам орнаментации и по композиции росписи она существенно отлична как от ялангачской керамики, так и от посуды с полихромной росписью типа Намазга II. В этом отношении особенно следует отметить такой специфический для рассматриваемой керамики мотив, как ряды ромбов, заполненных косой штриховкой. Совершенно нехарактерна для южнотуркменистанской керамики времени Намазга II, будь то памятники западного или восточного районов, и форма банковидного сосуда.

Между тем именно эта необычная для южного Туркменистана группа расписной керамики находит себе ряд аналогий в гончарной продукции убейдской культуры. Так, в убейдских слоях Гавры имеется орнамент из ряда ромбов с косой штриховкой.⁷¹ Здесь же мы видим сетку из равнобедренных треугольников, об-

шин полагает, что керамика из поселения Шири-Шайне около Дамгана, изданная Э. Шмидтом (E. F. Schmid. Excavations at Tere Hissar. Philadelphia, 1937, p. 17), относится ко времени Сиалка I, а не Гисара IA.

⁶⁹ В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. CA, 1960, № 3, стр. 144.

⁷⁰ Это Муллали-Депе (Геоксюр 4), Ялангач-Депе (Геоксюр 3), Акчадепе (Геоксюр 2) и Геоксюр 7.

⁷¹ A. Topley. Excavations . . . , pl. LXXI, a, 9, 14 (слой Гавра XVIII); LXXIV, b, 2 (слой Гавра XVII).

разованную перекрещенными линиями.⁷² Особенно близка геоксюрским материалам убейдская керамика северной Сирии, где орнамент из рядов ромбов с косой штриховкой нанесен на сосуды, форма которых также сходна с геоксюрской посудой.⁷³ Следует отметить, что хотя орнамент, образованный рядом ромбов, широко распространен и на посуде южноубейдских памятников,⁷⁴ заполнение ромбов косой штриховкой отмечено лишь в северном Убайде (Гавра, Амук). Посуда с аналогичной росписью из комплексов Сиалк II⁷⁵ как бы образует связующее звено между североубейдскими памятниками, с одной стороны, и геоксюрской керамикой с другой.

В тот же период раннего Намазга II и в том же Геоксюрском оазисе мы встречаем новые явления в области архитектуры, которые, так же как и роспись рассмотренной выше глиняной посуды не связываются с местными традициями. Мы имеем в виду появление строений, круглых в плане. В пору Намазга I, как показали раскопки Яссы-Депе у Каахка⁷⁶ и Дашлыджи-Депе в Геоксюрском оазисе,⁷⁷ такие строения не встречались на поселениях ранних землевладельцев юго-запада Средней Азии. Особенно показательны в этом отношении раскопки Дашлыджи-Депе, где были вскрыты три строительных горизонта и ни в одном из них не оказалось круглых домов, которые появляются в Геоксюрском оазисе в период непосредственно после времени существования Дашлыджи-Депе.

Эти круглые дома располагаются на поселениях времени раннего Намазга II в различных местах. Так, довольно обычны круглые дома, включенные в обводную стену, окружающую территорию небольших поселков Геоксюрского оазиса. Внутренний диаметр этих домов колеблется от 3.1 до 4.5 м. Характер культурного слоя и наличие внутри них очагов заставляет предполагать,

⁷² Там же, табл. LXX, а, 24 (слой Гавра XIX).

⁷³ R. J. B r a i d w o o d and L. S. B r a i d w o o d. Excavations . . . , p. 192; fig. 149—170, 42 (фаза Амук Е).

⁷⁴ CAEM, fig. 10, 13 (ромб со сплошной заливкой). Часто встречаются в росписи керамики южного Убайда и ромбы, заполненные сеткой. См.: L. W o o l l e y. Ur excavations, v. IV, pl. 50; A. N ö l d e k e. Vierter vorläufiger Bericht . . . , Taf. 18, A. Возможно, семантически ряд ромбов восходит к цепочке бегущих птиц с ромбическим туловищем. Черепок с изображением таких птиц был найден А. Стейном в Малавире (A. S t e i n. Old routes of Western Iran. London, 1940, pl. III, 16).

⁷⁵ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. I, Paris, 1938, pl. XLVIII, c, 5, 18; XLIX, c, 9. Особенно близок геоксюрским материалам венчик толстостенного сосуда — pl. LI, c, 5. Отметим, что после полной публикации материалов Гавры вызывает сомнения синхронизация Д. Мак-Кауном Сиалка II с Халафом (CSEI, tabl. II). Вердимо, по крайней мере поздний Сиалк II одновременен раннему Убайду Гавры.

⁷⁶ Б. А. К у ф т и н. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274—276.

⁷⁷ И. Н. Х л о п и н. Дашлыджи-Депе . . .

что перед нами обычные жилые помещения. Четыре таких строения открыты на Ялангач-Депе и пять на Муллали-Депе.⁷⁸ Раскопки, проведенные на поселениях Айна-Депе и Геоксюр 9, показали, что и здесь имелись круглые дома, включенные в ограждающую стену. Во всех случаях эти дома включены в периметр внешней ограды поселения. Но вместе с тем и на Ялангач-Депе, и на Муллали-Депе, и на поселении Геоксюр 9 среди прочих строений внутри этой ограды имеется по одному круглому дому. На Ялангач-Депе он имеет диаметр около 6 м и заполнен красной обгорелой землей и кусками обожженного кирпича. Аналогично заполнение и плохо сохранившегося круглого дома на поселении Геоксюр 9. Диаметр круглого дома на Муллали-Депе 4 м, стены его имеют толщину около 1 м, а внутри часть дома отделена стенкой из сырцового кирпича.⁷⁹ Значительный интерес представляет круглый дом на поселении Геоксюр 7 (внутренний диаметр дома 4.3 м). Этот дом находился внутри поселения, занимая участок, видимо обнесенный специальной оградой. В центре этого дома на полу находилось сделанное из глины, круглое в плане возвышение с невысокими бортиками, с незначительными следами воздействия огня. Это возвышение идентично керамическим дискам-очагам, характерным для домовых святилищ, обнаруженных на более поздних поселениях того же Геоксюрского оазиса 7. Примечательно, что в одном поселении ялангачского периода, Акча-Депе, где внешняя ограда, видимо, имела иное устройство, чем на Ялангач-Депе и Муллали-Депе, в самом центре поселения также находится круглое в плане строение, раскопки которого пока не завершены.⁸⁰ Если круглые дома, включенные в ограду поселений, можно было рассматривать как жилые помещения, то в отношении круглых домов, расположенных внутри ограды, в каждом случае по одному на поселении, а на Акча-Депе даже в самом центре поселения, можно предполагать, что они имели какое-то особое назначение.⁸¹

Эти круглые дома находят прямые аналогии в материале северного Убейда, где они восходят к еще более ранней домостроительной традиции. В раннеубейдской Гавре, в слое XVII, были открыты два круглых дома — так называемый «южный толос», диаметром 4.25 м, и «северный толос», диаметром 4.5 м. Стены этих строений тонкие — толщиной 30 см.⁸² Проход, ведущий в «северный толос», фланкирован двумя небольшими стенками.

⁷⁸ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита южной Туркмении. Автореферат дисс., Л., 1962, стр. 13—14.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ В. И. Сараниди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 91, М., 1962, стр. 23—24.

⁸¹ См. стр. 313.

⁸² А. Тоблер. Excavations..., pp. 42—43, pl. XVIII, XLII, b.

Хотя в самих голосах не было найдено объектов, свидетельствовавших бы о назначении этих строений, их положение в определенной части поселения весьма примечательно. Именно здесь в более древних слоях XVIII и XIX находились прямоугольные святилища с целлой того стандартного для Месопотамии плана, который известен и в Эреду, и в целом ряде других поселений. Как полагают исследователи, возможно, этот участок Гавры традиционно был местом религиозных построек, и тогда можно со значительными основаниями предполагать особую функциональную роль круглых домов XVII слоя, где они расположены, как и круглые дома геоксюрских поселений, рядом с обычными жилыми прямоугольными помещениями.⁸³ Весьма существенно, что на этом же участке Гавры был вскрыт еще один слой (XX), относящийся уже не к Убайду, а к позднему Халафу. Место святилищ слоев XVIII и XIX здесь опять занимает круглый дом диаметром 5.25 м.⁸⁴ Интересно, что из построек халафской культуры лучше всего известны именно круглые дома, или толосы, открытые при раскопках Арпачии.

Всего на Арпачии открыто 10 толосов, причем шесть из них находились на главном холме поселения, занимая, особенно в последний период, центральное место на памятнике. Два толоса (диаметр 5.5 и 5.6 м) были открыты в слое 10, один (диаметр 5.5 м) в слое 9, один (диаметр 6.5 м) в слое 8 и два (такой же величины) в слое 7. Показательно, что один из толосов слоя 7 построен над остатками более раннего аналогичного сооружения. Четыре толоса открыты в окрестностях главного холма, где они также относятся к разным слоям. Более поздние строения (слои 8—7) имеют длинную прямоугольную комнату в качестве преддверья.⁸⁵ Хотя в толосах Арпачии не найдено, как и в круглых домах Гавры, каких-либо изделий, свидетельствующих об их назначении, большинство исследователей полагает, что это скорее всего остатки святилищ или построек культового характера.⁸⁶ При этом особенно важно то обстоятельство, что толосы Арпачии занимали центральное положение на поселении. Приводившиеся выше данные стратиграфии Гавры также как будто свидетельствуют в пользу подобного заключения.

⁸³ Там же, стр. 43; САЕМ, р. 66.

⁸⁴ A. T o b l e r. Excavations, p. 47, pl. XLV.

⁸⁵ M. E. M a l l o w a n, J. C. R o s e. Prehistoric Assyria, pp. 25—32.

⁸⁶ Там же, стр. 32; САЕМ, р. 39—40; A. R a g g o t. Archéologie mésopotamienne, р. 15. Г. Чайлд писал, однако, что можно теоретически предположить использование толосов Арпачии в качестве кладовых или амбаров (Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 177). Странно, однако, что из всех построек именно амбары делались наиболее фундаментально (на фундаменте из бутового камня), занимали центр поселения и что в каждом из слоев было по одному или по паре этих амбаров.

Круглые дома Арпачии не были случайным явлением в халафской культуре. Как уже отмечалось, подобный «толос» найден и в халафских слоях Гавры. А. Л. Перкинс не без оснований полагает, что так называемые «горны» Кархемиша, по плану и размерам весьма близкие толосам Арпачии, также являются сооружениями аналогичного характера.⁸⁷ Однако возведение круглых домов имеет в северной Месопотамии еще более древние, дохалафские традиции. В Хассуне, в одном из нижних слоев (слой Ic), открыто овальное в плане строение диаметром до 5.5 м. Внутри от внешней стены отходят небольшие отрезки стен (как в «толосах» Гавры!). Ф. Сафар отмечает, что по характеру культурного слоя это помещение определенно является жилым строением.⁸⁸

Следует отметить, что для глинябитной, а тем более сырцовой архитектуры возведение строений, округлых в плане, является необычным явлением. Более соответствуют возможностям строительного материала, особенно при наличии прямоугольного сырцового кирпича, постройки прямоугольных очертаний. Такие постройки и являются основным видом домов и в Хассуне, и в Гавре, и на поселениях Геоксюрского оазиса. Следует полагать, что сам тип круглого дома восходит к более ранним «досырцовым» постройкам, а именно к овальной в плане землянке или хижине. Такие хижины известны по каменным моделям Двуречья, а овальные в плане землянки раскопаны на протоземледельческих памятниках Палестины (Эйнан) и северной Месопотамии (Малефаат). В древнейшем Иерихоне, т. е. в «дохассунский» период, мы видим, как сначала сырцовые дома имеют овальный план и лишь позднее эти овальные дома сменяются прямоугольными.⁸⁹ Можно допустить, что если первоначально овальные глинябитные дома существуют с прямоугольными (Хассуна?), то позднее эта круглая планировка сохраняется лишь для тех построек, где она становится своеобразной священной традицией (Халаф, ранний Убайд). Интересно, что аналогичное явление отмечено у индейцев пуэбло, где наряду с прямоугольными домами из сырца мы видим круглое полуподземное святилище — киву, чей план восходит еще к древнейшим землянкам. Не имеем ли мы в «толосах» Арпачии и Гавры аналогичные святилища, принадлежащие или родовому, или большесемейному коллективу? Последнее могло бы объяснить, почему иногда в одном слое встречается несколько подобных строений.

Как же в свете подобных сопоставлений можно рассматривать круглые дома Геоксюрского оазиса? Мы, видели, что местная архитектурная традиция для них неизвестна. С другой стороны,

⁸⁷ CAEM, p. 41.

⁸⁸ S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, v. IV, № 4, 1945, p. 272, fig. 28.

⁸⁹ K. Kenyon. Earliest Jericho. Antiquity, № 129, 1959, pp. 5—6.

аналогичные постройки в северной Месопотамии известны начиная с Хассуны и кончая ранним Убейдом. Естественно считать, что появление этих специфических строений на юго-западе Средней Азии является результатом внешних, а именно северомесопотамских влияний. Круглые дома внутри ограды, встречающиеся по одному на Ялангач-Депе, Муллали-Депе, Акча-Депе и других поселениях, скорее всего, как и их северомесопотамские двойники, имели какое-то особое назначение. Однако этот тип построек был использован геоксюрцами значительно шире — их включали в обводную стену, где они, оставаясь жилыми помещениями, могли играть роль примитивных башен.⁹⁰ С этой точки зрения круглое строение было надежнее традиционной для Геоксюрского оазиса прямоугольной постройки, чьи углы могли быть более легко разрушены.

Было бы преждевременно утверждать на основании появления в Геоксюрском оазисе группы керамики с росписью, обнаруживающей североубейдские параллели, и круглых в плане домов, также восходящих к северомесопотамским традициям, что в IV тыс. до н. э. имела место инфильтрация убейдских племенных групп в области обитания среднеазиатских земледельцев. При этом следует иметь в виду, что и расстояние, разделяющее убейдскую метрополию и среднеазиатские общинны, весьма велико, и то обстоятельство, что в центральном Иране пока не обнаружены памятники, свидетельствующие о проникновении сюда убейдских племен, и, наконец, довольно ограниченный характер предлагаемых аналогий, относящихся к области культуры. Вместе с тем сам факт появления на юго-западе Средней Азии культурных элементов, могущих быть связанными с убейдскими влияниями, нельзя не поставить в связь с распространением убейдской культуры в IV тыс. до н. э. на весьма обширной территории, о чем уже говорилось выше. При этом особенно следует подчеркнуть, что аналогии между среднеазиатскими и убейдскими материалами приходятся именно на северный вариант убейдской культуры, объединяющий южные влияния и местные халафские традиции. Если в северной Месопотамии в IV тыс. до н. э. имело место сильнейшее влияние южного Убейда, скорее всего связанное с инфильтрацией протошумерских племен, то на районы, соседние с северной Месопотамией, оказывает влияние уже северный вариант убейдской культуры (Амук Е в Сиро-Киликии, Пишдели-Тепе в северо-западном Иране). Возможно, в этих областях подобное влияние было частично связано с расселением северомесопотамских племенных групп. Юго-запада Средней Азии эти североубейдские влияния достигают уже в весьма ослабленной форме и, вероятно, связаны с усилением культур-

⁹⁰ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита..., стр. 13.

ных связей внутри обширного мира северомесопотамско-иранско-среднеазиатских земледельческих общин. Мы уже видели, что в целом ряде отношений эти племена имели общие культурные традиции. Убейдский толчок IV тыс. до н. э., видимо, стимулировал взаимные связи и контакты.

В связи с вопросом об убейдских влияниях и аналогиях следует остановиться еще на одном аспекте проблемы круглых домов в ближневосточной археологии. Такие дома со стенами, выполненными из сырцового кирпича, иногда на каменном фундаменте, составляют одну из характерных черт куро-аракского энеолита, в область распространения которого входит и приурмийский район Ирана.⁹¹ Еще Б. А. Күфтин, впервые выделивший комплексы куро-аракского энеолита, предложил сопоставлять круглые дома этой культуры с халафскими толосами Арпачии.⁹² Как можно было видеть, круглые дома характерны и для северного варианта убейдской культуры. Очень близки круглые дома Закавказья аналогичным постройкам Геоксюрского оазиса. Совпадают и размеры этих домов, а когда в центре такого дома находится, как это отмечено на поселении Геоксюр 7, круглый в плане очаг, то совпадение с куро-аракскими памятниками, для которых весьма характерны круглые очаги, просто поразительны. Можно было бы предположить, что в куро-аракском энеолите подобные дома являются результатом северомесопотамских (убейдских, восходящих к халафским, а не собственно халафским) влияний и что общий источник объясняет этот исключительный параллелизм в архитектуре столь удаленных друг от друга районов. Подобное заключение, однако, сталкивается с двумя обстоятельствами, не позволяющими считать его, на данном уровне наших знаний, наиболее вероятным. Во-первых, комплексы так называемого закавказского энеолита позднее северного Убейда, а в предшествующих им памятниках (Гей-Тепе М, Пишдели-Тепе) круглые дома пока не обнаружены. Во-вторых, само происхождение куро-аракской культуры скорее всего связано с малоазийским культурным кругом, а не с месопотамско-иранским. Возможно, что в силу этого истоки круглых домов Закавказья следует искать в памятниках Анатолии, если только эти дома не являются повторением круглых в плане строений, предшествовавших в закавказских республиках появлению глинобитной архитектуры.

⁹¹ См. стр. 239. Сейчас круглые дома открыты на поселении к востоку от Урмии, правда, в слоях, относительно поздних — конца III—начала II тыс. до н. э. См.: С. А. Виглеу. Excavations at Yanik Tere, North-West Iran. Iraq, v. XXIII, 1961, pt. 2, pp. 138—153.

⁹² Б. А. Күфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арагата и куро-аракский энеолит. Вестн. музея Грузии, XIII-B, Тбилиси, 1944, стр. 114.

Вместе с тем приведенные выше материалы не исчерпывают убейдские параллели в культуре среднеазиатских земледельческих общин. Помимо круглых домов и отдельных аналогий в мотивах росписи на посуде, эти аналогии охватывают и значительную группу терракотовых статуэток. Однако аналогии в мелкой скульптуре существенно отличны от убейдских влияний, проявившихся на памятниках Геоксюрского оазиса времени раннего Намазга II. Во-первых, все эти аналогии связаны не с северным, а с южным Убейдом и, во-вторых, они приходятся в Средней Азии на сравнительно поздний период, ориентировочно датированный концом IV—первой половиной III тыс. до н. э. (позднее Намазга II—Намазга III), т. е. на время, когда в самой южной Месопотамии убейдские комплексы были сменены не только Уруком, но уже и Джемдет-Насром.⁹³

Обратимся к рассмотрению соответствующих материалов. Основные коллекции мелкой терракотовой скульптуры времени позднего Намазга II—Намазга III были получены при раскопках Кара-Депе у Артыка⁹⁴ и поселений Геоксюр 1⁹⁵ и Чонг-Депе (Геоксюр 5)⁹⁶ в Геоксюрском оазисе. Весьма интересен генезис этой скульптуры.

В пору раннего Намазга II в Геоксюрском оазисе были распространены фигурки женщин, сидящих с вытянутыми ногами, у которых плечи и руки обычно не изображались, а центральное место в верхней части торса занимали массивные груди. Прекрасным образцом таких фигурок является массивная статуэтка с Ялангач-Депе. В пору позднего Намазга II—раннего Намазга III поза женских статуэток остается той же, но зато теперь они имеют широкие прямоугольные плечи и опущенные вниз, короткие отрезки рук. Часто на плечах и на спине мы находим многочисленные овальные налепы. Весьма типична в этом отношении одна из кара-депинских статуэток, у которой верхняя часть торса почти сплошь покрыта налепами. Подобные налепы часто встречаются и на торсах фигурок, происходящих из Геоксюрского оазиса. Особенный интерес представляет геоксурская статуэтка с изображением у груди человеческой фигурки, видимо младенца. Эти иконографические «новшества» найдут себе известное объяснение, если мы обратимся к коропластике убейдской культуры (рис. 79).

⁹³ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры, стр. 8.

⁹⁴ В. М. Массон. 1) Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961); 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. СА, 1962, № 3.

⁹⁵ В. И. Сарканиди. Энеологическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961).

⁹⁶ В. И. Сарканиди. Некоторые вопросы . . .

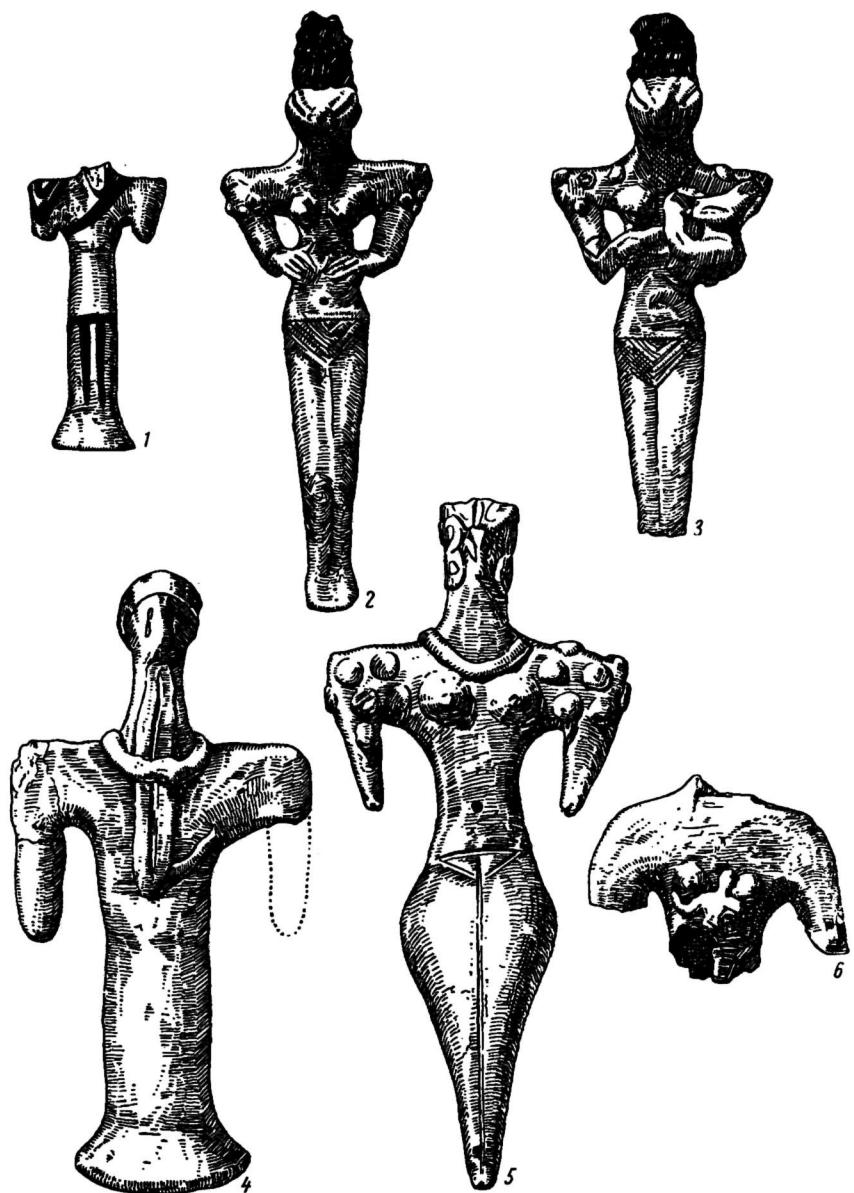

Рис. 79. Статуэтки южного Убейда и Средней Азии.
1 — Урук; 2, 3 — Ур; 4, 5 — Кара-Депе; 6 — Геоксюр.

Таковы прежде всего хорошо известные убейдские фигурки из Ура.⁹⁷ Именно здесь мы находим и утюрированно прямоугольные плечи, и овальные налепы на плечах и, наконец, изображение кормящей матери. Иногда налепы на плечах заменялись точками, сделанными краской. Найдки в Эль-Убайде,⁹⁸ Уруке,⁹⁹ Телло¹⁰⁰ показывают, что статуэтки Ура типичны именно для южного Убайда. Нельзя не отметить и существенных различий в мелкой скульптуре Убайда и южного Туркменистана. Статуэтки Убайда — стоящие, в то время как фигурки Геоксюра и Кара-Депе изображены сидящими, с вытянутыми вперед ногами (старая местная традиция!). Руки на убейдских скульптурах сложены под грудью, а на южнотуркменистанских терракотах мы видим, как правило, лишь короткие обрубки, опущенные вниз. Видимо, в обобщенной передаче среднеазиатских скульпторов изображались лишь предплечья, а часть руки ниже локтя не лепилась. Вместе с тем следует отметить, что при раскопках поселения Чонг-Депе в 1961 г. были найдены торсы женских фигурок со сложенными на животе руками, причем тщательно моделированные пальцы — деталь, совершенно не характерная для местной скульптуры — свидетельствуют, что перед нами весьма близкая параллель южноубейдским фигуркам. Все эти обстоятельства позволяют считать, что при сохранении местных традиций в объемной трактовке женского божества кара-депинские и геоксюрские скульпторы испытали влияние убейдской иконографии. Это сказалось и в подквадратных плечах, ранее здесь не изображавшихся, и в появлении на торсах точечных налепов, и, возможно, в появлении фигурок «кормящей матери». Следует подчеркнуть, что на этот раз речь должна идти о влиянии лишь со стороны памятников южного варианта убейдской культуры, распространенных в южной Месопотамии, на территории исторического Шумера. В северном Убайде, как мы видели, были распространены совершенно отличные изображения женщин с полными, отвисшими грудями, сидящих с согнутыми в коленях ногами, — образ, сложившийся еще в пору существования халафской культуры.¹⁰¹

Однако аналогии с Убайдом не ограничиваются одними женскими статуэтками. На Кара-Депе, в слоях раннего Намазга III, было найдено терракотовое изображение стоящего мужчины с тяжелыми подквадратными плечами, длинной, узкой бородой, разделенной на две пряди, и цилиндрическим туловом, чуть рас-

⁹⁷ L. Woolley. Excavations at Ur, p. 12, pl. 20.

⁹⁸ H. R. Hall, L. Woolley. Al-Ubaid. pl. XLVIII, 369, 405, 407.

⁹⁹ J. Jordan. Dritter vorläufiger Bericht..., Taf. 21.

¹⁰⁰ H. de Genouillac. Fouilles de Telloh, t. I, Paris, 1934, pl. 12, 1, 4a, 6.

¹⁰¹ A. Tobler. Excavations..., p. 162, pl. LXXXI, CLIII.

ширяющимся к основанию. Ближайшей аналогией этому изображению является терракотовая статуэтка из убейдских слоев Урука.¹⁰² Правда, эта статуэтка значительно стройнее приземистой скульптуры с Кара-Депе, отсутствует коса на спине и бородка была короткой, а не длинной, но в целом значительное сходство налицо. При этом нужно отметить следующую деталь. На кара-депинской статуэтке у нижней части бороды мы видим странный на первый взгляд косо идущий налеп. На образце из Урука в этом месте краской изображена перевязь, идущая через левое плечо, что, кстати, весьма характерно для убейдской скульптуры из Урука. В данном случае, как и на примере с женскими изображениями, перед нами образец иконографического воздействия убейдских терракотов. Более того, поскольку нам известны на Кара-Депе фигурки мужчин, изображенных, как и женские фигурки, в сидячей позе с вытянутыми вперед ногами,¹⁰³ то, возможно, сам образ стоящего человека навеян южномесопотамскими прототипами.

Чтобы проанализировать вероятные пути воздействия южнобейдской иконографии на среднеазиатскую коропластику, необходимо вернуться к общей характеристике культуры среднеазиатских земледельцев конца IV—первой половины III тыс. до н. э. В это время занятая ими территория совершенно четко разделяется на две культурные области, возможно соответствующие территории обитания двух племенных союзов. Западная область, к которой относятся такие памятники, как Анау, Кара-Депе у Артыка, Намазга-Депе (более западные поселения плохо изучены), по целому ряду особенностей и в первую очередь по характеру расписной керамики отлична от поселений восточной группы, которая объединяет поселения Геоксюрского оазиса в древней дельте Теджена, Сарахское поселение, Илгынлы-Депе у Чача и Алтын-Депе у Меана.¹⁰⁴ Несмотря на эти отличия, в обеих областях в рассматриваемое время наблюдается ряд существенных изменений в культуре, свидетельствующих о том, что обе эти области переживали общие исторические судьбы.

На памятниках западной группы в конце IV—начале III тыс. до н. э. ранее бытовавшая керамика типа Намазга II сменяется комплексом типа Намазга III. При этом наблюдается целый ряд новых элементов в расписной орнаментации. В геометрических мотивах наряду с сохранением старых орнаментов распространяются рисунки крестовидных фигур, полукрестов, пиловидных линий, ранее почти не встречающихся. Но особенно значительные изменения происходят в росписи с зооморфными сюжетами. Если

¹⁰² J. Jordan. Dritter vorlaufiger Bericht..., Taf. 21.

¹⁰³ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, табл. XIII, 11—14. Эти фигурки появляются в слоях позднего Намазга II и быстро схематизируются.

¹⁰⁴ Подробнее см. стр. 147.

в пору Намазга II известны лишь рисунки козлов, то на посуде Намазга III мы встречаем уже целый зверинец. Помимо козлов, здесь и пятнистые барсы, и идущие птицы, и орлы с распластанными крыльями, и коровы. Хотя сам факт наличия рисунков козлов подчеркивает сохранение традиции времени Намазга II, в иконографическом облике этих животных происходят существенные изменения. Козлы, изображенные на керамике времени Намазга II, это линейно-схематические фигурки с четырьмя ногами и обычно загнутым вверх хвостом. На керамике времени Намазга III мы видим уже профильные фигуры козлов, часто выполненные с незаурядным художественным мастерством. От линейно-схематичной манеры здесь не осталось и следа. В соответствии с требованиями профильного изображения у козлов лишь две ноги. Хвост изображен опущенным вниз.

В расписной керамике Намазга II нет истоков для подобной манеры изображения животных. Барсы, птицы, орлы и коровы вообще неизвестны в росписи времени Намазга II. Между тем и подобная манера рисунков, и их мотивы находят себе прямые аналогии в росписи на посуде, производившейся земледельцами центрального Ирана. Именно здесь мы находим прямые и непосредственные аналогии и профильной манере изображения животных, и подобный состав самих животных. Наиболее близкие параллели могут быть отмечены в таких иранских комплексах, как Гисар IV—IIA и Сиалк III, 3—7 (рис. 80). Это обстоятельство естественно наводит на мысль, что изменения, которые отмечаются в расписной керамике типа Намазга III, связаны с воздействиями, идущими со стороны центрального Ирана. При этом интересно отметить, как традиционная для Сиалка и Гисара профильная манера была переосмыслена в Средней Азии. Так, рисунки барсов, крайне условные по сравнению с центральным Ираном, были восприняты как имеющие четыре лапы, хотя точечное заполнение между двумя ногами сохранилось. Эти точки были логичны при профильном рисунке, но потеряли всякий смысл, когда кара-депинские гончары изображением когтей подчеркивают, что на рисунке не две ноги, а все четыре.

Было бы странным несколько неожиданное усиление такого влияния со стороны центральноиранских племен, и поэтому было выдвинуто предположение — не имеем ли мы в данном случае дело с передвижением каких-то племенных групп.¹⁰⁵ В настоящее время ряд новых данных свидетельствует о справедливости подобного заключения.

Одновременно со сменой расписной керамики типа Намазга II посудой типа Намазга III происходят определенные изменения

¹⁰⁵ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1958, № 4, стр. 51—52.

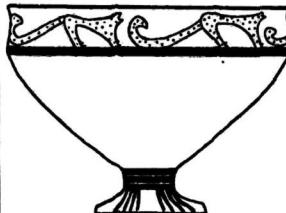
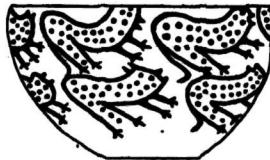
	<i>Сиалк III, 3-7</i>				
<i>Иран</i>	<i>Гисар IV - IA</i>				
<i>Южная Туркмения</i>	<i>Намазга III</i>				
	<i>Намазга II</i>				

Рис. 80. Расписная керамика Средней Азии и Ирана.

и в погребальном обряде.¹⁰⁶ Для погребений времени Намазга II характерно положение скелета на левом боку и строго выдержанная ориентация головой на юг—юго-запад. Однако в слоях Намазга III начинают появляться погребения с костяками, покоящимися на правом боку и ориентированными в ином направлении. Наконец, что является решающим моментом, происходят изменения и в антропологическом типе, ясно указывающие на появление нового населения. Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург, исследовавшие довольно обширную коллекцию антропологических материалов, происходящих с Кара-Депе, отмечают, что в погребениях времени Намазга III появляются люди с более массивным черепом, чем в предшествующий период. Отмечаемые изменения противоречат обычной направленности эпохальной изменчивости и, по заключению Т. А. Трофимовой и В. В. Гинзбурга, эти люди «морфологически сближаются с типом населения, погребенного в Сиалке I—IV»¹⁰⁷ Все эти факты не оставляют сомнений в том, что в конце IV—начале III тыс. до н. э. имела место инфильтрация племенных групп из центрального Ирана в западную область среднеазиатских земледельцев. Культурные явления, связанные с этой инфильтрацией, не ограничиваются расписной керамикой. В пору Намазга III на юго-западе Средней Азии впервые появляются каменные и терракотовые «печати»-амулеты, резной орнамент которых, чаще всего с центральной крестовидной фигурой, в ряде случаев повторяет мотивы росписи на посуде. «Печатки»-амулеты совершенно нехарактерны для более ранних этапов местной культуры. Появившись впервые в неолите Сиро-Килиции, эти «печатки»-амулеты получили распространение в северной Месопотамии, затем появляются в Эламе и на юге Двуречья и лишь в конце IV—первой половине III тыс. до н. э. достигают юго-запада Средней Азии. Хотя рисунок среднеазиатских «печаток» вполне своеобразен, само появление подобных предметов также, надо полагать, отражает какие-то культурные контакты древности. Кроме того, как мы видели, в пору Намазга III отмечается ряд иконографических изменений в мелкой глиняной скульптуре, являющихся как бы отзвуком южноубейдских (шумерских) влияний. Эти влияния достигли среднеазиатских оазисов скорее всего в результате передвижения в эти районы части населения центрального Ирана.

Обратимся теперь к восточной группе среднеазиатских земледельцев. Здесь также имеется целый ряд данных, свидетельствующих если не о проникновении сюда нового населения, то во всяком случае о сильных культурных влияниях со стороны

¹⁰⁶ В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка, стр. 380.

¹⁰⁷ Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 514.

Ирана. Расписная керамика восточных племен конца IV—первой половины III тыс. до н. э. значительно отличается от посуды, ранее бытовавшей в этих областях. Новая посуда расписана яркими красками двух цветов и характеризуется богатой геометрической орнаментикой, в которой видное место занимают крупные крестовидные фигуры, полукресты, пилювидные линии. В ряде случаев мотивы и композиция этой керамики, получившей название геоксюрской, могут быть возведены к посуде типа Намазга II.¹⁰⁸ Однако целый ряд мотивов и, в частности, крупные крестовидные фигуры с внутренним заполнением, так же как и животные на посуде Намазга III, не имеют местных керамических прототипов. Было высказано предположение, что частично это объясняется влиянием со стороны таких видов прикладных искусств, как ткани, различные плетеные изделия, аппликации и т. п.¹⁰⁹ Вместе с тем в настоящее время удалось найти довольно точный прототип одного из специфических геоксюрских мотивов. Мы имеем в виду фигуру рассеченного креста, внутри которой находится вторая крестовидная фигура, образованная ромбом и четырьмя треугольниками, и ромб, и треугольники имеют сетчатое заполнение. На материалах орнаментации геоксюрской посуды семантика такой фигуры совершенно необъяснима. Между тем в керамике северной Месопотамии V тыс. до н. э. был довольно широко распространен мотив креста, образованного ромбом с четырьмя треугольниками по углам. Однако здесь семантика этого рисунка довольно ясна: все четыре креста изображены с головами козлов и короткими хвостами (рис. 79). Как полагают исследователи, эта композиция изображает козлов вокруг источника воды. Интересно отметить, что уже в V тыс. до н. э. этот мотив претерпевает различные изменения, в основном идущие по линии схематизации.¹¹⁰ Скорее всего и заполнение геоксюрского креста восходит в конечном итоге к аналогичному мотиву. Возможно, в пору бытования геоксюрской посуды подлинное смысловое значение рисунка было забыто и он сохранял лишь общее магическое значение.

Правда, вероятный северомесопотамский прототип отделен от геоксюрской керамики значительным хронологическим промежутком, да и весьма удален территориально. Однако мотив малтийского креста, хорошо известный по расписной керамике Суз, Сиалка, Тали-Бакуна и других иранских памятников, по остроумной догадке А. Парро, восходит в конечном итоге к той же

¹⁰⁸ См. стр. 149.

¹⁰⁹ В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур, стр. 22—24.

¹¹⁰ Такова, например, керамика самаррского типа из Багуза: R. du Mensil du Buisson. Baghouz l'ancienne Corsôte. Leiden, 1948, pl. XXVII.

композиции четырех козлов вокруг источника.¹¹¹ Действительно, например, в росписи керамики Тали-Бакуна ясно видно, что здесь кресты состоят из центрального квадрата и четырех треугольников.¹¹² Эти памятники центрального и юго-западного Ирана

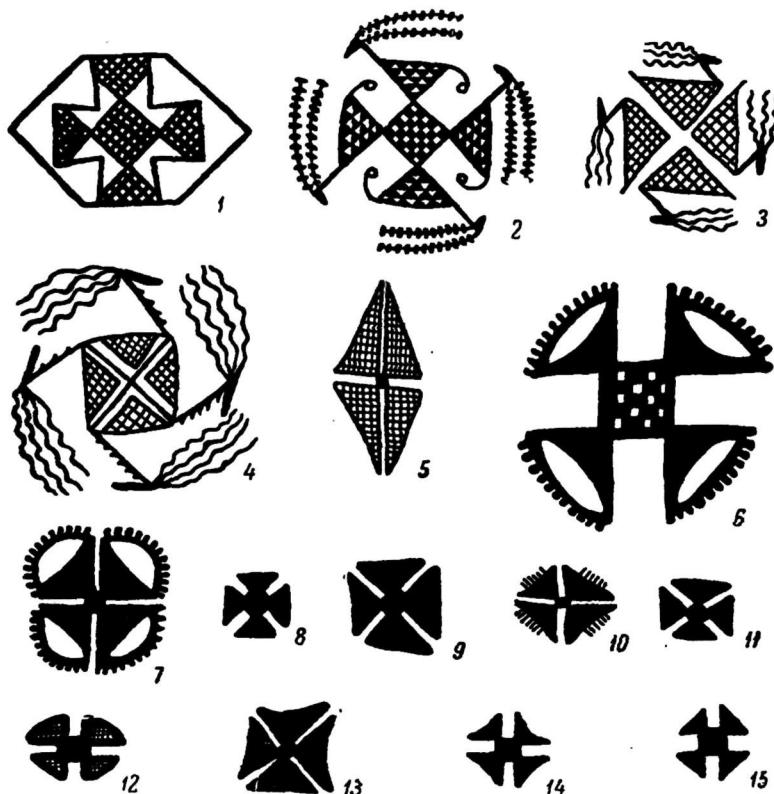

Рис. 81. Мотив креста в расписной керамике.

1 — Геоксюр; 2 — Самарра; 3, 4 — Багуз; 5, 9, 10, 12 — Тали-Бакун; 6—8 — Мусиан; 11, 15 — Теле Гиян; 13, 14 — Сузы.

относятся к IV тыс. до н. э. и, следовательно, ближе к среднеазиатским памятникам и хронологически, и территориально. Однако геоксюрский крест в ряде отношений ближе к северомесопотамскому типу, чем мальтийские кресты Сиалка, Тали-Ба-

¹¹¹ A. Parrot. Archeologie mésopotamienne, p. 206. Ср.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, pp. 23—25.

¹¹² A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. OIR, v. LIX, Chicago, 1942, pl. 40, 5—6; 44, 10; 45, 5.

куна и Суз (рис. 81). В этих иранских памятниках сетчатое заполнение креста относительно редко, обычно эта фигура дается сплошной заливкой. Сплошной заливкой передается крест и в раннеубейдской керамике Эреду. В Средней Азии же сплошной заливки нет совершенно, и центральный ромб, и треугольники сохраняют сетчатое заполнение. Возможно, где-либо в северо-восточном Иране, памятники которого, к сожалению, пока не изучены, древний мотив козлов у источника сохранился именно в такой трактовке и отсюда попал к среднеазиатским племенам. Как бы то ни было, иранско-месопотамский генезис этого мотива несомненен. Вероятно, появление керамики геоксюрского стиля, во всяком случае, частично, обязано воздействию со стороны гончарного искусства иранских племен. Полная аналогия явлениям, отмеченным для посуды типа Намазга III, здесь налицо. Как упоминалось выше, для Геоксюра можно отметить и убейдское влияние на мелкую глиняную скульптуру. Наконец, именно в конце IV—начале III тыс. до н. э. на поселениях восточной группы появляются погребальные камеры с ложным сводом из сырцового кирпича. Эти камеры не находят себе прототипа в местной архитектуре, но зато имеют довольно близкие эламско-месопотамские аналогии.¹¹³ Если ранее среднеазиатские земледельцы хоронили своих покойников исключительно в одиночных могильных ямах, то в погребальных камерах мы находим уже коллективные захоронения. Поскольку на Геоксюре эти камеры существуют с одиночными ямыми погребениями, возникает вопрос: не имеем ли мы дело в данном случае с двумя погребальными традициями — древней местной и новой приносной? Во всяком случае все эти факты свидетельствуют, что и на восточной группе поселений среднеазиатских земледельцев мы наблюдаем как бы волну иранских и более отдаленных влияний, возможно, так же как и на Кара-Депе, связанную с какими-то передвижениями племен. Черепа из геоксюрских погребений находят некоторые аналогии на юге Месопотамии,¹¹⁴ но, к сожалению, остаются неизвестными антропологические материалы восточных поселений времени, более раннего, чем конец IV тыс. до н. э.

Таким образом, не остается сомнений в том, что в конце IV—первой половине III тыс. до н. э. мы имеем дело с резким усилением воздействия культуры иранских племен на земледельческие общины юго-запада Средней Азии. Антропологические материалы позволяют утверждать, что это воздействие было связано с проникновением, во всяком случае в западные поселения, каких-то групп населения из центрального Ирана. Видимо, с появлением этих групп следует связывать и наличие южно-

¹¹³ В. И. Сараниди. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 299.

¹¹⁴ Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург. Антропологический состав..., стр. 515.

убейдских традиций (через эламскую культурную среду),¹¹⁵ проявляющихся в местной коропластике. В данном случае мы наблюдаем достаточно яркое отражение в археологических материалах той постоянной сегментации племен, которая характерна для раннеzemледельческих общин, особенно на ранних этапах их развития. Однако, поскольку в данном случае имело место проникновение раннеzemледельческих племен в области, уже вошедшие в сферу производящего хозяйства, естественно может возникнуть вопрос, почему происходила инфильтрация центрально-иранских племен в Среднюю Азию, а не тот же процесс, но идущий в противоположном направлении. Нам представляется, что эти причины коренятся в быстром прогрессе хозяйства центральноиранской группы племен, опередившей во второй половине IV тыс. до н. э. своих соседей, и в той конкретной исторической обстановке, в которой находилась эта группа.

Результаты раскопок Сиалка и Гисара дают некоторое представление об этом прогрессе.¹¹⁶ Они показывают, что здесь значительное развитие получает металлургия: многочисленные медные орудия изготавливаются путем литья в закрытой форме. Еще более заметен прогресс в гончарном деле: начиная со слоя Сиалк III, 4, керамика изготавливается на гончарном круге быстрого вращения. Специальные печи для обжига посуды были известны еще в пору Сиалк III, 1. В это время гончарный круг еще не употреблялся ни одной другой группой земледельческих племен Ирана или Средней Азии, и в этом отношении Сиалк и Гисар ближе всего стоят к культуре раннеклассовых обществ Элама и Шумера. Кроме того, имеется ряд данных, свидетельствующих о том, что центральноиранские племена находились в тесной связи с зоной городских цивилизаций Древнего Востока.

Комплекс Сиалк IV, перекрывающий руины поселка местных земледельцев, по своему происхождению несомненно эламский, о чем, в частности, свидетельствуют таблички сprotoэламской пиктографией. Перед нами несомненное свидетельство эламского проникновения далеко в глубь мира первобытных земледельцев.¹¹⁷ Г. Чайлд высказал предположение, что Сиалк IV — это остатки эламской фактории на торговом пути, по которому шел обмен лазуритом.¹¹⁸ Такие фактории хорошо известны в истории Древнего Востока. Достаточно упомянуть ассирийские колонии в Малой Азии. Ассирийские купцы везли в Малую Азию продукцию ремесленников месопотамских городов, в особенности ткани,

¹¹⁵ Статуэтки с овальными налепами на плечах есть в Тали-Бакуне. См.: A. Langsdorff, D. E. McCown. Tall-i-Bakun A, pl. 7, 1.

¹¹⁶ См. стр. 203.

¹¹⁷ R. Chirshian. Fouilles de Sialk, v. I, p. 86. См. также выше, стр. 231.

¹¹⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 295.

а в обмен получали серебро, свинец, медь, а также кожу и шерсть.¹¹⁹

Из Ирана эlamские и шумерские купцы, помимо руд, получали лазурит и другие драгоценные камни. Именно со второй половины IV тыс. до н. э. лазурит распространяется в Шумере и Эламе и даже достигает Египта. Особенное значение имеют сведения о торговле, получившей отражение в шумерском эпосе. В сказании о правителе Урука Энмеркаре сообщается о сношениях с владельцами Аратты, расположенной к востоку от Шумера за семью хребтами, т. е. где-то в районе Загроса или даже еще восточнее. У владельца Аратты урукцы требовали золото, серебро, лазурит, драгоценные камни и камень строительный. В конце концов в Аратту прибыл урукский караван с зерном, а в обмен были получены лазурит и халцедон.¹²⁰ Ряд деталей этого сказания поражает своей жизненной реалистичностью. Скорее всего здесь действительно получила отражение меновая торговля между городами Шумера и какими-то иранскими племенами. Весьма важно то обстоятельство, что в обмен на драгоценные камни было послано зерно. Таким образом, иранские племена получали часть прибавочного продукта, доставляемого ирригационным земледелием раннеклассовых обществ. При этом несомненно в наиболее выигрышном положении оказалась группа центральноиранских племен, бывших непосредственными соседями зарождающихся городских цивилизаций.

Следует полагать, что такое прогрессивное развитие хозяйства племен центрального Ирана было связано и со значительным ростом населения. Вместе с тем возможности для расширения обрабатываемых под посевы площадей были лимитированы ограниченными водными ресурсами небольших речек и ручьев центрального Ирана. Не следует забывать и о том, что урожайность этих районов в несколько раз уступала урожайности шумерских и эlamских полей. В этих условиях не было возможности прокормить возросшее население путем интенсификации земледельческих работ, что и способствовало усилению процесса сегментации.

Вместе с тем имеется и другой аспект этой проблемы. Как мы видели, южными соседями центральноиранской группы племен были земледельческие общины Элама, где в это время, так же как в убейдском Шумере, происходил процесс интенсивного развития хозяйства и культуры.¹²¹ Вполне естественно предположить, что, так же как и на юге Двуречья, здесь имел место интенсивный рост населения и частичный отлив его путем сегмен-

¹¹⁹ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 17.

¹²⁰ S. N. Кратч. Enmerkar and the lord of Aratta. Philadelphia, 1952. См. также выше, стр. 233.

¹²¹ См. стр. 211.

ции, подобно убейдскому проникновению в северную Месопотамию. В этой связи, разумеется, особое значение приобретает появление эламизированного поселка на Тепе-Сиалке, в самом сердце центрального Ирана. Не указывает ли этот факт, помимо оживления торговых связей, также и на вынужденное расселение эламских племен путем колонизации? Это могло сыграть роль толчка в передвижениях племен, ранее заселявших области, ставшие объектом эламской эмиграции. К сожалению, мы знаем пока лишь одно такое поселение, и как бы ни был ярок сам по себе полученный здесь археологический материал, он остается, до новых открытий, в известной мере уникальным.

Надо полагать, что совокупность этих причин в конечном счете сдвинула с места некоторых из обитателей поселков, подобных Гисару и Сиалку. Едва ли имело место какое-либо организованное переселение, скажем, целого племенного союза, военная сила которого должна была помочь эмигрантам утвердиться на новых местах. В таком случае на юго-западе Средней Азии мы имели бы дело с памятниками, дающими чистую сиалкскую культуру, что, однако, не наблюдается. Даже наносные сиалкско-гисарские орнаменты помещены на сосудах традиционных местных форм, а известный в Гисаре и Сиалке гончарный круг не привился вовсе. Вероятно, происходила постепенная инфильтрация отдельных родовых и большесемейных коллективов, ассимилируемых местным населением. Эти передвижения не только принесли на юго-запад Средней Азии ряд новых веяний в области культуры. Возможно, они, создав перенаселение в целом ряде районов, явились как бы началом цепной реакции, охватившей и более обширную территорию. К сожалению, мы очень редко обладаем достаточно разносторонними материалами, чтобы иметь возможность с полной уверенностью говорить о передвижениях каких-то групп населения. Чаще всего имеющиеся данные ограничиваются одной расписной керамикой, которая при всей своей выразительности оставляет широкий простор для всевозможных домыслов и догадок. Тем не менее следует привести ряд фактов и наблюдений, как будто находящихся в прямой связи с рассмотренными выше явлениями.

Поскольку территория северо-восточного Ирана, или Хорасана, является одним из досадных белых пятен в первобытной археологии, нам остается лишь, еще раз выразив сожаление по этому поводу, миновать упомянутые области и обратиться к более отдаленным территориям.

На северо-западе Пакистана, около г. Кветты, располагается целый ряд небольших земледельческих поселков второй половины III—начала II тыс. до н. э., культура которых обнаруживает целый ряд прямых аналогий в среднеазиатских материалах.¹²²

¹²² См. стр. 286.

Эти аналогии охватывают различные виды памятников: статуэтки, печати, роспись на посуде.¹²³ Как можно видеть из рис. 82, в данном случае мы имеем дело не с общим сходством, а с прямыми параллелями, доходящими до тождества. Так, в керамике комплекса Садаат II около 25% мотивов росписи может быть непосредственно возведено к среднеазиатским образцам. При этом особенно показательно, что именно эти мотивы в целом нехарактерны для керамики других раннеземледельческих культур Белуджистана, тогда как в Средней Азии подобного типа роспись известна уже с конца IV—первой половины III тыс. до н. э. (так называемый геоксюрский стиль). Вместе с тем керамика кветтских поселений не восходит непосредственно к керамике геоксюрского типа. Измельченный характер орнаментации, появление в росписи изображений деревьев позволяет ее сопоставить с керамикой типа Намазга III и IV, датирующейся в целом III тыс. до н. э. и отразившей стадию известной трансформации геоксюрских мотивов. Весьма вероятно, что все это свидетельствует о проникновении во второй половине III тыс. до н. э. в район Кветты каких-то племенных групп, слившихся с местным населением, но принесших и свои собственные традиции. Вспомним, что кветтские поселения расположены как раз в Боланском ущелье, через которое ведет один из основных путей в плодородные области Индостана.

В этой связи можно отметить, что уже на основании весьма ограниченного материала из раскопок Рана-Гхундай ряд исследователей ставил вопрос о проявлении на севере Белуджистана каких-то влияний культуры типа Гисара.¹²⁴ Правда, данные для подобного заключения были весьма ограничены. Исследователи исходили из появления в Рана-Гхундай II формы вазообразных сосудов, известных по раскопкам Гисара, и зооморфных мотивов росписи. Если известные аналогии в формах сосудов не вызывают сомнений, то относительно мотивов росписи необходимо оговориться, что они изображают в отличие от Гисара не птиц, горных козлов и пятнистых барсов, а горбатых быков индийского типа и антилоп с ветвистыми рогами. Однако сам факт связей с комплексами Гисара, т. е. с культурой центральноиранских племен, нашел подтверждение при последующих раскопках. Сосуды типичных гисарских форм были обнаружены при раскопках поселения Мундигак в южном Афганистане. Правда, здесь они украшены росписью местного стиля, но их весьма специфическая форма

¹²³ B. M. Masson. W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta valley. [Рец.]. CA, 1960, № 3, стр. 348—352.

¹²⁴ D. E. McCown. Prefatory Remarks. JNES, t. V, № 4, 1946, p. 289; S. Piggott. Prehistoric India. London, 1952, pp. 120—122; Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 297.

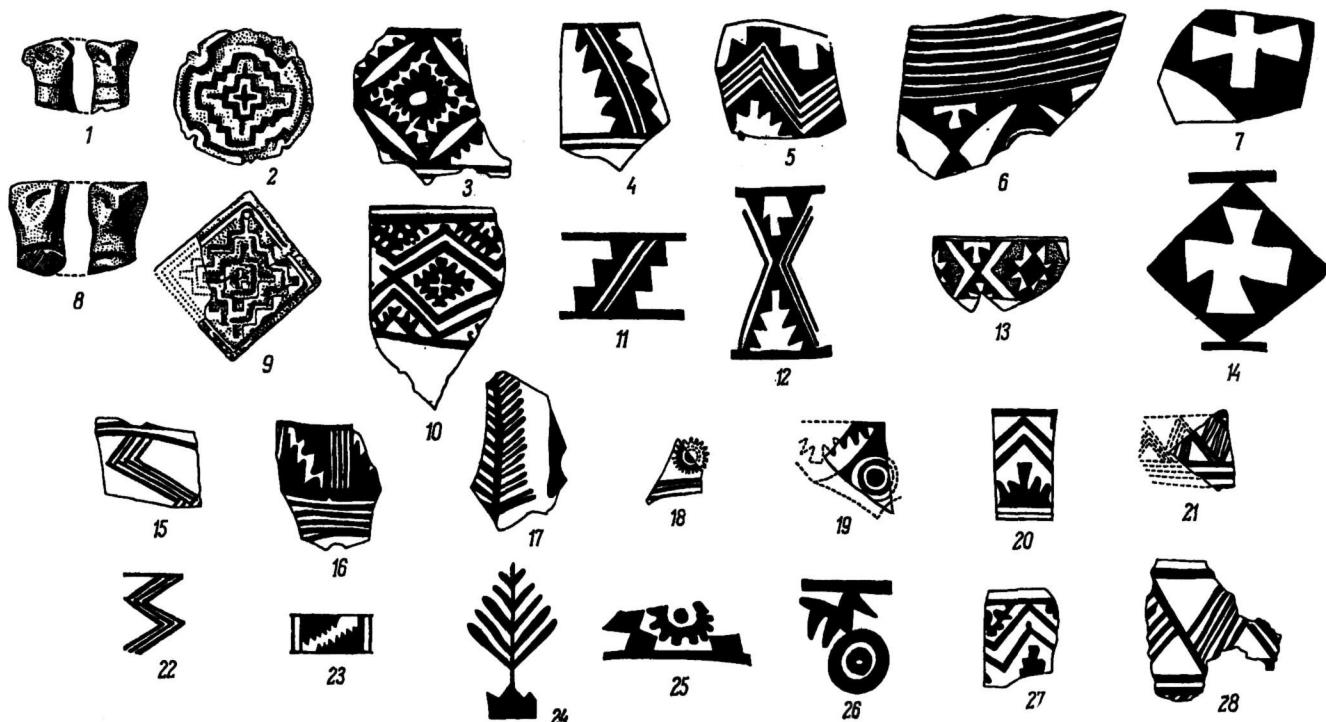

Рис. 82. Предметы с кветских (1—7, 15—21) и со среднеазиатских (8—14, 22—28) памятников.

скорее всего является результатом влияния со стороны гончарного искусства Тепе Гисара.¹²⁵ Среди материалов Мундигака можно отметить и близкие параллели мотивам росписи геоксюрского типа.¹²⁶

Таким образом, имеющиеся материалы определенно свидетельствуют, что в III тыс. до н. э., особенно в его второй половине, в культуре раннеземледельческих общин северного Белуджистана и южного Афганистана отмечаются несомненные связи с племенами Средней Азии и центрального Ирана. Вполне допустимо предположение, что эти связи являются отражением дальнейшего расселения племен, сдвинутых с места «сиалковским толчком», по обширным просторам раннеземледельческой ойкумены. При дальнейших изысканиях в этом направлении несомненно особую ценность приобретут материалы из района Мешхеда—Герата, где следует ожидать соединения центральноиранских и среднеазиатских влияний.

Рассматриваемые явления могли найти отражение не только к востоку от центрального Ирана, но и в западных областях. Об этом говорят близкие параллели тем же гисарским материалам в слое Ниневия 5.¹²⁷ Несомненно, дальнейшая тщательная систематизация археологических материалов позволит установить ряд новых фактов из истории передвижений раннеземледельческих племен Древнего Востока. Важность изучения этих событий, происходивших на территории Ирана и примыкающих областей, легко понять, если вспомнить, что именно передвижения племен привели к завоеванию Двуречья сначала кутиями, а затем касситами, а на территории Индии и к расселению племен индийской языковой группы.

Если выше рассматривались исключительно материалы, связанные с перемещениями и влияниями в среде раннеземледельческих племен, то это не значит, что все эти события никак не отражались на племенах, населявших области, где еще преобладало хозяйство присвоящего типа. Возможно, что влияние расписной керамики среднеазиатских земледельцев на орнаментацию посуды неолитических охотников и рыболовов Хорезма¹²⁸

¹²⁵ J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. 1951—1954. *Arts asiatiques*, t. I, f. 3, 1955, p. 172.

¹²⁶ См. каменный сосудик из Мундигака; J. M. Casal. The Afghanistan of five thousand years ago. ILN, v. 226, № 6055, 7 may 1955, p. 834, fig. 16.

¹²⁷ Интересно, что и здесь, как в Мундигаке, аналогии наблюдаются в формах сосудов, но не в мотивах росписи. Хотя иранское происхождение комплекса типа Ниневии 5 следует полностью исключить, определенное восточное влияние явственно ощущается в керамике не только пятого слоя Ниневии, но и ряда других северомесопотамских памятников. См.: САЭМ, pp. 164—165; CSEI, p. 48, n. 88.

¹²⁸ См. стр. 177.

не случайно приходится именно на конец IV—начало III тыс. до н. э., т. е. на период, когда происходят значительные перемещения в среде самих земледельческих племен. Т. А. Трофимова высказала предположение, что появление в Хорезме одного из двух антропологических типов, представленных в могильнике Кокча 3 второй половины II тыс. до н. э., а именно типа, имеющего североиранские аналогии, относится еще ко времени кельтеминарской культуры.¹²⁹ К сожалению, отсутствие антропологических материалов, связанных с кельтеминарскими памятниками, оставляет пока этот вопрос открытым.

Заканчивая характеристику археологических материалов, связанных с перемещением племен и влиянием культуры одних областей на соседние племена, следует еще раз отметить, что эти перемещения и связи, как правило, не играли решающей роли в эволюции раннеземледельческих племенных групп. Так, несмотря на известные убейдско-иранские воздействия, в целом культура среднеазиатских общин развивалась на местной основе, обогащаясь в результате связей с соседними племенами. То же в полной мере относится и к кветским земледельцам второй половины III—начала II тыс. до н. э., культура которых при всех среднеазиатских наслойениях, продолжает в основном местные традиции. Почти нигде мы не наблюдаем смену культур, приход одной культуры и уничтожение ранее существовавшей. Вместе с тем все эти сложные процессы переселений, культурного воздействия и ассимиляции являются одной из характерных черт истории раннеземледельческих общин.

Вполне естественно, что в условиях сегментации и переселений племенных групп, инфильтрации племен в области, занятыеaborигенным населением, этническая история рассматриваемых областей отличалась особенной сложностью и запутанностью. Археологические материалы, позволяющие, как правило, характеризовать культурные, а не этнические общности, дают лишь довольно ограниченные косвенные материалы, способствующие изучению одной из труднейших проблем древней истории — вопросов этногенеза. И. М. Дьяконов следующим образом характеризует некоторые направления этногенетических процессов в странах Передней Азии: «Нередки были случаи полного вытеснения одного, побежденного, языка другим — языком-победителем, при сохранении прежнего культурного и антропологического характера и состава населения. Так, в северной Месопотамии последовательно сменились хурритский, аккадский, арамейский языки при в общем одинаковом составе населения; в южном

¹²⁹ Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным антропологии. МХЭ, вып. 2, М., 1959, стр. 5.

Двуречье сменились языки шумерский, аккадский, арамейский». ¹³⁰ Вероятно, не менее, если не более сложной была картина этногенеза на земледельческой периферии древневосточных цивилизаций, где вместо крупных объединений выступают племенная че-респолосица и мелкие племенные группы. Вместе с тем и здесь, насколько можно судить по имеющимся данным, основной состав населения в целом ряде областей оставался в значительной мере неизменным в течение многих столетий, если не тысячелетий. Несомненно, что переход к земледельческо-скотоводческому хозяйству, как правило, связанному с оседлым образом жизни, способствовал этой константности основных масс населения при всех передвижениях и перемещениях, получивших широкое распространение, но имевших в данном случае лишь вторичное значение.

Об этом в первую очередь свидетельствуют антропологические материалы. В VI—III тыс. до н. э. на территории Передней Азии наиболее широко было распространено европеоидное долихоцефальное население средиземноморской расы, восходящее по крайней мере к поре натуфийского мезолита Палестины. ¹³¹ К этому типу принадлежало и древнейшее население юго-запада Средней Азии IV—II тыс. до н. э., образуя ряд локальных подтипов. ¹³² Вместе с тем именно этот антропологический тип является преобладающим в среде современного населения Туркменистана, причем имеющиеся материалы свидетельствуют о его сохранении с учетом эпохальной изменчивости в течение периода, разделяющего эпоху энеолита и бронзы и XX в. ¹³³ Видимо,

¹³⁰ И. М. Дьяконов. Народы древней Передней Азии. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXIX, М., 1958, стр. 6.

¹³¹ В. В. Бунак. Древнейшие краиниологические типы Передней Азии. КСИЭ, вып. II, М.—Л., 1947, стр. 76—79; Г. Ф. Дебец. Заселение южной и Передней Азии по данным антропологии. Труды Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951, стр. 359—369; Н. В. Vaillois. Les ossements humains de Sialk. In: R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. II, Paris, 1939, pp. 172—192.

¹³² G. Sergi. Description of some skulls from the North Kurgan, Anau. In: R. Ruppell. Explorations in Turkestan, v. II, Washington, 1908; Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. ИАН ТССР, 1952, № 4; В. Я. Зееникова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных атропологии. Ташкент, 1953; В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии южной Туркмении в эпоху бронзы. ТЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Черепа эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении. СЭ, 1959, № 1; Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав...

¹³³ Л. В. Ошанин. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. ТЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959; Т. А. Трофимова. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али (южная Туркмения). ТИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959.

в древности средиземноморский антропологический тип было широко распространено на территории Средней Азии. Во всяком случае показательно, что к этому же типу принадлежало население эпохи бронзы в низовьях Зеравшана (культура Заман-Баба) и Ферганы (чустская культура), а на Памире он встречен в могильниках сакского времени.

Разумеется, в пределах этой антропологической общности, распространенной от Шумера до Мохенджо-Даро, существовал целый ряд местных вариантов или подтипов. Так, Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург, исследовавшие 72 черепа из погребений на Кара-Депе и в Геоксюре, выделяют на этих материалах три следующих подтипа, входящих в пределы средиземноморской расы: 1) евро-африканский тип, с грацильным строением лицевого скелета (Кара-Депе, время Намазга II); 2) евро-африканский тип, с массивным строением лицевого скелета (Кара-Депе, время Намазга III); 3) восточносредиземноморский подтип (женские черепа из Геоксюра; время позднего Намазга II—раннего Намазга III).¹³⁴

Как уже отмечалось выше, появление второго типа, имеющего ближайшие параллели в материалах Сиалка, связано с проникновением в район Кара-Депе населения из областей центрального Ирана. Вместе с тем весьма существенно то обстоятельство, что первый тип ближе всего стоит к антропологическим коллекциям Гисара, и вероятно, характеризует основное автохтонное население юго-западной Средней Азии и северо-восточного Ирана до появления здесь центральноиранских племен.¹³⁵ Обряд погребения в слое Гисар I в ряде отношений напоминает погребальные обычаи южнотуркменистанских племен. Так, в слое Гисар IA (т. е. до «нашествия животных» из Сиалка) из 28 погребений 18 ориентированы головой на юго-запад и 1 на юго-восток. Как и в кара-депинских погребениях, сосуды встречаются относительно редко, но зато распространены связки бус, помещавшихся то в виде ожерелья на шее, то в виде диадемы на голове, то в качестве браслетов на руках, что находит полное соответствие в материалах Кара-Депе. Не приходится сомневаться в том, что работа по выявлению и локализации палеоантропологических подтипов будет существенным вкладом в изучение этногенеза ран-

¹³⁴ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав..., стр. 512.

¹³⁵ Важно подчеркнуть, что поселение Гисар возникает сравнительно поздно, во всяком случае в пору существования комплекса типа Сиалка III. Более раннего поселения в районе Гисара пока не обнаружено. Не свидетельствует ли это о том, что поселок, представленный руинами Гисара, был основан именно в процессе расселения центральноиранских племен, происходившего во второй половине IV—начале III тыс. до н. э., хотя, возможно, и не одними выходцами из района Кашана. Ср. выше, стр. 203.

неземледельческих племен. Однако такая работа еще только начата, и возможность надежных обобщений затруднена ограниченностью антропологических коллекций.

Вместе с тем уже и антропологический материал свидетельствует о довольно пестром составе древнего населения земледельческих поселков Средней Азии и Ирана. Выше мы это могли видеть на примере Геоксюра и Кара-Депе. Аналогичную картину наблюдал и Г. Валлуа, изучавший коллекции, происходящие с Сиалка. Так, в слое Сиалк I было обнаружено два долихоцефальных черепа, три гипердолихоцефальных, которые Г. Валлуа условно называет протоиранскими, и один мезоцефальный. В слое Сиалк II отмечены один долихоцефальный череп, два гипердолихоцефальных, один мезоцефальный и даже один брахицефальный. Все четыре типа по одному экземпляру представлены и в слое Сиалк III. Наконец, в слое Сиалк IV, этой «эламской фактории», обнаружено лишь два черепа, причем оба являются брахицефальными.¹³⁶ Едва ли может быть более яркое свидетельство пестроты населения раннеземледельческих общин, сложившегося в результате многочисленных скрещений и ассимиляций. Следует подчеркнуть, что в этой сложной картине не остается места для спекулятивных построений отдельных западных антропологов, пытающихся выделить в иранских материалах некий нордический тип населения, будто бы принесшего сюда светоч индоевропейской культуры и высшего духа. Псевдонаучный характер подобных построений, нередко фальсифицирующих реальный материал в угоду надуманным схемам, был отмечен уже Г. Валлуа и Г. Ф. Дебецем.¹³⁷

Что же касается лингвистических данных, то они затрагивают исключительно зону контакта раннеземледельческих племен и городских культур Древнего Востока, да и то далеко не всегда поддаются убедительной интерпретации. Так, до последнего времени остается неясным происхождение даже такого известнейшего народа древневосточной истории, как шумеры. Археологические материалы южного Двуречья свидетельствуют о генетической связи комплексов, развивающихся на основе убейдской культуры, начиная с самых ранних слоев Эреду. Между тем в конце следующего за Убейдом урукского периода появляются письменные документы на шумерском языке. Исходя из этого, ряд исследователей, начиная с Г. Франкфорта, полагал, что но-

¹³⁶ H. V. Vallois. *Les ossements humains...*, pp. 116—120. Следует иметь в виду, что эти погребения в действительности могут принадлежать не к слоям Сиалка IV, а к комплексу Сиалк III. См. выше, стр. 231, прим. 117.

¹³⁷ Там же, стр. 191; Г. Ф. Дебец. *Заселение южной и Передней Азии...*, стр. 369.

ситетей убейдской культуры следует именовать шумерами.¹³⁸ Вместе с тем не менее распространена точка зрения о том, что шумеры отнюдь не были древнейшим населением южной Месопотамии, а явились сюда в последней четверти IV тыс. до н. э., восприняв основные достижения местной культуры.¹³⁹ При этом отмечается, что ряд топонимических названий, в частности городов Ниппур, Ур, Киш, — не шумерские по своему происхождению. Некоторые исследователи полагают, что и нешумерского происхождения и такие слова в шумерской клинописи, как «земледелец», «пастух», «рыбак», «дом», «кузнец» и некоторые другие.¹⁴⁰ Однако если подобное заключение и подтверждается, само по себе заимствование терминов еще не является свидетельством, относящимся подобно данным топонимики обязательно кaborигенному населению. Более существенны несомненно собственные имена населенных пунктов, на основании чего даже делались выводы о наличии в Двуречье дошумерского населения загро-эlamской лингвистической группы.¹⁴¹

Как мы видели выше, ряд культурных традиций действительно свидетельствует о значительной общности Элама и южного Двуречья в отличие от более северных областей, что, разумеется, отнюдь необязательно свидетельствует и о лингвистической общности древнейшего населения Шумера и Элама. Более того, если считать (а имеющиеся археологические материалы допускают такое предположение), что низовья Тигра и Евфрата были освоены в результате появления здесь земледельческих общин, пришедших как с севера, из областей хассунской культуры, так и из юно-загросских нагорий, то вполне вероятно, что уже древнейшее население Шумера отнюдь не было однородным в этническом отношении.¹⁴²

¹³⁸ H. Frankfort. Archaeology and the sumerian problem, pp. 18—23; Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 187—189; В. В. Струве. Древнейшие государства в Двуречье. В кни.: Всемирная история, т. I, М., 1956, ч. II, гл. VI, стр. 192; см. высказывание И. М. Дьяконова в «Вестнике истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 162.

¹³⁹ E. A. Speiser. The beginnings of civilization in Mesopotamia. JAOS, 1939, suppl. 4, pp. 29—31. В последнее время эту точку зрения разыграет известный шумеролог С. Н. Крамер. См.: S. N. Kramer. 1) Heroes of Sumer. Proc. of the Amer. Philosophic. Soc., v. 90, № 2, 1946, pp. 126—130; 2) The Sumerians. Scientific Amer., 1957, oct., p. 72.

¹⁴⁰ S. N. Kramer. The Sumerians..., p. 72.

¹⁴¹ Г. А. Мелик-Швиль. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 120.

¹⁴² Разумеется, нет никаких оснований говорить о наличии в южном Двуречье дошумерской «ирано-семитской империи», как это делает С. Н. Крамер (см.: С. М. Бациева. S. N. Kramer. From the tablets of Sumer. [Реп.]. ВДИ, 1958, № 2, стр. 208). Как известно, появление собственных семитских имен в областях к северу от Ниппира относится лишь к середине III тыс. до н. э., а в более южных областях — лишь к концу этого тысячелетия (см.: И. М. Дьяконов. Народы древней Передней Азии, стр. 9). Если считать население южного Двуречья поры убейдской культуры дошу-

Помимо восточных соседей Шумера — эламских племен, видимо соответствующих культурной общности Тали-Бакуна — Суз, охватывающей значительную территорию вдоль Персидского залива,¹⁴³ в письменных источниках известны имена ряда других племен западного Ирана III—II тыс. до н. э. Это кутии, луллубеи, касситы, военные столкновения которых с государствами Двуречья далеко не всегда оканчивались в пользу представителей городских цивилизаций того времени. При всей ограниченности имеющихся лингвистических материалов, видимо, можно говорить, что языки этих племен были близки эламскому и в целом эти народности образовывали загро-эламскую группу.¹⁴⁴ Э. Херцфельд даже предложил объединить древнейшее население Ирана под именем каспиев, считая эламитов одной из групп этих каспиев — кашпиев.¹⁴⁵

Западными соседями племен Загроса были в III—II тыс. до н. э. хурриты, занимавшие северную Месопотамию и области северной Сирии, обычно именовавшиеся шумерскими писцами страной Су-Бир, а аккадскими — Субартум, откуда термины «субарейцы», «субарейский», иногда употребляемые как равнознач-

---

мерским, то осторожнее всего называть его загро-эламским, но никак не семитским.

¹⁴³ Как мы уже отмечали, материалы Бампурса (см. стр. 226) и Сеистана (см. стр. 280) обнаруживают поразительную общность с культурными традициями Тали-Бакуна. Это могло бы представлять особый интерес в связи с возможными параллелями эламского и дравидских языков (см.: G. G. Sameron. History of early Iran. Chicago, 1936, p. 13) и с существующим мнением о том, что носители харапской культуры были дравидоидами по языку. Однако бампурские и сеистанские материалы как будто относятся к сравнительно позднему времени, поскольку близкий им комплекс Шахи-Тумп в южном Белуджистане перекрывает местную культуру, одновременную Хараппе (см. выше, стр. 294). Дохарапская же культура типа Амри-Кот-Джи не обнаруживает пока никаких эламских аналогий, хотя в самой Хараппе обычай вытянутых захоронений напоминает опять-таки Шумер и Элам, а не более северные области с традицией скорченных погребений (см. выше, стр. 273).

¹⁴⁴ E. A. Speiser. Mesopotamian origins. Philadelphia, 1930, pp. 87—119; G. Hüsing. Der Zagros und seine Völker. Der alte Orient, Bd. IX, N. 3/4, 1908; G. G. Sameron. History of early Iran..., pp. 35 sqq.; Г. А. Мелик ишили. Наири-Урарту, стр. 125; И. М. Дьяконов. 1) О языках древней Передней Азии. Вопр. языкоznания, 1954, № 5, стр. 57—58; 2) Народы древней Передней Азии, стр. 23—26. В последней работе И. М. Дьяконов пишет: «Языки луллубеев и каспиев нам неизвестны (от луллубеев сохранилось полдесятка собственных имен), но, судя в первом случае по наличию этонимических вариантов „лulu“, „луллу“, „луллу-б“ и „луллу-м“, во втором по вероятному составу племенного термина „кас-п“, „каш-п“, в языках этих племен наличествовали эламские показатели множественного числа -п (-б) и -мс, что делает до некоторой степени вероятным их отношение к той же группе языков» (стр. 24). Однако имеются и возражения против родства касситского и эламского языков.

¹⁴⁵ E. Hergfeld. Iran in the Ancient East, pp. 181—182. Ср.: М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 34—35.

ные терминам «хурриты» и «хурритский».¹⁴⁶ И. М. Дьяконов отмечает, что нет достоверных данных о распространении хурритских диалектов к востоку от гор Загроса.¹⁴⁷ В этой связи нельзя не вспомнить о такой устойчивой культурной общности, как халафская культура, памятники которой не проникают на территорию Иранского плато, где вообще халафское влияние слабо и незначительно. Как отмечалось выше, на севере халафские поселки достигают озера Ван, а культурная экспансия Халафа явственно выступает на ряде памятников северной Сирии. Позднее, с проникновением в зону халафской культуры южных влияний или даже этнических элементов, здесь складывается местный вариант культуры, именуемый северным Убейдом, но в ряде отношений отличающийся от традицийprotoшумерского юга. Можно допустить, что памятники халафской культуры оставлены племенным союзом хурритов, которые в исторически поздний период подверглись, подобно шумерам южного Двуречья, сильной семитизации.

Что же касается культурных общностей, устанавливаемых по археологическим данным на территории Иранского плато, то можно допустить, что комплексы типа Гияна принадлежат луллубеям, чьи наскальные рельефы мы находим у Сари-Пуля. Центральноиранские племена, культура которых лучше всего известна по раскопкам Сиалка (комплексы I—III), обнаруживает некоторые черты сходства с комплексами Гияна и в менее определенной форме — с эlamскими памятниками. Вместе с тем, как отмечалось выше, по своим культурным традициям центральноиранские племена образуют одну группу с населением северной Месопотамии и земледельческими общинами юго-запада Средней Азии. Черты известной культурной общности названных областей могут быть прослежены на протяжении значительного отрезка времени. По существу уже этапы развития мезолитических комплексов северного Ирака находят ближайшие параллели в материалах прикаспийского мезолита.¹⁴⁸ Сходство геометрической орнаментации расписных сосудов, украшенных рядами силуэтных треугольников в Хассуне, Сиалке I и Анау I, также обращало на себя внимание исследователей.¹⁴⁹ Ряд явлений, объединяющих три названные области, как например сохранение традиции скорченных захоронений в противоположность вытянутым

¹⁴⁶ Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 101. Вместе с тем Г. А. Меликишвили указывает, что в текстах конца III тыс. до н. э. упоминаются люди из Субарту, носящие хурритские имена, но часть имен, видимо, восходит к загро-эlamской языковой среде. Некоторые исследователи полагают, что субарейцы родственны племенам Загроса.

¹⁴⁷ И. М. Дьяконов. Народы древней Передней Азии, стр. 28.

¹⁴⁸ См. стр. 110.

¹⁴⁹ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, стр. 47; Н. И. Хлонин. Дашилдже-Депе..., стр. 166.

захоронениям Шумера—Элама, наблюдается и в более поздний период, хотя, возможно, это лишь результат традиций, восходящих к более древней культурной общности. Во всяком случае как культурная общность Халаф уже резко отличен от Гияна—Сиалка, не говоря уже о среднеазиатских памятниках. Вполне вероятно, что центральноиранские племена принадлежали к какой-либо группе, родственной лулубеям, гутиям и касситам, т. е. горным племенам Загроса в широком смысле этого слова. Относительно же группы среднеазиатских племен, представляющих (наряду с иранским Хорасаном?)¹⁵⁰ вполне обособленную культурную общность, можно строить самые различные предположения, но аргументировать их сколько-нибудь убедительно было бы в равной степени затруднительно. Весьма вероятно, что здесь, на северо-восточной окраине земледельческой ойкумены, очень рано начался процесс индоианизации местного населения,¹⁵¹ если только оно не было здесь в какой-то мере аборигенным. Во всяком случае вполне допустимо предположить, что инфильтрация северных элементов, отмечаемых в конце III—начале II тыс. до н. э. в материалах кветтских поселений, связана с началом того сложного и длительного процесса, который иногда определяют неоправданно броским термином — «арийское завоевание Индии». Лингвисты полагают, что 2000 г. до н. э. можно датировать распадение индоиранской языковой общности,¹⁵² и если это так, то между лингвистической хронологией и данными радиокарбоновой датировки пакистанских памятников намечается известная перекличка. Правда, в конце IV—начале III тыс. до н. э. имела место инфильтрация центральноиранского населения в среду среднеазиатских земледельцев, но, как отмечалось, пришельцы были довольно быстро ассимилированы местной средой.

¹⁵⁰ Можно считать, что памятники древнеземледельческой культуры северо-восточного Ирана должны быть чем-то вроде варианта культуры юго-западной Средней Азии. Об этом, к сожалению, свидетельствуют лишь косвенные данные. Выше мы уже отмечали близость погребальных обрядов древнейшего Гисара и Кара-Депс. Из Хорасана происходит расписной соусник, представляющий собой точную копию керамики типа Намазга IV (см.: H. Frankfort. Studies in early pottery of the Near East, v. I, London, 1924, pl. VII, 2; R. Vandenberghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, pl. 15, a, e).

¹⁵¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 121; И. М. Дьяконов. В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. [Рец.]. ВДИ, 1960, № 3, стр. 199; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Деше..., стр. 204. Следует отметить, что едва ли прав И. Н. Хлопин, пишущий об индоевропейцах вообще. Скорее всего с интерпретацией археологических материалов Средней Азии связана проблема лишь индоиранской общности.

¹⁵² History and culture of the Indian people, t. I, The vedic age. London, 1951, p. 206.

Некоторые данные в связи с рассматриваемыми вопросами можно получить при изучении мелкой терракотовой скульптуры среднеазиатских общин, хотя условный характер этой скульптуры заставляет пользоваться этими данными с особой осторожностью.¹⁵³ На Кара-Депе и на геоксюрских поселениях обнаружены целые и фрагментированные террактовые фигурки, выделяющиеся известным реализмом исполнения. Головы этих фигурок иногда круглые (брахицефалия?); особое внимание древний скульптор обращал на передачу горбоносого профиля. Одна из головок реалистической группы имеет шлем, с гребня которого спускается плетеная коса, и узкую бородку в две пряди (так называемая «головка воина»). Последняя отмечена и на ряде других образцов. Нельзя не отметить, что безбородая головка с горбоносым профилем находит ряд весьма близких аналогий в скульптуре Шумера III тыс. до н. э.¹⁵⁴

В этой связи можно вспомнить и золотой кубок Астрабадского клада, относящегося ко времени около 2000 г. до н. э., где изображены горбоносые люди в длинных одеждах, с полным основанием сопоставленные М. И. Ростовцевым с памятниками Шумера.¹⁵⁵ С другой стороны, нигде в шумерском искусстве мы не находим изображений людей, имеющих косы или бородку из двух прядей, подобно кара-депинской «головке воина». Наоборот, можно видеть, что во всяком случае одна из этих черт характерна для восточных соседей Шумера. На известной стеле Нарамсина (XXIII в. до н. э.), посвященной победе над горными племенами — луллубеями, поверженные луллубейские воины имеют длинные косы, ниспадающие до пояса,¹⁵⁶ в чем нельзя не видеть прямой параллели кара-депинской скульптуре. На то, что этот обычай был распространен и ранее, указывает изображение людей с косами на эlamской расписной керамике времени Суз A, т. е. немногим ранее наших кара-депинских образцов.¹⁵⁷ Позднее лю-

¹⁵³ В. М. Массон. 1) Древнеземледельческие племена южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 43—44; 2) Кара-Депе у Артыка, стр. 366—368; И. Н. Хлопин. К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана. СЭ, 1960, № 5, стр. 92—101.

¹⁵⁴ G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, Paris, t. I, 1927, fig. 48, 49; t. II, 1931, fig. 366; t. IV, 1947, fig. 1004—1005; A. Parrot. 1) Acquisitions et inédits du Musée du Louvre. Syria, t. XXXIV, 1957, pl. XIII; 2) Sumer. Paris, 1960, fig. 143, 144; S. N. Kramer. History begins at Sumer. London, 1958, pl. 13.

¹⁵⁵ C. A. de Bode. On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Astarabad. Archaeologia, v. XXX, 1844, pl. XVI; M. Rostovtzeff. The sumerian treasure of Astrabab. JEA, v. VI, 1920, pp. 4—27.

¹⁵⁶ G. Contenau. Manuel... t. II, p. 677, fig. 469.

¹⁵⁷ G. Contenau. The early ceramic art. SPA, v. I, London—New York, 1938, fig. 25, b; 24, t; И. И. Мещанинов. Орнамент сузянских чаш первого стиля. ИГАИМК, т. V, І., 1927, табл. I; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, p. 39, fig. 59.

дей с горбоносым профилем, в целом крайне близких кара-депинским скульптурам, можно часто видеть на эламских печатях III тыс. до н. э.¹⁵⁸ Видимо, ко второй половине III тыс. до н. э. относится печать из Мохенджо-Даро, где изображена сцена поклонения божеству, помещенному среди ветвей дерева, причем все воспроизведенные здесь человеческие фигуры имеют длинные косы, доходящие до пояса.¹⁵⁹

Значительный интерес представляют те этнографические черты кара-депинской скульптуры, которые находят луллубейско-эламские аналогии. В этом, надо полагать, проявились те постоянные связи и взаимоконтакты, которые объединили южнотуркменистанские племена с народами, населявшими обширные просторы Иранского плато. К сожалению, в Сиалке и Гисаре были найдены лишь единичные и маловыразительные образцы терракотовой скульптуры, что пока не позволяет заполнить территориальный разрыв между Кара-Депе и областями расселения луллубеев и эламитян.

На основании всего изложенного выше по крайней мере один вывод может быть сделан с полной определенностью. Нет и не было какого-то одного «народа расписной керамики». Как археологические материалы свидетельствуют о наличии целого ряда культурных общностей в мире земледельческих племен, так и в этническом отношении эти племена представляли довольно пеструю и сложную картину, скрывающуюся за мнимым внешним единством, во многом объясняемым общностью хозяйственной базы. В южном Двуречье носителями «культуры расписной керамики» были шумеры, на севере Месопотамии — хурриты, в западном Иране — эламитяне, луллубеи и кутии, а в Белуджистане — возможно, племена дравидоидной лингвистической группы. Следует считать антиисторическими всякие попытки свести это конкретное многообразие к некоему единому знаменателю.

¹⁵⁸ L. Legrain. *Empreintes de cachets elamites*. Paris, 1921, pl. XIII, 214, 215; XIV, 221.

¹⁵⁹ E. Mackey. *Further excavations at Mohenjo-Daro, 1927—1931*, vv. I—II, New Delhi, 1938, pl. XCIX, A.

===== ЗАКЛЮЧЕНИЕ =====

Таким образом, новые археологические материалы, полученные как в Средней Азии, так и на Ближнем Востоке, позволяют поставить вопрос о некоторых общих закономерностях исторического процесса.

В X—V тыс. до н. э. в зоне, простирающейся от восточного Средиземноморья до южной кромки Каракумских песков, происходит сложение древнейших в мире земледельческо-скотоводческих культур. Экология этой зоны, характеризуемой засушливым субтропическим климатом полупустынь и пустынь и горными областями с обильными осадками и богатейшей флорой, во многом обусловила специфику обитавших здесь человеческих коллективов. Отсутствие в горах крупных стадных млекопитающих и изобилие дикорастущих злаков и фруктовых деревьев привели к развитию собирательства в весьма широких масштабах. На этой основе и произошел переход к новым формам экономики. При этом специфика экологических условий сказалась и на общем облике древнейших земледельческих культур. Это были оседлые культуры с ранним развитием искусственного орошения, с развитой глино-битной архитектурой, с богатым набором керамических изделий, от кухонных сосудов до глиняных фигурок людей и животных, изготавливавшихся с магическими целями.

Переход к новой экономике носил полицентрический характер в рамках ближневосточной ойкумены. Здесь в ряде мест на основе локальных культурных традиций складывается целый ряд оседлоzemледельческих культур, одной из которых являлась джейтунская культура на юго-западе Средней Азии (рис. 83).

Вместе с тем рост численности населения, сопровождавший переход к новым формам хозяйства, стимулировал расселение древнейших земледельческо-скотоводческих племен. За счет

этого фактора и перехода ряда племенных групп под влиянием высокоразвитых соседей от присвоящей экономики к производящему хозяйству расширяется зона оседлоземледельческой культуры. В частности, именно в результате этих процессов в IV—начале III тыс. до н. э. складываются земледельческо-скотоводческие культуры в южном Афганистане и на северо-западе Индии.

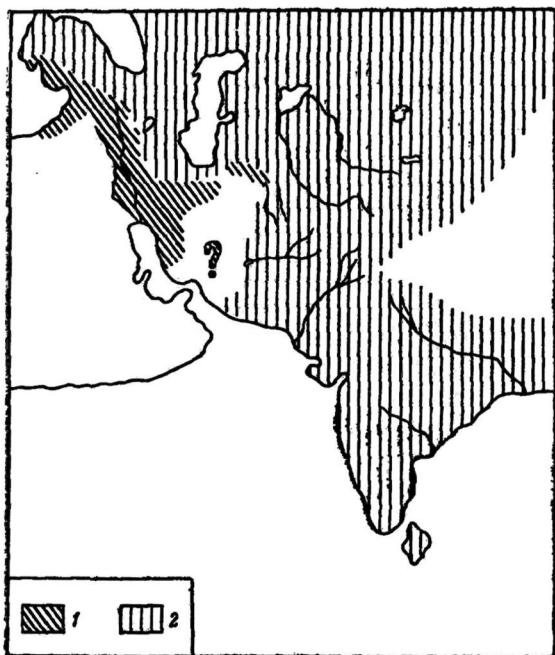

Рис. 83. Древний Восток в VII—V тыс. до н. э.

1 — оседлоземледельческая культура; 2 — охотники, рыболовы, собиратели.

Переход к земледелию и скотоводству, сложение древнейших форм производящего хозяйства было гигантским скачком в развитии производительных сил, на что указывал Ф. Энгельс. Новейшие археологические материалы полностью подтверждают это положение. Выделение земледельческо-скотоводческих племен Древнего Востока из общей массы охотников, рыболовов и собирателей, заселявших большую часть Евразии, было в тогдаших исторических условиях проявлением крупного общественного разделения труда. Граница этих двух огромных историко-культурных зон долгое время проходила по территории Средней Азии,

и здесь особенно резко выступают контрасты в развитии культуры, экономики и быта севера и юга.

Неравномерность исторического развития еще более усиливается со сложением городских цивилизаций в Шумере и Эламе, а затем и в долине Инда, что явилось закономерным этапом в развитии раннеземледельческих общин, обосновавшихся в аллювиальных долинах великих азиатских рек. Здесь плодородные почвы и влажный субтропический климат позволяли собирать огромные урожаи. Кроме того, прогресс поливного земледелия здесь неизбежно был связан с переходом к созданию сложных оросительных систем, что являлось скачком в развитии производительных сил. В результате неравномерность развития усиливается уже в пределах зоны производящего хозяйства, и в IV—II тыс. до н. э. мы имеем дело уже с тремя культурно-историческими зонами. К областям городских цивилизаций примыкают обширные территории, занятые земледельческо-скотоводческими общинами. Далее располагается зона примитивных неолитических и частично энеолитических культур, хозяйственной основой которых, как и прежде, остаются охота, рыболовство и собирательство, хотя местами складываются предпосылки к переходу к новым формам экономики. Особенно разителен контраст на территории Индостана, где племена охотников и рыболовов были современниками и соседями блестящей городской цивилизации Хараппы (рис. 84).

Хозяйственная эволюция зоны земледельческих общин про текает более медленными темпами по сравнению с Шумером и Эламом, в связи с чем более медленно происходит и процесс разложения первобытного строя. Даже в период наибольшего развития земледельческих культур Ирана, Афганистана и Средней Азии, приходящийся на вторую половину III—начало II тыс. до н. э., когда здесь зарождается монументальная архитектура и выделяются богатые племенные вожди, едва ли можно говорить о сложении раннеклассового общества. Уровень развития ближе всего напоминает урукский Шумер второй половины IV тыс. до н. э., стоящий на пороге классового общества.

Помимо подобных выводов и заключений, связанных с историей Древнего Востока и прилегающих стран, есть основание полагать, что ряд закономерностей окажется характерным и для целого ряда других обществ, развитие которых происходило в сходных условиях на основе оседлоземледельческого хозяйства. Именно в этой среде в Старом и Новом Свете мы наблюдаем раннее разложение первобытного строя и переход к раннеклассовому обществу. Изучение этих проблем имеет огромное теоретическое значение, подтверждая незыблемость одного из основных положений исторического материализма — о закономерном характере исторического процесса. При

этом ближневосточные материалы, где процесс становления производящего хозяйства изучен сравнительно четко, а периоды эволюции хозяйства, культуры и общества Двуречья весьма наглядны и выразительны, могут быть использованы в качестве своеобразного критерия. Эта огромная работа несомненно тре-

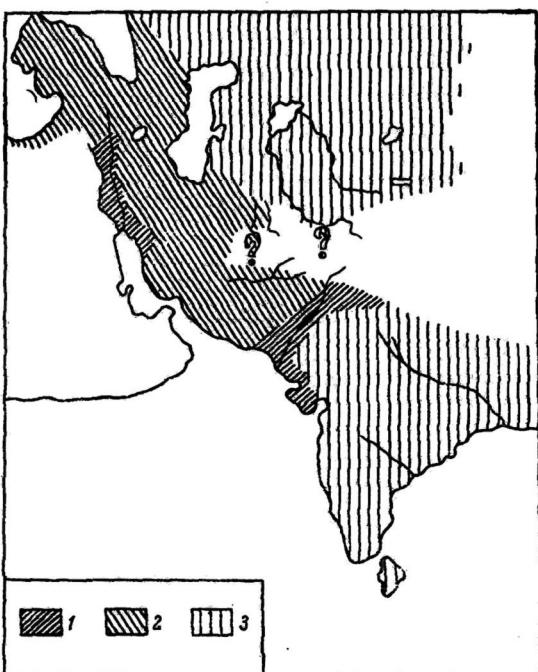

Рис. 84. Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.

1 — городская цивилизация; 2 — оседлоземледельческая культура; 3 — охотники, рыболовы, собиратели.

бует серии специальных исследований, учитывающих всю полноту накопленных материалов и их специфику в каждом отдельном случае. Откладывая подробное рассмотрение этих вопросов, отметим лишь некоторые параллели, наблюдаемые в развитии Ближнего Востока, с одной стороны, и Перу — с другой.

В Новом Свете ко времени испанского завоевания ясно выделяются три культурно-исторические зоны: раннеклассовых обществ Мексики и Перу, тяготеющих к ним земледельческих общин типа племен пуэбло и зоны присвояющего хозяйства, образующей ряд последовательных переходов к развитой агрономике соседних племен. По сути дела именно эти зоны можно было

наблюдать и на Древнем Востоке в IV—II тыс. до н. э. Значительный параллелизм можно наблюдать в эволюции культуры, основанной на производящей экономике в Перуанском районе Нового Света.¹ Так, докерамический неолит типа Уака Приета (XXV—XIII вв. до н. э.), характерный для большей части перуанского побережья, обнаруживает много общего с докерамическими комплексами Иерихона и Джармо. Как и на Древнем Востоке, ранняя ступень производящего хозяйства в Перу характеризуется сочетанием элементов нового (возделывание ряда культурных растений) и старого (охота на Древнем Востоке, рыболовство и морская охота на перуанском побережье). Небольшие полуземлянки поселений типа Уака Пресста со стенами, обложенными камнями или грубо оформленным сырцовым кирпичом, во многом близки древнейшим домам Иерихона. Сложение оседлоземледельческих культур в Перу и в Мезоамерике в III—II тыс. до н. э., противостоящих огромному массиву племен с присвоющим хозяйством, было в условиях Нового Света, как и на Ближнем Востоке VII—V тыс. до н. э., проявлением крупного общественного разделения труда.

В ходе дальнейшей эволюции оседлоземледельческой культуры Перу появляются керамика и маис (XII—VIII вв. до н. э.), после чего следует период интенсивного развития культуры на основе производящей экономики (приблизительно VIII—I вв. до н. э.; комплексы Чавин, Куписникве, Салинар, Галиньязо). Уже известны в качестве домашних животных лама, альпага и гвинейская свинья, проводятся каналы для орошения полей, воздвигаются крупные культовые постройки, свидетельствуя о зарождении монументальной архитектуры. Появляются укрепления, кованые золотые украшения и, видимо, первые медные орудия. Богатые погребения свидетельствуют об имущественной дифференциации. Этот период можно сопоставить с Убейдом южного Двуречья, когда храмы на платформах, являющиеся центрами крупных поселений, достигают все большей величины.

Наконец, мы наблюдаем в Перу расцвет местной культуры в комплексах мочика (I—VII вв. н. э.), когда ирригационное земледелие базируется на крупных каналах и акведуках, широко распространяются литые изделия из меди и золота, ступенчатая пирамида Солнца имеет 228×136 м в основании и восемнадцатиметровую высоту. Сцены, изображенные на керамике, свидетельствуют о социальной дифференциации, о выделении вождей и появлении рабов. Возможно, есть основания говорить о зачатках

---

¹ J. A. Mason. *The ancient civilization of Peru*. 1957, Edinburg—London; D. Collie r. *The Central Andes*. In: *Courses toward urban life*. New York, 1962, pp. 165—174.

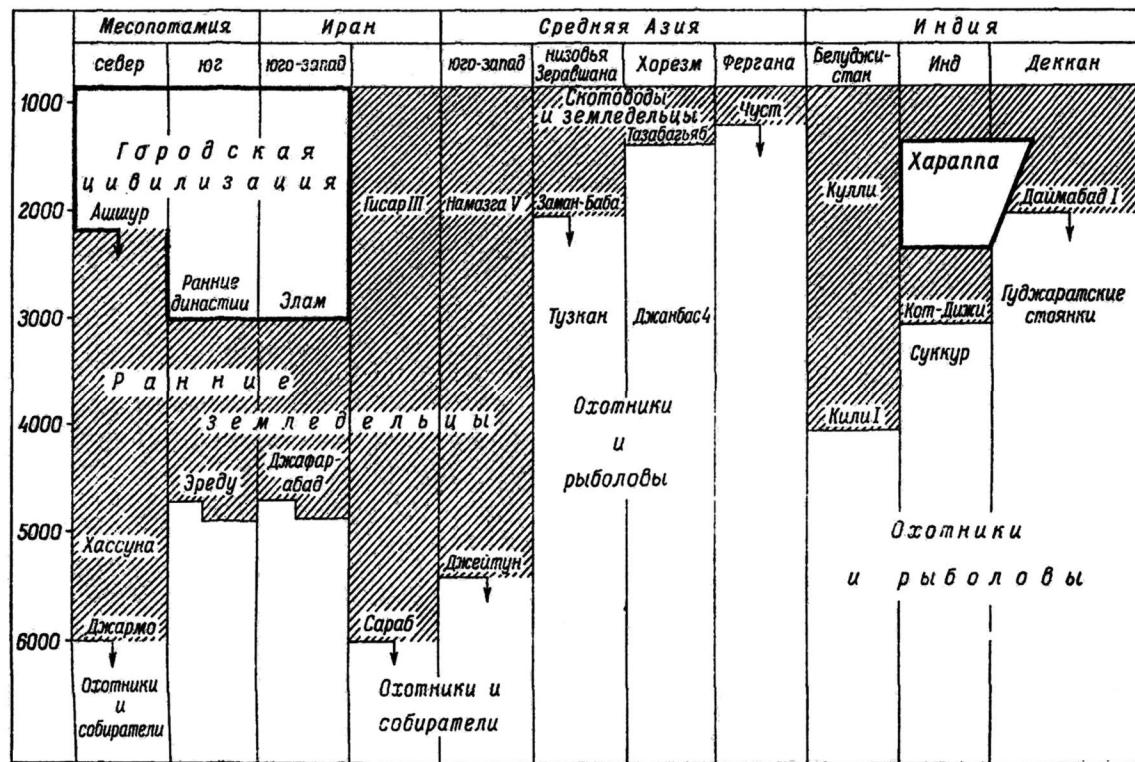

Рис. 85. Соотношение культурно-хозяйственных зон в VII—II тыс. до н. э.

письменности.² Этот период можно в значительной мере сближать с Уруком южного Двуречья, характеризуемым развитием ремесел и сложением поселений городского типа, монументальными храмами на платформах (знаменитый Белый храм Урука имел платформу размером 70×66 м и высотой 13 м) и зарождением на поздних этапах иероглифики. Несомненно правы советские исследователи, говорящие о возникновении классов в период мочика,³ хотя скорее всего это был именно процесс сложения классового общества, а не его завершение. Интересно отметить, что в это время в Перу, как и на Древнем Востоке в IV—II тыс. до н. э., наблюдается усиление неравномерности исторического развития: более отсталые земледельческие племена южного побережья Перу и северного Чили образуют как бы варварскую периферию протогородской цивилизации мочика.

Приведенных примеров достаточно, чтобы подчеркнуть всю перспективность сравнительно-исторических работ подобного плана. Свою задачу автор считал бы в значительной мере выполненной, если ему удалось в данной книге наметить некоторые пути, по которым может идти подобный анализ на конкретных материалах Средней Азии и Ближнего Востока (рис. 85). При этом совершенно ясно, что этот анализ может быть в полной мере успешным и плодотворным только при подходе к материалу с позиций исторического материализма.

² Если иметь в виду знаки на бобах, использующихся для гадания. См.: J. Mason. *The ancient civilization of Peru*, p. 73.

³ Народы Америки, полутом II. М., 1959, стр. 267; Р. В. Кинжалов. Искусство древней Америки. М., 1962, стр. 167—168.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР.
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
Изв. ТФАН СССР — Известия Туркменского филиала Академии наук СССР.
ИООН АН Тадж.ССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология.
СВ — Советское востоковедение.
СЭ — Советская этнография.
ТИИА АН Уз.ССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.
Труды ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

AI — Ancient India.
AJA — American Journal of Archeology.
ARBAE — Annual Report of the Bureau of American Ethnology of the Smithsonian Institution. Washington.
AS — Anatolian Studies.
CAEM — A. L. Perkin s. The comparative archeology of early Mesopotamia. SAOC, № 25, Chicago, 1949; ed. 2, 1957.

- CSEI — D. E. McCown. *The comparative stratigraphy of early Iran*. SAOC, № 23, Chicago, 1952; ed. 2, 1957.
- ESA — *Eurasia Septentrionales Antiqua*.
- IA — *Indian Archaeology*.
- ILN — *Illustrated London News*.
- JAOS — *Journal of American Oriental Society*.
- JEA — *Journal of Egyptian Archaeology*. London.
- JNES — *Journal of Near Eastern Studies*. Chicago.
- JRAI — *Journal of the Royal Anthropological Institute*. London.
- LAAA — *Annals of Archaeology and Anthropology*. Liverpool.
- MASI — *Memoires of the Archaeological Survey of India*. Calcutta.
- MDAFA — *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan*.
- MDP — *Mémoires de la Délégation en Perse*, vv. I—XIII, Paris, 1900—1912; *Mémoires de la Mission archéologique de Susianc*, v. XIV, Paris, 1913; *Publications de la Mission archéologique de Perse*, v. XV, Paris, 1914; *Mémoires de la Mission archéologique de Perse*, vv. XVI—XXVIII, Paris, 1921—1939; c XXIX toma — *Mémoires de la Mission archéologique en Iran*.
- OIC — *Oriental Institute Communications*. The Oriental Institute. University of Chicago.
- OIP — *Oriental Institute Publications*. The Oriental Institute. University of Chicago.
- PEQ — *Palestine Exploration Quarterly*.
- PZ — *Praehistorische Zeitschrift*.
- RA — *Révue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*.
- SAOC — *Studies in Ancient Oriental Civilization*. The Oriental Institute University of Chicago.
- SPA — *A Survey of Persian Art*.
- ZDMG — *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абу-Гош 74.
Абу-Шахрайн см. Эреду.
Аваа 221.
Адамшуль 221.
Айн-Маллаха см. Эйнан.
Айна-Депе (Геоксюр 6) 141—143,
316, 326, 419.
Ак-Депе 242.
Аккад 190, 221, 229, 230, 234, 401,
415.
Акча-Депе (Геоксюр 2) 131, 142,
318, 326, 417, 419, 422.
Алтын-Депе 148, 154, 182, 183, 281,
427.
Амри 255, 264—267, 270, 272, 273,
293, 381.
Амук (Джудейде, Тельль-Курду) 65,
67—71, 74, 89, 90, 238, 403, 405,
406, 415, 416, 418, 422.
Анау 3, 112, 114, 126, 127, 129, 131,
133, 135—137, 155, 156, 188, 195,
200, 217, 412, 416, 417, 427.
Анау I 446.
Анау IA 65, 125—127, 311, 312, 325.
Анау IB 65, 125.
Анау II 65, 125.
андроновская культура 184, 185.
Аннубанини 228—230.
Аичан 221.
Антелиус 115.
Аратта 223.
Арвиум 374.
Арпачия 52, 196, 331, 366—368,
399, 404, 411, 412, 414, 416, 420,
421, 423.
Аррапха 334, 348.
Асиаб 192.
Ассирия 102.
Астрabadский клад 245.
- Багуз 54, 62, 365.
Бадхур (Тепе Бадхур) 227.
Бактрия 186, 187.
Бела-Ишем 9, 174.
Бами, поселение у 19.
Бандхли 264.
Берадост 102, 103, 106.
Берда-Балка 102.
Батаки 227.
Бахал 275, 276, 301.
Бейда 97.
Белдиби 93.
Беллари 276.
Бемпур 224—226.
Бендебаль (Сузиана d) 191, 199, 200,
209, 377.
Беурме 127.
Беш-Булак 180.
Библ 66, 67, 69, 91, 120.
Бирбханпур 254, 300.
Бисутун 102, 392.
Бухаллан 200.
Вавилония 102, 401.
Вади-Фалла 74, 100.
Гавра (Тепе Гавра) 217, 331, 333,
363, 369, 404, 411—414, 416—
421.
Гази-Шах 264.
Галинъязо 454.
Гара-Депе 156.
Гари-Камарбанд 14—17, 19, 24, 191.
Гассул 84.
Гей-Тепе 240.
Гей-Тепе K 235, 240.
Гей-Тепе M 191, 217, 238, 239.
Гей-Тепе N 217, 423.
Геоксюр 58, 112, 130, 137, 138, 146,

- 156, 164—166, 213, 280, 281, 290,
 322, 326, 327, 338, 339, 342, 344,
 347—350, 355, 362, 412, 418,
 420, 426, 433, 442, 443.
Геоксюр 1 140, 142, 150—154, 166,
 318—320, 324, 326, 417, 424.
Геоксюр 2 см. Акча-Депе.
Геоксюр 3 см. Ялангчач-Депе.
Геоксюр 4 см. Муллали-Депе.
Геоксюр 5 см. Чонг-Депе.
Геоксюр 6 см. Айна-Депе.
Геоксюр 7 142, 318, 319, 326, 417,
 419, 423.
Геоксюр 9 142, 147, 318, 325, 419.
Геоксюрский оазис 140—143, 148,
 150, 151, 153, 154, 160, 165, 167,
 197, 202, 311, 312, 314, 316, 318—
 320, 322, 325, 400, 417, 418, 421—
 424, 427.
Гильгамеш 233.
Гирайран 227.
Гирд-Чай 105.
Гиркания 183, 187.
Гисар (Тепе Гисар) 160, 181, 188,
 204, 217, 234, 235, 241—244, 262,
 266, 267, 284, 285, 376, 412,
 417, 434, 436, 437, 439, 442, 447,
 449.
Гисар I 191, 428, 442.
Гисар III 190, 242, 244, 280, 282.
 гиссарская культура 181.
Гиян (Тепе Гиян) 188, 191, 198, 202,
 226, 230, 394, 446, 447.
Гиян III 227.
Гиян IV 224, 226, 227, 230.
Гиян V 65, 198, 201, 217, 226, 376.
Грай-Реш 411.
Гудеа 371, 372.
Гяур 1 173, 174.
Дабар-Кот 262, 287, 288, 295.
Даймабад 275, 276, 301.
Дам-Дам-Чешме 14.
Дамб-Бутхя 264.
Дамин 224.
Дарваза-Кыр 181.
Дышлы-Депе 127, 128, 130.
Дашлыджи-Депе 22, 26, 131, 133—
 135, 141, 194, 310—312, 314, 329,
 338, 418.
Дербенди-Гяур 229.
Джабруд 93.
Джалахалли 253.
Джанбас 4 172, 176, 177.
Джанбас 5 172.
Джанбас 11 172.
Джанбас 12 172.
Джармо 33, 41, 44—51, 55, 56, 61—
- 63, 65, 67, 69, 79, 80, 83, 86—90,
 92, 107, 108, 112, 113, 115, 125,
 126, 191—193, 196, 248, 258, 266,
 305, 306, 365, 407, 454.
Джафараабад (Сузиана а) 64, 65,
 191, 199, 208, 377.
Джебел 14, 16, 18, 19, 107, 168—
 170, 176, 178, 179, 184, 191.
Джейтун 19—28, 30—33, 34, 37,
 38, 42—44, 47, 48, 50, 55, 56, 60,
 63, 65, 67, 69, 76, 79, 82, 83, 86—
 89, 95, 97, 107—110, 127, 129—
 131, 133, 135, 136, 147, 174, 176,
 178, 248, 258, 305, 308—311,
 323, 326—329, 345, 360, 388,
 393, 396, 415, 424.
Джемдет-Наср 190, 231, 269, 370,
 372, 392.
Джемшиди (Тепе Джемшиди) 227.
Джови (Сузиана б, с) 64, 191, 199,
 200, 209, 377.
Джорве 301, 388.
Джудейде см. Амук.
Джхукар 293, 296, 297, 383.
Дингильдже 6, 174, 179.
Дравидоиды 449.
Думмузи 233.

Египет 8.
Зави-Чеми-Шанидар 105—107, 115.
Заман-Баба 185, 442.
Зарая 103—105.
Зукакипум 374.
Зхоб 284, 286, 288—289, 293.
Иерихон (Телль-Эс-Султан) 27, 40,
 55, 72—76, 79, 81, 83, 84, 88—92,
 97—101, 119, 327, 343, 388, 421,
 454.
Илгыныл-Депе 130, 133, 138, 140,
 148, 427.
Имдугуд 371.
индоиранцы 449.
Инишупинак 221.
Исмаилабад 203.

Кават 5 174.
Кайлю 14, 15, 170.
Калан-Духтар 194.
Калати-Гирд 279.
Калибанган 274.
Калумум 374.
Кани-Сур 46, 108.
Кара-Депе 32, 127, 129, 130, 132,
 133, 137—139, 147—149, 151,
 154—157, 160, 161, 163—166, 194,
 195, 281, 320, 322—339, 342—

- 344, 347—350, 352, 354, 355, 357,
 363, 364, 389, 390, 412, 424, 426,
 427, 430, 433, 442, 443, 447—449.
Карим-Шахир 105—108, 192.
Карк-Камар 12, 182.
Кархемиш 421.
 касции 445.
 касситы 401, 439, 445.
Каундай 262, 287.
Каушут, поселение у 126.
Кветта 246, 256, 267, 277, 284—288,
 298.
Кебара 93, 94, 96, 97.
Кельтеминар 172—174, 176—181,
 184, 268.
Келята, поселение у ст. 19.
Кеши-Бег 261, 267.
Кили I 256, 258.
Кили II 258.
Кили III 261.
Кили IV 261.
Кили-Гул-Мохаммед 256, 258.
Киш 221.
Коври-Хан 108.
Козагаран 200.
Кокча 3 185.
Коломийціна 1 339.
Кот-Дижи 250, 265, 266, 272, 273.
Куба-Сенгир 170.
Кугувек 22, 173, 174.
Күй-Бульєн 181.
Кулин-Тепе 186.
Күлкү 226, 289—293, 381, 389.
Күнік 5 177.
Күпісникве 454.
Курангун 223.
 куро-арахсийский энеолит 237, 238,
 240, 423.
Күтии 230, 232, 401, 439, 449.
Кюль-Тепе 237—240.

Лангхнадж 250.
Лиян см. Ришахр.
Лотал 273, 274.
Лохри 264.
Лугальбанды 233, 234.
Лука-Брублевецкая 34, 96, 399.
Луллубей 229, 230, 446, 449.
Лявлякан 180.

Мазандеран 191.
Майкоп, курган 237.
Маламир 418.
Малефаат (Телль-Малефаат) 105, 106,
 421.
Маргиана 183, 187.
Марса 194.
Маттарра 52, 55, 60—62, 89, 90, 365.

Мачай 12.
Махешвар 304.
Меза-Верде 355, 402.
Мерсин (Юмук-Тепе) 65, 67, 69—
 71, 89, 91, 403, 406, 407, 415.
Месопотамия 2, 65, 66, 70, 217, 229,
 237, 238, 259, 271, 273, 277, 282,
 294, 373, 374, 379, 389, 393, 404,
 406—408, 411—416, 420—422, 433,
 436, 440, 444, 446, 449.
Мехи 291.
Мирзапур 253.
Могуль-Гхундай 262, 287, 288.
Мохенджо-Даро 225, 246, 268, 270,
 279, 290, 296, 383, 384, 442, 449.
Мочика 454, 456.
Мугарет-эль-Вад см. Эль-Вад.
Муллали-Депе (Геоксюр 4) 114, 141,
 143, 145, 147, 153, 167, 182, 313,
 314, 316, 318, 324, 325, 339, 417,
 419, 422.
Мунджуклы-Депе 19, 126, 312.
Мундигак 246, 259, 261, 267, 280,
 282—284, 290, 296, 338, 339, 381,
 439.
Муртазегирд 230.
Мусиян 209, 220, 273, 412.

Навда-Толи 247, 301.
Накши-Рустем 223.
Нал (Сохр-Дамб) 264, 288, 289—291,
 293, 381, 389.
Намазга I 22, 83, 84, 86, 127, 129—
 136, 138, 139, 145, 155, 194, 311,
 312, 325, 354, 360, 388.
Намазга II 125, 137, 139, 143, 147,
 148, 154—156, 161, 177, 312, 316,
 320, 324, 325, 360, 362, 364, 417,
 418, 424, 427, 428, 430, 431, 442.
Намазга III 148, 154, 156, 161, 165,
 280, 322, 324, 325, 351, 356, 360,
 389, 393, 424, 426—428, 430, 431,
 433, 437, 442.
Намазга IV 154, 183, 242, 360, 437,
 447.
Намазга V 154, 183, 226, 279, 324,
 364.
Намазга VI 226, 361.
Намазга-Депе 127, 129, 130, 132,
 133, 137—139, 147, 148, 155, 156,
 165, 182, 183, 244, 281, 284, 362,
 364, 427.
Нарамсиин 221, 229, 448.
Натуф 74, 75, 93—102, 104, 105, 107.
Неваса 301.
Нингирск 371.
Ниневия 52, 62, 68, 70, 120, 369, 373,
 416.

- Ниневия 5 439.
 Ниппур 63.
 Ниса 19, 21.
 Новослободская 237.
 Нузы 411.
 Нундара 289—291, 381, 389.

 Овадан-Депе 127.
 Орта-Кую 173.

 Падир 229.
 Палегавра 103, 104, 106, 108, 115.
 Панди-Вах 264.
 Парфия 183, 187.
 Першано-Гхундай 262, 263, 287, 288, 298.
 Пиклихали 276.
 Пишдели-Тепе 191, 217, 422, 423.
 Пишке-Кую 173.
 Пузур-Иншушинак 221, 223.

 Рагиана 194.
 Рамруд 279.
 Рана-Гхундай 258, 259, 262—264, 266, 267, 287, 298, 380, 437.
 Рангпур 253, 274.
 Рас-Шамра (Угарит) 65, 69, 74, 91, 120, 406, 407, 415.
 Рас-эль-Амийя 410.
 Римуш 224.
 Рипшар (Лиян) 223.
 Роджди 274.
 Ручар 273, 274.

 Садаат I 261, 437.
 Садаат II 285.
 Садаат III 285.
 Сайд-Кала 250.
 Саксаульская 184.
 Сакче-Гези 65, 406.
 Саливар 454.
 Самарканд 12.
 Самарра 45, 54, 61—64, 365, 377, 389, 403, 404, 408, 409, 412.
 Санганакаллу 276.
 Сараб (Тепе Сараб) 41, 84, 192, 196, 197.
 Саргон 221, 229, 232.
 Сари-Пуль 229, 230, 244.
 Серахское поселение 130, 427.
 Сиалк (Тепе Сиалк) 20, 40—42, 44, 64, 81, 84, 87, 95, 110, 160, 188, 192, 194, 195, 197, 199, 200, 209, 214, 218, 231, 234, 258, 266, 288, 364, 371, 375, 376, 379, 412, 416, 432, 434, 436, 442, 443, 446, 447, 449.
 Сиалк I 65, 84—88, 92, 110, 126, 191, 193, 195, 197, 198, 374, 388, 417, 430, 443.
 Сиалк II 191, 194—198, 370, 374, 375, 389, 418, 443.
 Сиалк III 191, 194, 196, 208, 214, 231, 232, 242, 375, 376, 389, 428, 434, 443.
 Сиалк IV 190, 231, 232, 234, 376, 434, 443.
 Сидары 222.
 Симаш 221.
 сиро-киликийский неолит 40, 62, 65—67, 69—71, 80, 81, 84, 88—92, 112, 117, 119, 237, 369, 388, 403—408, 415, 416, 420, 422, 430.
 Согд 186, 187.
 Сохр-Дамб см. Нал.
 Су-Бир см. Субарту.
 субарейцы см. хурриты.
 Субарту см. Су-Бир, 445.
 Сузиана 199, 202, 203, 209, 211, 216, 218, 224, 353, 354, 377, 393.
 Сузиана a см. Джрафабад.
 Сузиана b, c, см. Джови.
 Сузиана d см. Бенедаль.
 Сузы (Шушен) 64, 191, 199, 200, 209, 211, 214, 217, 218, 220, 221, 225, 231, 267, 353, 412, 431, 433, 445, 448.
 Сузы A (Сузы I) 64, 188, 208—211, 214, 216, 273, 353, 377, 379, 389.
 Сузы B 210, 211, 379.
 Сузы C 211.
 Сузы D (Сузы II) 210, 211, 231.
 Сузы I см. Сузы A.
 Сузы II см. Сузы D.
 Суккур 254, 255, 268.
 Суктаген-Дор 292, 295.
 Сур-Джантал 262, 287, 288, 298.
 Суярган 184.

 Таббат-эль-Хаммам 66, 69.
 Таджи-Казган 6 174.
 Тазабагъяб 184, 185.
 Таксила 255.
 Тали-Бакун 40, 189, 191, 193, 200—203, 212, 214, 216, 218, 225, 226, 267, 337, 338, 353, 379, 389, 394, 431, 432, 445.
 Тали-Гап 201, 212, 216.
 Тали-Джари 201.
 Тали-Иблис 201, 226.
 Тали-Кафтари 216, 224.
 Тали-Мушки 201.
 Тали-Пир 212.
 Тали-Риги-Мадаван 201, 215.
 Тали-Саиги-Сиах 201.
 Танги-Пабда 41, 203.

- Ташай-Султан-Мирк 224.
 Тардунни 230.
 Тарс 65, 67.
 Тахун 90, 101.
 Телло 369, 410, 426.
 Тель-Байар 52.
 Толль-Курду см. Амук.
 Телль-Малефаат см. Малефаат.
 Телль-Урайр 369, 392.
 Телль-Халаф см. Халаф.
 Телль-Шамшара 46, 50.
 Телль-Эс-Султан см. Иерихон.
 Телль-эн-Шейх 406.
 Тепе Бадхур см. Бадхур.
 Тепе Гавра см. Гавра.
 Тепе Гисар см. Гисар.
 Тепе Гиян см. Гиян.
 Тепе Джемшидт см. Джемшидт.
 Тепе Сараб см. Сараб.
 Тепе Сиалк см. Сиалк.
 Тепе Ченчи см. Ченчи.
 Тепеч-Гозюн 181.
 Тери (Тинсвэлли) 254.
 Тешик-Таш 11, 361, 387, 393.
 Тильки-Тепе (Шамирамальти) 238, 239.
 Тилкин-Депе 127, 137, 391.
 Тинсвэлли см. Тери.
 Тоголок-Депе 127.
 Тор-Дхерай 288.
 Триполье 34, 96, 339.
 Трипури 301.
 Тром 240.
 Туласпид 223.
 Тумпли-Сурх 224.
 Туркака 108.
 Тюренг-Тепе 241, 243, 244.

 Уака-Приета 454.
 Убейд (Эль-Убайд) 63, 161, 196, 217, 273, 331, 335, 367—369, 373, 379, 392, 407—416, 418, 420—424, 426, 436, 443, 446, 454.
 Угарит см. Рас-Шамра.
 Ур 196, 221, 232, 235, 236, 273, 370, 373, 410, 412, 426.
 Урук 63, 233, 369—372, 392, 409, 410, 412, 413, 415, 424, 426, 427, 435, 456.

 Фаюм 102, 114.

 Хаджи-Мухаммед 63.
 Хаджилар 70, 71, 91, 237, 328, 345, 403.
 Хазар-Мерд 102.
 Халаф (Телль-Халаф) 45, 54, 55, 66, 67, 90, 196, 238, 355, 360, 365—
- 367, 369, 389, 393, 404—410, 412, 415, 416, 420, 421, 423, 426, 446, 447.
 Хама 66, 406, 415.
 Хапуз-Депе 154.
 Хараба-Кара-Чивар 46.
 Хараппа 112, 225, 226, 246, 248—250, 253, 255, 263—265, 269—277, 279, 282, 286, 288, 290, 292, 295, 296, 298, 300, 302, 329, 331, 381, 383, 384, 452, 445.
 Хассуна 20, 33, 40, 50—52, 54—70, 84, 86, 87, 89, 90, 92, 117, 258, 273, 329, 331, 334, 360, 365, 388, 403, 404, 409, 411, 414, 421, 422, 444, 446.
 Хатыб I 173.
 Хафадже 371.
 Хельван 93.
 Ходжи-Гор 11, 389, 404.
 Хора-Намык 46, 108.
 Хорезм 171, 179,—181, 184—187, 439, 440.
 Хорсабад 52.
 Хоту 14, 17.
 Хоккам, 350.
 Хураб 225, 227, 243.
 Хурриты (субарейцы) 232, 238, 446, 449.
 Хуррум 234.

 Чавин 454.
 Чагалы-Депе 19.
 Чанху-Даро 246, 383.
 Чарышлы I 173, 174.
 Чатал-Гуюк 66—69, 328, 329.
 Чауро 264.
 Ченчи (Тепе Ченчи) 52.
 Чешме-Али 40, 194, 234.
 Чига-Бала 227.
 Чига-Кабут 227.
 Чига-Пахан 198, 227.
 Чига-Сабз 227.
 Чонг-Депе (Гекрюр 5) 153, 154, 166, 324, 326, 424, 426.
 Чопан-Депе 19—22, 24—27, 33, 86, 137.
 чустская культура 186, 442.

 Шагир-Базар 54, 406, 412.
 Шамаш 372.
 Шамирамальти см. Тильки-Тепе.
 Шандар 102—104, 106.
 Шаркалишарри 230.
 Шах-Тепе 170, 179, 189, 241—244.
 Шах-Хусейни 224.
 Шахи-Тумй 226, 292, 293, 298.
 Шахри-Сохте 279, 280.

- Шири-Шайне 417.
Шор-Депе 324.
Шумер 63—65, 102, 119, 161, 210,
211, 218, 220—223, 232, 233, 241,
244, 258, 269, 272, 277, 284, 292,
294, 309, 333—335, 348, 370—
374, 379, 393, 400, 407—410, 415,
420, 434, 435, 442—445, 447, 448,
452.
шумеры 443, 444, 449.
Шурушак 232.
Шушен см. Сузы.

Эа (Эники) 372, 392.
Эйнан (Айн-Маллаха) 96, 98, 99,
101, 421.
Экип-Депе 127.
Элам 4, 64, 65, 119, 188, 191, 208,
210, 211, 216, 218, 220—227, 229,
232, 234, 235, 241, 244, 273, 277,
284, 292, 294, 360, 376, 379, 409,
410, 412, 414, 430, 434, 435, 444,
445, 447, 449, 452.
эламитяне 449.
Эль-Вад (Мугарет-эль-Вад) 94—97,
99, 100.
Эль-Убейд см. Убайд.
Эль-Хиам 101.
Эники см. Эа.
Эимеркар 233.
Эреду (Абу-Шахрайн) 63, 64, 119,
273, 335, 369, 372, 373, 377, 408—
410, 412—415, 420, 433.

Юмук-Тепе см. Мерсин.
- Яз-Депе 296.
Ялангач-Депе (Геоксюр 3) 131, 139—
141, 144, 147, 182, 235, 313, 314,
316, 318, 324, 325, 339, 391, 417,
419, 422, 424, 362.
Ярты-Гумбез 19.
Ясы-Депе 127—129, 131, 312, 418.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Постановка проблемы. Три периода в истории Средней Азии и Древнего Востока. Литература по истории раннеземледельческих племен.	
Часть I. Образование раннеземледельческих культур	
Глава 1. Древнейшие земледельцы Средней Азии	11
Верхний палеолит Средней Азии. Примаспийская мезолитическая культура. Памятники джейтуинской культуры. Архаические и прогрессивные элементы в Джейтуне. Тип домов. Керамика.	
Глава 2. Раннеземледельческие культуры Передней Азии . . .	39
Древнейшие земледельцы Ирана. Памятники типа Джармо в северном Ираке. Поселения хассуинской культуры. Раскопки Хассуны и Маттарра. Проблема освоения земледельцами южной Месопотамии и Элама. Неолит Сиро-Киликии. Хаджилар. Докерамический неолит Иерихона — древнейшая земледельческая культура Палестины.	
Глава 3. Проблема происхождения земледельческих культур . . .	82
Некоторые закономерности развития раннеземледельческих племен. Сравнительный анализ археологических комплексов. Восхождение раннеземледельческих культур к различным культурным традициям. Натуфийская культура охотников и собирателей. Охотники и собиратели северного Ирака. Джейтуинская культура и мезолит Прикаспия. Палеоботанические и палеозоологические материалы. Полицентрический характер сложения раннеземледельческих культур Передней Азии.	
Часть II. Расцвет „культур расписной керамики“	
Глава 1. Средняя Азия в эпоху энеолита.	123
Две историко-культурные зоны Средней Азии в V—III тыс. до н. э. Земледельческие общины на юго-западе	

страны. Период однокомнатных домов. Раннеэнеолитические поселения. Памятники ялангачского типа. Период больших домов. Геоксюрские поселения. Раскопки Кара-Депе. Неолит севера. Прикаспийские племена. Кельтеминварские охотники и рыболовы. Гисарская культура западного Таджикистана. Основные черты развития Средней Азии в бронзовом веке.

Г л а в а 2. Иран в V—III тыс. до н. э. 188

Периодизация истории Ирана V—III тыс. до н. э. Раннеэнеолитические общины центрального Ирана и западного Загроса. Ранний энеолит Хузистана и Шираза. Период развитого энеолита в центральном Иране. Подъем Сузианы. Комплекс Тали-Бакун А. Раннее земледельцы приурмийского района. Раннеклассовое общество Элама. Племена Бемпуря и Мекрана. Луллубей и кутии. Сиалк IV — эламская фактория. Приурмийская культура. Разложение первобытнообщинного строя в северо-восточном Иране (Гисар III, Шах-Тепе).

Г л а в а 3. Раннеземледельческие общины Афганистана и Индии 246

Позднее появление земледельческой культуры. Мезолитические охотники и рыболовы Индостана. Дохарапский период. Первые земледельцы в Белуджистане и на юге Афганистана. Начало освоения долины Инда. Хараппский период. Городская цивилизация Хараппы. Вопрос о ее происхождении. Расселение хараппских племен на северо-восток и юг. Зарождение скотоводства и земледелия в центральной Индии. Раннеземледельческие племена Афганистана (сисстанская и кандагарская группы) и Белуджистана (комплексы Кветты, Эхоба, Нала-Нундара, Кулли). Послехараппский период. Сложение культуры оседлых земледельцев и скотоводов в центральной Индии.

Г л а в а 4. Эволюция жилых домов и проблема общественного развития 303

Значение изучения древних жилищ. Однокомнатные дома среднесирийских земледельцев. Появление многокомнатных домов. Сложение большесемейной общины. Дома докерамического Иерихона. Поселения южной Турции. Эволюция жилых строений в Хассуне. Большесемейная община в Месопотамии. Многокомнатные дома Ирана и Афганистана. Проблемы эволюции большесемейной общины.

Г л а в а 5. Изображения животных на расписной керамике 351

Изображения животных на расписной керамике Средней Азии. Семантика орнаментов на керамике и тотемизм. Изображение животных в древних культурах Месопотамии. Животные на расписной керамике Ирана, Афганистана и Индии. Печати Хараппы. Эволюция тотемических представлений и тотемизм у раннеземледельческих племен.

Г л а в а 6. Переселения раннеземледельческих племен 395

Характер миграций раннеземледельческих племен. Халфское влияние в Сирии. Убейдская культура и ее распро-

странение. Отголоски убейдских влияний в Средней Азии.
Круглые дома и их эволюция. Кара-Депе и культура Сика-
лка—Гисара. Геоксюрский крест. Среднеазиатско-иран-
ские влияния в Афганистане и Белуджистане. Проблема
этнической принадлежности раннеземледельческих племен
Ирана, Средней Азии и Индии.

Заключение	450
Некоторые закономерности истории раннеземледель- ческих племен Месопотамии и Перу.	
Список сокращений	457
Указатель археологических памятников, культур и древних собствен- ных имён	459

Вадим Михайлович Массон
СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

*

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства М. А. Сосницкая
Художник В. В. Грибакин*

Технический редактор А. В. Смирнова

Корректоры: Ж. Д. Понкратова, В. А. Пузиков и Г. И. Шер

Сдано в набор 10/III 1984 г. Подписано к печати
20/VI 1984 г. РИСО АН СССР № 105-139В. Формат
бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$. Бум. л. 14 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 29 $\frac{1}{4}$ = 29 $\frac{1}{4}$ усл.-
печ. л. + 6 вкл. Уч.-изд. л. 30.97 + 6 вкл. (0.88). Изд.
№ 2185. Тип. зак. № 652. М-23223. Тираж 1600. ТП 1984 г.
№ 111.

Цена 2 р. 16 к.

*Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-184, Менделеевская лин., д. 1*

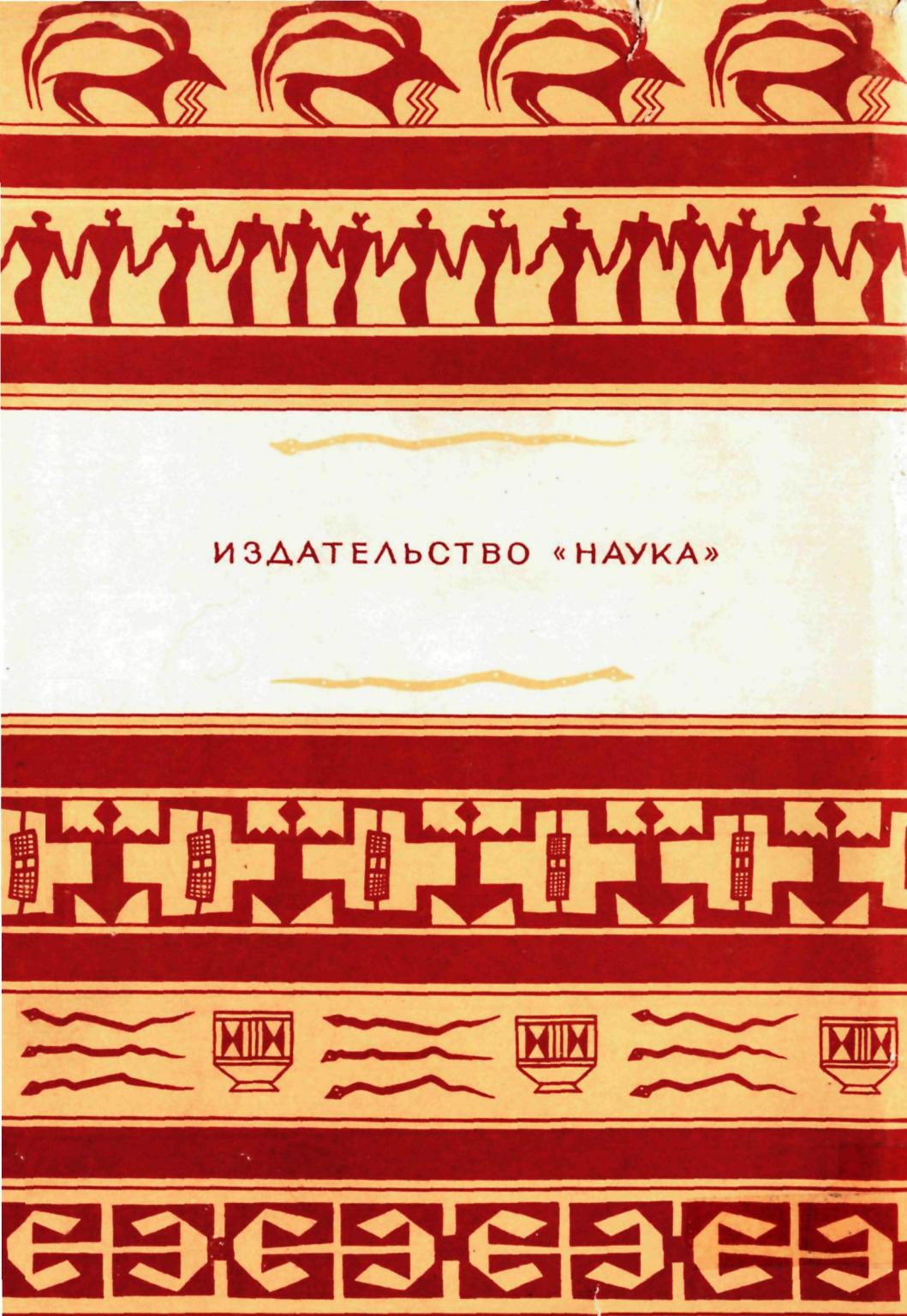
*1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
34	2 снизу	t	at
46	25 сверху	около	треть
137	6 »	позднего	раннего
138	13 снизу	и	у
166	19 »	местных	диких
214	2 »	1923 г.	1932 г.
388	3 »	Читал—Гуюке.	Чатал—Гуюке.
406	14 »	Carstang	Garstang
458	2 сверху	1952	1942
459	Правый стлб. 4 сверху	Бела-Ишем	Бала-Ишем
459	Правый стлб. 7 сверху	Берадост	Барадост
459	Правый стлб. 8 сверху	Берда-Балка	Барда-Балка
461	Левый стлб. 5 сверху	Карк-Камар	Кара-Камар
461	Правый стлб. 3 снизу	Нингирск	Нингирсу
464	Левый стлб. 6 снизу	Экип-Депе	Экин-Депе

В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»